

Том 29. № 3

2024



ВЕСТНИК

ВОЛГОГРАДСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО
УНИВЕРСИТЕТА

Серия 4

ИСТОРИЯ. РЕГИОНОВЕДЕНИЕ.
МЕЖДУНАРОДНЫЕ ОТНОШЕНИЯ

Тема номера: / Topic of the issue:

«Войны и конфликты мировой истории»

Wars and Conflicts of World History

SCIENCE JOURNAL

OF VOLGOGRAD STATE UNIVERSITY

HISTORY. AREA STUDIES.
INTERNATIONAL RELATIONS

Volume 29. No. 3

2024



Founder:

Federal State Autonomous
Educational Institution
of Higher Education
“Volgograd State University”

The journal is registered by the Federal Service for Supervision of Communications, Information Technology and Mass Media (Registration Number **ПН № ФС77-78162** of March 13, 2020)

The journal is included into “**The Index of Peer-Reviewed Academic Journals and Publications That Must Publish the Main Academic Results of Candidate’s Degree Theses and Doctoral Degree Theses**” that came in force on December 1, 2015

The journal is included into the **Web of Science Core Collection (Emerging Sources Citation Index)** and **Scopus**



The journal is also included into the following Russian and international databases: **Russian Science Citation Index** (RSCI, Web of Science), **eLIBRARY.RU** (Russia), **CrossRef** (USA), **DOAJ** (Sweden), **Google Scholar** (USA), **JournalSeek** (USA), **MIAR** (Spain), **OCLC WorldCat®** (USA), **ProQuest** (USA), **Research Bible** (Japan), **ROAD** (France), **SHERPA/RoMEO** (Spain), **SSOAR** (Germany), **ULRICHS-WEB™** **Global Serials Directory** (USA), **Western Theological Seminary** (Holland), **ZDB** (Germany), **CyberLeninka** (Russia), etc.

Editors, Proofreaders: *S.A. Astakhova, N.M. Vishnyakova, M.V. Gayval, Yu.I. Nedelkina, I.V. Smetanina*

Editor of English texts is *D.A. Novak*

Making up and technical editing by *E.S. Reshetnikova*

Passed for printing on May 21, 2024.

Date of publication: July 18, 2024. Format 60×84/8.

Offset paper. Typeface Times.

Conventional printed sheets 24.1. Published pages 25.9.

Number of copies 500 (1st printing 1–31 copies). Order 50. «С» 14.

Open price

Address of the Editorial Office and the Publisher:

Prosp. Universitetsky, 100, 400062 Volgograd.

Volgograd State University.

Tel.: (8442) 40-55-22. Fax: (8442) 46-18-48

E-mail: vestnik4@volsu.ru

Journal website: <https://hfir.jvolsu.com>

English version of the website:

<https://hfir.jvolsu.com/index.php/en/>

Address of the Printing House:

Bogdanova St, 32, 400062 Volgograd.

Postal Address:

Prosp. Universitetsky, 100, 400062 Volgograd.

Publishing House of Volgograd State University.

E-mail: izvolgu@volsu.ru

Учредитель:

Федеральное государственное автономное
образовательное учреждение
высшего образования

«Волгоградский государственный университет»

Журнал зарегистрирован в Федеральной службе по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (регистрационный номер **ПН № ФС77-78162** от 13 марта 2020 г.)

Журнал включен в «**Перечень рецензируемых научных изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук**», вступивший в силу с 01.12.2015 г.

Журнал включен в базы **Web of Science Core Collection (Emerging Sources Citation Index)** и **Scopus**

Журнал также включен в следующие российские и международные базы данных: **Russian Science Citation Index** (RSCI, Web of Science), **Российский индекс научного цитирования (РИНЦ)**, **CrossRef** (США), **DOAJ** (Швеция), **Google Scholar** (США), **JournalSeek** (США), **MIAR** (Испания), **OCLC WorldCat®** (США), **ProQuest** (США), **Research Bible** (Япония), **ROAD** (Франция), **SHERPA/RoMEO** (Испания), **SSOAR** (Германия), **ULRICHS-WEB™** **Global Serials Directory** (США), **Western Theological Seminary** (Голландия), **ZDB** (Германия), **КиберЛенинка** (Россия) и др.

Редакторы, корректоры: *С.А. Астахова, Н.М. Вишнякова, М.В. Гайваль, Ю.И. Неделькина, И.В. Сметанина*

Редактор английских текстов *Д.А. Новак*

Верстка и техническое редактирование *Е.С. Решетниковой*

Подписано в печать 21.05.2024 г.

Дата выхода в свет: 18.07.2024 г. Формат 60×84/8.

Бумага офсетная. Гарнитура Таймс.

Усл. печ. л. 24,1. Уч.-изд. л. 25,9.

Тираж 500 экз. (1-й завод 1–31 экз.). Заказ 50. «С» 14.

Свободная цена

Адрес редакции и издателя:

400062 г. Волгоград, просп. Университетский, 100.

Волгоградский государственный университет.

Тел.: (8442) 40-55-22. Факс: (8442) 46-18-48

E-mail: vestnik4@volsu.ru

Сайт журнала: <https://hfir.jvolsu.com>

Англояз. сайт: <https://hfir.jvolsu.com/index.php/en/>

Адрес типографии:

400062 г. Волгоград, ул. Богданова, 32.

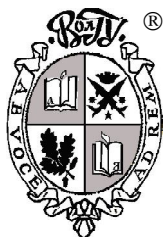
Почтовый адрес:

400062 г. Волгоград, просп. Университетский, 100.

Издательство Волгоградского государственного университета.

E-mail: izvolgu@volsu.ru

ISSN 1998-9938 (Print)
ISSN 2312-8704 (Online)



МИНИСТЕРСТВО НАУКИ И ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ
РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

ВЕСТНИК

ВОЛГОГРАДСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА

Серия 4

ИСТОРИЯ. РЕГИОНОВЕДЕНИЕ.
МЕЖДУНАРОДНЫЕ ОТНОШЕНИЯ

2024

Том 29. № 3

MINISTRY OF SCIENCE AND HIGHER EDUCATION
OF THE RUSSIAN FEDERATION

SCIENCE JOURNAL

OF VOLGOGRAD STATE UNIVERSITY

HISTORY. AREA STUDIES.
INTERNATIONAL RELATIONS

2024

Volume 29. No. 3



SCIENCE JOURNAL OF VOLGOGRAD STATE UNIVERSITY
HISTORY. AREA STUDIES. INTERNATIONAL RELATIONS

2024. Vol. 29. No. 3

Academic Periodical

Since 1996

6 issues a year

Topic of the issue: “Wars and Conflicts of World History”

Editorial Staff:

Dr. Sc., Prof. *I.O. Tyumentsev* – Chief Editor (Volgograd);
Cand. Sc., Director of the Publishing House
V.A. Gorelkin – Deputy Chief Editor (Volgograd);
Cand. Sc., Assoc. Prof. *O.V. Kuznetsov* – Deputy Chief
Editor (Volgograd);
Cand. Sc., Assoc. Prof. *N.V. Rybalko* – Associate Editor
(Volgograd);
Cand. Sc., Assoc. Prof. *E.V. Arkhipova* (Volgograd);
Asst. *A.S. Smirnov* – Assistant Editor (Volgograd);
Senior Lecturer *P.I. Lysikov* – Assistant Editor of the
Byzantine Thematic Issue (Volgograd);
Cand. Sc. *T.A. Bazarova* (Saint Petersburg);
Dr. Sc., Assoc. Prof. *M.A. Balabanova* (Volgograd);
Cand. Sc., Assoc. Prof. *N.D. Barabanov* (Volgograd);
Dr. Sc., Assoc. Prof. *T.V. Evdokimova* (Volgograd);
Dr. Sc., Assoc. Prof. *A.L. Kleitman* (Moscow);
Cand. Sc. *M.V. Krivosheev* (Volgograd);
Dr. Sc. *S.I. Lukyashko* (Rostov-on-Don);
Dr. Sc., Assoc. Prof. *I.L. Morozov* (Volgograd);
Cand. Sc., Assoc. Prof. *S.I. Morozov* (Volgograd);
Dr. Sc., Prof. *S.A. Pankratov* (Volgograd);
Cand. Sc. *E.V. Pererva* (Volgograd);
Dr. Sc., Assoc. Prof. *O.V. Ratushnyak* (Krasnodar);
Dr. Sc. *O.V. Rvacheva* (Volgograd);
Dr. Sc., Prof. *S.G. Sidorov* (Volgograd);
Dr. Sc. *A.V. Tsyuryumov* (Elista)

Editorial Board:

Dr. Sc. *Agoston Magdolna* (Szombathely, Hungary);
Dr. Sc. *A.I. Alekseev* (Saint Petersburg);
Dr. Sc., Assoc. Prof. *V.A. Arakcheev* (Moscow);
Dr. Sc., Assoc. Prof. *A.I. Bardakov* (Volgograd);
Dr. Sc. *Bokhun Tomash* (Warsaw, Poland);
Dr. Sc., Acad. of the Russian Acad. of Sciences
A.P. Buzhilova (Moscow);
Dr. Sc., Prof. *N.E. Vashkau* (Lipetsk);
Dr. Sc., Prof. *A.A. Vilkov* (Saratov);
Cand. Sc., Senior Researcher *Yu. Ya. Vin* (Moscow);
Cand. Sc., Senior Researcher *E.Yu. Giryay* (Saint
Petersburg);
Dr. Sc., Leading Researcher *S.V. Golunov* (Moscow);
Dr. Sc., Prof. *V.N. Danilov* (Saratov);

Dr. Sc., Professor of History *Chester Dunning* (College
Station, USA);
Cand. Sc., Senior Researcher *S.A. Isaev* (Saint Petersburg);
PhD (Strategic Studies) *Constantinos Koliopoulos*
(Athens, Greece);
Dr. Sc., Chief Researcher *E.F. Krinko* (Rostov-on-Don);
Dr. Sc., Prof. *A.I. Kubyshkin* (Saint Petersburg);
Dr. Sc., Prof. *I.I. Kuznetsov* (Moscow);
Dr. Sc., Prof. *I.I. Kurilla* (Wellesley, Massachusetts,
USA);
Dr. Sc., Acad. of the Russian Acad. of Sciences
I.P. Medvedev (Saint Petersburg);
Dr. Sc., Prof. *N.A. Mininkov* (Rostov-on-Don);
Dr. Sc., Prof. *A.V. Petrov* (Saint Petersburg);
Cand. Sc., Senior Researcher *B.A. Raev* (Rostov-
on-Don);
Dr. Sc., Prof. *V.N. Ratushnyak* (Krasnodar);
Dr. Sc., Prof. *O.Yu. Redkina* (Volgograd);
Dr. Sc., Leading Researcher *M.A. Ryblova* (Volgograd);
PhD (History) *Saul Norman E.* (Lawrence, USA);
Dr. Sc. *Szvák Gyula* (Budapest, Hungary);
Dr. Sc., Prof. *N.N. Stankov* (Moscow);
Dr. Sc. *A.D. Tairov* (Chelyabinsk);
Dr. Sc., Assoc. Prof. *S.A. Tolmacheva* (Minsk, Belarus);
PhD (History), Assoc. Prof. *Truong Anh Thuan*
(Danang, Vietnam)
Dr. (Legal History), Prof. *S. Šarkić* (Novi Sad, Serbia)

At the invitation of the Chief Editor,
Prof. *I.O. Tyumentsev*,
Cand. Sc. *V.A. Gorelkin* (Volgograd) and Cand. Sc.,
Assoc. Prof. *O.V. Kuznetsov* (Volgograd)
take the position of the Executive Editors
of the present issue

ВЕСТНИК ВОЛГОГРАДСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА

Серия 4. ИСТОРИЯ. РЕГИОНОВЕДЕНИЕ. МЕЖДУНАРОДНЫЕ ОТНОШЕНИЯ

2024. Т. 29. № 3

Научно-теоретический журнал

Основан в 1996 году

Выходит 6 раз в год

Тема номера: «Войны и конфликты мировой истории»

Редакционная коллегия:

д-р ист. наук, проф. *И.О. Тюменцев* – главный редактор (г. Волгоград);
канд. ист. наук, директор издательства *В.А. Горелкин* – зам. гл. редактора (г. Волгоград);
канд. ист. наук, доц. *О.В. Кузнецов* – зам. гл. редактора (г. Волгоград);
канд. ист. наук, доц. *Н.В. Рыбалко* – отв. секретарь (г. Волгоград);
канд. ист. наук, доц. *Е.В. Архипова* (г. Волгоград);
ассист. *А.С. Смирнов* – технический секретарь (г. Волгоград);
ст. преп. *П.И. Лысков* – технический секретарь византийского тематического номера (г. Волгоград);
канд. ист. наук *Т.А. Базарова* (г. Санкт-Петербург);
д-р ист. наук, доц. *М.А. Балабанова* (г. Волгоград);
канд. ист. наук, доц. *Н.Д. Барабанов* (г. Волгоград);
д-р ист. наук, доц. *Т.В. Евдокимова* (г. Волгоград);
д-р ист. наук, доц. *А.Л. Клейтман* (г. Москва);
канд. ист. наук *М.В. Кривошеев* (г. Волгоград);
д-р ист. наук *С.И. Лукьяшко* (г. Ростов-на-Дону);
д-р полит. наук, доц. *И.Л. Морозов* (г. Волгоград);
канд. полит. наук, доц. *С.И. Морозов* (г. Волгоград);
д-р полит. наук, проф. *С.А. Панкратов* (г. Волгоград);
канд. ист. наук *Е.В. Перерва* (г. Волгоград);
д-р ист. наук, доц. *О.В. Ратушняк* (г. Краснодар);
д-р ист. наук *О.В. Рвачева* (г. Волгоград);
д-р ист. наук, проф. *С.Г. Сидоров* (г. Волгоград);
д-р ист. наук *А.В. Цюрюмов* (г. Элиста)

Редакционный совет:

д-р ист. наук *Агоштон Магдолна* (г. Сомбатхей, Венгрия);
д-р ист. наук *А.И. Алексеев* (г. Санкт-Петербург);
д-р ист. наук, доц. *В.А. Аракчеев* (г. Москва);
д-р полит. наук, доц. *А.И. Бардаков* (г. Волгоград);
д-р ист. наук *Бохун Томаш* (г. Варшава, Польша);
д-р ист. наук, акад. РАН *А.П. Бужилова* (г. Москва);
д-р ист. наук, проф. *Н.Э. Ваишау* (г. Липецк);
д-р полит. наук, проф. *А.А. Вилков* (г. Саратов);
канд. ист. наук, ст. науч. сотр. *Ю.Я. Вин* (г. Москва);
канд. ист. наук, ст. науч. сотр. *Е.Ю. Гиря* (г. Санкт-Петербург);

д-р полит. наук, ведущий науч. сотр. *С.В. Голунов* (г. Москва);
д-р ист. наук, проф. *В.Н. Данилов* (г. Саратов);
д-р, проф. истории *Честер Даннинг* (г. Колледж-Стейшн, США);
канд. ист. наук, ст. науч. сотр. *С.А. Исаев* (г. Санкт-Петербург);
PhD (стратегические исследования) *Константинос Колиопулос* (г. Афины, Греция);
д-р ист. наук, гл. науч. сотр. *Е.Ф. Кринко* (г. Ростов-на-Дону);
д-р ист. наук, проф. *А.И. Кубышкин* (г. Санкт-Петербург);
д-р полит. наук, проф. *И.И. Кузнецов* (г. Москва);
д-р ист. наук, проф. *И.И. Курилла* (Уэллсли, Массачусетс, США);
д-р ист. наук, акад. РАН *И.П. Медведев* (г. Санкт-Петербург);
д-р ист. наук, проф. *Н.А. Мининков* (г. Ростов-на-Дону);
д-р ист. наук, проф. *А.В. Петров* (г. Санкт-Петербург);
канд. ист. наук, ст. науч. сотр. *Б.А. Раев* (г. Ростов-на-Дону);
д-р ист. наук, проф. *В.Н. Ратушняк* (г. Краснодар);
д-р ист. наук, проф. *О.Ю. Редькина* (г. Волгоград);
д-р ист. наук, ведущий науч. сотр. *М.А. Рыблова* (г. Волгоград);
PhD (история) *Саул Норман Е.* (г. Лоренс, США);
д-р ист. наук *Свак Дьюла* (г. Будапешт, Венгрия);
д-р ист. наук, проф. *Н.Н. Станков* (г. Москва);
д-р ист. наук *А.Д. Таиров* (г. Челябинск);
д-р ист. наук, доц. *С.А. Толмачева* (г. Минск, Беларусь);
PhD (история), ассоциир. проф. *Труонг Анх Тхуан* (г. Дананг, Вьетнам);
д-р истории права, проф. *С. Шаркич* (г. Нови-Сад, Сербия)

По приглашению главного редактора проф. И.О. Тюменцева

выпускающими редакторами номера являются
канд. ист. наук *В.А. Горелкин* (г. Волгоград),
канд. ист. наук, доц. *О.В. Кузнецов* (г. Волгоград)

СОДЕРЖАНИЕ

ВОЕННАЯ ИСТОРИЯ РОССИИ

НАЧАЛА XVIII ВЕКА

Иванюк С.А. Померанский поход (1712–1713): разведывательная и диверсионная деятельность русской армии 6

Базарова Т.А. «В котлинской работе не учинить остановки»: А.Д. Меншиков и каменное строительство на Котлине в начале 1720-х годов 16

Алексеев А.И. Происшествия на флоте во времена Петра Великого глазами младшего современника (на примере анонимной «Славной истории Северной войны и Жития Петра Великого») 29

ВОЕННЫЕ КОНФЛИКТЫ В США И ЕВРОПЕ В XIX ВЕКЕ

Петров А.Ю., Троицкая Л.М. Борьба за Орегон на рубеже 30–40-х гг. XIX века [На англ. яз.] 37

Клочков В.В., Назарова В.С., Узнародов И.М. Крымская война, Джон Артур Робак и общественное мнение Великобритании середины XIX века [На англ. яз.] 51

ГРАЖДАНСКАЯ ВОЙНА В РОССИИ

НАЧАЛА XX ВЕКА

Шумаков М.Д. Анкеты общества содействия жертвам интервенции о преступлениях, совершенных под Царицыном в 1918 г., как исторический источник 61

Венков А.В., Мамсиоров Х.Б. «Мата Хари» в донском варианте 73

ВТОРАЯ МИРОВАЯ

И ВЕЛИКАЯ ОТЕЧЕСТВЕННАЯ ВОЙНЫ

Иванов В.А. «По линии 4-го отдела»: роль чекиста Василия Павловича Талышева в руководстве партизанско-подпольного сопротивления на территории оккупированного Крыма в 1941–1944 годах 82

Букатина М.И. Особенности медицинского обеспечения речного транспорта Нижней Волги накануне и в период Сталинградской битвы 98

Стрельников М.А. Потери личного состава 10-й стрелковой дивизии внутренних войск НКВД в Сталинградской битве 111

Сидоров С.Г. Размещение и применение труда военнопленных лагеря НКВД-МВД СССР № 362 в период восстановления Сталинграда 125

Легкий Д.М., Логвинчук А.А. «Уполномоченных штаба польской армии в Кустанайскую область...»: к истории формирования армии генерала Андерса в Казахстане в годы Второй мировой войны 138

Мусагалиева А.С., Мусабекова Р.М. «...В годы войны его знаменитая “Акмолинка 1” кормила хлебом сотни тысяч людей»: ученый из Ленинграда в Северном Казахстане 153

ВОЙНА ВО ВЬЕТНАМЕ

Луонг Тхи Хонг. Голоса с земли: корейцы и вьетнамские женщины в военное время [На англ. яз.] 166

ВОЕННЫЕ СИЛЫ СОВРЕМЕННОСТИ

Трунов Ф.О. Трансформация системы группировок конвенциональных сил НАТО 175

Джавади Р., Саид-Абади М.-Р. Трансформация роли ЧВОК в постмеждународном мире и их классификация [На англ. яз.] 189

Рвачева О.В. Участие казачества в вооруженных конфликтах в конце XX – начале XXI в.: к вопросу о специфике казачества как современной военной силы 206

ПРОБЛЕМЫ

МЕЖДУНАРОДНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ

Николаев Н.Ю. Пацифизм в советской общественно-политической мысли: от враждебности и непризнания к принятию и одобрению 219

Панкратов С.А., Морозов С.И., Панкратова Л.С. Обеспечение безопасности России как государства-цивилизации: диалектика войны и мира в XXI веке 231

Решетникова Л.М. Военно-политический аспект внешнеполитической стратегии США администрации Дж. Байдена в Центральной Азии 245

Памяти Николая Дмитриевича Барабанова (Друзья, ученики и коллеги Н.Д. Барабанова) 256

CONTENTS

MILITARY HISTORY OF RUSSIA IN THE EARLY 18th CENTURY

Ivanyuk S.A. Pomeranian Campaign (1712–1713):
Reconnaissance and Sabotage Activities
of the Russian Army 6

Bazarova T.A. “There Is No Stopping in Kotlin’s Work”:
A.D. Menshikov and Stone Construction on Kotlin
in the Early 1720s 16

Alekseev A.I. Incidents in the Navy During the Time
of Peter the Great Through the Eyes of a Younger
Contemporary (Using the Example of the Anonymous
“Glorious History of the Northern War
and the Life of Peter the Great” 29

MILITARY CONFLICTS IN THE USA AND EUROPE IN THE 19th CENTURY

Petrov A.Yu., Troitskaia L.M. The Struggle for Oregon
During the 19th Century’s Late 30s and Early 40s 37

[Klochkov V.V.] Nazarova V.S., Uznarodov I.M. Crimean
War, John Arthur Roebuck and Public Opinion
in the Great Britain in the Middle of the 19th Century ... 51

CIVIL WAR IN RUSSIA IN THE EARLY 20th CENTURY

Shumakov M.D. Questionnaires of the Society
for Assistance to Victims of Intervention
on Crimes Committed Near Tsaritsyn in 1918
as a Historical Source 61

Venkov A.V., Mamsirov H.B. “Mata Hari”
in the Don Version 73

SECOND WORLD WAR AND GREAT PATRIOTIC WAR

Ivanov V.A. “Along the Line of the 4th Department”:
The Role of the Security Officer Vasily Talyshev
in the Leadership of the Partisan Underground Resistance
on the Territory of the Occupied Crimea
in 1941–1944 82

Bukatina M.I. Features of Medical Support
for River Transport of the Lower Volga
Before and During the Battle of Stalingrad 98

Strelnikov M.A. Losses of Personnel of the 10th Rifle
Division of the Internal Troops of the NKVD
in the Battle of Stalingrad 111

Sidorov S.G. Placement and Use of Labor of Prisoners
of War of the NKVD-Ministry of Internal Affairs
of the USSR Camp No. 362
During the Restoration of Stalingrad 125

Legkiy D.M., Logvinchuk A.A. “Authorized Staff
of the Polish Army in Kustanay Region...”: To the
History of the Formation of General Anders’ Army
in Kazakhstan During the Second World War 138

Mussagaliyeva A.S., Mussabekova R.M. “...During
the War Years, His Famous ‘Akmolinka 1’ Fed Hundreds
of Thousands of People With Bread”:
Scientist from Leningrad in Northern Kazakhstan 153

WAR IN VIETNAM

Luong Thi Hong. Voices From the Ground:
Korean and Vietnamese Women in Wartime 166

MODERN MILITARY FORCES

Trunov Ph.O. The Transformation of the System
of NATO’s Conventional Forces Groupings 175

Javadi R., Saeid-Abadi M.-R. Transformation
of the Role of PMSCs in the Post-International World
and Their Classification 189

Rvacheva O.V. The Cossacks’ Involvement
in Armed Conflicts in the 20th – Early 21st Centuries:
To the Question of the Specifics of the Cossacks
as a Modern Military Force 206

PROBLEMS

OF INTERNATIONAL SECURITY

Nikolaev N.Yu. Pacifism in Soviet Socio-Political
Thought: From Hostility and Non-Recognition
to Acceptance and Approval 219

Pankratov S.A., Morozov S.I., Pankratova L.S.
Providing the Security of Russia as a State-Civilization:
Coherence of War and Peace in the 21st Century 231

Reshetnikova L.M. Biden’s U.S. Foreign Policy
in Central Asia: Military-Political Aspect 245

In Memory of Nikolay D. Barabanov
(*Friends, Students, and Colleagues of N.D. Barabanov*) ... 256



ВОЕННАЯ ИСТОРИЯ РОССИИ НАЧАЛА XVIII ВЕКА

DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2024.3.1>

UDC 94(47).05

LBC 63.3(2)511



Submitted: 13.08.2023

Accepted: 27.11.2023

POMERANIAN CAMPAIGN (1712–1713): RECONNAISSANCE AND SABOTAGE ACTIVITIES OF THE RUSSIAN ARMY

Sergey A. Ivanyuk

Central Museum of Communications named after A.S. Popov, Saint Petersburg, Russian Federation

Abstract. *Introduction.* During the Great Northern War, the Russian army conducted many military campaigns in various theaters of combat operations. Many research papers have been devoted to the study of these events, but the events in Northern Germany (1712–1713) were not sufficiently disclosed. The article, with the involvement of sources on the history of the so-called “Pomeranian campaign,” including those not yet introduced into scientific circulation, reveals the features of conducting intelligence and sabotage activities of the army of Peter I in the conditions of a small war. *Materials.* The research is based on both published documents and those stored in archives, which allow us to restore the chronology of events and the methods of conducting intelligence and sabotage activities of the Petrovsky troops. *Analysis.* A comparison of the documentary evidence of the participants of the Pomeranian campaign, as well as research by Danish military historians, made it possible to determine the main methods of conducting reconnaissance and sabotage activities of Peter I’s troops in this theater of operations and to build a chronology of the events of the period 1712–1713, as well as the place and role of tactical intelligence assessment in the overall course of the campaign. *Results.* Despite the conditionally zero result of the Russian army, it was possible to achieve several significant results in Pomerania, in which the reconnaissance and sabotage activities of its troops played an important role, with the ability to expect the actions of the enemy and to stop threats from his side.

Key words: Peter I, Great Northern War, Pomerania, intelligence assessment, small war.

Citation. Ivanyuk S.A. Pomeranian Campaign (1712–1713): Reconnaissance and Sabotage Activities of the Russian Army. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 4. Istoriya. Regionovedenie. Mezhdunarodnye otnosheniya* [Science Journal of Volgograd State University. History. Area Studies. International Relations], 2024, vol. 29, no. 3, pp. 6–15. (in Russian). DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2024.3.1>

УДК 94(47).05

ББК 63.3(2)511

Дата поступления статьи: 13.08.2023

Дата принятия статьи: 27.11.2023

ПОМЕРАНСКИЙ ПОХОД (1712–1713): РАЗВЕДЫВАТЕЛЬНАЯ И ДИВЕРСИОННАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ РУССКОЙ АРМИИ

Сергей Александрович Иванюк

Центральный музей связи им. А.С. Попова, г. Санкт-Петербург, Российская Федерация

Аннотация. *Введение.* В период Северной войны русская армия провела немало военных кампаний на различных театрах боевых действий. Изучению данных событий посвящено большое количество научных работ, но события в Северной Германии (1712–1713) не были достаточным образом раскрыты. В статье с привлечением источников по истории так называемого «Померанского похода» подробно раскрываются особенности разведывательной и диверсионной деятельности армии Петра I в условиях малой войны. *Материалы.* В основе исследования лежат как опубликованные документы, так и хранящиеся в архивах, которые позволяют восстановить хронологию событий, а также методы ведения разведывательной и диверсионной деятельности петровских войск. *Анализ.* Сопоставление документальных свидетельств участников Померанского похода, а также исследований датских военных историков, дало возможность определить основные способы ведения разведывательно-диверсионной деятельности войск Петра I на данном театре боевых действий, выстроить хронологию событий периода 1712 и 1713 гг., а также место и роль тактической разведки в общем ходе кампании. *Результаты.* Несмотря на условно нулевой результат, русской армии удалось добиться в Померании ряда существенных достижений, важную роль в которых играла разведывательная и диверсионная деятельность ее войск с возможностью предугадывать действия противника и купировать угрозы с его стороны.

Ключевые слова: Петр I, Северная война, Померания, разведка, малая война.

Цитирование. Иванюк С. А. Померанский поход (1712–1713): разведывательная и диверсионная деятельность русской армии // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 4, История. Регионоведение. Международные отношения. – 2024. – Т. 29, № 3. – С. 6–15. – DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2024.3.1>

Введение. В период Северной войны русская армия провела немало военных кампаний на различных театрах боевых действий как на своей территории, так и в Северной, Центральной и Восточной Европе. Изучению данных событий посвящено большое количество работ отечественных и зарубежных историков. При этом история разведки в военной кампании в Северной Германии (1712–1713), когда войска «Северного союза» – России, Дании и Саксонии вели боевые действия против шведского корпуса в Померании, не была достаточным образом раскрыта.

В отечественной историографии до настоящего времени нет специальных исследований событий так называемого «Померанского похода» русской армии с детальным разбором методов и способов ведения боевых действий противоборствующих армий, одним из элементов которых была разведывательно-диверсионная деятельность. Даже американский историк П. Бушкович отмечал, что «удовлетворительного описания участия русской стороны в Померанской кампании не существует» [2, с. 314]. Возможно, это было связано с тем, что, как писал военный историк А.З. Мышлаевский, действия «Северных союзников» в Померании «мало представляли предметов для военных примечаний» [8, с. 332].

В данной статье с привлечением источников по истории боевых действий в Помера-

нии (1712–1713), в том числе и тех, которые еще не были введены в научный оборот, подробно раскрываются особенности ведения разведывательной и диверсионной деятельности армии Петра I в условиях малой войны.

Методы и материалы. Данное исследование представляет собой сопоставление отдельных факторов и эпизодов о разведывательной и диверсионной деятельности русской армии в Померанском походе (1712–1713), поиск ответа на вопрос: какие методы использовались русской армией для выполнения задач на данном театре военных действий? Основные наблюдения в данной работе базируются на документах Российского государственного архива древних актов (фондов 198 «Меншиков Александр Данилович (1670–1729), князь, петербургский генерал-губернатор, президент Военной коллегии, генералиссимус» и 53 «Сношения России с Данией»). При сопоставлении с уже опубликованными письмами Петра I и его военачальников становится возможным реконструировать главные принципы и механизмы ведения боевых действий русской армии в условиях малой войны. В историографии необходимо отметить научные работы военных историков Дании, подробно прорабатывавших тему боевых действий в Северной Германии в указанный период. При сопоставлении этих материалов была восстановлена хронология событий и

действий петровских войск, а также методы ведения разведывательной и диверсионной деятельности.

Анализ. Боевые действия на последнем европейском плацдарме шведов, который располагался в Померании, начались в 1711 г., когда после Полтавской виктории был восстановлен тройственный «Северный союз». Главной их целью было выдавливание остатков шведских войск из Северной Германии. В то время как Петр I со своими основными силами сосредоточил внимание на юге, Дания и Саксония, усиленные небольшим корпусом русских войск, начали военные действия в Померании. Но в 1711 г. союзники сосредоточились только на блокировании сильно укрепленной шведской крепости Штральзунд, осаду которой пришлось снять в конце года и отправиться на зимние квартиры [11, с. 158–159; 26, с. 93–94; 28, с. 275–352].

В январе 1712 г. Петр I сокрушался: «зело жалею, что так даром прошлая компания без действия прошла» [12, с. 35]. К началу весенней кампании царь увеличил группировку своих войск в Северной Германии с целью усиления давления на союзников и привлечения их к более энергичным действиям. Активные же действия русской армии в Померании пришлось на май 1712 г., когда на плацдарм у Штеттинской крепости прибыл новый командующий корпусом генерал-фельдмаршал А.Д. Меншиков с дополнительными войсками для усиления группировки. В планах русского командования была осада и захват Штеттина как наиболее приоритетной цели, в то время как часть петровских войск помогала саксонцам блокировать Штральзунд, а датчане осаждали крепость Штаде в Бремене [12, с. 306, 462–463].

После проведения рекогносцировки укреплений Штеттина и прилегающих к нему территорий светлейший князь сделал ряд распоряжений по блокированию крепости цепью сторожевых постов, караулов и кочующих летучих отрядов [29, S. 786]. Цель заключалась в том, чтобы, окружив Штеттин плотным сторожевым кольцом, предотвратить его сообщение с другими укрепленными пунктами шведов, а также доставку продуктов и боеприпасов за стены крепости. Данные действия привели к определенным результатам. Так,

13 мая 1713 г. А.Д. Меншиков сообщил В.Л. Долгорукову о «добром начале нынешней кампании» с подробностями о том, что 10 мая русский отряд (300 чел.) атаковал недалеко от Штеттина лодочную базу шведов на Одере, которая позволяла контролировать доставку грузов по реке. В результате налета противник был сбит с позиций и «принужден ис помянутых своих судов, два утопить, а досталные 5 и с четырьмя пушками, и с амуницією нашим оставить, а сам з достальными людьми... в Брандебургскую землю ушел» [20, л. 51–51 об.].

О своем участии в сторожевой службе под Штеттином в 1712 г. с мая по сентябрь сообщал полковник Новотроицкого драгунского полка князь С.Ф. Мещерский, который держал караулы с казаками и был на «многие вылазки и потребы» [10, с. 661]. Русские разъезды, действующие на линиях коммуникаций крепости, периодически вступали в короткие схватки со шведскими отрядами, делавшими вылазки из Штеттина. Как писал драгунский поручик Новотроицкого полка Г.Ф. Григорков, «с господином генералом Боуrom стояли под Штеттином на караулах чрез целое лето, из Штеттина выходили на нас шведы несколько раз» [10, с. 674]. За все время блокирования крепости русские отряды не раз вступали в такие «стычки», которые заканчивались с переменным успехом. Так, например, драгуны Лейб-регимента за этот период участвуя в различных акциях, потеряли 4 убитыми, 12 ранеными, а 15 пленными из своего состава [7, с. 109].

Несмотря на активность в районе Штеттина, об атаке его укреплений не могло быть и речи. Еще 10 мая 1712 г. А.Д. Меншиков, оценив возможности русских войск, сообщил царю, что без пушек, которые до сих пор не получены ни от саксонцев, ни от датчан, никакого результата не будет. Но датчане наотрез отказались отправлять орудия, пока русские войска не покинут район Штеттина и не придут к Штральзунду для совместных действий на этом направлении [12, с. 457, 552].

В конце июля 1712 г., понимая, что требуется его личное участие, в Северную Германию прибыл Петр I. В Гарце он встретился с А.Д. Меншиковым и посетил русский лагерь у Штеттинской крепости, проведя рекогнос-

цировку и лично убедившись, что для успешной осады недостает артиллерии [26, с. 132–133]. От Штеттина царь направился в Грайфсвальд, где русско-саксонские войска блокировали шведскую крепость Штральзунд по линии Грайфсвальд – Гриммен – Трибзес. После проведения царем рекогносцировки с отрядом в 4 000 человек в конце августа в Волгасте состоялся союзнический военный совет. К этому времени царь уже оценил общую ситуацию на театре боевых действий и, как писал датскому королю, «от Гарца, Штеттина и до Стральзунта осматривал» [13, с. 41; 27, s. 54]. К тому же он понял, что для осады Штеттина получить артиллерию не удастся и «король дацкой конечно того не учинит, чтоб ему хотя одну пушку... послать, для того что Штетин не так нужен, как Стральзунт» [13, с. 316–317]. В итоге на военном совете пришлось поддержать планы датчан, так как они располагали двумя главными козырями: артиллерией и флотом [27, s. 56–57; 28, s. 378]. Было принято решение приближаться к Штральзунту и готовить русско-саксонский десант на остров Рюген при поддержке датского флота [13, с. 57–58]. Для этого Петр I перебрасывал практически все кавалерийские полки в Волгаст, ближе к Штральзунду, оставив для блокирования Штеттина небольшой отряд [4, с. 105].

В начале сентября 1712 г. русские полки стали стягиваться к Волгасту для подготовки к высадке на Рюген. В преддверии будущей операции русское командование проводило разведывательные мероприятия, направляя небольшие партии для рекогносцировки и захвата пленных. Прапорщик Т.Г. Зарин из драгунского полка Е.А. Гулица писал, что он был «под Гriebсвальдом... во многих партиях и в подъездах... многих неприятельских людей брали», а капрал Устюжского драгунского полка А.И. Ярцев сообщал: «под Штральзундом был в партии... которого часа была стычка [с] шведами, и взято языков» [9, с. 1169; 10, с. 973].

В конце июня А.Д. Меншиков сообщил царю, что он получил от голландских моряков разведывательные сведения, что шведы «вооружают 20 кораблей» и «намерены провозить сюда (на Рюген. – С. И.)... 16 000» человек [12, с. 553]. Но, несмотря на вовремя

полученные сведения, предотвратить высадку шведов в Померании не удалось. Корпус генерала М. Стенбока сначала высадился на Рюген, а затем усилил гарнизон Штральзунда. Штурм этой крепости союзниками теперь был невозможен, и они вновь ограничились ее блокадой.

Царь предполагал, что ничего существенного на театре военных действий уже не произойдет и в конце сентября 1712 г. уехал в Карлсбад. Оставляя армию в распоряжении А.Д. Меншикова, Петр I дал ему инструкции о дальнейших действиях: «на баталию не гадать (рисковать. – С. И.)», «как на дилемах, так и протчих случаях искать неприятеля... разорять» [13, с. 89, 108]. То есть проявлять сдержанность в принятии решений и не рисковать без особой причины, маневрируя в поиске удобного случая для нанесения удара по противнику.

После высадки корпуса М. Стенбока в Померании шведы планировали поддержать его вторым транспортом с запасами продовольствия, но он не успел разгрузиться, был атакован и сожжен датчанами у полуострова Ясмунд. В конце октября 1712 г. в поисках более выгодной позиции и провианта М. Стенбок с войсками покинул район Штральзунта. Прорвав союзническую блокаду, он ушел в Мекленбургскую землю [1, с. 524; 31, s. 157]. Русско-саксонские войска попытались создать заслон на границе Померании и Мекленбурга. Для разведки действий противника А.Д. Меншиков отправил «драгун 500 человек да казаков всех», которые в ходе рейда захватили «языков» [13, с. 471]. От них удалось выяснить, что противник планирует переброску войск через границу у Дамгартена. Тем не менее нерасторопность саксонцев привела к тому, что к 12 ноября померанско-мекленбургская граница была практически открыта, что позволило войскам М. Стенбока зайти в Мекленбургскую землю и занять без боя Росток. Русские войска встали у городка Гюстров, продолжая вести разведку за его действиями [13, с. 473; 21; 27, s. 117].

Примечательно, что в этот период разведывательные сведения поступали не только от войсковой разведки, но и от находившихся на театре военных действий царицы Екатерины, а также жены А.Д. Меншикова. Так,

4 ноября 1712 г. царица сообщила в письме А.Д. Меншикову полученные ею сведения от шпионов о действиях шведских войск в районе Демина, об отправке трех лазутчиков к Штеттину, Висмару и Малхину, а также о ее распоряжениях по организации службы сторожевых разъездов. В свою очередь светлейший князь в письме к супруге Дарье Михайловне благодарил ее за полученные «ведомости о неприятеле» [15, л. 236; 24].

Союзники предпринимали меры для удержания войск М. Стенбока в Мекленбургской земле, и с этой целью 8 ноября отряд донских казаков уничтожил мост у Дамгартена, которым так успешно воспользовались шведы при переброске войск [27, s. 126–127]. В течение ноября враждующие армии не проводили никаких крупных операций, и пока корпус М. Стенбока восстанавливал свои запасы продовольствия, союзники усиливали посты на границе с Мекленбургом. В начале декабря 1712 г. на театр военных действий прибыли Петр I и Фредерик IV, и союзники решили соединить все силы, которые были разбросаны на разных участках. Фронт пришел в движение и М. Стенбок выдвинул свои отряды таким образом, чтобы не допустить объединения своих врагов. Узнав, что к стоящим у Гадебуша датским войскам направляется саксонская кавалерия, а русские силы еще не продвинулись настолько далеко, чтобы соединиться с остальными, шведы воспользовались моментом, атаковали 20 декабря датско-саксонские силы у Гадебуша и разбили их [26, с. 196; 27, s. 158, 162–170; 31, S. 158–167].

Русские войска в день сражения стояли между Крифицем и линией Гюстров – Штернберг. Еще не зная о его результатах и планируя свое движение через Шверин к Гадебушу, русское командование проводило разведку позиций противника. Отряд кавалерии в 100 драгунов, усиленный казаками и калмыками, совершил разведывательно-диверсионный рейд к Висмару, где было проведено несколько диверсий, разорив коммуникации противника в предместье Ротентор. Полковник Невского драгунского полка М.И. Леонтьев сообщал: «Командирован в партию за местечко Шверин, как была баталия... под Гадебушем, и во оной партии имел пасы», а полковник Ро-

стовского драгунского полка М.И. Нащокин докладывал из деревни Зуков 21 декабря 1712 г. Р.Х. Боуру, что отправил в ставку командования захваченных его отрядом «языков». Во второй половине дня от разведчиков из Шверина поступили данные, что «слышна сильная артиллерийская и ружейная стрельба». Несмотря на готовность русско-саксонской кавалерии выдвинуться к Гадебушу, Петр I задержал их до поступления новых сведений, которые появились в русском лагере в полночь и сообщили о поражении датчан [10, с. 51; 23; 27, s. 171, 212, 215].

В конце декабря 1712 г. в Пампове царь собрал военный совет с целью обсуждения дальнейших действий в Померании. В результате было принято решение закончить объединение союзнических сил и преследовать продвигавшегося в Гольштинию противника [26, с. 197; 27, s. 213–214, 238]. Несмотря на победу у Гадебуша, корпус М. Стенбока не был готов к каким-либо активным действиям, и поэтому шведы направили свои войска к Любеку, укрывшись за рекой Траве. Здесь планировалось перегруппироваться и восстановить свои запасы за счет сбора контрибуций с населения [26, с. 196; 27, s. 221, 227]. Русская же армия в начале января 1713 г. прибыла в Гамбург, а затем выдвинулись к Ренсбургу, где союзная армия окончательно соединилась.

Впереди предстояла переправа через реку Трену, для разведки которой на рекогносцировку отправлены кавалерийские отряды из состава дивизий Р.Х. Боура (4 151 драгун Лейб-регимента, Киевского, Троицкого, Ново-троицкого, Ямбургского и Нарвского полков) и Г.К. Пфлуга (2 869 драгун Астраханского, Ингерманландского, Ростовского, Архангелогородского и Ярославского полков) [27, s. 276]. Поручик Астраханского драгунского полка А.Д. Воронин сообщил, что «из-под Рендсбурга командрован был... на шведскую партию под деревню Енбурх, и там у переправы в той деревни у мосту от той партии ранен», а вахмистр Архангелогородского драгунского полка Ф.Ф. Кафтырев писал, что «командрован... на переправе против шведского войска, и повелено переправу очистить и мост прибыть» [10, с. 174, 200]. Благодаря действиям этих отрядов войскам удалось успешно перепра-

виться через Трен по двум мостам, уничтожение которых было предотвращено в ходе разведки боем.

После доклада разведки об отсутствии сопротивления 28 января русские полки вошли в Хузум. Здесь стало известно, что противник сконцентрировал силы у Фредерикштадта. Для разведки позиций и захвата «языков» был отправлен отряд донских казаков, которые осмотрели расположение противника и захватили 1 офицера и 11 драгун [7, с. 111; 27, с. 278]. Шведы выбрали выгодную позицию: город находился недалеко от моря и был окружен болотами, а две плотины, ведущие к нему, усилены укреплениями с артиллерией. При подготовке атаки отряды Р.Х. Боура (драгуны и казаки) провели осмотр возможностей наведения мостов через Эдер, о чем он докладывал царю: «О неприятельских оборотах уведомляю буду посланными... почасту малыми партиями». Одна из таких партий казаков провела поиск и захватила «мужиков», от которых удалось получить подробные сведения о расположении шведских войск у Фредерикштадта [14, с. 224–225; 27, с. 270].

Кроме того, Петр I лично разведал вместе с генералитетом «те места, где быть атаке». Оценив обстановку, датчане и саксонцы отказались атаковать Фредерикштадт и царь вынужден был использовать только свои силы. До рассвета 31 января русские войска начали штурм шведских позиций. Противник, не выдержав напора, быстро отступил, но преследование было затруднено проливным дождем и вязким грунтом, что дало возможность войскам М. Стенбока покинуть Фредерикштадт и организовано отступить в крепость Теннинг. Союзные войска, преследуя шведов, блокировали город. Здесь, поручив руководство осадой светлейшему князю, царь уехал с театра военных действий в Санкт-Петербург, где начиналась подготовка к боевым действиям в Финляндии [11, с. 163; 14, с. 45–47; 26, с. 211–213].

Союзникам удалось заблокировать шведский корпус с суши и моря, предотвратить прорыв М. Стенбока в Мекленбург или Померанию, но от каких-либо активных действий их вновь сдерживало отсутствие осадной артиллерии и они ограничились окружением позиций противника кольцом разведыва-

тельных аванпостов [14, с. 294]. Премьер-майор Архангелогородского драгунского полка А.П. Радищев сообщал, что в период осады Теннинга «на многих контрах и во многих партиях, и на отъезжих караулах, и на форпостах бывал» [10, с. 159–160]. Шведы, в свою очередь, предпринимали атаки на эти сторожевые пункты. Так, на пост у деревни Лупдов был произведен налет шведского отряда, которому удалось «из-за малолюдства» сбить русскую конницу, но развить успех не позволила пехота, подоспевшая на выручку кавалерии. Отступающих шведов преследовали казаки, которые порубили 25 человек и 1 взяли в плен [7, с. 119–120].

В заблокированном Теннинге начался голод. С целью сократить число голодных ртов в крепости М. Стенбок прибегал к хитрости и высылал часть из них под видом дезертиров, которые, покидая лагерь союзников, отправлялись в шведские гарнизоны других городов. Русским сторожевым отрядам удавалось захватить в плен таких «дезертиров», от которых они получали подробные сведения о положении дел в гарнизоне. В середине марта А.Д. Меншиков писал царю: «Вчера 14 человек дезертиров вышло, да 5 человек в полон взяты, которые сказывают, что в пропитании нужда у них не малая» [16, л. 5–5 об.]. В течение апреля 1713 г. на фоне вялых инженерных осадных работ было предпринято несколько безуспешных попыток прорыва к Теннингу. Так, А.Д. Меншиков писал Петру I о проведении в его предместье: «Уведав неприятель о приближении наших оставя все места побежал из Гардинка к Тонингу одним дамом (по дамбе. – С. И.)... и... несколько нашей конницы чрез канал перебралось, и толко успели нагнать блиско форверков самых последних 32 человека шведов... и таким вышереченным образом неприятель в Тонинг втеснен» [18, л. 34 об.].

Плотная блокада, голод и разразившаяся в городе эпидемия вынуждали М. Стенбока вступить в переговоры о выгодных для себя условиях при сдаче крепости. В итоге удалось достичь определенных договоренностей, и 16 мая шведы капитулировали [11, с. 163–164; 26, с. 215]. После этого А.Д. Меншиков планировал вывести войска из Померании, но по многочисленным просьбам Фредерика IV царь

указал ему задержаться на театре военных действий до сентября [11, с. 164; 25, с. 333]. Оставив в распоряжении датчан небольшой отряд для атаки Штральзунта, А.Д. Меншиков направил полки к Штеттину. Совершая свой марш, русские войска провели разведку боем у Висмара, о которой светлейший князь сообщил царю: «Посылал я под Висмар три партии, которые съехався с неприятскими партиями близ самого Висмара несколько шведов побили, да в полон взяли» [19, л. 89 об.–90].

С июля 1713 г. петровские полки приступили к осадным мероприятиям под стенами Штеттина. Но говорить о каких-либо энергичных действиях против города без участия осадной артиллерии было невозможно, с доставкой которой снова начинались сложные переговоры с союзниками. Приходилось ограничиваться блокированием штеттинских укреплений и проведением точечных операций [17, л. 121]. При этом Штеттин вновь стал объектом политических интриг и, как писал Н.И. Павленко, «яблоком раздора», где переплелись интересы России, Дании, Саксонии, Гольштинии и Пруссии. Город еще не был захвачен, а за него уже шел торг, кто будет им владеть после его сдачи [11, с. 164–165; 30, с. 44–45]. На фоне открытых и тайных переговоров в течение всего лета проходили взаимные атаки у Штеттина. Секретарь А.Д. Меншикова А.Я. Волков сообщал вице-канцлеру П.П. Шафирову, что русские войска «при... Штетине... немалое число шведов побили да в полон взяли» [25, с. 353]. Крепость продолжала сопротивляться вплоть до сентября 1713 г., когда в русский лагерь прибыла саксонская артиллерия. Массированная бомбардировка города вынудила гарнизон принять 19 сентября решение о капитуляции, а 6 октября А.Д. Меншиков заключил в Шведте договор с прусским королем о передаче Штеттина в секвестр Пруссии [26, с. 228; 30, с. 88].

Посчитав после этого, что Померанский поход окончен и миссия русской армии выполнена, светлейший князь начал переброску войск на российскую территорию, где петровское командование готовилось к проведению более активных операций на «Финляндском» театре военных действий.

Результаты. Таким образом, сопоставление документальных свидетельств участников Померанского похода русской армии, а также научных работ датских военных историков дало возможность определить основные способы ведения разведывательной и диверсионной деятельности войск Петра I на данном театре боевых действий. К ним можно отнести организацию сторожевой службы, рекогносцировки местности и объектов атаки, действия отрядов («партий») на линиях коммуникации противника, поиски с захватом пленных («языков»), разведки боем, а также проведение фуражировок. То есть все методы разведывательной и диверсионной деятельности, навыки в ведении которой русская армия приобрела на начальном этапе Северной войны (1700–1709) [5].

При этом основной движущей силой традиционно была кавалерия, состав которой в Померанском походе составлял около 12 000 драгун [3, л. 38]. Регулярную кавалерию поддерживали отряды донских казаков и калмыков, которые, как правило, действовали в составе смешанных с ними «партий» [6, с. 151–152; 22, л. 1; 27, с. 277]. В ряде случаев создавались сводные отряды с участием конницы саксонцев, но с условием, чтобы их командиры назначались поочередно: «сегодня саксонской, а завтра руской» [13, с. 118].

Кроме того, удалось выстроить хронологию событий периода 1712 и 1713 гг., определить этапы активности и затухания в военных операциях, а также место и роль тактической разведки русской армии в общем ходе Померанской кампании, когда противоборствующим армиям в основном приходилось маневрировать и перемещаться по театру боевых действий, используя методы малой войны. Их действия заключались в следующем: блокирование и последующий захват Штеттина (с мая 1712 г. по октябрь 1713 г.); блокирование Штральзунта (1712–1713); сражение у Фредерикштадта (февраль 1713 г.); блокирование и капитуляция шведского гарнизона Теннинга (февраль – май 1713 г.).

В заключение стоит отметить, что несмотря на условно нулевой результат Померанской кампании для русской армии, ей удалось достигнуть ряда существенных военных результатов (захват крепостей, блокирование

действий противника), важную роль в которых играла разведывательная и диверсионная деятельность ее войск, дававшая возможность предугадывать действия противника и купировать угрозы с его стороны.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Бутурлин Д. П. Военная история походов россиян в XVIII столетии. СПб.: Воен. тип., 1820. Т. 2, ч. 1. 744 с.
2. Бушкович П. Петр Великий: Борьба за власть (1671–1725). СПб.: Дм. Буланин, 2021. 541 с.
3. «Ведение Его Ц. В. о ауксилиарных войсках, которые в прешедшую компанию имеет быть в Померанию», 1712 г. // Российский государственный архив древних актов (РГАДА). Ф. 53. Оп. 1. Д. 12. Л. 38–38 об.
4. Волынский Н. П. История лейб-гвардии кирасирского его величества полка. 1701–1901. СПб.: Столич. тип., 1902. Т. 1, кн. 1. 365 с.
5. Иванюк С. А. Малая война русской армии в период подготовки Полтавского сражения. СПб.: Ист. ил., 2019. 352 с.
6. Иванюк С. А. Новые источники об участии донского казачества в военных кампаниях Северной войны (1700–1721) // Казачество на службе Отечеству. Ростов н/Д; Таганрог: Изд-во Юж. федер. ун-та, 2022. С. 148–157.
7. Каменский Е. С. История 2-го Драгунского С.-Петербургского генерал-фельдмаршала князя Меншикова полка. 1707–1898 гг. М.: Тип. Вильде, 1900. Т. 1. 727 с.
8. Мышлаевский А. З. Петр Великий. Война в Финляндии в 1712–1714 года: Совместная операция сухопутной армии, галерного и корабельного флотов. СПб.: Воен. тип., 1896. 668 с.
9. Офицерские сказки первой четверти XVIII века. Отставные и заполошные / сост. К. Татарников. М.: Старая Басманная, 2017. Т. 1. 1290 с.
10. Офицерские сказки первой четверти XVIII века. Полевая армия: сб. док.: в 2 т. / сост. К. Татарников. М.: Старая Басманная, 2015. Т. 1. 1352 с.
11. Павленко Н. И. Меншиков: Полудержавный властелин. 3-е изд. М.: Мол. гвардия, 2016. 397 с.
12. Письма и бумаги императора Петра Великого. М.: Наука, 1975. Т. 12, вып. 1. 588 с.
13. Письма и бумаги императора Петра Великого. М.: Наука, 1977. Т. 12, вып. 2. 629 с.
14. Письма и бумаги императора Петра Великого. М.: Наука, 1992. Т. 13, вып. 1. 479 с.
15. Письмо А.Д. Меншикова жене Д.М. Меншиковой, 5 ноября 1712 г. // РГАДА. Ф. 198. Оп. 1. Д. 1170. Л. 236.
16. Письмо А.Д. Меншикова Петру I, 12 марта 1713 г. // РГАДА. Ф. 198. Ед. хр. 297. Л. 5–6.
17. Письмо А.Д. Меншикова Петру I, 22 июля 1713 г. // РГАДА. Ф. 198. Ед. хр. 297. Л. 121.
18. Письмо А.Д. Меншикова Петру I, 23 апреля 1713 г. // РГАДА. Ф. 198. Ед. хр. 297. Л. 34–37 об.
19. Письмо А.Д. Меншикова Петру I, 7 июля 1713 г. // РГАДА. Ф. 198. Ед. хр. 297. Л. 83–90.
20. Письмо А.Д. Меншикова послу в Дании В.Л. Долгорукову, 13 мая 1712 г. // РГАДА. Ф. 53. Оп. 1. Д. 12. Л. 51–52.
21. Письмо А.Д. Меншикова послу в Дании В.Л. Долгорукову, 26 окт. 1712 г. // РГАДА. Ф. 53. Оп. 1. Д. 12. Л. 96–97.
22. Письмо обер-комиссара М.М. Аргамакова А.Д. Меншикову, 28 авг. 1712 г. // РГАДА. Ф. 20. Оп. 1. Д. 414. Л. 1–2.
23. Письмо полковника М.И. Нащокина генералу Р.Х. Боуру, 21 дек. 1712 г. // Научно-исторический архив Санкт-Петербургского института истории Российской академии наук (НИА СПб ИИ РАН). Ф. 83. Оп. 1. Ч. 6. Д. 5777. Л. 1.
24. Письмо царицы Екатерины Алексеевны князю А.Д. Меншикову, 4 нояб. 1712 г. // НИА СПб ИИ РАН. Ф. 83. Оп. 1. Ч. 6. Д. 5663. Л. 13–14.
25. Походная канцелярия вице-канцлера Петра Павловича Шафирова: Новые источники по истории России эпохи Петра Великого / изд. подгот. Т. А. Базарова, Ю. Б. Фомина; сост., вступ. ст., коммент. Т. А. Базаровой. Ч. 1. СПб.: Изд. дом «Мирь», 2011. 464 с.
26. Шиппан М. Петр I в Германии: 1697–1717. СПб.: Европ. дом, 2021. 632 с.
27. De Nordiske Allieredes Kamp med Magnus Stenbock 1712–1713 // Bidrag til den store nordiske krigs historie udgivne af Generalstaben. Bd. 4. København, Kristiania: Gyldendalske boghandel, Nordisk forl., 1910. 404 s.
28. Felttogene i Nordtyskland og Baahuslen i Østersøen og Kattegat, 1710–1712 // Bidrag til den store nordiske krigs historie udgivne af Generalstaben. Bd. 3. København, Kristiania: Gyldendalske boghandel, Nordisk forl., 1906. 511 s.
29. Thiede Fr. Chronik der Stadt Stettin: bearbeitet nach Urkunden und den bewährten historischen Nachrichten. Stettin: Verlag von Ferdinand Müller, 1849. 936 S.
30. Kampen om Tønning 1713–1714 og Stenbocks hær i dansk fangenskab 1713–1719 // Bidrag til den store nordiske krigs historie udgivne af Generalstaben. Bd. 5. København, Kristiania: Gyldendalske boghandel, Nordisk forl., 1915. 371 s.
31. Westerlund C. Slaget vid Gadebusch // Karolinska förbundets årsbok. Stockholm: Berlingska boktryckeriet, 1912. S. 150–168.

REFERENCES

1. Buturlin D.P. *Voennaja istorija pokhodov rossijan v XVIII stoletii* [Military History of Russian Campaigns in the 18th Century]. Saint Petersburg, Voen. typ., 1820, vol. 2, pt. 1. 744 p.
2. Bushkovich P. *Petr Velikij: Borba za vlast (1671–1725)* [Peter the Great: The Struggle for Power (1671–1725)]. Saint Petersburg, Dm. Bulanin, 2021. 541 p.
3. «Vedenie Ego C. V. o auksiliarnykh vojskakh, kotorye v presedsuju kompaniju imeet byt v Pomeraniju», 1712 g. [“The Conduct of His R. M. About the Auxiliary Troops, Which in the Past Company Has to Be in Pomerania”, 1712]. *Rossiyskiy gosudarstvennyy arkhiv drevnikh aktov* (RGADA) [Russian State Archive of Ancient Acts], f. 53, inv. 1, d. 12, l. 38–38r.
4. Volynskij N.P. *Istorija lejbgvardii kirasirskogo ego velichestva polka. 1701–1901* [The History of the Life Guards of His Majesty’s Cuirassier Regiment. 1701–1901]. Saint Petersburg, Stolich. typ., 1902, vol. 1, book 1. 365 p.
5. Ivanjuk S.A. *Malaja vojna russkoj armii v period podgotovki Poltavskogo srazhenija* [The Small War of the Russian Army During the Preparation of the Battle of Poltava]. Saint Petersburg, Ist. il. Publ., 2019. 352 p.
6. Ivanjuk S.A. *Novye istochniki ob uchastii donsogo kazachestva v voennykh kampanijakh Severnoj vojny (1700–1721)* [New Sources on the Participation of the Don Cossacks in the Military Campaigns of the Northern War (1700–1721)]. *Kazachestvo na sluzhbe Otechestvu* [Cossacks in the Service of the Fatherland]. Rostov-on-Don, Taganrog, Izd-vo Yuzh. feder. un-ta, 2022, pp. 148–157.
7. Kamenskij E.S. *Istorija 2-go Dragunskogo S.-Peterburgskogo general-feldmarshala knjazja Menshikova polka. 1707–1898 gg.* [The History of the 2nd St. Petersburg Dragoon General Field Marshal Prince Menshikov Regiment. 1707–1898]. Moscow, Typ. Wilde, 1900, vol. 1. 727 p.
8. Myshlaevskij A.Z. *Petr Velikij. Vojna v Finljandii v 1712–1714 goda: Sovmestnaja operacija sukhoputnoj armii, galernogo i korabelnogo flotov* [Peter the Great. The War in Finland in 1712–1714. A Joint Operation of the Land Army, Galley and Ship Fleets]. Saint Petersburg, Voen. typ., 1896. 668 p.
9. *Oficerskie skazki pervoj chetverti XVIII veka. Otstavnye i zapoloshnye* [Officers Tales of the First Quarter of the 18th Century. Retired and Zapoloshnye]. Moscow, Staraya Basmanaya Publ., 2017, vol. 1, 1290 p.
10. Tatarnikov K., ed. *Oficerskie skazki pervoj chetverti XVIII veka. Polevaja armija: sb. dok.: v 2 t.* [Officers Tales of the First Quarter of the 18th Century. Field Army. Collection of Reports. In 2 Vols.]. Moscow, Staraya Basmanaya Publ., 2015, vol. 1. 1352 p.
11. Pavlenko N.I. *Menshikov: Poluderzhavnyj vlastelin* [Menshikov: The Semi-Sovereign Ruler]. Moscow, Mol. guardia Publ., 2016. 397 p.
12. *Pisma i bumagi imperatora Petra Velikogo* [Letters and Papers of Emperor Peter the Great]. Moscow, Nauka Publ., 1975, vol. 12, iss. 1. 588 p.
13. *Pisma i bumagi imperatora Petra Velikogo* [Letters and Papers of Emperor Peter the Great]. Moscow, Nauka Publ., 1977, vol. 12, iss. 2. 629 p.
14. *Pisma i bumagi imperatora Petra Velikogo* [Letters and Papers of Emperor Peter the Great]. Moscow, Nauka Publ., 1992, vol. 13, iss. 1. 479 p.
15. Pismo A.D. Menshikova zhene D.M. Menshikovej, 5 nojabrja 1712 g. [A.D. Menshikov’s Letter to Wife D.M. Menshikova, November 5, 1712]. *RGADA* [Russian State Archive of Ancient Acts], f. 198, inv. 1, d. 1170, l. 236.
16. Pismo A.D. Menshikova Petru I, 12 marta 1713 g. [A.D. Menshikov’s Letter to Peter I, March 12, 1713]. *RGADA* [Russian State Archive of Ancient Acts], f. 198, dep. item 297, l. 5–6.
17. Pismo A.D. Menshikova Petru I, 22 ijulja 1713 g. [A.D. Menshikov’s Letter to Peter I, July 22, 1713]. *RGADA* [Russian State Archive of Ancient Acts], f. 198, dep. item 297, l. 121.
18. Pismo A.D. Menshikova Petru I, 23 aprelja 1713 g. [A.D. Menshikov’s Letter to Peter I, April 23, 1713]. *RGADA* [Russian State Archive of Ancient Acts], f. 198, dep. item 297, l. 34–37 r.
19. Pismo A.D. Menshikova Petru I, 7 ijulja 1713 g. [A.D. Menshikov’s Letter to Peter I, July’s 7, 1713]. *RGADA* [Russian State Archive of Ancient Acts], f. 198, dep. item 297, l. 83–90.
20. Pismo A.D. Menshikova poslu v Danii V.L. Dolgorukovu, 13 maja 1712 g. [A.D. Menshikov’s Letter to Ambassador to Denmark V.L. Dolgorukov, May 13, 1712]. *RGADA* [Russian State Archive of Ancient Acts], f. 53, inv. 1, 1712, d. 12, l. 51–52.
21. Pismo A.D. Menshikova poslu v Danii V.L. Dolgorukovu, 26 okt. 1712 g. [A.D. Menshikov’s Letter to Ambassador to Denmark V.L. Dolgorukov, October’s 26, 1712]. *RGADA* [Russian State Archive of Ancient Acts], f. 53, inv. 1, 1712, d. 12, l. 96–97.
22. Pismo ober-komissara M.M. Argamakova A.D. Menshikovu, 28 avg. 1712 g. [Letter of Chief Commissioner M.M. Argamakov to A.D. Menshikov, August 28, 1712]. *RGADA* [Russian State Archive of Ancient Acts], f. 20, inv. 1, d. 414, l. 1–2.
23. Pismo polkovnika M.I. Naschokina generalu R.H. Bouru, 21 dek. 1712 g. [Letter of Colonel M.I. Nashchokin to General R.H. Bour, December 21, 1712]. *NIA SPb II RAN* [Scientific and Historical Archive of the Saint Petersburg Institute of History of the Russian Academy of Sciences], f. 83, inv. 1, pt. 6, d. 5777, l. 1.

24. Pismo tsaritsy Ekateriny Alekseevny knjazju A.D. Menshikovu, 4 nojabrja 1712 g. [Letter of Tsarina Ekaterina Alekseevna to Prince A.D. Menshikov, November 4, 1712]. *NIA SPb II RAN* [Scientific and Historical Archive of the Saint Petersburg Institute of History of the Russian Academy of Sciences], f. 83, inv. 1, pt. 6, d. 5663, l. 13-14.

25. Bazarova T.A., Fomina Yu.B., eds. *Pokhodnaja kanceljarija vice-kanclera Petra Pavlovicha Shafirova: Novye istochniki po istorii Rossii epohi Petra Velikogo* [The Field Office of Vice-Chancellor Pyotr Pavlovich Shafirov: New Sources on the History of Russia of the Era of Peter the Great], pt. 1. Saint Petersburg, Izd. dom "Mir", 2011. 464 p.

26. Shippan M. *Petr I v Germanii: 1697–1717* [Peter I in Germany: 1697–1717]. Saint Petersburg, Europ. dom, 2021. 632 p.

27. De Nordiske Allieredes Kamp med Magnus Stenbock 1712–1713. *Bidrag til den store nordiske*

krigs historie udgivne af Generalstaben. Bd. 4. København, Kristiania, Gyldendalske boghandel, Nordisk forl., 1910. 404 s.

28. Felttogene i Nordtyskland og Baahuslen i Østersøen og Kattegat, 1710–1712. *Bidrag til den store nordiske krigs historie udgivne af Generalstaben. Bd. 3.* København, Kristiania, Gyldendalske boghandel, Nordisk forl., 1906. 511 s.

29. Thiede Fr. *Chronik der Stadt Stettin: bearbeitet nach Urkunden und den bewährten historischen Nachrichten.* Stettin, Verlag von Ferdinand Müller, 1849. 936 S.

30. Kampen om Tønning 1713–1714 og Stenbocks hær i dansk fangenskab 1713–1719. *Bidrag til den store nordiske krigs historie udgivne af Generalstaben. Bd. 5.* København, Kristiania, Gyldendalske boghandel, Nordisk forl., 1915. 371 s.

31. Westerlund N. Slaget vid Gadebusch. *Karolinska förbundets årsbok.* Stockholm, Berlingska boktryckeriet, 1912, s. 150-168.

Information About the Author

Sergey A. Ivanyuk, Candidate of Sciences (History), Director, Central Museum of Communications named after A.S. Popov, Pochtamtsky Lane, 4, 190000 Saint Petersburg, Russian Federation, cms_museum@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-3097-9307>

Информация об авторе

Сергей Александрович Иванюк, кандидат исторических наук, директор, Центральный музей связи им. А.С. Попова, пер. Почтамтский, 4, 190000 г. Санкт-Петербург, Российская Федерация, cms_museum@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-3097-9307>

DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2024.3.2>

UDC 94(470)

LBC 63.3(2)511

Submitted: 11.06.2023

Accepted: 30.08.2023

**“THERE IS NO STOPPING IN KOTLIN’S WORK”:
A.D. MENSHIKOV AND STONE CONSTRUCTION ON KOTLIN
IN THE EARLY 1720s¹**

Tatyana A. Bazarova

Saint Petersburg Institute of History of the Russian Academy of Sciences, Saint Petersburg, Russian Federation

Abstract. *Introduction.* The development and defense of Kotlin Island, which became a seaport and base of the Baltic Navy, was a matter of national importance for Peter I. The implementation of the tsar’s plans required the involvement of material and human resources from all Russian provinces. The researchers turned to the issues of the defense of the island as well as the construction of fortifications and port facilities. The beginning of civil construction on the island and the creation of a new city, the bulk of the population of which was in the navy and maritime trade, have been studied only fragmentarily. *Methods and materials.* The basis of the source base was made up of documents stored in the Russian State Archive of Ancient Acts, as well as published materials: correspondence between the Most Serene Prince and Peter I, heads of offices and contractors, as well as notes and diaries of eyewitnesses. The study of published and archival sources and the analysis and comparison of the information contained in them make it possible to reveal the role of St. Petersburg governor A.D. Menshikov in the creation of a regularly built-up port city. *Analysis.* Before the laying of the Kronstadt fortress on October 7, 1723, the settlement on Kotlin had no name. The first stone houses on the southern coast of the island were erected by the forces of the provinces; therefore, they were called “provincial.” After the start of the second regional reform, the completion of the provincial houses was entrusted to Senator M.M. Samarin. The construction of all stone buildings Peter I entrusted to A.D. Menshikov. In 1720, the Office of the Construction of Kotlin Stone Houses was created to conduct work. In connection with the beginning of the construction of the canal (the future Petrovsky Dock), the wooden residential buildings and outbuildings located near the seacoast were demolished or moved inland. At the beginning of 1724, the stone houses in the “bracket” – the sea gates of Kronstadt – were transferred to the associates of the first Russian emperor and naval officers. *Results.* In historiography, all stone houses built in 1717–1725 on Kotlin are what it is customary to call “provincial.” The buildings begun in 1719 under the leadership of A.D. Menshikov were built on the model of the provincial ones, but they were called “the houses of his royal majesty.” The office of the construction of the Kotlin stone houses carried out work at a faster pace, which was facilitated by the huge administrative resources of the Petersburg governor.

Key words: A.D. Menshikov, M.M. Samarin, Kotlin, provincial houses, Kronstadt palace of Peter I, Kronstadt, Office of the Construction of Kotlin Stone Houses, maritime settlement.

Citation. Bazarova T.A. “There Is No Stopping in Kotlin’s Work”: A.D. Menshikov and Stone Construction on Kotlin in the Early 1720s. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 4. Istoriya. Regionovedenie. Mezhdunarodnye otnosheniya* [Science Journal of Volgograd State University. History. Area Studies. International Relations], 2024, vol. 29, no. 3, pp. 16–28. (in Russian). DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2024.3.2>

УДК 94(470)

ББК 63.3(2)511

Дата поступления статьи: 11.06.2023

Дата принятия статьи: 30.08.2023

**«В КОТЛИНСКОЙ РАБОТЕ НЕ УЧИНИТЬ ОСТАНОВКИ»:
А.Д. МЕНШИКОВ И КАМЕННОЕ СТРОИТЕЛЬСТВО НА КОТЛИНЕ
В НАЧАЛЕ 1720-х ГОДОВ¹**

Татьяна Анатольевна Базарова

Санкт-Петербургский институт истории РАН, г. Санкт-Петербург, Российская Федерация

Аннотация. *Введение.* Застройка и защита острова Котлина, ставшего морским портом и базой Балтийского военно-морского флота, являлась для Петра I делом государственной важности. Реализация планов царя потребовала привлечения ресурсов всех российских губерний. Исследователи обращались к вопросам обороны острова, возведения крепостных и портовых сооружений. Начало гражданского строительства, создание города, основная часть населения которого была связаны с флотом и морской торговлей, изучены фрагментарно. *Методы и материалы.* Основу источниковой базы составили документы, хранящиеся в РГАДА, и опубликованные материалы: переписка светлейшего князя с Петром I, руководителями канцелярий и подрядчиками, записки очевидцев. Анализ и сопоставление информации, содержащейся в опубликованных и архивных источниках, позволяют раскрыть роль петербургского губернатора А.Д. Меншикова в создании регулярно застроенного города-порта. *Анализ.* До закладки крепости Кронштадт (7 октября 1723 г.) поселение на Котлине не имело названия. Первые каменные дома на южном берегу возводили силами губерний. После начала второй областной реформы завершение губернских домов поручили сенатору М.М. Самарину. Строительство новых каменных зданий Петр I возложил на А.Д. Меншикова. В 1720 г. создали Канцелярию строения котлинских каменных домов. В связи с началом строительства канала (будущий «Петровский док») деревянные постройки сносили или переносили вглубь острова. В начале 1724 г. каменные дома в «скобе» – морских воротах Кронштадта – передали сановникам и морским офицерам. *Результаты.* В историографии все каменные дома, возводившиеся в 1717–1725 гг. на Котлине, принято называть «губернскими». Здания, начатые в 1719 г. под руководством А.Д. Меншикова, строили по образцу губернских, но именовали «домами его царского величества». Канцелярия строения котлинских каменных домов вела работы более быстрыми темпами благодаря значительному административному ресурсу петербургского губернатора.

Ключевые слова: А.Д. Меншиков, М.М. Самарин, Котлин, губернские дома, кронштадтский дворец Петра I, Кронштадт, Канцелярия строения котлинских каменных домов, морская слобода.

Цитирование. Базарова Т. А. «В котлинской работе не учинить остановки»: А.Д. Меншиков и каменное строительство на Котлине в начале 1720-х годов // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 4, История. Регионоведение. Международные отношения. – 2024. – Т. 29, № 3. – С. 16–28. – DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2024.3.2>

Введение. В петровское время остров Котлин стал базой Балтийского военного флота и крупным морским портом. Застройка и защита острова – как и строительство и оборона Санкт-Петербурга – были для Петра I делом государственной важности. Реализация грандиозных замыслов государя потребовала привлечения материальных и людских ресурсов всех регионов России.

Петр I обратил внимание на Котлин вскоре после основания Санкт-Петербурга. 10 октября 1703 г. царь на яхте впервые осмотрел устье Финского залива. Именно тогда для контроля судоходного южного фарватера на отмели возле Котлина решили соорудить небольшой форт. Деревянную крепость начали возводить зимой 1703/04 г. и в мае 1704 г. нарекли Кроншлотом. В том же году на острове, где находились лишь опустевшие финские деревушки, появились избы солдат и офицеров гарнизона [3, с. 75–76]. Затем на Котлине построили деревянные дома для Петра I, А.Д. Меншикова, вице-адмирала К.И. Крюкса² и морских офицеров, а также казармы, склады, церковь и гавань. Для обороны ост-

рова соорудили батареи и Александровскую крепость. К 1710 г. на Котлине уже находилось около 80 дворов, большинство из которых принадлежало военным и морским чинам [43, с. 92]. Однако постоянное население по-прежнему отсутствовало. Шведский военнопленный офицер Л.Ю. Эренмалм отметил, что «на этом острове морские офицеры имеют свои дома, в которых живут летом, когда здесь стоят их корабли» [5, с. 94].

После Полтавской победы Котлин стал играть большую роль в планах государя. По его указам на острове развернулось масштабное строительство: перестраивали Кроншлот, возводили пристани, гавани, доки, каналы и пр. В 1712 г. Петр I решил заложить на Котлине регулярный город, возможно, будущую столицу Российского государства. Еще до окончания Северной войны царь намеревался переселить на остров дворян, купцов и ремесленников. Для новых жителей предполагали построить каменные дома. Летом 1712 г. появился первый чертеж регулярной застройки острова [2, с. 74–76; 26, с. 26–27, рис. 4; 31, с. 778]³. Основные расходы по выполнению

проекта возложили на учрежденные в 1708 г. губернии. На «строение на Котлине острове фортеции и жилья» потребовали направить три тысячи человек [43, с. 93].

10 марта 1714 г. Петр I указал губернаторам в начале следующего года приступить к строительству каменных домов на южном берегу острова из расчета с каждых пяти долей по двору в год. Всего силами губерний предполагали возвести 31 здание [28, с. 606; 30, с. 116]. В мае 1714 г. вместе с сенатским указом губернаторам разослали и составленную архитектором А. Шлютером «ведомость строительным материалам», которые требовались для возведения одного стандартного дома (в том числе 320 000 кирпичей и 16 000 штук черепицы) [9, с. 378–379; 32, с. 105]. Каменные двух- и трехэтажные одноподтипы дома впоследствии получили название губернских. В 1721 г. Петр I утвердил новый план регулярной застройки острова, согласно которому каменные здания на южном берегу должны были сформировать парадную часть города. После завершения строительства их безденежно передали приближенным государя и морским офицерам [24, с. 27–30].

Методы и материалы. Начиная с XIX в. ученые рассматривают вопросы обороны и застройки Котлина в контексте истории Северной войны, строительства Санкт-Петербурга и создания Балтийского флота [1–3; 22; 24; 39]. В XX в. также появились специальные исследования, посвященные Кронштадту – крепости и городу [34; 35; 43]. Обращавшиеся к истории Котлина петровского времени ученые главным образом фокусировались на военных аспектах, возведении крепостных и портовых сооружений. Наряду с этим предпринимались попытки выявить и оценить вклад в застройку Котлина петербургского губернатора А.Д. Меншикова [7, с. 157–159; 25, с. 210–218]. Между тем начало гражданского строительства на острове (включая губернские дома), создание по воле Петра I нового города, основная часть населения которого была связана с военно-морским флотом и морской торговлей, до сих пор изучены только фрагментарно.

Основной источниковой базой исследований являются переписка А.Д. Меншикова с организаторами строительства на острове

Котлине, крупными подрядчиками и архитекторами, а также делопроизводственная документация канцелярий. Данные материалы отложились преимущественно в Российском государственном архиве древних актов (фонд 198 «Походная и домовая канцелярии А.Д. Меншикова») и Российском государственном архиве военно-морского флота (фонд 235 «Контора по строению канала им. Петра Великого, гаваней и зданий в Кронштадте»). Наиболее информативные документы, которые сейчас хранятся в этих фондах, увидели свет на страницах третьего выпуска «Материалов для истории русского флота» [28]. Выполненная в середине XIX в. публикация не содержит археографических описаний, большинство документов воспроизводится в извлечениях и с ошибками прочтения. Поэтому у современных исследователей сохраняется необходимость обращаться непосредственно к архивным материалам. Дополнительные факты ученые находят в переписке Петра I с А.Д. Меншиковым, повседневной записке светлейшего князя, а также в письмах, записках и дневниках очевидцев событий [4; 5; 27; 28; 40]. Изучение опубликованных и архивных источников, анализ и сопоставление содержащейся в них информации позволяют раскрыть роль петербургского губернатора А.Д. Меншикова в возведении как отдельных сооружений, так и целых комплексов гражданских построек, а также создании регулярно застроенного морского города.

Анализ. В 1710-х гг. назначенные от губерний комиссары основные людские и материальные ресурсы направляли на сооружение котлинских гаваней и каналов. Первые подряды на строительство каменных жилых зданий заключили только в 1717 году. До начала новой губернской реформы, в ходе которой были упразднены доли [32, с. 701–710], удалось возвести лишь 24 каменных дома. Большинство из них еще оставались не достроены. В 1719 г. «по росписании губерний в провинции сенатским приговором определено было строению оных домов быть в Камерколлегии» [28, с. 606]. В феврале 1720 г. Петр I указал Правительствующему Сенату: «оние застроенные дома к будущему году велите достроить совсем в отделку» [42]. В октябре того же года царь велел завершить начатое

строительство губернских домов сенатору М.М. Самарину и отпускать для этой цели деньги из Камер-коллегии и Штатс-контор-коллегии [28, с. 606]. Петр I требовал закончить работы как можно скорее. Так, 29 июля 1721 г. кабинет-секретарь А.В. Макаров сообщил М.М. Самарину: «царское величество указал к вам отписать, чтоб вы отделкою губернских домов (которые делаются на Котлине острове), сколь возможно, поспешали...» [28, с. 627].

Возведение новых каменных жилых домов на острове царь поручил А.Д. Меншикову. Петербургский губернатор и ранее уделял острову пристальное внимание. Предположительно А.Д. Меншиков сопровождал царя в его первой поездке к острову в октябре 1703 года. На протяжении многих лет губернатор, выполняя распоряжения Петра I, следил за строительством, а затем и ремонтом Кроншлота и других фортификационных сооружений, устройством гаваней, магазинов, казарм. Стараниями А.Д. Меншикова на острове появились самые первые каменные дома. В июне 1711 г. он по государеву указу на острове «против чертежа заложил (наемными каменщиками) для обрасца 4 дома»⁴ [30, с. 543]. 11 января 1716 г., незадолго до отъезда в Западную Европу, Петр I указал своему фавориту: «Паче всего надлежит доброе око на Котлин остров иметь, и как гавань, так новую работу к Кроншлоту и прочия управления учинить» [28, с. 577]. В повседневных записках светлейшего князя упоминаются многочисленные поездки на остров, когда А.Д. Меншиков сам наблюдал за строительством или сопровождал Петра I по возвращении его из заграничного путешествия. В 1719 г. царь и губернатор часто бывали на острове, осматривали суда Балтийского флота, различные строения и обсуждали планы и проекты. Так, 8 июня 1719 г., за несколько месяцев до указа о новых каменных домах, «...по розговорех его величество с его светлостью изволили гулять кругом канала» [40, с. 315].

В литературе встречается утверждение, что в 1719 г. А.Д. Меншикову поручили строительство домов от Петербургской губернии [1, с. 56; 35, с. 19]. Светлейший князь, действительно, как губернатор, помимо прочего, продолжал отвечать за работы на Котлине,

возложенные на его губернию. Однако в тексте указа, который царь отправил 11 октября 1719 г. из Шлиссельбурга в Правительствующий Сенат, такого уточнения не было: «Каменных домов строение на Котлине острове вручено от нас князю Меншикову, и когда он будет от вас к тому делу требовать дворян, також дьяка и несколько подьячих, то по тому его требованию дворян, и дьяка и подьячих отдайте немедленно» [41]. Отметим, что в составленной в 1723 г. «ведомости о разных строениях» четко разделялись «каменные дома первые от губерний с 714 года, вторые от светлейшего князя с 719 года» [28, с. 643]. Новые здания и гостиный двор начали возводить «из остаточных денег» А.Д. Меншикова «от Петербургской губернии» [28, с. 642].

Строительный сезон на Котлине начался без светлейшего князя. Еще зимой А.Д. Меншиков уехал на Украину и вернулся в Санкт-Петербург только 12 сентября 1720 г. [28, с. 378]. Руководство возведением каменных домов на время своего отсутствия губернатор возложил на дьяка Федора Васильевича Захарова. В конце 1719 г. по государеву указу он был прислан из Правительствующего Сената к А.Д. Меншикову, который велел дьяку состоять у «полатного строения» [38, л. 21 об.]. По-видимому, Ф.В. Захаров был уже немолодым человеком и опытным управленцем. Он начал свою государеву службу в 1684 г.; в 1713 г. стал дьяком и был отправлен в Ярославль. Ф.В. Захаров принял под управление Канцелярию строения котлинских каменных домов (другое название – Канцелярия котлинского строения). Она подчинялась А.Д. Меншикову и в отличие от Канцелярии гаванного и канального строения занималась только каменными гражданскими постройками. Под началом дьяка находились подьячие и драгуны (которые «определены для караулов казны и для всяких посылок») [33, л. 1 об.]. В 1720–1721 гг. Ф.В. Захаров регулярно докладывал А.Д. Меншикову о ходе работ. Он подавал «пункты», на которые получал резолюции, сохранившиеся до наших дней в архиве светлейшего князя. Некоторые донесения дьяка в сокращенном виде опубликованы в «Материалах по истории русского флота». Заголовки документов из этого сборника Ф.В. Захарова называют комиссаром. Меж-

ду тем должность комиссара от Петербургской губернии принадлежала Григорию Мазовскому (Мозовскому), который также занимался и строительством «собственных палат» А.Д. Меншикова на Котлине. 28 мая 1720 г. Г. Мазовский «для некоторых своих потреб» поехал на буере с Котлина в Санкт-Петербург. На обратном пути за две с небольшим версты от острова «тот буер залило и камисара в каюте потопило, а оставшие на том буэре люди спаслись» [13, л. 18]. После смерти Г. Мазовского Ф.В. Захаров должность комиссара не получил и по-прежнему именовался дьяком.

31 января 1720 г. Ф.В. Захаров составил шестнадцать пунктов, касавшихся его обязанностей по организации строительства. Согласно наложенным резолюциям, дьяку надлежало докладывать о своих действиях А.Д. Меншикову, а работу координировать с петербургским обер-комендантом Р.В. Брюсом, котлинским комендантом В.И. Порошиным и архитектором И.Ф. Браунштейном⁵. Квартиры дьяку, подьячим и драгунам следовало иметь в губернском доме на Котлине [33].

Ф.В. Захарову дали задание приступить к строительству 21 каменного дома [10, л. 4]. Таким образом, ему поручалось построить почти столько же каменных зданий, сколько уже было возведено силами нескольких губерний за предыдущие годы. Однако дьяк не торопился ехать на Котлин. В феврале – апреле 1720 г. он отправлял А.Д. Меншикову письма из Северной столицы. В Санкт-Петербурге дьяк занимался заключением подрядов на поставку леса, кирпича и других строительных материалов. Так, 17 марта к возведению домов он подрядил 250 каменщиков «ценою от кладки в дело кирпича: за тысячу по 2 рубли», которым надлежало начать работу 1 мая 1720 года. Также к началу строительного сезона требовалось изготовить и доставить на остров 52 000 бочек извести, 420 ушат, 420 ведер, 1 260 шаек, 630 лотков. Семь «кирпичных обжигальщиков» подрядились поставить зимой 9 000 000 кирпичей, столяр – 1 177 дверных и оконных рам с затворами «мерою против строения губернских домов и данной ему модели». Новгородец князь Василий Мышецкий взял на себя поставки досок, бруса и тесницы [10, л. 4]. Вдобавок к уже существовавшим кирпичным заводам решили за-

ложить новые. Подходящее место нашлось возле запустевших заводов Рижской губернии в трех верстах от Ораниенбаума [11, л. 7 об.].

А.Д. Меншиков настаивал на скорейшем отъезде Ф.В. Захарова с подьячими на Котлин. Да и комиссар Г. Мазовской пожаловался губернатору, что из-за отсутствия дьяка с канцелярией и подьячими на острове «учинилась остановка» в работах [14, л. 20]. Ф.В. Захаров объяснил светлейшему князю причину задержки: в коллегиях важные дела еще не решены и без «резолуции ехать невозможно, а на Котлине острове у строения по нижеписанное ж число важного дела не было» [12, л. 12–13].

«Благополучное время к начинанию каменного строения» приспело 28 мая. К тому времени на остров уже прибыли каменщики, а также доставили строительные материалы. 2 июня 1720 г. началось строительство первых семи каменных домов. Ф.В. Захаров доносил: «линея, которая за церковью, где дом прежней ваш высококняжой светлости был деревянной, от моря заложено 7 домов мерою на 70 саженьях, в которых за помощью Божиею бут каменной набучен и со 12 числа начали класть стены кирпичем. На той работе каменщиков 230 человек» [14, л. 21]. К 30 июня у домов уже были «кирпичем погребы вверх выведены». Позднее дьяк сообщил А.Д. Меншикову, что у пяти зданий («кроме двух домов от моря»), «сверх погребов нижние полаты кирпичем класть начали и всего от земли поднято на 5 аршин». Два каменных дома, по видимому, первоначально предназначались «великому адмиралу» – Ф.М. Апраксину. Их планировали возводить по «особливому» чертежу. Однако строительство замедлилось из-за задержки его доставки. Дьяк пожаловался губернатору, что дважды писал об этом «сиятельному адмиралу». Только 24 июля «чрез многие посылки» на остров приехал архитектор И.Ф. Браунштейн и строительство «двух домов от моря» возобновилось («и как оные строить покаями по приказу его адмиралскому, розмер чинить начал») [15, л. 30].

На Котлине Ф.В. Захаров столкнулся с непредвиденными проблемами. Архитектор И.Ф. Браунштейн занимался возведением Ораниенбаумского дворца светлейшего князя и очень редко и неохотно посещал Котлин. Дьяк жаловался, что тот «не был с тех мест

как фундамент основан», «с начала строения, как розмер учинил июня с 5 дня, приехал однажды». Для поездок на остров архитектор потребовал особый буер и шлюпку с гребцами, которые Р.В. Брюс и В.И. Порошин отказывались предоставить. Да и сам Ф.В. Захаров сетовал, что до острова ему и подъячим приходится добираться на почтовых буерах. Дьяк также докладывал: «Неотлучно труд в смотреии имеют мастер Шейдель⁶ и каменщик Мейер». Иноземные специалисты спрашивали положенное им по контракту жалование. Эта просьба повторялась практически в каждом письме дьяка, отправленном А.Д. Меншикову летом 1720 года.

Одновременно в непосредственной близости от каменных домов на острове возводили гавани и канал (так называли сложное инженерно-техническое сооружение, будущий судоремонтный комплекс, состоявший из доков и канала – «Петровский док») [36; 37]. За эти работы отвечали Э. Лейн и П.Н. Крекшин, которые также вели переписку, касавшуюся вверенных им работ, с А.Д. Меншиковым. Однако общего плана строительства не было, подрядчики и комиссары между собой (лично или через светлейшего князя) действия не согласовывали. Землю из канала работные люди П.Н. Крекшина ссыпали возле строившихся каменных домов, как раз туда, где дьяк планировал хранить строительные материалы – доски и кирпичи. Расчистка участка отвлекала работников от основного строительства, да и лошадей с телегами на острове постоянно не хватало. Такой, казалось бы, незначительный вопрос, как вывоз земли, потребовал вмешательства А.Д. Меншикова. 21 октября князь отправил указ на Котлин с распоряжением: землю, «которая вынята и набросана на места, где быть под палаты фундаментом, нанять свозить волными людьми», землю с мест, где должен лежать кирпич – убирать за счет П.Н. Крекшина [16, л. 44]. Однако новгородский дворянин торопился закончить каналное строение в октябре и по-прежнему продолжал сыпать землю возле строившихся домов. Только 11 ноября 1720 г. он доложил А.Д. Меншикову: «с показанных мест, где быть фундаменту, землю свозил и места очистил» [22, л. 6]. Однако строительный сезон к тому времени уже закончился и каменщиков отпустили по домам.

Строительство на острове осложняло доставку туда мастеровых и работных людей, а также строительных материалов. Плохая погода часто мешала оперативно решать возникавшие проблемы. Напряженность создавало и то, что застройкой острова занимались две канцелярии, которые переманивали друг у друга работников. В 1720 г. Ф.В. Захаров неоднократно докладывал губернатору о недобросовестных подрядчиках и бегстве крестьян. Так, Ларион Перфильев и Иван Голяков подрядились поставить 1 мая 1720 г. на строительство «домов царского величества» каменщиков соответственно 150 и 100 человек и взяли задаток. В установленный срок каменщики не явились. За это на поручителей наложили штраф, а мастеровым людям «за прогульные дни» приказали работать «безденежно против того вдвое». 4 июня на Котлин явились 125 каменщиков подряда Л. Перфильева, а остальные прибыли только через месяц – 5 июля. Вскоре подрядчик заявил, что со строительства домов самовольно ушли 69 человек. По его сведениям, беглецы обнаружались на канальной работе. Об их розыске было подано донесение в Канцелярию гаванного и канального строения. 26 июля «из бегов найдены» девять человек, которых били батогами и возвратили на прежнюю работу. А через два дня от полатного строения «ушел» и сам подрядчик Л. Перфильев.

14 августа на канальной работе нашли еще 46 беглецов. Они показали, что подрядчик им не доплатил денег и бражничал, поэтому и нанялись к П.Н. Крекшину. Работников вернули к полатному строению. Л. Перфильева и остальных беглецов так и не сыскали. Второй подрядчик, И. Голяков, «к строению сам не явился и каменщиков ни одного не поставил и из данных ему 400 рублей не вернул» [29].

Не лучше дело обстояло и с поставкой леса, за которую взялся Василий Мышецкий. Не выполнившего условия договора князя признали умалишенным и постановили отправить в Александро-Невский монастырь, а исполнение подряда возложить на его брата Петра [19].

21 сентября 1720 г. А.Д. Меншиков сопровождал Петра I в поездке на Котлин, где «изволили смотреть полатного строения и га-

ваней», сооружение которых велось весной и летом в отсутствие светлейшего князя [40, с. 380]. Возможно, результатом осмотра работ стало решение к началу следующего строительного сезона («к предбудущему лету») заложить фундаменты еще нескольких зданий. 6 октября Ф.В. Захаров сообщил, что подряжено делать полатного строения «чрез канал» двенадцать домов, у которых закладывали фундаменты, в том числе предназначенные для трех зданий места завалены землей из канала [28, с. 621]. В течение месяца удалось завершить только шесть фундаментов. 9 ноября дьяк доложил губернатору, что «досталных 6 домов фундаментов ныне делать невозможно, понеже Крекшин земли канальной свез малое число», и каменщики были отпущены по домам [17, л. 45 об.; 28, с. 621].

Осенью 1720 г. в Канцелярии котлинского строения стали готовиться к следующему строительному сезону. Были заключены новые подряды, по которым число каменщиков увеличивалось более чем в два раза: предполагалось нанять 555 человек. 5 марта 1721 г. дьяк был уже на Котлине [18, л. 83], где закладывались новые фундаменты, а также велись работы по завершению начатых в прошлом году постройкой домов. Весной 1721 г. также заложили фундамент каменного дворца Петра I.

В научной и справочной литературе встречается утверждение, что строительство каменного дворца Петра I началось в 1720 году. Действительно, 8 апреля 1720 г. А.Д. Меншиков из Нежина указал дьяку «...напредь делать особливой дом его царского величества, которой будет строитца на берегу» [17, л. 45]. Однако распоряжение губернатора выполнить не удалось: к концу года успели соорудить только плотину, строительство которой долго откладывалось из-за отсутствия необходимых материалов. В октябре 1720 г. оставалось «недосыпано еще на 40 сажен, и вода не вылита» [17, л. 45]. Поэтому дворец стали возводить только в 1721 году. В начале года И.Ф. Браунштейн получил приказ А.Д. Меншикова ехать на Котлин «для показания места, где бить на плотины сваи в собственном доме царского величества». Однако, как доносил Ф.В. Захаров, еще 29 марта архитектор оставался в Санкт-Петербурге.

2 июня 1721 г. светлейший князь сообщил Петру I: «Котлинский вашего величества дом заложен мая 24-го числа, под которой землю вынимали ниже морской воды на 5 аршин до самой крепкой земли» [27, с. 589]. Завершили же строительство дворца только в 1723 году.

Итак, в 1721 г. на Котлине возводилось 16 домов «ведения» А.Д. Меншикова, в том числе дом Петра I, который «каменного строения имеет быть мерою против других 6 домов» [20, л. 125]. Новые здания строили трехэтажными по образцу губернских. Однако на первом этаже должны были размещаться лавки, которые собирались передавать в аренду⁷. В течение года дьяк регулярно сообщал А.Д. Меншикову о ходе строительства каждого вверенного ему каменного здания. Судя по его отчетам, работы велись быстрее, чем в предыдущий сезон. Так, Ф.В. Захаров доложил, что «заложенных нынешняго лета 8 домов построена, последние верхние жилища с простенками». Вскоре он получил новое указание. «Сверх вышеозначенных домов показано строить еще по обе стороны канала и чрез канал на сводах с шпиром 4 дома, токмо те дома за неотделкою канальных стен нынешним летом не строены», – писал дьяк 20 августа 1721 г. [20, л. 125].

«Остаточных» средств Петербургской губернии на возведение новых домов не хватило. Согласно подсчетам канцеляриста Александра Михайлова, в июле 1721 г. на строительство шестнадцати зданий израсходовали 137 080 рублей. В сентябре потрачен уже оказался 147 391 рубль. В канцелярии подсчитали, что «поныне имеют быть в цене»: дом Петра I – 15 709 рублей 2 алтына 3 деньги, а остальные пятнадцать – «каждой в 3 698 рублей 9 алтын 1 деньга» [21, л. 146–148]. При этом на достройку требовалось еще 79 527 рублей 28 алтын. Отметим, что в 1714 г. на возведение губернского дома в губерниях собирали с пяти доль по 5 000 рублей (6 алтын и полденьги с каждого двора) [28, с. 606; 32, с. 122].

Сооружение новых каменных домов, канала и прудов потребовало сноса уже существовавшей частной нерегулярной застройки – деревянных жилых и хозяйственных построек. В зону строительства попал и деревянный

дом губернатора близ церкви св. Андрея Первозванного. По-видимому, последние посещения хором состоялись в первой половине июня 1719 г. [40, с. 314]. Начиная с этого времени губернатор уже «изволил кушать» и ночевать в губернском доме (или «в своих полатах, которые при губернских домах»). В июне 1720 г. дьяк Ф. Захаров в донесениях А.Д. Меншикову также писал: «За церковью, где дом прежней ваш... был деревянной» [14, л. 21].

18 мая 1720 г. Петр I, «будучи на Котлине острове», приказал начатое солдатами строительство канала, а также устройство прудов «отдать комиссару ж Крекшину на подряд». В связи с этим царь распорядился описать и сломать все мешавшие проекту деревянные дворы. Их хозяева должны были разобрать постройки и перенести на место, которое «будет показано с сего числа впредь день через десять» [28, с. 613–614]. Надо полагать, что владельцы дворов не спешили расставаться со своими жилищами. 31 мая П.Н. Крекшин доносил: «Где показано место копать пруд, и на том месте ныне хоромное строение, и того строения не сносят, а работные люди многие гуляют» [28, с. 614]. 21 июня царь по пути в Дубки заехал на Котлин, где указал: «По каналу (А) размерить места за протокою, или заливом морским. По каналу (В), отступя 700 сажень от поперечного каналу (что ныне копают), начать строение...». Участки для застройки выделялись исходя из должности и звания: для рядовых выделяли 15 длиной и 8 сажень шириной, а «прочим вышним длина равная, а ширина – какову кто похочет, только было бы все застроено строением и заборов не было, кроме ворот... Улицы по обе стороны по семь сажень» [28, с. 616].

По подготовленной М.М. Самариным росписи надлежало снести или перенести 258 домов, 199 сеней, амбаров и прочих хозяйственных построек, 40 бань. Их хозяева могли рассчитывать на небольшую компенсацию, которая не покрывала все убытки. Избы оценивали в среднем по 5 рублей, сени и конюшни – 3 рубля, баня – 2 рубля. Кабинет-секретарь А.В. Макаров пояснил сенатору: «Цену я положил на пример, и ежели разсудите где убавить или прибавить цены, то отдаю на волю вашу». Исходя из предложенных расценок на возмещение расходов по раз-

бору и переносу построек планировали выделить 1 967 рублей [14].

Строения на дворах высоких морских чинов осматривали более тщательно и оценивали дороже. Капитану морского флота И.А. Сенявину за хоромы из четырех светлиц, двое сеней, баню с предбанником и прочие хозяйственные постройки в качестве компенсации выдали 100 рублей. Двор морского капитана-поручика Е.А. Скворцова был проще (дом из двух светлиц, сени, чулан). За него Ермолай Анисимович получил 45 рублей. Двор морского флота боцмана Ария (изба из двух светлиц) оценили в 12 рублей. Адмиралтейский пивовар получил за свою избу один рубль. И.Г. Дуров справедливо написал, что стоимость деревянных дворов на Котлине была ниже, чем в Санкт-Петербурге. По его мнению, небольшой размер компенсации свидетельствовал о низком качестве жилищ [23, с. 100]. Отметим, что, как правило, дома предназначались только для недолгих остановок летом; это и отражалось на характере построек. Основным местом проживания морских чинов до переноса базы Балтийского флота на Котлин оставался Адмиралтейский остров в Санкт-Петербурге. Наряду с частными домами на другое место перенесли и построенные губерниями деревянные казармы, в которые по просьбе вице-адмирала П.И. Сиверса поселили морских служителей [28, с. 618].

Результаты. К 1721 г., когда Петр I утвердил план регулярной застройки южной части Котлина, там уже находилось несколько сотен деревянных и построенных губерниями и А.Д. Меншиковым каменных домов, большинство владельцев которых были связаны с морским делом. До 1723 г. у поселения на острове не было названия. Когда требовалось локализовать какую-либо постройку или местность, то говорили или писали – «на Котлине» или «на Котлине острове». 7 октября 1723 г. торжественно заложили крепость, которая должна была окружать регулярно застроенные жилые кварталы. Новая крепость, а вслед за ней и город, получила имя Кронштадт. Согласно замыслу Петра I, на Котлине, как и в Санкт-Петербурге, набережные и главные улицы должны были застраиваться каменными домами. Уже в 1720 г. в связи с началом

строительства канала находившиеся близ морского берега деревянные жилые и хозяйственные постройки стали сносить или переносить вглубь острова. Этот процесс растянулся на несколько лет. В августе 1723 г. камер-юнкер голштинского герцога Ф.В. Берхгольц записал в своем дневнике: «позади каменных дворцов тянется... длинное предместье, или слобода, состоящая из деревянных домов, в которых живут морские офицеры, корабельные мастера, вся флотская прислуга и матросы... Через так называемую большую площадь, окруженную с трех сторон прекрасными каменными домами, которые выстроены все по одному образцу, проходит широкий канал, имеющий 40 футов глубины» [4, с. 127].

Опыт строительства жилых построек губерниями не был удачным. После начала второй областной реформы завершение губернских домов передали под контроль сенатора М.М. Самарина. В 1719 г. Петр I указал возвести по обе стороны от строившегося канала новые каменные дома, которые образовывали «скобу». Строительство всех зданий возле канала, в том числе и собственного дворца, государь доверил А.Д. Меншикову. Их называли «домами его царского величества», возводили по образцу губернских, но с лавками на первых этажах. Для работ создали канцелярию Котлинского строения во главе с дьяком Ф.В. Захаровым. К 1723 г. здания в основном были закончены. Через несколько месяцев после торжественной закладки Кронштадтской крепости каменные дома в «скобе» — морских воротах нового города — были переданы приближенным первого российского императора и морским офицерам.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 23-18-00420, <https://rscf.ru/project/23-18-00420/>

The research was carried out with the financial support of a grant from Russian Science Foundation № 23-18-00420, <https://rscf.ru/en/project/23-18-00420/>

² В некоторых исследованиях содержатся сведения, что дом К.И. Крюйса был построен в 1706 г. и стал «первым городским зданием» [1, с. 52; 43, с. 92].

³ По мнению одних историков, первый проект застройки острова подготовил Д.А. Трезини, другие полагают, что это был Д.М. Фонтана [35, с. 15]. А.В. Шелов же писал, что «составлял планы города» И.Ф. Браунштейн [43, с. 94].

⁴ А.Е. Гунич полагал, что эти каменные дома перестроили в «собственные палаты» А.Д. Меншикова — Кронштадтский дворец губернатора [6, с. 67].

⁵ По проекту И.Ф. Браунштейна возводили губернские дома [6, с. 75].

⁶ Надо полагать, что речь идет о занимавшемся строительством губернских домов с 1717 г. палатном мастере Иоганне Христофоре Шеделе, брате архитектора Готфрида Иоганна Шедела, прибывшего в Россию в 1713 г. [8, л. 2 об.].

⁷ В феврале 1724 г. П.И. Сиверс просил А.Д. Меншикова передать лавки и погреба во владение хозяев домов, чтобы им «обида не было». Поскольку в зданиях вне «скобы» на нижних этажах располагались не лавки, а «такие же апартаменты» [28, с. 649].

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Амирханов Л. И. Кронштадт. Город-крепость. От основания до наших дней. М.: Центрполиграф, 2008. 704 с.
2. Анисимов Е. В. Юный град: Петербург времен Петра Великого. СПб.: Дм. Буланин, 2003. 363 с.
3. Базарова Т. А. Создание «Парадиза»: Санкт-Петербург и Ингерманландия в эпоху Петра Великого. СПб.: Гйоль, 2014. 408 с.
4. Берхгольц Ф. В. Дневник камер-юнкера Фридриха-Вильгельма Берхгольца. 1721–1725. Ч. 3–5 // Юность державы. М.: Фонд Сергея Дубова, 2000. С. 9–324.
5. Беспятых Ю. Н. Петербург Петра I в иностранных описаниях: Введение. Тексты. Комментарии. Л.: Наука, Ленингр. отд-ние, 1991. 278 с.
6. Гунич А. Е. Забытый дворец: История строительства Кронштадтского дворца А. Д. Меншикова // Петровское время в лицах — 2005. СПб.: Гос. Эрмитаж, 2005. С. 66–87.
7. Данченко В. Г. Губернская реформа Петра I на северо-западе России (административное управление Санкт-Петербургской губернией): дис. ... канд. ист. наук. СПб., 1995. 200 с.
8. Дело о строительстве домов на Котлине острове // Российский государственный архив древних актов (РГАДА). Ф. 412. Оп. 1. Д. 184. Л. 1–2 об.
9. Доклады и приговоры, состоявшиеся в Правительствующем Сенате в царствование Петра Великого. Т. IV. Год 1714-й. Кн. I (январь — июль). СПб.: Тип. Императ. Акад. Наук, 1888. 633 с.
10. Донесение Ф. Захарова А. Д. Меншикову, 17 марта 1720 г. // РГАДА. Ф. 198. Оп. 1. Д. 604. Л. 3–5.

11. Донесение Ф. Захарова А. Д. Меншикову, 24 марта 1720 г. // РГАДА. Ф. 198. Оп. 1. Д. 604. Л. 7–8.
12. Донесение Ф. Захарова А. Д. Меншикову, 18 мая 1720 г. // РГАДА. Ф. 198. Оп. 1. Д. 604. Л. 11–15.
13. Донесение Ф. Захарова А. Д. Меншикову, 3 июня 1720 г. // РГАДА. Ф. 198. Оп. 1. Д. 604. Л. 18–19.
14. Донесение Ф. Захарова А. Д. Меншикову, 15 июня 1720 г. // РГАДА. Ф. 198. Оп. 1. Д. 604. Л. 20–21 об.
15. Донесение Ф. Захарова А. Д. Меншикову, 27 июля 1720 г. // РГАДА. Ф. 198. Оп. 1. Д. 604. Л. 29–30.
16. Донесение Ф. Захарова А. Д. Меншикову, 23 октября 1720 г. // РГАДА. Ф. 198. Оп. 1. Д. 604. Л. 44–44 об.
17. Донесение Ф. Захарова А. Д. Меншикову, 9 ноября 1720 г. // РГАДА. Ф. 198. Оп. 1. Д. 604. Л. 45–45 об.
18. Донесение Ф. Захарова А. Д. Меншикову, 5 марта 1721 г. // РГАДА. Ф. 198. Оп. 1. Д. 604. Л. 83–83 об.
19. Донесение Ф. Захарова А. Д. Меншикову, 21 марта 1721 г. // РГАДА. Ф. 198. Оп. 1. Д. 604. Л. 86–87.
20. Донесение Ф. Захарова А. Д. Меншикову, 20 августа 1721 г. // РГАДА. Ф. 198. Оп. 1. Д. 604. Л. 124–125 об.
21. Донесение Ф. Захарова А. Д. Меншикову, 23 ноября 1721 г. // РГАДА. Ф. 198. Оп. 1. Д. 604. Л. 141–151.
22. Донесение П. Н. Крекшина А. Д. Меншикову, 11 ноября 1720 г. // РГАДА. Ф. 198. Оп. 1. Д. 674. Л. 6–6 об.
23. Дуров И. Г. Пенсии, пожалованные Петром Великим неимущим отставным офицерам, обеспечили ветеранам достойную старость // Меншиковские чтения – 2014: Научный альманах. Вып. 5. СПб.: XVIII век, 2014. С. 78–123.
24. Елагин С. И. Начало Кронштадта. Кронштадт: Тип. «Кронштадтский вестник», 1866. 31 с.
25. Калязина Н. В., Калязин Е. А. Александр Меншиков – строитель России. Ч. II. СПб.: Лики России, 2006. 488 с.
26. Луппов С. П. История строительства Петербурга в первой четверти XVIII века. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1957. 190 с.
27. Материалы для истории русского флота. СПб.: Тип. Мор. м-ва, 1865. Ч. II. 724 с.
28. Материалы для истории русского флота. Ч. III. СПб.: Тип. Мор. м-ва, 1866. 726 с.
29. Отчет о подрядчиках и поставке каменщиков, 6 октября 1720 г. // РГАДА. Ф. 198. Оп. 1. Д. 604. Л. 33–39.
30. Письма и бумаги императора Петра Великого. Т. XIV. Вып. 1 (январь – июнь 1714 г.). М.: Древлехранилище, 2022. 926 с.
31. Полное собрание законов Российской империи. Собрание 1-е. С 1649 по 12 декабря 1825 г. СПб.: Тип. II Отд-ния Собств. Е.И.В. канцелярии, 1830. Т. 4: 1700–1712. 881 с.
32. Полное собрание законов Российской империи. Собрание 1-е. С 1649 по 12 декабря 1825 г. СПб.: Тип. II Отд-ния Собств. Е.И.В. канцелярии, 1830. Т. 5: 1713–1719. 780 с.
33. «Пункты» дьяка Ф. Захарова о строительстве на Котлине, 31 янв. 1720 г. // РГАДА. Ф. 198. Оп. 1. Д. 604. Л. 1–2.
34. Раздолгин А. А., Скориков Ю. А. Кронштадтская крепость. Л.: Стройиздат, Ленингр. отд-ние, 1988. 420 с.
35. Розадеев Б. А., Сомина Р. А., Клещева Л. С. Кронштадт. Л.: Стройиздат, Ленингр. отд-ние, 1977. 143 с.
36. Славнитский Н. Р. Привлечение гарнизонных солдат к строительным работам в Кронштадте и Санкт-Петербурге в 1710-е и 1720-е годы // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: История. Международные отношения. 2019. Т. 19, вып. 1. С. 4–7. DOI: <https://doi.org/10.18500/1819-4907-2019-19-1-4-7>
37. Славнитский Н. Р. Рабочие российских губерний на строительстве Кронштадта // Вопросы истории. 2015. № 5. С. 144–150.
38. Судное дело дьяка Ф. Захарова, 1722 г. // РГАДА. Ф. 198. Оп. 1. Д. 188. Л. 1–119.
39. Тимченко-Рубан Г. И. Первые годы Петербурга. СПб.: В. Березовский, 1901. 208 с.
40. Труды и дни Александра Даниловича Меншикова: Повседневные записки делам князя А. Д. Меншикова 1716–1720, 1726–1727 гг. / публ. С. Р. Долговой и Т. А. Лаптевой. М.: Рос. фонд культуры [и др.], 2004. 646 с.
41. Указ Петра I Правительствующему Сенату, 11 октября 1719 г. // Сборник Русского исторического общества. СПб., 1873. Т. 11. С. 393.
42. Указ Петра I Правительствующему Сенату, 25 февраля 1720 г. // Сборник Русского исторического общества. СПб., 1873. Т. 11. С. 400.
43. Шелов А. В. Исторический очерк крепости Кронштадт. Кронштадт: Тип. газеты «Котлин», 1904. 236 с.

REFERENCES

1. Amirkhanov L.I. *Kronshtadt. Gorod-krepost. Ot osnovaniya do nashih dnei* [Kronstadt. Fortified City. From the Foundation to the Present Day]. Moscow, Tsentrpoligraf, 2008. 704 p.
2. Anisimov E.V. *Yunyj grad: Peterburg vremen Petra Velikogo* [Young City. Petersburg in the Time of

Peter the Great]. Saint Petersburg, Dm. Bulanin, 2003. 363 p.

3. Bazarova T.A. *Sozdanie «Paradiza»: Sankt-Peterburg i Ingermanlandiya v epohu Petra Velikogo* [Creation of "Paradise". St. Petersburg and Ingria in the Age of Peter the Great]. Saint Petersburg, Gjol Publ., 2014. 408 p.

4. Bergholtz F.W. *Dnevnik kamer-yunkera Fridriha-Vilgelma Berhgoica. 1721–1725. Ch. 3–5* [Diary of the Chamber Junker Friedrich-Wilhelm Bergholtz. 1721–1725. Pts. 3–5]. *Yunost derzhavy* [Youth of the State]. Moscow, Fond Sergeya Dubova, 2000, pp. 9–324.

5. Bespyatykh Yu.N. *Peterburg Petra I v inostrannykh opisaniyakh: Vvedenie. Teksty. Kommentarii* [Petersburg of Peter I in Foreign Descriptions. Introduction. Texts. Comments]. Leningrad, Nauka Publ., Leningr. otd-niye, 1991. 278 p.

6. Gunich A.E. *Zabytyj dvorec: Istoriya stroitelstva Kronshtadtskogo dvorca A. D. Menshikova* [The Forgotten Palace: The History of the Construction of the Kronstadt Palace by A.D. Menshikov]. *Petrovskoe vremya v lichah – 2005* [Petrine Time in Persons – 2005]. Saint Petersburg, Gos. Ermitazh, 2005, pp. 66–87.

7. Danchenko V.G. *Gubernskaya reforma Petra I na severo-zapade Rossii (administrativnoe upravlenie Sankt-Peterburgskoy guberniej): dis. ... kand. ist. nauk* [Provincial Reform of Peter I in the North-West of Russia (Administrative Management of the Saint Petersburg Province). Cand. hist. sci. diss.]. Saint Petersburg, 1995. 200 p.

8. *Delo o stroitelstve domov na Kotline ostrove* [The Case of the Construction of Houses on Kotlin Island]. *Rossiyskiy gosudarstvennyy arkhiv drevnikh aktov (RGADA)* [Russian State Archive of Ancient Acts], f. 412, inv. 1, d. 184, l. 1–2 r.

9. *Doklady i prigovory, sostoyavshiesya v Pravitelstvuyushchem Senate v carstvovanie Petra Velikogo. T. IV. God 1714-j. Kn. I (yanvar – iyul)* [Reports and Sentences Held in the Governing Senate During the Reign of Peter the Great. Vol. 4. Year 1714. Book 1 (January–July)]. Saint Petersburg, Tip. Imperat. Acad. Nauk, 1888. 633 p.

10. Doneseniye F. Zakharova A. D. Menshikovu, 17 marta 1720 g. [Report of F. Zakharov to A.D. Menshikov, March 17, 1720]. *RGADA* [Russian State Archive of Ancient Acts], f. 198, inv. 1, d. 604, l. 3–5.

11. Doneseniye F. Zakharova A. D. Menshikovu, 24 marta 1720 g. [Report of F. Zakharov to A.D. Menshikov, March 24, 1720]. *RGADA* [Russian State Archive of Ancient Acts], f. 198, inv. 1, d. 604, l. 7–8.

12. Doneseniye F. Zakharova A. D. Menshikovu, 18 maya 1720 g. [Report of F. Zakharov to A.D. Menshikov, May 18, 1720]. *RGADA* [Russian

State Archive of Ancient Acts], f. 198, inv. 1, d. 604, l. 11–15.

13. Doneseniye F. Zakharova A. D. Menshikovu, 3 iyunya 1720 g. [Report of F. Zakharov to A.D. Menshikov, June 3, 1720]. *RGADA* [Russian State Archive of Ancient Acts], f. 198, inv. 1, d. 604, l. 18–19.

14. Doneseniye F. Zakharova A. D. Menshikovu, 15 iyunya 1720 g. [Report of F. Zakharov to A.D. Menshikov, June 15, 1720]. *RGADA* [Russian State Archive of Ancient Acts], f. 198, inv. 1, d. 604, l. 20–21 r.

15. Doneseniye F. Zakharova A. D. Menshikovu, 27 iyulya 1720 g. [Report of F. Zakharov to A.D. Menshikov, July 27, 1720]. *RGADA* [Russian State Archive of Ancient Acts], f. 198, inv. 1, d. 604, l. 29–30.

16. Doneseniye F. Zakharova A. D. Menshikovu, 23 oktyabrya 1720 g. [Report of F. Zakharov to A.D. Menshikov, October 23, 1720]. *RGADA* [Russian State Archive of Ancient Acts], f. 198, inv. 1, d. 604, l. 44–44 r.

17. Doneseniye F. Zakharova A. D. Menshikovu, 9 noyabrya 1720 g. [Report of F. Zakharov to A.D. Menshikov, November 9, 1720]. *RGADA* [Russian State Archive of Ancient Acts], f. 198, inv. 1, d. 604, l. 45–45 r.

18. Doneseniye F. Zakharova A. D. Menshikovu, 5 marta 1721 g. [Report of F. Zakharov to A.D. Menshikov, March 5, 1721]. *RGADA* [Russian State Archive of Ancient Acts], f. 198, inv. 1, d. 604, l. 83–83 r.

19. Doneseniye F. Zakharova A. D. Menshikovu, 21 marta 1721 g. [Report of F. Zakharov to A.D. Menshikov, March 21, 1721]. *RGADA* [Russian State Archive of Ancient Acts], f. 198, inv. 1, d. 604, l. 86–87.

20. Doneseniye F. Zakharova A. D. Menshikovu, 20 avgusta 1721 g. [Report of F. Zakharov to A.D. Menshikov, August 20, 1721]. *RGADA* [Russian State Archive of Ancient Acts], f. 198, inv. 1, d. 604, l. 124–125 r.

21. Doneseniye F. Zakharova A. D. Menshikovu, 23 noyabrya 1721 g. [Report of F. Zakharov to A.D. Menshikov, November 23, 1721]. *RGADA* [Russian State Archive of Ancient Acts], f. 198, inv. 1, d. 604, l. 141–151.

22. Doneseniye P.N. Krekshina A. D. Menshikovu, 11 noyabrya 1720 g. [Report of P.N. Krekshin to A.D. Menshikov, November 11, 1720]. *RGADA* [Russian State Archive of Ancient Acts], f. 198, inv. 1, d. 674, l. 6–6 r.

23. Durov I.G. *Pensii, pozhalovannyye Petrom Velikim neimushchim otstavnym ofitseram, obespechili veteranam dostoyneyu starost* [Pensions Granted by Peter the Great to Poor Retired Officers Provided Veterans with a Decent Old Age].

Menshikovskiye chteniya – 2014: Nauchnyy almanakh. Vyp. 5. [Menshikov Readings – 2014. Scientific Almanac. Iss. 5]. Saint Petersburg, XVIII vek Publ., 2014, pp. 78-123.

24. Yelagin S.I. *Nachalo Kronshtadta* [Beginning of Kronstadt]. Kronshtadt, Typ. «Kronstadtskiy vestnik», 1866. 31 p.

25. Kalyazina N.V., Kalyazin E.A. *Aleksandr Menshikov – stroitel Rossii. Ch. II* [Alexander Menshikov – Builder of Russia. Pt. 2]. Saint Petersburg, Liki Rossii Publ., 2006. 488 p.

26. Luppov S.P. *Istoriya stroitelstva Peterburga v pervoy chetverti XVIII veka* [The History of the Construction of Saint Petersburg in the First Quarter of the 18th Century]. Moscow, Leningrad, Izd-vo AN SSSR, 1957. 190 p.

27. *Materialy dlya istorii russkogo flota. Ch. II.* [Materials for the History of the Russian Navy. Pt. 2]. Saint Petersburg, Tip. Mor. m-va, 1865. 724 p.

28. *Materialy dlya istorii russkogo flota. Ch. III.* [Materials for the History of the Russian Navy. Pt. 3]. Saint Petersburg, Tip. Mor. m-va, 1866. 726 p.

29. Otchet o podryadchikakh i postavke kamenshchikov, 6 oktyabrya 1720 g. [Report on Contractors and the Supply of Masons, 6 October, 1720]. *RGADA* [Russian State Archive of Ancient Acts], f. 198, inv. 1, d. 604, l. 33-39.

30. *Pisma i bumagi imperatora Petra Velikago. T. XIV. Vyp. 1 (yanvar – iyun 1714 g.)* [Letters and Papers of Emperor Peter the Great. Vol. 14. Iss. 1 (January – June 1714)]. Moscow, Drevlekhranilishche Publ., 2022. 926 p.

31. *Polnoe sobranie zakonov Rossiyskoy imperii: Sobranie I-e. S 1649 po 12 dekabrya 1825 g.* [Complete Collection of Laws of the Russian Empire. The First Collection. From 1649 to December 12, 1825]. Saint Petersburg, Tip. II Otd-niya Sobstv. E.I.V. kantselyarii, 1830, vol. 4: 1711–1712. 881 p.

32. *Polnoe sobranie zakonov Rossiyskoy imperii: Sobranie I-e. S 1649 po 12 dekabrya 1825 g.* [Complete Collection of Laws of the Russian Empire. The First Collection. From 1649 to December 12, 1825]. Saint Petersburg, Tip. II Otd-niya Sobstv. E.I.V. kantselyarii, 1830, vol. 5: 1713–1719. 780 p.

33. «Punkty» dyaka F. Zakharova o stroitelstve na Kotle, 31 yanvarya 1720 g. [“Points” of the Clerk F. Zakharov on the Construction on Kotlin, January 31,

1720]. *RGADA* [Russian State Archive of Ancient Acts], f. 198, inv. 1, d. 604, l. 1-2.

34. Razdolgin A.A., Skorikov Yu.A. *Kronshtadtskaya krepost* [Kronstadt Fortress]. Leningrad, Stroyizdat, Leningr. otd-niye, 1988. 420 p.

35. Rozadeev B.A., Somina R.A., Kleshcheva L.S. *Kronshtadt* [Kronstadt]. Leningrad, Stroyizdat, Leningr. otd-niye, 1977. 143 p.

36. Slavnitsky N.R. Privlechenie garnizonnykh soldat k stroitelnykh rabotam v Kronshtadte i Sankt-Peterburge v 1710-e i 1720-e gody [Involvement of Garrison Soldiers into Construction Works in Kronstadt and St. Petersburg in the 1710s and 1720s]. *Izvestiya Saratovskogo universiteta. Novaya seriya. Seriya: Istoriya. Mezhdunarodnye otnosheniya*, 2019, vol. 19, iss. 1, pp. 4-7. DOI: <https://doi.org/10.18500/1819-4907-2019-19-1-4-7>

37. Slavnitsky N.R. Rabochiye Rossiyskikh guberniy na stroitelstve Kronshtadta [Workers of Russian Provinces on the Construction of Kronstadt]. *Voprosy istorii* [Questions of History], 2015, no. 5, pp. 144-150.

38. Sudnoye delo diaka F. Zakharova, 1722 g. [The Court Case of the Clerk F. Zakharov, 1722]. *RGADA* [Russian State Archive of Ancient Acts], f. 198, inv. 1, d. 188, l. 1-119.

39. Timchenko-Ruban G.I. *Pervye gody Peterburga* [The First Years of Saint Petersburg]. Saint Petersburg, V. Berezovsky, 1901. 208 p.

40. Dolgova S.R., Lapteva T.A., eds. *Trudy i dni Aleksandra Danilovicha Menshikova: Povsednevnye zapiski delam knyazya A.D. Menshikova 1716–1720, 1726–1727 gg.* [Works and Days of Alexander Danilovich Menshikov: Everyday Notes on the Affairs of Prince A. D. Menshikov 1716–1720, 1726–1727]. Moscow, Ros. fond kultury, etc., 2004. 646 p.

41. Ukaz Petra I Pravitelstvuyushchemu Senatu, 11 oktyabrya 1719 g. [Decree of Peter I to the Governing Senate, October 11, 1719]. *Sbornik Russkogo istoricheskogo obshchestva*. Saint Petersburg, 1873, vol. 11, p. 393.

42. Ukaz Petra I Pravitelstvuyushchemu Senatu, 25 fevralya 1720 g. [Decree of Peter I to the Governing Senate, February 25, 1720]. *Sbornik Russkogo istoricheskogo obshchestva*. Saint Petersburg, 1873, vol. 11, p. 400.

43. Shelov A.V. *Istoricheskij ocherk kreposti Kronshtadt* [Historical Sketch of the Kronstadt Fortress]. Kronstadt, Tip. gazety «Kotlin», 1904. 236 p.

Information About the Author

Tatyana A. Bazarova, Candidate of Sciences (History), Acting Head of Scientific and Historical Archive, Saint Petersburg Institute of History of the Russian Academy of Sciences, Petrozavodskaya St, 7, 197110 Saint Petersburg, Russian Federation, tbazarova@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0001-9380-5921>

Информация об авторе

Татьяна Анатольевна Базарова, кандидат исторических наук, и. о. заведующей Научно-исторического архива и группы источниковедения, Санкт-Петербургский институт истории РАН, ул. Петрозаводская, 7, 197110 г. Санкт-Петербург, Российская Федерация, tbazarova@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0001-9380-5921>



DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2024.3.3>

UDC 930.253

LBC 79.3

Submitted: 21.02.2024

Accepted: 15.04.2024

**INCIDENTS IN THE NAVY DURING THE TIME OF PETER THE GREAT
THROUGH THE EYES OF A YOUNGER CONTEMPORARY
(USING THE EXAMPLE OF THE ANONYMOUS “GLORIOUS HISTORY
OF THE NORTHERN WAR AND THE LIFE OF PETER THE GREAT”)¹**

Alexey I. Alekseev

Russian National Library, Saint Petersburg, Russian Federation;
Saint Petersburg Institute of History of the Russian Academy of Sciences,
Saint Petersburg, Russian Federation

Abstract. *Introduction.* Handwritten collections of the 18th century, with historical content, provide rich material for a wide variety of studies of the Petrine era but remain insufficiently studied. *Methods and materials.* Among the narrative sources describing the history of the Russian fleet during the time of Peter the Great, a special place is occupied by the anonymous story entitled “The Glorious Northern War and the Life of Peter the Great.” The work is dated 1749 and, until recently, was known as a single list. The author of the article was able to discover a second list of anonymous histories. *Analysis.* Studying the text of this story made it possible to establish that it is a compilation, the main sources of which are “History of the Sveian War”, “Life of Peter the Great” by A. Katiforo, and “Discourse on the Causes of the Sveian War” by P.P. Shafirova. Moreover, the essay also contains the author’s text. Analysis of the author’s text allowed us to put forward the hypothesis that the author’s personality should be identified with a famous writer of the first half of the 18th century, P.N. Krekshin. Some of the stories contained in the history contain little-known details of extraordinary incidents in the Baltic Fleet during the Northern War. *Result.* The unknown history of P.N. Krekshin is given particular value by the fact that, in a number of cases, he was a direct witness to the administrative practice of Peter the Great’s time and sometimes even an executor of the orders of Tsar Peter. The article introduces for the first time into scientific circulation little-known and unknown data about the history of the Baltic Fleet during the time of Peter the Great.

Key words: Northern War, Peter I, Baltic Fleet, P.N. Krekshin, historical narrative of the 18th century.

Citation. Alekseev A.I. Incidents in the Navy During the Time of Peter the Great Through the Eyes of a Younger Contemporary (Using the Example of the Anonymous “Glorious History of the Northern War and the Life of Peter the Great”. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 4. Istoriya. Regionovedenie. Mezhdunarodnye otnosheniya* [Science Journal of Volgograd State University. History. Area Studies. International Relations], 2024, vol. 29, no. 3, pp. 29-36. (in Russian). DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2024.3.3>

УДК 930.253

ББК 79.3

Дата поступления статьи: 21.02.2024

Дата принятия статьи: 15.04.2024

**ПРОИСШЕСТВИЯ НА ФЛОТЕ ВО ВРЕМЕНА ПЕТРА ВЕЛИКОГО
ГЛАЗАМИ МЛАДШЕГО СОВРЕМЕННОКА (НА ПРИМЕРЕ АНОНИМНОЙ
«СЛАВНОЙ ИСТОРИИ СЕВЕРНОЙ ВОЙНЫ И ЖИТИЯ ПЕТРА ВЕЛИКОГО»)¹**

Алексей Иванович Алексеев

Российская национальная библиотека, г. Санкт-Петербург, Российская Федерация;
Санкт-Петербургский институт истории РАН, г. Санкт-Петербург, Российская Федерация

Аннотация. *Введение.* Рукописные сборники XVIII в. исторического содержания представляют богатейший материал для самых разнообразных исследований Петровской эпохи, но остаются недостаточно

изученными. *Методы и материалы.* В ряду нарративных источников, описывающих историю Российского флота во времена Петра Великого, особое место занимает анонимная история под названием «Славная Северная война и Житие Петра Великого». Сочинение датировано 1749 г. и до недавнего времени было известно в единственном списке. Автору статьи удалось обнаружить второй список анонимной истории. *Анализ.* Изучение текста этой истории позволило установить, что она является компиляцией, основные источники которой: «Гистория Свейской войны», «Житие Петра Великого» А. Катиоро, «Разсуждение о причинах Свейской войны» П.П. Шафирова. При этом сочинение содержит и авторский текст. Анализ авторского текста позволил выдвинуть гипотезу о том, что личность автора следует отождествить с известным писателем первой половины XVIII в. П.Н. Крекшиным. Некоторые из рассказов, содержащиеся в истории, содержат малоизвестные подробности чрезвычайных происшествий на Балтийском флоте в годы Северной войны. *Результаты.* Особую ценность неизвестной истории П.Н. Крекшина придает тот факт, что он в ряде случаев являлся непосредственным свидетелем административной практики петровского времени, а порой даже исполнителем распоряжений царя Петра. В статье впервые вводятся в научный оборот малоизвестные и неизвестные данные об истории Балтийского флота во времена Петра Великого.

Ключевые слова: Северная война, Петр I, Балтийский флот, П.Н. Крекшин, исторический нарратив XVIII века.

Цитирование. Алексеев А. И. Происшествия на флоте во времена Петра Великого глазами младшего современника (на примере анонимной «Славной истории Северной войны и Жития Петра Великого») // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 4, История. Регионоведение. Международные отношения. – 2024. – Т. 29, № 3. – С. 29–36. – DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2024.3.3>

Введение. Значимость изучения рукописных сборников XVIII в. была давно отмечена в исследовательской литературе [19]. В составе этих сборников довольно большое количество статей посвящено эпохе Петра Великого. Опыт работы по описанию рукописных сборников наглядно продемонстрировал, что далеко не все исторические сочинения, встречающиеся в рукописной традиции, удовлетворительно изучены.

Методы и материалы. Под заглавием «Славная Северная война и Житие Петра Великого» в рукописной традиции существует анонимная история Петровского царствования. По единственному известному ему списку данное сочинение было кратко описано А.Ф. Бычковым [14, с. 127–128]. Более подробную характеристику этого памятника представил Е.Ф. Шмурло [22, с. 64–68]. В настоящее время список «Славной Северной войны», указанный А.Ф. Бычковым, хранится в Отделе рукописей Российской национальной библиотеки [17]. Сочинение датировано 1749 годом. На его компилятивный характер указывает подзаголовок: «Собрано из разных деяний, описуемых от разных авторов книг и журналов или повседневных записок» [17, л. 1]. В фондах ОР удалось обнаружить еще один список этого сочинения [16]. Тексты списков близки. Оба имеют авторское предисловие, основную повествовательную часть, послесловие и при-

ложения. Главное различие заключается в количестве статей в приложениях [3, с. 255].

Анализ. По водяным знакам бумаги указанный А.Ф. Бычковым список следует датировать временем не позднее 1760 г. [9, с. 169, № 85], а обнаруженный мною список на десятилетие старше [9, с. 20, 39, 42]. Наблюдение над содержанием «Славной Северной войны» позволяет обнаружить основные источники, которые неизвестный автор использовал для составления истории Петровского царствования. Во-первых, как ранее отмечал Е.Ф. Шмурло, события, описывающие период от смерти царя Алексея Михайловича до начала Северной войны, изложены на основании сочинения, которое И.П. Сахаров приписал авторству П.Н. Крекшина. В настоящее время в фондах Российского государственного архива древних актов известен список этого сочинения, который содержит указание на авторство П.Н. Крекшина [10]. Сравнивая тексты этого сочинения с историей «Славной Северной войны», я пришел к выводу, что первая часть последней представляет собой сокращенный пересказ начальной части рукописи П.Н. Крекшина. В ряде случаев неизвестный автор обращался также к сочинению А.А. Матвеева, описывающему события от стрелецкого бунта 1682 г. до мятежа четырех стрелецких полков в 1698 г. [8; 12]. Следует заметить, что наибольшее распространение в книжности

XVIII в. получило компилятивное сочинение под названием «Сказание о зачатии и рождении Петра Первого», составленное в различных вариациях из сочинения П.Н. Крекшина и А.А. Матвеева [2]. Оно также могло привлекаться для составления нашего сочинения.

Одним из основных источников интересующего нас сочинения является «Гистория Свейской войны». Сравнив опубликованный текст этой истории со «Славной Северной войной», приходится сделать вывод о том, что составитель использовал текст «Гистории» в поздней редакции [5, с. 15–46]. Другим основным источником нашего сочинения стало «Житие Петра Великого», принадлежавшее перу Антонио Катиоро. Впервые оно было издано в Венеции в 1737 г., а на русский язык переведено Стефаном Писаревым в 1743 году. Несмотря на то что это сочинение было издано в России только в 1772 г., оно обрело широкую популярность в рукописной книжности [1]. Составитель нашей истории даже в название своего труда включил наименование сочинения А. Катиоро. Обильные заимствования из «Жития Петра Великого» обнаруживаются во второй части анонимной истории, начиная с описания событий конца 1714 года. В ряде случаев сравнительный анализ позволяет обнаружить, что составитель не цитировал текст Катиоро, а пересказывал его своими словами. Еще одним источником является сочинение П.П. Шафирова «Разсуждение о причинах Свейской войны» [21]. При описании поражения саксонско-русской армии при Фрауенштадте в 1706 г. составитель помещает пространный отрывок из «Разсуждения», где описываются факты жестокого убийства шведами русских пленных [16, л. 91–92; 17, л. 131 об.–134].

Помимо названных крупных произведений, которые следует с полным правом отнести к памятникам исторической мысли XVIII столетия, в сочинении обнаруживаются следы использования других источников. Например, в качестве доказательства того, что первоначально после смерти царя Федора Алексеевича царем был избран царевич Петр и только после стрелецкого мятежа царями были провозглашены Иван и Петр Алексеевичи, автор ссылается на Двинской летописец. «Как то засвидетельствовал Двинской

летописец, что на Двину присланный боярин князь Иван Никитич Урусов приводил по кончине царя Федора Алексеевича народ к присяге царю Петру Алексеевичу мая в 19 день. Потом июня в 17 день присланный с Москвы стольник князь Петр Григорьев сын Львов приводил тамошней народ обоим государям к присяге» [16, л. 14; 17, л. 23]. Сравнение с источником позволяет установить, что автором был использован Двинской летописец в краткой редакции [15, с. 160]. В рассказе о юности царевича Петра приводится история о том, как он в 1677 г., в 5-летнем возрасте, переезжая в карете на руках своей матери через малый ручей, испугался шума воды [16, л. 6 об.; 17, л. 8 об.–9]. Этот страх якобы преследовал царевича вплоть до 1686 г., когда боярин князь Б.А. Голицын исцелил его от «водяного страха» [16, л. 26 об.–27; 17, л. 46 об.–48]. Источником этого рассказа является сочинение шведского офицера Иоанна Страленберга, которое было опубликовано на немецком языке в Стокгольме в 1730 г., а затем переведено на русский язык и распространялось в рукописной традиции [20, л. 71–72].

Текст, написанный от лица самого анонимного автора, содержится в предисловии, послесловии, а также в нескольких авторских отступлениях внутри самой истории. Эти части представляют наибольшую ценность для установления его личности. В предисловии автор заявляет о себе, как о «самовидце» деяний Петра Великого [16, л. 2 об.; 17, л. 3]. Анализ авторского текста позволяет сделать ряд выводов и поразмышлять над установлением личности автора. Во-первых, автора следует искать среди младших современников Петра Великого и жителей Санкт-Петербурга. Во-вторых, в поле зрения автора постоянно попадают известия о путях снабжения новой столицы: он фиксирует улучшения в системе снабжения Петербурга, вызванные строительством новых ластовых судов в Ладоге, новой системой оплаты за провоз товаров, исправлениями каналов вышневолоцкой системы, строительство Ладожского канала, сооружение грузовых терминалов в Кронштадте и строительство новых товарных амбаров в Петербурге. В-третьих, неоднократно автор демонстрирует свое особенное внимание к кругу обязанностей, связанных с должностями

комиссаров. В-четвертых, автор принадлежал к узкому кругу лиц, которые получили личное распоряжение императора о строительстве дока в Кронштадте.

Последнее обстоятельство сужает круг поиска до фокуса, позволяющего установить личность автора со всей определенностью. В июне 1720 г. царь «изустно указал» подрядчику П.Н. Крекшину очередность работ по строительству канала-дока [11, с. 149]. Первое документальное упоминание о деятельности П.Н. Крекшина относится к 1712 г., когда он служил комиссаром при раздаче жалованья полкам [11, с. 145]. Служба комиссаром при полках продолжалась до 1719 г. [4, л. 60]. Как следует из текста, анонимный автор проявлял особенный интерес к деятельности комиссаров. С весны 1719 г. П.Н. Крекшин стал управлять финансовой и снабженческой стороной строительства на острове Котлин. И эта сфера его деятельности совпадает с тем вниманием к вопросам логистики, которое проявляет анонимный автор «Славной Северной войны» [3, с. 265–269].

В компилятивном сочинении П.Н. Крекшина наибольший интерес вызывают части авторского текста, в которых отразились личные впечатления, а также написанные на основании сведений, полученных автором лично. В силу своей деятельности П.Н. Крекшин был глубоко погружен в вопросы, связанные с обеспечением нужд российского флота. В сферу его общения входили морские офицеры, служители, подрядчики, деятельность которых имела непосредственное отношение к Балтийскому флоту. Сведения о наиболее значительных происшествиях на флоте, сообщаемые ими, несомненно, доходили до П.Н. Крекшина, в том числе и в виде слухов.

Позволим себе обратить внимание на три резонансных происшествия в Балтийском флоте. Первое из них относится к суду над вице-адмиралом Корнелиусом Крюйсом и капитан-командором Абрамом Рейсом. В «Славной истории Северной войны» сообщается о том, что после объявления приговора о смертной казни была проведена имитация расстрела (выстрелы были произведены пыжами), после которой капитан-командор Рейс умер: «И по прибытии Петра Великого в Питербурх, оной вице-адмирал Крюйс и капитан-коман-

дор Рейс по следствию осуждены на смерть, и выведены были на экзекуцию, по которым выстрелено было пыжами, потом дан живот. Однакож помянутый капитан-командор от той страсти тогда ж умер, а адмирал Крейс послан в ссылку в Сибирь, но по нескольких letech получил прощение» [16, л. 169 об.; 17, л. 237 об.]. На самом деле Абрам Рейс по решению суда был приговорен к расстрелу, который был заменен ссылкой в Тобольск [13, с. 435]. При описании этого эпизода в «Истории Свейской войны» рукой кабинет-секретаря А.В. Макарова написано: «И также и Абрам Рейс, которой приведен был к рострелянию, пощаду получил» [6, с. 202–203]. Но эпизод с имитацией расстрела вовсе не выдумка П.Н. Крекшина. Об этом же сообщает и англичанин Джон Дэн: «На основании этого приговора, его немедленно повели к позорному столбу, поблизости находящемуся, где отряду мушкетеров, стоявшему заранее наготове, отдан был приказ взять на караул, и тогда только был прочитан указ царя о помиловании, причем казнь заменялась бессрочною ссылкой в Сибирь. Страх смерти однако столь сильно им овладел, что когда сняли повязку с глаз его и подняли его на ноги, он, продолжая стоять на коленях, сказал по-русски: “Лучше пали”. Его отнесли в соседний дом и здесь пустили ему кровь; а дня через два или три отправили в ссылку; здесь в Сибири он недолго прожил и через несколько лет скончался, не успев оправиться от испытанного страха» [7, с. 37]. Таким образом, сообщение П.Н. Крекшина основывается на достоверных сведениях, подтверждаемых Д. Дэном.

Второй эпизод описывает ситуацию смертельной опасности, которой подвергалась жизнь Петра Великого во время сильного шторма 1 сентября 1714 года. Согласно П.Н. Крекшину во время непрерывно усиливавшегося шторма «Петр Великий возымел бесконечное намерение с корабля своего “Ингерманландии” съехать на берег на шлюпке. Поскольку до ближайшего берега было не менее 2-х миль, то все находившиеся на корабле офицеры умоляли царя отказаться от своего намерения. Единственным из офицеров, взявшихся исполнить рискованное намерение Петра, был квартирмейстер “прозванием Деляп”» [16, л. 171–172; 17, л. 240–241]. Шлюпка под управлением

Деляпа благополучно достигла берега, на котором Петр приказал зажечь сигнальный костер. Согласно нашему рассказчику царь хотел наградить поручика Деляпа чином капитан-поручика, но этому воспротивился генерал-адмирал Ф.М. Апраксин, указавший, что безрассудная отвага офицера заслуживает не награждения, но порицания. В тексте «Истории Свейской войны» в этом эпизоде сообщается: «А его величество поехал на шлюпке, которая была на карабле “Гавриил”, на берег к галерам», но фамилия Д. Деляпа не упоминается [6, с. 477]. Не упоминает об отважном поступке поручика Деляпа и Ф.И. Соймонов, который отметил, что Петр съехал на берег с корабля «Святая Екатерина» [18, с. 291]. Однако Д. Дэн определенно указывает, что доставить царя на берег «взялся лейтенант Иван Деляп» [7, с. 55]. Таким образом, и это известие П.Н. Крекшина оказывается вполне достоверным с учетом того, что его автор перепутал детали: вместо корабля «Святая Екатерина» назвал «Ингерманланд», который вошел в состав Балтийского флота чуть позднее описываемых событий – в мае 1715 года.

Третий эпизод подобного же рода – это взрыв линейного корабля «Нарва» в ночь с 26 на 27 июня 1715 года. В «Истории Свейской войны» говорится о гибели 300 матросов [5, с. 435], в соответствующем месте нашего сочинения сообщается о гибели морской команды в 630 матросов, да сверх того гренадерской команды Семеновского полка во главе с капитаном князем Барятинским [16, л. 175–175 об.; 17, л. 245 об.–246]. Современные исследователи оценивают людские потери при взрыве в 400 человек, при этом 177 флотских [7, с. 169]. Как явствует из приведенного известия, П.Н. Крекшин, верно описав факт взрыва, преувеличил потери, упоминание о гибели князя И.Ф. Барятинского оказывается на проверку и вовсе недостоверным.

Особую ценность имеют рассказы, основанные на личном опыте автора, отразившиеся в тексте истории. Для доказательства справедливости Петра приводятся два примера, оба они относятся к организации хозяйственной деятельности. Первый из них касается работ по подъему из воды дубовых бревен, которые было невозможно выполнить, поскольку в выделенной для этого команде не

было достаточного числа работников. Требования регламента не позволяли командиру употребить в работу большее число людей, и он обратился с ходатайством к гвардии майору А. Ушакову. Однако ни Ушаков, ни Адмиралтейц-коллегия не сумели решить этот вопрос, и работные люди пребывали праздны. Когда об этом стало известно императору, то он учинил резолюцию, дабы впредь количество работников определялось по усмотрению командиров. При этом командир не был наказан за вынужденное бездействие его команды [16, л. 230; 17, л. 323–323 об.]. Второй пример описывает ситуацию с необходимостью обеспечить экстренную доставку продовольствия на флот при Ревеле, которую невозможно было обеспечить казенными лошадьми, а регламент при этом запрещал употреблять для переноски тяжестей людей. Петр Великий и в этом случае проявил справедливость, приказав учинить провоз наймом лошадей за казенный счет [16, л. 230; 17, л. 322 об.].

В силу своей деятельности, тесно связанной с необходимостью доставки припасов и материалов в Санкт-Петербург, П.Н. Крекшин был хорошо знаком с проблемами логистики. В частности, он сообщает очень любопытные детали о проводке судов через пороги на реке Волхов. Преодоление боровицких порогов часто сопровождалось крушениями судов, которые разбивались о камни. Ситуация усугублялась корыстными мотивами некоторых лоцманов, которые заранее оправляли группы своих родственников к местам крушений, для того чтобы получить премии за спасение людей и грузов. По распоряжению Петра над лоцманами был назначен командир, который установил личную ответственность каждого за проводимое судно. Также по распоряжению Петра I грузовые амбары были перенесены с Вышнего Волочка в село Боровичи, чтобы суда могли «те пороги провозить гужом» [16, л. 190 об.–191; 17, л. 269–269 об.].

Результаты. Изучение авторского текста позволило представить доказательства в пользу того, что автором «Славной истории Северной войны» является П.Н. Крекшин. Причисление данной истории к корпусу сочинений Крекшина открывает новые возможности для изучения созданных этим писателем или приписываемых ему сочинений. Дальнейшее

изучение источников «Славной истории Северной войны» и исследование ее текста позволит составить более полное впечатление о творчестве П.Н. Крекшина и установить степень достоверности сообщаемых им известий.

ПРИМЕЧАНИЕ

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке Российского научного фонда в рамках проекта № 23-18-00420 «Новые люди Новой России: антропология морской державы в первой половине XVIII в.».

The study was financially supported by the Russian Science Foundation under project No. 23-18-00420, "New People of New Russia: Anthropology of a Sea Power in the First Half of the 18th Century".

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Алексеев А. И. «Житие Петра Великого» Антонио Катифоро // Документы и материалы Петровской эпохи в Отделе рукописей Российской национальной библиотеки. Вып. 1. Автографы Петра Великого и его сподвижников. М.: Индрик, 2022. С. 209–213.
2. Алексеев А. И. Исторический нарратив об эпохе Петра Великого: компиляция из «Сказания о зачатии и рождении... Петра Первого» и «Записок» А.А. Матвеева в собраниях Отдела рукописей РНБ // История отечественной культуры в архивных документах. Вып. 3. СПб.: Рос. нац. б-ка, 2022. С. 7–19.
3. Алексеев А. И. «Славная Северная война и Житие Петра Великого» // Документы и материалы Петровской эпохи в Отделе рукописей Российской национальной библиотеки. Вып. 1. Автографы Петра Великого и его сподвижников. М.: Индрик, 2022. С. 254–269.
4. Бумаги П.Н. Крекшина // Российская национальная библиотека. Ф. 536. Собрание Общества любителей древней письменности. Ф. 130. 169 л.
5. Гистория Свейской войны (Поденная записка Петра Великого) / сост. Т. С. Майкова; под общ. ред. А. А. Преображенского. М.: Круг, 2004. Вып. 1. 631 с.
6. Гистория Свейской войны (Поденная записка Петра Великого) / сост. Т. С. Майкова; под общ. ред. А. А. Преображенского. М.: Круг, 2004. Вып. 2. 655 с.
7. Ден Д. История Российского флота в царствование Петра Великого. СПб.: Ист. ил., 1999. 192 с.
8. Записки Андрея Артамоновича графа Матвеева // Записки русских людей. События времен Петра Великого. СПб.: Тип. И.П. Сахарова, 1841. С. 1–67.
9. Клепиков С. А. Филигранные и штемпели на бумаге русского и иностранного производства XVII–XX века. М.: Всесоюз. кн. палата, 1959. 306 с.
10. Краткое описание блаженных дел великого императора Петра Великого самодержца всероссийского, собранное чрез недостойный труд последнего раба Петра Крекшина, дворянина Великого Новаграда. Том первый, содержащий в себе частей четыре. В царствующем граде святого Петра дня 1742 г. // Российский государственный архив древних актов. Ф. 17. № 167. 440 л.
11. Кротов П. А. Битва под Полтавой. Начало великой России. СПб.: Фонд «Спас», 2014. 566 с.
12. Матвеев А. А. Записки // Рождение империи. М.: Фонд Сергея Дубова, 1997. С. 361–414.
13. Письма и бумаги императора Петра Великого. М.: Древлехранилище, 2022. Т. 14, вып. 1. 926 с.
14. Письма Петра Великого, хранящиеся в Императорской Публичной библиотеке и описание находящихся в ней рукописей, содержащих материалы для истории его царствования, составленное А.Ф. Бычковым. СПб.: Тип. А. Траншеля, 1872. 180 с.
15. Полное собрание русских летописей. Т. 33. Двинской летописец. Л.: Наука, 1977. 250 с.
16. Славная Северная война и житие Петра Великого // Российская национальная библиотека. Ф. 905. Новое собрание рукописной книги. Ф. 38. 298 л.
17. Славная Северная война и житие Петра Великого // Российская национальная библиотека. Ф. 550. Основное собрание рукописной книги. Ф. IV. 40. 414 л.
18. Соймонов Ф. И. История Петра Великого. СПб.: XVIII век, 2012. 453 с.
19. Сперанский М. Н. Рукописные сборники XVIII века. Материалы для истории русской литературы XVIII в. М.: Изд-во АН СССР, 1963. 268 с.
20. Страленберг Иоанн. «Гисторическое и географическое описание о древнем и новом состоянии полуночно-восточной части Европы и Азии, паче же Империи Российския, которая из оных за полуночную признается» // Российская национальная библиотека. Ф. 550. Основное собрание рукописной книги. Ф. IV. 7. 135 л.
21. Шафиров П. П. Рассуждение. Какие законные причины его царское величество Петр Первый, царь и повелитель Всероссийский... к начатию войны против короля Карла XII, Шведского, в 1700 году имел... М., 1717. 128 с.
22. Шмурло Е. Ф. Петр Великий в оценке современников и потомства. Вып. I. XVIII в. СПб.: Сенат. тип., 1912. 161 с.

REFERENCES

1. Alekseev A.I. «Zhitie Petra Velikogo» Antonio Katiforo [“The Life of Peter the Great” by Antonio Catiforo]. *Dokumenty i materialy Petrovskoj epohi v Otdel rukopisej Rossijskoj nacionalnoj biblioteki. Vyp. 1. Avtografy Petra Velikogo i ego spodvizhnikov: annotirovannyj ukazatel* [Documents and Materials of the Peter the Great Era in the Manuscripts Department of the Russian National Library. Iss. 1. Autographs of Peter the Great and His Associates: An Annotated Index]. Moscow, Indrik Publ., 2022, pp. 209-213.
2. Alekseev A.I. Istoricheskij narrativ ob epohe Petra Velikogo: kompilyaciya iz «Skazaniya o zachatii i rozhdenii... Petra Pervogo» i «Zapisok» A. A. Matveeva v sobraniyah Otdela rukopisej RNB [Historical Narrative About the Era of Peter the Great: Compilation from “The Tale of the Conception and Birth... of Peter the Great” and “Notes” by A.A. Matveev in the Collections of the Manuscripts Department of the Russian National Library]. *Istoriya otechestvennoj kultury v arhivnyh dokumentah. Vyp. 3* [History of Russian Culture in Archival Documents. Iss. 3]. Saint Petersburg, Ros. nac. b-ka Publ., 2022, pp. 7-19.
3. Alekseev A.I. «Slavnaya Severnaya vojna i Zhitie Petra Velikogo» [“The Glorious Northern War and the Life of Peter the Great”]. *Dokumenty i materialy Petrovskoj epohi v Otdel rukopisej Rossijskoj nacionalnoj biblioteki. Vyp. 1. Avtografy Petra Velikogo i ego spodvizhnikov* [Documents and Materials of the Peter the Great Era in the Manuscripts Department of the Russian National Library. Iss. 1. Autographs of Peter the Great and His Associates]. Moscow, Indrik Publ., 2022, pp. 254-269.
4. Bumagi P.N. Krekshina [Papers by P.N. Krekshin]. *Rossijskaya nacionalnaya biblioteka* [Russian National Library], f. 536. Sobranie Obshchestva lyubitelej drevnej pismennosti [Meeting of the Society of Ancient Literature Lovers], f. 130. 169 l.
5. Majkova T.S., Preobrazhenskiy A.A., eds. *Gistoriya Svejskoj vojny (Podennaya zapiska Petra Velikogo)* [History of the Suan War (Peter the Great's Daily Note)]. Moscow, Krug Publ., 2004, iss. 1. 631 p.
6. Majkova T.S., Preobrazhenskiy A.A., eds. *Gistoriya Svejskoj vojny (Podennaya zapiska Petra Velikogo)* [History of the Suan War (Peter the Great's Daily Note)]. Moscow, Krug Publ., 2004, iss. 2. 655 p.
7. Den D. *Istoriya Rossijskogo flota v tsarstvovanie Petra Velikogo* [History of the Russian Navy During the Reign of Peter the Great]. Saint Petersburg, Ist. il. Publ., 1999. 192 p.
8. Zapiski Andrey a Artamonovich a grafa Matveeva [Notes of Andrei Artamonovich Count Matveev]. *Zapiski russkih lyudej. Sobytiya vremen Petra Velikogo* [Notes of Russian People. Events from the Time of Peter the Great]. Saint Petersburg, Tip. I.P. Saharova, 1841, pp. 1-67.
9. Klepikov S.A. *Filigrani i shtempeli na bumage russkogo i inostrannogo proizvodstva XVII–XX veka* [Filigree and Stamps on Paper of Russian and Foreign Production of the 17th – 20th Centuries]. Moscow, Vsesoyuz. kn. palata Publ., 1959. 306 p.
10. Kratkoe opisanie blazhennykh del velikogo imperatora Petra Velikogo samodержца vserossijskogo, sobrannoe chrez nedostojnyj trud poslednejshego raba Petra Krekshina, dvoryanina Velikogo Novagrada. Tom pervyj, soderzhashhij v sebe chastej chetyre. V tsarstvuyushhem grade svyatogo Petra dnya 1742 g. [A Brief Description of the Blessed Deeds of the Great Emperor Peter the Great, the Autocrat of All Russia, Collected Through the Unworthy Work of the Last Slave Peter Krekshin, a Nobleman of the Great Novograd. Volume One, Containing Four Parts. In the Reigning City of St. Peter's Day 1742]. *Rossijskij gosudarstvennyj arhiv drevnih aktov* [Russian State Archive of Ancient Acts], f. 17, no. 167. 440 p.
11. Krotov P.A. *Bitva pod Poltavoj. Nachalo velikoj Rossii* [Battle of Poltava. The Beginning of Great Russia]. Saint Petersburg, Fond «Spas», 2014. 566 p.
12. Matveev A.A. Zapiski [Notes]. *Rozhdenie imperii* [Birth of an Empire]. Moscow, Fond Sergeya Dubova, 1997, pp. 361-414.
13. Pis'ma i bumagi imperatora Petra Velikogo [Letters and Papers of Emperor Peter the Great]. Moscow, Drevlekhranilishche Publ., 2022, vol. 14, iss. 1. 926 p.
14. Pisma Petra Velikogo, hranyashchiesya v Imperatorskoj Publichnoj biblioteke i opisanie nahodyashchihsy v nej rukopisej, soderzhashchih materialy dlya istorii ego tsarstvovaniya, sostavlennoe A.F. Bychkovym [Letters of Peter the Great, stored in the Imperial Public Library and a Description of the Manuscripts in It Containing Materials for the History of His Reign, Compiled by A.F. Bychkov]. Saint Petersburg, Tip. A. Transhelya, 1872. 180 p.
15. *Polnoe sobranie russkih letopisej. T. 33. Dvinskoy letopisets* [Complete Collection of Russian Chronicles. Vol. 33. Dvina Chronicler]. Leningrad, Nauka Publ., 1977. 250 p.
16. Slavnaya Severnaya vojna i zhitie Petra Velikogo [The Glorious Northern War and the Life of Peter the Great]. *Rossijskaya nacionalnaya biblioteka* [Russian National Library], f. 905. Novoe sobranie rukopisnoj knigi [New Collection of Handwritten Books], f. 38. 298 p.
17. Slavnaya Severnaya vojna i zhitie Petra Velikogo [The Glorious Northern War and the Life of Peter the Great]. *Rossijskaya nacionalnaya biblioteka* [Russian National Library], f. 550. Osnovnoe sobranie

rukopisnoj knigi [Main Collection of Manuscript Books], f. IV. 40. 414 p.

18. Sojmonov F.I. *Istoriya Petra Velikogo* [History of Peter the Great]. Saint Petersburg, XVIII vek Publ., 2012. 453 p.

19. Speranskij M.N. *Rukopisnye sborniki XVIII veka. Materialy dlya istorii russkoj literatury XVIII v.* [Manuscript Collections of the 18th Century. Materials for the History of Russian Literature of the 18th Century]. Moscow, Izd-vo AN SSSR, 1963. 268 p.

20. Stralenberg Ioann. «Gistoricheskoe i geograficheskoe opisanie o drevnem i novom sostoyanii polunochno-vostochnoj chasti Evropy i Azii, pache zhe Imperii Rossijskiya, kotoraya iz onyx za polunochnuyu priznavaetsya» [Stralenberg John. "Historical and Geographical Description of the Ancient and New State of the Midnight-Eastern Part of Europe and Asia, Especially the Russian Empire,

Which of These Is Recognized as the Midnight One"]. *Rossijskaya nacionalnaya biblioteka* [Russian National Library], f. 550. Osnovnoe sobranie rukopisnoj knigi [Main Collection of Manuscript Books], f. IV. 7. 135 p.

21. Shafirov P.P. *Rassuzhdenie. Kakie zakonnye prichiny ego carskoe velichestvo Petr Pervyj, tsar i povelitel Vserossijskij... k nachatiyu vojny protiv korolya Karla XII, Shvedskogo, v 1700 godu imel...* [Reasoning. What Legitimate Reasons Did His Royal Majesty Peter the Great, Tsar and Sovereign of All Russia... Have for Starting the War Against King Charles XII of Sweden in 1700]. Moscow, 1717. 128 p.

22. Shmurlo E.F. *Petr Velikij v ocenke sovremennikov i potomstva. Vyp. I. XVIII v.* [Peter the Great in the Assessment of His Contemporaries and Posterity. Iss. 1. The 18th Century]. Saint Petersburg, Senat. tip., 1912. 161 p.

Information About the Author

Alexey I. Alekseev, Doctor of Sciences (History), Head of the Department of Manuscripts, Russian National Library, Sadovaya St, 18, 191069 Saint Petersburg, Russian Federation; Senior Researcher, Saint Petersburg Institute of History of the Russian Academy of Sciences, Petrozavodskaya St, 7, 197110 Saint Petersburg, Russian Federation, a.alexeev@nlr.ru, <https://orcid.org/0000-0003-4372-516X>

Информация об авторе

Алексей Иванович Алексеев, доктор исторических наук, заведующий Отделом рукописей, Российская национальная библиотека, ул. Садовая, 18, 191069 г. Санкт-Петербург, Российская Федерация; старший научный сотрудник, Санкт-Петербургский институт истории РАН, ул. Петрозаводская, 7, 197110 г. Санкт-Петербург, Российская Федерация, a.alexeev@nlr.ru, <https://orcid.org/0000-0003-4372-516X>



ВОЕННЫЕ КОНФЛИКТЫ В США И ЕВРОПЕ В XIX ВЕКЕ

DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2024.3.4>

UDC 94(7)+(325)+(327)

LBC 63.3(7Coe)+63.3(4Вел)+66.4(0)



Submitted: 03.06.2023

Accepted: 06.12.2023

THE STRUGGLE FOR OREGON DURING THE 19th CENTURY'S LATE 30s AND EARLY 40s¹

Alexander Yu. Petrov

Institute of World History of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russian Federation;
Moscow State Linguistic University, Moscow, Russian Federation

Larisa M. Troitskaia

Institute of World History of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russian Federation

Abstract. *Introduction.* Oregon in the early 19th century was a sparsely populated territory, but it had a favorable geographical position on the Pacific coast. It was a strategically important region, which, thanks to the Columbia River, provided a connection with the interior of the United States and the Pacific Ocean. Spain, Great Britain, and the USA fought for the right to possess this territory. In historiography the struggle for Oregon has received insufficient coverage in a number of aspects. *Methods and materials.* The methodology used in writing the article is based on the achievements of modern historical science. The study is based on sources obtained from domestic and foreign repositories. Domestic and foreign historiographies are involved. Classical methods of historical analysis, including prosopography and document correspondence, were used to process sources and literature. At the same time, when studying the literature and processing the entire complex of received materials, systematic and comparative approaches were involved. The study itself contains aspects of an interdisciplinary approach. *Analysis.* The article deals with the circumstances of the rivalry for Oregon from the turn of the 1830s to the 1840s. It may be viewed in the context of relations between the United States and Great Britain in regards to British North America. In order to gain a stronger foothold in Oregon, the Hudson's Bay Company (HBC), in addition to the fur trade, engaged in a wider commerce through agriculture. The strengthening of this activity takes place simultaneously with the development of ties with the Russian-American Company (RAC). The circumstances of the preparation and implementation of this commercial activity between 1838 and 1842 are studied. The first full-scale American naval circumnavigation expedition was commanded by Captain Charles Wilkes (1798–1877). *Results.* It was in Oregon that the confrontation between the United States and England over the possession of new colonies intensified. Russia, which had colonial possessions in Alaska and the Aleutian Islands, pursued a pragmatic policy due to the wars of independence during the 1810s and 1820s. In Latin America, the formerly numerous and vast Spanish colonies became independent states. The formation of Mexico generally called into question any Spanish claim to the Northwest of America. This article continues a series of publications by the authors, which analyze the struggle of the leading European colonial powers for Oregon and the US West Coast. The *Author's contribution* is the following: A. Yu. Petrov is in charge of finding new archival materials on the problem in the Russian State Navy Archives (RGA VMF) in Saint Petersburg, investigating all available literature on the subject, developing methods and providing a conclusion, and finding new facts on Russia's involvement in the struggle for colonies in the Pacific Northwest. L. M. Troitskaia has been searching for all materials on the expedition of Ch. Wilkes concerning the interactions between nations in the North Pacific Ocean.

Key words: Oregon, colonies, British North America, Hudson's Bay Company, Russian-American Company, Pacific Ocean, America, California, expeditions, Charles Wilkes.

Citation. Petrov A. Yu., Troitskaia L.M. The Struggle for Oregon During the 19th Century's Late 30s and Early 40s. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 4. Istoriya. Regionovedenie. Mezhdunarodnye otnosheniya* [Science Journal of Volgograd State University. History. Area Studies. International Relations], 2024, vol. 29, no. 3, pp. 37-50. DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2024.3.4>

УДК 94(7)+(325)+(327)
ББК 63.3(7Coe)+63.3(4Вел)+66.4(0)

Дата поступления статьи: 03.06.2023
Дата принятия статьи: 06.12.2023

БОРЬБА ЗА ОРЕГОН НА РУБЕЖЕ 30–40-х гг. XIX ВЕКА¹

Александр Юрьевич Петров

Институт всеобщей истории РАН, г. Москва, Российская Федерация;
Московский государственный лингвистический университет,
г. Москва, Российская Федерация

Лариса Михайловна Троицкая

Институт всеобщей истории РАН, г. Москва, Российская Федерация

Аннотация. *Введение.* Орегон в начале XIX в. был слабозаселенной территорией, но имевшей выгодное географическое положение на тихоокеанском побережье. Это был стратегически важный регион, который благодаря реке Колумбия имел связь с внутренними территориями США и обеспечивал выход к Тихому океану. За право обладания этой территорией боролись Испания, Великобритания и США. В историографии борьба за Орегон получила в ряде аспектов недостаточное освещение. *Методы и материалы.* Методология, применяемая при написании статьи, опирается на достижения современной исторической науки. В исследовании использованы архивные документы из центральных и региональных архивов. Привлечена отечественная и зарубежная историография. Для обработки источников и литературы использованы классические методы исторического анализа, в том числе просопографии. При изучении литературы и обработки всего комплекса полученных материалов привлекался системный и компаративистский подходы. В статье присутствуют аспекты междисциплинарного подхода. *Анализ.* В статье рассматриваются обстоятельства соперничества за Орегон на рубеже 30–40-х гг. XIX века. Его следует рассматривать в широком контексте складывавшейся международной обстановки в целом и отношений между США и Великобританией в частности, и прежде всего вокруг Британской Северной Америки. Для того чтобы прочнее закрепиться в Орегоне, Компания Гудзонова залива (КГЗ) помимо торговли пушниной занялась более широкой коммерцией за счет сельского хозяйства. Усиление этой деятельности проходит одновременно с развитием связей с Российско-Американской компанией (РАК). Изучаются обстоятельства подготовки и осуществления в 1838–1842 гг. первой полномасштабной американской военно-морской кругосветной экспедиции под командованием капитана Чарльза Уилкса (1798–1877). *Результаты.* Именно в Орегоне активизировалось противостояние между США и Англией за обладание новыми колониями. Россия, имевшая колониальные владения на Аляске, Алеутских островах, проводила прагматическую политику. Благодаря войнам за независимость 1810–1820-х гг. в Латинской Америке бывшие многочисленные обширные испанские колонии стали самостоятельными государствами. Образование Мексики вообще поставило под сомнения притязания Испании на Северо-Запад Америки. Статья продолжает серию публикаций авторов, в которых анализируется борьба ведущих европейских колониальных держав за Орегон и западное побережье США. *Вклад авторов:* А.Ю. Петров занимался поиском новых архивных материалов по проблеме в Российском государственном архиве Военно-морского флота (РГА ВМФ) в Санкт-Петербурге, изучал всю имеющуюся литературу по теме статьи, разработал методику и подготовил заключение, установил новые факты участия России в борьбе за колонии на Тихоокеанском северо-западе. Л.М. Троицкая просматривала все материалы по экспедиции Ч. Уилкса, изучала вопросы взаимодействия между странами в северной части Тихого океана.

Ключевые слова: Орегон, колонии, Британская Северная Америка, Компания Гудзонова залива, Российско-Американская компания, Тихий океан, Америка, Калифорния, экспедиции, Чарльз Уилкс.

Цитирование. Петров А. Ю., Троицкая Л. М. Борьба за Орегон на рубеже 30–40-х гг. XIX века // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 4, История. Регионоведение. Международные отношения. – 2024. – Т. 29, № 3. – С. 37–50. – (На англ. яз.). – DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2024.3.4>

Introduction. The history of the west coast of North America, and specifically Oregon, is an important part of the region's past, linking the Pacific coast to the interior of the United States and Canada, as well as to nearby countries, primarily Japan and China. The relevance of studying the Pacific coast is increasing due to the development of the Asia-Pacific region (APR). For more than two centuries, statesmen and historians of the United States and other countries have repeatedly emphasized the importance of the Northwest of the North American continent in USA history. For example, the French researcher R. Rémond noted that "the great national epic of the United States arose, comparable to the imperial period of France or the formation of a colonial empire for the British. <...> It was the United States that came out on top among the colonizing peoples, populating vast territories with a huge number of its population" [45, pp. 62-63].

Methods and materials. The authors used a wide range of sources. We used the Archive of the Foreign Policy of the Russian Empire (materials of correspondence between the Main Board of the Russian-American Company and the Ministry of Foreign Affairs of the Russian Federation on Russian interests in the North Pacific Ocean), the RGA VMF (documents of Russian naval officers on California and Oregon), the State Archive of the Perm Territory (financial and economic documents of the Russian-American company), and other archives. We used published documents taken from fundamental collections of documents in Russian and English, among which it is worthwhile to highlight the third and fourth volumes of the series "Russian Studies in the Pacific Ocean in the 18th and first half of the 19th centuries." Press materials were used. To one degree or another, the issues concerning the colonization of Oregon, which were considered in the historiography of the second half of the 19th century, are the works of H. Bancroft (the first detailed study of the US West Coast) and P.A. Tikhmenev (the Russian colonization of the Northern Pacific). The facets of the history of Oregon were most thoroughly studied already in the 20th and early 21st centuries. These are the works of N.N. Bolkhovitinov (when studying the history of Fort Ross), M.S. Alperovich (an aspect of Spanish-Russian relations in the New World), J.R. Gibson (Canada) (an aspect of the problem of food supply

in the colonization of Oregon), and B. Dmytryshyn (USA) (publication of documents on the colonization of the North Pacific), which are of special value [1–5; 7; 16; 17; 19; 20; 36; 40; 46; 51]. Articles were used in the *North American Review*, *Salt River Journal*, *The Canadian Historical Review*, etc., which dealt with expeditions to explore Oregon.

Among the latest works of Russian historians, one can single out the publication of I.I. Kurilla *, "Zaokeanskije partneri: Amerika i Rossiia v 1830–1850-e gody" [26], which touches upon the aspect of interaction between the USA and Russia, including the West of America. The previous study of the same author entitled " 'Voiti v krug velikikh derzhav...': Daniel Uebster i vneshniia politika SShA v seredine XIX veka" [25] analyzes Daniel Webster's views and his role in American diplomacy in the mid-19th century from many aspects, among them westward expansion to Texas and Oregon. K.V. Minyar-Beloruchev, in his book "Reformy i ekspansii v politike SShA (konec 1830-h – seredina 1840-h godov)" [34], comprehensively studies American society during the turbulent period from the late 1830s to the mid-1840s, when the young nation faced two challenges: industrial and territorial. In his book "Na puti k amerikanskoi imperii: SShA vo vtoroi polovine 30-kh – 40-e gody XIX veka" [33], the author studies in detail different aspects of American domestic social and economic development and notes the Manifest Destiny factor in American expansion to the West, etc.

Analysis. The struggle for Oregon became an integral part of the colonial struggle between the European powers and the United States for the Northwest Coast of America, in which the main actors were Great Britain, the United States, and Russia, and secondarily Mexico and Texas.

According to the international legal norms of the 18th century, a documented discovery was important for assigning territories to a certain state. This right was subjected to revision during the Nootka crisis, as also happened in 1812, when a Russian settlement appeared in California, and the ownership of this territory was approved by an agreement with the indigenous peoples [37]. In 1818, negotiations between the United States and Great Britain were completed by the signing of the convention, in which the borderline from

* Включен в реестр иностранных агентов Министерства юстиции Российской Федерации.

the Northwest to the Rocky Mountains was only partially agreed upon because the vast territory between the Rocky Mountains and the Pacific Ocean, called Oregon, remained partially explored.

In 1821, US Congressman John Floyd introduced a bill establishing a military presence on the Columbia River in Oregon. President James Monroe, in his December 1823 State of the Union address, emphasized the importance of defending United States interests in the Western territories. Over the next decade, continued negotiations with Britain over delimitation and growing congressional concern about British hegemony in the Pacific Northwest helped to comprehensively explore the territory stretching from the Strait of Juan de Fuca to the Columbia River. At the same time, the domestic political events in Great Britain and the United States influenced the main events and their further developments that filled the history of the Northwest Coast and Oregon as the 1830s progressed into the 1840s.

In 1828, the formation of the US Democratic Party was proclaimed. At its origins was General A. Jackson, who became the President of the United States. He was also one of the heroes of the Anglo-American War (1812–1815), called the War of 1812. The era of so-called “Jacksonian democracy” began. Protectionist tariffs and the activities against the Second National Bank of the United States led to heated political discussions. By the middle of the decade, the final formation of a new national party system – Democrats and Whigs – took place. The latter expressed mainly the interests of the commercial and financial circles of the Northeast, the industrial entrepreneurs, along with the planters and farmers associated with them. Unlike the Democrats, the Whigs and their supporters strove for peaceful relations with Great Britain, which were determined by their trade and economic interests at home and abroad.

The new president was forced to reckon with this. In his message to the US Congress on December 8, 1829, Jackson stated that relations with England should develop peacefully. But it should be remembered that he participated in the First Seminole War in Florida (1816–1818) and found himself at the center of an international scandal that sharply aggravated Anglo-American relations. The Americans captured A. Arbuthnot

and R.C. Ambrister, who were considered British “foreign emissaries,” accusing them of inciting the Indians against the US authorities. Arbuthnot and Ambrister were executed on Jackson’s orders [39, pp. 289-308].

As an adherent of the ideas of Jefferson, Jackson sought to expand, but unlike Jefferson, Jackson was characterized by a tougher approach towards the indigenous peoples of America. The consequence of this policy was the destruction of many Indian tribes and the forced resettlement of the surviving natives across the Mississippi River, resulting in the so-called “Trail of Tears.” The British, who were trying to gain a foothold on the west coast of America, pursued a softer policy towards the natives compared with the representatives of the United States and often used them for their own purposes.

In the early 1830s in the UK, the government faced complex domestic political problems related to the struggle in the country around parliamentary reform. In 1832, the commercial and industrial bourgeoisie, with broad popular support, defeated the landed aristocracy in Parliament. Social contradictions escalated. Relations between Protestants and Catholics remained difficult. The British Parliament closely followed the development of the revolutionary and national liberation movements in Europe and paid great attention to the “Eastern Question.” Through difficult negotiations, it was possible to reach an advantageous agreement with France, called “cordial.” In 1834–1836, England offered to mediate in settling the long-standing American-French dispute over compensation for losses during the Napoleonic Wars. But in the late 1830s and early 1840s, relations with France again experienced a certain cooling due to the desire of the UK to expand colonial possessions in Asia and the Pacific. Great Britain “opened” China to its merchants by force of arms, having won the Anglo-Chinese war, or the so-called first “Opium War” (1840–1842). As part of British imperial policy, the Royal Navy was ordered to visit the American Northwest. In particular, the South American squadron, which was based in Rio de Janeiro, gradually began to be used outside the South Atlantic. In 1833, it consisted of 11 ships. The western base of the squadron was established on the Pacific coast of South America in Valparaiso. The American historian B.M. Gough

noted that on September 16, 1834, squadron commander Sir Graham Eden Hamond expressed his wish to sail further to the north to Russian colonies in Alaska [18, p. 33]. Thus, Great Britain sought to monitor the situation in this vast, remote region as far as possible, “entering” there from the side of the sea and not only by land, which would have been through the Hudson’s Bay Company’s (HBC) holdings.

U.S. President A. Jackson wanted to obtain reliable information about the real state of affairs in Oregon, which, according to the Anglo-American agreements, was still jointly owned in the 1830s. In November 1835, Jackson ordered Secretary of State J. Forsyth to send U.S. Navy Lieutenant and diplomat W.A. Slacum (1799–1839) there. In 1835–1836, Slacum had served as a special agent in Mexico. After going through California and the Sandwich Islands, Slacum arrived on the *Loriot* ship in Oregon on December 22, 1836, and left the region on February 10, 1837. He was ordered to visit via the river to get acquainted with nature, the economic opportunities of the region, local Indian tribes, and any information useful to the US government. Columbia already had rare white settlements. Of course, he visited the trading posts and the Hudson’s Bay Company farm and met with Fort Vancouver’s leaders, John McLoughlin and James Douglas. He also met with a Quebec-born Methodist Episcopal Church missionary, Jason Lee, in the Willamette River Valley village. Lee arrived in Oregon in 1834 via the Rocky Mountains with a group of his followers and trappers, led by American merchant Nathaniel Jarvis Wyeth. On March 26, 1837, W.A. Slacum gave J. Forsyth a detailed account of the results of his trip. He noted the good reception given to him by the Hudson’s Bay Company leaders and drew attention to the beginning of the development of agriculture, both by this company and by American white settlers. In general, W.A. Slacum came to the disappointing conclusion for the United States that Oregon was completely dominated by the Hudson’s Bay Company, which tried to conserve natural resources and very strictly regulated the hunting of beavers in northern Oregon. He concluded that Oregon, if it persisted as such in the future, would most likely go to the UK. At the same time, the Hudson’s Bay Company strongly encouraged the Indians and

their employees, including the so-called “Canadians,” to exterminate these fur-bearing animals (especially the beavers) in southern Oregon, believing that this area would become the possession of the United States. In addition, the diplomatic agent noted the importance to the Hudson’s Bay Company of the Columbia River as a trade and transport artery. W.A. Slacum warned the US federal authorities that in the future, the supply of firearms and military ammunition by the Hudson’s Bay Company to the Indians would be “highly dangerous to our frontier settlements.” Paradoxically, in turn, the RAC constantly accused the so-called “Boston shipmen” of the same dangerous trade with the Indians to the detriment of the Russians. The Hudson’s Bay Company was quite satisfied with the fact that the local Indians had slaves who helped their masters in their economic activities. The company prevented the missionaries from developing pastoralism, such that in February 1837, W.A. Slacum personally helped to accompany missionary Jason Lee on the *Loriot* to the Russian village of Ross in California and to directly purchase cattle there for the Methodist settlement in Oregon. At the same time, it is important to note that RAC, namely the head of Ross, provided assistance and a good reception.

At the end of the 1830s, Anglo-American difficulties in relations escalated in connection with the struggle of settlers in the British North American possessions – in Upper Canada and Lower Canada. This confrontation involved US citizens who lived primarily in the border states, in the Great Lakes region. All this strengthened the anti-English and expansionist sentiments of some Americans. Dangerous incidents arose, unsanctioned by federal and state authorities. Great Britain perceived these incidents and the possible intentions of US citizens as probable future interference in the internal affairs of the British Empire, while the US federal authorities sought to avoid a military Anglo-American clash. At the end of 1837, the British minister in Washington, H.S. Fox, wrote to the Lieutenant Governor of the British province of New Brunswick, Sir J. Harvey: “If the game that has been played towards Texas or anything approaching it were attempted with respect to Canada, the two countries might be driven into a war, in spite of the best intentions on the part of

the supreme government" [10, p. 81]. At the same time, the new US President, M. Van Buren, a follower of Andrew Jackson, confirmed his commitment to friendly Anglo-American relations and believed that the border dispute in the Northeast should be resolved to the mutual satisfaction of the parties. In March 1837, the United States recognized the independence of the Republic of Texas from Mexico. This had already been proclaimed on March 2, 1836, as a result of a rebellion by numerous North American settlers who enjoyed the support of the United States authorities. At the end of 1838 and beginning of 1839, due to the unresolved border delimitation in the Northeast between the United States and British North America, the situation in the territory between the state of Maine and the province of New Brunswick had sharply escalated. This aggravation is known in history as the "Aroostook War," which, however, scarcely turned into a real armed clash.

According to the American historian H. Jones, its causes were not only the border dispute that began back in 1783, but more importantly, "it was the result of deep-seated Anglophobia in Maine, which was growing increasingly dependent upon the doctrine of states' rights" [22, p. 519]. The armed conflict was not approved of by a part of the US elite, for which close trade and financial ties between Great Britain and the USA stood above territorial expansion. Thus, T. Jefferson's granddaughter Ellen (Eleonora) Wayles Randolph Coolidge, who was then in England, became concerned about possible clashes on the frontier [28, pp. 339-340]. In the spring of 1839, the US federal authorities and the British government succeeded in quelling the passions, since Washington and London had more serious problems to solve, and Lord Palmerston, who was not an admirer of America for economic reasons, did not see the war as a way out. In addition, the public of both countries was hardly interested in the "Aroostook War." In the early 1840s, governments changed in the United States and England. After the unexpected death on April 4, 1841, of the newly elected President and Whig W.H. Harrison, his place was taken by the advocate of the rights of the states, a supporter of slavery, an opponent of the policy of high tariffs, J. Tyler, on whom the views of the southerner J. Calhoun had a strong influence.

In such an environment, D. Webster, a Whig and Anglophile associated with British commercial and financial circles, chose to remain in the Tyler government as Secretary of State (1841–1843) in order to improve Anglo-American relations [42, p. 18]. E. Everett, a supporter of the Secretary of State, was sent to London. In 1841, R. Peel, who, although a Tory, was at the head of the new British government, was close to the Liberals. The more moderate politician Lord Aberdeen replaced Palmerston as Foreign Secretary, while R. Peel's supporters (the "Peelites") advocated the complete abolition of trade restrictions. However, the last obstacles were removed only in the early 1850s.

In 1840–1841, Anglo-American relations became aggravated again because of the so-called case of the British subject Alexander MacLeod, who was arrested on November 12, 1840, in the state of New York on charges of killing an American during a raid under the command of the British colonial authorities. This incident took place on the night of December 29, 1837, when, in order to prevent assistance to Canadian rebels, a detachment of Canadian militia destroyed the US steamer *Caroline* docked at the American bank of the Niagara River. MacLeod was threatened with the death penalty. In the United States, anti-British sentiment has sharply intensified. A dispute arose over the jurisdiction of the court over the alien. D. Webster did everything possible to transfer the decision on the issue to the federal authorities. This caused a strong protest by the Democrats in the US Congress. The trial did take place in New York State. McLeod was acquitted on October 12, 1841. As a result, on August 12, 1842, the US Congress passed a bill governing how the federal court was to consider this kind of international case.

The resulting crisis has once again shown that unresolved, important issues can lead to war between the US and Great Britain. However, despite the contradiction in approaches, the conflict around Canada was resolved peacefully. It seems that the McLeod case played an important role in strengthening the priority of the US federal authorities over the states in the foreign policy sphere as well as the desire of the overseas republic to demonstrate compliance with international (European) law and thus join the ranks of the leading states of the Old World [49, pp. IX-XI].

At the same time, during the suppression of the uprising of Canadian insurgents in 1837–1838 (Rébellions de 1837–1838), the British colonial authorities captured several US citizens who had ended up in British North America and who were helping the American colonists. The Americans were taken to the mother country for trial and sentenced to hard labor under the laws of the British Empire.

During the 1830s – 1840s, in the US Congress as well as among the most diverse segments of the population, there was an increase in expansionist sentiments. Depending on the economic, political, and socio-cultural interests of various social groups, two main directions of expansion were taken. The slave owners were attracted to Texas, Cuba, and parts of South America. Residents of the free states and European immigrants rushed primarily to the Northwest. California, which at that time was part of Mexico, was also in the field of view of US citizens, especially since the RAC had left it in 1841, when the RAC sold the lands and fortress Ross (Fort Ross) to an American of Swiss origin, J.A. Sutter. Soon, information about the sale of Ross reached Russia, where the newspapers noted the importance of the pioneers of Russian America [53]. This sale information adversely affected the RAC share price, thus the Russian government became less prone to back the RAC with more money, seeing as regular reports from the Main Board of the Russian-American Company (MB RAC) about its share prices were sent to the government. In the early 1840s, when RAC shares were in high demand [54–56], the company had hatched plans to intensify its efforts in Oregon and California. Information about these territories was known to Russian pioneers as early as the middle of the 18th century [52]. At the same time, it was believed in Russia that the movement towards Oregon would require additional and significant financial injections into the RAC from the state [24; 44]. In addition, the transfer of additional funds would be done to the detriment of trade from Okhotsk to other Siberian cities [21]. These factors decreased Russian interest in Oregon.

The growing interest of US citizens in the West, in general, and Oregon, in particular, was reinforced by the country's significant success in industry, trade, and transport communications,

especially since, in the late 1830s, Americans were still reeling from the severe economic crisis of 1837, which had also affected Europe. The setting was ripe for many residents of the Midwest and Northeast to hope to get rich in the Far West. In March 1837, the American political economist and supporter of protectionism, Henry Charles Carey, predicted that life in the West would gradually become more comfortable for whites and that in another fifty years, "settlements, canals, and railroads would be extended all the way to the Pacific. Could we remain united for another century? Imagination can scarcely conceive of the prosperity and happiness that this nation (the United States. – A. P., L. T.) would attain at that time" [32, p. 84].

Many citizens of the Midwest dreamed of a faster connection between the Atlantic and the Pacific Ocean thanks to inland transport routes (chains of internal communication) "by a link across the Rocky Mountains from the head of navigation on the Missouri river, to the head of navigation on the Colombia river." The benefits to the United States, in general, and especially to the western states from the possession of Oregon in the near future were seen as a strengthening of the integrity of the Union from "the tree of liberty planted by our forefathers, which is to spread its umbrageous branches from the Atlantic to the Pacific Ocean." Also, "it would be of immense advantage to the United States in times of war to be able to receive from Asia her rich produce without the risk of a six-month' voyage exposed to the ravages of a belligerent power." The increase in the population of the West would be rapid as a natural result of the development of its resources. It would "soon cause the *now* (italics in the text. – A. P., L. T.) Western States to become the middle of an extensive republic" [38].

From the turn of the 1830s to the 1840s, the issue of Oregon's accession to the United States was repeatedly raised in the US Congress. Missouri Senator Lewis Linn was especially zealous when he proposed to the Senate in December 1839 to pass a resolution that the US government should provide United States settlers in Oregon with military protection. In mid-April of 1840, Linn, along with Kentucky Senator Henry Clay, introduced additional resolutions to build a chain of military forts from the Rocky Mountains to Oregon and establish land for settlers. However,

these resolutions on military measures seemed too controversial and were not considered further.

There was a fair argument in the United States that the unresolved border dispute and the preservation, in the extended Anglo-American Convention of 1818, of the provision on equal access to Oregon for US citizens and British subjects would lead to the fact that “the country is rapidly passing, in reality, into British hands” [15, pp. 234-235]. This was expressed in the respective periodical “The North American Review” (1837) in the anonymous review (in reality, it was written by E. Everett) of the two-volume book “Astoria, or Anecdotes of an Enterprise Beyond the Rocky Mountains” by Washington Irving. The reviewer agreed with the author, who expressed regret over the failure of J.J. Astor’s enterprise, which had been established in the early 19th century on the Pacific coast of the American Northwest, “from a national point of view” [15, p. 235].

Christian missionaries began to play the main role in the process of Americans penetrating Oregon in the 1830s. In the first decades of the 19th century, during the so-called “Second Great Awakening,” many religious sects and communities appeared in the United States. For example, along the southern tributary of the Columbia River in the Willamette River valley, Methodist and Presbyterian missions were organized.

As was mentioned above, prior to 1840, relatively few Americans lived in Oregon. Mainly from the mid-1830s, they migrated there in groups (parties) along the so-called “Oregon Trail,” but in the early 1840s, the flow of migrants intensified, despite the various dangers that lay in wait for them along the way. The maximum estimated number of arrivals in 1845 ranges from 2 to 5 thousand people [16, p. 134]. Of fundamental importance was the fact that gradually, following the sailors, merchants, trappers, whalers, and missionaries, a wave of migrating farmers reached the Pacific Ocean. In order to gain a stronger foothold in Oregon, the HBC, in addition to the fur trade, engaged in wider commerce through agriculture. The strengthening of this activity takes place simultaneously with the migrants’ development of ties with the RAC.

According to General Manager in Russian America, F.P. Wrangel, the British were quite firmly entrenched on the northern bank of the river

Colombia. Thus, when the ship “Catborough” arrived in Novo-Arkhangelsk in 1832, Wrangel explained the reason for the success of the British: HBC charges “...twice and three times as much against the Americans, who never stand long and rush to leave that place and go to another” [13]. Basically, the HBC was charging the Americans a higher price. Of course, it was premature to declare the complete superiority of the British, since two years later Wrangel wrote: “The merchants of the United States did not visit the straits this winter, and the Hudson’s Bay Company remained our only rival in this trade. Fortunately for us, now, the HBC has a shortage of goods... but this shortage will no doubt be eliminated soon” [14]. In 1839, the Puget Sound Agricultural Company was organized. It is significant that on February 6 [January 25, Julian Calendar], 1839, the RAC and the HBC signed an agreement in Hamburg.

Soon, E.F. Kankrin, the Minister of Finance of Russia, got a detailed report on the provisions of this agreement. He noted that the decision to sign it came from Tsar Nicholas I [29]. In the light of the Anglo-American struggle concerning Oregon, it is important to note the 1st article of the document, according to which the RAC, by permission of the government, cedes or leases to the HBC for commerce the coast (except the islands) and interior land, which belonged to the Emperor of Russia, between Cape Spencer at the side of the entrance to Cross Sound and latitude 54°40' for ten years, counting from June 1, 1840. The RAC promised to assist the HBC in carrying out trade in the leased territory for ten years” [30].

In 1840, US Secretary of State J. Forsyth expressed his concern to Russian Minister to the USAA. A. Bodisco and asked for equal conditions for the admission of American and British ships to Russian possessions. Bodisco was soon convinced that the Americans should be allowed to visit the properties of the RAC leased by HBC. In addition, he was inclined to believe that in the event of the liquidation of Fort Ross, the Californian possessions “should have been offered to the American government” [6, pp. 226-227].

Describing the significance of the RAC and HBC agreement, outstanding Russian historian N.N. Bolkhovitinov pointed out that it “had a direct impact not only on the fate of the Ross colony but also allowed the RAC in the early 1840s to refuse

to cooperate in the supply of food products (to Russian settlements. – *A. P., L. T.*) with the 'Boston shipmen'. In the long term, food supplies through the HBC turned out to be less reliable. And although in the spring of 1849 the contract between the RAC and the HBC was renewed, it no longer contained an obligation to supply food, which was associated with the transfer of Oregon to the possession of the United States (in 1846. – *A. P., L. T.*)" [9, p. 280]. Bolkhovitinov defines the current situation in the American Northwest as follows: "By 1842, both companies practically controlled the entire northwest coast, ousting their American competitors from there. As a result, the Columbia River Department of the Hudson's Bay Company annually brought in from 8 thousand to 10 thousand dollars of income" [8, p. 41].

In the context of the UK-US struggle concerning Oregon, the British authorities had detailed information not only from continued government research but also from HBC intelligence, which was that the United States, after the Lewis and Clark expedition, due to a lack of funds, equipped only small expeditions led by military and civil engineers to the West [27, p. 268]. Only between 1838 and 1842 did the first full-scale American naval expedition around the world take place under the command of Captain Charles Wilkes (1798–1877).

Wilkes is on a par with such outstanding pioneer explorers of the Pacific Ocean as the French L.C. Freysinet, L.I. Duperrey, and J.S.C. Dumont d'Urville, and the English F.W. Beechey, P. Dillon, and R. Fitzroy [50, p. 247].

The expedition was conceived to conduct scientific research but also pursued commercial, pragmatic, and reconnaissance goals. It was supposed to enhance the international role of the United States, including in the Pacific Northwest, and promote the interests of Americans in this region. Sailors, traders, sealers, and whalers needed accurate navigation charts of the Pacific. The US Secretary of the Navy, James Paulding, also wanted to expand the frontiers of science and knowledge. According to his instructions of August 11, 1838 [35, p. XIX], Wilkes was instructed to explore the islands, currents, and harbors of the Pacific Ocean (especially the islands of Fiji, Samoa, and Hawaii), study the general state of trade in the southern seas, and visit Oregon and California. Wilkes should refrain

from participating in trading operations and not intervene in the feuds of the natives, although he could offer his mediation and, in extreme cases, use force to protect property and people [57, pp. XXV-XXXI].

The US Congress decided to organize the expedition in May 1836, but the forced replacement of the leader and other obstacles delayed its implementation by almost two years. Finally, in March 1838, Lieutenant Charles Wilkes was placed in command of a fleet of six ships and nearly five hundred military and civilian personnel, including nine scholars. The expedition left Hampton Roads, Virginia, on August 18, 1838. Members of the expedition made an extensive exploration of the Southern Hemisphere, traveling about 1.500 miles along the coast of Antarctica (later this region was called "Wilkes Land"). Wilkes claimed that his expedition explored almost 280 islands and collected artifacts. We observe contradictions and a struggle of opinions in Wilkes' claims, so the information in these opinions may not be accurate. The official papers of I.F. Kruzenshtern confirm this [41].

On April 28, 1841, Wilkes arrived at the Columbia River but failed to explore it due to dangerous waves and strong currents. On May 2, the ships anchored in the harbor of Port Discovery in the beautiful Juan de Fuca Strait, which, unlike the dangerous rocky coast of Oregon (south of Cape Flattery), was recognized as more suitable for navigation [58, pp. 293-305]. According to the observations of Captain Wilkes at the mouth of the Columbia River, navigation was very difficult (most of the mouth is covered by a sandy island and long shallows, including those lying in the middle of the river, constantly changing their forms), and the anchorage at the American settlement of Astoria (Fort George) could only accommodate a limited number of ships. After special hydrographic studies, he warned of the dangers that lay in wait while sailing down the river to the Strait of Juan de Fuca, namely, a strong coastal current, thick morning fogs, and the presence of distant rocks that the ship could sail and crash into [11, p. 84, 331]. The members of the expedition visited the village of Nisqually, where there was a farm for the HBC. The US Navy expedition was warmly received at Fort Vancouver, the HBC residence in the American Northwest.

Captain Wilkes subsequently urged federal officials and compatriots alike that in Oregon, “the ground is ready for the plough, and nature seems as though it were to invite the husbandman to his labors” [58, p. 315]. Such statements corresponded to the spirit of the time. His negative impression of the river navigation was reinforced by the later loss of one of the ships on July 18. Soon, the expedition reached the river valley. Wilkes hoped to establish local government and legal structures similar to those found in the USA. He understood that the local Methodist missionaries saw him as an official envoy from Washington. Under the circumstances, Wilkes advised them “to wait until the government of the United States should throw its mantle over them” [58, p. 353]. The missionaries followed that advice. The captain was pleased with the state of affairs in this Methodist village and was confident in the successful development of Oregon, noting the relative weakness of the local Indian tribes [59, p. 121]. While in Oregon, Captain Wilkes collected various information and partly shared it with Freiman, an employee of the RAC, who, at the invitation of the HBC, visited this territory in 1841 [47, p. 54].

The expedition was divided into two groups. Wilkes went by sea to California, and a land detachment moving in the same direction was led by Lieutenant G.F. Emmons, who was instructed by Wilkes to avoid confrontation with the Indians as much as possible, study the culture and customs of the tribes, and collect all information about the activities of the HBC [59, pp. 514-517]. In August 1841, Lieutenant C. Ringgold and several people from the crew of the ship “Vincennes” visited the village of New Helvetia, founded by J. Sutter, who, in October 1841, met the detachment of Lieutenant Emmons.

Charles Wilkes highly appreciated the military-strategic importance of San Francisco Bay [59, p. 157]. He called on official Washington to more vigorously protect the lives and property of US citizens who were abroad [59, p. 170]. The captain appears to have sought to convince American public opinion that Mexico would inevitably lose Upper California due to geographic location, overland supply difficulties, and the possible prospect of merging with Oregon into one powerful state that could control the Pacific trade routes from South America, China, the Philippines,

Polynesia, New Holland, New Zealand, and other countries. In addition, it would soon be possible to add connections with Japan [43]. According to Wilkes, the different climatic conditions of these countries in the Pacific region would provide raw materials for a profitable trade in products. Over time, the trade would become huge [59, p. 171]. At the same time, the captain considered that the population would cover a large area in the future [59, pp. 171-172].

The expedition returned to New York Harbor in June 1842. The public’s recognition of the expedition’s accomplishments was slow. Some in the scientific community were not convinced by the evidence collected by the expedition that Antarctica was a continent. Wilkes’ accusations of incompetence and disrespect from several junior officers led to counter-charges against Wilkes. As a result of the military tribunal, Wilkes was reprimanded on charges of unlawful punishment. The US President J. Tyler and later President J. Polk, fearful of derailing negotiations over the northern boundary issue, did not publicly endorse Wilkes’ strong opinion that the United States should control all ports in Puget Sound. Even the publication of Wilkes’ original “Report on the Territory of Oregon” in June 1842 was officially delayed. The scientific, political, and cartographic heritage of the expedition, however, was very significant. Further navigators managed to learn about the difficulties of navigation along the Colombia River and in coastal waters. Being in the territory of Oregon, the expedition members established contacts with Indian tribes, collecting important geographical data from them. Valuable ethnographic data included a collection of almost two hundred artifacts from the region, and an extensive description of the indigenous language was compiled by the expedition’s linguist, Horatio Hale. In the 1840s, the expansion of US trade and economic interests was carried out in different regions of the Pacific Ocean. American historian J.H. Schroeder distinguished various forms of this expansion, namely the “opening” of China and the strengthening of American influence in Hawaii and in the North Pacific in general. According to the figurative expression of Schroeder, “the wealth [of the countries] of the Pacific Ocean is ripe for the American harvest” [48, pp. 82-83].

Complex factors and different contradictions convinced both Great Britain and the United States

to conclude a new Anglo-American treaty. Lord Ashburton (Alexander Baring) arrived in Washington on a special mission to negotiate with D. Webster on a wide range of issues, from the border delimitation in the Northeast and the Oregon problem to the prohibition of the slave trade. Lord Aberdeen, who was British Foreign Secretary in 1841–1846 under Sir Robert Peel (second Peel ministry), recalled that he was quite ready to quarrel with the United States, if necessary [23, p. 18]. On the other hand, at the beginning of March 1842, calling on his mission for steadfastness on the border delimitation in the Northeast, he argued that “we not go to war for a few miles, more or less, of a miserable pine swamp” [12, p. 119].

The administration of US President Tyler unofficially deployed propaganda in Maine, paid for from a special fund that was approved by Congress for secret use in relations with foreign states [31]. On August 9, 1842, the Webster-Ashburton Treaty was signed in Washington. The United States secured 7015 sq. miles out of 12027 sq. miles of disputed territory to the northeast of America. In addition, the United States pledged to participate with England in naval patrols in the Atlantic to intercept the slave trade. An important place in the agreement was occupied by the problem of capturing and extraditing, to the UK or the US, criminals accused of murder, robbery, and some other crimes. For the US, the issue was not just criminals. Southern slaveholders had long pressed the government to take action against the flight of slaves to Canada. The British side strove, as far as possible, to prevent excesses in the future, similar to the events on the Anglo-American border in 1837–1841, and to use the article in the treaty against participants in the national liberation movement.

Results. The problem in Oregon was solved only partially. As the 1830s became the 1840s, Spain still had its claims to the northwest of the Pacific coast. At the same time, Mexico also avoided making any claims to these territories. Russia continued to take a cautious position in relation to the territories south of 54°40' north latitude. The RAC managed to conclude an agreement with the HBC, under which, even in the event of a conflict between the UK and Russia, normal commercial relations could continue. The UK continued its policy of strengthening its positions on the

Northwest coast. At the same time, by the 1840s, the emphasis had shifted to exploiting economic and commercial footholds on the coast by drawing on the resources of the HBC. The most intense rivalry in Oregon was growing between the UK and the USA, who became prime actors in the struggle for Oregon. As for the United States, the westward expansion towards the Pacific coast and the desire to take possession of the vast Northwest region were based on the logic of the development of the nation, its Monroe Doctrine of 1823, and the idea of Manifest Destiny, which was officially proclaimed soon after. Such positions were welcomed by the government and the majority of the United States population.

Under the provisions of the Oregon Treaty of 1846, a continental borderline was agreed upon, which divided the United States and British possessions in North America.

NOTE

¹ The study was supported by the Russian Science Foundation grant No. 22-18-00043, <https://rscf.ru/project/22-18-00043/>, at the Institute of World History of the Russian Academy of Sciences.

Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 22-18-00043, <https://rscf.ru/project/22-18-00043/>, в Институте всеобщей истории РАН.

REFERENCES

1. Alperovich M.S. *Rossija i Novyj Svet (poslednjaja tret XVIII veka)* [Russia and the New World (The Last Third of the 18th Century)]. Moscow, Nauka Publ., 1993. 238 p.
2. Bolkhovitinov N.N., ed. *Istorija Russkoj Ameriki, 1732–1867. V 3 t. T. 1. Osnovanie Russkoj Ameriki (1732–1799)* [History of Russian America, 1732–1867. In 3 Vols. Vol. 1. Foundation of Russian America (1732–1799)]. Moscow, Mezhdunarodnye otnoshenija Publ., 1997. 480 p.
3. Bolkhovitinov N.N., ed. *Istorija Russkoj Ameriki, 1732–1867. V 3 t. T. 2. Dejatel'nost' Rossijsko-amerikanskoi kompanii (1799–1825)* [History of Russian America, 1732–1867. In 3 Vols. Vol. 2. Activities of the Russian-American Company (1799–1825)]. Moscow, Mezhdunarodnye otnoshenija Publ., 1999. 472 p.
4. Bolkhovitinov N.N., ed. *Istorija Russkoj Ameriki, 1732–1867. V 3 t. T. 3. Russkaja Amerika: ot zenita k zakatu (1825–1867)* [History of Russian America, 1732–1867. Vol. 3. Russian America: From Zenith to

Sunset, 1825–1867]. Moscow, Mezhdunarodnye otnoshenija Publ, 1999, pp. 221–230.

5. Bolkhovitinov N.N. Kontinentalnaja kolonizacija Sibiri i morskaja kolonizacija Aljaski: shodstvo i razlichie [Continental Colonization of Siberia and Maritime Colonization of Alaska: Similarities and Differences]. *Acta Slavica Iaponica*, 2003, t. XX, Sapporo, Japan, pp. 109–125.

6. Bolkhovitinov N.N. Likvidacija kreposti i selenija Ross v 1839–1841 gg. [Liquidation of the Fortress and the Village of Ross in 1839–1841]. Bolkhovitinov N.N., ed. *Istorija Russkoj Ameriki, 1732–1867. V 3 t. T. 3. Russkaja Amerika: ot zenita k zakatu (1825–1867)* [History of Russian America, 1732–1867. Vol. 3. Russian America: From Zenith to Sunset, 1825–1867]. Moscow, Mezhdunarodnye otnoshenija Publ, 1999, pp. 221–230.

7. Bolkhovitinov N.N. *Rossija otkryvaet Ameriku, 1732–1799* [Russia Discovers America, 1732–1799]. Moscow, Mezhdunarodnye otnoshenija Publ., 1991. 302 p.

8. Bolkhovitinov N.N. *Russko-amerikanskije otnoshenija i prodazha Aljaski, 1834–1867* [Russian-American Relations and the Sale of Alaska, 1834–1867]. Moscow, Nauka Publ., 1990. 367 p.

9. Bolkhovitinov N.N., ed. Kontrakt Rossijsko-amerikanskoj kompanii (RAK) s Kompaniej Gudzonova zaliva (HBC) ot 25 janvarja (6 fevralja) 1839 goda i likvidacija kolonii Ross v Kalifornii [The Contract Between the Russian-American Company and the Hudson Bay Company of January 25 (February 6), 1839 and the Liquidation of Ross Settlement in California]. *Amerikanskij ezhegodnik 2002* [American Yearbook 2002]. Moscow, Nauka Publ., 2004, pp. 279–290.

10. Bourne K. *Britain and the Balance of Power in North America, 1815–1908*. Berkley, Los Angeles, University of California Press, 1967. 432 p.

11. Capt. Charles Wilkes, U. S. N., Member of the American Philosophical Society, etc. *United States Exploring Expedition. During the Years 1838, 1839, 1840, 1841, 1842, Under the Command of Charles Wilkes, U. S. N. Vol. XXIII. Hydrography*. Philadelphia, Printed by C. Sherman, 1861. 514 p.

12. Chamberlain M.E. *British Foreign Policy in the Age of Palmerston*. London, Longman & Co., 1980. 146 p.

13. Donesenie F.P. Vrangelja v Glavnoe pravlenie RAK, 6 maja 1832 g. [Report by F.P. Wrangel to the Main Directorate of the RAC, May 6, 1832]. *Rossijskij gosudarstvennyj arhiv Voенno-Morskogo Flota (RGA VMF)* [Russian State Archive of the Navy], f. 1375, inv. 1, d. 34, l. 158–161 r. (Unpublished Source).

14. Donesenie F.P. Vrangelja v Glavnoe pravlenie RAK, 28 aprelja 1834 g. [Report by F.P. Wrangel to the Main Directorate of the RAC, April 28, 1834]. *RGA VMF* [Russian State Archive of the Navy], f. 1375, inv. 1, d. 36, l. 172–174 r. (Unpublished Source).

15. Everett E. Irving's Astoria. *The North American Review*, 1837, vol. 44, no. 94, pp. 200–237.

16. Gibson J.R. *Farming the Frontier: The Agricultural Opening of the Oregon Country, 1786–1846*. Seattle, London, University of Washington Press, 1985. 265 p.

17. Gibson J.R. *Imperial Russia in Frontier America. The Changing Geography of Supply of Russian America, 1784–1867*. New York, Oxford University Press, 1976. 257 p.

18. Gough B.M. Sea Power and South America: The “Brazils” or South American Station of the Royal Navy 1808–1837. *The American Neptune. A Quarterly Journal of Maritime History & Arts*, 1990, vol. L., no. 1, pp. 26–34.

19. Gough B.M. *The Northwest Coast: British Navigation, Trade and Discoveries to 1812*. Vancouver, University of British Columbia Press, 1992. 265 p.

20. Gutiérrez Rodríguez O. *Hispanic Origins of Oregon: A Historical Approximation to Early Hispanic Presence in the West Coast of North America (1543–1819)*. Monmouth, Salem, 2022. URL: <https://openoregon.pressbooks.pub/hispanicoriginsoregon/>

21. Irkutskaja kontora Rossijsko-amerikanskoj kompanii – Irkutskoj gradskoj dume, 6 fevralja 1836 g. [Irkutsk office of the Russian-American Company, Irkutsk City House, February 6, 1836]. *Gosudarstvennyj arhiv Irkutskoj oblasti (GAIO)* [State Archive of the Irkutsk Region], f. 70, d. 4166. Svjazka 637. 1836 g., l. 2–3, 11, 11 r. (Unpublished Source).

22. Jones H. Anglophobia and the Aroostook War. *The New England Quarterly*, 1975, vol. 48, no. 4, pp. 519–539. URL: <http://www.jstor.org/stable/364636>

23. Jones W.D. *The American Problem in British Diplomacy, 1841–1861*. Athens, 1974. 260 p.

24. Kratkaja vypiska iz generalnogo balansa Rossijsko-amerikanskoj kompanii, 1 janvarja 1828 g. [A Brief Extract from the General Balance Sheet of the Russian-American Company as of January 1, 1828]. *Arhiv vneshnej politiki Rossijskoj imperii (AVPRI)* [Archive of foreign policy of the Russian Empire], f. RAK, inv. 888, d. 337, l. 3–5. (Unpublished Source).

25. Kurilla I.I. ‘Voiti v krug velikih derzhav...’: Daniel Uebster i vneshnii politika SShA v seredine XIX veka [“To Enter the Great Powers’ Circle...” Daniel Webster and the US Foreign Policy in the Middle of the 19th Century]. Volgograd, Izd-vo VolGU, 1997. 191 p.

26. Kurilla I.I. *Zaokeanskije partnery: Amerika i Rossiia v 1830–1850-e gody* [Partners Across the Ocean: The United States and Russia, 1830s–1850s]. Volgograd, Izd-vo VolGU, 2005. 484 p.

27. Long's Expedition. *The North American Review*, 1823, vol. 16, no. 39 (Apr.), vol. VII, no. II, pp. 242–269. URL: <https://www.jstor.org/stable/25109182>

28. Lukas Birlé A., Francavilla L. A., eds. *Thomas Jefferson's Granddaughter in Queen Victoria's England: The Travel Diary of Ellen Wayles Coolidge, 1838–1839*. Charlottesville (Va.), Massachusetts Historical Society, 2011. 416 p.
29. MB RAK – E. F. Kankrinu, 3 marta 1839 g. [M. B. RAK to E. F. Kankrin, March 3, 1839]. *AVPRI* [Archive of Foreign Policy of the Russian Empire], f. RAK, d. 351, l. 211 (Unpublished Source).
30. MB RAK – E. F. Kankrinu, 3 marta 1839 g. [M. B. RAK to E. F. Kankrin, March 3, 1839]. *AVPRI* [Archive of Foreign Policy of the Russian Empire], f. RAK, d. 351, l. 214 (Unpublished Source).
31. Merk F., Merk L.B. *Fruits of Propaganda in the Tyler Administration*. Cambridge (Mass.), Harvard University Press, 1971. 269 p.
32. Miller R.M., Miller L.P., eds. *The Book of American Diaries*. New York, Avon Books, 1995. 522 p.
33. Minyar-Beloruchev K.V. *Na puti k amerikanskoj imperii: SShA vo vtoroi polovine 30-kh – 40-e gody XIX veka* [The Road to American Empire: United States in the Second Half of the 1830s and in the 1840s]. Moscow, Moskovskij universitet Publ., 2015. 352 p.
34. Minyar-Beloruchev K.V. *Reformy i ekspansija v politike SShA (koniec 1830-h – seredina 1840-h godov)* [Reforms and Expansion in the US Policy, Late 1830s – Middle of 1840s]. Moscow, "Prospekt-AP" Publ., 2005. 176 p.
35. Morgan W.J. et al., eds. *Autobiography of Rear Admiral Charles Wilkes, U.S. Navy, 1789–1877*. Washington, Naval History Division, Department of the Navy, 1978. 944 p.
36. Narochnicki A.L. et al., eds. *Issledovanija russkih na Tihom okeane v XVIII – pervoj polovine XIX v.: sb. dokumentov. V 6 t.* [Russian Research in the Pacific Ocean in the 18th – First Half of the 19th Century]. Moscow, Nauka Publ., 1984–2004.
37. N. P. Rumjancev – MB RAK, 1 dekabrja 1809 g. [N. P. Rumyantsev, MB RAC, December 1, 1809]. *Rossijskij gosudarstvennyj istoricheskij arhiv (RGIA)* [Russian State Historical Archive], f. 994, inv. 2, d. 2, l. 5-7 (Unpublished Source).
38. Oregon Territory (From Alton Telegraph). *Salt River Journal (Bowling Green, Mo)*, 1839, Nov. 23, p. 1. URL: <https://chroniclingamerica.loc.gov/lccn/sn83016924/1839-11-23/ed-1/seq-1/>
39. Osley jr, F.L. Ambrister and Arbuthnot: Adventurers or Martyrs for British Honor? *Journal of the Early Republic*, 1985, vol. 5, no. 3, pp. 289-308. URL: <http://www.jstor.org/stable/3122585>
40. Petrov A.Yu., ed. *Rossija i Ispanija na severozapade Ameriki v vtoroj polovine XVIII v. (po materialam ispanskih arhivov): monografija v dokumentah* [Russia and Spain in the North-West of America in the Second Half of the 18th Century (According to the Materials of the Spanish Archives)]. Ryazan, Izd-vo Rjazanskogo gos. un-ta, 2020. 217 p.
41. Plan dlja ekspedicii otkrytija v severnom i juzhnom polusharijah, ijun 1831 [Plan for an Exploring Expedition in the Northern and Southern Hemispheres, June 1831]. *RGA VMF* [Russian State Archive of the Navy], f. 14, inv. 1, d. 109, l. 1-2 r (Unpublished Source).
42. Pletcher D. *The Diplomacy of Annexation: Texas, Oregon and the Mexican War*. Columbia, University of Missouri Press, 1973. 656 p.
43. Po vsej vidimosti Uilks opiralsja na svedenija, imejushiesja u nego posle puteshestvija Adama Laksmana v Japoniju. Zhurnal puteshestvija A. Laksmana v Japoniju, 1791–1793 [Apparently, Wilkes Relied on Information Available to Him After Adam Lakshman's trip to Japan. Journal of A. Lakshman's Travels in Japan, 1791–1793]. *Gosudarstvennyj arhiv Respubliki Krym (GARK)* [State Archive of the Republic of Crimea], f. 535, inv. 1, d. 2034 (Unpublished Source).
44. P. V. Bokovikov – K. T. Hlebnikovu, 18 aprilja 1829 g. [P. V. Bokovikov – K. T. Khlebnikovo, April 18, 1829]. *Gosudarstvennyj arhiv Permskogo kraya (GAPK)* [State Archive of the Perm Region], f. 445, inv. 1, d. 151, l. 69 r. (Unpublished Source).
45. Remond R. *Istorija Soedinennyh Shtatov Ameriki* [History of the United States of America]. Moscow, AST, Astrel Publ., 2006. 191 p.
46. Sage W.N. Spanish Explorers of the British Columbian Coast. *The Canadian Historical Review*, 1931, vol. XII, no. 4, pp. 390-406.
47. Savich A.N. Izvlechenie iz otcheta g-na Frejmana, ezdivshego chrez vladenija Gudzonbajskoj kompanii [Extract from the Report of Mr. Freiman, Who Traveled Through the Possessions of the Hudsonby Company]. *Zapiski Russkogo geograficheskogo obshhestva* [Notes of the Russian Geographical Society]. Saint Petersburg, 1846, book 1, pp. 52-63.
48. Schroeder J.H. *Shaping a Maritime Empire: The Commercial and Diplomatic Role of the American Navy, 1829-1861*. Westport, Praeger, 1985. 229 p.
49. Stevens K.R. *Border Diplomacy: The Caroline and McLeod Affairs in Anglo-American-Canadian Relations, 1837–1842*. Tuscaloosa, University of Alabama Press, 1989. 237 p.
50. Svet Ja.M. *Istorija otkrytija i issledovanija Avstralii i Okeanii* [History of the Discovery and Exploration of Australia and Oceania]. Moscow, Mysl Publ., 1966. 400 p.
51. *Three Centuries of Russian Eastward Expansion 1558–1867. A Documentary Record: In 3 Vols.* Portland, Oregon Historical Society Press, 1985–1989.
52. Ukaz ot 17 avgusta 1767 g., dannyj komandirom Nizhnekamchatskogo ostroga praporshhikom Timofeem Shmalevym totemskomu kupcu Arseniju Dmitrievichu Kuznecovu [Decree of August 17, 1767, Given by the

Commander of the Nizhnekamchatsky Fort, Warrant Officer Timofey Shmalev, to the Totem Merchant Arseny Dmitrievich Kuznetsov]. *Gosudarstvennyy arhiv Vologodskoj oblasti (GAVO)* [State Archive of the Vologda Oblast], f. 1160, inv. 1, d. 6, l. 1 (Unpublished Source).

53. *Vologodskie gubernskie vedomosti* [Vologda Provincial Sheets], 1842, Jan., no. 1.

54. *Vologodskie gubernskie vedomosti* [Vologda Provincial Sheets], 1842, no. 29, pp. 311-312.

55. *Vologodskie gubernskie vedomosti* [Vologda Provincial Sheets], 1842, no. 50, p. 453.

56. *Vologodskie gubernskie vedomosti* [Vologda Provincial Sheets], 1843, no. 3, p. 19.

57. Wilkes Ch. *Narrative of the United States Exploring Expedition During the Years 1838, 1839, 1840, 1841, 1842. In 5 Vols. and Atlas*. London. Wiley and Putnam, 1845, vol. 1. 434 p.

58. Wilkes Ch. *Narrative of the United States Exploring Expedition During the Years 1838, 1839, 1840, 1841, 1842. In 5 Vols. With Illustration and Maps*. Philadelphia, Lea and Blanchard, 1845, vol. 4. 539 p.

59. Wilkes Ch. *Narrative of the United States Exploring Expedition During the Years 1838, 1839, 1840, 1841, 1842. In 5 Vols. and Atlas*. London, Wiley and Putnam, 1845, vol. 5. 558 p.

Information About the Authors

Alexander Yu. Petrov, Doctor of Sciences (History), Chief Researcher, Institute of World History of the Russian Academy of Sciences, Prosp. Leninski, 32a, 119334 Moscow, Russian Federation; Professor, Moscow State Linguistic University, Ostozhenka St, 38, Bld. 1, 119034 Moscow, Russian Federation, alaska13@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-1688-4096>

Larisa M. Troitskaia, Candidate of Sciences (History), Senior Researcher, Institute of World History of the Russian Academy of Sciences, Prosp. Leninski, 32a, 119334 Moscow, Russian Federation, amercenter@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-2775-9629>

Информация об авторах

Александр Юрьевич Петров, доктор исторических наук, главный научный сотрудник, Институт всеобщей истории РАН, просп. Ленинский, 32а, 119334 г. Москва, Российская Федерация; профессор, Московский государственный лингвистический университет, ул. Остоженка, 38, стр. 1, 119034 г. Москва, Российская Федерация, alaska13@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-1688-4096>

Лариса Михайловна Троицкая, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник, Институт всеобщей истории РАН, просп. Ленинский, 32а, 119334 г. Москва, Российская Федерация, amercenter@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-2775-9629>



DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2024.3.5>

UDC 94(410)«18»:32.019.5

LBC 63.3(4Бел)52,8

Submitted: 29.01.2024

Accepted: 16.04.2024

CRIMEAN WAR, JOHN ARTHUR ROEBUCK AND PUBLIC OPINION IN THE GREAT BRITAIN IN THE MIDDLE OF THE 19th CENTURY

Victor V. Klochkov

Kuban State University, Krasnodar, Russian Federation;
Polytechnic Institute of the Don State Technical University, Taganrog, Russian Federation

Veronica S. Nazarova

Southern Federal University, Rostov-on-Don, Russian Federation

Igor M. Uznarodov

Rostov State University of Economics, Rostov-on-Don, Russian Federation

Abstract. *Introduction.* The key issue of this work is the relationship between the press, public opinion, and political institutions of Great Britain during the Crimean War (1853–1856). In this context, the political activity of the Sheffield radical John Arthur Roebuck (1802–1879) is considered. The relevance of the work is determined by the research thesis that, during the Crimean War, public opinion was no longer only broadcast by the press but was largely shaped by it. *Methods.* The broad research context of the article is provided by a critical method of processing sources, some of which (publications from the provincial newspapers *Sheffield and Rotterdam Independent* and *Iris*), discovered in the *Northamptonshire Record Office*, are being introduced into scientific circulation for the first time. *Analysis.* The goal of this article is to clarify the thesis well-established in traditional historiography, according to which the influence of the press on the current political agenda became significant only in the late 1860s. The analysis done in the article shows that if in the mid-30s of the 19th century the press only broadcast the opinion of the political elite, then during the Crimean War it already had the most direct influence on the formation of British public opinion. *Results.* The result of the study was the thesis that by the end of the Crimean War, the British press was quite able to influence public opinion and, even under certain circumstances, determine it. However, it still had very limited influence when it came to measures affecting the prerogative powers of Parliament and the Cabinet. *Authors' contribution.* V.V. Klochkov determined the basic concept of the article and the methodological foundations of the study, as well as identified unpublished sources from the regional archives of Great Britain. V.S. Nazarova prepared the introduction of the article, created its structural composition, and analyzed the historiography of the problem. I.M. Uznarodov conducted an analysis of the publications of periodicals and formulated the main results of the study.

Key words: Great Britain in the middle of the 19th century, Crimean War, press and public opinion, John Arthur Roebuck, British radicalism, contemporary historiography.

Citation. Klochkov V.V., Nazarova V.S., Uznarodov I.M. Crimean War, John Arthur Roebuck and Public Opinion in the Great Britain in the Middle of the 19th Century. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 4. Istoriya. Regionovedenie. Mezhdunarodnye otnosheniya* [Science Journal of Volgograd State University. History. Area Studies. International Relations], 2024, vol. 29, no. 3, pp. 51–60. DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2024.3.5>

КРЫМСКАЯ ВОЙНА, ДЖОН АРТУР РОБАК И ОБЩЕСТВЕННОЕ МНЕНИЕ ВЕЛИКОБРИТАНИИ СЕРЕДИНЫ XIX ВЕКА

Виктор Викторович Клочков

Кубанский государственный университет, г. Краснодар, Российская Федерация;
Политехнический институт (филиал) Донского государственного технического университета,
г. Таганрог, Российская Федерация

Вероника Сергеевна Назарова

Южный федеральный университет, г. Ростов-на-Дону, Российская Федерация

Игорь Миронович Узнаров

Ростовский государственный экономический университет (РИНХ), г. Ростов-на-Дону, Российская Федерация

Аннотация. *Введение.* Предметом данной работы являются взаимоотношения прессы, общественного мнения и политических институтов Великобритании в период Крымской войны (1853–1856). В данном контексте рассматривается политическая деятельность шеффилдского радикала Джона Артура Робака (1802–1879). Актуальность работы определяется исследовательским тезисом о том, что в период Крымской войны общественное мнение уже не только транслировалось прессой, но в значительной степени формировалось ею. *Методы и материалы.* Широкий исследовательский контекст работы обеспечивается критическим методом обработки источников, некоторые из которых (публикации из провинциальных газет «*Sheffield and Rotterdam Independent*» и «*Iris*»), обнаруженные в *Northamptonshire Record Office*, впервые вводятся в научный оборот. *Анализ.* Целью настоящей работы является уточнение устоявшегося в традиционной историографии тезиса, в соответствии с которым влияние прессы на текущую политическую повестку становится значимым лишь в конце 60-х гг. XIX века. Проведенный в статье анализ показывает, что если в середине 30-х гг. XIX в. пресса лишь транслировала мнение политической элиты, то в период Крымской войны она уже оказывала самое непосредственное влияние на формирование британского общественного мнения. *Результаты.* Итогом исследования стал тезис о том, что к концу Крымской войны британская пресса была вполне в состоянии влиять на общественное мнение, и даже при стечении определенных обстоятельств определять векторы принятия государственных решений. Однако она все еще имела весьма ограниченное влияние в тех случаях, когда речь шла о мерах, затрагивающих прерогативные полномочия парламента и кабинета министров. *Вклад авторов.* В.В. Клочков разработал базовую концепцию статьи и методологические основы исследования, а также выявил неопубликованные источники из региональных архивов Великобритании. В.С. Назарова подготовила введение статьи, разработала ее структурную композицию и проанализировала историографию проблемы. И.М. Узнаров провел анализ публикаций периодических изданий, сформулировал основные результаты исследования.

Ключевые слова: Великобритания середины XIX в., Крымская война, пресса и общественное мнение, Джон Артур Робак, британский радикализм, современная историография.

Цитирование. Клочков В. В., Назарова В. С., Узнаров И. М. Крымская война, Джон Артур Робак и общественное мнение Великобритании середины XIX века // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 4, История. Регионоведение. Международные отношения. – 2024. – Т. 29, № 3. – С. 51–60. – (На англ. яз.). – DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2024.3.5>

Introduction. The middle of the 19th century became for Great Britain the age when public opinion turned out to be one of the most significant factors affecting the current political agenda. This influence became especially tangible in the period of the Crimean War (1853–1856), when the English media, in all its spectra (starting with the national newspaper *The Times* and up to regional

ones, which have small circulation), didn't just observe war events and broadcast the position of the political royalty. But they mostly determined what we call, nowadays, "public opinion," having a direct and immediate impact on it [14].

The nature and degree of this impact on modern historiography are estimated differently. However, the majority of investigators agree that

in the context of history, exactly the period from the 1830s to the 1850s was the time when the relationships between the media, public opinion, and political royalty transformed extremely seriously, and this in turn made the range of problems an important object for historical study [1].

In this context, the argument of the research thesis defined the relevance of the work: public opinion was not just broadcast by the media; it was formed to a considerable extent during the Crimean War. Also, criticism of policy decisions accepted by British royalty became an inevitable part of newspaper publications, which influenced the perception of war events in English society. And last, media support was becoming an important tool for radical politicians who were criticizing the government harsher, and, by the way, they achieved from this point of view the results affecting not only the current political agenda but also the state of political institutions in the country. In its turn, the novelty of the investigation lies because the described research discourse is implemented in its entirety, basing, among other things, on the publication in small-town newspapers *The Sheffield and Rotherham Independent* and *The Iris*, discovered in the Northamptonshire Record Office, and they were first introduced into scientific circulation in this article.

The purpose of this work is to clarify the thesis well-established in traditional historiography (both in British and Russian) that the influence of the media on the current political agenda became significant only in the late 1860s during the preparation and implementation of the reform of the Parliament in 1867 [11]. The analysis done in the article shows that this statement does not fully reflect the actual state of things; the origins of the influence noted above can already be found in the 1830s, and they were clearly manifested during the period of the Crimean War.

Methods and materials. Public opinion as a tool for standardizing collective behavior was first analyzed in one of the most famous pieces of work by A. de Tocqueville, "Democracy in America" (1840). Not only the time of the appearance of this remarkable work is significant here, but also the fact that the author is very skeptical about this concept, arguing that "in the society, which calls itself democratic, public

opinion acts as a yoke that subordinates an individual, and averages everyone and everything" [10, p. 117]. Half a century later, A. de Tocqueville's compatriot G. Tarde defined public opinion as "a logical group of judgments on topical current issues, reproduced in many copies" [9, p. 124]. It was G. Tarde who first drew attention to the fact that public opinion is stereotyped due to the multiple reproductions of the same opinion in the media. In 1922, W. Lippmann's classic study "Public Opinion" was published, where the author paid attention to how an individual's point of view is transformed into their social position and begins to influence the current political agenda and political institutions [5, pp. 188-190]. In the 1960s N. Luhmann investigated the problem of how thematic preferences are formed within the framework of the phenomenon, which is already habitually called "public opinion" [6, p. 62]. Finally, in the late 20th and early 21st centuries, J. Habermas investigated the problems of "ideal discourse," through which constructive interaction between public opinion and existing political institutions is ensured [12, pp. 98-99]. In his latest work in 2022, he pointed out that "ideal discourse" is becoming more and more problematic with the advent of new media and social networks [13, p. 54]. J. Habermas's student, C. Mouffe, investigated the problem of public opinion in the same vein [7, p. 112].

In that way, the concept of public opinion was comprehended within the socio-philosophical plane approximately by the middle of the last century, and the problem of relationships between public opinion, the media, and political institutions achieved independent status as a matter of historical study. As far back as 1949, A. Aspinall's classical work "Politics and the Press" was issued, which stated the main approaches to the issue mentioned from a historical point of view and showed that the interrelationships of public opinion, the media, and political institutions were transformed through time [14, p. 132-133]. In Russian historiography, interest in these problematics has been growing since the beginning of the 1990s. I.M. Uznarodov displayed in his 1992 monograph of that by the middle of the 1860s, media had significantly influenced the shaping of public opinion in Great Britain as well as the current political agenda [11, p. 68-69]. V.V. Klochkov pointed out in 1999 that media was

becoming the factor affecting the shaping of public opinion in Great Britain at the end of the 1830s [2, p. 156]. In 2007, a remarkable monograph by I.A. Rosenthal was published, devoted to the peculiarities of the development of public opinion in Russia and providing important comparative material [8]. Subsequently, V.D. Bakulov, A.A. Egorov, V.V. Klochkov, and V.S. Nazarova showed that the period of the late 30s and mid-50s in the history of Great Britain had become the time when the relationship between public opinion, the media, and political institutions transformed in the most significant way [1, pp. 302-304]. The issues of what this transformation was during the Crimean War, how the media influenced the formation of public opinion and the current political agenda, as well as to what extent the traditional political system responded to the challenges from radical parliamentarians (with John Arthur Roebuck taken as an example), are in the spotlight of this article.

Analysis. When historians write nowadays about the Crimean War of 1853–1856 in connection with British public opinion, it is usually emphasised that the mood in favour of a “victorious war” was dominant in that period [4, p. 128]. At the same time, it is often overlooked that literally three years before the start of the war, during the famous World’s Fair of 1851, completely opposite intentions prevailed in English society: back then it was about “the celebration of peace that unites the industry of all the nations” [16, p. 62]. In this regard, it is very exhibitory that exactly at the end of 1853, the radicals of the Manchester School, those heralds of “the celebration of peace” in 1851, were publicly ridiculed in the media (or even publicly burned in effigies, as it happened in December of 1853 in the city of Manchester) precisely because they considered the Crimean War a crime, while the country’s political royalty – conservative, liberal and radical – wanted the completion of the war least of all [28, pp. 165-167]. Therefore, the closest attention should be paid not only to the dramatic change in British public opinion in itself, but also to those mechanisms – primarily the media – that expressed and directed it [1, p. 303]. It is also rather interesting to trace the changes that occurred in the relationship between political royalty, society and the media since the middle of the 1830s when the British Conservatives first

realised the importance of the media during electoral campaigns, and before the Crimean War, during which these relationships were transformed in the most significant way.

The idea of war and the causes of Russophobia in British society. From the very beginning, the Crimean War was popular not only among the political royalty and in society in general, but also among poets and writers. Lord Tennyson expressed these sentiments in his famous poem “The Charge of the Light Brigade”, where there are lines that have become textbook: “Not tho’ the soldiers knew Some one had blunder’d: Theirs not to make reply, Theirs not to reason why, Theirs but to do and die” [16, p. 64]. Surprisingly, Yorkshire landowner Robert Pembleton Milnes echoed the poet laureate. “The war continues gloriously,” he wrote to his son Richard in 1854, “and I would like it to go on like this: wars are useful as thunderstorms... without them Manchester would have nothing to breathe with” [32, p. 12].

The peaceful sentiments of the supporters of free trade in 1846 (followers of the conservative Prime Minister R. Peel, who abolished the famous “grain laws” that year at the cost of splitting the party and separating the so-called “Peelites” from it; they organised a coalition with the Whigs later) and the radicals of the exhibition in 1851 were seriously shaken in 1852 when Napoleon III came to power in France. The Second Empire habitually acquired the image of a traditional enemy and a colonial rival in British public consciousness. That year, the deaths of the Duke of Wellington and the Waterloo conqueror happened, and this made the media say that “the nation is weakened by long peace and unjustified economy” [33].

At the same time, the transformation of the image of Russia in British public consciousness is extremely interesting. It is noteworthy that France, which was considered to be the enemy in 1852, turned out to be Britain’s coalition ally in the war against Russia just two years later. The enthusiasm in British society for the Crimean War is difficult to explain both by the long period of peace and traditional concerns about Russia’s military strength. Rather, it may be that Russia was perceived not only as a serious national rival (for example, such as the Second Empire), endangering the balance of power in Europe and

British sovereignty in India, but also (what is even more important) as the main obstacle on the way to European freedom [18, p. 127]. In this very sense, the background of the Crimean War was a number of European revolutions in 1848. The political royalty of Great Britain welcomed this war because of its completely different foundations. The Whigs and Peelites were anti-Russian because they believed that the demands of free trade should counter the excessive ambitions of the “aggressor”; the Tory opposed the strengthening of Russia and its military power, especially in the Middle East; and the radicals looked at Moscow as the centre of suppression of European freedom (especially on the example of Poland and Hungary) [28, pp. 199-200].

The roots of Russophobia in Britain in the mid-19th century were deeper than the revolutionary events of 1848. Back in the period from the end of the Napoleonic Wars to the parliamentary reform of 1832, Sir George de Lacy Evans (a Whig and the General who took part in the Crimean War) and Robert Thomas Wilson (the General who left memories of the 1812 company in Russia) wrote that Russia’s goal had always been Constantinople, the capture of which would make the world domination “easily achievable” for the empire of Nicholas I [18, pp. 129-130]. During the Crimean War, nothing fundamentally new was said, but at that time, due to the media, that point of view captured the minds of not a limited circle of enlightened readers, but large crowds of people joined that idea. At the same time, K. Marx turned out to be one of the most ardent Russophobes, who wrote in those times that “in this case, the interests of revolutionary democracy and England itself go hand in hand” [16, p. 68]. The leader of Hungarian rebels in the revolution of 1848, L. Kossuth, wrote to D. Urquhart, an English radical: “We must crush Russia, and we will do it led by you” [18, p. 202].

It should be noted that on the eve of the Crimean War, English public opinion was no longer focused on social problems as ten years earlier: Chartism agitation was left behind and the “interests of the nation” clearly prevailed over the interests of the classes. The famous radical George Jacob Holyoake wrote quite expressively in 1854 about the “unexpected and unknown racial instinct” raging in his blood [20, p. 178]. This happened because there was a significant

difference between the activity of the Chartists and the militant “national zeal.” The media was always opposed to the Chartists, but now *The Times*, the country’s national newspaper with a circulation of 40,000 copies, has done everything to create an atmosphere of war. A subtle remark on this issue was left by Earl Clarendon, Minister of Foreign Affairs in the coalition government (Whigs and Peelites) of the Earl of Aberdeen, who led Great Britain to the Crimean War: “It is a well-known fact that *The Times* forms, directs or reflects – it does not matter what kind of – public opinion of England” [26, pp. 512-513]. And if, in October 1853, *The Times*, like the entire Aberdeen cabinet, still hesitated between peace and war, then after that, the hesitation was forgotten. The same was done by Earl Clarendon, who wrote in March of 1854 that “we are not engaged in the Eastern question, but in the battle of civilization against barbarism” [26, p. 519].

The causes of the war and the transformation of public opinion. Significantly, despite the popularity of the idea of war with Russia in British public opinion, the country’s political royalty, apparently, was not ready to provide any consistent explanation of the causes of the conflict and the goals to be achieved in it. The head of the coalition cabinet, Earl Aberdeen, being initially a supporter of compromise with Russia, witnessed how his ministry was gradually drawn into the conflict [28, p. 101]. Nicholas I also didn’t have any desire to unleash a European-wide war, but the fact that the Ottoman Empire was Europe’s “weak point,” incapable of reformation, sharply exacerbated the existing differences and eventually turned Great Britain and Russia into opponents. At the same time, none of the countries was sure what should actually be done with regard to the “Eastern Question” or, even more, what actions the other side would take. At a reception in January of 1853, Nicholas I told George Hamilton Seymour, a British ambassador in St. Petersburg, literally the following: “When we (i.e., Great Britain and Russia. – V. K., V. N., I. U.) come to an agreement, I will not worry at all about the rest of Europe; it does not matter what others may think or do” [18, p. 207].

When battle actions broke out between Russia and Turkey in October of 1853, the Aberdeen cabinet was far from unequivocally supporting the Ottoman Empire. “Vile Turkish

have actually declared war on Russia,” Earl Clarendon echoed the Prime Minister [26, p. 524]. The British media, including provincial media, was also unanimous in the opinion that the war should not be started. Thus, *The Sheffield and Rotherham Independent* wrote in July of 1853 that one “should think about the consequences of the war and should not push the nation to such a crazy and bloody thing” [29].

The situation was changed by Nakhimov’s defeat of the Turkish squadron in Sinope at the end of November 1853 [4, p. 130]. *The Times* wrote at that time that “the Battle of Sinop dispels the hopes which we had that peace would restore... We considered it to be our duty to support and defend it as long as this peace was compatible with the honour and dignity of our country... but now the war has begun in good earnest” [34]. The newspaper from Sheffield mentioned above, which six months ago wrote about peace and praised Aberdeen’s moderation, then demanded directly the war: “Simple negotiations with the tsar will not do anything... and now it seems that the time has come when we must act in such a way as to frustrate Russia’s plans” [30].

However, in those conditions, when public opinion of Great Britain being forewarned by the media demanded actively the war, it was announced just on the 28th of March, 1854. So, even before the outbreak of hostilities, a conflict was revealed between the militant sentiments in society and the cautious actions of politicians. While negotiations to end the conflict continued almost without interruption throughout its course, public opinion in Britain was not willing to support a premature peace by any means. The situation was aggravated by the fact that as the military activities in Crimea continued almost daily (let’s not forget that the telegraph already existed and was available to transmit messages from the battle front), evidence of “ineffective government public administration” was revealed. *The Times* correspondent William Howard Russell praised the heroism of the British infantry forces (it was to him that the phrase “thin red line framed by steel” became a nominal phrase), though he was very critical about the “disadvantages of the system,” which especially revealed themselves in the winter of 1854–1855 [28, p. 203]. Sevastopol fell only in September of 1855 (and the success

was relative; in fact, only the southern part of the city was in the hands of the allies). And by that time, public opinion in Great Britain had moved from sincere enthusiasm for the war to harsh criticism of its poor management.

This transition was greatly facilitated by the activities of the editor-in-chief of *The Times*, named John Delane, who was using the information received from his correspondents, including W. Russell, mentioned above. John Delane could accuse, almost with impunity, those cabinet ministers whom he considered to be responsible for military and administrative blunders. It was during the period of failures in the winter of 1854–1855 that British political royalty began to realise the new power of the media: if in 1836 they were still fighting for the right to publish reports on parliamentary debates, then they took the liberty to criticise the government of the country [3, pp. 278-279]. A paradoxical situation developed: the media formed public opinion (according to Earl Clarendon’s felicitous remark above, “of no consequence”), but they were rather unable to realise the details of the current political agenda; however, they were strong enough to openly criticize the government. Lord John Russell, *the leader of the Peelites in the Aberdeen Cabinet*, wrote at that time about the “vile tyranny of *The Times*” and claimed that the newspaper “looked forward to being not an instrument, but an organizer of the government” [27, p. 344].

Charles Greville, in his turn, being the author of the famous diary, which is the most valuable source on the parliamentary history of Great Britain during the period under review, wrote in February of 1855:

“The media, led by *The Times*, seeks to confuse everything and speak out against the aristocratic strata of society and the Constitution. The senseless absurdity and disgusting lies that they spread every day are very dangerous, since these absurdities and lies spread throughout the country by the radical media are accompanied by incitement, the consequences of which may come sooner than anyone can imagine now” [19, p. 270].

The radicals’ public attack on the Aberdeen cabinet began with a barrage of criticism directed against the military system in Crimea and the lack of coordination between military and civilian departments, which became apparent in the winter

of 1854–1855, when losses from diseases and frostbite exceeded the actual military ones. The Sheffield newspaper *The Iris* wrote about Lords Raglan, Lucan and Cardigan, who carried out direct command of the British forces in Crimea:

“A noble yachtsman, Lord Cardigan, commanded a light brigade from a luxury yacht in Balaklava Bay. He was never able to establish a relationship with his chief of Staff, his brother-in-law, Lord Lucan. Lord Raglan has given the positions to five of his nephews. They are all completely incompetent, but they take command. But they are lords!” [21].

John Arthur Roebuck and the Parliamentary Committee. The result of such an unbridled campaign in the media was a political action consisting of the establishment of a special parliamentary committee to investigate the state of the British army in Crimea. A radical member of Parliament from Sheffield, John Arthur Roebuck, appealed to the House of Commons to create such a committee. This was done on January 23, 1855, eight months before the fall of Sevastopol, under the obvious impression of the hardships that the British army had to endure in the cold Crimean winter of 1854–1855.

J.A. Roebuck, unlike many of his radical colleagues who sympathised with him, was not a qualified expert on the Crimean campaign. He could rather be described as a very tough polemist: the phrase “to argue like Roebuck” became widely used in British parliamentary custom in those cases when it was necessary to point out a tendentious debater intending to defeat a political rival at any cost. The famous historian of the Crimean campaign, Alexander William Kinglake, gave him a rather remarkable description:

“Roebuck was not an expert, but he became a public prosecutor. He sorted out more in denunciations and court sentences than in evidence or arguments: his favourite word was ‘dissimulation’, and he often used it. Roebuck always had boundless faith in himself, and cared little about anyone else” [24, p. 157].

Indeed, J.A. Roebuck always valued his political independence. He was born in Madras and grew up in Canada. His grandfather was a Scottish steel magnate. Roebuck became a member of parliament in the first post-reform elections of 1833. He didn’t refer himself to either

Tory or Whig, though he apparently had a great dislike for governments using a system of personal connections and client relationships in their organisation and activities. He wrote in 1852 that “the Whigs have always been an aristocratic faction, using democratic principles only as a means of protection against their opponents: when they are not in power, they become demagogues, and when in power, they are exclusively oligarchs” [25, pp. 123-124].

There were two Sheffield newspapers behind J.A. Roebuck: *The Sheffield and Rotherham Independent* and *The Iris*. The first one wrote in January 1855, “We are glad that in the House of Commons we have such a free and confident voice as John Arthur Roebuck... who is trying to break through the routine of aristocratic preferences” [31]. *The Iris* went even further, arguing that it should “be allowed to Mr. Roebuck to bring the perpetrators of our failures to exposure and punishment” [22]. Largely due to the support of the media, at the end of January 1855, J.A. Roebuck became the chairman of the parliamentary committee to investigate the situation near Sevastopol.

The first result of J.A. Roebuck’s appointment to this post was the resignation of Lord John Russell, which led to his withdrawal of the Peelite faction from the cabinet led by him, the split and the fall of the cabinet of the Earl of Aberdeen in February of 1855. It is noteworthy that at the very end of January 1855, the Whig and Peelite governments, without Russell, tried to prevent the establishment of the Roebuck committee, but it was carried in the House of Commons by 305 votes against 148. It afforded ground to attribute a decisive role in the resignation of Earl Aberdeen’s cabinet to J. A. Roebuck [25, p. 140]. It seems that his role in the downfall of Earl Aberdeen’s government is still being exaggerated. But anyway, the new Finnish Prime Minister, Viscount Palmerston, had to deal with Roebuck’s committee.

One important circumstance should be kept in view here: English constitutional practice traditionally resorted to the practice of creating parliamentary committees only in extraordinary circumstances. So, during the crisis of the early 30s of the 19th century related to the problems of paying church taxes in Ireland, an appropriate parliamentary committee was established [15,

p. 6]. But by the middle of the 19th century, there had never been a case where a parliamentary committee was given the authority to investigate the activities of the Cabinet of Ministers as a whole. Sir James Graham, a Peelite member and a supporter of John Russell, fairly noted that in the event of a secret trial, “the House of Commons loses not only its prerogatives over the committee, but also control over it, and the people receive an inquisition unworthy of it.” In the case of public hearings, “the witnesses will be more careful in their statements, as well as the committee members in their questions” [27, p. 187]. As a result, the meetings of Roebuck’s committee were held publicly, and this affected the very modest results of its work.

Despite the fact that most of the witnesses (according to their own statements) were ready to give “complete and unambiguous” testimony, and contrary to J.A. Roebuck’s desire to present the case in such a way that the government and the management system as a whole turned out to be guilty of the winter failures of 1854–1855, the parliamentary committee decided that individuals were guilty of this, recommending conducting competitive examinations for military and administrative capacities [16, p. 89]. This was clearly not the result Roebuck hoped for, and in the course of the committee’s work, his authority was largely undermined. Many parliamentarians expressed dislike for Roebuck’s “sarcastic and vindictive personality.” However, John Russell gave the most accurate description of the character:

“He obviously enjoyed blaming everyone and indulging in those vicious attacks which were so characteristic features of his nature. His speeches started with a convincing performance and finished with a spectacular ending, but in the middle they clearly lacked evidence and content... In any case, it was hardly prudent to exaggerate the difficulties of the constitutional government, compensating for the lack of a thorough investigation by too harsh criticism of its failures” [27, p. 190].

It is noteworthy that Sheffield newspapers remained on Roebuck’s side even after the completion of his committee activities after the fall of Sevastopol. *The Iris* wrote that “the actions of Roebuck committee will forever remain a nightmare for negligent politicians” [23]. But in

general, the experienced Prime Minister Palmerston coped with radical Roebuck quite easily: he needed people whose negative pathos focused on foreign policy issues and not on the demands of radical reforms within the country.

Results. So, the conducted research shows that during the Crimean War, there was a significant transformation in the relationship between the media, public opinion and the political royalty of the country. If in the middle and second half of the 30s of the 19th century the media only broadcast the opinion of the political royalty on current issues of the political agenda (as, for example, it was with the famous *Tamworth Manifesto*, the first policy document of the Conservative Party printed on newspaper pages), and defended its right to publish reports publicly on parliamentary debates (as in the equally famous *Stockdale v. Hansard* court case), then during the Crimean War the media had the most direct influence on the formation of British public opinion. Moreover, during the period of military setbacks in the winter of 1854–1855 there were signs that the media, in alliance with radical political figures both in parliament and outside, began to actively support the political efforts of certain factions, directing public opinion in a direction favourable to them. The political activity of J.A. Roebuck, described above, serves as an indicative confirmation of this fact.

Nevertheless, in order to adequately assess the achievements of J.A. Roebuck and the role played by the media and public opinion in promoting the political agenda proposed by him, two circumstances should not be overlooked. The establishment of a parliamentary committee to investigate the activities of the government as a whole, which was unique in the British constitutional history of the 19th century, should certainly be seen as an illustration of the influence of society on the political agenda. However, how quickly the radical demands of J.A. Roebuck were transformed by the British political royalty into a relatively neutral bill on administrative reform, which shows not less vividly the limited influence of public opinion on the parliamentary prerogative and powers of the Cabinet of Ministers? In this regard, Palmerston, an elderly aristocrat, outplayed his political rival despite all the efforts of the radical Sheffield media. By the end of the Crimean War, it was obvious that the British

media was already quite able to influence public opinion and, even under certain circumstances, determine it, but it still has very limited influence when it comes to measures affecting the prerogative powers of the Parliament and the Cabinet of Ministers.

As for J.A. Roebuck himself, his short-term political rise during the Crimean War was replaced by an equally rapid decline. Public sentiment changed, disturbances based on military failures subsided, and the ebullient energy of this person, combined in the most bizarre way with the contradictory features of his quarrelsome character, repeatedly noted by contemporaries, was not in demand any more. One way or another, it should only be recognised as a fair assessment of his work, which was given in 1878 by the writer Henry William Lucy:

“John Arthur Roebuck lived in full view of the whole world for almost half a century, and his public life was quite consistent. However, when it comes to his honour and consistency, the question arises as to how necessary, honourable and useful it is to be a snob in everyday life. Roebuck was a political snob, an annoying wasp to the last degree, but I have never heard of bees insisting that he represented their interests” [17, p. 12].

J.A. Roebuck said of Palmerston that he did not surpass the average churchwarden in his abilities. But he apparently did not understand that after making peace, the British began to demonstrate that, in changed circumstances, they for sure preferred churchwardens to eccentric people's tribunes.

REFERENCES

1. Bakulov V.D., Egorov A.A., Klochkov V.V., Nazarova V.S. Politicheskie kluby v Rossii i Anglii v 20-30-e gg. XIX v. i rossijskoe obshchestvennoe mnenie o partii tori [Political Clubs in Russia and England in the 20-30s of the 19th Century and Russian Public Opinion on the Tory Party]. *Nauchnyj dialog* [Scientific Dialogue], 2020, no. 11, pp. 297-314.
2. Klochkov V.V. Osobennosti anglijskoj pravovoj sistemy v pervoj polovine XIX v. [Peculiarities of the Legal System of England in the First Half of the 19th Century]. *Izvestija TRTU* [Transactions of Taganrog State Radio Technical University], 1999, no. 1, pp. 155-158.
3. Klochkov V.V. *Krizis partii tori i formirovanie politicheskoi strategii britanskogo konservatizma (1828-1835 gg.)* [The Crisis of the Tory Party and the Formation of the Conservative Political Strategy (1828–1835)]. Rostov-on-Don, SFedU Publ., 2008. 312 p.
4. Klochkov V.V. Sinopskij boj i ego sovremennye ocenki [The Battle of Sinop and Its Modern Estimates]. *Prichernomore v kontekste obespechenija nacionalnoj bezopasnosti Rossii* [The Black Sea Region in the Context of National Security of Russia]. Krasnodar, KubGU Publ., 2020, pp. 126-131.
5. Lippman U. *Obshchestvennoe mnenie* [Public Opinion]. Moscow, Institut fonda «Obshchestvennoe mnenie», 2008. 384 p.
6. Luman N. *Vlast* [The Power]. Moscow, Ideja-Press Publ., 2001. 160 p.
7. Nazarova V.S. *Metodologicheskie i jevristsicheskie vozmozhnosti sovremennykh konvencionalno-kommunikativnykh teorij v issledovanii legitimacii pravovykh norm* [Methodological and Heuristic Possibilities of the Contemporary Conventional and Communicative Theories in the Study of Legitimation of the Legal Norms]. Rostov-on-Don, SFedU Publ., 2019. 210 p.
8. Rozental I.A. *I vot obshchestvennoe mnenie* [Here Comes the Public Opinion]. Moscow, Hronograf Publ., 2007. 332 p.
9. Tard G. *Mnenie i tolpa* [Opinion and the Crowd]. Moscow, Ves mir Publ., 1994. 296 p.
10. Tokvil A. *O demokratii v Amerike* [On American Democracy]. Moscow, Nauka Publ., 1992. 344 p.
11. Uznarodov I.M. *Politicheskie partii Velikobritanii i rabochie izbirateli* [Political Parties of the Great Britain and Workers Electorate]. Rostov-on-Don, RGU Publ., 1992. 284 p.
12. Habermas J. *Moralnoe soznanie i kommunikativnoe dejstvie* [Moral Consciousness and Communicative Action]. Saint Petersburg, Aletejja Publ., 2001. 302 p.
13. Habermas J. *Novye strukturnye izmenenija publichnoj sfery* [New Structural Changes of the Public Sphere]. Moscow, Ves mir Publ., 2023. 142 p.
14. Aspinall A. *Politics and the Press, 1780–1850*. London, Longman, 1949. 386p.
15. Brent R. *Liberal Anglican Politics. Whiggery, Religion and Reform, 1830–1841*. Oxford, Clarendon Press, 1987. 402 p.
16. Briggs A. *Victorian People*. London, Pelican Book, 1970. 320 p.
17. *British Museum Additional Manuscripts*, 731, f. 14.
18. Gleason J.H. *The Genesis of Russophobia in Great Britain*. Cambridge (Mass.), 1950. 338 p.
19. Greville C. *The Greville Memoirs: A Journal of the Reigns of King George IV, King William IV and Queen Victoria. Vol. III*. London, 1888. 612 p.
20. Holyoake G.J. *Selected Works*. London, Watts & Co, 1896. 416 p.

21. *Iris*. 1855, 12 January.
22. *Iris*. 1855, 26 January.
23. *Iris*. 1856, 17 June.
24. Kinglake A.W. *The Invasion of the Crimea*. Vol. VI. Edinburgh, 1887. 406 p.
25. Leader P.E. *Life of J. A. Roebuck*. London, Stonewell, 1897. 362 p.
26. Villiers G.W.F., ed. *The Life and Letters of George William Frederick, Fourth Earl of Clarendon*, vol. II. London, Roack & Warty, 1913. 592 p.
27. Lundy D.R. *The Life and Letters of Lord John Russell*. London, Longman, 1932. 416 p.
28. Russell W.H. *The Great War with Russia*. London, Longman, 1895. 284 p.
29. *Sheffield and Rotterham Independent*. 1853, 8 July.
30. *Sheffield and Rotterham Independent*. 1853, 2 December.
31. *Sheffield and Rotterham Independent*. 1855, 18 January.
32. *Southampton University Library*. Broadlands Papers. Palmerston Journal. PP/D3.
33. *The Times*. 1852, 22 December.
34. *The Times*. 1853, 6 December.

Information About Authors

Victor V. Klochkov, Doctor of Sciences (History), PhD, Professor, Department of World History, Sociology and International Relations, Kuban State University, Stavropolskaya St, 149, 350040 Krasnodar, Russian Federation; Professor, Department of Humanities and Social Sciences, Polytechnic Institute of the Don State Technical University, Lenina St, 109A, 347904 Taganrog, Russian Federation, <https://orcid.org/0000-0003-1850-6096>

Veronica S. Nazarova, Senior Lecturer, Department of Sociology, History and Politics, Southern Federal University, Bolshaya Sadovaya St, 105, 344006 Rostov-on-Don, Russian Federation, doors80@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-2583-121X>

Igor M. Uznarodov, Doctor of Sciences (History), Professor, Department of World Economics and International Relations, Rostov State University of Economics, Bolshaya Sadovaya St, 69, 344002 Rostov-on-Don, Russian Federation, iguz2010@yandex.ru, <https://orcid.org/0009-0008-1213-2074>

Информация об авторах

Виктор Викторович Клочков, доктор исторических наук, PhD, профессор кафедры всеобщей истории и международных отношений, Кубанский государственный университет, ул. Ставропольская, 149, 350040 г. Краснодар, Российская Федерация; профессор кафедры гуманитарных и социальных наук, Политехнический институт (филиал) Донского государственного технического университета, ул. Ленина, 109А, 347904 г. Таганрог, Российская Федерация, <https://orcid.org/0000-0003-1850-6096>

Вероника Сергеевна Назарова, старший преподаватель кафедры социологии, истории и политологии, Южный федеральный университет, ул. Большая Садовая, 105, 344006 г. Ростов-на-Дону, Российская Федерация, doors80@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-2583-121X>

Игорь Миронович Узнародов, доктор исторических наук, профессор кафедры мировой экономики и международных отношений, Ростовский государственный экономический университет, ул. Большая Садовая, 69, 344002 г. Ростов-на-Дону, Российская Федерация, iguz2010@yandex.ru, <https://orcid.org/0009-0008-1213-2074>



ГРАЖДАНСКАЯ ВОЙНА В РОССИИ НАЧАЛА XX ВЕКА

DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2024.3.6>

UDC 94(470)

LBC 63.3(2)5



Submitted: 07.05.2023

Accepted: 01.04.2024

QUESTIONNAIRES OF THE SOCIETY FOR ASSISTANCE TO VICTIMS OF INTERVENTION ON CRIMES COMMITTED NEAR TSARITSYN IN 1918 AS A HISTORICAL SOURCE

Mikhail D. Shumakov

Saint Petersburg State University, Saint Petersburg, Russian Federation

Abstract. *Introduction.* The article examines the activities of the Society for Assistance to Victims of Intervention in 1918 in Tsaritsyn and the surrounding regions. The question of the creation of Society and the purposes of its work is briefly considered. This is a Soviet public organization created to identify the negative consequences of intervention and substantiate the counter-claims of the USSR to capitalist countries. As part of their activities, representatives of the society interviewed victims of the actions of the interventionists, white armies, and other opponents of Soviet power. *Methods and materials.* The publication presents the results of the study of questionnaires that were collected in the specified chronological and geographical framework and were deposited in the GA of the Russian Federation. *Analysis.* The structure of the article corresponds to the structure of the society questionnaires. First, information about the social composition of the surveyed citizens is presented. Then the issue of persons responsible for causing damage was considered (based on information from the column "circumstances of the damage suffered"). There is information here about both specific commanders and military formations. After that, the places where the cases of material and physical damage have the greatest density are determined. The circumstances of causing damage to citizens in the village of Mikhailovka, on the farm Kalach, etc. are considered in detail. The circumstances that caused the damage to the population and the evidence presented by the applicants in support of their words are also considered separately. Finally, questions were raised about the legal procedure that accompanied the collection of questionnaires and their acceptance into work, about the processing of questionnaires on the Society Board, and about the statistical data collected by Society employees in the vicinity of Tsaritsyn in 1918. *Results.* The article reveals the nature of the work of the Society for Assistance to Victims of the Revolution, using the example of the South of Russia. The study of this issue will allow us to look at the Civil War from the perspective of an ordinary member of society and supplement the plots developed in historiography (such as the defense of Tsaritsyn, etc.) with new information.

Key words: Society for Assistance to Victims of Intervention, Civil War, Tsaritsyn, White Terror, Krasnov, Denikin, Stalin, Southern Front.

Citation. Shumakov M.D. Questionnaires of the Society for Assistance to Victims of Intervention on Crimes Committed Near Tsaritsyn in 1918 as a Historical Source. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 4. Istoriya. Regionovedenie. Mezhdunarodnye otnosheniya* [Science Journal of Volgograd State University. History. Area Studies. International Relations], 2024, vol. 29, no. 3, pp. 61-72. (in Russian). DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2024.3.6>

АНКЕТЫ ОБЩЕСТВА СОДЕЙСТВИЯ ЖЕРТВАМ ИНТЕРВЕНЦИИ О ПРЕСТУПЛЕНИЯХ, СОВЕРШЕННЫХ ПОД ЦАРИЦЫНОМ В 1918 г., КАК ИСТОРИЧЕСКИЙ ИСТОЧНИК

Михаил Дмитриевич Шумаков

Санкт-Петербургский государственный университет, г. Санкт-Петербург, Российская Федерация

Аннотация. *Введение.* В статье исследуется деятельность Общества содействия жертвам интервенции (ОСЖИ) в 1918 г. в Царицыне и прилегающих к нему регионах. Кратко рассмотрен вопрос о создании ОСЖИ и целях его работы. Это советская общественная организация, созданная для выявления негативных последствий интервенции и обоснования ими контрпретензий СССР капиталистическим странам. В рамках своей деятельности представители ОСЖИ анкетировали пострадавших от действий интервентов, белых армий и других противников советской власти. *Методы и материалы.* В публикации представлены результаты изучения анкет, которые были собраны в указанных хронологических и географических рамках и хранятся в Государственном архиве Российской Федерации (ГАРФ). *Анализ.* Структура статьи соответствует структуре анкет ОСЖИ. Вначале представлены данные о социальном составе опрошенных граждан. Далее рассмотрен вопрос о лицах, ответственных за причинение ущерба (на основании данных графы «обстоятельства понесенного ущерба»). Здесь есть сведения как о конкретных командующих, так и о войсковых соединениях. После этого определены места, где случаи материального и физического ущерба имеют наибольшую плотность. Подробно изучены обстоятельства причинения ущерба гражданам в станице Михайловка, на хуторе Калач и др. Также отдельно рассмотрены обстоятельства причинения ущерба населению и доказательства, которые предъявляли заявители в подтверждение своих слов. Наконец затронуты вопросы о юридической процедуре, сопутствовавшей сбору анкет и принятию их в работу, об обработке анкет в правлении ОСЖИ, а также изучены статистические данные, собранные сотрудниками ОСЖИ по преступлениям, совершенным представителями воюющих сторон в окрестностях Царицына в 1918 году. *Результаты.* Статья раскрывает характер работы Общества содействия жертвам революции на примере Юга России. Изучение этого вопроса позволяет взглянуть на Гражданскую войну с позиции рядового члена общества и дополнить разработанные в историографии сюжеты (такие, как оборона Царицына и др.) новыми данными.

Ключевые слова: Общество содействия жертвам интервенции, Гражданская война, Царицын, белый террор, Краснов, Деникин, Сталин, Южный фронт.

Цитирование. Шумаков М. Д. Анкеты общества содействия жертвам интервенции о преступлениях, совершенных под Царицыном в 1918 г., как исторический источник // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 4, История. Регионоведение. Международные отношения. – 2024. – Т. 29, № 3. – С. 61–72. – DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2024.3.6>

Введение. Важным источником по истории Гражданской войны в России являются материалы Общества содействия жертвам интервенции, созданного в Советском Союзе в 1924 г. с целью оценить ущерб, причиненный населению советских республик во время Гражданской войны и интервенции. ОСЖИ функционировало под контролем государства, его деятельность свидетельствует о попытке СССР доказать мировому сообществу не только факт нанесенных убытков, но и обосновать контрпретензии к капиталистическим странам, которые требовали признания пред-

революционных обязательств и компенсаций для иностранных граждан [27, с. 124].

Приведем историографию вопроса. Хотя трудов, специально посвященных деятельности ОСЖИ, немного, материалы ОСЖИ исследователи начали использовать практически сразу после его создания. В частности, уже в 1924 г. в журнале «Сибирские огни» была опубликована статья Г.А. Вяткина «Лицо интервенции» [17], где приводились данные о работе отделения ОСЖИ в Омске. В первую очередь материалы ОСЖИ использовались исследователями для изучения вопроса о вза-

имных требованиях СССР и капиталистических стран. В этой связи можно отметить работу Н.Н. Любимова «Баланс взаимных требований Союза ССР и держав согласия» [25], вышедшую тогда же в 1924 году. К исследованиям, развивавшим тему взаимных требований, можно отнести и статью «СССР, царские долги и наши контрпретензии» [26].

Материалы ОСЖИ неоднократно рассматривались и в рамках оценок последствий интервенции и Гражданской войны в целом. Чаще всего исследования носили региональный характер. Одним из первых таких трудов (помимо уже названной статьи «Лицо интервенции») стала «Черная книга: Сборник статей и материалов об интервенции Антанты на Украине в 1918–1919 гг.» [35], вышедшая под редакцией А.Г. Шлихтера. Первым же трудом, взявшим не региональный, а всесоюзный ракурс изучения деятельности ОСЖИ, стал сборник статей «К десятилетию интервенции» [23].

После 1920-х гг. материалы ОСЖИ приводились в перечне источников для установления масштабов потерь от Гражданской войны и интервенции [22]. В частности, данные ОСЖИ использовались при составлении таких обобщающих трудов, как «Гражданская война и военная интервенция в СССР» [19] и «Антивоенная интервенция и ее крах, 1917–1922» [15].

В позднесоветской и новейшей российской историографии развивается региональное изучение вопросов деятельности ОСЖИ. В своей статье, вышедшей в 1990 г., А.Н. Чистиков рассмотрел деятельность ОСЖИ на Северо-Западе [36]. Р.В. Оплаканская исследует деятельность ОСЖИ в Сибири [27], А.В. Ганин – на Южном Урале [18], А.С. Словикова – в Перми [32]. Общие вопросы создания и функционирования ОСЖИ исследует петербургский ученый М.В. Разина [28].

В целом, однако, можно констатировать, что деятельность Общества содействия жертвам интервенции на данный момент не является достаточно изученной: остаются неисследованными обстоятельства деятельности Общества в различных регионах, в том числе на Юге России. В архивных фондах хранятся многочисленные материалы, еще не введенные в научный оборот.

Материалы и методы. Данная статья впервые обращается к материалам ОСЖИ, собранным в районе Царицына в 1918 г., и является лишь первым шагом к изучению материалов общества в данном регионе. Хронологические рамки исследования – 1918 г. – обусловлены тем, что летом этого года начались широкомасштабные бои за Царицын. Расположенные в окрестностях города станции стали ареной противостояния Красной армии и войска Донского. Данные, собранные Обществом, представляют отражение боев за Царицын в восприятии окрестных жителей.

Материалы ОСЖИ хранятся в разных архивах, но самый большой фонд находится в Государственном архиве Российской Федерации (Ф. Р-7628). Документы фонда, разделенные на 11 описей, охватывают деятельность Общества практически на всей территории СССР и содержат в себе как источники по организации работы Общества, так и сведения, собранные самим Обществом. В представленном исследовании проанализированы данные из 17 архивных дел. В первую очередь это анкеты, собранные Обществом: изучены анкеты, хранящиеся в 15 архивных делах (в одном деле от 10 – до около 50 анкет). Кроме того, рассмотрены результаты подведенной Обществом статистики. В работе с анкетами Общества были применены такие общенаучные методы, как описание и анализ их содержимого. Историко-сравнительный метод был применен в сопоставлении характера понесенных жителями разных населенных пунктов личных и материальных потерь, отмеченных в анкетах.

Анализ. В качестве даты основания Общества часто упоминают февраль 1924 г. [18, с. 172; 27, с. 124]. Это справедливо в том смысле, что 5 февраля 1924 г. последовал декрет СНК СССР об учреждении Общества содействия жертвам интервенции [21, с. 60]. Но процесс создания Общества начался раньше, еще в ноябре 1923 г., на Первом всесоюзном съезде научных работников. В 1923 г. был основан и ряд местных комитетов – таких, к примеру, как Россошанский уездный комитет общества содействия жертвам интервенции (Воронежская губерния) и др. Стоит отметить, что вскоре последует столетний юби-

лей создания ОСЖИ, в преддверии которого и предпринято данное исследование.

Основной метод деятельности Общества заключался в проведении опросов среди пострадавших граждан. К началу июля 1927 г. благодаря усилиям организации были собраны 1 миллион 135 тысяч анкет, касающихся 7,5 миллионов людей [15, с. 183]. Людям предлагалось заполнить стандартные анкеты (чаще всего анкеты уже были напечатаны, иногда форма анкеты расчерчивалась от руки, но содержание было одинаковым). В анкетах опрашиваемые указывали свои личные данные, данные о членах семьи, свою профессиональную деятельность, а также описывали место и время происшествия, в результате которого были понесены убытки. Указывались обстоятельства этого события. Все потери разделялись на две категории: имущественные и личные. Личные потери включали физический ущерб, нанесенный опрашиваемым или их близким лицам. Анкеты также давали возможность предоставить доказательства убытков и указать свидетелей, способных подтвердить предоставленную информацию.

Обществом фиксировались случаи, непосредственно связанные с самим опрошенным или членами его семьи. Как отмечает исследователь А.В. Ганин, «в анкетах редко встречаются упоминания даже о резонансных актах террора, не касавшихся опрошенных непосредственно» [18, с. 172]. Однако бывали и редкие исключения из этого правила. Удалось обнаружить один такой случай в анкете рабочего «лесзага» Н.В. Иванова, жившего в селе Новая Отрада близ станции Бекетовка (сейчас – в Кировском районе Волгограда [20, с. 95–96]). После основного содержания анкеты, внизу сделана приписка: «При проезде из Москвы... в городе Николаевске убит вождь царицынского, а значит и ново-отраденского пролетариата, товарищ Яша Ерман. За него необходимо потребовать не менее десяти [неразборчиво] голов» [11, л. 11]. Эти сведения лишний раз подчеркивают авторитет Я.З. Ермана среди рабочих Царицына. С другой стороны, факт того, что подобное добавление содержалось на полях анкеты, свидетельствует о том, что самим Обществом подобные случаи не предполагались и это лишь исключение из общего правила.

Социальный состав опрошенных.

Происхождение граждан, опрошенных представителями Общества, было разнообразным. Среди изученных анкет большинство опрошенных отнесло себя к крестьянам (часто использовался термин «хлебороб»). Это понятно, если учесть географические и хронологические рамки военных действий в губернии. В 1919 г. возрастает доля анкет городского населения (в частности, г. Царицына [11, л. 51]), что связано с вхождением в город Кавказской армии П.Н. Врангеля. В частности, удалось найти сразу два случая в Царицыне, упоминающих о повешениях белыми жителей города на вокзале 22 и 23 августа 1919 г. [11, л. 51, 107]. Вероятно, эти инциденты были не единичны. Среди опрошенных было множество представителей различных слоев городского населения: служащие железных дорог [11, л. 59], столяры [11, л. 148], рабочие [10, л. 39] и т. п. В ряде случаев заявления писали военные, получившие ранения на фронте. Иногда о гибели в бою родных сообщал кто-то из родственников. К примеру, земледелец из станицы Дурновской И.Н. Егоров заявил: «20 мая 1918 г. был убит сын при наступлении белых на станицу. Служил добровольцем в Красной армии с самого начала революции» [7, л. 103].

Обстоятельства понесенного ущерба.

Графа, предназначенная для указания обстоятельств понесенного ущерба, содержит в себе весьма важные сведения. Здесь могла быть указана информация о виновниках ущерба. Часто в таком случае это оказывалась фамилия командующего враждебной стороны. Учитывая рамки исследования, не удивительно, что больше всего в этом контексте упомянут генерал П.Н. Краснов. В просмотренных анкетах его имя встречается около тридцати раз. Иногда в анкетах указывались военные подразделения под командованием сразу нескольких лиц, к примеру: «При наступлении корниловцев и генерала Деникина...» [1, л. 8]. В этой же фразе содержалось характерное продолжение: «...поддержанных косвенно английским капиталом» [1, л. 8], что подчеркивает связь информации из анкеты с целью выставить контрпретензию странам Антанты. В ряде случаев персонально упомянут генерал А.И. Деникин [3, л. 45]. Несколько раз

встречаются сведения о генералах К.К. Мамонтове и А.Г. Шкуро.

В ряде случаев опрошенные вспоминали и более конкретные сведения – непосредственного командующего или войсковую часть. К примеру, 17 сентября 1918 г. через село Даниловка Усть-Медведицкого округа «проходили войска генерала Старикова» [3, л. 4]. Вероятнее всего, речь здесь идет о Т.М. Старикове, командовавшем 2-й и 7-й дивизиями, а также сводным казачьим полком [31, с. 296]. Аналогичный пример: Г.Г. Кучеренко, хлебороб из Усть-Етеревской волости (Усть-Медведицкий округ), заявил, что 16 августа 1918 г. его сын был взят со штабом полковника Голубинцева, и с тех пор от него не было вестей [3, л. 81]. В данном случае, вероятнее всего, речь идет о А.В. Голубинцеве, в то время командовавшем 5-й Донской казачьей дивизией и партизанской Усть-Хоперской дивизией [24, с. 424], оперировавших в том же районе. Об этом же командующем встречаются упоминания в связи с другими населенными пунктами в том же районе – Усть-Медведицком округе. Множество заявлений свидетельствуют о стоянке армии отряда Голубинцева на хуторе Миусовском летом – осенью 1918 года. Ф.О. Коваль, житель еще одного поселка в Даниловской волости Усть-Медведицкого округа, сообщает, что 27 октября 1918 г. у него была взята одна лошадь «при отступлении отряда Голубинцева» [7, л. 58].

Упоминаются также 13-й полк [4, л. 7], действовавший в июне 1918 г. в районе станицы Секалевской, 22-й кавалерийский полк (назван также и командир полка – Попов [4, л. 28]), «24-й белый полк» [4, л. 23], действовавшие летом – осенью 1918 г. в районе хутора Большинский, и др. Иногда фигурирует имя конкретного лица, непосредственно отдавшего распоряжение: при проходе белой армии через тот же хутор Большинский автор анкеты «по подозрению в содействии красным был арестован по распоряжению есаула Маркова» [4, л. 38]. В одном случае удалось найти даже указание на конкретного мародера: телеграфист станции Царицын М.Я. Черешнев заявлял, что «казак хутора Лесного Рябов забрал домашнюю обстановку. После занятия местности соввойсками ездил лично для розыска вещей – все поломано на сумму 200 рублей» [9, л. 87].

В нескольких анкетах виновниками причиненного ущерба оказываются не белые, а красные войска. Пример такого рода присутствует при описании событий в Барановском районе Троицкой волости Николаевского уезда: «При нашествии в августе 1918 г. красноармейцев, действующих против бандитов, было взято: 1 лошадь и фургон, 1 верблюд» [14, л. 1]. Аналогичный случай произошел в другом поселении того же района в августе 1918 г., в качестве обстоятельств понесенных убытков указано: «Пришествие красноармейцев, действующих против бандитов» [14, л. 4]. Третий случай в том же районе: «В июле 1918 г. красноармейцами, действовавшими против бандитов, была взята одна лошадь» [14, л. 7].

Место, где были понесены убытки.

Графа «место, где были понесены убытки» дает представление о географии понесенного ущерба. В выбранных хронологических рамках ущерб в первую очередь приходится на села и хутора, расположенные к северу, западу и югу от Царицына. В большинстве случаев на один населенный пункт приходится 2–3 заявления, но иногда в одном регионе представители Общества собирали сразу десятки анкет. К примеру, в станице Михайловской (вместе с ее хуторами) Урюпинского района было собрано больше 18 заявлений. Связано это было с тем, что она находилась в непосредственной близости от железнодорожной линии Новохоперск – Поворино, связывающей Царицын с Центральной Россией. За контроль над линией летом 1918 г. развернулись ожесточенные бои. Это отразилось в заявлениях: 8 июля на хуторе Суховский Михайловской станицы «во время прохода партизанских отрядов белых через хутор взята лошадь» [4, л. 62]; 10 июля 1918 г. на хуторе Серковском станицы Михайловской «при наступлении красных войск белыми сожжен дом» [3, л. 110]. Еще одно заявление того же времени сообщает о поджоге белыми дома при наступлении красных [4, л. 58]. Во второй половине июля на хуторе Лысогорском той же станицы «во время стоянки частей Будакова официальным реквизиционным путем взяты лошадь с упряжью и две овцы» [4, л. 45]. 30 сентября 1918 г. на том же хуторе у хлебороба М.Ф. Володина «при наступлении белых сожжен рядом дом со всем имуществом» [4, л. 56].

Еще два выявленных заявления из этой же станицы были оставлены в октябре 1918 г. [4, л. 113–118].

Особенно много случаев (не менее 8) приходится на хутор Большинский этой же станицы. Согласно анкетам, больше всего потерь жители хутора понесли в августе 1918 года. Отдельные потери пришлось на предшествующие летние месяцы и осень того же года. Такое количество случаев отражает ожесточенный характер боев в этой области. Только за декабрь 1918 г. станица Михайловская два раза переходила из рук в руки. В целом же стоит отметить, что летом – осенью 1918 г. очень большая часть заявлений приходится на Усть-Медведицкий и Хоперский округа, что отражает бои на севере Царицына за контроль над железнодорожным сообщением между Царицыном и Центральной Россией. Не случайно, что заявления, связанные с указанным периодом, поступают из крупных населенных пунктов вдоль железной дороги: Алексиково [10, л. 25], слобода Михайловка [4, л. 89], хутор Троицкий близ той же слободы [6, л. 5] и др.

На том же участке к северу от Царицына, в Усть-Медведицком округе, находились два других населенных пункта, откуда поступило большое количество заявлений о потерях. Первый из них – поселок Миусовский. Вероятно, речь в анкетах идет про поселение, располагавшееся между Камышином и Михайловкой. Там зафиксировано не менее 16 происшествий. Все они связаны с размещением в поселке отряда Голубинцева, упомянутого ранее. Согласно заявлениям, пик происшествий приходится на август 1918 г. (8 из 16 заявлений), в целом же все выявленные потери относятся к временному промежутку с 23 мая по октябрь 1918 года. Характерно, что практически во всех заявлениях указывается, что потери понесены именно в связи с размещением в поселке отряда А.В. Голубинцева, и только в двух из них упоминается лишь то, что поселок был занят белыми войсками [10, л. 48–52]. Учитывая, что все заявления были собраны представителем ОСЖИ в небольшом временном интервале – с 26 по 28 ноября 1924 г., можно предположить, что заявители передавали друг другу информацию о командующем белого отряда. В ином слу-

чае, возможно, имя командующего отрядом Голубинцева объявлялось при оккупации поселка. Стоит подчеркнуть, что большинство заявлений из Миусовского связано с материальным ущербом. Лишь в одном случае речь идет о личных потерях: «Тогда же избили мужа (25 лет) – через четыре месяца умер» [7, л. 70].

В том же районе – неподалеку от Миусовского, к северу от Царицына, находилось еще одно поселение, значительно пострадавшее от действий Донской армии, – слобода Сидоры. На период с июля по сентябрь 1918 г. из этого населенного пункта приходится 8 заявлений. В большинстве из них упоминаются войска генерала Краснова. В одном случае об этом сказано более подробно: «При отступлении красновских войск в Саратовскую губернию, Сидоры была занята войсками генерала Краснова, которые в сентябре учинили пожар» [8, л. 16]. Данные о пожаре отразились еще в одном заявлении из Сидор от 8 сентября 1918 г.: «Войска Краснова стояли в слободе и занимали постройки. <...> Сожжены и постройка, и имущество» [8, л. 41]. В прочих анкетах из Сидор также сообщается о крупных имущественных потерях. Это позволяет предположить, что явление поджогов в Сидорах было достаточно массовым.

Не менее ожесточенные бои развернулись и вдоль железнодорожной магистрали к западу от Царицына. Больше 20 выявленных в этом районе заявлений приходится на хутор Калач Второго Донского округа. Летом 1918 г. хутор подвергся белому террору [29, с. 123]. Как раз к этому времени относятся многие анкеты из Калача. 22 мая 1918 г. чернорабочего А.А. Гуляева поролі прикладами и арестовали, его брат был расстрелян, а отец скончался от ран [10, л. 48]. Вскоре, 25 мая, заявитель будет принудительно мобилизован в белую армию вплоть до 1922 г. [10, л. 48]. В другом заявлении зафиксированы имущественные потери от 28 июля 1918 г. [12, л. 1] и личные от 26 мая: расстрелян муж заявительницы М.У. Рычковой [12, л. 1]. Сама же заявительница была 1 месяц под арестом и принудительно работала у белых [12, л. 1]. У другой заявительницы А.И. Деликиной в Калаче 22 мая 1918 г. был убит сын [12, л. 4]. Потери понесла и другая семья: 22 июня 1918 г. сын заявительницы

был убит, другой сын – арестован на 18 суток, подвергся порке и был мобилизован на работы, и сама заявительница тоже была принуждена к работам [12, л. 7]. Расстрелы членов семьи встречаются еще в ряде изученных заявлений. Некоторые примеры: 2 июня 1918 г. расстреляна дочь заявительницы Н.В. Волковой, в то время как сама она была арестована на два месяца и подверглась избиению [12, л. 66]. Четыре ее внука и одна внучка подвергались угрозе расстрела и избиения [12, л. 66]. Еще раньше, 7 мая 1918 г., в другой семье в Калаче: «Расстрелян муж и сын (16 лет). Сын убит (18 лет)» [12, л. 69].

В заявлениях из Калача отразились случаи порок: «Пороли мужа (67 лет) – 25 розог... от чего умер» [12, л. 63] от 22 мая, «пороли мать и бабу (63 г.) – 10 розог, отца (40 лет) – расстреляли. Бабка утерьяла 80 % трудоспособности» [12, л. 57] от 23 мая и «расстрелян отец (72 г.), сам подвергся порке» [12, л. 69] – 31 мая. Таким образом, из 20 анкет, выявленных в Калаче, случаи порок (не считая избиений) встречаются 5 раз, что представляет собой большую концентрацию данного вида личных потерь, чем в иных населенных пунктах. Стоит подчеркнуть, что масштаб произошедшего в Калаче ощутим вполне, если сравнить его с хутором Миусовский, в котором выявлено 16 заявлений. При этом лишь в одной из анкет из Миусовского удалось обнаружить сведения о личных потерях, в то время как в заявлениях из Калача они встречаются повсеместно. Отметим, что все выявленные анкеты из Калача сообщают и об имущественных потерях.

В конце июля 1918 г. командованием РККА будет принят предложенный И.В. Сталиным план наступления царицынских войск на Калач и Тихорецкую, в результате чего 31 июля 1918 г. Калач был освобожден частями РККА [29, с. 123]. Это остановило начавшийся белый террор, однако 27 августа Калач снова перешел под контроль казаков Краснова [30, с. 151]. 15 сентября 1918 г. датирован еще один выявленный случай в Калаче, когда пострадали три сына заявительницы Е.П. Недосекиной: один умер от ран, другой пропал без вести, третий потерял трудоспособность [5, л. 39].

Ряд инцидентов произошел в том же Втором Донском округе в районе Суровикино

в мае 1918 года. Выявлено минимум 6 случаев сожженных домов [10, л. 50, 53, 56, 59, 62, 69] и гибель членов семьи [10, л. 50].

Основание репрессий. В качестве причин применяемых репрессий в анкетах указывались разные обстоятельства. Достаточно часто фигурирует кара за отсутствие содействия белым войскам или принудительная мобилизация. К примеру, летом 1918 г. в Крещенской станице Усть-Медведицкого округа «за неоказание добровольного вступления в ряды белой армии сыновей» [3, л. 17] у крестьянки А.И. Машковой было конфисковано имущество, 3 ее сына убиты – один сразу, два других «умерли от нанесенных белыми ударов» [3, л. 17]. Аналогичный случай: 14 августа на хуторе Большинский за отказ вступить в ряды белой армии заявитель П.Т. Сонин был избит «кулаками и плетью в нагом виде» [3, л. 60] и на 6 месяцев арестован. Похожие обстоятельства – на хуторе Бугаевка в июне 1918 г.: сыновья заявителя не оказывали содействия белым. Один из них был убит, другого «забрали в белую армию» [8, л. 49]. Иногда за отказ от мобилизации следовали расстрелы [2, л. 88]. Еще один трагический случай подобного рода относится к августу 1918 г. – дочь котельщика Т.Т. Котлярова «проживала при ст. Котельниковой и служила в местном санитарном пункте дороги. При отступлении белых на Царицын зверски убита белогвардейцами за то, что не пожелала с ними отступать» [11, л. 126].

Арестовывались граждане, связанные с советской властью. К примеру, 18 июля на Троицком хуторе заявитель «был взят при эвакуации, и как советский работник А.А. Антошин избит и арестован. При переводе в другую часть гнали конные конвоиры 15 верст бегом все время и били» [6, л. 5]. Или, к примеру, муж одной из заявительниц – А.Н. Малышевой пострадал за то, что «охранял с винтовкой в руках сельсовет» [8, л. 39]. Были случаи арестов и родственников красноармейцев. Например, в станице Урюпино Хоперского округа 10 сентября 1918 г. была арестована мать рабочего И.А. Турбинова «за то, что сын в рядах РККА. Избита, посажена в тюрьму, где находилась 6 месяцев. Зимой красными войсками отбита» [3, л. 51]. Имущество семьи было разграблено. Похожие случаи: арест

жены заявителя на 7 суток за его отсутствие в поселении по причине эвакуации [5, л. 50]; на станции Батайск заявитель был арестован со всей семьей на трое суток, так как его брат служил в РККА [11, л. 19]; в станице Бурацкой «у семьи красноармейца при обыске взято имущество» [13, л. 6].

Доказательства обвинения. В графе «доказательства» часто приводились свидетельские показания. Не менее часто она оставалась пустой, что тоже закономерно. В одной из анкет в этой же графе указывалось: «Документов, квитанций белыми войсками не выдавались» [3, л. 15]. Или в более тяжелых ситуациях: «Документов не давали. Брали под угрозой порки и расстрела» [9, л. 3]. В редких случаях квитанции при залогах и реквизициях белыми все-таки выдавались, о чем свидетельствуют некоторые заявления [3, л. 33]. В одном заявлении упомянут конкретный номер реквизиционной квитанции – № 230 [7, л. 132]. Иногда в подобных ситуациях выдавалась расписка: «Была уведена лошадь, после нахождения дали расписку, но денег не дали» [5, л. 45]. Доказательствами могли служить медицинские документы, подтверждавшие факт лечения после ранения. Ссылка на такой документ, полученный от врача города Камышина, а потом утерянный, есть в одной анкете [3, л. 19].

Оценка понесенного ущерба. Сам ущерб, понесенный населением оккупированных территорий, был весьма разнообразным. Наиболее частые случаи материального ущерба: изъятые скот, урожай, предметы быта, наличные деньги. Вероятнее всего, многие пострадавшие тщательно фиксировали свои потери, так как даже спустя 6–7 лет после актов грабежа, когда проходило анкетирование, они достаточно подробно описывали все утраченное. Самый яркий подобный случай – список из более чем 100 предметов быта, вклеенный в анкету отдельным листом [11, л. 137].

Ряд заявителей стремились обозначить как ущерб «упущенную выгоду» – потерю заработка на время мобилизации белыми – или пытались включить в претензию сумму, которую они могли бы заработать на своей обычной работе в то время, пока служили в РККА [5, л. 73]. Слово «пытались» в данном

случае упомянуто потому, что все анкеты проходили последующую обработку в центральных органах ОСЖИ. Происходило это примерно через 1–2 года после составления большинства анкет – в 1925–1927 годах. Данные анкеты перепроверялись, и в ряде случаев вносились исправления в раздел финансовой оценки материального ущерба. Пересчет проводился весьма тщательно: удалось обнаружить поздние исправления итоговой суммы не только на значительное количество денег, но и на 1 рубль [5, л. 78]. Были случаи как понижения, так и повышения итоговых сумм после пересчета. Во всех случаях ошибка оказывалась в неверном подсчете итоговой суммы при заполнении анкеты, а сумма, внесенная при пересмотре, – верной. В тех случаях, когда заявители пытались указать в материальном ущербе «упущенную выгоду» или внести в эту же графу финансовый эквивалент физического ущерба, из итоговой суммы заявления подобные требования вычеркивали.

Одной из первостепенных целей Общества было обоснование контрпретензий капиталистическим странам. Вероятно, этим объясняется тот факт, что во многих анкетах при их обработке в правлении Общества в 1925–1927 гг. факты личного ущерба стремились оценить в денежном выражении. К примеру, случай принудительной мобилизации оценен правлением в 900 рублей [5, л. 45]. В другом случае, когда сын заявителя был принудительно мобилизован и убит в это время, правление оценило ущерб в 12 583 рубля [5, л. 49]. Третий пример: ущерб заявительницы, которая претерпела сильное избиение и потеряла сына, был оценен правлением ОСЖИ в 17 200 рублей [5, л. 51]. Можно подвести итог, что подобное решение о финансовой оценке личных потерь позволяло «перевести» их на язык финансовых контрпретензий странам, поддерживавшим белое движение. К тому же это позволяло централизованно и стандартизированно решить вопрос оценки личных потерь, в то время как подобный запрос был у населения (случаи финансовой оценки личных потерь предпринимались самими заявителями, пример чему был приведен выше).

Юридическое оформление анкет. Заполнению анкет сопутствовала опреде-

ленная юридическая процедура. Во многих случаях к самой анкете в деле подшит лист со свидетельскими показаниями, удостоверяющими происшествие. Так же отдельно подшивалась доверенность заявителя на представление своих интересов Обществом. Наконец к делу прикладывался акт, юридически подтверждающий правомерность выдвинутых заявителем претензий. Стоит оговориться, что данный набор документов полностью присутствует не во всех случаях.

Статистика ОСЖИ. После обработки всех анкет Обществом была собрана статистика. Важно учесть, что в исследуемый период административное деление Юга России претерпевало изменение, что напрямую связано с темой, так как статистика формировалась по губерниям. 7 сентября 1918 г. была образована Царицынская губерния, хотя первое упоминание о ней встречается еще 11 августа 1918 г. [16, с. 119]. До этого момента Царицын и близлежащие территории входили в Саратовскую губернию. В рамках данной статьи приведем статистическую сводку по Саратовской губернии. Вероятно, статистические сводки подводились по годам, так как в ГАРФ находятся три разные статистические таблицы по Саратовской губернии, хотя годы не указаны. Но если учесть, что в данном случае речь идет только о потерях на Деникинском фронте (Врангелевский фронт, к примеру, выделяется отдельно [34]), а борьбу с казаками Краснова, если учесть данные анкет и наименования архивных описей, тоже относили к Деникинскому фронту, то представляется вероятным предположение, что данные представлены по 1918, 1919 и 1920 гг. соответственно.

Приведем данные по ряду случаев из трех указанных статистических таблиц. В первой таблице общее число всех претензий равняется 6 247, в том числе имущественных – 4 901. Все имущественные потери суммарно оценены в 2 852 403 рубля. Все личные потери оценены в 15 579 980 рублей [33, л. 7]. Следующая статистика: всего собрано 11 171 анкета, в которых упомянуты 64 155 пострадавших, в том числе от потери имущества – 8 765. Общая сумма имущественных

потерь составила 6 100 096 рублей [33, л. 9]. Подведена и статистика по личным потерям. Приведем три самых частых случая. Убийства и смерти – 1 526 заявлений на 1 587 пострадавших [33, л. 9], которые в финансовом выражении правление Общества оценило в 18 027 424 рубля [33, л. 9]. Насилия и избиения – 470 заявлений на 545 пострадавших, а также ранения – 355 заявлений на 358 пострадавших. Финансовый итог всех личных потерь в данной статистике составил 22 648 944 рубля. Общий же итог материальных и личных потерь – 27 749 040 рублей [33, л. 9]. В третьей статистической таблице приведены данные 1 081 претензии. В анкетах были упомянуты 6 207 пострадавших. Что касается личных потерь, то об убийствах сообщается в 147 анкетах (упомянуты 153 пострадавших), правлением эти потери оценены в 1 744 263 рубля. Избиения – 45 анкет (52 случая) – 95 454 рубля. Ранения – 34 случая – 231 088 рублей [33, л. 11].

Результаты. Общество содействия жертвам интервенции провело огромную работу по сбору сведений о гражданах, пострадавших от действий антисоветских сил, в частности в окрестностях Царицына в 1918 году. Собранные анкеты являются источником, позволяющим пролить свет на многие аспекты Гражданской войны, в первую очередь – на масштаб потерь, с которыми столкнулись граждане РСФСР в ходе Гражданской войны и интервенции. В этом и была основная цель сбора данных сведений. Кроме того, анкеты дают представление о характере противостояния враждующих сторон, о проявлениях белого террора (со всеми необходимыми оговорками, учитывая контекст создания данных анкет) – как о его общих и наиболее типичных чертах, так и о различном характере в зависимости от конкретного места. В ряде случаев анкеты дают возможность проследить перемещения отдельных белых частей, выявить командующих, которые их возглавляли. Сведения, содержащиеся в анкетах, позволяют сделать историю Гражданской войны не абстрактной, а живой и конкретной – внести в нее пласт жизни рядовых людей, чьи судьбы оказались вплетены в это масштабное противостояние.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Анкеты пострадавших, собранные Обществом содействия жертвам интервенции // Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). Ф. Р-7628. Оп. 4. Д. 3612. Л. 1–101.
2. Анкеты пострадавших, собранные Обществом содействия жертвам интервенции // ГАРФ. Ф. Р-7628. Оп. 4. Д. 3719. Л. 1–109.
3. Анкеты пострадавших, собранные Обществом содействия жертвам интервенции // ГАРФ. Ф. Р-7628. Оп. 4. Д. 3865. Л. 1–148.
4. Анкеты пострадавших, собранные Обществом содействия жертвам интервенции // ГАРФ. Ф. Р-7628. Оп. 4. Д. 3866. Л. 1–119.
5. Анкеты пострадавших, собранные Обществом содействия жертвам интервенции // ГАРФ. Ф. Р-7628. Оп. 4. Д. 3868. Л. 1–152.
6. Анкеты пострадавших, собранные Обществом содействия жертвам интервенции // ГАРФ. Ф. Р-7628. Оп. 9. Д. 2205. Л. 1–92.
7. Анкеты пострадавших, собранные Обществом содействия жертвам интервенции // ГАРФ. Ф. Р-7628. Оп. 9. Д. 2206. Л. 1–175.
8. Анкеты пострадавших, собранные Обществом содействия жертвам интервенции // ГАРФ. Ф. Р-7628. Оп. 9. Д. 2207. Л. 1–127.
9. Анкеты пострадавших, собранные Обществом содействия жертвам интервенции // ГАРФ. Ф. Р-7628. Оп. 9. Д. 2208. Л. 1–128.
10. Анкеты пострадавших, собранные Обществом содействия жертвам интервенции // ГАРФ. Ф. Р-7628. Оп. 9. Д. 2209. Л. 1–89.
11. Анкеты пострадавших, собранные Обществом содействия жертвам интервенции // ГАРФ. Ф. Р-7628. Оп. 9. Д. 2210. Л. 1–152.
12. Анкеты пострадавших, собранные Обществом содействия жертвам интервенции // ГАРФ. Ф. Р-7628. Оп. 9. Д. 2213. Л. 1–104.
13. Анкеты пострадавших, собранные Обществом содействия жертвам интервенции // ГАРФ. Ф. Р-7628. Оп. 9. Д. 2215. Л. 1–111.
14. Анкеты пострадавших, собранные Обществом содействия жертвам интервенции // ГАРФ. Ф. Р-7628. Оп. 9. Д. 2218. Л. 1–148.
15. Антисоветская интервенция и ее крах. 1917–1922. М.: Политиздат, 1987. 206 с.
16. Бокова О. В. Образование Царицынской губернии как административно-территориальной единицы РСФСР // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 9: Исследования молодых ученых. 2008. Вып. 7. С. 119–122.
17. Вяткин Г. Лицо интервенции (по материалам Омского отделения «Общества содействия жертвам интервенции») // Сибирские огни. 1924. № 5. С. 228–234.
18. Ганин А. В. Колчаковскими бандами был выведен на расстрел и был избит леворвером...»: анкеты Общества содействия жертвам интервенции как источник по истории белого террора на Южном Урале // Архив в социуме – социум в архиве. – Челябинск: [б. и.], 2018. С. 172–175.
19. Гражданская война и военная интервенция в СССР. М.: Сов. энцикл., 1987. 703 с.
20. Долгачев И. Г. Язык земли родного края. Волгоград: Ниж.-Волж. кн. изд-во, 1986. 142 с.
21. Документы внешней политики СССР. Т. VII. 1 января – 31 декабря 1924 г. М.: Госполитиздат, 1963. 761 с.
22. К двадцатилетию освобождения Удмуртии от колчаковщины. Ижевск: [б. и.], 1939. 48 с.
23. К десятилетию интервенции / О-во содействия жертвам интервенции. М.; Л.: Гос. изд-во, 1929. 246 с.
24. Клавинг В. В. Гражданская война в России : Белые армии. Военно-историческая библиотека. М.: АСТ, 2003. 637 с.
25. Любимов Н. Н. Баланс взаимных требований Союза ССР и держав согласия. М.: Экон. жизнь, 1924. 112 с.
26. Миркин З. И. СССР, царские долги и наши контрпретензии. М., Л.: Гос. изд-во, 1928. 123 с.
27. Оплаканская Р. В. Деятельность Всесоюзного общества содействия жертвам интервенции в Сибири (практика политической мобилизации общества) // Вестник Томского государственного университета. 2018. № 432. С. 124–129.
28. Разина М. В., Ратьковский И. С. Создание и организация работы Всесоюзного общества содействия жертвам интервенции // История. Научное обозрение OSTKRAFT. 2023. № 19. С. 38–75.
29. Ратьковский И. С. Сталин. Пять лет Гражданской войны (1917–1922). СПб.: Питер, 2023. 352 с.
30. Ратьковский И. С. Хроника белого террора в России. Репрессии и самосуды (1917–1920 гг.). М.: Алгоритм, 2017. 462 с.
31. Рутыч Н. Н. Биографический справочник высших чинов Добровольческой армии и Вооруженных Сил Юга России. Материалы к истории Белого движения. М.: Рос. арх., 2002. 382 с.
32. Словикова А. С. Белая Пермь (1918–1919 гг.) // Russian colonial studies. 2019. № 2. С. 156–182.
33. Статистические данные, собранные ОСЖИ // ГАРФ. Ф. Р-7628. Оп. 3. Д. 249.
34. Статистические данные, собранные ОСЖИ // ГАРФ. Ф. Р-7628. Оп. 3. Д. 311.
35. Черная книга: Сборник статей и материалов об интервенции Антанты на Украине в 1918–1919 гг. Екатеринослав: Гос. изд-во Украины, 1925. 436 с.
36. Чистиков А. Н. Документальные источники по истории деятельности Общества содействия жертвам интервенции на Северо-Западе // вспомо-

гательные исторические дисциплины. Т. 21. Л.: Наука, 1990. С. 40–53.

REFERENCES

1. Ankety postradavshih, sobrannye Obshhestvom sodejstvija zhertvam intervencii [Victim Profiles Collected by the Society for Assistance to Victims of Intervention]. *Gosudarstvennyj arhiv Rossijskoj Federacii (GARF)* [The State Archive of the Russian Federation], f. R-7628, inv. 4, d. 3612, 1-101.
2. Ankety postradavshih, sobrannye Obshhestvom sodejstvija zhertvam intervencii [Victim Profiles Collected by the Society for Assistance to Victims of Intervention]. *GARF*, f. R-7628, inv. 4, d. 3719, 1-109.
3. Ankety postradavshih, sobrannye Obshhestvom sodejstvija zhertvam intervencii [Victim Profiles Collected by the Society for Assistance to Victims of Intervention]. *GARF*, f. R-7628, inv. 4, d. 3865, 1-148.
4. Ankety postradavshih, sobrannye Obshhestvom sodejstvija zhertvam intervencii [Victim Profiles Collected by the Society for Assistance to Victims of Intervention]. *GARF*, f. R-7628, inv. 4, d. 3866, 1-119.
5. Ankety postradavshih, sobrannye Obshhestvom sodejstvija zhertvam intervencii [Victim Profiles Collected by the Society for Assistance to Victims of Intervention]. *GARF*, f. R-7628, inv. 4, d. 3868, 1-152.
6. Ankety postradavshih, sobrannye Obshhestvom sodejstvija zhertvam intervencii [Victim Profiles Collected by the Society for Assistance to Victims of Intervention]. *GARF*, f. R-7628, inv. 9, d. 2205, 1-92.
7. Ankety postradavshih, sobrannye Obshhestvom sodejstvija zhertvam intervencii [Victim Profiles Collected by the Society for Assistance to Victims of Intervention]. *GARF*, f. R-7628, inv. 9, d. 2206, 1-175.
8. Ankety postradavshih, sobrannye Obshhestvom sodejstvija zhertvam intervencii [Victim Profiles Collected by the Society for Assistance to Victims of Intervention]. *GARF*, f. R-7628, inv. 9, d. 2207, 1-127.
9. Ankety postradavshih, sobrannye Obshhestvom sodejstvija zhertvam intervencii [Victim Profiles Collected by the Society for Assistance to Victims of Intervention]. *GARF*, f. R-7628, inv. 9, d. 2208, 1-128.
10. Ankety postradavshih, sobrannye Obshhestvom sodejstvija zhertvam intervencii [Victim Profiles Collected by the Society for Assistance to Victims of Intervention]. *GARF*, f. R-7628, inv. 9, d. 2209, 1-89.
11. Ankety postradavshih, sobrannye Obshhestvom sodejstvija zhertvam intervencii [Victim Profiles Collected by the Society for Assistance to Victims of Intervention]. *GARF*, f. R-7628, inv. 9, d. 2210, 1-152.
12. Ankety postradavshih, sobrannye Obshhestvom sodejstvija zhertvam intervencii [Victim profiles Collected by the Society for Assistance to Victims of Intervention]. *GARF*, f. R-7628, inv. 9, d. 2213, 1-104.

13. Ankety postradavshih, sobrannye Obshhestvom sodejstvija zhertvam intervencii [Victim Profiles Collected by the Society for Assistance to Victims of Intervention]. *GARF*, f. R-7628, inv. 9, d. 2215, 1-111.

14. Ankety postradavshih, sobrannye Obshhestvom sodejstvija zhertvam intervencii [Victim Profiles Collected by the Society for Assistance to Victims of Intervention]. *GARF*, f. R-7628, inv. 9, d. 2218, 1-148.

15. *Antisovetskaia interventsiia i ee krakh. 1917–1922* [Anti-Soviet Intervention and Its Collapse. 1917–1922]. Moscow, Politizdat Publ., 1987. 206 p.

16. Bokova O.V. Obrazovanie Tsaritsynskoj gubernii kak administrativno-territorialnoj edinity RSFSR [Formation of Tsaritsyn Province as an Administrative-Territorial Unit of the RSFSR]. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 9: Issledovaniya molodykh uchenykh* [Science Journal of Volgograd State University. Young Scientists' Research], 2008, iss. 7, pp. 119-122.

17. Vyatkin G. Litso intervencii (po materialam Omskogo otdeleniya «Obshchestva sodejstviya zhertvam intervencii») [The Face of Intervention (Based on the Materials of the Omsk Branch of the Society for Assistance to Victims of Intervention)]. *Sibirskie ogni*, 1924, no. 5, pp. 228-234.

18. Ganin A.V. Kolchakovskimi bandami byl vyveden na rasstrel i byl izbit levorverom...»: ankety Obshchestva sodeystviia zhertvam intervencii kak istochnik po istorii belogo terrora na Iuzhnom Urale [Kolchak Gangs Were Taken Out to Be Shot and Beaten by a Left-Winger...»: Questionnaires of the Society for Assistance to Victims of Intervention as a Source on the History of White Terror in the Southern Urals]. Antipin N.A., ed. *Arkhiv v sotsiume – sotsium v arkhive* [Archive in Society – Society in the Archive]. Chelyabinsk, s.n., 2018, pp. 172-175.

19. *Grazhdanskaya vojna i voennaya intervenciya v SSSR* [Civil War and Military Intervention in the USSR]. Moscow, Sov. entsikl. Publ., 1987. 703 p.

20. Dolgachev I.G. *Iazyk zemli rodnogo kraia* [The Language of the Native Land]. Volgograd, Nizh.-Volzh. kn. izd-vo, 1986. 142 p.

21. *Dokumenty vneshnej politiki SSSR. T. VII. 1 yanvarya – 31 dekabrya 1924* [Documents of the Foreign Policy of the USSR. Vol. 7. January 1 – December 31, 1924]. Moscow, Gospolitizdat Publ., 1963. 761 p.

22. *K dvadcatiletiyu osvobozhdeniya Udmurtii ot kolchakovshchiny* [To the Twentieth Anniversary of the Liberation of Udmurtia from the Kolchakovism]. Izhevsk, s.n., 1939. 48 p.

23. *K desyatiletiyu intervencii* [By the Decade of Intervention]. Moscow, Leningrad, Gos. izd-vo, 1929. 246 p.

24. Klaving V.V. *Grazhdanskaia vojna v Rossii: Belye armii. Voенно-istoricheskaia biblioteka* [The

Civil War in Russia. White Armies. Military-Historical Library]. Moscow, AST Publ., 2003. 637 p.

25. Lyubimov N.N. *Balans vzaimnykh trebovaniy Soyuza SSR i derzhav soglasiya* [The Balance of Mutual Demands of the USSR and the Powers of Consent]. Moscow, Ekon. zhizn Publ., 1924. 112 p.

26. Mirkin Z.I. *SSSR, carskie dolgi i nashi kontrprentzii* [The USSR, Tsarist Debts and Our Counter-Claims]. Moscow, Leningrad, Gos. izd-vo, 1928. 123 p.

27. Oplakanskaia R.V. *Deiatelnost Vsesoiuznogo obshchestva sodeystviia zhertvam interventsii v Sibiri (praktika politicheskoy mobilizatsii obshchestva)* [Activity of the All-Union Society for Assistance to Victims of Intervention in Siberia (Practice of Political Mobilization of Society)]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta*, 2018, no. 432, pp. 124-129.

28. Razina M.V., Ratkovskij I.S. *Sozдание i organizaciya raboty Vsesoyuznogo obshchestva sodeystviya zhertvam intervencii* [Creation and Organization of the All-Union Society for Assistance to Victims of Intervention]. *Istoriya. Nauchnoe obozrenie OSTKRAFT*, 2023, no. 19, pp. 38-75.

29. Ratkovskiy I.S. *Stalin. Piat let Grazhdanskoj vojny (1917–1922)* [Stalin. Five Years of the Civil War (1917–1922)]. Saint Petersburg, Piter Publ., 2023. 352 p.

30. Ratkovskiy I.S. *Khronika belogo terrora v Rossii. Repressii i samosudy (1917–1920 gg.)* [Chronicle of the White Terror in Russia. Repression

and Lynching (1917–1920)] Moscow, Algoritm Publ., 2017. 462 p.

31. Rutych N.N. *Biograficheskiy spravochnik vysshikh chinov Dobrovolcheskoy armii i Vooruzhennykh Sil Iuga Rossii. Materialy k istorii Belogo dvizheniia* [Biographical Directory of the Highest Ranks of the Volunteer Army and the Armed Forces of the South of Russia. Materials for the History of the White Movement]. Moscow, Ros. arch. Publ., 2002. 295 p.

32. Slovikova A.S. *Belaya Perm (1918–1919 gg.)* [Belaya Perm (1918–1919)]. *Russian colonial studies*, 2019, no. 2, pp. 156-182.

33. *Statisticheskie dannye, sobrannye OSZHI* [Statistical Data Collected by the Society]. *GARF*, f. R-7628, inv. 3, d. 249.

34. *Statisticheskie dannye, sobrannye OSZHI* [Statistical Data Collected by the Society]. *GARF*, f. R-7628, inv. 3, d. 311.

35. *Chernaya kniga: Sbornik statej i materialov ob intervencii Antanty na Ukraine v 1918–1919 gg.* [The Black Book: Collection of Articles and Materials About the Entente intervention in Ukraine in 1918–1919]. Yekaterinoslav, Gos. izd-vo Ukrainy, 1925. 436 p.

36. Chistikov A.N. *Dokumentalnye istochniki po istorii deyatelnosti Obshchestva sodeystviya zhertvam intervencii na Severo-Zapade* [Documentary Sources on the History of the Society for Assistance to Victims of Intervention in the North-West]. *Vspomogatelnye istoricheskie discipliny. T. 21*. Leningrad, Nauka Publ., 1990, pp. 40-53.

Information About the Author

Mikhail D. Shumakov, Postgraduate Student, Department of Modern History of Russia, Saint Petersburg State University, Universitetskaya Emb., 7–9, 199034 Saint Petersburg, Russian Federation, st050581@student.spbu.ru, <https://orcid.org/0000-0002-7286-2350>

Информация об авторе

Михаил Дмитриевич Шумаков, аспирант кафедры новейшей истории России, Санкт-Петербургский государственный университет, Университетская наб., 7–9, 199034 г. Санкт-Петербург, Российская Федерация, st050581@student.spbu.ru, <https://orcid.org/0000-0002-7286-2350>



DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2024.3.7>

UDC 94
LBC 63.3

Submitted: 26.12.2022
Accepted: 04.04.2023

“MATA HARI” IN THE DON VERSION

Andrey V. Venkov

Federal Research Centre the Southern Scientific Centre of the Russian Academy of Sciences,
Rostov-on-Don, Russian Federation

Hamitbi B. Mamsirov

Kabardino-Balkarian State University named after H.M. Berbekov, Nalchik, Russian Federation

Abstract. *Introduction.* During the civil war on the Don, in the conservative Cossack region, in the cities of Rostov-on-Don and Taganrog, women played an important role in the Bolshevik underground and in the organization of Soviet intelligence. *Methods and materials.* The historiography of this problem is extremely insignificant. In the article, the task was set to find out the reasons for such a feature, relying on a fairly large selection of memoirs and documents and using comparative and anthropological research methods. *Analysis.* It was found out that many women during the civil war resolutely joined the ranks of one of the opposing sides and sometimes, on their own initiative, fought with special “female methods.” The underground Don committee created by the Bolsheviks consisted of 4 men and 5 women. The women who led the underground were transferred to the Don across the front line. Local women who were part of the underground were used as couriers to cross the front line with intelligence data. The leaders turned out to be good organizers. For the sake of obtaining information, the underground women could enter into close relations with the enemy representatives they were interested in, use their “charms” to lure and destroy white officers, and ruthlessly, without proceedings, destroy in their midst someone who was suspected of treason. *Results.* It was impossible to organize an intelligence network in Cossack villages, where the majority of the population supported whites, and the Bolsheviks relied on cities with large Ukrainian, Jewish, and Greek populations. The contemptuous attitude of the enemy towards women inherent in traditional society was taken into account. The women selected for underground work were distinguished by promiscuity and ruthlessness. *Authors’ contributions.* The material on the situation on the Don was prepared by A.V. Venkov. The material on the principles of the organization of intelligence and counterintelligence and the involvement of women in this work was prepared by H.B. Mamsirov.

Key words: women, civil war, Cossack region, intelligence, underground.

Citation. Venkov A.V., Mamsirov H.B. “Mata Hari” in the Don Version. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 4. Istoriya. Regionovedenie. Mezhdunarodnye otnosheniya* [Science Journal of Volgograd State University. History. Area Studies. International Relations], 2024, vol. 29, no. 3, pp. 73-81. (in Russian). DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2024.3.7>

УДК 94
ББК 63.3

Дата поступления статьи: 26.12.2022
Дата принятия статьи: 04.04.2023

«МАТА ХАРИ» В ДОНСКОМ ВАРИАНТЕ

Андрей Вадимович Венков

Федеральный исследовательский центр Южный научный центр РАН,
г. Ростов-на-Дону, Российская Федерация

Хамитбий Борисович Мамсиров

Кабардино-Балкарский государственный университет им. Х.М. Бербекова,
г. Нальчик, Российская Федерация

Аннотация. *Введение.* Во время гражданской войны на Дону, в консервативном казачьем регионе, в городах Ростове-на-Дону и Таганроге большую роль в большевистском подполье и в организации советской разведки играли женщины. *Методы и материалы.* Историография данной проблемы крайне незначительна. В статье была поставлена задача выяснить причины такой особенности, опираясь на достаточно большую подборку воспоминаний и документов и используя сравнительный и антропологический методы исследования. *Анализ.* Выяснено, что многие женщины в ходе гражданской войны решительно встали в ряды одной из противоборствующих сторон и иногда по собственной инициативе вели борьбу особыми «женскими методами». В состав созданного большевиками подпольного Донского комитета входили 4 мужчины и 5 женщин. Женщины – руководительницы подполья были переброшены на Дон через линию фронта. Местные жительницы, входившие в подполье, использовались как курьеры для переходов через линию фронта с разведывательными данными. Руководительницы оказались хорошими организаторами. Ради получения информации подпольщицы могли вступить в близкие отношения с интересующими их представителями противника, применяли свои «чары» для завлечения и уничтожения белых офицеров и безжалостно, без разбирательств уничтожали в своей среде того, кого заподозрили в измене. *Результаты.* Организовать разведывательную сеть в казачьих станицах, где большинство населения поддерживало белых, было невозможно, и большевики опирались на города с многочисленным украинским, еврейским и греческим населением. Учитывалось присущее традиционному обществу пренебрежительное отношение противника к женщинам. Подобранные для подпольной работы женщины отличались неразборчивостью в средствах и безжалостностью. *Вклад авторов.* А.В. Венков подготовил материал о ситуации на Дону, а Х.Б. Мамсиров – о принципах организации разведки и контрразведки и привлечении женщин к этой работе.

Ключевые слова: женщины, гражданская война, казачий регион, разведка, подполье.

Цитирование. Венков А. В., Мамсиров Х. Б. «Мата Хари» в донском варианте // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 4, История. Регионоведение. Международные отношения. – 2024. – Т. 29, № 3. – С. 73–81. – DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2024.3.7>

Введение. Гражданская война всегда вовлекает в непосредственную борьбу гораздо больше социальных слоев, чем войны между государствами, в противоборство вступает самый разнообразный возрастной контингент. Шире и разнообразнее участвуют в таких войнах женщины. Интересно, что во время гражданской войны в России на Дону в консервативном казачьем регионе, в городах большую роль в большевистском подполье и в организации советской разведки играли именно они.

В борьбе некоторые женщины участвовали «неорганизованно», по личной инициативе, а другие входили в состав таких органов, как ВЧК. Хотелось бы отметить, что при существовании в обыденном сознании образа роковой женщины в советской публицистике и художественной литературе образ чекиста и женщины-чекистки был предельно идеализирован. В создаваемых образах подчеркивались верность коммунистическим идеалам и моральная чистота. Зачастую идеализировались и условия, в которых работали чекисты. На самом же деле и персоналии, и условия были далеки от совершенства.

Данная статья ставит перед собой задачу выяснить, почему именно женщины приняли самое активное участие в подпольной революционной борьбе в казачьем антибольшевистском регионе. Выдвигается гипотеза, что подобное явление не могло быть стихийным, а стало результатом большой организационной работы.

Материалы и методы. Историография советских спецслужб на Дону явно недостаточна. Она находится либо на очерковом, публицистическом уровне [16], либо на уровне накопления материала [19].

В то же время существовала достаточно большая подборка воспоминаний и других материалов о революционном подполье в годы гражданской войны на Дону. Это были сборники документов «Героическое подполье...», 1975; «Документы героических лет...», 1987. И хотя это подполье выполняло и разведывательные функции, в литературе и опубликованных источниках оно рассматривалось само по себе, а руководимые ВЧК спецслужбы – сами по себе. Связала их в своих воспоминаниях лишь О.Г. Шатуновская [21].

Естественно, о советской разведке в тылу белых на Дону и о подполье писали в

публицистической форме местные органы периодической печати (Приазовский край. 1918–1920; Известия Ростово-Нахичеванского ВРК. 1918; Известия Ростово-Нахичеванского совета рабочих депутатов. 1918; Молот, Вечерний Ростов и др.).

Некоторые материалы о ситуации на Дону в тот период, связанные с нашей темой, находятся в Архиве УФСБ по Ростовской области.

Используя указанные источники, автор опирался на принцип объективности и научности, на принцип историзма и специальные методы исследования – сравнительный, антропологический.

Анализ. В июне 1920 г., на Донской областной конференции РКП(б) большевиками отмечалось, что в 1918 г., в начале гражданской войны на Дону, их организация «плелась на поводу стихии, и только революционная стихия выручала нас...» [6, с. 123]. Подобная «стихия» наложила свой отпечаток на формы и методы борьбы.

Женщины остро чувствовали социальное противостояние и зачастую участвовали в борьбе «по-женски». Как вспоминала В.П. Глазеп (Варя), служившая няней гинекологического отделения больницы Красного Креста г. Ростова-на-Дону (в больнице у большевиков в 1917 г. была явка): «Когда первый раз Красная Гвардия выбила юнкеров из Ростова, то старший персонал нашей больницы пытался укрыть в больнице 13 белых офицеров, не успевших отступить. Их переодели в женское платье, забинтовали головы и разложили между женщинами на кроватях... Когда в больницу пришли матросы из «Колхиды», я подошла к их руководителю и указала, где лежат юнкера. Их немедленно забрали» [19, с. 390]. Это самый простой пример участия в борьбе с «классовым врагом».

Однако хаос и «революционная стихия» вызывали со стороны женщин к жизни самые разнообразные и самые жестокие методы борьбы, уходящие корнями в «ветхозаветное» прошлое. Первые образцы подобного поведения мы видим в библейских сюжетах (Далила, Иезавель, Саломея).

В XX в. на уровне обыденного сознания, а затем в литературе и кино появился некий образ революционной (или контрреволюцион-

ной) роковой женщины, которая манипулирует мужчинами посредством флирта. Герою-контрреволюционеру (или революционеру) трудно противостоять ее чарам и зачастую это влечение приводит к его гибели.

Именно в этом ключе местная либеральная пресса утверждала, что у ростовских большевиков еще до взятия власти в Ростове была своя контрразведка и активную роль в ней играла Елена Зявкина, «(девичья фамилия Реук, Зявкина – псевдоним) разведенная жена германца Модера... Когда в декабре [1917] большевики были изгнаны из Ростова (речь идет о неудавшемся большевистском восстании в ноябре – декабре 1917 г. – А. В., Х. М.) войсками генерала А.М. Каледина, Е. Зявкина также стояла во главе контрразведки. Она посещала разные увеселительные места, знакомилась с офицерами, выводила у некоторых по мере возможности необходимые ей сведения и передавала все большевистскому штабу... После занятия большевиками Ростова-на-Дону Е. Зявкина использовала свое знакомство с офицерами и юнкерами. Следственной комиссией установлено, что благодаря Зявкиной расстреляны: агент контрразведки Добровольческой армии юнкер Мейчик, юнкер Николаев, поручик Медведев и поручик Черевков... Когда в Ростове-на-Дону до прихода германских войск хозяйничали большевики, деятельность Е. Зявкиной была особенно ревностной: она предлагала крупные суммы денег разным лицам, чтобы ей указывали переодетых офицеров и юнкеров» [1].

Следует отметить, что термины «контрразведка» и «разведка» в то время и в той некомпетентной среде имели самое широкое толкование.

Что касается Елены Зявкиной и Вари Глазеп, то это в общем-то «одиошные выступления».

Первое установление советской власти на Дону в конце февраля – начале мая 1918 г. не дало большевикам возможности создать здесь стройную систему спецслужб. Затем германские войска заняли Ростов, и, воспользовавшись их поддержкой, восставшие казаки заняли Новочеркасск и взяли под контроль почти всю территорию области Войска Донского.

Естественно, не все сочувствующие большевикам покинули пределы области.

Большевистское подполье было оставлено органами советской власти, когда они покидали Ростов. Ростовская печать сообщала о судьбе уже известной нам Е. Зявкиной (Реук): «Когда германские войска заняли Ростов-на-Дону, Е. Зявкина осталась в городе вместе со своими братьями и сожителем, кличка которого «Юра» (настоящая фамилия его Маклазянц), организовала здесь свою контрразведку. Она посещала кафе, знакомилась с офицерами и продолжала свою контрразведывательную работу... В конце концов Е. Зявкина пришла третьего дня в штаб Добровольческой армии, якобы «за справкой о судьбе знакомых офицеров». В штабе имелась фотографическая карточка Зявкиной, по которой она была опознана. Выяснилось, что организованный в Ростове-на-Дону штаб большевистской контрразведки предлагал ряд террористических актов по отношению к отдельным членам Добрармии [1]. Была опубликована фотография «Сирена из красного штаба – Зявкина, увлекавшая офицеров в сети советской контрразведки».

Советская печать подтвердила, что Елена Николаевна Реук была участницей большевистского подполья, она завлекала белых офицеров в район Темерницкого моста, где на них нападали подпольщики и «отбирали оружие, документы, офицерское обмундирование, все так необходимое для партийного подполья». 22 мая 1918 г. она была арестована. «Арест, контрразведка, военно-полевой суд. Тяжкое обвинение – 22 офицера, из них три полковника. Против нее – веские доказательства. Приговор – 20 лет каторжных работ и лишь потому, что по закону женщин нельзя было расстреливать» [19, с. 425–426].

С арестом Е.Н. Реук большевистское подполье в Ростове не было разгромлено. Его легко было восстановить. И именно в Ростове.

Поскольку казачье население Дона в 1918 г. в большинстве своем выступило против большевиков, организовать в станицах разведывательную сеть было невозможно. То же относилось и к Новочеркаску. Судя по показаниям свидетелей, после захвата города восставшими против большевиков казаками вакханалия расстрелов длилась несколько месяцев [9, л. 135].

Немного позже в Новочеркаске, где строилась казачья квазигосударственность, была налажена довольно стройная система сыска, следствия и судопроизводства. Со схваченной Е.Н. Реук, как видим, обошлись довольно мягко, поскольку местные законы запрещали казнить женщин. Но на периферии области людей расстреливали без суда и следствия, иногда вопреки вынесенному приговору.

Так, 24 декабря 1918 г. (6 января 1919 г.) в поле в полуверсте от кантемировского вокзала был обнаружен труп курсистки Ростовского женского медицинского института Ревекки Альбам [13, л. 20]. За месяц до этого, 22 ноября (5 декабря) 1918 г., она была арестована в Ростове, так как призывала ростовских студентов к забастовке протеста против расстрелов киевских студентов [13, л. 19].

В Киеве в это время действительно шли массовые расстрелы офицеров и студентов захватившими власть в городе украинскими националистами – петлюровцами. Петлюровцы считали своими врагами и своего украинского гетмана Скоропадского, Деникина и Краснова, причем последний уже начал против них военные действия. Трудно было придумать что-нибудь глупее и бессмысленнее, чем призыв к забастовке против петлюровского террора на территории, враждебной петлюровцам. Но, видимо, курсистка была не сильна ни в политике, ни в географии. Тем не менее Ревекку Альбам арестовали и она три недели отсидела в участке Ростово-Нахичеванской городской стражи, после чего обратилась с прошением в Ростовское градоначальство разобраться в ее деле. На горе Ревекки Альбам при ее аресте стражники обнаружили большевистскую листовку с призывом «Пролетарии всех стран, соединяйтесь!». Ростовский градоначальник, полковник Греков, узнав о листовке, распорядился выслать курсистку из пределов Всевеликого Войска Донского. 22 декабря (4 января) Ревекка Альбам была отправлена в Кантемировку, на границу Области, а через два дня в поле у вокзала был обнаружен ее труп.

Непосредственно в Ростове-на-Дону и Таганроге ситуация значительно отличалась. Эти города были включены в состав Области Войска Донского в конце XIX в. вместе с

многочисленным украинским, еврейским и греческим населением. Беженское движение в ходе Первой мировой войны увеличило в этих городах количество жителей с западных территорий России. В таком городе было легко затеряться. Кроме того, с 8 мая и по 1 декабря 1918 г. город занимали германские войска, работала германская военная комендатура. Донские военно-полевые суды для борьбы с большевистским подпольем и увеличивающейся преступностью были учреждены в Ростовском-на-Дону и Таганрогском градоначальствах только в ноябре 1918 г., когда в Германии произошла революция. Это, конечно же, учитывалось, когда большевики начали готовить разведывательную сеть на Дону.

С осени 1918 г. подпольной работой на Дону и Кубани руководило Донское бюро РКП(б) во главе с А. Френкелем. Это бюро и организовало фактически разведывательную деятельность на территории, занятой белыми казаками. Созданные группы, подчиняющиеся партийным структурам, работали в тесной связи с военными [7, с. 6–7].

Представители (представительницы) политотдела Южного фронта (впоследствии сотрудники Особого отдела) Р. Вольф и А. Гордон были посланы на связь с подпольными организациями в Ростове. «В Ростов я и т. Гордон приехали 22 ноября. Там нашли комитет из 11 человек, создавшийся революционным путем. Комитет этот находился в состоянии полной дезорганизации, активных работников – 1–2 человека. Работа почти не велась, она состояла в расклейке и распространении воззваний, присланных Донским бюро», – докладывала Р.Д. Вольф. По предложению прибывших комитет был собран и разбит на три отдела: 1) организационный; 2) издательский, 3) боевой и разведочный. К 5 декабря 1918 г. женщины-чекистки вернулись из Ростова [12, с. 100–102].

Руководил подпольной организацией в Ростове А.Е. Васильев-Шмидт. В своих воспоминаниях он дал состав избранного Донкома:

«Васильев-Шмидт – председатель. Анна Гордон – ответственный секретарь. Василенко – казначей. Абросимов Василий – зав. типографией. Селиванов – его помощник. Ольга Минская, Елена Езерская, Маруся Ка-

рагодская и Мария Малинская – члены Донкома» [12, с. 94–95].

Как видим, в состав Донского комитета входили 4 мужчины и 5 женщин.

Местных жителей в Донкоме было трое – Василенко, Абросимов (казак) и Селиванов. Первые двое впоследствии оказались предателями.

Работа Донбюро и политотдела фронта первое время велась параллельно. 16 декабря 1918 г. руководитель Донбюро А. Френкель доложил политотделу Южного фронта, что Донбюро организовало комитеты партии в Ростове, Таганроге и ряде других населенных пунктов Дона. На места отправлено около 120 тыс. руб., полученных «от ЦК РКП и ЦК Украины» [12, с. 214–217].

Женщины – члены Донского комитета были прикреплены к округам: к Таганрогскому Елена Езерская, к Новочеркасскому Мария Малинская, на Шахты, Сулин и Миллерово была послана Ольга Горбачик (Минская) [19, с. 127].

Биографии всех женщин – членов Донкома выяснить не удалось. Есть неполные данные о четырех:

Гордон Ревекка (Анна) Михайловна (1898–1939), член партии с 1915 г., после Октябрьской революции работала с Р.С. Землячкой в Москве, затем в оккупированном немцами Чернигове. В Ростове выполняла обязанности секретаря подпольного Ростово-Нахичеванского комитета партии. Осенью 1919 г. ее, заболевшую сыпным тифом, переправили на советскую территорию [8].

Малинская Мария Иосифовна (1897, Варшава – 31.03.1942, Омск), полька, юрист леспромхоза г. Тары, арестована 23 июля 1941 г., осуждена по статье 58–10 УК РСФСР, расстреляна. Реабилитирована 11 октября 1956 г. [20].

Езерская-Вольф Романа Давыдовна (парт. псевд. «Елена») (1899–11.12.1937). Член партии с 1917 г. Родилась в Варшаве С 1921 г. в ВЧК – секретарь Президиума ВЧК. Коллегии ГПУ, уполномоченный Юридического отдела. После партийной дискуссии 1923 г. за поддержку троцкистской оппозиции была уволена из ГПУ. Затем на подпольной работе в Польше – секре-

тарь окружного комитета КПП. В 1926 г. была арестована. В 1932 г. освобождена. По возвращении в Москву училась в Международной ленинской школе, с 1934 г. работала в Париже (в польском представительстве при ФКП) и Москве (референт представительства КПП при Исполкоме Коминтерна). Арестована. Расстреляна по приговору ВКВС 11 декабря 1937 г. Реабилитирована [17].

Горбачик-Минская Ольга Ефимовна (1898–10.06.1938) русская, жительница: Москва. Арест: 1936 Осужд. 1938.05.11 тройка при УНКВД по ДС. Обв. контрреволюционная троцкистская деятельность Расстр. 1938.06.10 Реаб. май 1956 [2].

Работа по внедрению своей агентуры в белогвардейские структуры шла успешно. Как считает Н.С. Кирмель, «отсутствие системы подбора кадров, коррупция во всех эшелонах власти способствовали проникновению в белогвардейские органы безопасности авантюристов, мошенников, жуликов, промышлявших шпионажем личностей, зачастую являвшихся агентами нескольких спецслужб» [15, с. 191–192].

Руководитель комитета А.Е. Васильев-Шмидт писал в своих воспоминаниях, что подпольщики «повсюду в важных местах имели своих людей. Мы посылали их писарями в штабы, даже на радиостанции были наши люди» [4, с. 162]. Некоторые агенты, засланные в белые штабы, стали впоследствии очень известными людьми. О. Шатуновская вспоминала: «В Ростове жил тогда Марк Выгодский, он работал стенографом в деникинской канцелярии и все передавал нашим» [21, с. 108].

Марк Яковлевич Выгодский (2 октября 1898, Минск – 26 сентября 1965, Пятигорск) – советский математик, доктор физико-математических наук (1938), профессор МГУ им. М.В. Ломоносова (1931–1948)... Автор целого ряда учебников и справочников по математике, один из основателей советской историко-математической школы, переводчик сочинений Кеплера, Монжа, Эйлера. Участник революционного движения, действительно был заслан в штаб белых [10].

Сведения, добытые подпольщиками, были очень ценными. Советская агентурная

разведка, засевшая во временном штабе Донской армии в г. Калединске (Миллерово), предупредила главное командование Красной армии о готовившемся втором рейде Мамонтова [5, с. 85]. 22 сентября (5 октября), как явствует из опубликованных документов, главным Красной армии телеграфно обсуждал с командованием Юго-Восточного фронта попавшую им в руки директиву командования белой Донской армии о наступлении [11, с. 512].

Советское командование располагало сведениями, которые менялись каждый день, и получить их можно было либо по рации, либо по телеграфу. Так, в феврале 1920 г., во время боев на левом берегу Дона, по воспоминаниям одного из командиров красных кавалеристов, его колонна шагом вышла из окружения прямо перед колонной белых казаков, поскольку красное командование знало ежедневно меняющиеся пароль и отзыв противника [3, с. 218].

Однако большая часть сведений передавалась с курьерами. «Обязанности курьеров выполняли главным образом женщины» [18, с. 172]. Участница подполья О.Ф. Ильина (она же курьер) называет в своих воспоминаниях этих курьеров – Грекова (Ивановна), Лида Шаблиевская, Лида Попова (Мотя), Лида Тимофеева, Муза Абраменко, Лиза Воронина, Таня Козлова [14, с. 174]. Связано это было с тем, что ростовский генерал-губернатор генерал-лейтенант П.К. Семенов позволил женщинам «временно или совсем покидающим Ростов-на-Дону» не брать разрешительных выездных свидетельств [19, с. 314].

16 (29) апреля новочеркасские подпольщики под руководством М.И. Малинской взорвали ферму железнодорожного моста между Новочеркасском и Аксаем.

В мае 1919 г. подпольные организации в Ростове, Таганроге и Новочеркасске, а затем и в Екатеринодаре были провалены.

Это было связано с тем, что в мае 1919 г. контрразведка Кавказской Добровольческой армии захватила в Ростове подпольную типографию газеты «Донская беднота» и подпольный комитет на конспиративной квартире.

Однако женщины-разведчицы уцелели: «обладавшей большой смелостью Малинской удалось бежать из контрразведки» [14, с. 175], после чего Мария Карагодская, Елена Езерская,

Мария Малинская выехали из города и ушли за линию фронта. «Неуловимая Анна Гордон, разыскиваемая агентами контрразведки, продолжала работать. И только осенью в сопровождении Моти Поповой она также перешла через фронт на советскую территорию» [14, с. 178].

Вскоре разведывательная сеть была восстановлена. «В июне-июле по заданию Донбюро РКП(б) в Ростов приезжали Валя Черкесова и Лидия Шаблиевская. Затем для постоянной работы в подполье прибыли Мария Богуславская, Женя Листопад, Люба Степняк, Аня Шаинская. Все они влились в местные организации... Женя Листопад была введена в состав комитета» [14, с. 178–179].

Осенью 1919 г. контингент Донского комитета изменился. По воспоминаниям О.Г. Шатуновской в октябре 1919 г. «на заседании Донского комитета присутствовали его члены: Андрей (Васильев) Шмидт, Роберт (Пивоваров), Вольмер, Ольга Минская, Ирина (Агаджанова), Михаил (Механик)» [21, с. 419]. Ольга Минская (Горбачик) осенью 1919 практически стояла во главе Донского комитета.

Подпольщица О.Г. Шатуновская, пробиравшаяся осенью 1919 г. из Закавказья через Ростов в Москву, вспоминала: «В Ростове была еще неприятная история. Я присутствовала на заседании, где разбирался вопрос о причинах участвовавших провалов разных мероприятий. В организацию, очевидно, проник предатель. Заподозрили молодую красивую женщину, присланную в Ростов из Москвы. Она служила в штабе одной из частей деникинской армии и для отвода глаз даже стала любовницей одного офицера. Передавала, рискуя жизнью, ценные сведения о военных действиях, о намечаемых передвижениях частей... Руководительница подпольной организации решила, что эта женщина одновременно работает и на деникинцев. Не вызвав ее, не допросив, заочно ей вынесли смертный приговор как предателю и по настоянию этой руководительницы привели в исполнение. Один из товарищей рассказал мне подробности убийства. Особенно я была поражена, увидев одну из членов организации в платье покойной. Я не скрыла своего удивления и получила упрек в интеллигентской бесхребетности... Позже в Москве я узнала, что обвинение в предательстве было

ошибкой, убита была смелая преданная коммунистка» [21, с. 108]. И далее О.Г. Шатуновская рассказала о реакции на это событие в Москве: «Будучи на приеме в ЦК РКП(б) у тов. Стасовой, я по ее просьбе рассказала о деле разведчицы Афанасьевой и ее судьбе в связи с решением Донского подпольного комитета... Тов. Стасова пришла в крайнее негодование и выразила полную уверенность в преданности Афанасьевой и в том, что вина ее гибели ложится на секретаря Донского комитета Ольгу Минскую. Тов. Стасова тогда же распорядилась об отзыве Минской из Ростова. Я еще была в Москве, когда Ольга Минская туда прибыла. Мне известно, что вместо нее секретарем Донского комитета была послана Женя Листопад» [21, с. 419].

Воспоминания А.Е. Васильева-Шмидта о подполье завершаются сценой, как он и Женя Листопад отправились встречать наступающих буденовцев – «Радостно бежим к ним, говорим, кто мы такие, показываем наши мандаты» – и затем под прикрытием двух эскадронов провели первое открытое заседание комитета в занятом большевиками Ростове-на-Дону [4, с. 167].

Результаты исследования показывают, что в условиях гражданской войны, протекавшей в своеобразном казачьем регионе, где большинство населения было на стороне белых, большевистское руководство в разведывательной и подпольной работе сделало ставку на особый женский контингент, прибывший на Дон со стороны и разместившийся в полиэтническом, недавно включенном в состав области городе. Учитывалось пренебрежительное отношение противника к женщинам. Ограниченное количество примеров показывает, что женщины-подпольщицы оказались хорошими организаторами, ради получения информации они могли вступить в близкие отношения с интересующими их представителями противника, применяли свои «чары» для завлечения и уничтожения белых офицеров и безжалостно, без разбирательств, убивали в своей среде того, кого заподозрили в измене.

Командование большевиков начало использовать подобный «контингент» организованно – создало целую разведывательную сеть, сыгравшую большую роль в гражданской войне на Дону и в целом на Юге России.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Арест Елены Зявкиной // Приазовский край. 1918. № 43. 11 (24) мая. С. 3.
2. Бессмертный барак. URL: <https://bessmertnybarak.ru/books/person/523985>
3. Боевой путь блинцев: история боев и походов 5-й Ставропольской им. тов. Блинова кавалерийской дивизии. 1919–1929. Ставрополь: Северный Кавказ, 1930. 235 с.
4. Васильев-Шмидт А. Е. Время, полное тревог // Героическое подполье. В тылу деникинской армии. Воспоминания. М.: Политиздат, 1975. С. 160–167.
5. Венков А. В. Антисоветские органы разведки и контрразведки на Дону в 1918–1919 годы // Известия вузов. Северо-Кавказский регион. Общественные науки. 2018. № 1. С. 84–95.
6. Венков А. В. Атаман Краснов и Донская армия в 1918 г. М.: Вече, 2008. 480 с.
7. Героическое подполье. В тылу деникинской армии. Воспоминания. М.: Политиздат, 1975. 416 с.
8. Гонтмахер М. А. Евреи на донской земле. История. Факты. Биографии. URL: <http://libed.ru/knigi-nauka/146799-9-ma-gontmaher-evrei-donskoy-zemle-istoriya-fakti-biografii-izdanie-vtoroe-ispravlennoe-dopolnennoe-avtor-serd.php>
9. Дело по судебным органам Донского правительства // Архив Управления Федеральной службы безопасности по Ростовской области (Архив УФСБ РО). Д. П-63162. Т. 1. 256 л.
10. Демидов С. С., Петрова С. С., Токарева Т. А. Марк Яковлевич Выгодский – математик, историк математики и педагог (к 50-летию со дня смерти) // Чебышевский сборник. Т. 16, вып. 4. С. 319–346.
11. Директивы главного командования Красной Армии. М.: Воениздат, 1969. 884 с.
12. Документы героических лет. 1917–1920 гг. Ростов н/Д: Ростиздат, 1987. 334 с.
13. Допрос И. Витляцера // Архив УФСБ РО. Д. П-53378. Т. 1. Л. 12–20.
14. Ильина О. Ф. Наши героини // Героическое подполье. В тылу деникинской армии. Воспоминания. М.: Политиздат, 1975. С. 174–179.
15. Кирмель Н. С. Спецслужбы белого движения. 1918–1922. М.: Вече, 2013. 400 с.
16. На страже отечества. Документы, воспоминания, очерки. Ростов н/Д: Юг: ТОО «Вив», 1998. 248 с.
17. Расстрелянное поколение. 1937-й и другие годы. URL: <http://1937god.info/node/205>
18. Романов Е. В. Боевой отряд рабочего класса // Героическое подполье. В тылу деникинской армии. Воспоминания. М.: Политиздат, 1975. С. 168–173.

19. Селезнев Ю. Кракелюр парсун (компаратив). Ростов н/Д: [б. и.], 2007. 553 с.
20. Списки жертв. URL: <http://ists.memo.ru/d21/f271.htm>
21. Шатуновская О. Г. Об ушедшем веке. Рассказывает Ольга Шатуновская. La Jolla (Calif.): DAA Books, 2001. 470 с.

REFERENCES

1. Arrest Eleny Zyavkinoy [The Arrest of Elena Zyavkina]. *Priazovskij kraj* [Azov Region], 1918, no. 43, May 11 (24), p. 3.
2. *Bessmertnyj barak* [The Immortal Shack]. URL: <https://bessmertnybarak.ru/books/person/523985>
3. *Boevoy put blinovcev: istoriya boev i pohodov 5-j Stavropolskoj im. tov. Blinova kavalerijskoj divizii. 1919–1929* [The Battle Path of the Blinovites: The History of Battles and Campaigns of the 5th Stavropol Region Blinov Cavalry Division. 1919–1929]. Stavropol, Severnyj Kavkaz Publ., 1930. 235 p.
4. Vasiliev-Schmidt A.E. *Vremya, polnoe trevog* [Time Full of Worries]. *Geroicheskoe podpolye. V tylu denikinskoj armii. Vospominaniya* [The Heroic Underground. In the Rear of Denikin's Army. Memoirs]. Moscow, Politizdat, 1975, pp. 160–167.
5. Venkov A.V. *Antisovetskie organy razvedki i kontrrazvedki na Donu v 1918–1919 gody* [Anti-Soviet Intelligence and Counterintelligence Agencies on the Don in 1918–1919]. *Izvestiya vuzov. Severo-Kavkazskij region. Obshchestvennye nauki* [News of Universities. The North Caucasus Region. Social Sciences], 2018, no. 1, pp. 84–95.
6. Venkov A.V. *Ataman Krasnov i Donskaya armiya v 1918 g.* [Ataman Krasnov and the Don Army in 1918]. Moscow, Veche Publ., 2008. 480 p.
7. *Geroicheskoe podpolye. V tylu denikinskoj armii. Vospominaniya* [The Heroic Underground. In the Rear of Denikin's Army. Memoirs]. Moscow, Politizdat, 1975. 416 p.
8. Gontmacher M.A. *Evrei na donskoj zemle. Istoriya. Fakty. Biografii* [Jews on the Don Land. History. Evidence. Biographies]. URL: <http://libed.ru/knigi-nauka/146799-9-ma-gontmaher-evrei-donskoy-zemle-istoriya-fakti-biografii-izdanie-vtoroe-ispravlennoe-dopolnennoe-avtor-serd.php>
9. *Delo po sudebnym organam Donskogo pravitelstva* [The Case of the Judicial Authorities of the Don Government]. *Arhiv Upravleniya Federalnoj sluzhby bezopasnosti po Rostovskoj oblasti (Arhiv UFSB RO)* [Archive of the Office of the Federal Security Service for the Rostov region], d. P-63162, vol. 1. 256 l.
10. Demidov S.S., Petrova S.S., Tokareva T.A. Mark Yakovlevich Vygodskij – matematik, istorik matematiki i pedagog (k 50-letiyu so dnya smerti)

[Mark Vygodsky – Mathematician, Historian of Mathematics and Teacher (On the 50th Anniversary of His Death)]. *Chebyshevskij sbornik* [Chebyshev Collection], vol. 16, iss. 4, pp. 319-346.

11. *Direktivy glavnogo komandovaniya Krasnoj Armii* [Directives of the Main Command of the Red Army]. Moscow, Voenizdat, 1969. 884 p.

12. *Dokumenty geroicheskikh let. 1917–1920 gg.* [Documents of the Heroic Years. 1917–1920]. Rostov-on-Don, Rostizdat, 1987. 334 p.

13. Dopros I. Vitlyacera [Interrogation of I. Witlacher]. *Arhiv UFSB RO* [Archive of the Office of the Federal Security Service for the Rostov Region], d. P-53378, vol. 1, l. 12-20.

14. Ilina O.F. Nashi geroini [Our Heroines]. *Geroicheskoe podpolie. V tylu denikinskoj armii. Vospominaniya* [The Heroic Underground. In the Rear of Denikin's Army. Memoirs]. Moscow, Politizdat, 1975, pp. 174-179.

15. Kirmel N. *Specsluzhby belogo dvizheniya. 1918–1922* [The Secret Services of the White Movement. 1918–1922]. Moscow, Veche Publ., 2013. 400 p.

16. *Na strazhe otechestva. Dokumenty, vospominaniya, ocherki* [On Guard of the Fatherland. Documents, Memoirs, Essays]. Rostov-on-Don, Izd-vo «Yug», TOO «ViV», 1998. 248 p.

17. *Rasstrelyannoe pokolenie. 1937-j i drugie gody* [The Executed Generation. 1937 and Other Years]. URL: 1937god.info/node/205

18. Romanov E.V. Boevoy otryad rabocheho klassa [Battle Group of the Working Class]. *Geroicheskoe podpolie. V tylu denikinskoj armii. Vospominaniya* [The Heroic Underground... In the Rear of Denikin's Army. Memoirs]. Moscow, Politizdat, 1975, pp. 168-173.

19. Seleznev Yu. *Krakelyur parsun (komparativ)* [Craquelure Parsuna (Comparative)]. Rostov-on-Don, s.n., 2007. 553 p.

20. *Spiski zhertv* [Lists of Victims]. URL: <http://ists.memo.ru/d21/f271.htm>

21. Shatunovskaya O.G. *Ob ushedshem veke. Rasskazyvaet Olga Shatunovskaya* [About the Past Century. Narrated by Olga Shatunovskaya]. La Jolla, DAA Books, 2001. 470 p.

Information About the Authors

Andrey V. Venkov, Doctor of Sciences (History), Professor, Chief Researcher, Laboratory of the Cossacks, Federal Research Centre the Southern Scientific Centre of the Russian Academy of Sciences, Chekhov St, 41, 344006 Rostov-on-Don, Russian Federation, andrey_venk@rambler.ru, <https://orcid.org/0000-0002-4455-2822>

Hamitbi B. Mamsirov, Doctor of Sciences (History), Professor, Kabardino-Balkarian State University named after H.M. Berbekov, Chernyshevskogo St, 173, 346000 Nalchik, Russian Federation, mamsirhb@mail.ru, <https://orcid.org/0009-0000-8822-4532>

Информация об авторах

Андрей Вадимович Венков, доктор исторических наук, профессор, главный научный сотрудник лаборатории казачества, Федеральный исследовательский центр Южный научный центр РАН, ул. Чехова, 41, 344006 г. Ростов-на-Дону, Российская Федерация, andrey_venk@rambler.ru, <https://orcid.org/0000-0002-4455-2822>

Хамитбий Борисович Мамси́ров, доктор исторических наук, профессор, Кабардино-Балкарский государственный университет им. Х.М. Бербекова, ул. Чернышевского, 173, 346000 г. Нальчик, Российская Федерация, mamsirhb@mail.ru, <https://orcid.org/0009-0000-8822-4532>



ВТОРАЯ МИРОВАЯ И ВЕЛИКАЯ ОТЕЧЕСТВЕННАЯ ВОЙНЫ

DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2024.3.8>

UDC 355.425.4:356.251(47)«1941/1944»
LBC 67.401.212:63.3(2)622.5



Submitted: 09.07.2023

Accepted: 10.12.2023

“ALONG THE LINE OF THE 4th DEPARTMENT”: THE ROLE OF THE SECURITY OFFICER VASILY TALYSHEV IN THE LEADERSHIP OF THE PARTISAN UNDERGROUND RESISTANCE ON THE TERRITORY OF THE OCCUPIED CRIMEA IN 1941–1944

Vyacheslav A. Ivanov

Crimean University of Culture, Arts and Tourism, Simferopol, Russian Federation

Abstract. *Introduction.* The article examines the role and contribution of the senior commissioner of the special department and chief of intelligence of the partisans of the Crimean ASSR, Senior Lieutenant of the Navy of the Soviet Union Vasily Talyshev (1918–1996), to the organization of the partisan underground movement in the territory of Crimea during the Great Patriotic War. *Methods and materials.* The research is based on historical-biographical, historical-chronological, and historical-comparative methods. The publication is based on unique previously unpublished sources introduced into scientific circulation for the first time: the funds of the Archival Department (municipal archive) of the Administration of the city of Alushta; the State Archive of the Republic of Crimea; the Archive of the city of Sevastopol; as well as materials of the periodical press of the Crimea. *Analysis.* In the fight against the Nazi invaders, the anti-fascists of Crimea faced a number of obstacles: German and Romanian troops, their intelligence structures, and relying on specially created auxiliary formations from local collaborators who actively opposed the Soviet patriots. In the person of V.P. Talyshev, the enemy special services met an experienced opponent who often anticipated their planned secret operations. In addition to carrying out operational work as a scout and operational commissioner of the Special Department of the Partisan Command of the Crimean ASSR, he planned and carried out combat and sabotage actions. *Results.* The author concludes that, despite the severity of life in the partisan forest, V.P. Talyshev demonstrated a high level of professionalism, dedication to duty, and responsibility. His area of expertise included the following activities: 1) conducting intelligence work in the ranks of the partisans of Crimea; 2) maintaining military discipline and preventing violations of law and order among the “people’s avengers”; 3) operational and investigative work; 4) development of a number of combat operations of the Crimean partisans; 5) participation in combat operations behind enemy lines; 6) coordination of the activities of some underground patriotic groups of the Crimea.

Key words: Great Patriotic War, Crimea, state security agencies, special department, partisans, underground workers, Vasily Talyshev.

Citation. Ivanov V.A. “Along the Line of the 4th Department”: The Role of the Security Officer Vasily Talyshev in the Leadership of the Partisan Underground Resistance on the Territory of the Occupied Crimea in 1941–1944. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 4. Istoriya. Regionovedenie. Mezhdunarodnye otnosheniya* [Science Journal of Volgograd State University. History. Area Studies. International Relations], 2024, vol. 29, no. 3, pp. 82–97. (in Russian). DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2024.3.8>

УДК 355.425.4:356.251(47)«1941/1944»
ББК 67.401.212:63.3(2)622.5

Дата поступления статьи: 09.07.2023

Дата принятия статьи: 10.12.2023

**«ПО ЛИНИИ 4-го ОТДЕЛА»:
РОЛЬ ЧЕКИСТА ВАСИЛИЯ ПАВЛОВИЧА ТАЛЫШЕВА
В РУКОВОДСТВЕ ПАРТИЗАНСКО-ПОДПОЛЬНОГО СОПРОТИВЛЕНИЯ
НА ТЕРРИТОРИИ ОККУПИРОВАННОГО КРЫМА В 1941–1944 ГОДАХ**

Вячеслав Александрович Иванов

Крымский университет культуры, искусств и туризма, г. Симферополь, Российская Федерация

Аннотация. *Введение.* В статье рассматриваются роль и вклад старшего уполномоченного особого отдела и начальника разведки партизан Крымской АССР, старшего лейтенанта Военно-морского флота Советского Союза Василия Павловича Талышева (1918–1996 гг.) в организацию партизанско-подпольного движения на территории Крыма в годы Великой Отечественной войны. *Методы и материалы.* Основой исследования стали историко-биографический, историко-хронологический и историко-сравнительный методы. Публикация основана на уникальных, ранее не опубликованных источниках, впервые вводимых в научный оборот: фондов Архивного отдела (муниципального архива) Администрации города Алушты; Государственного архива Республики Крым; Архива города Севастополя, а также материалов периодической печати Крыма. *Анализ.* Антифашисты Крыма в борьбе с гитлеровскими захватчиками столкнулись с целым рядом препятствий: германскими и румынскими войсками, их разведывательными структурами, опирающимися на специально созданные вспомогательные формирования из местных коллаборационистов, активно противостоящих советским патриотам. В лице В.П. Талышева вражеские спецслужбы встретили опытного противника, который часто предугадывал запланированные ими секретные операции. Помимо проведения оперативной работы в качестве разведчика и оперативного уполномоченного Особого отдела партизанского командования Крымской АССР, он планировал и осуществлял боевые и диверсионные акции. *Результаты.* Автор приходит к выводу, что, несмотря на всю тяжесть жизни в партизанском лесу, В.П. Талышев продемонстрировал высокий уровень профессионализма, преданность долгу и ответственность. В сферу его компетенций входило проведение следующих мероприятий: 1) ведение разведывательной работы в рядах партизан Крыма; 2) поддержание воинской дисциплины и предупреждение нарушений правопорядка среди «народных мстителей»; 3) оперативно-следственная работа; 4) разработка ряда боевых операций крымских партизан; 5) участие в боевых операциях в тылу врага; 6) координация деятельности некоторых подпольно-патриотических групп Крыма.

Ключевые слова: Великая Отечественная война, Крым, органы госбезопасности, особый отдел, партизаны, подпольщики, Василий Павлович Талышев.

Цитирование. Иванов В. А. «По линии 4-го отдела»: роль чекиста Василия Павловича Талышева в руководстве партизанско-подпольного сопротивления на территории оккупированного Крыма в 1941–1944 годах // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 4, История. Регионоведение. Международные отношения. – 2024. – Т. 29, № 3. – С. 82–97. – DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2024.3.8>

Введение. Вопросы о вкладе в победу в Великой Отечественной войне представителей советских органов госбезопасности, сходстве и различиях между партизанской и подпольной формами антифашистской борьбы, деятельности оперативных спецгрупп НКВД – НКГБ СССР на территории оккупированного Крыма в 1941–1944 гг. в отечественной историографии до сих пор недостаточно изучены. На наш взгляд, это объясняется следующими факторами:

– во-первых, вплоть до начала 1990-х гг. эта тема являлась закрытой для большинства

исследователей по причине недоступности архивных фондов;

– во-вторых, так как Крымская область в 1991 г. после распада Советского Союза оказалась в составе независимой Украины, то украинская национальная историография освещала деятельность советских органов госбезопасности исключительно в отрицательных тонах. Она демонизировала образ чекиста, а само государство представляла, как своего рода «империю зла». О героическом вкладе сотрудников советских органов госбезопасности украинская национальная историография

предпочитала умалчивать. В основном акцентировалось внимание на карательно-репрессивном аспекте (в контексте Крыма, в частности, писалось о принудительных депортациях и перемещениях населения в 1941–1942 гг. и 1944 г., тогда как о героической борьбе чекистов против нацистской и румынской разведки практически ничего не упоминалось);

– в-третьих, даже после воссоединения Крыма с Россией в 2014 г. тема сотрудничества советских органов госбезопасности с партизанско-подпольным движением Сопротивления еще не стала предметом специального монографического исследования. Причиной этого является как затруднительный доступ к архивным материалам, так и отсутствие в Крыму необходимого количества квалифицированных специалистов по данной проблеме.

В условиях ревизии результатов войны и наличия в информационном пространстве псевдонаучных публикаций о событиях оккупации вопрос о сохранении исторической правды является весьма актуальным. Особое значение имеет введение в научный оборот новых фактов, основанных на исторических документах. В данной статье детально рассмотрены различные аспекты деятельности В.П. Талышева в организации партизанско-подпольного сопротивления, показан его личный вклад в руководство партизанским движением. Автору удалось получить доступ к уникальным материалам из фондов Архивного отдела (муниципального) архива Администрации г. Алушты, Государственного архива Республики Крым, Архива г. Севастополя, хранилищ Евпаторийского краеведческого музея.

Методы и материалы. На сегодняшний день роль советских органов госбезопасности в управлении и руководстве партизанско-подпольным движением является недостаточно изученной проблемой. По истории Сопротивления в Крыму написано немало работ, среди которых можно выделить Е.Н. Шамко [54], В.М. Брошевана [4], Е.Б. Мельничука [24], В.Е. Полякова [28], С.Н. Ткаченко, С.А. Терехова, А.Ю. Бутовского [46; 47]. Некоторые аспекты борьбы нацистских оккупантов против советских партизан освещены в монографии О.В. Романько [31]. Партизанское движение на территории Крыма является предметом исследования и севастопольского кра-

евода А.В. Неменко [26]. В конце 1990 – начале 2000-х гг. определенный интерес к теме антифашистской борьбы в Крыму проявляли также украинские исследователи – Н.Н. Турба (Одесса) [48] и Е.Г. Горбуров (Николаев) [10]. Однако их работы несут в себе элемент предвзятости и скептического отношения к роли сотрудников советских органов госбезопасности.

В отечественной историографии начала 2000-х гг. значительный вклад в изучение деятельности органов НКВД – НКГБ СССР в борьбе Крыма в годы Великой Отечественной войны внесли российские военные историки спецслужб: К.Э. Безродный [2], А.А. Зданович [14; 15; 16], А.Ю. Климов, И.А. Потёмкин, А.С. Сальников [19], С.В. Бунин, Ю.А. Марценюк, А.С. Беркутов, А.А. Климов, А.С. Ченцов [5; 6; 7], А.Ю. Попов [29; 30], В.С. Христофоров [52; 53]. В своих исследованиях, посвященных вкладу органов госбезопасности в победу над гитлеровскими захватчиками, они уделяют ряд страниц Крымскому полуострову как важной арене противостояния советских, нацистских и румынских спецслужб. Книги и статьи данных ученых опираются на солидный пласт неопубликованных источников из фондов Центрального архива (ЦА) Министерства обороны Российской Федерации и Центрального архива (ЦА) Федеральной службы безопасности Российской Федерации, до сих пор не доступных широкому ряду исследователей по причине секретности [2, с. 23; 52, с. 6–7]. И все же специальных работ по оперативно-чекистской деятельности сотрудников НКВД СССР и Крымской АССР по руководству партизанско-подпольным Сопротивлением крайне мало [15]. Это объясняется прежде всего тем, что ученые используют архивные документы, где представлены обобщенные данные. Информация по конкретным персоналиям и их роли в антифашистском Сопротивлении в Крыму в 1941–1944 гг. [47] представлена либо схематично, либо отсутствует, поскольку она содержится в архивных учреждениях Крыма (г. Севастополь) и Украины (г. Киев).

Источниковая база исследования представлена несколькими группами материалов: в первую очередь это личный фонд В.П. Талышева (22 дела), хранящийся в Архивном

отделе (муниципальном архиве) Администрации города Алушты, фонды Государственного архива Республики Крым, Архива города Севастополя и материалы периодической печати Крымского полуострова, в которых публиковались воспоминания сотрудников советских органов госбезопасности. Изученные документы представляют собой отчеты, характеристики, воспоминания, справки, фотографии и пр., что позволяет реконструировать не только обстоятельства жизни героя, но и события антифашистской борьбы в 1941–1944 гг. на территории полуострова. Весьма информативными являются воспоминания товарищей В.П. Талышева, которые раскрывают особенности партизанско-подпольной борьбы и его роль в ней. Представленная статья базируется на принципах исторического подхода, историзме, объективности и системности. Историко-биографический и историко-хронологический методы позволяют изучить жизненный путь и результаты деятельности В.П. Талышева в период Великой Отечественной войны. Историко-сравнительный метод помогает проанализировать общие и отличительные черты дискурса российской и украинской историографии при освещении вклада сотрудников госбезопасности в антифашистскую борьбу в Крыму в годы войны.

Анализ. Василий Павлович Талышев (рис. 1) родился 24 декабря 1918 г. в с. Старо-Захаркино Шемышейского района Пензенской области в многодетной крестьянской семье (в семье было 5 детей, из них 3 сестры и 2 брата). После победы советской власти и начала социалистических преобразований Талышевы вступили в колхоз. В 1932 г. Василий закончил 7 классов и поступил в Пензенский индустриальный техникум, где получил специальность техника машиностроения. В 1935 г. он поехал устраиваться на работу в г. Мурманск и поступил на службу в органы государственной безопасности, в которых работал оперативным сотрудником областного уголовного розыска НКВД до 1939 г. [3, л. 1].

14 мая 1939 г. В.П. Талышев был призван в Красную Армию и направлен служить в г. Севастополь на крейсер «Червона Украина». Уже в ноябре 1940 г. он становится главным старшиной на эсминце «Фрунзе». На данном посту Василий Павлович находился до

августа 1941 года. После начала Великой Отечественной войны В.П. Талышев был назначен командиром пулеметного взвода 2-го батальона 7-й морской бригады и отправлен на боевые позиции советских войск на Перекопский перешеек [3, л. 1; 50, л. 1].

Прорыв немецко-румынскими войсками оборонительных позиций советской армии на Перекопском перешейке заставил ее отступить к Севастополю и Керчи. Часть, в которой служил В.П. Талышев, также отступила и, не имея возможности прорваться к Севастополю, присоединилась к партизанам.

С 8 ноября 1941 г. В.П. Талышев стал бойцом партизанского отряда, а 19 марта 1942 г. был назначен командиром взвода [3, л. 1]. Он сражался в рядах Евпаторийского партизанского отряда, состоявшего из 77 бойцов (на 8 октября 1941 г.). Через этот отряд прошло 136 человек, из которых евпаторийцев было 31 человек, остальные из армии [37, л. 122]. До 19 марта 1942 г. уполномоченным особого отдела НКВД Евпаторийского партизанского отряда являлся Натан Семенович Кобрин, впоследствии направленный по специальному заданию на установление связи с осажденным Севастополем [8, л. 138]. После 20 марта 1942 г. уполномоченным особого отдела НКВД Евпаторийского партизанского отряда назначили В.П. Талышева. Кроме того, он являлся начальником разведки Евпаторийского и 2-го отрядов 3-го района партизан Крыма [3, л. 1]. Командир отряда (с 10 марта по октябрь 1942 г. – В. И.) Даниил Филиппович Ермаков так писал о боевом друге: «За период своей работы т. Талышев во всех делах показал себя с хорошей стороны. Хороший товарищ!» [18, л. 9].

Условия тяжелой зимы 1941–1942 гг. не смогли разрушить единство крымских партизан, объединенных стремлением победить немецко-румынских захватчиков [9, л. 6]. Майор в отставке С. Мартынов о деятельности в этот период нашего героя писал следующее: «тов. Талышев В.П. ... умело организовывал разведработу и связь с населением временно оккупированных населенных пунктов Алуштинского, Бахчисарайского и Симферопольского районов» [50, л. 1].

В декабре 1941 г. по приказу командующего 11-й немецкой армией в Крыму Э. фон Манштейна начальником контрразведки фон

Ризеном был создан оперативный штаб по борьбе с партизанами. Руководителем одного из его отделов стал гауптштурмфюрер Вилли Генберг [34; 35; 41; 42]. Оперативный штаб по борьбе с партизанами осуществлял активную вербовку, подготовку и отправку агентов для уничтожения Сопротивления изнутри. Следует подчеркнуть, что на территории оккупированного Крыма немецкие спецслужбы действовали в тесной координации с румынскими. Генерал-лейтенанту Л. фон Альвенслебену подчинялась СД по Крыму и Северной Таврии. 6-й отдел СД возглавлял гауптман Бергер, организовавший целый ряд секретных операций нацистской разведки, начальником отдела СД являлся гауптштурмфюрер Пантельман, шефом полиции (криминальной полиции) – Боше, ортскомендантом – Криммель, шефом пропаганды – доктор Мауэрах (зондфюрер). Румынская контрразведка была представлена графом Келлером – подполковником, начальником румынской контрразведки в Крыму и его заместителями: Ионовичем (зондерфюрер, организатор и исполнитель) и Ионеску (полковник) [40, л. 8].

Особого внимания заслуживает эпизод, который продемонстрировал навыки В.П. Талышева как опытного контрразведчика в борьбе против нацистов. Главной задачей этой сложной и чрезвычайно опасной операции считалось введение в намеренное заблуждение командования 11-й германской армии.

В июне 1942 г. в распоряжение партизан пробился некто по имени Николай Мисюра. Он утверждал, что являлся бежавшим из нацистской неволи советским военнопленным, содержащимся в концлагере «Картофельный городок» (немецкое название пересыльного лагеря для советских военнопленных «Дулаг № 241». – В. И.) и желает сражаться в рядах крымских партизан. «К нам в партизанское соединение Мисюра пришел месяца два назад. Сказал, что сбежал из “картофельного городка”, – так назывался лагерь для военнопленных в пригороде Симферополя. Мы проверили. Действительно из лагеря для военнопленных был совершен побег. Мисюру зачислили в партизанский отряд. Стройный, красивый, удалой, Мисюра быстро притерся к партизанам. Умел он, когда нужно, и речь сказать, умел под настроение и песню завести. А в одну из безлунных ночей

батальон гитлеровских “охотников” искусно обошел партизанские посты и окружил землянки Симферопольского отряда. Только случайность спасла отряд от полного разгрома. Вывод напрашивается сам собой: кто-то сообщает о передвижениях партизан» [54]. Заподозрив, что Н. Мисюра является вражеским агентом, начальник 3-го партизанского района Крыма Георгий Леонидович Северский (рис. 4) приказал усилить бдительность и внимательно следить за «новоявленным партизаном». К тому времени тот имел достаточно большой опыт контрразведывательной деятельности, поскольку в 1933 г. служил в пограничных войсках на Кавказе [33].

Вскоре предатель был схвачен с поличным. «Мисюру поймали возле почтового ящика – древнего бука, стоявшего в ложбине у речушки с весенним названием Марта. В дупле этого бука, после тщательного обыска, нашли удостоверение. На бланке с черным орлом и свастикой было написано: «Настоящим удостоверяется, что Мисюра Николай работает по заданию немецкой части № 4740. Предоставить ему свободное передвижение. Оказывать помощь. Удостоверение действительно по 30 декабря 1942 года. Генберг, гауптштурмфюрер, руководитель воинской части № 4740» [35]. Над Н. Мисюрой устроили показательный суд и приговорили к смертной казни через расстрел, однако последующие события изменили это решение.

В том же месяце самолетом У-2 партизанам Крыма было срочно доставлено совершенно секретное донесение. «Вам приказано вручить совершенно секретный пакет. Не вскрывать. Инструкция во втором пакете», – сказал легчик, вручая плотный конверт с черными кружками сургучных печатей [35; 41; 42]. Суть дезинформации заключалась в том, что Красная Армия и Военно-Морской флот усилили высадку морских десантов в юго-восточном направлении Крымского полуострова, что означало бы атаку с тыла по германским войскам, готовившимся к штурму Севастополя. Детально в документе отмечалось следующее: «...В последующую ночь после получения от нас радиосигнала “Туман” на Ай-Петринской яйле и в координатах 52-94, 52-96 будут выброшены десанты парашютных частей армии. Одновременно в районах Семидворья, Алуш-

ты, Ялты начнется высадка морских десантов. Вам надлежит...». Далее обстоятельно указывалось, как партизаны должны были организовать прикрытие этих десантов и взаимодействие с ними [35; 39, л. 4].

Сразу возник вопрос, как доставить пакет? Вместе с комиссаром Василием Ивановичем Никаноровым и начальником особого отдела 3-го района партизанского движения Крыма Федором Афанасьевичем Якустиди [21, с. 75] Георгий Леонидович Северский решил использовать в проведении боевой операции бывшего рецидивиста и нацистского агента Н. Мисюру, предоставив ему возможность «кровью смыть позор» [39, л. 4–5]. По имеющимся у партизан сведениям, между Симферополем и Алуштой располагался вражеский гарнизон, вокруг которого находились дежурные патрули [35; 39, л. 4–5; 41].

Привести Николая Мисюру на место проведения разведывательной операции поручили Александру Махневу (начальнику штаба Евпаторийского партизанского отряда, будущему партизанскому командиру. – В. И.) [21, с. 73], политруку Ивану Тищенко, начальнику разведки партизанского отряда Василию Павловичу Талышеву и двум морякам из морской пехоты Осипова – Василию Сыпченко [42]. «Кроме командира, в группу входили еще четыре человека: испытанные боевые соратники, которым я верил, как самому себе, – разведчик Талышев, у которого на плечах висело два автомата – ПППШ и немецкий, политрук Тищенко и два моряка из знаменитого полка морской пехоты Осипова. Они пришли к нам еще осенью сорок первого, вырвавшись из вражеского окружения. Крепкие, похожие друг на друга флотской лихостью и выправкой, парни доказали в боях, что на них можно положиться» [22, с. 93; 23, с. 97; 35; 41; 42].

В подкладку куртки Н. Мисюры разведчики зашили коленкорный пакет с пятью печатями, а в обшлаг гимнастерки, на старое место – удостоверение агента нацистской разведки, подписанное гауптштурмфюрером В. Генбергом. Замысел партизан состоял в том, чтобы подстроить побег провокатора с целью его дальнейшей ликвидации. Немцы, обыскав труп Н. Мисюры, обнаружили бы секретный пакет с пятью печатями, в котором была размещена дезинформация [39, л. 5–6].

По сигналу Талышева группа (четыре разведчика) поставила в центре провокатора Н. Мисюру, а сами разведчики спрятались неподалеку. Внезапно немецкий часовой услышал шум скрывающихся в лесу партизан и поднял тревогу. В.П. Талышев об этом вспоминал: «Для убедительности немцы должны были заметить нас первыми, первыми открыть огонь. И я пополз вперед – без опаски, с шумом. Даже камень пришлось столкнуть в кювет, чтобы привлечь внимание часового. Не слышит! Тут-то и полоснула автоматная очередь. Из домика стали выпрыгивать солдаты. Тогда Махнев подал команду: “Огонь!”, и мы тоже ввязались в перестрелку» [41].

Н. Мисюра, воспользовавшись замешательством, попробовал сбежать из партизанского надзора, однако за ним внимательно следили А.П. Махнев и В.П. Талышев, который убил его автоматной очередью [34; 35]. В воспоминаниях В.П. Талышева было написано: «Когда мы отстреливаясь (имеется в виду В.П. Талышев и А.П. Махнев. – В. И.), начали отходить, труп предателя лежал на дороге. В подкладке его куртки был зашит пакет с приказом из Севастополя» [39, л. 7; 41; 42].

В Крымской студии телевидения в г. Симферополе во время интервью 8 октября 1964 г. В.П. Талышев заметил, что для убедительности нужно было, чтобы гитлеровцы первыми обнаружили партизан [39, л. 7].

Данная боевая операция завершилась успешно. Спустя долгие годы об ее итогах поведал генерал-майор в отставке Андрей Игнатьевич Ковтун на встрече в клубе писателей в г. Симферополе. В частности, он отмечал, что партизаны справились с поставленной задачей: фальшивый «приказ» попал в руки гитлеровского командования, и оно поверило советской дезинформации [34; 35; 42]. Как видим, успешное выполнение задания по дезинформации противника дало некоторое время защитникам г. Севастополя для подготовки и отражения вражеского штурма [50, л. 1–2]. Непосредственные участники операции – А. Махнев и В. Талышев были награждены орденом Красного Знамени [22, с. 94; 23, с. 98].

Захват нацистскими войсками Севастополя в начале июля 1942 г. совпал с другой важнейшей битвой Второй мировой войны – Сталинградской. Этот период войны характе-

ризуется активизацией боевых действий подпольных организаций и групп [17, с. 247].

12–19 июля 1942 г. гитлеровцы провели против партизан операцию «Шварц Шаттен» («Черная тень»), к которой было привлечено свыше 20 тысяч человек. Однако благодаря действиям подполья и советской разведки к партизанам попала копия плана этой операции, и они, искусно маневрируя, вышли из-под удара карателей [1, л. 56; 9, л. 43–43 об.; 32, л. 60–62, 114–117, 148–149; 36; 38, л. 56; 54, с. 54–52].

Несмотря на то что партизан не удалось разгромить, положение их ухудшалось с каждым днем. Вследствие падения в июле 1942 г. Севастополя самолеты, ранее доставлявшие из него продукты и боеприпасы, прекратили свои полеты. Блокада леса обрекала партизан на вымирание [38, л. 28 об.]. Возникла срочная необходимость эвакуации обессиленных от голода, болезней раненных партизан [25; 38, л. 28 об.].

1 сентября 1942 г. Военный совет Северо-Кавказского фронта принял срочное постановление об эвакуации раненных и тяжелооболых партизан из Крыма. Разработкой плана по эвакуации и ее осуществлением занимался командующий фронтом Семен Михайлович Буденный [27, с. 203; 54, с. 66–68]. В октябре 1942 г. Военный совет Северо-Кавказского фронта назначил командующим партизанскими отрядами Крыма Г.Л. Северского [27, с. 204], под руководством которого стала проводиться эвакуация [12, л. 22]. В это время гитлеровцы усилили блокаду лесов полуострова, вследствие чего зимой 1942–1943 гг. в партизанских отрядах свирепствовал голод и ощущался значительный недостаток оружия и боеприпасов. Возникшая ситуация требовала принятия срочных и радикальных мер. В итоге Евпаторийский партизанский отряд был реорганизован, а В.П. Талышева перевели в 1-й сектор действия партизан Крыма [18, л. 6]. 27 октября 1942 г. его назначили уполномоченным особого отдела в 1/7 автономном отряде, где он находился до ноября 1943 года. Таким образом В.П. Талышев стал заместителем командира по разведке в 6-й бригаде Южного соединения партизан Крыма. Данное подразделение было создано указом Крымского штаба партизанского движения наряду с двумя другими – Северным и Восточным. Командиром Южного соединения являлся М.А. Македонский (рис. 6). Это соединение

было разделено на три бригады: в четвертую вошли 2-й, 6-й, 7-й и 11-й отряды; в шестую – 3-й, 4-й и 5-й; в седьмую – 1-й, 8-й, 9-й, 10-й и 12-й отряды. Командиром 4-й бригады стал Христофор Чусси (рис. 5), шестую возглавил Михаил Самойленко, седьмую – Леонид Вихман. Каждая бригада состояла из 900–1 000 партизан [21, с. 142–143; 22, с. 173; 23, с. 165].

В период своей чекистской деятельности В.П. Талышев возбудил несколько следственных дел в отношении карателей Симферопольского, Бахчисарайского и других районов Крыма в 1942–1943 годах. Пойманные им с поличным изменники Родины, согласно приговору партизанского командования, понесли заслуженное наказание за зверскую расправу над партизанами и населением временно оккупированных территорий Крымской АССР [51, л. 3].

В марте 1944 г. В.П. Талышев провел специальную операцию в деревне Керменчик (ныне д. Высокое Бахчисарайского района Республики Крым. – В. И.). Партизаны под его командованием расположились на ночлег, а утром отправились арестовывать четырех коллаборационистов, на которых указали местные жители. Но случилось непредвиденное. Деревню внезапно окружили гитлеровцы, и полиция попыталась задержать и уничтожить советских партизан. В.П. Талышев принял командование, сгруппировал людей и занял вместе с ними круговую оборону. В ходе боя партизанам удалось прорваться к своим. Они уничтожили двух вражеских солдат и взяли одного «языка», которого доставили на место дислокации в Азыпсырте (горный хребет на территории Бахчисарайского района Республики Крым. – В. И.) [46, с. 84].

8 апреля 1944 г. началось стремительное наступление советских войск на Перекопском перешейке. Преодолевая ожесточенное сопротивление противника, части Красной Армии (51-я и 2-я гвардейская армии) овладели Армянском, Джанкоем, Симферополем и Евпаторией, Бахчисараем и Судак. Одновременно удар наносился с территории Керченского полуострова: 11 апреля 1944 г. подразделения Отдельной Приморской армии освободили Керчь, 13 апреля – Феодосию и вошли в пределы Южного берега Крыма [11, л. 2].

14 апреля 1944 г. части Отдельной Приморской армии вступили в пределы Алуштин-

ского района. В операции по освобождению г. Алушты принимал участие чекист В.П. Талышев со своими бойцами [11, л. 3; 43].

Одновременно к Алуште подходили подразделения 383-й стрелковой дивизии 16-го корпуса Отдельной Приморской армии. Со стороны Ангарского перевала наступление вели подразделения 1135-го Сальского стрелкового полка и 26-й ордена Кутузова мотострелковой бригады 4-го Украинского фронта. Оборона противника была прорвана. Первыми в город ворвались танки во главе с майором Захаровым. В доме № 10 расположился штаб подвижного отряда [11, л. 3; 13, с. 65–66, 114; 20; 43; 45, с. 26]. Подразделения советских воинов устремились к центру города, который находился под контролем гитлеровцев. На Генуэзской улице (была переименована в улицу 15 апреля. – В. И.) советская артиллерия прямой наводкой была по портпункту, откуда противник пытался отплыть в Румынию и Болгарию. К полудню 15 апреля 1944 г. улицы г. Алушты были освобождены. Преследуя противника, советские войска устремились к г. Ялта [33]. В своих воспоминаниях В.П. Талышев описывает освобождение Алушты от немецко-румынских захватчиков: «А в городе царило ликование. На стволы пушек, что остывали на Генуэзской улице, легли ветки цветущего миндаля. Вся забитая людьми улица так и цвела флагами, улыбками, букетами первых весенних цветов. Были и горькие минуты: в центре Приморского парка у разрушенного гитлеровцами памятника комиссарам Республики Тавриды и на городском кладбище хоронили воинов, павших в боях за освобождение Алушты. В Приморском парке похоронены капитан Ф.Д. Пластун и лейтенант С.В. Бакшин» [43]. В освобожденной Алуште бывший начальник штаба Алуштинского партизанского отряда И. Купреев стал секретарем райкома партии, а В.П. Талышев в июне 1944 г. возглавил горисполком.

25 мая 1944 г. за заслуги в борьбе против нацистских захватчиков В.П. Талышев (рис. 2) был награжден почетным огнестрельным оружием системы «браунинг» за № 217806 Указом / 184 № 33, который подписал 1-й секретарь Крымского обкома ВКП(б), начальник Крымского штаба партизанского движения В.С. Булатов [49, л. 1].

Результаты. Таким образом, в данной статье представлен жизненный путь В.П. Талышева – одного из выдающихся сотрудников советских органов госбезопасности, старшего оперуполномоченного Особого отдела НКВД СССР Крымской АССР и координатора боевых операций подпольных групп. За время своей деятельности в данной структуре он приобрел значительный опыт оперативно-следственной работы, которая включала следующие аспекты:

- ведение разведывательной деятельности в рядах партизан Крыма с целью добычи и обработки информации о планах и действиях противника с дальнейшей передачей на Большую землю, обеспечение сохранности разведанных в обстановке строжайшей секретности с соблюдением режима конспирации;
- поддержание воинской дисциплины и предупреждение нарушений правопорядка среди партизан Крыма во время их пребывания в местах дислокации;
- выявление, обезвреживание и ликвидация представителей немецкой и румынской агентуры, внедряемых в ряды «народных мстителей» Крыма;
- разработка боевых операций совместно со штабом партизанской бригады Южного соединения партизан Крыма;
- участие в боевых операциях крымских партизан: диверсиях, подрывах, разрушениях вражеских баз, транспортных коммуникаций и средств связи, убийстве и пленении немецких, румынских солдат и офицеров, а также изменников Родины;
- координация деятельности подпольно-патриотических групп, действующих на Южном берегу Крыма.

Проявленное В.П. Талышевым (рис. 3) мужество и героизм были высоко отмечены советским руководством, которое наградило его различными орденами и медалями. После окончания Великой Отечественной войны В.П. Талышев возглавлял Алуштинскую секцию партизан и подпольщиков, объединившую к 1975 г. 80 человек. В ее состав входили бывшие командиры и комиссары отрядов, командиры и политруки взводов и боевых партизанских отрядов, а также участники подпольных организаций и групп, действовавших на территории Украинской ССР, Белорусской ССР и Российской Федерации [44].

ПРИЛОЖЕНИЕ



Рис. 1. В.П. Талышев (1918–1996 гг.). Предвоенный снимок (АО АГА. Ф. 78. Оп. 1. Д. 18.
Фотографии В.П. Талышева – индивидуальные и групповые)

Fig. 1. V.P. Talyshev (1918–1996). Pre-war photo. (АО АГА, f. 78, inv. 1, d. 18.
V.P Talyshev's photos – individual and group)

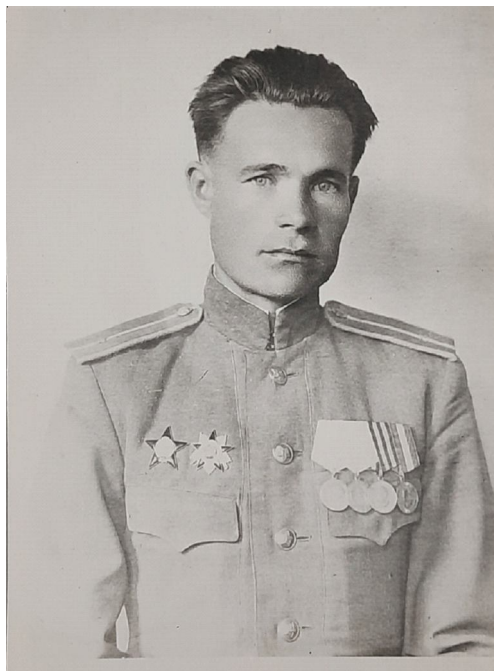


Рис. 2. В.П. Талышев (1918–1996 гг.). 1944 г. (АО АГА. Ф. 78. Оп. 1. Д. 18.
Фотографии В.П. Талышева – индивидуальные и групповые)

Fig. 2. V.P. Talyshev (1918–1996). 1944. (АО АГА, f. 78, inv. 1, d. 18.
V.P Talyshev's photos – individual and group)



Рис. 3. В.П. Талышев (1918–1996 гг.). Начало 1980-х гг. (АО АГА. Ф. 78. Оп. 1. Д. 18.
Фотографии В.П. Талышева – индивидуальные и групповые)

Fig. 3. V.P. Talyshev (1918–1996). Early 1980s. (AO AGA, f. 78, inv. 1, d. 18.
V.P. Talyshev's photos – individual and group)



Рис. 4. Г.Л. Северский (1909–1997 гг.). Подполковник – начальник 3-го партизанского района Крыма, заместитель А.В. Мокроусова, руководителя партизанским движением в Крыму.

В 1942 г. Г.Л. Северский возглавил Штаб партизанского движения Крыма (Официальный сайт Государственного каталога музейного фонда Российской Федерации.
URL: <https://goskatalog.ru/portal/#/collections?id=26537488>)

Fig. 4. G.L. Seversky (1909–1997). Lieutenant Colonel, head of the 3rd partisan region of Crimea, deputy of A.V. Mokrousov, leader of the partisan movement in Crimea.

In 1942, G.L. Seversky headed the headquarters of the Crimean partisan movement (Official website of the State Catalog of the Museum Fund of the Russian Federation.
URL: <https://goskatalog.ru/portal/#/collections?id=26537488>)



Рис. 5. Х.К. Чусси (1909–1973 гг.). Командир 4-й бригады Южного соединения партизан Крыма в 1941–1944 гг. (Официальный сайт Государственного каталога музейного фонда Российской Федерации. URL: <https://goskatalog.ru/portal/#/collections?id=32866484>)

Fig. 5. H.K. Chussi (1909–1973). Commander of the 4th Brigade of the Southern Unit of Crimean Partisans in 1941–1944 (Official website of the State Catalog of the Museum Fund of the Russian Federation. URL: <https://goskatalog.ru/portal/#/collections?id=32866484>)



Рис. 6. М.А. Македонский (1904–1971 гг.). Командир Южного соединения партизан Крыма в годы Великой Отечественной войны (URL: <https://goskatalog.ru/portal/#/collections?id=27760398>)

Fig. 6. M.A. Macedonsky (1904–1971). Commander of the Southern Unit of Crimean Partisans during the Great Patriotic War (URL: <https://goskatalog.ru/portal/#/collections?id=27760398>)

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Беседа с подполковником Северским Георгием Леонидовичем, в прошлом командиром 3-го района партизанских отрядов и заместителем командующего партизанского движения в Крыму и в дальнейшем зам. начальника Крымского штаба партизанского движения // Государственный архив Республики Крым (ГА РК). Ф. П-156. Оп. 1. Д. 49.
2. Безродный К. Э. Обзор рассекреченных архивных документов о боевых действиях в период обороны и освобождения Крыма (1941–1942, 1944) // Крымская весна 44-го. Материалы Исторических чтений и архивные документы / под ред. С. А. Терехова, О. В. Романько, С. Н. Ткаченко. Симферополь: Н. Оріанда, 2019. С. 18–23.
3. Биография В. П. Талышева // Архивный отдел (муниципальный архив) Администрации города Алушты Республики Крым (АО АГА). Ф. 78. Оп. 1. Д. 1.
4. Брошеван В. М. Чекисты в партизанских отрядах Крыма, 1941–1944 гг. Симферополь: ЦНТЭИ, 2005. 76 с.
5. Бунин С. В., Марценюк Ю. А., Беркутов А. С., Климов А. А., Ченцов А. С. Войска НКВД в Великой Отечественной войне. Военно-исторический труд. В 3 т. Войска НКВД накануне Великой Отечественной войны (1939–1941). М.: Редакция журнала «На боевом посту» внутренних войск МВД России, 2015. Т. 1. 280 с.
6. Бунин С. В., Марценюк Ю. А., Беркутов А. С., Климов А. А., Ченцов А. С. Войска НКВД в Великой Отечественной войне. Военно-исторический труд. В 3 т. Войска НКВД в первый и второй периоды Великой Отечественной войны (1941–1943). М.: Редакция журнала «На боевом посту» внутренних войск МВД России, 2015. Т. 2. 328 с.
7. Бунин С. В., Марценюк Ю. А., Беркутов А. С., Климов А. А., Ченцов А. С. Войска НКВД в Великой Отечественной войне. В 3 т. Войска НКВД в третий период Великой Отечественной войны и в советско-японской войне (1944–1945). М.: Редакция журнала «На боевом посту» внутренних войск МВД России, 2015. Т. 3. 416 с.
8. В Крымскую Комиссию по истории Великой Отечественной войны от Кобрин Натана Семеновича // ГА РК. Ф. П-156. Оп. 1. Д. 56.
9. Воспоминания о партизанской жизни и боевой деятельности командиров отряда № 4, 2-й бригады Восточного соединения партизан Крыма Я. Кушнера // ГА РК. Ф. П-156. Оп. 1. Д. 57.
10. Горбуров Є. Г. Рух опору і націоналістичне підпілля на півдні України та Криму в період окупації, 1941–1944 рр.: автореф.: спец. 07.00.01. Київ: НАН України; Ін-т історії України, 2003. 18 с.
11. Доклады В. П. Талышева к 35-й и 46-й годовщинам освобождения г. Алушты от немецко-фашистских захватчиков // АО АГА. Ф. 78. Оп. 1. Д. 8.
12. Докладная записка командующего партизанским движением Крыма подполковника Лобова о состоянии партизанского движения в Крыму. 18 октября 1942 г. // Архив города Севастополя (АГС). Ф. Р-434. Оп. 2. Д. 66.
13. Ена В. Г., Твердохлебов И. Т., Шантырь С. П. Южный берег Крыма: Путеводитель. Симферополь: БИЗНЕС-ИНФОРМ, 1996. 303 с.
14. Зданович А. А. Смерш. Главный козырь Сталина. М.: Концептуал, 2019. 400 с.
15. Зданович А. А. «Акулы» и «Дроны» под ударами советской контрразведки. Материалы Исторических чтений и архивные документы / под ред. С. А. Терехова, О. В. Романько, С. Н. Ткаченко. Симферополь: Н. Оріанда, 2019. С. 12–18.
16. Зданович А. А. Органы военной контрразведки в битве за Кавказ и освобождение Крыма. М.: Кучково поле, 2021. 512 с.
17. История Украинской ССР: в 10 т. / отв. ред. Ю. Ю. Кондуфор. Киев: Наукова думка, 1984. Т. 8: Украинская ССР в Великой Отечественной войне Советского Союза (1941–1945). 639 с.
18. Краткая история Евпаторийского партизанского отряда. Записки командира отряда // Фонды Муниципального бюджетного учреждения культуры «Евпаторийский краеведческий музей» (МБУ ЕКМ). Ф. 2. Оп. 1. Д. 1.
19. Климов А. Ю., Потёмкин И. А., Сальников А. С. Роль НКВД СССР в партизанском движении и подпольной работе в годы Великой Отечественной войны 1941–1945 годов. М.: Академия управления МВД России, 2020. 316 с.
20. Котов А. В освобожденном городе // Курортная газета. 1974. 1 мая. № 85 (8320). С. 3.
21. Македонский М. А. Пламя над Крымом. Симферополь: Крымиздат, 1960. 256 с.
22. Македонский М. А. Пламя над Крымом. Симферополь: Крымиздат, 1963. 295 с.
23. Македонский М. А. Пламя над Крымом. Симферополь: Крым, 1969. 304 с.
24. Мельничук Е. Б. Партизанское движение в Крыму (1941–1944 гг.). Кн. 1 «Накануне». Львов: Гриф Фонд, 2008. 163 с.
25. Неяченко И. Партизанский домик Парамонова // Крымская газета. 1998. 16 дек. № 229 (1580). С. 4.
26. Неменко А. В. Крымские партизаны и оккупация Крыма в 1941–1944 годах (по материалам советских и трофейных документов). Севастополь: Альбатрос, 2020. 455 с.
27. Очерки истории Крымской областной партийной организации / отв. ред. Н. В. Багров [и др.]. Симферополь: Таврия, 1981. 376 с.

28. Поляков В. Е. Партизанское движение в Крыму 1941–1944 гг. Симферополь: Ариал, 2013. 488 с.
29. Попов А. Ю. НКВД и партизанское движение. М.: ОЛМА-ПРЕСС, 2003. 383 с.
30. Попов А. Ю. Сопротивление на оккупированной советской территории (1941–1944 гг.). М.: ООО «ТД Алгоритм», 2016. 304 с.
31. Романько О. В. Крым в период нацистской оккупации. Национальные отношения, коллаборационизм и партизанское движение. 1941–1944. М.: Центрполиграф, 2014. 414 с.
32. Рукописи воспоминаний и газетные статьи бывшего командира Алуштинского партизанского отряда А. Д. Махнева о борьбе с оккупантами в 1941–1944 гг. // ГА РК. Ф. П-849. Оп. 3. Д. 308.
33. Славич С. Георгий Северский – партизан и писатель. К 90-летию автора прославленного сериала. Юбилей // Крымская газета. 1999. 6 мая. № 80 (1669). С. 3.
34. Северский Г. История одного приказа // Рабочая газета. 1965. 10 марта. № 56 (2490). С. 4.
35. Северский Г. История одного приказа // Крымская правда. 1975. 19–21 дек. № 295 (15695)–297 (15697). Ч. 1–3. С. 4.
36. Северский Г. Поединок с «черной тенью»: Рассказы. Повесть. Симферополь: Таврия, 1990. С. 74–96.
37. Стенограмма беседы секретаря Крымского Обкома ВКП(б) т. Булатова В. С. 10 сент. 1943 г. с тов. Д. Ф. Ермаковым // ГА РК. Ф. П-156. Оп. 1. Д. 47.
38. Стенограмма продолжение беседы с Георгием Филипповичем Свиридовым // ГА РК. Ф. П-156. Оп. 1. Д. 49.
39. Сценарий литературно-драматической редакции Крымской студии телевидения «История одного приказа» с участием В. П. Талышева. 8 окт. 1964 г. // АО АГА. Ф. 78. Оп. 1. Д. 14.
40. Список немецко-фашистских преступников, совершивших злодеяния на временно оккупированной территории Крымской АССР // ГА РК. Ф. Р-1289. Оп. 1. Д. 19.
41. Талышев В. Партизаны против фельдмаршала // Курортная газета. 1967. 17 нояб. № 229 (6667). С. 3.
42. Талышев В. «Секретный» пакет // Курортная газета. 1970. 9 мая. № 92 (7305). С. 3.
43. Талышев В. Улица, по которой пришла Победа // Курортная газета. 1974. 14 апр. № 73 (8308). С. 2.
44. Талышев В. Остаются в строю // Курортная газета. 1975. 16 февр. № 34 (8525). С. 3.
45. Талышев В. П. Алушта: Путеводитель. Симферополь: Таврия, 1984. 96 с.
46. Ткаченко С. Н., Терехов С. А., Бутовский А. Ю. Органы государственной безопасности в партизанско-подпольном движении Крыма в 1941–1944 годах. Симферополь: ИП Бровко А. А., 2019. 132 с.
47. Терехов С. А. Роль и место УНКГБ по Крымской АССР в освобождении Крыма от немецко-фашистских захватчиков весной 1944 года // Крымская весна 44-го. Материалы Исторических чтений и архивные документы / под ред. С. А. Терехова, О. В. Романько, С. Н. Ткаченко. Симферополь: Н. Оріанда, 2019. С. 24–27.
48. Турба М. М. Досвід та особливості партизанських дій у Криму 1941–1944 рр. (Соціально-політичний аспект): автореф. дис. ... канд. політ. наук: 23.00.02. Одеса, 1998. 17 с.
49. Удостоверение о награждении В.П. Талышева за отличное выполнение заданий Командования на фронте борьбы с немецко-румынскими захватчиками в лесах Крыма огнестрельным оружием... // АО АГА. Ф. 78. Оп. 1. Д. 3.
50. Характеристика на бывшего старшего уполномоченного особого отдела и начальника разведки старшего лейтенанта Талышева Василия Павловича, 1918 г. рождения, члена КПСС с 1942 г. ... // АО АГА. Ф. 78. Оп. 1. Д. 5.
51. Характеристика на бывшего ст. Оперуполномоченного Особого отдела КГБ партизан Крыма, ст. лейтенанта Талышева Василия Павловича, 1918 г. рождения... // АО АГА. Ф. 78. Оп. 1. Д. 5.
52. Христофоров В. С. 1941–1944 годы в судьбах Крыма: Документальная история против фальсификаций. Материалы Исторических чтений и архивные документы / под ред. С. А. Терехова, О. В. Романько, С. Н. Ткаченко. Симферополь: Н. Оріанда, 2019. С. 5–12.
53. Христофоров В. С. История советских органов госбезопасности: 1917–1991 гг. 2-е изд., перераб. и доп. М.: РГГУ, 2019. 438 с.
54. Шамко Е. Н. Партизанское движение в Крыму в 1941–1944 гг. Симферополь: Крымиздат, 1959. 160 с.

REFERENCES

1. Beseda s podpolkovnikom Severskim Georgiem Leonidovichem, v proshlom komandiroм 3-go rajona partizanskih otrjadov i zamestitelem komandujushhego partizanskogo dvizhenija v Krymu i v dalnejshem zam. nachalnika Krymskogo shtaba partizanskogo dvizhenija [Conversation with Lieutenant Colonel Seversky Georgy Leonidovich, Former Commander of the 3rd District of Partisan Detachments and Deputy Commander of the Partisan Movement in the Crimea and Later Deputy Head of the Crimean Headquarters of the Partisan Movement]. *Gosudarstvennyj arhiv Respubliki Krym (GA RK)* [State Archive of the Republic of Crimea], f. P-156, inv. 1, d. 49.
2. Bezrodnyj K.E. Obzor rassekrechennyh arhivnyh dokumentov o boevyh dejstvijah v period

oborony i osvobozhdenija Kryma (1941–1942, 1944) [Review of Declassified Archival Documents About Military Operations During the Defense and Liberation of Crimea (1941–1942, 1944)]. Terekhova S.A., Romanko O.V., Tkachenko S.N., eds. *Krymskaya vesna 44-go. Materialy Istoricheskikh chteniy i arkhivnyye dokumenty* [Crimean Spring of the 44th. Proceedings of Historical Readings and Archival Documents]. Simferopol, N. Orianda, 2019, pp. 18–23.

3. Biografija V. P. Talysheva [Biography of V.P. Talyshev]. *Arhivnyj otdel (municipalnyj arhiv) Administracii goroda Alushty Respubliki Krym (AO AGA)* [Archival Department (Municipal Archive) of the Administration of the City of Alushta of the Republic of Crimea], f. 78, inv. 1, d. 1.

4. Broshevan V.M. *Chekisty v partizanskij otrjadah Kryma, 1941–1944 gg.* [Chekists in the Partisan Detachments of the Crimea, 1941–1944]. Simferopol, TsNTEI, 2005. 76 p.

5. Bunin S.V., Marcenjuk Ju.A., Berkutov A.S., Klimov A.A., Chencov A.S. *Vojska NKVD v Velikoj Otechestvennoj vojne. Voенно-istoricheskij trud. V 3 t. Vojska NKVD nakanune Velikoj Otechestvennoj vojny (1939–1941)* [NKVD Troops in the Great Patriotic War. Military Historical Work. In 3 Vols. NKVD Troops on the Eve of the Great Patriotic War (1939–1941)]. Moscow, Redaktsiya zhurnala «Na boyevom postu» vnutrennikh voysk MVD Rossii, 2015, vol. 1. 280 p.

6. Bunin S.V., Marcenjuk Ju.A., Berkutov A.S., Klimov A.A., Chencov A.S. *Vojska NKVD v Velikoj Otechestvennoj vojne. Voенно-istoricheskij trud. V 3 t. Vojska NKVD v pervyj i vtoroj periody Velikoj Otechestvennoj vojny (1941–1943)* [NKVD Troops in the Great Patriotic War. Military Historical Work. In 3 Vols. NKVD Troops in the First and Second Periods of the Great Patriotic War (1941–1943)]. Moscow, Redaktsiya zhurnala «Na boyevom postu» vnutrennikh voysk MVD Rossii, 2015, vol. 2. 328 p.

7. Bunin S.V., Marcenjuk Ju.A., Berkutov A.S., Klimov A.A., Chencov A.S. *Vojska NKVD v Velikoj Otechestvennoj vojne. V 3 t. Vojska NKVD v tretij period Velikoj Otechestvennoj vojny i v sovetsko-japonskoj vojne (1944–1945)* [NKVD Troops in the Great Patriotic War. In 3 Vols. NKVD Troops in the Third Period of the Great Patriotic War and in the Soviet-Japanese War (1944–1945)]. Moscow, Redaktsiya zhurnala «Na boyevom postu» vnutrennikh voysk MVD Rossii, 2015, vol. 3. 416 p.

8. V Krymskuju Komissiju po istorii Velikoj Otechestvennoj vojny ot Kobrina Natana Semenovicha [To the Crimean Commission on the history of the Great Patriotic War from Kobrin Natan Semenovich]. *GA RK* [State Archive of the Republic of Crimea], f. P-156, inv. 1, d. 56.

9. Vospominaniya o partizanskoj zhizni i boevoj dejatel'nosti komandirov otrjada № 4, 2-j brigady

Vostochnogo soedinenija partizan Kryma Ja. Kushnira [Memoirs of Partisan Life and Combat Activities of the Commanders of Detachment No. 4, 2nd Brigade of the Eastern Formation of Partisans of Crimea Ya. Kushnir]. *GA RK* [State Archive of the Republic of Crimea], f. P-156, inv. 1, d. 57.

10. Gorburov E.G. *Ruh oporu i nacionalistichne pidpillja na pivdni Ukraїni ta Krimu v period okupacii, 1941–1944 rr.: avtoref.: spec. 07.00.01* [Ruh Support and Nationalistic Support on Ukrainian Pivdni and Crimea During the Period of Occupation, 1941–1944. Spec. 07.00.01 abs. diss.]. Kiev, NAN Ukraini; In-t istoriyi Ukraini, 2003. 18 p.

11. Doklady V.P. Talysheva k 35-j i 46-j godovshhinam osvobozhdenija g. Alushty ot nemecko-fashistskij zahvatchikov [Reports by V. P. Talyshev on the 35th and 46th Anniversaries of the Liberation of the City of Alushta from the Nazi Invaders]. *AO AGA* [Archival Department (Municipal Archive) of the Administration of the City of Alushta of the Republic of Crimea], f. 78, inv. 1, d. 8.

12. Dokladnaja zapiska komandujushhego partizanskim dvizheniem Kryma podpolkovnika Lobova o sostojanii partizanskogo dvizhenija v Krymu. 18 oktjabrja 1942 g. [Memorandum of the Commander of the Partisan Movement of the Crimea, Lieutenant Colonel Lobov on the State of the Partisan Movement in the Crimea. October 18, 1942]. *Arhiv goroda Sevastopolja (AGS)* [Archive of the City of Sevastopol], f. R-434, inv. 2, d. 66.

13. Ena V.G., Tverdohlebov I.T., Shantyr S.P. *Juzhnyj bereg Kryma: Putevoditel* [Southern Coast of Crimea]. Simferopol, BUSINESS-INFORM Publ., 1996. 303 p.

14. Zdanovich A.A. *Smersh. Glavnyj kozyr Stalina* [Smersh. Stalin's Main Trump Card]. Moscow, Conceptual Publ., 2019. 400 p.

15. Zdanovich A.A. «Akuly» i «Drony» pod udarami sovetskoj kontrrazvedki. *Materialy Istoricheskikh chteniy i arhivnye dokumenty* [“Sharks” and “Drons” Under the Blows of Soviet Counterintelligence. Proceedings of Historical Readings and Archival Documents]. Simferopol, N. Orianda, 2019, pp. 12–18.

16. Zdanovich A.A. *Organy voennoj kontrrazvedki v bitve za Kavkaz i osvobozhdenie Kryma* [Military Counterintelligence Agencies in the Battle for the Caucasus and the Liberation of Crimea]. Moscow, Kuchkovo Pole Publ., 2021. 512 p.

17. Kondufor Yu.Yu., ed. *Istorija Ukrainskoj SSR: v 10 t.* [History of the Ukrainian SSR: In 10 Vols]. Kyiv, Naukova dumka Publ., 1984, vol. 8: The Ukrainian SSR in the Great Patriotic War of the Soviet Union (1941–1945). 639 p.

18. Kratkaja istorija Evpatorijskogo partizanskogo otrjada. Zapiski komandira otrjada [Brief History of the Evpatoria Partisan Detachment. Notes of the

Commander of the Detachment]. *Fondy Municipalnogo byudzhetnogo uchrezhdenija kultury «Evpatorijskij kraevedcheskij muzej» (MBU EKM)* [Funds of the Municipal Budgetary Institution of Culture «Evpatoria Museum of Local Lore»], f. 2, inv. 1, d. 1.

19. Klimov A. Ju., Potjomkin I. A., Salnikov A. S. *Rol NKVD SSSR v partizanskom dvizhenii i podpolnoj rabote v gody Velikoj Otechestvennoj vojny 1941–1945 godov* [The Role of the NKVD of the USSR in the Partisan Movement and Underground Work During the Great Patriotic War of 1941–1945]. Moscow, Academyya upravleniya MVD Rossii, 2020. 316 p.

20. Kotov A. V osvobozhdenom gorode [In the Liberated City]. *Kurortnaja gazeta* [Resort Newspaper], 1974, no. 85 (8320), p. 3.

21. Makedonskij M. A. *Plamja nad Krymom* [Flame over the Crimea]. Simferopol, Krymizdat, 1960. 256 p.

22. Makedonskij M. A. *Plamja nad Krymom* [Flame over the Crimea]. Simferopol, Krymizdat, 1963. 295 p.

23. Makedonskij M. A. *Plamja nad Krymom* [Flame over the Crimea]. Simferopol, Krym Publ., 1969. 304 p.

24. Melnichuk E. B. *Partizanskoe dvizhenie v Krymu (1941–1944). Kn. 1 «Nakanune»* [Partisan Movement in the Crimea. Book 1 “The Day Before”]. Lvov, GrifFund, 2008. 163 p.

25. Nejachenko I. Partizanskij domik Paramonova [Paramonov’s Partisan House]. *Krymskaja gazeta* [Crimean Newspaper], 1998, December 16, no. 229 (1580), p. 4.

26. Nemenko A. V. *Krymskie partizany i okkupacija Kryma v 1941–1944 godah (po materialam sovetskikh i trofejnyh dokumentov)* [Crimean Partisans and the Occupation of Crimea in 1941–1944: (Based on Soviet and Captured Documents)]. Sevastopol, Albatross Publ., 2020. 455 p.

27. Bagrov N. V. et al., ed. *Očerki istorii Krymskoj oblastnoj partijnoj organizacii* [Essays on the History of the Crimean Regional Party Organization]. Simferopol, Tavria Publ., 1981. 376 p.

28. Poljakov V. E. *Partizanskoe dvizhenie v Krymu 1941–1944 gg.* [Partisan Movement in the Crimea 1941–1944]. Simferopol, ARIAL, 2013. 488 p.

29. Popov A. Ju. *NKVD i partizanskoe dvizhenie* [NKVD and the Partisan Movement]. Moscow, OLMA-PRESS, 2003. 383 p.

30. Popov A. Ju. *Soprotivlenie na okkupirovannoj sovetskoj territorii (1941–1944 gg.)* [Resistance in Occupied Soviet Territory (1941–1944)]. Moscow, OOO «TDAAlgoritm», 2016. 304 p.

31. Romanko O. V. *Krym v period nacistskoj okkupacii. Nacionalnye otnoshenija, kollaboracionizm i partizanskoe dvizhenie. 1941–1944* [Crimea During the Nazi Occupation. National Relations,

Collaborationism and Partisan Movement. 1941–1944]. Moscow, Tsentrpoligraf Publ., 2014. 414 p.

32. Rukopisi vospominanij i gazetnye statyi byvshego komandira Alushtinskogo partizanskogo otrjada A. D. Mahneva o borbe s okkupantami v 1941–1944 gg. [Manuscripts of Memoirs and Newspaper Articles of the Former Commander of the Alushta Partisan Detachment A. D. Makhnev About the Fight Against the Invaders in 1941–1944]. *GA RK* [State Archive of the Republic of Crimea], f. P-849, inv. 3, d. 308.

33. Slavich S. Georgij Severskij – partizan i pisatel. K 90-letiju avtora proslavlennogo seriala. Jubilej [Georgy Seversky – Partisan and Writer. To the 90th Anniversary of the Author of the Famous Series. Anniversary]. *Krymskaja gazeta* [Crimean Newspaper], 1999, May 6, no. 80 (1669), p. 3.

34. Severskij G. Istorija odnogo prikaza [History of One Order]. *Rabochaja gazeta* [Rabochaya Newspaper], 1965, Mar. 10, no. 56 (2490), p. 4.

35. Severskij G. Istorija odnogo prikaza [History of One Order. Glory Will Not Cease These Days]. *Krymskaja pravda*, 1975, Dec. 19–21, no. 295 (15695) – 297 (15697), pt. 1–3, p. 4.

36. Severskij G. *Poedinok s «chernoj teniju»*: *Rasskazy. Povest* [Seversky G. A Duel with a “Black Shadow”: Stories. Tale]. Simferopol, Tavria Publ., 1990, pp. 74–96.

37. Stenogramma besedy sekretarja Krymskogo Obkoma VKP(b) t. Bulatova V. S. 10 sent. 1943 g. s tov. D. F. Ermakovym [Transcript of the Conversation of the Secretary of the Crimean Regional Committee of the CPSU (b) Comrade Bulatov V. S. September 10, 1943 with Comrade D. F. Ermakov]. *GA RK* [State Archive of the Republic of Crimea], f. P-156, inv. 1, d. 47.

38. Stenogramma prodolzhenie besedy s Georgiem Filippovichem Sviridovym [Transcript of the Continuation of the Conversation with George Sviridov]. *GA RK* [State Archive of the Republic of Crimea], f. P-156, inv. 1, d. 49.

39. Scenarij literaturno-dramaticheskoy redakcii Krymskoj studii televidenija «Istorija odnogo prikaza» s uchastiem V. P. Talysheva. 8 okt. 1964 g. [Scenario of the Literary and Dramatic Edition of the Crimean Television Studio “History of One Order” with the Participation of V. P. Talyshev. October 8, 1964]. *AO AGA* [Archival Department (Municipal Archive) of the Administration of the City of Alushta of the Republic of Crimea], f. 78, inv. 1, d. 14.

40. Spisok nemecko-fashistskikh prestupnikov, sovershivshih zlodejanija na vremennno okkupirovannoj territorii Krymskoj ASSR [List of Nazi Criminals Who Committed Atrocities in the Temporarily Occupied Territory of the Crimean ASSR]. *GA RK* [State Archive of the Republic of Crimea], f. R-1289, inv. 1, d. 19.

41. Talyshev V. Partizany protiv feldmarshala [Partisans Against the Field Marshal]. *Kurortnaja*

gazeta [Resort Newspaper], 1967, Nov. 17, no. 229 (6667), p. 3.

42. Talyshev V. «Sekretnyj» paket [“Secret” Package]. *Kurortnaja gazeta* [Resort Newspaper], 1970, May 9, no. 92 (7305), p. 3.

43. Talyshev V. Ulica, po kotoroj prishla Pobeda [The Street Along Which Victory Came]. *Kurortnaja gazeta* [Resort Newspaper], 1974, Apr. 14, no. 73 (8308), p. 2.

44. Talyshev V. Ostajutsja v stroju [Remain in Service]. *Kurortnaja gazeta* [Resort Newspaper], 1975, Febr. 16, no. 34 (8525), p. 3.

45. Talyshev V.P. *Alushta: Putevoditel* [Alushta: Guide]. Simferopol, Tavria Publ., 1984. 96 p.

46. Tkachenko S.N., Terehov S.A., Butovskij A.Ju. *Organy gosudarstvennoj bezopasnosti v partizansko-podpol'nom dvizhenii Kryma v 1941–1944 godah* [State Security Agencies in the Partisan-Underground Movement of Crimea in 1941–1944]. Simferopol, IP Brovko A. A., 2019. 132 p.

47. Terehov S.A. *Rol i mesto UNKGB po Krymskoj ASSR v osvobozhdenii Kryma ot nemecko-fashistskih zahvatchikov vesnoj 1944 goda* [The Role and Place of the UNKGB for the Crimean Autonomous Soviet Socialist Republic in the Liberation of Crimea from the Nazi Invaders in the Spring of 1944]. Terekhova S.A., Romanko O.V., Tkachenko S.N., eds. *Krymskaya vesna 44-go. Materialy Istoricheskikh chtenij i arkhivnyye dokumenty* [Crimean Spring of the 44th Materials of Historical Readings and Archival Documents]. Simferopol, N. Orianda, 2019, pp. 24–27.

48. Turba M.M. *Dosvid ta osoblivosti partizans'kih dij u Krimu 1941–1944 rr. (Social'no-politichnij aspekt): avtoref. dis. ... kand. polit. nauk: 23.00.02* [Experience and Features of Partisan Actions in the Crimea 1941–1944 (Social and Political Aspect). Cand. polit. sci. abs. diss.: 23.00.02]. Odessa, 1998. 17 p.

49. Udostoverenie o nagrazhdenii V.P. Talysheva za otlichnoe vypolnenie zadaniy Komandovanija na fronte borby s nemecko-rumynskimi zahvatchikami v lesah Kryma ognestrelnym oruzhiem... [Certificate of

Awarding V.P. Talyshev for Excellent Performance of the Command's Tasks at the Front of the Fight Against the German-Romanian Invaders in the Forests of Crimea with Firearms...]. *AO AGA* [Archival Department (Municipal Archive) of the Administration of the City of Alushta of the Republic of Crimea], f. 78, inv. 1, d. 3.

50. *Harakteristika na byvshego starshego upolnomochennogo osobogo otdela i nachalnika razvedki starshego lejtenanta Talysheva Vasilija Pavlovicha, 1918 g. rozhdenija, chlena KPSS s 1942 g. ...* [Description of the Former Senior Commissioner of the Special Department and Intelligence Chief, Senior Lieutenant Talyshev V.P., Born in 1918, Member of the CPSU Since 1942...]. *AO AGA* [Archival Department (Municipal Archive) of the Administration of the City of Alushta of the Republic of Crimea], f. 78, inv. 1, d. 5.

51. *Harakteristika na byvshego st. Oper-upolnomochennogo Osobogo otdela KGB partizan Kryma, st. lejtenanta Talysheva Vasilija Pavlovicha, 1918 g. rozhdenija...* [Characteristics of the Former Sen. Detective of the Special Department of the KGB Partisans of Crimea, Sen. Lieutenant Talyshev Vasily, Born in 1918...]. *AO AGA* [Archival Department (Municipal Archive) of the Administration of the City of Alushta of the Republic of Crimea], f. 78, inv. 1, d. 5.

52. Hristoforov V.S. *1941–1944 gody v sudbah Kryma: Dokumentalnaja istorija protiv falsifikacij. Materialy Istoricheskikh chtenij i arhivnye dokumenty* [1941–1944 in the Destinies of Crimea: Documentary History Against Falsifications. Proceedings of Historical Readings and Archival Documents]. Simferopol, N. Orianda, 2019, pp. 5–12.

53. Hristoforov V.S. *Istorija sovetskih organov gosbezopasnosti: 1917–1991 gg.* [History of Soviet State Security Agencies: 1917–1991]. Moscow, RGGU, 2019. 438 p.

54. Shamko E.N. *Partizanskoe dvizhenie v Krymu v 1941–1944 gg.* [Partisan Movement in the Crimea in 1941–1944]. Simferopol, Krymizdat, 1959. 160 p.

Information About the Author

Vyacheslav A. Ivanov, Candidate of Sciences (History), Associate Professor, Department of Philosophy, Cultural Studies and Humanities, Crimean University of Culture, Arts and Tourism, Kyivskaya St, 39, 295017 Simferopol, Russian Federation, slavik1855@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0003-0994-3817>

Информация об авторе

Вячеслав Александрович Иванов, кандидат исторических наук, доцент кафедры философии, культурологии и гуманитарных дисциплин, Крымский университет культуры, искусств и туризма, ул. Киевская, 39, 295017 г. Симферополь, Российская Федерация, slavik1855@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0003-0994-3817>



DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2024.3.9>

UDC 94(470.45)«1941/1942»:614.2

LBC 63.3(2P-4Bor)622-7

Submitted: 10.10.2023

Accepted: 05.03.2024

FEATURES OF MEDICAL SUPPORT FOR RIVER TRANSPORT OF THE LOWER VOLGA BEFORE AND DURING THE BATTLE OF STALINGRAD

Margarita I. Bukatina

Volgograd State University, Volgograd, Russian Federation

Abstract. *Introduction.* The effectiveness of the health protection of employees and passengers of the “Volgotanker,” “Reidtanker,” and Lower Volga Shipping Company directly affected the quality and volume of transportation during the most difficult period of the Great Patriotic War for the Lower Volga region. *Methods and materials.* The article analyzes the medical service activities of the Nizhnevolzhsky Vodzdravotdel (the Lower Volga Health Department) for these shipping companies on the basis of unpublished materials from the State Archive of the Astrakhan region, memoirs, newspapers, and literature. General scientific methods, as well as systematic methods, historical-genetic, comparative historical, and narrative methods, were used to reveal the topic. *Analysis and results.* The analysis of the work was carried out in three areas: the organization of healthcare, the fight against infectious diseases, and material and personnel issues. Conclusions were drawn about the wide branching structure of the medical organizations of the Nizhnevolzhsky Vodzdravotdel, from dairy kitchens to autonomous hospitals located throughout the basin, from Kamyshin to the Caspian Sea raid. The influence of the Battle of Stalingrad on the restructuring of this system was shown. An analysis of the work of the organization to combat infectious diseases and data on the scale of vaccination of workers and passengers were given. The tendency of falling morbidity on river transport in 1942 is indicated, and its causes are analyzed. The lack of medical personnel and the predominance of female labor in the Nizhnevolzhsky Vodzdravotdel are postulated. Conclusions are drawn about the value of the organization’s contribution to the work of water communication, despite the difficulties.

Key words: Great Patriotic War, Battle of Stalingrad, Nizhnevolzhsky Vodzdravotdel, Volgotanker, Lower Volga Shipping Company, river transport, healthcare, medicine.

Citation. Bukatina M.I. Features of Medical Support for River Transport of the Lower Volga Before and During the Battle of Stalingrad. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 4. Istoriya. Regionovedenie. Mezhdunarodnye otnosheniya* [Science Journal of Volgograd State University. History. Area Studies. International Relations], 2024, vol. 29, no. 3, pp. 98-110. (in Russian). DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2024.3.9>

УДК 94(470.45)«1941/1942»:614.2

ББК 63.3(2P-4Bor)622-7

Дата поступления статьи: 10.10.2023

Дата принятия статьи: 05.03.2024

ОСОБЕННОСТИ МЕДИЦИНСКОГО ОБЕСПЕЧЕНИЯ РЕЧНОГО ТРАНСПОРТА НИЖНЕЙ ВОЛГИ НАКАНУНЕ И В ПЕРИОД СТАЛИНГРАДСКОЙ БИТВЫ

Маргарита Игоревна Букатина

Волгоградский государственный университет, г. Волгоград, Российская Федерация

Аннотация. *Введение.* Эффективность защиты здоровья работников и пассажиров пароходств «Волготанкера», «Рейдтанкера» и Нижневолжского речного пароходства непосредственно влияла на качество и объем перевозок в сложный период Великой Отечественной войны для района Нижней Волги. *Методы и материалы.* В статье анализируется деятельность Нижневолжского Водздравотдела по медицинскому об-

служиванию этих пароходств на основе неопубликованных материалов Государственного архива Астраханской области, мемуаров, газет и литературы. Для раскрытия темы применены общенаучные методы, а также историко-системный, историко-генетический, сравнительно-исторический и нарративный. *Анализ и результаты.* Анализ деятельности произведен по трем направлениям: организация здравоохранения, борьба с инфекционными заболеваниями, материальные и кадровые вопросы. Были сделаны выводы о широкой разветвленности структуры медицинских организаций Водздравотдела от молочных кухонь до отдельных больниц, располагавшихся по всему бассейну от Камышина до рейда Каспийского моря. Показано влияние Сталинградской битвы на перестройку данной системы. Приведены разбор работы организации по борьбе с инфекционными заболеваниями и данные о масштабах вакцинации работников и пассажиров. Обозначена тенденция падения заболеваемости на речном транспорте в 1942 г., и анализируются ее причины. Постулированы недостаток медицинских кадров и преобладание женского труда в Нижневолжском Водздравотделе. Сделаны выводы о ценности вклада организации в поддержание водного сообщения, несмотря на трудности.

Ключевые слова: Великая Отечественная война, Сталинградская битва, Нижневолжский Водздравотдел, Волготанкер, Нижневолжское речное пароходство, речной транспорт, здравоохранение, медицина.

Цитирование. Букатина М. И. Особенности медицинского обеспечения речного транспорта Нижней Волги накануне и в период Сталинградской битвы // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 4, История. Регионоведение. Международные отношения. – 2024. – Т. 29, № 3. – С. 98–110. – DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2024.3.9>

Введение. Особую актуальность вопрос борьбы с инфекционными заболеваниями в прошлом приобретает в связи с недавно официально окончившейся пандемией коронавируса и последовавшей за этим медикализацией социальной жизни. Как никогда стали интересны вопросы о степени вмешательства государства в сферу личного здоровья индивида и особенности борьбы за общественное здоровье в разных странах и в разные времена. Конец XX – начало XXI в. вместе с умножением социального благополучия подарили немалой части человечества и возможность взять свою жизнь и здоровье в собственные руки, сократив насильственное присутствие государства в этом вопросе. Сейчас такой подход перед лицом серьезного вызова всему человечеству, несомненно, терпит поражение, возможно, окончательное [11, с. 262]. В подобные переломные моменты выигрышным становится более жесткий и централизованный принцип работы медучреждений, который можно во всем своем расцвете наблюдать в истории СССР. Успехи такого подхода мы можем обнаружить и во времена Великой Отечественной войны и, в частности, в одной из решающих для ее исхода битв – Сталинградской, важную роль в которой сыграл речной транспорт, снабжавший защитников города всем необходимым и эвакуировавший мирных жителей и раненых бойцов.

Большое значение для деятельности речного транспорта по бесперебойным поставкам

всего необходимого фронту и экономике воюющей страны, а также по перевозке раненых в районе Нижней Волги, имела защита здоровья работников и пассажиров. Вопросы охраны труда оказывали влияние на кадровую политику и на другие управленческие решения на речном транспорте в данном районе. Анализ ситуации с медицинским обеспечением речников Нижней Волги может пролить свет на таковое не только в конкретных «Волготанкере» и Нижневолжском речном пароходстве (далее – НВРП), то есть на всем речном транспорте, трудившемся от Камышина до дельты реки, но и помочь достроить картину медицинского обслуживания во всем регионе. Таким образом, данная работа выявляет новые факты для исследования истории медицинского обслуживания Нижней Волги, дополняет информацию о санитарно-эпидемиологическом состоянии региона и предлагает новый для истории речного транспорта аспект изучения.

Методы и материалы. Данное исследование базируется на принципах историзма и объективности. В нем нашли применение, как общенаучные методы, так и специальные исторические, как то: историко-системный, историко-генетический, сравнительно-исторический и нарративный.

В статье были использованы неопубликованные материалы Государственного архива Астраханской области – приказы пароходства «Волготанкер», политуправления, отчеты, а также газеты, опубликованные воспоминания.

Наиболее ценным с точки зрения фактов оказался документ, сложившийся из отчетов и планов Водздравотдела, сформированный для Водлечсануправления Наркомата здравоохранения СССР и сохранившийся в документации политотдела «Волготанкера» – Ф. П-796. Остальные документы дополнили и уточнили ситуацию.

Напрямую деятельность Нижневолжского Водздравотдела, который занимался медицинским обслуживанием пароходств Нижней Волги, ранее не изучалась, но косвенно данного вопроса касаются работы, посвященные рассмотрению деятельности речного флота [3; 14], санитарно-эпидемиологической ситуации в регионе [2; 4; 6; 20] и медицинскому обслуживанию территории во время войны с присущими ему проблемами [5; 7–9]. Данная статья расширяет и дополняет вышеуказанные тематические области.

Анализ. Медицинским обслуживанием пароходств Нижней Волги – «Волготанкера», «Рейдтанкера» и Нижневолжского речного пароходства – занимался Нижневолжский Водздравотдел Народного Комиссариата Здравоохранения СССР (в источниках может фигурировать как «Нижне-Волжский Водздравотдел», а также «Н. В. Водздравотдел»), который руководил развертыванием медпунктов, подготовкой кадров, распределением медикаментов и непосредственно оказывал медпомощь речникам и пассажирам судов от рейда Каспийского моря до Камышина. Под данным названием организация известна с 15 июля 1934 г., но с 1931 г. существовал ее предшественник – Районный Уполномоченный Водного отдела здравоохранения по Астраханскому району Народного Комиссариата Здравоохранения СССР.

Организация здравоохранения. По своему назначению систему учреждений Водздравотдела можно подразделить на такие крупные структурные элементы:

1. Организационный отдел, включающий в себя различные части Водздравотдела, обеспечивавшие его функционирование, управление и экономику как единой системы учреждений. Такие функции выполняли, например, управление, бухгалтерия, планово-финансовый и хозяйственный отделы, отдел капитального строительства.

2. Лечебно-профилактическая система, в которую входили больницы, поликлиники, амбулатории, диспансеры, здравпункты, учреж-

дения матери и ребенка, детские сады и т. д. Подробнее о ней будет сказано ниже.

3. Санитарно-эпидемиологический отдел, включавший в себя эпидемиологические, санитарно-контрольные и санитарно-просветительные, паразитологические, дезинфекционные организации и направления работы.

Территориально Нижневолжский Водздравотдел включал в себя два лечебно-санитарных участка – Сталинградский и Астраханский, на которых располагались лечебно-профилактические и санитарно-эпидемиологические организации. Организационные структуры Нижневолжского Водздравотдела находились в Астрахани.

Главными вызовами, стоявшими перед Водздравотделом в 1942 г., были фронтовые или прифронтовые условия работы и вспышка холеры на данной территории. Он оказывал помощь не только работникам вышеупомянутых пароходств и смежных организаций, но и пассажирам, которые включали, в числе прочих, в первой половине года массу эвакуированных из западных регионов страны, а с начала Сталинградской битвы – эвакуировавшихся уже непосредственно из зоны боевых действий.

С 16 мая по 25 июня 1942 г. на 82 судах 563 человека из числа водников и членов их семей прошли курсы помощи и самопомощи по вопросам санхимзащиты [10, л. 231], что было очень актуально в сложившейся на Нижней Волге ситуации.

За 1942 г. было дополнительно развернуто 20 навигационных медпунктов, стационарные медпункты с начала навигации были переведены на круглосуточную работу [10, л. 231].

В Астрахани, Сталинграде, Саратове, Горьком, Куйбышеве можно было приобрести сухие молочные смеси для детей [16]. Дополнительно в районе Нижней Волги от Астрахани до Камышина работало 6 береговых и 3 судовых комнаты матери и ребенка (в общей сложности на 185 коек), 2 молочных киоска (Астрахань, Сталинград) и 2 молочных лотка (Владимировка, Камышин) для продажи детских молочных смесей. Судовые комнаты, например, были на пароходах «Сталин» [3, с. 219] и «Чичерин» [3, с. 250].

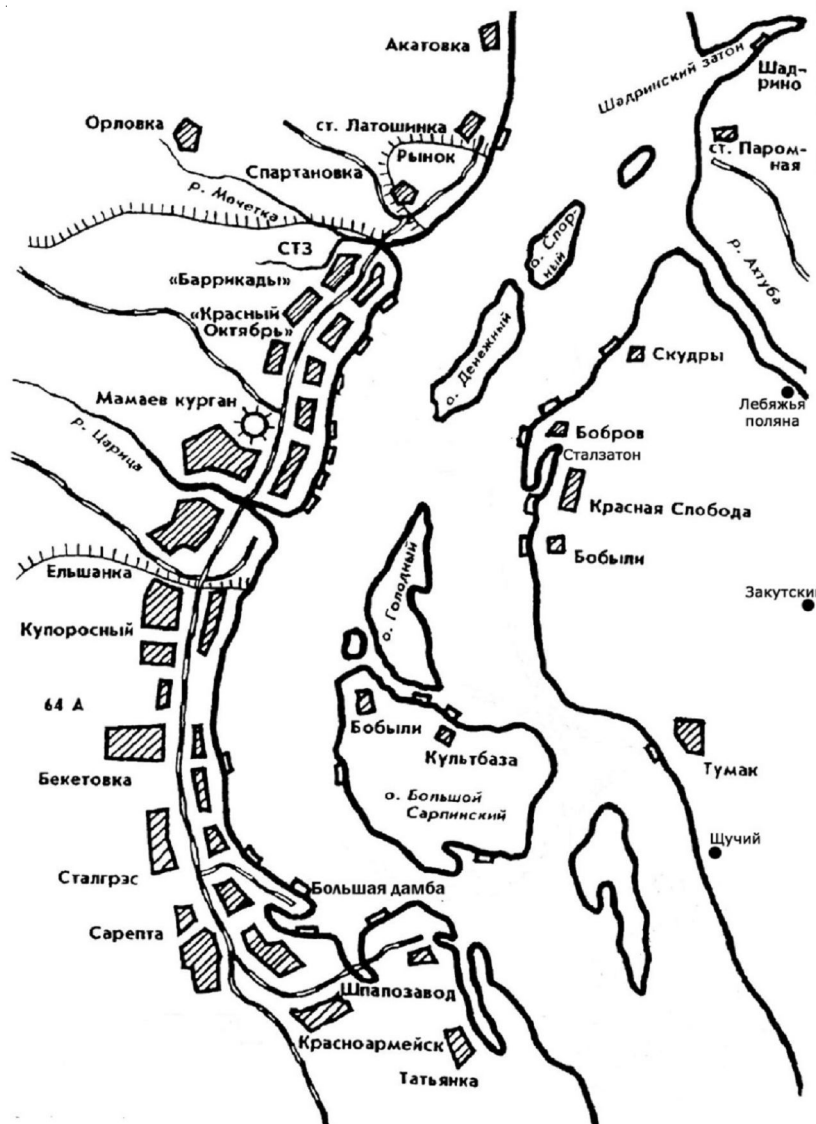
Транзитные пассажирские пароходы имели на борту медработника с набором медикаментов, другие суда и баржи снабжались

аптечками. В течение всей навигации бесперебойную работу осуществляли 2 медкатера в Сталинграде и 4 в Астрахани, оказывая помощь больным на судах, доставляя немощных в больницы, снабжая судокоманды медикаментами и свежими овощами (больным авитаминозами овощи давались бесплатно, плавсоставу – продавались) [10, л. 231].

С 20 июля начались перебои в транзитных перевозках, в августе пассажирское сообщение фактически прервалось. Многие суда пострадали от мин и в ходе бомбежек. Из медперсонала погибла только судовой врач парохода «Коммунистка» Евгения Николаевна Коробова [10, л. 232]. В связи с приближе-

нием фронта летом врачебные и фельдшерские медпункты Водздравотдела переносились все дальше – в Васильев и на Волго-Каспийский канал (дельта Волги в Астраханской области), в Баутин, Гурьев, на Пешной остров (ныне территория Казахстана).

Из-за бомбежки пристани Красноармейска 9 августа сгорели детские ясли, были разрушены амбулатория, здравпункт на Угольном причале, ингаляторий, пострадал здравпункт на Большой дамбе [10, л. 236]. (Вероятно, название «Большая дамба» идентично «Главной дамбе», несколько раз упоминаемой в книге «В огне Сталинградских переправ» [14, с. 200]. Находится в районе Сарепты – см. рисунок).



Карта-схема реки Волга в районе Сталинграда
The schematic map of the Volga River in the Stalingrad area

23 августа 1942 г. все детские и лечебные учреждения в районе Сталинграда попали непосредственно в зону боевых действий, в связи с чем Водздравотдел утратил связь со всеми работниками до 21 сентября, когда из телеграммы от старшего врача Сталинградского лечебно-санитарного участка Сатановского стало известно, что группа медработников участка (16 человек, из них: 3 врача, 2 зубных врача, заведующий Сталинградской малярной станцией Пономаренко) и часть имущества находятся в Ленинске, медучреждения которого не пострадали. Местонахождение остальных медработников этого района известно не было. При этом все лечебные и детские учреждения Водздравотдела в районе Сталинграда погибли: плавучий санпропускник, автомобильный и водный транспорт, поликлиника, линейная санэпидстанция и ясли в Сталинграде, Красноармейске и Сталзатоне (см. рисунок) [14, с. 222], больница в Сталзатоне [10, л. 237]. 28 сентября начальник Сталинградской линейной Санэпидстанции Поликарпов телеграммой сообщил о своем местонахождении в районе Эльтона. Все выжившие работники учреждений получили распоряжение сохранять имущество и, не развертывая собственные мощности, присоединяться к работе местных организаций. Не критично пострадали лечебные и детские учреждения на пристани Камышина, но связь с ними прервалась до начала ноября, когда из Ленинска туда добрался Сатановский, принявший управление сохранившимися ресурсами. Во Владимирке были разрушены амбулатория и больница территориального Здравоотдела, ясли с имуществом и скотом были эвакуированы в степь, медработники же, несмотря на это, остались в затоне и продолжили работу [10, л. 237].

В Астрахани после бомбежки 9 сентября сгорели: детская больница, амбулатория, детская и женская консультации, ясли, туберкулезная больница, здравпункт. В пожаре погибло все имущество и некоторые медработники, другие сбежали (в том числе 5 врачей). К ноябрю работа всех этих организаций была восстановлена в новых зданиях [10, л. 237].

Во время зимнего отстоя флота трудовые задачи Водздравотдела менялись – перед постановкой судов и устройства команд

на зимние квартиры медработники inspectировали их на предмет соответствия санитарно-гигиеническим стандартам, а, в дальнейшем, некоторые медики распределялись в условные мобильные бригады, объезжавшие места зимовок, особенно отдаленные затоны, чтобы не оставлять речников без доступа к медицинской помощи. Так, зимой 1942–1943 г. такой работой занимались 10 фельдшеров или медсестер с аптечками. Для зимнего проживания команд оборудовались дебаркадеры Донбасс, № 6, Холодильник, Рабочий. На последнем работала фельдшер, на всех остальных – врачи, которые и оказывали помощь плавсоставу во время зимнего отстоя и судоремонта [10, л. 242].

Основными местами концентрации речников в районе Сталинграда к зиме 1942 г., в которых также оказывалась медпомощь Водздравотделом, стали: «- Поляна – Колхоз имени Фрунзе /13 клм. от Сталзатона/ переправа – у Тумака-Сталинград, остров – у Петропавловки» [10, л. 237]. Из-за довольно странного пунктуационного строения вышеприведенного отрывка не до конца ясно, о каких точно местах идет речь, но для реконструкции обстановки на речном транспорте и картины его медицинского обеспечения вопрос имеет несомненное значение.

«Полян» в районе Сталинграда можно обнаружить четыре: Горная Поляна, Зеленая Поляна, Лебяжья Поляна и Калмычкова Поляна. Первые две располагались примерно между Купоросным и Бекетовкой (см. рисунок) Учитывая активное контрнаступление советских войск и близость этих территорий к линии фронта [19, с. 559], сложно представить здесь концентрацию речников и медработников. Для такого явления в качестве местоположения одинаково лучше подходят Лебяжья Поляна и Калмычкова Поляна (хутор Щучий) [1]. За то, что упомянутая «Поляна» – Калмычкова Поляна, выступает факт наличия на хуторе Щучьем полевого госпиталя ППГ № 2208 с 01.10.1942 г. по 15.02.1943 года. Против того, что это Лебяжья Поляна, говорит то, что за вторую половину 1942 г. она была уничтожена [18], а также ныне бытующее разговорное название «Лебяжка», а не «Поляна» (это, разумеется, не может являться сильным аргументом, но такие народные привычки меня-

ются редко и медленно). Более вероятно, что речь идет о Щучьем, но сказать точно, какая из двух «Полян» упомянута в источнике проблематично. Колхоз им. Фрунзе – нынешний хутор Закутский, находится как раз приблизительно в 13 км от затона. Для понимания текста важно, что он не совпадает ни с одной из «Полян», а «Поляны», в свою очередь, располагаются дальше 13 км от затона, значит, вероятно, «13 клм. от Сталзатона» именно уточнение для колхоза. Осенью 1942 г. здесь тоже располагался госпиталь. «Сталинград», видимо, примерное уточнение для района расположения Тумака, где располагался ППГ № 689 [21, с. 353], или всего перечисленного ранее, из-за того, что «Сталинград» – очень неконкретное определение местоположения, особенно в сравнении с уже упомянутыми точками. Более того, никакой выделенный населенный пункт формально не является частью города. Что касается Петропавловки, она располагалась ниже по реке возле Владимировки, ныне эти населенные пункты влились в город Ахтубинск. Здесь из-за бомбежек с августа 1942 г. пострадали больница Водздравотдела и клуб речников [13]. Исходя из вышеизложенного, концентрация речников и их медицинских работников наблюдалась: 1) в районе Сталинграда – Поляна (Лебяжья или Калмычкова); Колхоз им. Фрунзе – в 13 км от Сталзатона (Закутский); переправа у Тумака; 2) в районе Владимировки – остров у Петропавловки.

С перебоями к декабрю удалось наладить медпомощь на пристани Красноармейска. Медикаменты, инструменты, перевязочный материал во все эти пункты доставлялись из Астрахани.

Таким образом, на конец 1942 г. система медучреждений для речников на Астраханском лечсанучастке выглядела так: 4 больницы – Соловьева на 50 коек, Правобережная на 110 коек, на заводе им. III Интернационала на 15 коек, на заводе им. Сталина на 60 коек; центральная поликлиника Астрахани; 4 спецамбулатории – на заводах им. Ленина, Сталина, X лет Октября, III Интернационала; обычная амбулатория на заводе им. Карла Маркса; 2 станции скорой помощи – при центральной поликлинике и при Правобережной больнице. При этом работа скорых прерыва-

лась только в декабре из-за отсутствия бензина. Туберкулезный и кожно-венерологический диспансеры городского подчинения продолжали свою работу, оказывая помощь и речникам. То есть, если больница была не полностью для водников, а являлась общим стационаром любого профиля, но находилась на территории Нижневолжского Водздравотдела (от рейда Каспия до Камышина), то в ней была постоянная бронь для работников речного транспорта. Не функционировали диетические столовые и ночные санатории, но на всех производствах речного транспорта и в порту Астрахани продолжали действовать 16 врачебных и фельдшерских здравпункта, боровшихся с заболеваемостью и травматизмом на местах. Еще более 20 медпунктов располагалось в плесе, на рейдах, на дебаркадерах, которые обслуживали в том числе бакенщиков.

Для сравнения, в 1943 г. вся астраханская лечебная сеть состояла из 8 больниц, 6 поликлиник, 10 амбулаторий, 13 врачебных и 27 фельдшерских здравпункта [9, с. 219].

В систему Водздравотдела входили также учреждения матери и ребенка: 2 роддома в общей сложности на 40 коек (на заводах X лет Октября и III Интернационала), детские консультации при разных медучреждениях, 4 молочные кухни, отпускавшие детское питание в среднем около тысячи детей в день, детские ясли. Количество последних сократилось с 10 до 6 в 1941 г., где в 1942 г. занято было 435 коек [10, л. 238]. Эти цифры указывают на масштаб инфраструктуры Водздравотдела и на количество людей так или иначе связанных с речным транспортом в этом районе. Любопытно, что в это время в районах Нижней Волги наблюдался рост количества детских учреждений и мест в них из-за увеличения трудовой нагрузки для женщин [9, с. 263]. Обратная тенденция здесь связана, вероятно, с эвакуацией детей речников вглубь страны, падением рождаемости [9, с. 256].

Именно по этому списку сети организаций Астраханского участка можно судить о том, как было устроено медицинское обслуживание на речном транспорте, и представить лечебно-профилактическую систему Нижневолжского Водздравотдела на примере одного участка.

Борьба с инфекционными заболеваниями. Поистине огромный пассажиропоток в районе Нижней Волги в военные годы, скудное несбалансированное питание и часто антисанитарные условия порождали риск эпидемий на сопротивляющихся захватчику территориях, а потому особое значение приобретала медицинская помощь на речном транспорте и особенно мероприятия по предотвращению распространения инфекционных заболеваний.

В 1941 г. надзором за санитарно-эпидемиологической ситуацией в Нижневолжском Водздравотделе занимались госсанинспекция, Бассейновая Санэпидстанция и 2 Линейных (Сталинградская и Астраханская) Санэпидстанции. К осени 1942 г. Сталинградская Линейная Санэпидстанция не функционировала, а при оставшихся работу продолжали лаборатории, дезпункты, Коровой пункт (занимался изготовлением и распространением противокоревых сывороток и регистрацией зараженных и контактных), госсанинспекторы [10, л. 239]. В июле 1941 г. в Сталинградской области уже недоставало 17 госсанинспекторов, 11 врачей санэпидстанций [8, с. 140]. При этом с июля 1942 г. не проводились инспекции в сфере промышленности, коммунального хозяйства, с сентября – школьной и пищевой санитарии, что, очевидно, было связано со сложнейшей ситуацией на прифронтовых территориях. Контролем данных сфер занимались местные санитарные врачи, согласно предписаниям.

Одним из самых эффективных методов борьбы с эпидемиями была и остается вакцинопрофилактика. Разумеется, ее активное использование спасло немало жизней и во время Великой Отечественной войны.

5 февраля 1942 г. вышел приказ № 2 уполномоченного по группе Астраханских заводов «О разъяснительной работе среди речников о пользе прививок», который запрещал принимать в судокоманды и на заводы непривитых работников. На уклоняющихся от данных процедур или отказывающихся предоставлять документы о вакцинировании накладывались взыскания [17, л. 18]. Работники речного транспорта должны были привиться от оспы, брюшного тифа, дизентерии, дифтерии.

В таблице 1 представлены основные заболевания, от которых делал прививки Нижневолжский Водздравотдел своим работникам и пассажирам, а также приведено сравнение плановых показателей с реально осуществленным количеством вакцинаций. Как видно, организации удалось перевыполнить план по прививкам от брюшного тифа и дизентерии. Борьба с остальными инфекциями оказалась менее успешной. Для понимания эффективности прививок или ее отсутствия сопоставим информацию из таблицы 1 с соответствующими категориями из таблицы 2. Активизация вакцинации от брюшного тифа и дизентерии, видимо, вызвана очевидным ростом заболеваемости примерно в 1,5 раза в качестве ответной реакции. Интересно, что даже в таких тяжелых военных условиях не прекращалось закрепление успеха в борьбе с ликвидированной к 1936 г. оспой. Судя по количеству ревакцинаций от нее, невысокие показатели первичного прививания скорее связаны с его неактуальностью, вследствие повсеместного распространения вакцинации от оспы, а не, например, с недостатком препаратов. Возможно, падение количества случаев дифтерии более чем в 2 раза связано именно с вакцинацией.

Таблица 1. Состояние вакцинопрофилактики в Нижневолжском Водздравотделе на 1 ноября 1942 г., шт.

Table 1. Status of vaccination in the Nizhnevolzhsky Vodzdravotdel on November 1, 1942, pcs.

Заболевание, от которого прививали	Плановый показатель	Фактический показатель
Брюшной тиф	30 000	33 728
Дизентерия	15 000	20 142
Оспа	4 000	2 214
Оспа (ревакцинация)	16 000	11 353
Дифтерия	4 000	2 837
Дифтерия (ревакцинация)	6 000	1 979

Примечание. Источник: [10, л. 236].

Приказ Наркома Речного флота и Наркома здравоохранения СССР № 28/172 от 8 апреля 1942 г. «О мерах предупреждения эпидемических заболеваний на речном транспорте» предполагал целый комплекс мер: ремонт и строительство дезустановок на пристанях для судов и пассажиров, которые пропускались на борт только после обработки, организацию зон карантинизации, дезинфекции, дезинсекции, хлорирование оборудования, создание бань во всех значимых пунктах следования. Суда для эвакуирующихся были обеспечены таким минимумом: санустановки, хлорированная и кипяченая вода, запас хлора. Пассажиров старались фагировать (внесение бактериофагов против холерного вибриона), несмотря на сопротивление, осматривали перед посадкой и на санпропускных пунктах. Такие пункты располагались на пристанях (от дельты вверх по Волге): 18-ти футовый рейд Каспийского моря, Оля, Зеленга, Астрахань, Енотаевск, Владимировка, Сталинград, Быковы Хутора, Камышин [16, л. 102–105].

Выполнение данного приказа на Нижней Волге ознаменовалось тем, что в начале навигации в эксплуатацию в районе Сталинграда был введен плавающий санпропускник, переоборудованный из дебаркадера НВРП, в Аст-

рахани отремонтирована баржа-больница (3 сентября 1942 г. уведена в Гурьев для сохранения имущества и подавления там вспышки холеры) [10, л. 232].

С первых чисел июня 1942 г. началась разработка плана по борьбе с возможной вспышкой холеры, даже сейчас доставляющей массу проблем медслужбам нашей области и, тем более, крайне опасной в условиях скученности и антисанитарии обороняющегося города. Этот план включал в себя контроль водоемов, карантинизацию судов и организацию пунктов санконтроля, контроль водоснабжения и питания [20, с. 5]. Во второй половине июля появились первые случаи заболевания в Сталинграде. При этом профилактические меры сработали – речники и пассажиры не оказались среди заболевших в этом районе. В Астрахани же локализовать вспышку полностью не удалось, несмотря на сплошное фагирование команд судов и пассажиров, медосмотры, хлорирование и кипячение воды, санобработку пристаней, вокзалов, судов. В начале августа первые случаи заболевания проявились у водников Астрахани – 6 речников и членов их семей и 7 работников судоремонтного завода № 638. Последний случай этой вспышки инфекции, унесшей жизни 13 че-

Таблица 2. Сравнительные сведения об острозаразных заболеваниях, госпитализациях, исходах болезней за 1941 и 1942 гг. по Нижневолжскому бассейну

Table 2. Comparative data on acute infectious diseases, hospitalizations, and disease outcomes in 1941 and 1942 in the Lower Volga basin

Заболевание	Всего за 1942 г.			Всего за 1941 г.		
	Кол-во случаев	Госпитализации	Летальность	Кол-во случаев	Госпитализации	Летальность
Брюшной тиф	74	61	2	47	45	4
Сыпной тиф	33	34	2	9	9	–
Скарлатина	65	64	4	137	135	3
Дифтерия	44	40	7	106	102	9
Дизентерия (бациллярная)	87	62	12	44	35	2
Дизентерия (амебная)	2	2	–	17	17	–
Холера	13	13	13	–	–	–
Корь	192	?	–	761	?	–
Коклюш	263	?	–	260	?	–
Токсическая диспепсия	80	80	–	52	52	–
Туляремия	1	1	–	–	–	–
<i>Итого:</i>	854	812	40	1433	1416	18

Примечание. Составлено по: [10, л. 231–244].

ловец из юрисдикции Нижневолжского Водздравотдела, был зафиксирован 17 октября 1942 года. При этом достижением является то, что в сложнейших условиях с августа по октябрь медработникам удалось профагировать более 20 тысяч человек [10, л. 234]. Инфекционная картина региона в изучаемом году ясно вырисовывается в сравнении с первым военным годом, исходя из таблицы 2.

Статистические данные наглядно демонстрируют, что, несмотря на осложнение ситуации в Нижневолжском регионе в 1942 г. по сравнению с 1941 г., количество заразившихся инфекционными заболеваниями на водном транспорте упало почти в 2 раза. Этому можно найти несколько объяснений. Во-первых, из-за военных действий сократился доступ людей к медицинской помощи, многие вынужденно не обращались к врачу, умирали или выздоравливали от инфекционных болезней, не попадая в статистику, то есть под давлением внешних обстоятельств уменьшилась область диагностики. Во-вторых, на распространение инфекций больше всего влиял приток эвакуированных, приводивший к перенаселению городов, которое, в свою очередь, и становилось главным фактором быстрого возникновения эпидемий [4, с. 165]. В-третьих, тяжелый опыт первого военного года не прошел зря для санитарно-медицинских служб – мобилизация трудовых ресурсов медицинских организаций, их настоящий героизм, улучшение качества работ по санитарной обработке, дезинфекции, карантинизации позволили подавлять распространение инфекций в самом начале. Вероятнее всего, все эти факторы совокупно повлияли на картину заболеваемости примерно в равной степени. Еще одним объяснением такого положения дел может служить возможная массовая эвакуация маленьких детей с данной территории. К этой мысли приводит сопоставление вышеупомянутого факта уменьшившейся загрузки яслей и высоких показателей заболеваемости «детскими» скарлатиной, дифтерией и корью в 1941 г., значительно падающих в 1942 году. Также примерно в 2 раза (на этот раз не в пользу 1942 г.) отличается статистика по смертности, которую, в основном сформировали дизентерия и холера (100 % летальность), не наблюдавшиеся в 1941 году. При этом рост заболеваемо-

сти вполне пропорционален увеличению количества случаев в 1942 г. в Сталинграде [2, с. 64] и Астрахани [2, с. 68–69] в целом. Любопытно, что на речном транспорте в районе Сталинграда, в отличие от самого города [20, с. 5–6], было мало случаев холеры и туляремии. Такое же отличие можно наблюдать в количестве заболевших сыпным тифом в 1941 г. – 9 человек по Водздравотделу против 125 в Сталинграде [6, с. 157]. Огромные цифры по заболеваемости коклюшем и корью, которые представлены в таблице, могут свидетельствовать о возможной смертности среди детей, для которых, в отличие от взрослых, эти заболевания с большей вероятностью летальны.

Для современного человека несколько пугающе прозвучит постановление от 18 января 1943 г., в котором управление «Волготанкера» потребовало не привлекать больных открытой формой туберкулеза рабочих к сверхурочным работам и ночным сменам, предоставить им очередные отпуска и, по возможности, места в санаториях [15]. Этот факт хорошо дополняет картину сложного труда речников и их медицинских организаций. Таким образом, явно манифестируется острый недостаток кадров на речном транспорте.

Материальные и кадровые вопросы.

Как и во многих других сферах человеческой деятельности в 1942 г. острее всего в вопросах здравоохранения речников стояли кадровые проблемы. За август–сентябрь указанного года с работы выбыло 47 врачей: 5 отправились с эшелонами Наркомречфлота как сопровождающие, 3 уехали в эвакуацию с Астраханским Госмединститутом как научные сотрудники, 25 выбыли по уважительным причинам (с малолетними детьми, пожилые, инвалиды, жены военнослужащих при переводе, призыв на работу в эвакогоспиталь и т. д.), 14 дезертировало. Дела последних были переданы в Военный трибунал Водного транспорта, семеро из них приговорены к 4 месяцам тюремного заключения. На работу за год вновь поступило только 20 врачей, их численность на Астраханском участке составила 52 человека, в остальных районах (Сталинград, Владимировка, Камышин), в связи с очень сложной оперативной обстановкой подсчитать не удалось. Стоит отметить, что на 15 марта

1943 г. в Сталинградской области (включая Астраханский округ) насчитывалось всего 635 врачей [5, с. 57], то есть около 8 % из всех врачей этой территории работали на Астраханском лечсанучастке Водздравотдела. При этом в последнем не было ни одного хирурга и невропатолога, не хватало отоларингологов и окулистов [10, л. 240].

Особый недостаток кадров наблюдался среди санитарных врачей и эпидемиологов, место которых были вынуждены занять врачи лечебного профиля [10, л. 239].

Исходя из количества дезертиров, можно понять, что проблема трудовой дисциплины также была крайне актуальной. В 1941 г. было 179 случаев нарушения трудовой дисциплины и 9 из них закончились судом. В 1942 г. ситуация несколько улучшилась – 130 случаев и 4 суда [10, л. 240].

При этом не стоит забывать о самоотверженном труде многих других медработников. Фельдшер Олесева оказывала медпомощь морякам Каспия, доставлявшим нефть фронту [10, л. 232]. Особо отличились в борьбе с эпидемией холеры врач А.И. Добрынченко, эпидемиолог В.С. Ковалева и помощник эпидемиолога Ф.Ф. Соколова [10, л. 234]. 11 июля 1943 г. исполнилось 25 лет Народному Комиссариату здравоохранения, в честь чего Н. Непомнящий, начальник Нижневолжского Водздравотдела, написал юбилейную статью в газете «За советскую нефть» [12]. В ней автор упомянул, что 20 медсанработников организации были награждены значками Наркомздрава и Наркомречфлота. Помимо этого он особо отмечает как хороших работников:

1) врачей: Эпштейн, Федотову, Загорянскую, Григорьеву, Калантарова, Костюковскую, Блюм, Неводчикова, Подвальнову, Ковалеву, Тихомирову, Белякову, Сутырину;

2) медсестер: Осипову, Соколову, Зяблову, Гаранину, Рудченко, Журавлеву;

3) судовых медиков: Виноградову, Викторину, Хохлову, Одинокону, Белоконову;

4) фармацевтов: Филееву и Субботину;

5) дезинфекторов: Зайсунову, Кудинову, Попову;

6) санитарок: Литину, Бобкову, Ситникову, Гамаюнову;

7) педиатров: Архипову, Коханову, Голубкову;

8) заведующих яслями: Митрохину, Митрофанову, Порецкую, Мочкину, Канаеву.

Исходя из фамилий медработников, можно судить, что большую их часть составляли женщины, как, в частности, это было и в обслуживаемом Водздравотделом пароходстве «Волготанкер». Сами категории специалистов подтверждают вышеописанную схему учреждений, организованных для речников.

Персонал Водздравотдела не только лечил больных. 100 % работников приняли участие в сборе средств для военного займа. Многие принимали участие в строительстве оборонительных рубежей Сталинграда и Астрахани [10, л. 239].

Весь 1942 г. при больнице им. Соловьева в Астрахани продолжала деятельность школа фельдшеров, выпустившая 49 человек, а также обучившая 75 медсестер и вновь набравшая в августе 140 человек. Директором школы являлся доктор С.И. Якиманский [10, л. 238].

Осенью 1942 г. заметной проблемой стало занятие частями РККА зданий Водздравотдела и самовольная экспроприация или порча имущества, например, лошадей, пролеток, зданий Правобережной больницы и Дома матери и ребенка в Астрахани. Были сделаны попытки изъять в пользу армии флот Водздравотдела, но этот и вышеупомянутые случаи окончились разбирательствами в Гарнизонной военной прокуратуре и сохранением всех ресурсов за медицинской организацией и даже возмещением ей утраченного. Исходя из решений в пользу Водздравотдела, можно судить о том, что медицинское обеспечение региона имело принципиальное значение даже на фоне жизненно важной обороны, когда, на первый взгляд, приоритет должен был отдаваться поддержке военных действий любой ценой.

Несмотря на это, снабжение Водздравотдела оставляло желать лучшего. Потребности организации в топливе покрывались лишь примерно на 50 % и персоналу приходилось заниматься лесозаготовками, что снижало эффективность основной деятельности. Такие же сложности были с мылом и керосином, постельным бельем [10, л. 240]. В целом, кадровые и материальные дефициты, с которыми столкнулся Водздравотдел, по дошедшим

до нас воспоминаниям медиков были широко распространенным явлением [7, с. 87].

Результаты. Нижневолжский Водздравотдел во время войны оказывал помощь не только работникам «Волготанкера», «Рейдтанкера» и Нижневолжского речного пароходства и связанных с ними организаций, но и пассажирам, которые включали массу эвакуированных из западных регионов страны, а с начала Сталинградской битвы – эвакуировавшихся уже непосредственно из зоны боевых действий. Таким образом, его работа влияла на эффективность деятельности нескольких пароходств и была центральной в вопросе остановки распространения инфекционных заболеваний.

Удалось установить, что структура организации включала в себя: больницы, брони для речников в специальных стационарах, навигационные медпункты, стационарные медпункты, береговые и судовые комнаты матери и ребенка, ясли, молочные кухни, роддома, детские консультации, здравпункты, свои медкатера, амбулатории, диетические столовые, санатории, санпропускники, дезпункты. Во время Сталинградской битвы пострадала инфраструктура Водздравотдела в районе Камышина, Сталинграда, Большой дамбы, Красноармейска, Владимировки, Астрахани, но, несмотря на это, удалось перестроить работу и принять участие в локализации вспышек холеры, туляремии, малярии, тифа. Нижневолжский Водздравотдел организовывал контроль водоемов, карантинизацию судов и работу пунктов санконтроля, контроль водоснабжения судов и пристаней, вакцинацию пассажиров. Их и работников пароходств, особенно плавсостав, прививали от оспы, брюшного тифа, дизентерии, дифтерии и фагировали. Судя по тому, что в отличие от ухудшившейся в регионе ситуации по инфекционной заболеваемости в 1942 г., на речном транспорте число случаев упало почти в 2 раза по сравнению с 1941 г., меры, предпринятые Нижневолжским Водздравотделом, оказались эффективны.

Несмотря на крайне сложные условия труда и большой недостаток кадров в описанный период, жалоб на недостаточность работы медперсонала Нижневолжского Водздравотдела не было. Более того, ему удалось перевыполнить план по прививкам от брюш-

ного тифа, дизентерии, помочь подавить вспышку эндемичной холеры, попадание которой в укрепления защитников города могло бы стать фатальным, а также, по сути, поборов саму природу, внести свой вклад в победу в Сталинградской битве.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Братская могила советских воинов, погибших в период Сталинградской битвы, хут. Щучий. URL: <https://voopiik34.ru/object/bratskaya-mogila-sovetskih-voinov-pogibshih-v-period-stalingsgradskoj-bitvy-hut-shhuchij/>
2. Булюлина Е. В., Головина Е. Л., Лысенко И. А. Санитарно-эпидемическое состояние Сталинградской области и работа органов здравоохранения в 1941–1945 годах // Крестьяноведение. 2021. Т. 6, № 2. С. 62–78.
3. Гоманенко О. А., Булатов В. В., Бетина Л. А., Головина Е. Л., Николаева Л. В. Волжско-Каспийский бассейн в 1942–1943 годах. Волгоград: ГКУ ВО ЦИМТО, 2022. 384 с.
4. Епифанов А. Е., Красноженова Е. Е. Организация и проведение санитарно-эпидемиологических мероприятий в Сталинграде и отдельных районах Сталинградской области (1942–1943 гг.) // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 4, История. Регионоведение. Международные отношения. 2023. Т. 28, № 1. С. 162–174. DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2023.1.15>
5. Епифанов А. Е. Регламентация и практика кадрового обеспечения здравоохранения в Сталинградской области (1942–1943) // История государства и права. 2024. № 2. С. 54–59.
6. Желтова Л. В. Военное здравоохранение в Сталинградской битве: Организация медицинского обеспечения и деятельность медицинской службы Красной Армии: дис. ... канд. ист. наук. Волгоград, 1999. 221 с.
7. Киценко О. С., Киценко Р. Н., Белова Л. И. Проблемы медицинского обеспечения Красной армии в годы Великой Отечественной войны (по свидетельствам медиков Сталинграда) // Вестник Волгоградского государственного медицинского университета. 2015. № 1 (53). С. 86–89.
8. Красноженова Е. Е. Здравоохранение Нижнего Поволжья в период Великой Отечественной войны (1941–1945 гг.) // Известия Алтайского государственного университета. 2012. № 4–1 (76). С. 140–143.
9. Красноженова Е. Е. Исторический опыт реализации социальной политики Советского государства в период Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. (на материалах Нижнего Поволжья): дис. ... д-ра. ист. наук. Астрахань, 2014. 495 с.

10. Краткие итоги работы по организации медико-санитарного обслуживания навигации 1942 г. на Нижней Волге от 15 ноября 1942 г. // Государственный архив Астраханской области (ГААО). Ф. П-796. Оп. 1. Д. 19. Л. 231–244.

11. Михель Д. В. Медиализация как социальный феномен // Вестник СГТУ. 2011. № 4 (60). Вып. 2. С. 256–263.

12. Непомнящий Н. 25 лет советского здравоохранения на водном транспорте // За советскую нефть. 1943. 10 июля (№ 34). С. 2.

13. Нестеренко А. Ф. Героический подвиг жителей Петропавловки в годы ВОВ. URL: http://museumahtubinsk.astr.muzkult.ru/media/2022/10/18/1284113756/Geroicheskij_podvig_zhitelej_Petropavlovki_v_gody_VOV.pdf

14. Плехов И. М., Хватов С. П., Захаров Г. И. В огне сталинградских переправ. Волгоград: Ком. по печати, 1996. 288 с.

15. Постановление Политотдела Волжского нефтеналивного пароходства «Волготанкер» от 18 января 1943 г. // ГААО. Ф. П-796. Оп. 1. Д. 25. Л. 2.

16. Приказ Народного комиссариата речного флота и Народного комиссариата здравоохранения СССР от 8 апреля 1942 г. // ГААО. Ф. П-796. Оп. 1. Д. 10. Л. 102–105.

17. Приказ уполномоченного по группе Астраханских заводов «О разъяснительной работе среди речников о пользе прививок» от 5 февраля 1942 г. // ГААО. Ф. Р-2163. Оп. 1. Д. 439. Л. 18.

18. Среднеахтубинский районный историко-краеведческий музей. История Средней Ахтубы. URL: <https://ahtuba-museum.vgr.muzkult.ru/history>

19. Сталинградская битва: июль 1942 – февраль 1943 / под ред. М. М. Загоруйко [и др.]. Волгоград: Издатель, 2012. 797 с.

20. Чернышева И. В. Санитарно-эпидемическая обстановка в Сталинграде в 1941–1943 гг. // Волгоградский научно-медицинский журнал. 2015. № 1. С. 3–7.

21. Чуйков В. И. Сражение века. М.: Сов. Россия, 1975. 400 с.

REFERENCES

1. *Bratskaia mogila sovetskikh voinov, pogibshikh v period Stalingradskoi bitvy, khut. Shchuchii* [Mass Grave of Soviet Soldiers Who Died During the Battle of Stalingrad, Khut. Shchuchii]. URL: <https://voopiik34.ru/object/bratskaya-mogila-sovetskikh-voinov-pogibshih-v-period-stalingradskoj-bitvy-hut-shhuchij/>

2. Buliulina E.V., Golovina E.L., Lysenko I.A. *Sanitarно-epidemicheskoe sostoianie Stalingradskoi oblasti i rabota organov zdravookhraneniia v 1941–*

1945 godakh [The Sanitary and Epidemic State of the Stalingrad Region and the Work of Health Authorities in 1941–1945]. *Krestianovedenie*, 2021, vol. 6, no. 2, pp. 62–78.

3. Gomanenko O.A., Bulatov V.V., Betina L.A., Golovina E.L., Nikolaeva L.V. *Volzhsko-Kaspiiskii bassein v 1942–1943 godakh* [Volga-Caspian Basin in 1942–1943]. Volgograd, GKU VO TsIMTO, 2022. 384 p.

4. Epifanov A.E., Krasnozhenova E.E. *Organizatsiia i provedenie sanitarno-epidemiologicheskikh meropriiatii v Stalingrade i ot delnykh raionakh Stalingradskoi oblasti (1942–1943 gg.)* [Organization and Holding Sanitary and Epidemiological Measures in Stalingrad and Separate Districts of the Stalingrad Region (1942–1943)]. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 4. Istoriya. Regionovedenie. Mezhdunarodnye otnosheniya* [Science Journal of Volgograd State University. History. Area Studies. International Relations], 2023, vol. 28, no. 1, pp. 162–174. DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2023.1.15>

5. Epifanov A.E. *Reglamentatsiia i praktika kadrovogo obespecheniia zdravookhraneniia v Stalingradskoi oblasti (1942–1943)* [Regulation and Practice of Healthcare Staffing in the Stalingrad Region (1942–1943)]. *Istoriia gosudarstva i prava*, 2024, no. 2, pp. 54–59.

6. Zheltova L.V. *Voennoe zdravookhranenie v Stalingradskoi bitve: Organizatsiia meditsinskogo obespecheniia i deiatelnost meditsinskoi sluzhby Krasnoi Armii: dis. ... kand. ist. nauk* [Military Healthcare in the Battle of Stalingrad: Organization of Medical Support and Activities of the Red Army Medical Service. Cand. hist. sci. diss.]. Volgograd, 1999. 221 p.

7. Kitsenko O.S., Kitsenko R.N., Belova L.I. *Problemy meditsinskogo obespecheniia Krasnoi armii v gody Velikoi Otechestvennoi voyny (po svidetelstvam medikov Stalingrada)* [Problems of Medical Support for the Red Army During the Great Patriotic War (According to the Testimony of Doctors of Stalingrad)]. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo meditsinskogo universiteta*, 2015, no. 1 (53), pp. 86–89.

8. Krasnozhenova E.E. *Zdravookhranenie Nizhnego Povolzhia v period Velikoi Otechestvennoi voyny (1941–1945 gg.)* [Healthcare of the Lower Volga Region During the Great Patriotic War (1941–1945)]. *Izvestiia Altaiskogo gosudarstvennogo universiteta*, 2012, no. 4–1 (76), pp. 140–143.

9. Krasnozhenova E.E. *Istoricheskii opyt realizatsii sotsialnoi politiki Sovetskogo gosudarstva v period Velikoi Otechestvennoi voyny 1941–1945 gg. (na materialakh Nizhnego Povolzhia): dis. ... d-ra ist. nauk* [The Historical Experience of the Implementation

of the Social Policy of the Soviet State During the Great Patriotic War of 1941–1945 (Based on the Materials of the Lower Volga Region). Dr. hist. sci. diss.]. Astrakhan, 2014. 495 p.

10. Kratkie itogi raboty po organizatsii mediko-sanitarnogo obsluzhivaniia navigatsii 1942 g. na Nizhnei Volge ot 15 noiabria 1942 g. [Summary of the Work on the Organization of Medical and Sanitary Services for Navigation in 1942 on the Lower Volga Dated November 15, 1942]. *Gosudarstvennyi arkhiv Astrakhanskoi oblasti (GAAO)* [State Archive of the Astrakhan Region], f. P-796, inv. 1, d. 19, l. 231-244.

11. Mikhel D.V. Medikalizatsiia kak sotsialnyi fenomen [Medicalization as a Social Phenomenon]. *Vestnik SGTU*, 2011, no. 4 (60), iss. 2, pp. 256-263.

12. Nepomniashchii N. 25 let sovetskogo zdravookhraneniia na vodnom transporte [25 Years of Soviet Public Health on Water Transport]. *Za sovetskuiu nefi*, 1943, 10 iulia (no. 34), p. 2.

13. Nesterenko A.F. *Geroicheskii podvig zhitelei Petropavlovki v gody VOV* [The Heroic Feat of the Inhabitants of Petropavlovsk During the Great Patriotic War]. URL: http://museumahtubinsk.astr.muzkult.ru/media/2022/10/18/1284113756/Geroicheskij_podvig_zhitelej_Petropavlovki_v_gody_VOV.pdf

14. Plekhov I.M., Khvatov S.P., Zakharov G.I. *V ognе stalingradskikh pereprav* [In the Fire of the Stalingrad Crossings]. Volgograd, Kom. po pečati, 1996. 288 p.

15. Postanovlenie Politotdela Volzhskogo neftenalivnogo parokhodstva «Volgotanker» ot 18 ianvaria 1943 g. [Resolution of the Political Department of the Volga Oil Shipping Company Volgotanker Dated

January 18, 1943]. *GAAO* [State Archive of the Astrakhan Region], f. P-796, inv. 1, d. 25, l. 2.

16. Prikaz Narodnogo komissariata rechnogo flota i Narodnogo komissariata zdravookhraneniia SSSR ot 8 apreliia 1942 g. [Order of the People's Commissariat of the River Fleet and the People's Commissariat of Health of the USSR Dated April 8, 1942]. *GAAO* [State Archive of the Astrakhan Region], f. P-796, inv. 1, d. 10, l. 102-105.

17. Prikaz upolnomochennogo po gruppe Astrakhanskikh zavodov «O razieiasnitelnoi rabote sredi rechnikov o polze privivok» ot 5 fevralia 1942 g. [The Order of the Commissioner for the Astrakhan Factories Group "On Explanatory Work Among Rivermen on the Benefits of Vaccinations" Dated February 5, 1942]. *GAAO* [State Archive of the Astrakhan Region], f. R-2163, inv. 1, d. 439, l. 18.

18. *Sredneakhtubinskii raionnyi istoriko-kraevedcheskii muzei. Istoriia Srednei Akhtuby* [Srednyaya Akhtuba Regional Museum of Local History. The History of the Srednyaya Akhtuba]. URL: <https://ahtuba-museum.vgr.muzkult.ru/history>

19. Zagorulko M.M. et al., eds. *Stalingradskaia bitva: iul 1942 – fevral 1943* [Battle of Stalingrad. July 1942 – February 1943]. Volgograd, Izdatel Publ., 2012. 797 p.

20. Chernysheva I.V. Sanitarno-epidemicheskai obstanovka v Stalingrade v 1941–1943 gg. [Sanitary and Epidemic Situation in Stalingrad in 1941–1943]. *Volgogradskii nauchno-meditsinskii zhurnal*, 2015, no. 1, pp. 3-7.

21. Chuikov V.I. *Srazhenie veka* [Battle of the Century]. Moscow, Sov. Rossiia Publ., 1975. 400 p.

Information About the Author

Margarita I. Bukatina, Postgraduate Student, Department of History and International Relations, Volgograd State University, Prosp. Universitetskii, 100, 400062 Volgograd, Russian Federation, im-201_175393@volsu.ru, <https://orcid.org/0000-0001-6765-4170>

Информация об авторе

Маргарита Игоревна Букатина, аспирант кафедры истории и международных отношений, Волгоградский государственный университет, просп. Университетский, 100, 400062 г. Волгоград, Российская Федерация, im-201_175393@volsu.ru, <https://orcid.org/0000-0001-6765-4170>



DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2024.3.10>

UDC 930(470.45)«1942/1943»

LBC 63.3(2)622

Submitted: 15.10.2023

Accepted: 28.02.2024

LOSSES OF PERSONNEL OF THE 10th RIFLE DIVISION OF THE INTERNAL TROOPS OF THE NKVD IN THE BATTLE OF STALINGRAD

Maksim A. Strelnikov

Volgograd State University, Volgograd, Russian Federation

Abstract. Introduction. The issue of the losses of the Armed Forces of the USSR during the Great Patriotic War does not lose its relevance to this day. This is also connected to its practical side in the conditions of modern geopolitical crises. At the same time, the resolution of the issue is difficult due to the volume of the source base as well as the gaps in it. **Methods and materials.** The principles of historicism and objectivity became the basis of the research. The author also turned to general historical research methods (narrative, historical genetic, historical comparative, and historical typological). The study used materials from the Central Archive of the Russian Ministry of Defense and the Federal Security Service of Russia. **Analysis and results.** The current study is devoted to the issue of losses of the Internal Troops of the NKVD in the Battle of Stalingrad, using the example of the 10th Infantry Division of the Internal Troops of the NKVD. This military unit was one of the largest of the NKVD troops that took part in the battle during the most difficult period of the defensive stage and was also the most famous of these troops. The author established the strength of the 10th Infantry Division of the Internal Troops of the NKVD during different periods of the defense of Stalingrad, and also indicated different options for calculating unit losses and problems in this process.

Key words: NKVD, Battle of Stalingrad, defense of Stalingrad, 10th Rifle Division of the Internal Troops of the NKVD, losses of personnel.

Citation. Strelnikov M.A. Losses of Personnel of the 10th Rifle Division of the Internal Troops of the NKVD in the Battle of Stalingrad. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 4. Istoriya. Regionovedenie. Mezhdunarodnye otnosheniya* [Science Journal of Volgograd State University. History. Area Studies. International Relations], 2024, vol. 29, no. 3, pp. 111-124. (in Russian). DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2024.3.10>

УДК 930(470.45)«1942/1943»

ББК 63.3(2)622

Дата поступления статьи: 15.10.2023

Дата принятия статьи: 28.02.2024

ПОТЕРИ ЛИЧНОГО СОСТАВА 10-й СТРЕЛКОВОЙ ДИВИЗИИ ВНУТРЕННИХ ВОЙСК НКВД В СТАЛИНГРАДСКОЙ БИТВЕ

Максим Александрович Стрельников

Волгоградский государственный университет, г. Волгоград, Российская Федерация

Аннотация. Введение. Вопрос потерь Вооруженных сил СССР в период Великой Отечественной войны не теряет своей актуальности до сих пор. Это также связано с его практической стороной в условиях современных геополитических кризисов. В то же время разрешение вопроса затруднено из-за объемности источниковой базы, а также пробелов в ней. Ввиду этого рассмотрение проблемы потерь войск НКВД в период конкретного сражения – Сталинградской битвы – является необходимым научным исследованием как в теоретическом, так и практическом плане. **Методы и материалы.** В изыскании были применены традиционные общенаучные и конкретно-научные методы исторического исследования. Были использованы архивные материалы (опубликованные и неопубликованные) центральных архивов Министерства обороны Российской Федерации и Федеральной службы безопасности Российской Федерации, а также источники личного происхождения. **Анализ.** В исследовании рассмотрен вопрос потерь внутренних войск НКВД в Сталинградской битве на примере 10-й стрелковой дивизии внутренних войск НКВД, поскольку данное воинское соединение –

крупнейшее из состава войск НКВД, которое принимало участие в сражении в самый сложный период оборонительного этапа, вело боевую деятельность в нем, а также наиболее известное из состава указанных войск. *Результаты.* Было выявлено, что современная отечественная историография не имеет точного и документально подтвержденного ответа на указанную тему. Автором была установлена численность 10-й стрелковой дивизии внутренних войск НКВД в разные периоды обороны Сталинграда, а также указаны разные варианты подсчета потерь соединения и проблемы в этом процессе. Также скорректированы выводы некоторых исследователей Сталинградской битвы по вопросу применения войск НКВД в ней.

Ключевые слова: НКВД, Сталинградская битва, оборона Сталинграда, 10-я стрелковая дивизия внутренних войск НКВД, потери личного состава.

Цитирование. Стрельников М. А. Потери личного состава 10-й стрелковой дивизии внутренних войск НКВД в Сталинградской битве // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 4, История. Регионоведение. Международные отношения. – 2024. – Т. 29, № 3. – С. 111–124. – DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2024.3.10>

Введение. Вопрос потерь личного состава Вооруженных сил СССР в период Сталинградской битвы до сих пор остается актуальным, поскольку данные исследования проводятся, но имеют определенные сложности [85, с. 191–192]. Например, в энциклопедии «Сталинградская битва» приведены общие потери в Сталинградской битве – 1 129 619 человек [84, с. 762] со ссылкой на исследование коллектива военных историков под руководством Г.Ф. Кривошеева. Затем идет несколько приложений, где представлено уже иное число – 1 135 500 человек¹ [84, с. 762–764]. Потом вновь указана таблица из справочного издания группы Г.Ф. Кривошеева [84, с. 764–765], однако в последнем есть уточнение, что отражены не все воинские формирования [11, с. 109].

Однако до сих пор нет точного ответа о количестве потерь личного состава войск НКВД в период Сталинградской битвы. В приведенной энциклопедии отмечается, что 1 129 619 человек – потери без учета этих войск [84, с. 762], в справочном издании коллектива Г.Ф. Кривошеева есть уточнение: «В книгу также включены потери войск НКВД и пограничников...» [11, с. 11]. Таким образом вопрос остается открытым, поскольку даже если учесть, что в работе указанного коллектива указаны цифры потерь войск НКВД, то все равно они идут совместно с иными родами войск Вооруженных сил СССР, то есть не приведены конкретно по интересующим нас войскам. В этой связи стоит обратиться к рассмотрению вопроса потерь внутренних войск НКВД (далее – ВВ НКВД) на примере 10-й стрелковой дивизии ВВ НКВД, поскольку данное соедине-

ние является крупнейшим из состава НКВД, принимавшим участие в Сталинградской битве. Нынешнее исследование является продолжением предыдущего [86, с. 479].

Методы и материалы. В исследовании применены общенаучные методы (дедукция, системный подход, анализ и синтез) и частнонаучные (историко-генетический, историко-сравнительный, проблемный). В работе были использованы материалы из центральных архивов Министерства обороны Российской Федерации и Федеральной службы безопасности Российской Федерации.

Анализ. Изучив работы по названной теме, можно заключить, что в целом вопрос потерь в Сталинградской битве является острым. Трудным моментом остается проблема потерь войск НКВД. В этой связи стоит перейти к его частичному разрешению – установлению потерь личного состава 10-й стрелковой дивизии ВВ НКВД.

Прежде всего необходимо отметить, что существует два варианта подсчета потерь: первый – разница между количеством личного состава перед участием в боевых действиях (23 августа 1942 г.) и после вывода соединения из сражения²; второй – сумма потерь за все дни боевой деятельности.

В целом по количеству личного состава 10-й стрелковой дивизии ВВ НКВД в трудах исследователей имеются следующие данные³: 8 615 человек [10, с. 124], 8 479 человек [4, с. 115; 17, с. 99; 18, с. 114], 7 967 человек [4, с. 134; 9, с. 60; 12, с. 60; 15, с. 153; 17, с. 101; 18, с. 119; 27, с. 92; 29, с. 150], 7 900 человек [19, с. 9; 20, с. 942], 7 568 человек [4, с. 129; 6, с. 79; 14, с. 180; 24, с. 20; 31, с. 40], 7 500 человек [25,

с. 75] – это численность дивизии перед началом боевых действий, а на период завершения (вывода соединения из сражения) в ней оставалось – более 400 человек [30, с. 222] и 200 человек [1, с. 39; 2, с. 36; 3, с. 275; 4, с. 201; 6, с. 79; 15, с. 162; 16, с. 33; 24, с. 23; 25, с. 75; 27, с. 99; 29, с. 150; 73, с. 17].

Как видно, сведения противоречат друг другу не только в разных исследованиях, но и порой в рамках одного и того же исследования, а при условии, что в основной массе у авторов нет ссылок на источники и историографию, без перепроверки по источникам невозможно делать какие-либо выводы.

В работах исследователей представлены сведения об общих потерях соединения за период Сталинградской битвы: 6 233 человека [4, с. 200; 17, с. 103; 18, с. 131], 3 986 человек [5, с. 65], 3 983 человека [28, с. 85; 87, с. 249], 1 520 человек [1, с. 40]. Стоит отметить, что в некоторые данные вклю-

чаются также потери пленными, дезертировавшими [4, с. 171; 31, с. 110], поэтому замечания отдельных авторов, что среди военнослужащих 10-й стрелковой дивизии ВВ НКВД не было пленных [30, с. 229], не имеют под собой оснований.

Разобравшись с историографическими данными, необходимо перейти к рассмотрению источниковой информации. Для удобства сведения представлены в виде таблицы (см. таблицу)⁴. Из них можно сделать следующие выводы.

Во-первых, сведения в докладной записке за вторую половину сентября 1942 г. неполны (см. стб. 5 и 6). Это можно объяснить тем, что в данный период шли активные боевые действия, поэтому учет личного состава был затруднен. Также неполны сведения за 4 октября 1942 г., поскольку они приводятся в целом за период с июля по октябрь 1942 года.

Количество личного состава 10-й стрелковой дивизии ВВ НКВД

The number of personnel of the 10th Rifle Division of the Internal Troops of the NKVD

1	2	3	4	5	6	7	8
Формирования ^I	12 июля 1942 г.	23 августа 1942 г.	10 сентября 1942 г. ^{II}	15 сентября 1942 г.	22 сентября 1942 г.	1–3, 5 октября 1942 г. ^{III}	4 октября 1942 г.
269 сп ВВ НКВД	1 024	–	1 637	435	637	364	1 076
270 сп ВВ НКВД	998	–	2 437	540	–	281	
271 сп ВВ НКВД	1 420	–	1 461	135	–	275	
272 сп ВВ НКВД	1 134	–	1 505	210	220	251	
273 сп ВВ НКВД	1 386	–					
282 сп ВВ НКВД	–	–	1 237	1 100	1 157	1 001	498
10 сд ВВ НКВД ^{IV}	7 264 ^V	7 568	8 615	2 420 ^{VI}	2 014 ^{VI}	2 364 ^{VII}	1 574 ^{VI}
	6 167						

Примечания. Составлено по: [13, с. 393, 408; 21; 23, л. 3 об.; 32; 70, с. 458; 71; 76–79; 80–82; 83, л. 62].

^I Использованы сокращения: сд – стрелковая дивизия; сп – стрелковый полк. ^{II} Есть разночтения в дате, однако в связи с тем, что 10 (13) августа 1942 г. 273-й стрелковый полк ВВ НКВД не был исключен из состава соединения, а 282-й стрелковый полк ВВ НКВД еще не был включен, указана именно эта. ^{III} Данные по отдельным формированиям и уровням личного состава представлены по разным датам. ^{IV} В том числе управление, медико-санитарная рота и отдельная рота обеспечения. ^V Сверху – списочная численность, снизу – наличная. ^{VI} Без учета управления, медико-санитарной роты и отдельной роты обеспечения. ^{VII} С учетом пополнения из ГУ ВВ НКВД СССР (39 человек) и приданного личного состава из иных формирований (95 человек).

Notes. According to: [13, p. 393, 408; 21; 23, l. 3 r.; 32; 70, p. 458; 71; 76–79; 80–82; 83, l. 62]. ^I Abbreviations used: сд – rifle division; сп – rifle regiment. ^{II} There are discrepancies in the date, however, due to the fact that on August 10 (13), 1942, the 273rd Rifle Regiment of the Internal Troops of the NKVD was not excluded from the formation, and the 282nd Rifle Regiment of the Internal Troops of the NKVD had not yet been included, it is indicated this. ^{III} Data for individual formations and levels of personnel are presented for different dates. ^{IV} Including management, medical and sanitary company and a separate support company. ^V Above is the payroll number of personnel, below is the available number. ^{VI} Without taking into account the management, medical and sanitary company and a separate support company. ^{VII} Taking into account replenishment from the Main Directorate of the Internal Troops of the NKVD of the USSR (39 people) and assigned personnel from other formations (95 people).

Во-вторых, работы исследователей переполнены сведениями о численности соединения, но лишь часть имеет отношение к действительности. Например, ясно, что данные из стб. 7 и 8 таблицы полностью опровергают устоявшийся шаблон о численности 10-й стрелковой дивизии ВВ НКВД в «200 человек» в момент вывода соединения из сражения [1, с. 39; 2, с. 36; 3, с. 275; 4, с. 201; 6, с. 79; 15, с. 162; 16, с. 33; 24, с. 23; 25, с. 75; 27, с. 99; 29, с. 150; 73, с. 17].

В-третьих, соединение не имело полной штатной численности личного состава с самого начала Сталинградской битвы, поскольку для стрелковых дивизий ВВ НКВД она должна была составлять – 10 137 человек [83, л. 62] или по 1 624–1 650 человек на стрелковый полк ВВ НКВД.

Стоит отметить, что в стб. 7 численность 282-го стрелкового полка ВВ НКВД отражена некорректно, о чем будет сказано отдельно.

Резюмируя данные таблицы, можно сказать, что, исходя из разницы численности личного состава соединения, общие потери составили 5 204 человека, или 68,76 % от численности на начало участия отдельных подразделений 10-й стрелковой дивизии ВВ НКВД в боевых действиях (ср. стб. 3 и 7).

Переходя ко второму варианту подсчета, следует указать, что он затруднен из-за проблем в источниковой базе. Данная методика представляет собой простое сложение всех сведений о потерях за период с августа по октябрь 1942 г. на основе делопроизводственной документации соединения и (или) его подразделений. Таким образом, полученная цифра будет являться пороговой, однако имеются серьезные проблемы. Во-первых, сведения отрывочны и не относятся к конкретным формированиям за весь указанный период, а только по отдельным промежуткам. Например, в журнале боевых действий 269-го стрелкового полка ВВ НКВД отсутствуют данные о потерях за 13–14, 20, 27–28 сентября 1942 г. [26, л. 31, 38, 46, 55–57]. Также не представилось возможным найти оперативные сводки соединения за 13–15 сентября 1942 года.

Во-вторых, распределение по группам потерь (безвозвратные / санитарные) также

затруднено, поскольку в некоторые дни нет деления. Обычная практика указания потерь была следующая – «убитые» и «раненые», реже добавлялась категория «без вести пропавшие». Однако в безвозвратные потери включаются также умершие от ран при оказании медицинской помощи в небоевых условиях, пленные, а также серьезным пробелом являются небоевые потери.

В-третьих, в некоторых делопроизводственных материалах потери подразделений 10-й стрелковой дивизии ВВ НКВД представлены не в точном количественном выражении, а в относительном (в процентах) [61, л. 14 об.; 63, л. 27; 72, л. 18].

Вернемся к первой методике подсчета. В таком случае данные весьма точные и без каких-либо искажений, однако это не будет реальной цифрой потерь, поскольку необходимо учитывать пополнения подразделений, выведения части личного состава из подразделений и т. д. Например, в состав 282-го стрелкового полка ВВ НКВД 27 августа 1942 г. из оперативной группы генерал-майора танковых войск Н.В. Фекленко было передано [7, л. 228] 130 человек и 32 человека с собаками – истребителями танков⁵, 6 сентября 1942 г. – 202 человека⁶, 18 сентября 1942 г. в состав 35-й гвардейской стрелковой дивизии – 18 человек из 271-го стрелкового полка ВВ НКВД [13, с. 366].

Нельзя не отметить, что иногда указанный момент отражается в работах авторов [4, с. 153; 14, с. 180; 31, с. 50–51]. В то же время исследователи не привлекают кроме воспоминаний А.А. Сараева другие источники.

Если же проследить изменение количества личного состава соединения в период между 23 августа и 10 сентября 1942 г., то выйдет, что численность увеличилась на 1 047 человек. Если учесть потери подразделений, то получится 1 701 человек [13, с. 365–366, 395–405; 26, л. 2–19; 33–60; 62].

Также авторы, например С.А. Лагодский и Ю.П. Ржевцев, ссылаясь на А.А. Сараева, не указывают 250 человек (о которых пишет Александр Андреевич), переданных из рабочего отряда Сталинградского металлургического завода «Красный Октябрь» 29 августа – 2 сентября 1942 г. в состав 269-го стрелкового полка ВВ НКВД [74, с. 105].

Данные в воспоминаниях А.А. Сараева о пополнениях расходятся с фактическими сведениями из делопроизводственной документации 10-й стрелковой дивизии ВВ НКВД. Можно предположить, что либо численность передаваемого личного состава была иной, либо передача осуществлялась не в подразделения соединения, а в иные воинские формирования, например в состав истребительных батальонов. Однако, пока авторы не дали ссылок на первоисточники, их выводы можно поставить под сомнение, поскольку расхождение составляет несколько сот человек. На данный момент не представилось возможным уточнить о включении указанных пополнений в состав 10-й стрелковой дивизии ВВ НКВД, поэтому они в нынешнем исследовании не учитывались.

По вопросу численности 282-го стрелкового полка ВВ НКВД можно отметить следующее. Во-первых, на момент вывода основной части 10-й стрелковой дивизии ВВ НКВД из сражения полк имел самое большое количество человек в строю [64–67; 68, л. 69; 69, л. 107; 75; 79]. Во-вторых, на 3 октября 1942 г. 282-й стрелковый полк ВВ НКВД имел в своем составе на 55 человек больше, чем было указано в дивизионной отчетной документации [32; 76].

Стоит также указать, что на 24 октября 1942 г. 282-й стрелковый полк ВВ НКВД был сведен в батальон и насчитывал 83 активных штыка⁷, что опровергает данные о подобном переформировании ранее (в начале октября) и тем более данные, представленные в работах исследователей, о численности подразделения. Например, 59 человек к 7 октября 1942 г. [1, с. 39].

Таким образом, уточним, что, исходя из разницы численности личного состава соединения, потери составили 5 149 человек, или 68,04 % от численности на начало участия отдельных подразделений 10-й стрелковой дивизии ВВ НКВД в боевых действиях.

Представленные данные нельзя назвать окончательными, что связано с состоянием источниковой базы. Во-первых, из санитарных потерь невозможно выделить тех, кто вернулся в строй. Во-вторых, данные о пополнениях неполны. Дополнительные источники на данный момент нам не удалось выявить. В этой

связи говорить о завершении исследования вопроса преждевременно.

Результаты. На основе введения в научный оборот новых источников было доказано, что в работах некоторых исследователей представлены не вполне обоснованные выводы, некоторые из которых базируются на искаженных сведениях из архивных материалов.

Удалось установить, во-первых, что численность 10-й стрелковой дивизии ВВ НКВД за весь период Сталинградской битвы была ниже штатной. Общий некомплект составлял от 15 до 39 % перед началом активного участия подразделений соединения в обороне г. Сталинграда.

Во-вторых, общие потери соединения составили не менее чем 68 % личного состава.

На данный момент можно предположить, что полную картину в вопросе потерь, с четким разделением на дни и категории, не представится возможным отразить, поскольку нам не удалось выявить соответствующие источники.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Здесь и далее все подсчеты авторские.

² Точной даты вывода соединения из сражения не представилось возможным установить: к 1 октября 1942 г. части дивизии, кроме 282-го стрелкового полка ВВ НКВД, были выведены для доукомплектования на левый берег Волги в район с. Заплавное [21, л. 110]. Дату о выведении указанного полка установить не удалось.

³ Датировки различаются у авторов, иногда отсутствуют, в некоторых исследованиях в источниках нет сведений, указываемых в историографии [2, с. 34–35; 19, с. 15; 31, с. 64].

⁴ Представлены сведения только непосредственно по 10-й стрелковой дивизии ВВ НКВД без приданных формирований, например 73-го отдельного бронепоезда. В таблице приведены данные за больший хронологический период, чем традиционно датируется Сталинградская битва. Связано это с тем, что в период 12–16 июля 1942 г. уже шли арьергардные бои Сталинградского фронта (1-го формирования). Однако указанное соединение еще не вело боевую деятельность, но для полного прослеживания изменений численности личного состава также приведены данные до 23 августа 1942 года.

⁵ Предположительно, из состава 28-го отдельного отряда собак – истребителей танков, который

был в оперативном подчинении 10-й стрелковой дивизии ВВ НКВД с 24 августа 1942 г. (см.: [22, л. 65]).

⁶ Откуда передавался личный состав, неизвестно (см.: [50, л. 38]).

⁷ Имеется в виду личный состав на переднем крае обороны, без учета вспомогательного и обслуживающего персонала (см.: [8, л. 206]).

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Аблизин В. А., Ананьев С. В. Летопись героев. 282-й (Саратовский) полк 10-й стрелковой дивизии войск НКВД СССР в Сталинградской битве // Академический вестник войск национальной гвардии РФ. 2017. № 2 (35). С. 35–40.
2. Аблизин В. А., Ананьев С. В. Саратовцы-чекисты в битве за Сталинград 1942–1943 гг. // Участие войск НКВД СССР в Великой Отечественной войне : (к 75-летию Победы советского народа в Великой Отечественной войне). Пермь: ПВИ ВНГ РФ, 2020. С. 34–37.
3. Аниканов Н. М., Шостак В. А. Боевой опыт выполнения войсками НКВД СССР служебно-боевых задач при участии в обороне Сталинграда (17 июля – 18 ноября 1942 года) // Участие войск НКВД СССР в Великой Отечественной войне : (к 75-летию Победы советского народа в Великой Отечественной войне). Пермь: ПВИ ВНГ РФ, 2020. С. 271–277.
4. Ануфриев А. В., Чапыгин И. В., Южаков А. В. Так сражались чекисты: история и боевой путь 272-го иркутского полка от Байкала до Сталинграда : Исследования и материалы. Иркутск: Оттиск, 2021. 336 с.
5. Аргасцева С. А. Сталинградская битва: 10 дивизия НКВД ВВ // Военно-исторические аспекты жизни Юга России XVII–XXI вв.: вопросы изучения и музеефикации: материалы II Междунар. науч.-практ. конф., приуроченной к 75-летию окончания Второй мировой войны (Волгоград, 1–2 окт. 2020 г.). Волгоград: Сфера, 2020. С. 61–66.
6. Белоусов О. М., Черномазов И. С. Войска НКВД в годы Великой Отечественной войны // Ростовский научный журнал. 2017. № 5. С. 60–105.
7. Боевое донесение № 1 [штаба Сталинградского укрепленного района от 27 августа 1942 г. командующему Сталинградского фронта] // Центральный архив Министерства обороны Российской Федерации (ЦА МО РФ). Ф. 220. Оп. 220. Д. 9. Л. 227–229.
8. Боевое донесение № 44 штаба 149 [отдельной стрелковой бригады] 24.10.42 23.00 // ЦА МО РФ. Ф. 345. Оп. 5487. Д. 32. Л. 206 – 206 об.
9. Бредихин А. Л., Федоров А. Б. Вклад войск и органов НКВД СССР в оборону Сталинграда (к 80-летию разгрома немецких войск) // Научный компонент. 2022. № 4 (16). С. 58–68. DOI: 10.51980/2686-939X_2022_4_58
10. Бугаев В. Н., Метелицкий В. В., Юматов В. А. Внутренние войска НКВД СССР в обороне Сталинграда (на примере военнослужащих 10 дивизии войск НКВД СССР) // Войска национальной гвардии Российской Федерации: прошлое и настоящее. Саратов: СВКИ ВНГ РФ, 2021. С. 122–129.
11. Великая Отечественная без грифа секретности : Книга потерь / под общ. ред. Г. Ф. Кривошеева. М.: Вече, 2010. 384 с.
12. Виноградов А. В. Войска НКВД в сражениях за Сталинград // Яковлевские чтения. В 2 ч. Ч. 1. Новосибирск: НВИ ВНГ РФ, 2023. С. 59–65.
13. Внутренние войска в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг. Документы и материалы / редкол.: И. К. Яковлев (пред.) [и др.]. М.: Юрид. лит., 1975. 728 с.
14. Водопьянов В. В. Подразделения НКВД – участники обороны Сталинграда (1942–1943) // Государство. Право. Война : (к 75-летию Победы советского народа в Великой Отечественной войне). В 2 ч. Ч. 2. СПб.: СПбУ МВД РФ, 2020. С. 179–182.
15. Войска НКВД в Великой Отечественной войне : Военно-исторический труд. В 3 т. Т. 2. Войска НКВД в первый и второй периоды Великой Отечественной войны (1941–1943) / под общ. ред. В. В. Золотова. М.: На боевом посту, 2015. 328 с.
16. Войска НКВД СССР в годы Великой Отечественной войны : Книга-альбом / под общ. ред. В. В. Золотова. М.: На боевом посту, 2019. 112 с.
17. Вольский М. В., Прокопьев В. В. Участие 10-й дивизии внутренних войск НКВД СССР в Сталинградской битве // Уголовно-исполнительная система в годы Великой Отечественной войны 1941–1945 годов. Псков: Псков. фил. Акад. ФСИН РФ, 2020. С. 97–106.
18. Вольский М. В., Прокопьев В. В., Шумаров А. П. Участие отдельных подразделений внутренних войск НКВД СССР в Великой Отечественной войне (1941–1945 гг.). Воронеж: ВИ ФСИН РФ, 2021. 160 с.
19. Гулевская Н. А., Гулевский А. Н., Доронин Ю. П. Подвиг 10-й дивизии НКВД под Сталинградом (к 300-летию российской полиции) // Вестник Волгоградской академии МВД России. 2018. № 2 (45). С. 8–17.
20. Гулевский А. Н. О мужестве и героизме 10-й дивизии НКВД в битве за Сталинград в годы Великой Отечественной войны // Государство и право: эволюция, современное состояние, перспективы развития (к 100-летию образования СССР). В 2 ч. Ч. 1. СПб.: СПбУ МВД РФ, 2022. С. 941–944.
21. Докладная записка о служебно-боевой деятельности 10 с[трелковой] д[ивизии] ВВ НКВД за

период с 13.7 по 10.[0]8.42 // ЦА МО РФ. Ф. 48. Оп. 451. Д. 53. Л. 108–111.

22. [Донесение штаба 10-й стрелковой дивизии внутренних войск НКВД № 1/91 от 1 октября 1942 г. командующему 62-й армии В. И. Чуйкову] // ЦА МО РФ. Ф. 345. Оп. 5487. Д. 8. Л. 65–66.

23. [Донесение штаба оперативной группы укрепленных районов Сталинградского направления № 1/0609 от 6 сентября 1942 г. командующему войсками Юго-Восточного фронта] // ЦА МО РФ. Ф. 48. Оп. 451. Д. 53. Л. 3–6.

24. Дубовицкая Н. В., Лысенков С. Г. Войска НКВД в системе обороны Сталинграда // Вестник СПбУ МВД России. 2012. № 4 (56). С. 20–23.

25. Емельянов В. М. Участие войск НКВД СССР в Великой Отечественной войне // Вестник Уральского института экономики, управления и права. 2019. № 4 (49). С. 73–79.

26. Журнал боевых действий // ЦА МО РФ. Ф. 6715. Оп. 68062. Д. 6. 97 л.

27. История внутренних войск МВД России: военно-исторический труд. В 3 т. Т. 3. 1941–1945 / под общ. ред. В. В. Золотова. М.: На боевом посту, 2016. 544 с.

28. Крупницкий Д. В. В пекле Сталинграда: за Волгой для нас земли нет // На страже закона и правопорядка. Новосибирск: НВИ ВНГ РФ, 2016. С. 82–86.

29. Кузнецов Д. А. Подвиг войск НКВД СССР при обороне городов-героев Ленинграда и Сталинграда в Великой Отечественной войне // Участие войск НКВД СССР в Великой Отечественной войне : (к 75-летию Победы советского народа в Великой Отечественной войне). Пермь: ПВИ ВНГ РФ, 2020. С. 147–151.

30. Кузнецова Т. П., Срибный В. Н. Вклад войск НКВД на пути к Великой победе (воспоминания начальника штаба 10 МСД войск НКВД подполковника Зайцева В.И.) // Участие войск НКВД СССР в Великой Отечественной войне : (к 75-летию Победы советского народа в Великой Отечественной войне). Пермь: ПВИ ВНГ РФ, 2020. С. 221–231.

31. Лагодский С. А., Ржевцев Ю. П. Сталинград: подвиг солдат правопорядка. М.: Директ-Медиа, 2014. 524 с.

32. Объяснительная записка начальника отделения по начсоставу [10-й стрелковой дивизии ВВ НКВД от] [0]5.10.42 г. // ЦА МО РФ. Ф. 48. Оп. 451. Д. 53. Л. 118.

33. Опер[ативная] сводка № 2 к 12.00 27.[0]8.42 штаба укрепрайона г. Сталинграда // ЦА МО РФ. Ф. 48. Оп. 451. Д. 53. Л. 13–14.

34. Опер[ативная] сводка № 3 к 24.00 27.[0]8.42 штаба укрепрайона г. Сталинграда // ЦА МО РФ. Ф. 48. Оп. 451. Д. 53. Л. 15–16.

35. Опер[ативная] сводка № 4 к 12.00 28.[0]8.42 штаба укрепрайона г. Сталинграда // ЦА МО РФ. Ф. 48. Оп. 451. Д. 53. Л. 17–18.

36. Опер[ативная] сводка № 5 к 24.00 28.[0]8.42 штаба укрепрайона г. Сталинграда // ЦА МО РФ. Ф. 48. Оп. 451. Д. 53. Л. 19–20.

37. Опер[ативная] сводка № 6 к 12.00 29.[0]8.42 штаба укрепрайона г. Сталинграда // ЦА МО РФ. Ф. 48. Оп. 451. Д. 53. Л. 21–22.

38. Опер[ативная] сводка № 7 к 12.00 30.[0]8.42 штаба укрепрайона г. Сталинграда // ЦА МО РФ. Ф. 48. Оп. 451. Д. 53. Л. 23–24.

39. Опер[ативная] сводка № 8 к 24.00 30.[0]8.42 штаба укрепрайона г. Сталинграда // ЦА МО РФ. Ф. 48. Оп. 451. Д. 53. Л. 25–26.

40. Опер[ативная] сводка № 8 штаба Северного боевого участка обороны г. Сталинграда 5.00 [0]5.[0]9.42 г. // ЦА МО РФ. Ф. 345. Оп. 5487. Д. 32. Л. 4.

41. Опер[ативная] сводка № 9 к 24.00 31.[0]8.42 штаба укрепрайона г. Сталинграда // ЦА МО РФ. Ф. 48. Оп. 451. Д. 53. Л. 27–28.

42. Опер[ативная] сводка № 10 к 12.00 [0]1.[0]9.42 штаба укрепрайона г. Сталинграда // ЦА МО РФ. Ф. 48. Оп. 451. Д. 53. Л. 1–2.

43. Опер[ативная] сводка № 11 к 24.00 [0]1.[0]9.42 штаба укрепрайона г. Сталинграда // ЦА МО РФ. Ф. 48. Оп. 451. Д. 53. Л. 11–12.

44. Опер[ативная] сводка № 11 к 24.00 [0]1.[0]9.42 штаба укрепрайона г. Сталинграда // ЦА МО РФ. Ф. 48. Оп. 451. Д. 53. Л. 29–30.

45. Опер[ативная] сводка № 12 к 24.00 [0]2.[0]9.42 штаба укрепрайона г. Сталинграда // ЦА МО РФ. Ф. 48. Оп. 451. Д. 53. Л. 31.

46. Опер[ативная] сводка № 13 к 24.00 [0]3.[0]9.42 штаба укрепрайона г. Сталинграда // ЦА МО РФ. Ф. 48. Оп. 451. Д. 53. Л. 32–33.

47. Опер[ативная] сводка № 14 к 24.00 [0]4.[0]9.42 штаба укрепрайона г. Сталинграда // ЦА МО РФ. Ф. 48. Оп. 451. Д. 53. Л. 34–35.

48. Опер[ативная] сводка № 15 к 24.00 [0]5.[0]9.42 штаба укрепрайона г. Сталинграда // ЦА МО РФ. Ф. 48. Оп. 451. Д. 53. Л. 36–37.

49. Опер[ативная] сводка № 16 к 3.00 [0]9.[0]9.42 г. штаба Северного боевого участка обороны гор. Сталинграда // ЦА МО РФ. Ф. 345. Оп. 5487. Д. 32. Л. 23.

50. Опер[ативная] сводка № 16 к 24.00 [0]6.[0]9.42 штаба 10 [стрелковой дивизии] ВВ НКВД // ЦА МО РФ. Ф. 48. Оп. 451. Д. 53. Л. 38–39.

51. Опер[ативная] сводка № 17 к 24.00 [0]7.[0]9.42 штаба 10 [стрелковой дивизии] ВВ НКВД // ЦА МО РФ. Ф. 48. Оп. 451. Д. 53. Л. 42–43.

52. Опер[ативная] сводка № 17-а к 24.00 [0]7.[0]9.42 штаба укрепрайона г. Сталинграда // ЦА МО РФ. Ф. 48. Оп. 451. Д. 53. Л. 40–41.

53. Опер[ативная] сводка № 18 к 24.00 [0]8.[0]9.42 штаба 10 [стрелковой дивизии] ВВ НКВД // ЦА МО РФ. Ф. 48. Оп. 451. Д. 53. Л. 9.

54. Опер[ативная] сводка № 18 к 3.00 10.[0]9.42 г. штаба Северного боевого участка обороны гор. Сталинграда // ЦА МО РФ. Ф. 345. Оп. 5487. Д. 32. Л. 29.

55. Опер[ативная] сводка № 19 к 24.00 [0]9.[0]9.42 штаба 10 [стрелковой дивизии] ВВ НКВД // ЦА МО РФ. Ф. 48. Оп. 451. Д. 53. Л. 7–8.

56. Опер[ативная] сводка № 19-а на 24.00 [0]9.[0]9.42 штаба укрепрайона г. Сталинграда // ЦА МО РФ. Ф. 48. Оп. 451. Д. 53. Л. 48–49.

57. Опер[ативная] сводка № 19-а на 24.00 [0]9.[0]9.42 штаба укрепрайона г. Сталинграда // ЦА МО РФ. Ф. 48. Оп. 451. Д. 53. Л. 62–63.

58. Опер[ативная] сводка № 20 к 24.00 10.[0]9.42 штаба 10 [стрелковой дивизии] ВВ НКВД // ЦА МО РФ. Ф. 48. Оп. 451. Д. 53. Л. 10 – 10 об.

59. Опер[ативная] сводка № 20-а на 24.00 10.[0]9.42 штаба укрепрайона г. Сталинграда // ЦА МО РФ. Ф. 48. Оп. 451. Д. 53. Л. 53–54.

60. Опер[ативная] сводка № 21 к 15.00 11.[0]9.42 г. штаба Северного боевого участка обороны гор. Сталинграда // ЦА МО РФ. Ф. 345. Оп. 5487. Д. 32. Л. 32.

61. Опер[ативная] сводка № 25 к 24.00 16.[0]9.42 штаба 10 [стрелковой дивизии] ВВ НКВД // ЦА МО РФ. Ф. 345. Оп. 5487. Д. 8. Л. 14 – 14 об.

62. Опер[ативная] сводка № 36 к 1.00 23.[0]9.42 штаба 10 [стрелковой дивизии] ВВ НКВД // ЦА МО РФ. Ф. 345. Оп. 5487. Д. 8. Л. 32.

63. Опер[ативная] сводка № 39 к 1.00 22.[0]9.42 штаба 10 [стрелковой дивизии] ВВ НКВД // ЦА МО РФ. Ф. 345. Оп. 5487. Д. 8. Л. 27 – 27 об.

64. Опер[ативная] сводка № 46 к 3.00 27.[0]9.42 г. штаба Северного боевого участка обороны гор. Сталинграда // ЦА МО РФ. Ф. 345. Оп. 5487. Д. 32. Л. 91.

65. Опер[ативная] сводка № 48 к 3.00 28.[0]9.42 г. штаба Северного боевого участка обороны города Сталинграда // ЦА МО РФ. Ф. 345. Оп. 5487. Д. 32. Л. 95.

66. Опер[ативная] сводка к 24.00 29.[0]9.42 штаба 282 [стрелкового полка] ВВ НКВД // ЦА МО РФ. Ф. 345. Оп. 5487. Д. 8. Л. 60.

67. Оперативная сводка штаба 282 [стрелкового полка] ВВ НКВД к 22.00 30.[0]9.42 // ЦА МО РФ. Ф. 345. Оп. 5487. Д. 8. Л. 56.

68. Оперативное донесение штаба 282 [стрелкового полка] ВВ НКВД к 20.00 [0]1.10.42 // ЦА МО РФ. Ф. 345. Оп. 5487. Д. 8. Л. 68–69.

69. Опер[ативное] донесение штаба 282 [стрелкового полка] ВВ НКВД к 22.00 [0]3.10.42 // ЦА МО РФ. Ф. 48. Оп. 451. Д. 53. Л. 107 – 107 об.

70. Органы государственной безопасности СССР в Великой Отечественной войне: сб. док. Т. 3. Кн. 2. От обороны к наступлению (1 июля – 31 декабря 1942 г.) / редкол.: Н. П. Патрушев (пред.) [и др.]. М.: Русь, 2003. 700 с.

71. Пояснения к строевой записке 10 стрелковой дивизии ВВ НКВД СССР на 3 октября 1942 года // ЦА МО РФ. Ф. 48. Оп. 451. Д. 53. Л. 119.

72. Развед[ывательная] сводка на 8.00 19.[0]9.42 штаба 10 [стрелковой дивизии] ВВ НКВД // ЦА МО РФ. Ф. 345. Оп. 5487. Д. 8. Л. 18 – 18 об.

73. Рогожкин Н. Е. Войска НКВД в Сталинградской битве и обороне Кавказа // Военно-исторический журнал. 2013. № 2. С. 15–20.

74. Сараев А. А. Стояли насмерть. Волгоград: Ниж.-Волж. кн. изд-во, 1976. 192 с. (Подвиг Сталинграда бессмертен).

75. Сведения о боевом и численном составе 282 с[трелкового] п[олка] ВВ НКВД на 1 октября 1942 г. // ЦА МО РФ. Ф. 345. Оп. 5487. Д. 8. Л. 64.

76. Сведения об укомплектованности частей 10 стрелковой дивизии ВВ НКВД рядовым и младшим начсоставом по состоянию 3 октября [19]42 г. // ЦА МО РФ. Ф. 48. Оп. 451. Д. 53. Л. 120.

77. Справка о наличии и некомплекте начсостава в полках 10 стрелковой дивизии Внутренних войск НКВД СССР по состоянию на период [0]5.10.42 г. // ЦА МО РФ. Ф. 48. Оп. 451. Д. 53. Л. 115–117.

78. Справка о наличии и некомплекте начсостава в Управлении и частях 10 стрелковой дивизии Внутренних войск НКВД по состоянию на период [0]5.10.42 г. // ЦА МО РФ. Ф. 48. Оп. 451. Д. 53. Л. 112–114.

79. Справка о численном и боевом составе 282 с[трелкового] п[олка] ВВ НКВД на 2 октября [1942 г.] // ЦА МО РФ. Ф. 345. Оп. 5487. Д. 8. Л. 76.

80. Справка о численном и боевом составе частей 10 стрелковой дивизии ВВ НКВД по состоянию на 10.[0]9.42 года // ЦА МО РФ. Ф. 48. Оп. 451. Д. 53. Л. 55 – 55 об.

81. Справка о численном и боевом составе частей 10 стрелковой дивизии ВВ НКВД по состоянию на 13.[0]9.42 года // ЦА МО РФ. Ф. 345. Оп. 5487. Д. 8. Л. 3 – 3 об.

82. Справка о численном и боевом составе частей 10 стрелковой дивизии ВВ НКВД по состоянию на 5.00 22.[0]9.42 // ЦА МО РФ. Ф. 345. Оп. 5487. Д. 8. Л. 29.

83. Справка о численном и боевом составе частей 10 стрелковой дивизии внутренних войск НКВД СССР по состоянию на 12 июля 1942 года // ЦА МО РФ. Ф. 220. Оп. 220. Д. 71. Л. 62–63.

84. Сталинградская битва. Июль 1942 – февраль 1943: энциклопедия / под ред. М. М. Загорюлько. Волгоград: Издатель, 2017. 840 с.

85. Стрельников М. А. Сталинградская битва: проблематика вопроса // Военная история России: проблемы, поиски, решения: материалы Междунар. науч. конф., посвящ. 75-летию Победы в Великой Отечественной войне (Волгоград, 11–12 сент. 2020 г.). В 3 ч. Ч. 2. Волгоград: Изд-во ВолГУ, 2020. С. 189–193.

86. Стрельников М. А. Специфика оперативно-служебной деятельности органов НКВД в Сталинградской битве // *Via in tempore. История Политология*. 2023. Т. 50, № 2. С. 470–483. DOI: 10.52575/2687-0967-2023-50-2-470-483

87. Толстов А. В. Участие 10-й стрелковой дивизии войск НКВД в обороне Сталинграда в июле – сентябре 1942 года // *Участие войск НКВД СССР в Великой Отечественной войне : (к 75-летию Победы советского народа в Великой Отечественной войне)*. Пермь: ПВИ ВНГ РФ, 2020. С. 247–251.

REFERENCES

1. Ablizin V.A., Ananyev S.V. Letopis geroev. 282-i (Saratovskii) polk 10-i strelkovoi divizii voisk NKVD SSSR v Stalingradskoi bitve [Chronicle of Heroes. The 282nd (Saratov) Regiment of the 10th Rifle Division of the NKVD Troops of the USSR in the Battle of Stalingrad]. *Akademicheskii vestnik voysk natsionalnoi gvardii RF* [Journal Academic Herald of the National Guard Troops of the Russian Federation], 2017, no. 2 (35), pp. 35–40.
2. Ablizin V.A., Ananyev S.V. Saratovtshchiki v bitve za Stalingrad 1942–1943 gg. [The Saratov Checkers in the Battle of Stalingrad 1942–1943]. *Uchastie voisk NKVD SSSR v Velikoi Otechestvennoi voine: (k 75-letiiu Pobedy sovetskogo naroda v Velikoi Otechestvennoi voine)* [Participation of the USSR NKVD troops in the Great Patriotic War: (To the 75th Anniversary of the Victory of the Soviet People in the Great Patriotic War)]. Perm, PVI VNG RF, 2020, pp. 34–37.
3. Anikanov N.M., Shostak V.A. Boevoi opyt vypolneniia voiskami NKVD SSSR sluzhebno-boevykh zadach pri uchastii v oborone Stalingrada (17 iuliia – 18 noiabria 1942 goda) [Combat Experience in Performing NKVD USSR Service and Combat Tasks While Participating in the Defense of Stalingrad (July 17 – November 18, 1942)]. *Uchastie voisk NKVD SSSR v Velikoi Otechestvennoi voine: (k 75-letiiu Pobedy sovetskogo naroda v Velikoi Otechestvennoi voine)* [Participation of the USSR NKVD Troops in the Great Patriotic War. (To the 75th Anniversary of the Victory of the Soviet People in the Great Patriotic War)]. Perm, PVI VNG RF, 2020, pp. 271–277.
4. Anufriev A.V., Chapygin I.V., Iuzhakov A.V. *Tak srazhalis chekisty: istoriia i boevoi put 272-go irkutskogo polka ot Baikala do Stalingrada: Issledovaniia i materialy* [This Is How the Security Officers Fought: The History and Combat Path of the 272nd Irkutsk Regiment from Baikal to Stalingrad. Research and Materials]. Irkutsk, Ottisk Publ., 2021. 336 p.
5. Argastseva S.A. Stalingradskaia bitva: 10 diviziia NKVD VV [Battle of Stalingrad: 10th Division of the NKVD Internal Troops]. *Voенно-istoricheskie aspekty zhizni Iuga Rossii XVII–XXI vv.: voprosy izucheniia i muzeifikatsii: materialy II Mezhdunar. nauch.-prakt. konf., priurochennoy k 75-letiiu okonchaniia Vtoroy mirovoy voyny (Volgograd, 1–2 okt. 2020 g.)* [Military-Historical Aspects of Life in the South of Russia in the 17th – 21st Centuries: Issues of Study and Museumification. Proceedings of the 2nd International Scientific and Practical Conference Dedicated to the 75th Anniversary of the End of World War II (Volgograd, October 1–2, 2020)]. Volgograd, Sfera Publ., 2020, pp. 61–66.
6. Belousov O.M., Chernomazov I.S. Voiska NKVD v gody Velikoi Otechestvennoi voyny [Troops of the NKVD During the Great Patriotic War]. *Rostovskii nauchnyi zhurnal* [Rostov Scientific Journal], 2017, no. 5, pp. 60–105.
7. Boevoe donesenie № 1 shtaba Stalingradskogo ukreplennogo raiona ot 27 avgusta 1942 g. komanduiushchemu Stalingradskogo fronta [Combat Report No. 1 of the Headquarters of the Stalingrad Fortified Area Dated August 27, 1942 to the Commander of the Stalingrad Front]. *Tsentralnyi arkhiv Ministerstva oborony Rossii (TsA MO RF)* [Central Archive of the Russian Ministry of Defense], f. 220, inv. 220, d. 9, l. 227–229.
8. Boevoe donesenie № 44 shtaba 149 otdelnoi strelkovoi brigady 24.10.42 23.00 [Combat Report No. 44 of the Headquarters of the 149th Separate Rifle Brigade, October 24, 1942, 23.00]. *TsA MO RF* [Central Archive of the Russian Ministry of Defense], f. 345, inv. 5487, d. 32, l. 206–206 r.
9. Bredikhin A.L., Fedorov A.B. Vklad voisk i organov NKVD SSSR v oboronu Stalingrada (k 80-letiiu razgroma nemetskikh voisk) [Contribution of the Troops and Organs of the NKVD of the USSR to the Defense of Stalingrad (To the 80th Anniversary of the Defeat of the German Troops)]. *Nauchnyi komponent* [Scientific Component], 2022, no. 4 (16), pp. 58–68. DOI: 10.51980/2686-939X_2022_4_58
10. Bugaev V.N., Metelitskii V.V., Iumatov V.A. Vnutrennie voiska NKVD SSSR v oborone Stalingrada (na primere voennosluzhashchikh 10 divizii voisk NKVD SSSR) [Internal Troops of the NKVD of the USSR in the Defense of Stalingrad (Using the Example of Servicemen of the 10th Division of the NKVD of the USSR)]. *Voiska natsionalnoi gvardii Rossiiskoi Federatsii: proshloe i nastoiashchee* [Troops of the National Guard of the Russian Federation: Past and Present]. Saratov, SVKI VNGRF, 2021, pp. 122–129.
11. Krivosheev G.F., ed. *Velikaia Otechestvennaia bez grifa sekretnosti. Kniga poter* [The Great Patriotic War Without the Classification of Secrecy. Book of Losses]. Moscow, Veche Publ., 2010. 384 p.

12. Vinogradov A.V. Voiska NKVD v srazheniiakh za Stalingrad [NKVD Troops in the Battles for Stalingrad]. *Iakovlevskie chteniia. V 2 ch. Ch. 1* [Yakovlev Readings. In 2 Pts. Pt. 1]. Novosibirsk, NVI VNG RF, 2023, pp. 59-65.

13. Iakovlev I.K., Dushenkin V.V. et al., eds. *Vnutrennie voiska v Velikoi Otechestvennoi voine 1941–1945 gg. Dokumenty i materialy* [Internal Troops in the Great Patriotic War of 1941–1945. Documents and Materials]. Moscow, Iurid. lit. Publ., 1975. 728 p.

14. Vodopianov V.V. Podrazdeleniia NKVD – uchastniki oborony Stalingrada (1942–1943) [NKVD Units – Participants in the Defense of Stalingrad (1942–1943)]. *Gosudarstvo. Pravo. Voina: (k 75-letiiu Pobedy sovetskogo naroda v Velikoi Otechestvennoi voine). V 2 ch. Ch. 2* [State. Right. War. (To the 75th Anniversary of the Victory of the Soviet People in the Great Patriotic War). In 2 Pts. Pt. 2]. Saint Petersburg, SPbU MVD RF, 2020, pp. 179-182.

15. Zolotov V.V., ed. *Voiska NKVD v Velikoi Otechestvennoi voine: Voенно-istoricheskii trud. V 3 t. T. 2. Voiska NKVD v pervyi i vtoroi periody Velikoi Otechestvennoi voiny (1941–1943)* [NKVD Troops in the Great Patriotic War. Military Historical Work. In 3 Vols. Vol. 2. NKVD Troops in the First and Second Periods of the Great Patriotic War (1941–1943)]. Moscow, Na boevom postu Publ., 2015. 328 p.

16. Zolotov V.V., ed. *Voiska NKVD SSSR v gody Velikoi Otechestvennoi voiny: Kniga-albom* [Troops of the NKVD of the USSR During the Great Patriotic War. Book-Album]. Moscow, Na boevom postu Publ., 2019. 112 p.

17. Volskii M.V., Prokopyev V.V. Uchastie 10-i divizii vnutrennikh voisk NKVD SSSR v Stalingradskoi bitve [Participation of the 10th Division of Internal Troops of the NKVD of the USSR in the Battle of Stalingrad]. *Ugolovno-ispolnitelnaia sistema v gody Velikoi Otechestvennoi voiny 1941–1945 godov* [The Penal Enforcement System During the Great Patriotic War of 1941–1945]. Pskov, Pskov. fil. Akad. FSIN RF, 2020, pp. 97-106.

18. Volskii M.V., Prokopyev V.V., Shumarov A.P. *Uchastie otdelnykh podrazdelenii vnutrennikh voisk NKVD SSSR v Velikoi Otechestvennoi voine (1941–1945 gg.)* [Participation of Individual Units of the Internal Troops of the NKVD of the USSR in the Great Patriotic War (1941–1945)]. Voronezh, VI FSIN RF, 2021. 160 p.

19. Gulevskaia N.A., Gulevskii A.N., Doronin Iu.P. Podvig 10-i divizii NKVD pod Stalingradom (k 300-letiiu rossiiskoi politzii) [The Heroic Deed of the 10th NKVD Division Under Stalingrad (Dedicated to the 300th Anniversary of the Russian Police)]. *Vestnik Volgogradskoy akademii MVD Rossii* [Volgograd Academy of the Russian Internal Affairs Ministry's Digest], 2018, no. 2 (45), pp. 8-17.

20. Gulevskii A.N. Omuzhestve i geroizme 10-i divizii NKVD v bitve za Stalingrad v gody Velikoi Otechestvennoi voiny [About the Courage and Heroism of the 10th NKVD Division in the Battle for Stalingrad During the Great Patriotic War]. *Gosudarstvo i pravo: evoliutsiia, sovremennoe sostoianie, perspektivy razvitiia (k 100-letiiu obrazovaniia SSSR). V 2 ch. Ch. 1* [State and Law: Evolution, Current State, Development Prospects (To the 100th Anniversary of the Formation of the USSR). In 2 Pts. Pt. 1]. Saint Petersburg, SPbU MVD RF, 2022, pp. 941-944.

21. Dokladnaia zapiska o sluzhebno-boevoi deiatelnosti 10 strelkovoii divizii VV NKVD za period s 13.7 po 10.08.42 [Report on the Service and Combat Activities of the 10th Rifle Division of the Internal Troops of the NKVD for the Period from July 13 to August 10, 1942]. *TsA MO RF* [CA RF Ministry of Defense], f. 48, inv. 451, d. 53, l. 108-111.

22. Donesenie shtaba 10-i strelkovoii divizii vnutrennikh voisk NKVD № 1/91 ot 1 oktiabria 1942 g. komanduiushchemu 62-i armii V. I. Chuikovu [Report of the Headquarters of the 10th Rifle Division of the Internal Troops of the NKVD No. 1/91 Dated October 1, 1942 to the Commander of the 62nd Army, V. I. Chuikov]. *TsA MO RF* [CA RF Ministry of Defense], f. 345, inv. 5487, d. 8, l. 65-66.

23. Donesenie shtaba operativnoi gruppy ukreplennykh raionov Stalingradskogo napravleniia № 1/0609 ot 6 sentiabria 1942 g. komanduiushchemu voiskami Iugo-Vostochnogo fronta [Report of the Headquarters of the Operational Group of the Fortified Areas of the Stalingrad Direction No. 1/0609 Dated September 6, 1942 to the Commander of the Troops of the South-Eastern Front]. *TsA MO RF* [CA RF Ministry of Defense], f. 48, inv. 451, d. 53, l. 3-6.

24. Dubovitskaia N.V., Lysenkov S.G. Voiska NKVD v sisteme oborony Stalingrada [Forces of National Committee of Internal Affairs in System of Protection of Stalingrad]. *Vestnik SPbU MVD Rossii* [Vestnik of the St. Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of Russia], 2012, no. 4 (56), pp. 20-23.

25. Emelianov V.M. Uchastie voisk NKVD SSSR v Velikoi Otechestvennoi voine [Participation of NKVD Troops in the Great Patriotic War]. *Vestnik Uralskogo instituta ekonomiki, upravleniya i prava* [Bulletin of the Ural Institute of Economics, Management and Law], 2019, no. 4 (49), pp. 73-79.

26. Zhurnal boevykh deistvii [Combat Log]. *TsA MO RF* [CA RF Ministry of Defense], f. 6715, inv. 68062, d. 6. 97 l.

27. Zolotov V.V., ed. *Istoriia vnutrennikh voisk MVD Rossii: voенно-istoricheskii trud. V 3 t. T. 3. 1941–1945* [History of the Internal Troops of the Ministry of Internal Affairs of Russia. Military Historical Work. In 3 Vols. Vol. 3. 1941–1945]. Moscow, Na boevom postu Publ., 2016. 544 p.

28. Krupnitskii D.V. V pekle Stalingrada: za Volgoi dlia nas zemli net [In the Heat of Stalingrad, There Is No Land for Us Beyond the Volga]. *Na strazhe zakona i pravoporiadka* [Guarding Law and Order]. Novosibirsk, NVI VNG RF, 2016, pp. 82-86.

29. Kuznetsov D.A. Podvig voisk NKVD SSSR pri oborone gorodov-geroev Leningrada i Stalingrada v Velikoi Otechestvennoi voine [Performance of NKVD Troops of the USSR in Defense of Cities-Heroes of Leningrad and Stalingrad in the Great Patriotic War]. *Uchastie voisk NKVD SSSR v Velikoi Otechestvennoi voine: (k 75-letiiu Pobedy sovetskogo naroda v Velikoi Otechestvennoi voine)* [Participation of the USSR NKVD Troops in the Great Patriotic War. (To the 75th Anniversary of the Victory of the Soviet People in the Great Patriotic War)]. Perm, PVI VNG RF, 2020, pp. 147-151.

30. Kuznetsova T.P., Sribnyi V.N. Vklad voisk NKVD na puti k Velikoi pobede (vospominaniia nachalnika shtaba 10 MSD voisk NKVD podpolkovnika Zaitseva V.I.) [Contribution NKVD Forces on the Way to the Great Victory (Memories of the Chief of the Staff 10 MSD Troops of the NKVD Lt. Col. Zaitseva V.I.)]. *Uchastie voisk NKVD SSSR v Velikoi Otechestvennoi voine: (k 75-letiiu Pobedy sovetskogo naroda v Velikoi Otechestvennoi voine)* [Participation of the USSR NKVD Troops in the Great Patriotic War. (To the 75th Anniversary of the Victory of the Soviet People in the Great Patriotic War)]. Perm, PVI VNG RF, 2020, pp. 221-231.

31. Lagodskii S.A., Rzhemtsev Iu.P. *Stalingrad: podvig soldat pravoporiadka* [Stalingrad. Feat of Law Enforcement Soldiers]. Moscow, Direkt-Media Publ., 2014. 524 p.

32. Ob"iasnitelnaia zapiska nachalnika otdeleniia po nachsostavu 10-i strelkovoii divizii VV NKVD ot 05.10.42 g. [Explanatory Note from the Head of the Department for the Command Staff of the 10th Rifle Division of the Internal Troops of the NKVD, Dated October 5, 1942]. *TsA MO RF* [CA RF Ministry of Defense], f. 48, inv. 451, d. 53, l. 118.

33. Operativnaia svodka № 2 k 12.00 27.08.42 shtaba ukrepaiona g. Stalingrada [Operational Report No. 2 by 12.00 August 27, 1942 from the Headquarters of the Fortified Area of Stalingrad]. *TsA MO RF* [CA RF Ministry of Defense], f. 48, inv. 451, d. 53, l. 13-14.

34. Operativnaia svodka № 3 k 24.00 27.08.42 shtaba ukrepaiona g. Stalingrada [Operational Report No. 3 by 24.00 August 27, 1942 from the Headquarters of the Fortified Area of Stalingrad]. *TsA MO RF* [CA RF Ministry of Defense], f. 48, inv. 451, d. 53, l. 15-16.

35. Operativnaia svodka № 4 k 12.00 28.08.42 shtaba ukrepaiona g. Stalingrada [Operational Report No. 4 by 12.00 August 28, 1942 from the Headquarters of the Fortified Area of Stalingrad]. *TsA MO RF* [CA RF Ministry of Defense], f. 48, inv. 451, d. 53, l. 17-18.

36. Operativnaia svodka № 5 k 24.00 28.08.42 shtaba ukrepaiona g. Stalingrada [Operational Report No. 5 by 24.00 August 28, 1942 from the Headquarters of the Fortified Area of Stalingrad]. *TsA MO RF* [CA RF Ministry of Defense], f. 48, inv. 451, d. 53, l. 19-20.

37. Operativnaia svodka № 6 k 12.00 29.08.42 shtaba ukrepaiona g. Stalingrada [Operational Report No. 6 by 12.00 08/29/42 from the Headquarters of the Fortified Area of Stalingrad]. *TsA MO RF* [CA RF Ministry of Defense], f. 48, inv. 451, d. 53, l. 21-22.

38. Operativnaia svodka № 7 k 12.00 30.08.42 shtaba ukrepaiona g. Stalingrada [Operational Report No. 7 by 12.00 August 30, 1942 from the Headquarters of the Fortified Area of Stalingrad]. *TsA MO RF* [CA RF Ministry of Defense], f. 48, inv. 451, d. 53, l. 23-24.

39. Operativnaia svodka № 8 k 24.00 30.08.42 shtaba ukrepaiona g. Stalingrada [Operational Report No. 8 by 12.00 August 30, 1942 from the Headquarters of the Fortified Area of Stalingrad]. *TsA MO RF* [CA RF Ministry of Defense], f. 48, inv. 451, d. 53, l. 25-26.

40. Operativnaia svodka № 8 shtaba Severnogo boevogo uchastka oborony g. Stalingrada 5.00 05.09.42 g. [Operational Report No. 8 of the Headquarters of the Northern Combat Sector of the Defense of Stalingrad 5.00 September 5, 1942]. *TsA MO RF* [CA RF Ministry of Defense], f. 345, inv. 5487, d. 32, l. 4.

41. Operativnaia svodka № 9 k 24.00 31.08.42 shtaba ukrepaiona g. Stalingrada [Operational Report No. 9 by 12.00 August 31, 1942 from the Headquarters of the Fortified Area of Stalingrad]. *TsA MO RF* [CA RF Ministry of Defense], f. 48, inv. 451, d. 53, l. 27-28.

42. Operativnaia svodka № 10 k 12.00 01.09.42 shtaba ukrepaiona g. Stalingrada [Operational Report No. 10 by 12.00 September 1, 1942 from the Headquarters of the Fortified Area of Stalingrad]. *TsA MO RF* [CA RF Ministry of Defense], f. 48, inv. 451, d. 53, l. 1-2.

43. Operativnaia svodka № 11 k 24.00 01.09.42 shtaba ukrepaiona g. Stalingrada [Operational Report No. 11 by 24.00 September 1, 1942 from the Headquarters of the Fortified Area of Stalingrad]. *TsA MO RF* [CA RF Ministry of Defense], f. 48, inv. 451, d. 53, l. 11-12.

44. Operativnaia svodka № 11 k 24.00 01.09.42 shtaba ukrepaiona g. Stalingrada [Operational Report No. 11 by 24.00 September 1, 1942 from the Headquarters of the Fortified Area of Stalingrad]. *TsA MO RF* [CA RF Ministry of Defense], f. 48, inv. 451, d. 53, l. 29-30.

45. Operativnaia svodka № 12 k 24.00 02.09.42 shtaba ukrepaiona g. Stalingrada [Operational Report No. 12 by 24.00 September 2, 1942 from the Headquarters of the Fortified Area of Stalingrad]. *TsA MO RF* [CA RF Ministry of Defense], f. 48, inv. 451, d. 53, l. 31.

46. Operativnaia svodka № 13 k 24.00 03.09.42 shtaba ukrepaiona g. Stalingrada [Operational Report No. 13 by 24.00 September 3, 1942 from the Headquarters of the Fortified Area of Stalingrad]. *TsA MO RF* [CA RF Ministry of Defense], f. 48, inv. 451, d. 53, l. 32-33.

47. Operativnaia svodka № 14 k 24.00 04.09.42 shtaba ukrepraiona g. Stalingrada [Operational Report No. 14 by 24.00 September 4, 1942 from the Headquarters of the Fortified Area of Stalingrad]. *TsA MORF* [CA RF Ministry of Defense], f. 48, inv. 451, d. 53, l. 34-35.

48. Operativnaia svodka № 15 k 24.00 05.09.42 shtaba ukrepraiona g. Stalingrada [Operational Report No. 15 by 24.00 September 5, 1942 from the Headquarters of the Fortified Area of Stalingrad]. *TsA MORF* [CA RF Ministry of Defense], f. 48, inv. 451, d. 53, l. 36-37.

49. Operativnaia svodka № 16 k 3.00 09.09.42 g. shtaba Severnogo boevogo uchastka oborony gor. Stalingrada [Operational Report No. 16 by 3.00 September 9, 1942 of the Headquarters of the Northern Combat Sector of the Defense of Stalingrad]. *TsA MORF* [CA RF Ministry of Defense], f. 345, inv. 5487, d. 32, l. 23.

50. Operativnaia svodka № 16 k 24.00 06.09.42 shtaba 10 strelkovoi divizii VV NKVD [Operational Report No. 16 by 24.00 September 6, 1942 of the Headquarters of the 10th Rifle Division of the Internal Troops of the NKVD]. *TsA MORF* [CA RF Ministry of Defense], f. 48, inv. 451, d. 53, l. 38-39.

51. Operativnaia svodka № 17 k 24.00 07.09.42 shtaba 10 strelkovoi divizii VV NKVD [Operational Report No. 17 by 24.00 September 7, 1942 of the Headquarters of the 10th Rifle Division of the Internal Troops of the NKVD]. *TsA MORF* [CA RF Ministry of Defense], f. 48, inv. 451, d. 53, l. 42-43.

52. Operativnaia svodka № 17-a k 24.00 07.09.42 shtaba ukrepraiona g. Stalingrada [Operational Report No. 17-a by 24.00 September 7, 1942 from the Headquarters of the Fortified Area of Stalingrad]. *TsA MORF* [CA RF Ministry of Defense], f. 48, inv. 451, d. 53, l. 40-41.

53. Operativnaia svodka № 18 k 24.00 08.09.42 shtaba 10 strelkovoi divizii VV NKVD [Operational Report No. 18 by 24.00 September 8, 1942 of the Headquarters of the 10th Rifle Division of the Internal Troops of the NKVD]. *TsA MORF* [CA RF Ministry of Defense], f. 48, inv. 451, d. 53, l. 9.

54. Operativnaia svodka № 18 k 3.00 10.09.42 g. shtaba Severnogo boevogo uchastka oborony gor. Stalingrada [Operational Report No. 18 by 3.00 September 10, 1942 of the Headquarters of the Northern Combat Sector of the Defense of Stalingrad]. *TsA MORF* [CA RF Ministry of Defense], f. 345, inv. 5487, d. 32, l. 29.

55. Operativnaia svodka № 19 k 24.00 09.09.42 shtaba 10 strelkovoi divizii VV NKVD [Operational Report No. 19 by 24.00 September 9, 1942 of the Headquarters of the 10th Rifle Division of the Internal Troops of the NKVD]. *TsA MORF* [CA RF Ministry of Defense], f. 48, inv. 451, d. 53, l. 7-8.

56. Operativnaia svodka № 19-a na 24.00 09.09.42 shtaba ukrepraiona g. Stalingrada [Operational Report No. 19-a by 24.00 September 9, 1942 from the Headquarters of the Fortified Area of Stalingrad]. *TsA MORF* [CA RF Ministry of Defense], f. 48, inv. 451, d. 53, l. 48-49.

57. Operativnaia svodka № 19-a na 24.00 09.09.42 shtaba ukrepraiona g. Stalingrada [Operational Report No. 19-a by 24.00 September 9, 1942 from the Headquarters of the Fortified Area of Stalingrad]. *TsA MORF* [CA RF Ministry of Defense], f. 48, inv. 451, d. 53, l. 62-63.

58. Operativnaia svodka № 20 k 24.00 10.09.42 shtaba 10 strelkovoi divizii VV NKVD [Operational Report No. 20 by 24.00 September 10, 1942 of the Headquarters of the 10th Rifle Division of the Internal Troops of the NKVD]. *TsA MORF* [CA RF Ministry of Defense], f. 48, inv. 451, d. 53, l. 10 - 10 r.

59. Operativnaia svodka № 20-a na 24.00 10.09.42 shtaba ukrepraiona g. Stalingrada [Operational Report No. 20-a by 24.00 September 10, 1942 from the Headquarters of the Fortified Area of Stalingrad]. *TsA MORF* [CA RF Ministry of Defense], f. 48, inv. 451, d. 53, l. 53-54.

60. Operativnaia svodka № 21 k 15.00 11.09.42 g. shtaba Severnogo boevogo uchastka oborony gor. Stalingrada [Operational Report No. 21 by 15.00 September 11, 1942 of the Headquarters of the Northern Combat Sector of the Defense of Stalingrad]. *TsA MORF* [CA RF Ministry of Defense], f. 345, inv. 5487, d. 32, l. 32.

61. Operativnaia svodka № 25 k 24.00 16.09.42 shtaba 10 strelkovoi divizii VV NKVD [Operational Report No. 25 by 24.00 September 16, 1942 of the Headquarters of the 10th Rifle Division of the Internal Troops of the NKVD]. *TsA MORF* [CA RF Ministry of Defense], f. 345, inv. 5487, d. 8, l. 14 - 14 r.

62. Operativnaia svodka № 36 k 1.00 23.09.42 shtaba 10 strelkovoi divizii VV NKVD [Operational Report No. 36 by 1.00 September 23, 1942 of the Headquarters of the 10th Rifle Division of the Internal Troops of the NKVD]. *TsA MORF* [CA RF Ministry of Defense], f. 345, inv. 5487, d. 8, l. 32.

63. Operativnaia svodka № 39 k 1.00 22.09.42 shtaba 10 strelkovoi divizii VV NKVD [Operational Report No. 39 by 1.00 September 22, 1942 of the Headquarters of the 10th Rifle Division of the Internal Troops of the NKVD]. *TsA MORF* [CA RF Ministry of Defense], f. 345, inv. 5487, d. 8, l. 27 - 27 r.

64. Operativnaia svodka № 46 k 3.00 27.09.42 g. shtaba Severnogo boevogo uchastka oborony gor. Stalingrada [Operational Report No. 46 by 3.00 September 27, 1942 of the Headquarters of the Northern Combat Sector of the Defense of Stalingrad]. *TsA MORF* [CA RF Ministry of Defense], f. 345, inv. 5487, d. 32, l. 91.

65. Operativnaia svodka № 48 k 3.00 28.09.42 g. shtaba Severnogo boevogo uchastka oborony goroda Stalingrada [Operational Report No. 48 by 3.00 September 28, 1942 of the Headquarters of the Northern Combat Sector of the Defense of Stalingrad]. *TsA MORF* [CA RF Ministry of Defense], f. 345, inv. 5487, d. 32, l. 95.

66. Operativnaia svodka k 24.00 29.09.42 shtaba 282 strelkovogo polka VV NKVD [Operational Report by 24.00 September 29, 1942 of the Headquarters of

the 282nd Rifle Regiment of the Internal Troops of the NKVD]. *TsA MO RF* [CA RF Ministry of Defense], f. 345, inv. 5487, d. 8, l. 60.

67. Operativnaia svodka shtaba 282 strelkovogo polka VV NKVD k 22.00 30.09.42 [Operational Report of the Headquarters of the 282nd Rifle Regiment of the Internal Troops of the NKVD by 22.00 September 30, 1942]. *TsA MO RF* [CA RF Ministry of Defense], f. 345, inv. 5487, d. 8, l. 56.

68. Operativnoe donesenie shtaba 282 strelkovogo polka VV NKVD k 20.00 01.10.42 [Operational Report of the Headquarters of the 282nd Rifle Regiment of the Internal Troops of the NKVD by 20.00 October 1, 1942]. *TsA MO RF* [CA RF Ministry of Defense], f. 345, inv. 5487, d. 8, l. 68-69.

69. Operativnoe donesenie shtaba 282 strelkovogo polka VV NKVD k 22.00 03.10.42 [Operational Report of the Headquarters of the 282nd Rifle Regiment of the Internal Troops of the NKVD by 22.00 October 3, 1942]. *TsA MO RF* [CA RF Ministry of Defense], f. 48, inv. 451, d. 53, l. 107 - 107 r.

70. Patrushev N.P., Iampolskii V.P. et al., eds. *Organy gosudarstvennoi bezopasnosti SSSR v Velikoi Otechestvennoi voine: sb. dok. T. 3. Kn. 2. Ot oborony k nastupleniiu (1 iuliia – 31 dekabria 1942 g.)* [State Security Organs of the USSR in the Great Patriotic War. Collection of Documents. Vol. 3. Book. 2. From Defense to Offensive (July 1 – December 31, 1942)]. Moscow, Rus Publ., 2003. 700 p.

71. Poiasneniia k stroevoi zapiske 10 strelkovoi divizii VV NKVD SSSR na 3 oktiabria 1942 goda [Explanations to the Combat Note of the 10th Rifle Division of the Internal Troops of the NKVD of the USSR on October 3, 1942]. *TsA MO RF* [CA RF Ministry of Defense], f. 48, inv. 451, d. 53, l. 119.

72. Razvedyvatelnaia svodka na 8.00 19.09.42 shtaba 10 strelkovoi divizii VV NKVD [Intelligence Report at 8.00 September 19, 1942 from the Headquarters of the 10th Rifle Division of the Internal Troops of the NKVD]. *TsA MO RF* [CA RF Ministry of Defense], f. 345, inv. 5487, d. 8, l. 18 - 18 r.

73. Rogozhkin N.E. Voiska NKVD v Stalingradskoi bitve i oborone Kavkaza [NKVD Troops in the Battle of Stalingrad and the Defense of the Caucasus]. *Voyenno-istoricheskii zhurnal* [Military Historical Journal], 2013, no. 2, pp. 15-20.

74. Saraev A.A. *Stoiali nasmert* [They Fought to the Death]. Volgograd, Nizh.-Volzh. kn. izd-vo, 1976. 192 p. (Podvig Stalingrada bessmertn [Stalingrad's Feat Is Immortal]).

75. Svedeniia o boevom i chislennom sostave 282 strelkovogo polka VV NKVD na 1 oktiabria 1942 g. [Information on the Combat and Strength of the 282nd Rifle Regiment of the Internal Troops of the NKVD on October 1, 1942]. *TsA MO RF* [CA RF Ministry of Defense], f. 345, inv. 5487, d. 8, l. 64.

76. Svedeniia ob ukomplektovannosti chastei 10 strelkovoi divizii VV NKVD riadovym i mladshim nachsostavom po sostoianiiu 3 oktiabria 1942 g. [Information on the Staffing of Units of the 10th Rifle Division of the Internal Troops of the NKVD with Private and Junior Command Personnel as of October 3, 1942]. *TsA MO RF* [CA RF Ministry of Defense], f. 48, inv. 451, d. 53, l. 120.

77. Spravka o nalichii i nekomplekte nachsostava v polkakh 10 strelkovoi divizii Vnutrennikh voisk NKVD SSSR po sostoianiiu na period 05.10.42 g. [Certificate on the Availability and Shortage of Command Personnel in the Regiments of the 10th Rifle Division of the Internal Troops of the NKVD of the USSR as of October 5, 1942]. *TsA MO RF* [CA RF Ministry of Defense], f. 48, inv. 451, d. 53, l. 115-117.

78. Spravka o nalichii i nekomplekte nachsostava v Upravlenii i chastiakh 10 strelkovoi divizii Vnutrennikh voisk NKVD po sostoianiiu na period 05.10.42 g. [Certificate on the Availability and Shortage of Command Personnel in the Directorate and Units of the 10th Rifle Division of the Internal Troops of the NKVD as of October 5, 1942]. *TsA MO RF* [CA RF Ministry of Defense], f. 48, inv. 451, d. 53, l. 112-114.

79. Spravka o chislennom i boevom sostave 282 strelkovogo polka VV NKVD na 2 oktiabria 1942 g. [Certificate on the Strength and Combat Strength of the 282nd Rifle Regiment of the Internal Troops of the NKVD as of October 2, 1942]. *TsA MO RF* [CA RF Ministry of Defense], f. 345, inv. 5487, d. 8, l. 76.

80. Spravka o chislennom i boevom sostave chastei 10 strelkovoi divizii VV NKVD po sostoianiiu na 10.09.42 goda [Certificate on the Numerical and Combat Composition of Units of the 10th Rifle Division of the Internal Troops of the NKVD as of September 10, 1942]. *TsA MO RF* [CA RF Ministry of Defense], f. 48, inv. 451, d. 53, l. 55 - 55 r.

81. Spravka o chislennom i boevom sostave chastei 10 strelkovoi divizii VV NKVD po sostoianiiu na 13.09.42 goda [Certificate on the Numerical and Combat Composition of Units of the 10th Rifle Division of the Internal Troops of the NKVD as of September 13, 1942]. *TsA MO RF* [CA RF Ministry of Defense], f. 345, inv. 5487, d. 8, l. 3 - 3 r.

82. Spravka o chislennom i boevom sostave chastei 10 strelkovoi divizii VV NKVD po sostoianiiu na 5.00 22.09.42 [Certificate on the Numerical and Combat Composition of Units of the 10th Rifle Division of the Internal Troops of the NKVD as of 5.00 on September 22, 1942]. *TsA MO RF* [CA RF Ministry of Defense], f. 345, inv. 5487, d. 8, l. 29.

83. Spravka o chislennom i boevom sostave chastei 10 strelkovoi divizii vnutrennikh voisk NKVD SSSR po sostoianiiu na 12 iuliia 1942 goda [Certificate on the Numerical and Combat Composition of Units of the 10th Rifle Division of the Internal Troops of the NKVD

of the USSR as of July 12, 1942]. *TsA MO RF* [CA RF Ministry of Defense], f. 220, inv. 220, d. 71, l. 62-63.

84. Zagorulko M.M., ed. *Stalingradskaia bitva. Iiul 1942 – fevral 1943: entsiklopediia* [Battle of Stalingrad. July 1942 – February 1943: Encyclopedia]. Volgograd, Izdatel Publ., 2017. 840 p.

85. Strelnikov M.A. Stalingradskaia bitva: problematika voprosa [Battle of Stalingrad: Problems of Question]. *Voennaia istoriia Rossii: problemy, poiski, resheniia: materialy Mezhdunar. nauch. konf., posvyashch. 75-letiyu Pobedy v Velikoy Otechestvennoy voyne (Volgograd, 11–12 sent. 2020 g.). V 3 ch. Ch. 2* [Military History of Russia: Problems, Searches, and Solutions. Proceedings of the International Scientific Conference, Dedicated to the 75th Anniversary of Victory in the Great Patriotic War (Volgograd, September 11–12, 2020). In 3 Pts. Pt. 2]. Volgograd, Izd-vo VolGU, 2020, pp. 189-193.

86. Strelnikov M.A. Spetsifika operativno-sluzhebnoi deiatelnosti organov NKVD v Stalingradskoi bitve [The Specifics of the Operational-Service Activities of the NKVD in the Battle of Stalingrad]. *Via in tempore. Istoriya Politologiya* [Via in tempore. History Political Science], 2023, vol. 50, no. 2, pp. 470-483. DOI: 10.52575/2687-0967-2023-50-2-470-483

87. Tolstov A.V. Uchastie 10-i strelkovoi divizii voisk NKVD v oborone Stalingrada v iiule – sentiabre 1942 goda [Participation of the 10th Shoot Division of the NKVD Forces in the Defense of Stalingrad in July – September 1942]. *Uchastie voisk NKVD SSSR v Velikoi Otechestvennoi voine: (k 75-letiyu Pobedy sovetskogo naroda v Velikoi Otechestvennoi voine)* [Participation of the USSR NKVD Troops in the Great Patriotic War. (To the 75th Anniversary of the Victory of the Soviet People in the Great Patriotic War)]. Perm, PVI VNG RF, 2020, pp. 247-251.

Information About the Author

Maksim A. Strelnikov, Assistant, Department of History and International Relations, Volgograd State University, Prosp. Universitetsky, 100, 400062 Volgograd, Russian Federation, ma_strelnikov@volsu.ru, <https://orcid.org/0000-0002-8371-8127>

Информация об авторе

Максим Александрович Стрельников, ассистент кафедры истории и международных отношений, Волгоградский государственный университет, просп. Университетский, 100, 400062 г. Волгоград, Российская Федерация, ma_strelnikov@volsu.ru, <https://orcid.org/0000-0002-8371-8127>



DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2024.3.11>

UDC 94(470.45):355.415.8

LBC 63.3(2Рос-4Вор)622,7

Submitted: 11.10.2023

Accepted: 27.02.2024

PLACEMENT AND USE OF LABOR OF PRISONERS OF WAR OF THE NKVD-MINISTRY OF INTERNAL AFFAIRS OF THE USSR CAMP No. 362 DURING THE RESTORATION OF STALINGRAD

Sergey G. Sidorov

Volgograd State University, Volgograd, Russian Federation

Abstract. *Introduction.* After the end of the Great Patriotic War, the number of prisoners of war in Stalingrad doubled, and new NKVD camps for industrial purposes were created, including Krasnooktyabrsky No. 362. *Methods and materials.* Historical facts are investigated on the basis of the principles of historicism and objectivity. The article uses problem-chronological and comparative-historical methods. The article is based on documents of the NKVD-Ministry of Internal Affairs of the USSR, the Main Directorate for Prisoners of War and Internees of the NKVD-Ministry of Internal Affairs of the USSR, and institutions for prisoners of war and internees of the Stalingrad region. *Analysis.* Prisoners of war at Camp No. 362 were used in the work of the main construction trusts restoring industrial enterprises and housing facilities in the central and northern parts of Stalingrad. The number of the camp's contingent for 1945–1947 increased from 7,943 people to 13,715 people, and the share of workers in production increased. *Results.* For 1945–1949, enterprises transferred more than 125 million rubles to the camp for the work of prisoners of war. The total cost of the work performed by the contingent of Camp No. 362 amounted to about 400 million rubles. This allowed approximately 4.5% to reimburse the cost of losses incurred by the city during the war years.

Key words: prisoners of war, NKVD-Ministry of Internal Affairs of the USSR Camp no. 362, placement of prisoners of war, restoration of Stalingrad, contribution of prisoners of war to the restoration of the city.

Citation. Sidorov S.G. Placement and Use of Labor of Prisoners of War of the NKVD-Ministry of Internal Affairs of the USSR Camp No. 362 During the Restoration of Stalingrad. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 4. Istoriya. Regionovedenie. Mezhdunarodnye otnosheniya* [Science Journal of Volgograd State University. History. Area Studies. International Relations], 2024, vol. 29, no. 3, pp. 125-137. (in Russian). DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2024.3.11>

УДК 94(470.45):355.415.8

ББК 63.3(2Рос-4Вор)622,7

Дата поступления статьи: 11.10.2023

Дата принятия статьи: 27.02.2024

РАЗМЕЩЕНИЕ И ПРИМЕНЕНИЕ ТРУДА ВОЕННОПЛЕННЫХ ЛАГЕРЯ НКВД-МВД СССР № 362 В ПЕРИОД ВОССТАНОВЛЕНИЯ СТАЛИНГРАДА

Сергей Григорьевич Сидоров

Волгоградский государственный университет, г. Волгоград, Российская Федерация

Аннотация. *Введение.* После завершения Великой Отечественной войны численность военнопленных в Сталинграде удваивается, создаются новые лагеря НКВД производственного назначения, в том числе и Краснооктябрьский № 362. *Методы и материалы.* В статье используются проблемно-хронологический и сравнительно-исторический методы. Статья написана на основе документов НКВД-МВД СССР. *Анализ.* Военнопленные лагеря № 362 использовались на работах основных строительных трестов, восстанавливающих промышленные предприятия и жилищно-бытовые объекты центральной и северной части Сталинграда.

Численность контингента лагеря за 1945–1946 гг. увеличилась с 7 943 чел. до 13 715 чел., выросла доля работающих на производстве. *Результаты.* За 1945–1949 гг. предприятия за работу военнопленных перечислили лагерю более 125 млн рублей. Общая стоимость выполненных контингентом лагеря № 362 работ составила около 400 млн рублей. Это позволило примерно на 4,5 % возместить стоимость потерь, понесенных городом в военные годы.

Ключевые слова: военнопленные, лагерь НКВД-МВД для военнопленных № 362, размещение военнопленных, восстановление Сталинграда, вклад военнопленных в восстановление города.

Цитирование. Сидоров С. Г. Размещение и применение труда военнопленных лагеря НКВД-МВД СССР № 362 в период восстановления Сталинграда // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 4, История. Регионоведение. Международные отношения. – 2024. – Т. 29, № 3. – С. 125–137. – DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2024.3.11>

Введение. После завершения Великой Отечественной войны для быстрого восстановления города в Сталинград прибыли дополнительные контингенты военнопленных. За июнь – июль 1945 г. в производственные лагеря поступило 20 080 человек. Чтобы избавиться от нетрудоспособных, в июле – августе на родину из лагерей и спецгоспиталей вывезли 5 521 больных и ослабленных [10, с. 298]. В итоге численность пленных в области выросла в 2 раза и на 10 августа составила 38 918 чел., из которых 37 205 чел. содержались в лагерях и 1 713 больных в спецгоспиталях.

Для более эффективного размещения и использования военнопленных в городе создаются новые управления лагерей. Летом 1945 г. в Сталинградской области находилось уже 7 лагерей, в числе которых два оздоровительных (Урюпинский № 50 и Фроловский № 123) и 5 производственных: 4 – в Сталинграде (Бекетовский № 108, Тракторный № 163, Приволжский № 361 и Краснооктябрьский № 362) и один – № 409 в Камышине. Лечение тяжелобольных осуществляли 4 спецгоспиталя Наркомата здравоохранения, расположенные в Сталинграде (№ 2102), Урюпинске (№ 5770, № 5771) и Камышине (№ 5772) [10, с. 298–300].

Методы и материалы. В статье используются проблемно-хронологический и сравнительно-исторический методы, позволяющие проследить историю лагеря НКВД-МВД № 362 с момента его создания до расформирования, показать условия содержания военнопленных в различных лагерных отделениях, определить строительные организации и предприятия, на объектах которых трудились военнопленные, выявить вклад контингента лагеря в восстановление Сталинграда.

Некоторые аспекты поднимаемой в статье проблемы ранее затрагивались в работах

отечественных и зарубежных историков, посвященных пребыванию и трудовому использованию военнопленных в Сталинграде. К ним относятся исследования А.Е. Епифанова, С.Г. Сидорова, С. Карнера, А. Хильгера [15; 32–34; 41; 42]. Названные авторы не ставили перед собой задачи подробно останавливаться на деятельности лагеря для военнопленных № 362, размещении контингента на территории города, освещении вклада контингента этого лагеря в возрождение города. Краткая справка о деятельности лагеря № 362 содержится в справочнике «Лагеря для военнопленных НКВД-МВД СССР. 1939–1956» [16], в составлении которого участвовал и автор данной статьи. Предлагаемое исследование дополняет ранее вышедшие работы и позволяет составить более полную картину истории лагеря, контингент которого внес существенный вклад в возрождение Сталинграда.

Исследование построено на материалах НКВД-МВД СССР, опубликованных в сборниках документов и материалов [3–5]. Большинство из представленных в сборниках документов, отражающих историю лагеря для военнопленных № 362, не анализировались учеными [1; 8–12; 18; 19; 39; 40]. В научный оборот вводятся архивные документы [6; 23; 25; 27; 37; 38], позволившие проследить изменение статуса лагеря и численности контингента, результаты труда военнопленных.

Анализ. Лагерь НКВД для военнопленных № 362 был создан при заводе «Красный Октябрь» в июне 1945 г. для использования контингента на работах в промышленности и строительстве за счет передачи в него уже действующих лагерных отделений № 1, 2 и 3 лагеря НКВД № 163 [29].

Два отделения лагеря размещались в Северном поселке Краснооктябрьского района,

третье – в Северном поселке Баррикадного района.

Контингент первого отделения содержался в 11 деревянных одноэтажных бараках, покрытых шифером, стены которых были изготовлены из досок.

Бытовые условия во втором отделении отличались. Часть военнопленных находилась в двух кирпичных двухэтажных зданиях с деревянными полами и железной кровлей. Большая часть контингента размещалась в 4 неустроенных землянках и 23 палатках на двухъярусных койках с сетками без постели. К зиме палатки заменяли на жилые полуземлянки со стенами стропильного типа, обитых железом, с земляными полами и кровлей.

Контингент третьего отделения размещался в четырех кирпичных двухэтажных домах с деревянными полами и железной кровлей и 9 землянках. К началу 1946 г. землянки, согласно паспорту лагеря, уже отсутствовали [19, с. 339].

Военнопленные в первое время спали на двух- и трехъярусных нарах и двухъярусных железных кроватях. Последние в ходе благоустройства лагеря постепенно были заменены на двухъярусные нары.

Отопление помещений производилось углем и дровами. Топливо на зиму, доставляемое автомашинами, обеспечивали хозорганы. Освещение было электрическое.

Все отделения имели бани, дезинфекционные камеры, прачечные, которые находились в кирпичных зданиях. Пищеблоки (кухни, разделочные, кладовые) имелись во всех отделениях, а вот столовая с пропускной способностью 1 000 чел. в час находилась только в первом отделении. Во всех отделениях отсутствовала посуда, пленные для приема пищи пользовались котелками [19, с. 338–342].

Большое влияние на здоровье военнопленных оказывало обеспечение их одеждой и обувью, которое зимой 1945–1946 гг. было недостаточным. В середине января 1946 г. для контингента лагеря в 8 709 чел. не хватало 135 шинелей, 5 160 пар кожаной обуви, 11 749 пар теплых портянок, 2 200 пар перчаток, 7 674 шт. теплого белья [19, с. 340].

Состав контингента лагеря не был постоянным. На 10 августа 1945 г. в лагере содержалось 8 207 военнопленных, в том числе

890 больных [10, с. 300]. В последующие месяцы контингент продолжал поступать из фронтовой сети. Военнопленных, потерявших трудоспособность, отправляли на родину, в оздоровительные лагеря и спецгоспитали. При этом выжить смогли не все. 1945 г. был одним из самых сложных в борьбе за снижение смертности среди военнопленных, которые поступали из фронтовой сети в истощенном состоянии. Лечебные и профилактические мероприятия снижали смертность, однако в том году она оказалась самой высокой за весь период существования лагеря и составила 298 случаев. Большая часть смертельных случаев – 193 – пришлась на дистрофию с сопутствующими болезнями [7, с. 766, 767].

В 1945 г. среднесписочный состав лагеря составлял 7 943 военнопленных, из которых 5 741 чел. входили в трудовой фонд, 1 081 чел. являлись инвалидами и хроническими больными, не способными к труду, 767 чел. находились в оздоровительных командах и 354 чел. как вновь поступившие отбывали 21-дневный карантин. Из числа военнопленных, отнесенных к трудовому фонду, на оплачиваемых работах использовалось 4 668 человек. Содержавшийся в лагере контингент использовался на восстановлении основных заводов города. Первое лагерное отделение обеспечивало рабочей силой трест № 4 Наркомавиапрома СССР, второе – 1-й Спецстройтрест Наркомчермета СССР, третье – Строительно-монтажный трест № 53 Наркомата вооружения СССР. Контингент лагеря восстанавливал заводы «Красный Октябрь» и «Баррикады», строил жилые дома и объекты соцкультбыта, восстанавливал шоссе, дороги, водопровод, канализацию, теплофикацию, линии электропередач и выполнял многие другие работы. Начало функционирования лагеря совпало с наиболее благоприятным периодом года для максимального применения труда военнопленных на производстве. Итоги работы за август – сентябрь по лагерю № 362 оказались наиболее результативными. Хорошим показателем способствовал и тот факт, что лагерные отделения к началу создания управления лагеря уже действовали, организация труда пленных на предприятиях была налажена. В целом валовая сумма выработки военнопленных в 1945 г. составила более 8,9 млн руб.,

средняя производительность труда – 107,1 %. При этом 89,6 % (3 910 чел.), работающих на производстве, выполняли и перевыполняли нормы [18, с. 396, 397]. В 1945 г. заработок работающих превысил расходы на содержание всех военнопленных лагеря № 362 на 12,2 %.

В конце 1945 г. лагерь продолжал расти. В ноябре лимитную численность лагеря увеличили до 11 тыс. чел., в том числе первых трех отделений – до 3 тыс. чел. каждое, открывается 4-е отделение на 2 тыс. чел., обслуживающее объекты Особой строительно-монтажной части (далее – ОСМЧ) № 25 Наркомата строительства СССР [30]. В начале 1946 г. ОСМЧ № 25 была ликвидирована, 3-е и 4-е отделения объединят в одно, а новое 4-е отделение появится в совхозе «Буерачный» Добринского района области как подсобное хозяйство лагеря [17, с. 508].

Летом 1946 г. произойдет дальнейший рост лагеря. В августе в его структуру войдут 4 отделения ликвидированного лагеря № 163. Пятое отделение лагеря появится в Верхнем поселке, шестое – в Нижнем поселке Тракторозаводского района Сталинграда. Они обеспечивали рабочей силой ОСМЧ № 14 («Тракторострой») и Сталинградский тракторный завод. Седьмое отделение находилось в г. Камышин при Стеклотарном заводе, восьмое – в совхозе «Приволжский» Красноармейского сельского района (подсобное хозяйство) [24, с. 468].

В августе военнопленные лагеря в соответствии с решением ГКО обеспечивали рабочей силой следующие основные хозорганы (таблица).

Распределение военнопленных лагеря № 362 по основным хозорганам на 1 августа 1946 года

Distribution of prisoners of war at Camp No. 362 by the main economic authorities as of August 1, 1946

Наименование хозоргана	Предусмотрено решением ГКО	Закреплено	Выводится	Процент обеспеченности
Трест № 4	2 500	1 847	1 683	67,3
Трест № 53	2 000	1 904	1 835	91,7
ОСМЧ-СТС	5 700	1 402	1 246	21,8
СТЗ	1 100	1 477	1 384	125,8
1-й Спецстройтрест	3 500	1 880	1 792	54,0
Стеклотарный завод	300	324	292	97,0

Примечание. Составлено автором по: [39].

В ноябре 1946 г. происходит новое расширение лагеря. Для улучшения руководства в его структуру передали 3 отделения Бекетовского лагеря № 108 с общим количеством 3 681 военнопленных [1, с. 493]. Численность контингента 11 отделений лагеря выросла до 13 715 чел. [17, с. 508].

9-е отделение размещалось в районе Астраханского моста при Участке военно-строительных работ (УВСР) № 307 Минвоенморстроя СССР. Военнопленные спали на сплошных нарах (420 чел.), на деревянных нарах вагонного типа (75 чел.) и на железных койках (740 чел.).

10-е отделение находилось в бывшей Сурской бане при тресте «Сталинградкультистрой» Главсталинградстроя при Совете Министров РСФСР. Весь контингент располагался на сплошных нарах.

11-е отделение размещалось на площади 9 января (ныне – площадь Ленина) при участке строительно-восстановительных работ (УСВР) Сталинградской железной дороги Министерства путей сообщения СССР. Военнопленные спали на нарах вагонного типа [1, с. 495, 499; 17, с. 508].

Всего в 1946 г. трудовой фонд лагеря составлял 8 501 чел., или 76,3 % к списочному составу лагеря, из них на оплачиваемых работах находилось 7 168 чел., или 64,3 % к списочному составу. Военнопленные отработали на строительно-восстановительных работах 2 137 672 человеко-дней, заработав при этом 32 139 тыс. рублей. Объем строительных работ, выполненных военнопленными только по трестам № 53 и «Сталинградметаллургстрой», составил в промышленности 13 869 м²,

жилищном строительстве – 6 456 м², на объектах учреждений культуры – 1 621 м². Расходы на содержание лагеря при этом составили 33 956,3 тыс. рублей. За выполненную работу военнопленные получили денежное вознаграждение в сумме 4 404,2 тыс. рублей. Лагерь сдал в госбюджет 2 230,9 тыс. руб. накоплений [31].

В конце 1946 г. продовольственное положение в лагере в связи неурожаем и возникшим в стране голодом значительно ухудшилось. Суточный рацион военнопленного по основной норме снизился с 3 200 до 2 368 калорий. Ухудшение питания отразилось на здоровье пленных. На 1 октября 1947 г. в лагере находилось 1 739 больных, из которых 1 505 чел. (86,5 %) болели дистрофией [36, с. 559].

В этих условиях обострилось влияние на физическое состояние военнопленных таких факторов, как использование на работах, не соответствующих группе трудоспособности, завышение группы трудоспособности при медицинском комиссовании, несвоевременное выявление больных и поздняя их госпитализация, увеличение рабочего дня до 10–11 часов, нерегулярное использование выходных дней, несоблюдение техники безопасности, работа в три смены без создания надлежащих условий для отдыха и т. п.

В 1947 г. возросли трудности с обеспечением военнопленных жилплощадью. Так, в отделении № 2 при тресте «Сталинградметаллургстрой» весной на одного военнопленного при норме 2 м² проходило 1,5 м². Летом ситуация в отделении еще более обострилась. Здание школы № 32, в которой размещались лазарет, баня, прачечная, продовольственный склад и жилые помещения, передали под учебный процесс. В результате на одного военнопленного стало приходиться только 0,9 м² жилой площади. Новые помещения для размещения выселенных учреждений отсутствовали [40, с. 543]. В конце сентября в отделение, в котором содержалось 1 459 пленных, прибыло еще 500 человек. Лишь 200 военнопленных сумели временно разместить на существующих площадях, еще 300 чел. – в других отделениях.

В отделение № 5 при тресте «Сталинградтракторострой», где в конце сентября содержалось 1 039 пленных, прибыло еще 1 000 чел., которых временно разместили в

имеющихся бараках, строительство двух помещений для них планировалось закончить не ранее декабря [36, с. 560, 561].

Итоги применения труда военнопленных в 1947 г. по названным и другим причинам оказались ниже, чем в 1946 году. При росте среднесписочного состава контингента лагеря на 489 чел. (до 11 634 пленных) на объектах работ использовалось на 909 чел. меньше (6 259 чел.). Доля работающих военнопленных сократилась до 53,8 % (1946 г. – 64,3 %). За выполненную контингентом работу предприятия выплатили лагерю более 35 млн рублей. Этих средств не хватило на содержание лагеря, руководство которого вынуждено было получить из государственного бюджета 2,2 млн руб. в качестве дотации [31, с. 1109].

1948 г. стал годом массовой репатриации военнопленных из лагерей на родину. МВД предпринимает меры по повышению эффективности трудового использования остающихся в лагерях. Руководство лагеря обязали на май – октябрь 1948 г. обеспечить вывод на оплачиваемые работы 80–85 % всего контингента. Для выполнения поставленной задачи разрешили привлечь пленных третьей группы трудоспособности к работам средней тяжести и установить для них 8-часовой рабочий день [34, с. 314–315].

Доля работающих на производстве военнопленных растет: в июне она составила 78 %, в августе – уже 80,4 % списочного состава контингента лагеря. Повышается и эффективность труда: производительность достигла 135 %, доля пленных, не выполняющих норм выработки, сократилась до 1,2 %, количество военнопленных, получающих вознаграждение, выросло с 1 690 чел. в июне (38,5 % от общего числа работающих) до 2 145 чел. в августе (55,1 %), сумма денежного вознаграждения – со 164 тыс. руб. до 185 тыс. рублей. Все большее число работающих военнопленных могло приобрести продовольственные товары в ларьках, в которых продавались хлеб, кондитерские изделия, молоко, овощи, арбузы и дыни. В июле оборот ларьков составлял 139 642 руб., в августе – уже 160 439 рублей. Кроме того, работающим военнопленным разрешалось приобретать дополнительное питание за наличный расчет в торговой сети, расположенной на объекте работ [13, с. 636].

Для поддержания физического состояния военнопленных в июле – августе как дополнительное питание использовалось мясо ракушек, которого заготовили и израсходовали через столовые 11 621 кг. Осуществленные мероприятия, а также проводимая репатриация нетрудоспособных лиц на родину способствовали увеличению доли работающих. На 1 сентября она составила 91,4 % общего контингента лагеря, в том числе 1-й и 2-й групп трудоспособности 72,4 % [13, с. 636–637].

Большое внимание уделялось поддержанию санитарного состояния бытовых помещений и лагерных зон, которые имели достаточное озеленение, а также мест отдыха контингента в свободное от работы время. Осенью все жилые помещения были полностью подготовлены к зимним условиям, приведены в исправность сушилки, оборудованы зимние умывальники, проведена набивка матрацев. Бани и дезинфекционные камеры работали бесперебойно. В то же время серьезные трудности имелись с обеспечением военнопленных нательным бельем и одеялами. По состоянию на 1 ноября не хватало 1 759 вторых нательных рубах, 850 кальсон, 1 633 одеял. Не имеющие одеял военнопленные вынуждены были укрываться шинелями, в которых работали, что загрязняло белье, становилось причиной возникновения кожных заболеваний. В сырую погоду, когда шинели намокали, военнопленные вынуждены были спать в одном нижнем белье. Портянки и рукавицы, изготовленные из ветоши, были очень низкого качества, не соответствовали своему назначению в осенне-зимних условиях [12, с. 652].

В 1948 г. три раза в месяц проводились поголовные медосмотры всех военнопленных. Получили дальнейшее развитие комнаты отдыха, появившиеся в 1947 г., и ночные профилактории. Они предназначались для начинающих ослабевать хорошо работающих военнопленных. В июле в комнатах отдыха побывало 132 чел., в августе – 130 чел., в сентябре – 198 чел., в октябре – 224 чел. [12, с. 651; 13, с. 636–637]. Всего за 1947–1949 гг. в комнаты отдыха было направлено 10 023 пленных, в том числе 1 032 чел. первой группы трудоспособности, 7 389 чел. – второй и 1 602 чел. – третьей. Ослабленных военнопленных продолжали направлять в оздоровительные коман-

ды. В 1946–1949 гг. в оздоровительных командах с улучшенным питанием поправляли свое здоровье 31 869 чел. [7, с. 767].

Улучшение физического состояния контингента, а также своевременная госпитализация тяжелобольных способствовали ежегодному снижению смертности среди военнопленных. Если в 1945 г. в лагере умерло 298 чел., в 1946 г. – 123 чел., в 1947 г. – 48 чел., то в 1948 г. – только 7 чел., из них 5 чел. от производственных травм [31, с. 1110].

Массовое возвращение военнопленных на родину приводило к сокращению контингента лагеря. Результаты труда военнопленных в 1948 г. оказались ниже, чем в 1947 году. Однако эффективность работы значительно повысилась. Среднесписочный состав военнопленных уменьшился почти на 5 тыс. чел. и составил 6 656 человек. В то же время количество способных трудиться уменьшилось лишь на 2 тыс. человек. Доля военнопленных, занятых на оплачиваемых работах, выросла с 53,8 % до 68 % списочного состава. Доля военнопленных, не выполняющих нормы выработки, понизилась до 9,4 %. За работу военнопленных предприятия перечислили лагерю 24,377 млн рублей. Этой суммы было недостаточно для содержания контингента и руководство лагеря вынуждено было привлечь на эти цели 873,4 тыс. руб. государственных дотаций [31, с. 1109].

В 1948 г. военнопленные не только репатриировались на родину, но и продолжали поступать в лагерь. В августе из лагеря № 108 было передано 3 отделения. В составе лагеря № 362 появились отделения № 11 при Стройотделе УМВД, № 12 при Нижне-Волжском бассейновом водном управлении, строившем причалы на Волге и жилые дома, № 14 при Отдельном дорожно-строительном районе ГУШОСДОРМВД в поселке Старая Отрада г. Сталинграда, возводившем дороги в городе [7, с. 766].

В 1949 г. массовая репатриация завершилась. В связи с вывозом большей части военнопленных на родину 9 отделений лагеря (№ 4, 6, 7, 8, 9, 10, 12, 13, 14) были ликвидированы [7, с. 766]. В конце мая лагерь с четырьмя отделениями (№ 1, 3, 5 и 11) на 5 200 чел. был переформирован в режимный [23]. 1 200 чел. выделялись заводу «Красный Ок-

тябрь», 600 чел. – стройотделу УМВД, 2 200 чел. – тресту № 53 Министерства вооружения СССР и 1 200 чел. – «Сталинградскому Тракторострою» Министерства строительства предприятий тяжелой индустрии [25]. Для обслуживания тяжелобольных за режимным лагерем закрепили спецгоспиталь № 5 771, который с 1946 г. располагался в Сталинграде [27].

Результаты труда военнопленных в 1949 г. оказались самыми эффективными за все время существования лагеря. Среднесписочный состав военнопленных лагеря составлял 4 768 чел., что было почти на 2 тыс. чел. меньше, чем в 1948 году. Из них на оплачиваемых работах использовалось 3 493 чел., или 73,3 % (1948 г. – 68 %). За работу военнопленных предприятия перечисли на счет лагеря 24,7 млн руб., или на 325 тыс. руб. больше, чем в предыдущем году. Сумма денежного вознаграждения (более 4,3 млн руб.), выплаченная хорошо работающим военнопленным, выросла в 2,25 раза. Фактические расходы лагеря за 1949 г. составили 22 850,5 тыс. рублей. Лагерь не только добился самоокупаемости, но и сдал в госбюджет 4 млн руб. накоплений [31, с. 1109].

В январе 1950 г. Бекетовский лагерь № 108 расформировали. Краснооктябрьский лагерь № 362, оставшийся в области единственным лагерем для пленных, переименовали в Сталинградский. После завершения репатриации по состоянию на 31 марта 1950 г. в лагере содержалось 2 796 чел., из них 493 военнопленных и интернированных и 2 303 заключенных из числа осужденных солдат противника. Среди них подавляющее число составляли немцы – 474 военнопленных и 2 153 заключенных [8].

В связи с окончанием репатриации военнопленных из режимного лагеря МВД № 362 и завозом в него осужденных военнопленных и интернированных, в мае 1950 г. отделения № 1 при тресте «Сталинградметаллургстрой» на 1 200 чел. и № 11 при стройотделах УМВД и УМГБ по Сталинградской области на 600 чел. были расформированы. В лагере остались отделения для осужденных военнопленных и интернированных: № 3 на 1 250 чел. и № 5 на 750 чел. [21]. На 1 июля в лагере содержалось 1 578 чел., из которых могли

работать 1 224 чел. (77,6 %). Они были закреплены за трестом № 53 (796 чел.), «Сталинградметаллургстроем» (237 чел.), Стройотделами УМВД (148 чел.) и УМГБ (42 чел.) [37].

Летом 1950 г. МВД СССР приняло решение вывезти осужденных военнопленных и интернированных из особых лагерей ГУЛАГа. Одним из мест, куда они переводились, стал Сталинград. В июле в лагере № 362 сформировали два отделения: № 1 при тресте «Главсталинградстрой» Министерства гражданского строительства РСФСР на 2 000 человек и № 2 при тресте «Сталинградметаллургстрой» на 1 000 чел. [22]. Для размещения вновь прибывающих контингентов УМВД выделило помещения в двух колониях ОИТК: в № 7 – на 1 100 чел. и в № 1 – на 2 000 чел. [9, с. 795].

Численность осужденных военных преступников в лагере за июль – сентябрь выросла до 5 635 чел., трудовой фонд – до 4 263 чел. (75,7 %). Организациям, использующим труд заключенных, добавились тресты «Главсталинградстрой» Министерства гражданского строительства РСФСР (1 316 чел.), «Кульгстрой» Главсталинградстроя при Совете Министров РСФСР (177 чел.), «Сталинградгидрострой» МВД СССР (90 чел.) [38].

В октябре 1950 г. Сталинградский лагерь был преобразован в режимный для осужденных военнопленных и интернированных [26]. Отделения № 1 и № 2 просуществовали недолго. В конце ноября их расформировали, а находившихся в них 3 000 заключенных перевели в г. Асбест Свердловской области [28].

В 1950 г. результаты труда контингента лагеря № 362 оставались высокими. За первые 9 месяцев производительность труда составила 127,6 %, план по валовой выработке выполнен на 138,6 %. В третьем квартале нормы выработки перевыполняли 90,4 % всех сдельщиков, при этом более 50 % на 125–150 % и выше [6, л. 125].

В начале февраля 1951 г. управление Сталинградского лагеря № 362 было расформировано. Руководство отделениями для осужденных военных преступников из числа военнопленных с этого момента стал осуществлять отдел по делам военнопленных и интернированных (ОПВИ) УМВД по Сталинградской области [20].

Результаты. За 1945–1949 гг. строительные организации и предприятия за работу военнопленных перечислили лагерю № 362 более 125 млн руб. За счет этой суммы расходы на содержание лагеря (134,4 млн руб.) удалось покрыть на 93 % [31, с. 1109], что было значительно лучше, чем по всем лагерям ГУПВИ (80,2 %) [34, с. 401]. Только по сведениям трестов № 53 и «Сталинградметаллургстроя» военнопленные за указанные годы осуществили промышленное строительство в объеме 67 635 м², жилищное – 39 244 м² и учреждений культуры – 6 233 м². Силами военнопленных на 40 % восстановили Сталинградский тракторный завод, построили административное здание УМГБ и коробку административного здания УМВД, Дворец культуры стоимостью 3 млн руб., вокзал пригородного поезда (станция Тракторная), районную больницу Баррикадного района, баню, проложили 12 километров дорог, 10 км городского водопровода, 5 км тротуаров, построили жилые здания для «Тракторостроя», треста № 25 и треста № 4 площадью 49 680 м² [14, с. 779]. Общая стоимость выполненных контингентом лагеря работ по подсчетам автора с использованием методики ГУПВИ МВД СССР [35, с. 720] составила около 400 млн руб. и возместила 4,5 % стоимости понесенных городом потерь (9 млрд руб.) [2, с. 353].

В ходе проведения репатриации за 1945–1949 гг. на родину из лагеря убыло 19 582 военнопленных, 486 чел. умерло [7, с. 766, 777].

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Акт передачи 10-го, 16-го, 17-го лагерных отделений лагеря № 108 в лагерь № 362 от 15 ноября 1946 г. // Военнопленные в Сталинграде. 1943–1944: Документы и материалы. Т. 2. Волгоград: Издатель, 2003. С. 492–501.
2. Водолагин М. А. Очерки истории Волгограда. 1589–1967. М.: Наука, 1968. 448 с.
3. Военнопленные в СССР. 1939–1956: Документы и материалы. М.: Логос, 2000. 1120 с.
4. Военнопленные в Сталинграде. 1943–1944: Документы и материалы. Т. 2. Волгоград: Издатель, 2003. 1160 с.
5. Главное управление по делам военнопленных и интернированных НКВД – МВД СССР. 1941–1952. Отчетно-информационные документы и материалы. Т. 4. Волгоград: Волгогр. науч. изд-во, 2004. 1111 с.
6. Доклад генерал-лейтенанта А.З. Кобулова «Задачи лагерей для осужденных военных преступников, бывших военнопленных». 20 декабря 1950 г. // Российский государственный военный архив (РГВА). Ф. 1п. Оп. 23а. Д. 18. Л. 125–216.
7. Доклад начальника УМВД по Сталинградской области в ГУПВИ МВД СССР о деятельности лагеря № 362 за период 1945–1949 гг. // Военнопленные в Сталинграде. 1943–1944: Документы и материалы. Т. 2. Волгоград: Издатель, 2003. С. 766–778.
8. Доклад управления лагеря № 362 начальнику политотдела лагерей МВД по Сталинградской области о проведенной работе с военнопленными и заключенными лагеря за I квартал 1950 г. // Военнопленные в Сталинграде. 1943–1944: Документы и материалы. Т. 2. Волгоград: Издатель, 2003. С. 779–780.
9. Докладная записка зам. начальника 1-го Управления ГУПВИ М.Я. Зетилова о результатах проверки содержания осужденных военнопленных в лагере № 362 и спецгоспиталя № 5771 от 29 июля 1950 г. // Военнопленные в Сталинграде. 1943–1944: Документы и материалы. Т. 2. Волгоград: Издатель, 2003. С. 794–802.
10. Докладная записка ОПВИ УНКВД по Сталинградской области в 4-й отдел ГУПВИ НКВД СССР о состоянии лагерей и спецгоспиталей НКЗ СССР для военнопленных на 10 августа 1945 г. // Военнопленные в Сталинграде. 1943–1944: Документы и материалы. Т. 2. Волгоград: Издатель, 2003. С. 298–301.
11. Докладная записка ОПВИ УНКВД по Сталинградской области начальнику Управления о проделанной работе за III квартал 1945 г. // Военнопленные в Сталинграде. 1943–1944: Документы и материалы. Т. 2. Волгоград: Издатель, 2003. С. 318–324.
12. Докладная записка управления лагеря № 362 в УМВД по Сталинградской области о проводимых мероприятиях по сохранению и оздоровлению физического состояния военнопленных. Не ранее 1 ноября 1948 г. // Военнопленные в Сталинграде. 1943–1944: Документы и материалы. Т. 2. Волгоград: Издатель, 2003. С. 651–653.
13. Докладная записка управления лагеря № 362 от 13 сентября 1948 г. // Военнопленные в Сталинграде. 1943–1944: Документы и материалы. Т. 2. Волгоград: Издатель, 2003. С. 634–637.
14. Дополнительные сведения к отчету лагеря № 362 о деятельности за 1945–1949 гг. // Военнопленные в Сталинграде. 1943–1944: Документы и материалы. Т. 2. Волгоград: Издатель, 2003. С. 778–779.
15. Епифанов А. Е. Сталинградский плен, 1942–1956 годы (немецкие военнопленные в СССР). М.: Мемор. музей нем. антифашистов, 1999. 324 с.
16. Лагеря для военнопленных НКВД-МВД СССР. 1939–1956: справочник / под ред. М. М. Загорюлько. Волгоград: Издатель, 2013. 768 с.

17. Отчет ОПВИ УМВД Сталинградской области в ГУПВИ МВД СССР о санитарно-бытовом состоянии и работе лечебно-санитарных учреждений лагерей для военнопленных за ноябрь 1946 г. // Военнопленные в Сталинграде. 1943–1944: Документы и материалы. Т. 2. Волгоград: Издатель, 2003. С. 507–514.
18. Отчет УНКВД по Сталинградской области в ГУПВИ НКВД СССР о трудовом использовании военнопленных лагерями области в 1945 г. // Военнопленные в Сталинграде. 1943–1944: Документы и материалы. Т. 2. Волгоград: Издатель, 2003. С. 384–398.
19. Паспорт управления лагеря для военнопленных № 362. 15 января 1946 г. // Военнопленные в Сталинграде. 1943–1944: Документы и материалы. Т. 2. Волгоград: Издатель, 2003. С. 338–342.
20. Приказ МВД СССР № 0052 «Об организационных мероприятиях по лагерям МВД для осужденных военных преступников из числа военнопленных» от 5 февраля 1951 г. // ГАРФ. Ф. 9401. Оп. 12. Д. 205. Т. 11. Л. 2.
21. Приказ МВД СССР № 00329 «Об организационных изменениях в составе режимного лагеря № 362» от 25 мая 1950 г. в связи с репатриацией военнопленных // Военнопленные в Сталинграде. 1943–1944: Документы и материалы. Т. 2. Волгоград: Издатель, 2003. С. 787–788.
22. Приказ МВД СССР № 00459 «О сформировании в составе режимного лагеря МВД № 362 лагерных отделений № 1 и 2» от 15 июля 1950 г. // Военнопленные в Сталинграде. 1943–1944: Документы и материалы. Т. 2. Волгоград: Издатель, 2003. С. 791.
23. Приказ МВД СССР № 00528 «Об организации режимных лагерей МВД для военнопленных» от 31 мая 1949 г. // ГАРФ. Ф. 9401. Оп. 1а. Д. 301. Л. 49–50.
24. Приказ МВД СССР № 00531 «О ликвидации управлений лагерей для военнопленных № 163 и 361 и передаче лагерных отделений этих лагерей в состав лагерей МВД № 108 и 362» от 8 июня 1946 г. // Военнопленные в Сталинграде. 1943–1944: Документы и материалы. Т. 2. Волгоград: Издатель, 2003. С. 468–469.
25. Приказ МВД СССР № 00610 «Об установлении дислокации и новой лимитной численности режимным лагерным отделениям лагерей МВД для военнопленных № 181, № 388, № 362, № 207 и № 182» от 24 июня 1949 г. // ГАРФ. Ф. 9401. Оп. 1а. Д. 301. Л. 165–168.
26. Приказ МВД СССР № 00642 «Об организационных мероприятиях по лагерям МВД» от 20 октября 1950 г. // Военнопленные в Сталинграде. 1943–1944: Документы и материалы. Т. 2. Волгоград: Издатель, 2003. С. 814–815.
27. Приказ МВД СССР № 00683 «О закреплении спецгоспиталей за режимными лагерями» от 19 июля 1949 г. // ГАРФ. Ф. 9401. Оп. 1а. Д. 302. Л. 166–167.
28. Приказ МВД СССР № 00695 «О мероприятиях по завозу и использованию на работах в асбестовой промышленности осужденных военных преступников из числа военнопленных», в том числе из лагеря № 362 с расформированием 1-го и 2-го лагерных отделений от 28 ноября 1950 г. // Военнопленные в Сталинграде. 1943–1944: Документы и материалы. Т. 2. Волгоград: Издатель, 2003. С. 815–816.
29. Приказ НКВД СССР № 00693 об организации на территории Сталинградской области лагерей НКВД для военнопленных № 361 и № 362 от 15 июня 1945 г. // Военнопленные в Сталинграде. 1943–1944: Документы и материалы. Т. 2. Волгоград: Издатель, 2003. С. 289.
30. Приказ НКВД СССР № 001350 «Об организационных изменениях в составе лагерей для военнопленных Сталинградской области» от 12 ноября 1945 г. // Военнопленные в Сталинграде. 1943–1944: Документы и материалы. Т. 2. Волгоград: Издатель, 2003. С. 324–326.
31. Работа лагеря для военнопленных № 362 за 1945–1949 гг. // Военнопленные в Сталинграде. 1943–1944: Документы и материалы. Т. 2. Волгоград: Издатель, 2003. С. 1109–1110.
32. Сидоров С. Г. Использование труда военнопленных на восстановлении Сталинграда в 1943–1949 гг. // Окончание войны в Сталинграде и Кельне. 1943–1945. Волгоград: Изд-во ВолГУ, 1997. С. 78–94.
33. Сидоров С. Г. Лагеря немецких военнопленных на территории Сталинградской области в 1943–1954 гг. // Стрелец: научный ежегодник. Вып. 1. Волгоград: Издатель, 2000. С. 175–184.
34. Сидоров С. Г. Труд военнопленных в СССР. 1939–1956. Волгоград: Изд-во ВолГУ, 2001. 503 с.
35. Справка ГУПВИ МВД СССР о трудовом использовании военнопленных в народном хозяйстве страны в 1941–1949 гг. // Военнопленные в СССР. 1939–1956: Документы и материалы. М.: Логос, 2000. С. 719–721.
36. Справка зам. начальника ГУПВИ МВД СССР генерал-майора Н.Н. Ратушного о физическом состоянии контингента военнопленных и готовности к зиме лагеря № 362. Не ранее 10 октября 1947 г. // Военнопленные в Сталинграде. 1943–1944: Документы и материалы. Т. 2. Волгоград: Издатель, 2003. С. 559–561.
37. Справка о численности военнопленных и распределении их по министерствам и организациям по состоянию на 1 июля 1950 г. // РГВА. Ф. 1п. Оп. 10и. Д. 6. Л. 47.
38. Справка о численности военнопленных и распределении их по министерствам и организа-

циям по состоянию на 1 октября 1950 г. // РГВА. Ф. 1п. Оп. 10и. Д. 6. Л. 195.

39. Справка 1-го отделения ОПВИ УМВД по Сталинградской области об обеспечении рабочей силой хозорганов в соответствии с решением Государственного комитета обороны на 1 августа 1946 г. // Военнопленные в Сталинграде. 1943–1944: Документы и материалы. Т. 2. Волгоград: Издатель, 2003. С. 482.

40. Справка управления лагеря № 362 о выполнении хозорганами обязательств в 1947 г. // Военнопленные в Сталинграде. 1943–1944: Документы и материалы. Т. 2. Волгоград: Издатель, 2003. С. 542–546.

41. Hilger A. Deutsche Kriegsgefangene in der Sowjetunion, 1941–1956: Kriegsgefangene Politik, Lageralltag und Erinnerung. Essen: Klartext-Verl., 2000. 486 S.

42. Karner S. Im Archipel GUPVI: Kriegsgefangenschaft und Internierung in der Sowjetunion 1941–1956. Wien; München: Oldenbourg, 1995. 269 S.

REFERENCES

1. *Akt peredachi 10-go, 16-go, 17-go lagernykh otdeleniy lagerya № 108 v lager № 362 ot 15 noyabrya 1946 g.* [Act of Transfer of the 10th, 16th, 17th Camp Departments of Camp No. 108 to Camp No. 362 Dated November 15, 1946]. *Voyennoplennyye v Stalingrade. 1943–1944: Dokumenty i materialy. T. 2* [Prisoners of War in Stalingrad. 1943–1944: Documents and Materials. Vol. 2], Volgograd, Izdatel Publ., 2003, pp. 492–501.

2. Vodolagin M.A. *Ocherki istorii Volgograda. 1589–1967* [Essays on the History of Volgograd. 1589–1967]. Moscow, Nauka Publ., 1968. 448 p.

3. *Voyennoplennyye v SSSR. 1939–1956: Dokumenty i materialy* [Prisoners of War in the USSR. 1939–1956. Documents and Materials]. Moscow, Logos Publ., 2000. 1120 p.

4. *Voyennoplennyye v Stalingrade. 1943–1944: Dokumenty i materialy. T. 2* [Prisoners of War in Stalingrad. 1943–1944: Documents and Materials. Vol. 2]. Volgograd, Izdatel Publ., 2003. 1160 p.

5. *Glavnoye upravleniye po delam voyennoplennyykh i internirovannykh NKVD – MVD SSSR. 1941–1952. Otchetno-informatsionnyye dokumenty i materialy. T. 4* [Main Directorate for Prisoners of War and Internees of the NKVD – Ministry of Internal Affairs of the USSR. 1941–1952. Reporting and Information Documents and Materials. Vol. 4]. Volgograd, Volgogr. nauch. izd-vo, 2004. 1111 p.

6. Doklad general-leitenanta A.Z. Kobulova «Zadachi lagerey dlya osuzhdennykh voyennykh prestupnikov, byvshikh voyennoplennyykh».

20 dekabrya 1950 g. [Report of Lieutenant General A.Z. Kobulov “Tasks of Camps for Convicted War Criminals and Former Prisoners of War.” December 20, 1950]. *Rossiyskiy gosudarstvennyy voennyi arkhiv (RGVA)* [Russian State Military Archive], f. 1p, inv. 23a, d. 18, l. 125–216.

7. Doklad nachalnika UMVD po Stalingradskoy oblasti v GUPVI MVD SSSR o deyatelnosti lagerya № 362 za period 1945–1949 gg. [Report of the Head of the Ministry of Internal Affairs for the Stalingrad Region to the GUPVI of the Ministry of Internal Affairs of the USSR on the Activities of Camp No. 362 for the Period 1945–1949]. *Voyennoplennyye v Stalingrade. 1943–1944: Dokumenty i materialy. T. 2* [Prisoners of War in Stalingrad. 1943–1944: Documents and Materials. Vol. 2]. Volgograd, Izdatel Publ., 2003, pp. 766–778.

8. Doklad upravleniya lagerya № 362 nachalniku politotdela lagerey MVD po Stalingradskoy oblasti o provedennoy rabote s voyennoplennymi i zaklyuchennymi lagerya za I kvartal 1950 g. [Report of the Camp Administration No. 362 to the Head of the Political Department of the Camps of the Ministry of Internal Affairs for the Stalingrad Region on the Work Carried Out with Prisoners of War and Camp Prisoners for the First Quarter of 1950]. *Voyennoplennyye v Stalingrade. 1943–1944: Dokumenty i materialy. T. 2* [Prisoners of War in Stalingrad. 1943–1944: Documents and Materials. Vol. 2]. Volgograd, Izdatel Publ., 2003, pp. 779–780.

9. Dokladnaya zapiska zam. nachalnika 1-go Upravleniya GUPVI M. Ya. Zetilova o rezultatakh proverki soderzhaniya osuzhdennykh voyennoplennyykh v lagere № 362 i spetsgospitalya № 5771 ot 29 iyulya 1950 g. [Memorandum from the Deputy Head of the 1st Directorate of the GUPVI M. Ya. Zetilov on the Results of an Inspection of the Contents of Convicted Prisoners of War in Camp No. 362 and Special Hospital No. 5771 Dated July 29, 1950]. *Voyennoplennyye v Stalingrade. 1943–1944: Dokumenty i materialy. T. 2* [Prisoners of War in Stalingrad. 1943–1944: Documents and Materials. Vol. 2]. Volgograd, Izdatel Publ., 2003, pp. 794–802.

10. Dokladnaya zapiska OPVI UNKVD po Stalingradskoy oblasti v 4-y otdel GUPVI NKVD SSSR o sostoyanii lagerey i spetsgospitaley NKZ SSSR dlya voyennoplennyykh na 10 avgusta 1945 g. [Memorandum of the OPVI UNKVD for the Stalingrad Region to the 4th Department of the GUPVINKVD of the USSR on the State of the Camps and Special Hospitals of the NKZ USSR for Prisoners of War on August 10, 1945]. *Voyennoplennyye v Stalingrade. 1943–1944: Dokumenty i materialy. T. 2* [Prisoners of War in Stalingrad. 1943–1944: Documents and Materials. Vol. 2]. Volgograd, Izdatel Publ., 2003, pp. 298–301.

11. Dokladnaya zapiska OPVI UNKVD po Stalingradskoy oblasti nachalniku Upravleniya o prodelannoy rabote za III kvartal 1945 g. [Report of

the OPVI UNKVD for the Stalingrad Region to the Head of the Directorate on the Work Done for the Third Quarter of 1945]. *Voyennoplennyye v Stalingrade. 1943–1944: Dokumenty i materialy. T. 2* [Prisoners of War in Stalingrad. 1943–1944: Documents and Materials. Vol. 2]. Volgograd, Izdatel Publ., 2003, pp. 318–324.

12. Dokladnaya zapiska upravleniya lagerya № 362 v UMVD po Stalingradskoy oblasti o provodimyykh meropriyatiyakh po sokhraneniyu i ozdorovleniyu fizicheskogo sostoyaniya voyennoplennyykh. Ne raneye 1 noyabrya 1948 g. [Report from the Administration of Camp No. 362 to the Ministry of Internal Affairs for the Stalingrad Region on the Measures Taken to Preserve and Improve the Physical Condition of Prisoners of War. Not Earlier Than November 1, 1948]. *Voyennoplennyye v Stalingrade. 1943–1944: Dokumenty i materialy. T. 2* [Prisoners of War in Stalingrad. 1943–1944: Documents and Materials. Vol. 2]. Volgograd, Izdatel Publ., 2003, pp. 651–653.

13. Dokladnaya zapiska upravleniya lagerya № 362 ot 13 sentyabrya 1948 g. [Memorandum of Camp Management No. 362 Dated September 13, 1948]. *Voyennoplennyye v Stalingrade. 1943–1944: Dokumenty i materialy. T. 2* [Prisoners of War in Stalingrad. 1943–1944: Documents and Materials. Vol. 2]. Volgograd, Izdatel Publ., 2003, pp. 634–637.

14. Dopolnitelnyye svedeniya k otchetu lagerya № 362 o deyatelnosti za 1945–1949 gg. [Additional Information to the Report of Camp No. 362 on Activities for 1945–1949]. *Voyennoplennyye v Stalingrade. 1943–1944: Dokumenty i materialy. T. 2* [Prisoners of War in Stalingrad. 1943–1944: Documents and Materials. Vol. 2]. Volgograd, Izdatel Publ., 2003, pp. 778–779.

15. Yepifanov A.E. *Stalingradskiy plen, 1942–1956 gody (nemetskiye voyennoplennyye v SSSR)* [Stalingrad Captivity, 1942–1956 (German Prisoners of War in the USSR)]. Moscow, Memor. musey nem. antifashistov, 1999. 324 p.

16. Zagorulko M.M., ed. *Lagerya dlya voyennoplennyykh NKVD-MVD SSSR. 1939–1956: spravochnik* [Camps for Prisoners of War of the NKVD-MVD of the USSR. 1939–1956: Reference Book]. Volgograd, Izdatel Publ., 2013. 768 p.

17. Otchet OPVI UMVD Stalingradskoy oblasti v GUPVI MVD SSSR o sanitarno-bytovom sostoyanii i rabote lechebno-sanitarnyykh uchrezhdeniy lagerey dlya voyennoplennyykh za noyabr 1946 g. [Report of the OPVI of the Ministry of Internal Affairs of the Stalingrad Region to the GUPVI of the Ministry of Internal Affairs of the USSR on the Sanitary and Living Conditions and the Work of Medical and Sanitary Institutions in Prisoner of War Camps for November 1946]. *Voyennoplennyye v Stalingrade. 1943–1944: Dokumenty i materialy. T. 2* [Prisoners of War in Stalingrad. 1943–1944: Documents and Materials. Vol. 2]. Volgograd, Izdatel Publ., 2003, pp. 507–514.

18. Otchet UNKVD po Stalingradskoy oblasti v GUPVI NKVD SSSR o trudovom ispolzovanii voyennoplennyykh lageryami oblasti v 1945 g. [Report of the NKVD for the Stalingrad Region to the GUPVI NKVD of the USSR on the Labor Use of Prisoners of War in the Camps of the Region in 1945]. *Voyennoplennyye v Stalingrade. 1943–1944: Dokumenty i materialy. T. 2* [Prisoners of War in Stalingrad. 1943–1944: Documents and Materials. Vol. 2]. Volgograd, Izdatel Publ., 2003, pp. 384–398.

19. Pasport upravleniya lagerya dlya voyennoplennyykh № 362. 15 yanvarya 1946 g. [POW Camp Management Passport No. 362. January 15, 1946]. *Voyennoplennyye v Stalingrade. 1943–1944: Dokumenty i materialy. T. 2* [Prisoners of War in Stalingrad. 1943–1944: Documents and Materials. Vol. 2]. Volgograd, Izdatel Publ., 2003, pp. 338–342.

20. Prikaz MVD SSSR № 0052 «Ob organizatsionnykh meropriyatiyakh po lageryam MVD dlya osuzhdennykh voyennykh prestupnikov iz chisla voyennoplennyykh» ot 5 fevralya 1951 g. [Order of the Ministry of Internal Affairs of the USSR No. 0052 “On Organizational Measures for the Camps of the Ministry of Internal Affairs for Convicted War Criminals from Among Prisoners of War” Dated February 5, 1951]. GARF [State Archive of the Russian Federation], f. 9401, inv. 12, d. 205, vol. 11, l. 2.

21. Prikaz MVD SSSR № 00329 «Ob organizatsionnykh izmeneniyakh v sostave rezhimnogo lagerya № 362» ot 25 maya 1950 g. v svyazi s repatriatsiyey voyennoplennyykh [Order of the Ministry of Internal Affairs of the USSR No. 00329 “On Organizational Changes in the Composition of Regime Camp No. 362” Dated May 25, 1950 in Connection with the Repatriation of Prisoners of War]. *Voyennoplennyye v Stalingrade. 1943–1944: Dokumenty i materialy. T. 2* [Prisoners of War in Stalingrad. 1943–1944: Documents and Materials. Vol. 2]. Volgograd, Izdatel Publ., 2003, pp. 787–788.

22. Prikaz MVD SSSR № 00459 «O sformirovanii v sostave rezhimnogo lagerya MVD № 362 lagernyykh otdeleniy № 1 i 2» ot 15 iyulya 1950 g. [Order of the Ministry of Internal Affairs of the USSR No. 00459 “On the Formation of Camp Departments No. 1 and 2 Within the Regime Camp of the Ministry of Internal Affairs No. 362” Dated July 15, 1950]. *Voyennoplennyye v Stalingrade. 1943–1944: Dokumenty i materialy. T. 2* [Prisoners of War in Stalingrad. 1943–1944: Documents and Materials. Vol. 2]. Volgograd, Izdatel Publ., 2003, p. 791.

23. Prikaz MVD SSSR № 00528 «Ob organizatsii rezhimnykh lagerey MVD dlya voyennoplennyykh» ot 31 maya 1949 g. [Order of the Ministry of Internal Affairs of the USSR No. 00528 “On the Organization of Security Camps of the Ministry of Internal Affairs for Prisoners of War” Dated May 31, 1949]. GARF

[State Archive of the Russian Federation], f. 9401, inv. 1a, d. 301, l. 49-50.

24. Prikaz MVD SSSR № 00531 «O likvidatsii upravleniy lagerey dlya voyennoplennykh № 163 i 361 i peredache lagernykh otdeleniy etikh lagerey v sostav lagerey MVD № 108 i 362» ot 8 iyunya 1946 g. [Order of the Ministry of Internal Affairs of the USSR No. 00531 "On the Liquidation of the Administration of Prisoner of War Camps No. 163 and 361 and the Transfer of the Camp Departments of These Camps to the Camps of the Ministry of Internal Affairs No. 108 and 362" Dated June 8, 1946]. *Voyennoplennyye v Stalingrade. 1943–1944: Dokumenty i materialy. T. 2* [Prisoners of War in Stalingrad. 1943–1944: Documents and Materials. Vol. 2]. Volgograd, Izdatel Publ., 2003, pp. 468-469.

25. Prikaz MVD SSSR № 00610 «Ob ustanovlenii dislokatsii i novoy limitnoy chislennosti rezhimnym lagernym otdeleniyam lagerey MVD dlya voyennoplennykh № 181, № 388, № 362, № 207 i № 182» ot 24 iyunya 1949 g. [Order of the Ministry of Internal Affairs of the USSR No. 00610 "On the Establishment of Deployment and a New Limit for the Number of Regime Camp Departments of the Ministry of Internal Affairs Camps for Prisoners of War No. 181, No. 388, No. 362, No. 207 and No. 182" Dated June 24, 1949]. *GARF* [State Archive of the Russian Federation], f. 9401, inv. 1a, d. 301, l. 165-168.

26. Prikaz MVD SSSR № 00642 «Ob organizatsionnykh meropriyatiyakh po lageryam MVD» ot 20 oktyabrya 1950 g. [Order of the Ministry of Internal Affairs of the USSR No. 00642 "On Organizational Measures for the Camps of the Ministry of Internal Affairs" Dated October 20, 1950]. *Voyennoplennyye v Stalingrade. 1943–1944: Dokumenty i materialy. T. 2* [Prisoners of War in Stalingrad. 1943–1944: Documents and Materials. Vol. 2]. Volgograd, Izdatel Publ., 2003, pp. 814-815.

27. Prikaz MVD SSSR № 00683 «O zakreplenii spetsgospitalей za rezhimnymi lageryami» ot 19 iyulya 1949 g. [Order of the Ministry of Internal Affairs of the USSR No. 00683 "On the Assignment of Special Hospitals to Security Camps" Dated July 19, 1949]. *GARF* [State Archive of the Russian Federation], f. 9401, inv. 1a, d. 302, l. 166-167.

28. Prikaz MVD SSSR № 00695 «O meropriyatiyakh po zavozy i ispolzovaniyu na rabotakh v asbestovoy promyshlennosti osuzhdennykh voyennykh prestupnikov iz chisla voyennoplennykh», v tom chisle iz lagerya № 362 s rasformirovaniyem 1-go i 2-go lagernykh otdeleniy ot 28 noyabrya 1950 g. [Order of the Ministry of Internal Affairs of the USSR No. 00695 "On Measures for the Import and Use of Convicted War Criminals from Among Prisoners of War in Work in the Asbestos Industry," Including from Camp No. 362 with the Disbandment of the 1st and 2nd Camp

Departments, Dated November 28, 1950]. *Voyennoplennyye v Stalingrade. 1943–1944: Dokumenty i materialy. T. 2* [Prisoners of War in Stalingrad. 1943–1944: Documents and Materials. Vol. 2]. Volgograd, Izdatel Publ., 2003, pp. 815-816.

29. Prikaz NKVD SSSR № 00693 ob organizatsii na territorii Stalingradskoy oblasti lagerey NKVD dlya voyennoplennykh № 361 i № 362 ot 15 iyunya 1945 g. [Order of the NKVD of the USSR No. 00693 on the Organization of NKVD Camps for Prisoners of War No. 361 and No. 362 on the Territory of the Stalingrad Region Dated June 15, 1945]. *Voyennoplennyye v Stalingrade. 1943–1944: Dokumenty i materialy. T. 2* [Prisoners of War in Stalingrad. 1943–1944: Documents and Materials. Vol. 2]. Volgograd, Izdatel Publ., 2003, p. 289.

30. Prikaz NKVD SSSR № 001350 «Ob organizatsionnykh izmeneniyakh v sostave lagerey dlya voyennoplennykh Stalingradskoy oblasti» ot 12 noyabrya 1945 g. [Order of the NKVD of the USSR No. 001350 "On Organizational Changes in the Composition of Prisoner-of-War Camps in the Stalingrad Region" Dated November 12, 1945]. *Voyennoplennyye v Stalingrade. 1943–1944: Dokumenty i materialy. T. 2* [Prisoners of War in Stalingrad. 1943–1944: Documents and Materials. Vol. 2]. Volgograd, Izdatel Publ., 2003, pp. 324-326.

31. Rabota lagerya dlya voyennoplennykh № 362 za 1945–1949 gg. [Work of Prisoner of War Camp No. 362 for 1945–1949]. *Voyennoplennyye v Stalingrade. 1943–1944: Dokumenty i materialy. T. 2* [Prisoners of War in Stalingrad. 1943–1944: Documents and Materials. Vol. 2]. Volgograd, Izdatel Publ., 2003, pp. 1109-1110.

32. Sidorov S.G. Ispolzovaniye truda voyennoplennykh na vosstanovlenii Stalingrada v 1943–1949 gg. [The Use of the Labor of Prisoners of War in the Restoration of Stalingrad in 1943–1949]. *Okonchaniye voyny v Stalingrade i Kelne. 1943–1945* [The End of the War in Stalingrad and Cologne. 1943–1945]. Volgograd, Izd-vo VolGU, 1997, pp. 78-94.

33. Sidorov S.G. Lagerya nemetskiikh voyennoplennykh na territorii Stalingradskoy oblasti v 1943–1954 gg. [Camps of German Prisoners of War on the Territory of the Stalingrad Region in 1943–1954]. *Strezhen: nauchnyy yezhegodnik. Vyp. 1* [Strezhen: Scientific Yearbook. Iss. 1]. Volgograd, Izdatel Publ., 2000, pp. 175-184.

34. Sidorov S.G. *Trud voyennoplennykh v SSSR. 1939–1956* [Labor of Prisoners of War in the USSR. 1939–1956]. Volgograd, Izd-vo VolGU, 2001. 503 p.

35. Spravka GUPVI MVD SSSR o trudovom ispolzovanii voyennoplennykh v narodnom khozyaystve strany v 1941–1949 gg. [Certificate from the Main Directorate of Internal Affairs of the Ministry of Internal Affairs of the USSR on the Labor Use of

Prisoners of War in the National Economy of the Country in 1941–1949]. *Voyennoplennyye v SSSR. 1939–1956. Dokumenty i materialy* [Prisoners of War in the USSR. 1939–1956. Documents and Materials]. Moscow, Logos Publ., 2000, pp. 719–721.

36. *Spravka zam. nachalnika GUPVI MVD SSSR general-mayora N.N. Ratushnogo o fizicheskom sostoyanii kontingenta voyennoplennykh i gotovnosti k zime lagerya № 362. Ne raneye 10 oktyabrya 1947 g.* [Certificate from Deputy Head of the GUPVI of the Ministry of Internal Affairs of the USSR, Major General N.N. Ratushny About the Physical Condition of the Contingent of Prisoners of War and the Readiness for Winter of Camp No. 362. Not Earlier Than October 10, 1947]. *Voyennoplennyye v Stalingrade. 1943–1944: Dokumenty i materialy. T. 2* [Prisoners of War in Stalingrad. 1943–1944: Documents and Materials. Vol. 2]. Volgograd, Izdatel Publ., 2003, pp. 559–561.

37. *Spravka o chislennosti voyennoplennykh i raspredelenii ikh po ministerstvam i organizatsiyam po sostoyaniyu na 1 iyulya 1950 g.* [Information on the Number of Prisoners of War and Their Distribution Among Ministries and Organizations as of July 1, 1950]. *RGVA* [Russian State Military Archive], f. 1p, inv. 10i, d. 6, l. 47.

38. *Spravka o chislennosti voyennoplennykh i raspredelenii ikh po ministerstvam i organizatsiyam po sostoyaniyu na 1 oktyabrya 1950 g.* [Information on the Number of Prisoners of War and Their Distribution Among Ministries and Organizations as of October 1,

1950]. *RGVA* [Russian State Military Archive], f. 1p, inv. 10i, d. 6, l. 195.

39. *Spravka 1-go otdeleniya OPVI UMVD po Stalingradskoy oblasti ob obespechenii rabochey siloy khozorganov v sootvetstvii s resheniyem Gosudarstvennogo komiteta oborony na 1 avgusta 1946 g.* [Certificate from the 1st Branch of the OPVI of the Ministry of Internal Affairs for the Stalingrad Region on the Provision of Labor to Economic Agencies in Accordance with the Decision of the State Defense Committee on August 1, 1946]. *Voyennoplennyye v Stalingrade. 1943–1944: Dokumenty i materialy. T. 2* [Prisoners of War in Stalingrad. 1943–1944: Documents and Materials. Vol. 2]. Volgograd, Izdatel Publ., 2003, p. 482.

40. *Spravka upravleniya lagerya № 362 o vypolnenii khozorganami obyazatelstv v 1947 g.* [Certificate from Management of the Camp No. 362 on the Fulfillment of Obligations by Economic Authorities in 1947]. *Voyennoplennyye v Stalingrade. 1943–1944: Dokumenty i materialy. T. 2* [Prisoners of War in Stalingrad. 1943–1944: Documents and Materials. Vol. 2]. Volgograd, Izdatel Publ., 2003, pp. 542–546.

41. Hilger A. *Deutsche Kriegsgefangene in der Sowjetunion, 1941–1956: Kriegsgefangene Politik, Lageralltag und Erinnerung*. Essen, Klartext-Verl., 2000. 486 S.

42. Karner S. *Im Archipel GUPVI: Kriegsgefangenschaft und Internierung in der Sowjetunion 1941–1956*. Wien; Munchen, Oldenbourg, 1995. 269 S.

Information About the Author

Sergey G. Sidorov, Doctor of Sciences (History), Professor, Department of History and International Relations, Volgograd State University, Prosp. Universitetsky, 100, 400062 Volgograd, Russian Federation, histrus@volsu.ru, <https://orcid.org/0000-0002-1366-5787>

Информация об авторе

Сергей Григорьевич Сидоров, доктор исторических наук, профессор кафедры истории и международных отношений, Волгоградский государственный университет, просп. Университетский, 100, 400062 г. Волгоград, Российская Федерация, histrus@volsu.ru, <https://orcid.org/0000-0002-1366-5787>



DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2024.3.12>

UDC 63.3(5Каз-4Кос)622
LBC 94(574.21)

Submitted: 09.05.2023
Accepted: 02.09.2023

**“AUTHORIZED STAFF OF THE POLISH ARMY IN KUSTANAY REGION...”:
TO THE HISTORY OF THE FORMATION OF GENERAL ANDERS’ ARMY
IN KAZAKHSTAN DURING THE SECOND WORLD WAR ¹**

Dmitriy M. Legkiy

A. Baitursynov Kostanay Regional University, Kostanay, Republic of Kazakhstan

Alexander A. Logvinchuk

A. Baitursynov Kostanay Regional University, Kostanay, Republic of Kazakhstan

Abstract. *Introduction.* While the history of the deportation of Poles to the territory of the Kazakh SSR is a well-known fact, the fate of the “administratively exiled families of the repressed from the Western regions of Ukraine and Belarus” in the Kustanay region, the male population of which was included in the Polish military units (including the formation of the General Anders’ Polish Army in late 1941 – early 1942 in Kustanay with a focus on the Polish emigrant government in London), remained out of the field of view of researchers. This article will address this gap. *Methods and materials.* The work was prepared on the basis of declassified materials from the funds of the state archives of Kazakhstan and Ukraine, the memories of Polish citizens, and direct witnesses of the war. *Analysis.* The article proves that many deported Polish citizens (including former servicemen) were drafted in the winter of 1941–1942 into the army of General W. Anders. The activities of the representative office of the “headquarters of the Polish Army in the USSR” on the territory of the Kazakh SSR were carried out under the strict control of the republican and local bodies of Soviet power. *Results.* The materials of the article reveal unknown pages in the history of the formation of the army of General W. Anders in Kazakhstan at the beginning of the Great Patriotic War and will clarify the results of Soviet-Polish cooperation during the Great Patriotic War. *Authors’ contribution.* D. Legkiy studied the corpus of declassified documents in the state archives of Kazakhstan and Ukraine, corresponded with Polish citizens, direct witnesses of the wartime, showed changes in Soviet-Polish relations at the beginning of Second World War and then the Great Patriotic War, showed the inconsistency of the policy of the Soviet authorities in relation to the representation of the Polish army in the USSR, and appreciated the result of the formation of Polish military formations in the territory of the Kustanay region of the Kazakh SSR. A. Logvinchuk analyzed the historiography of the issue, highlighted the course of mobilization of persons of Polish nationality into the ranks of the General Anders’s army, studied the personal files of representatives of the Polish army in the city of Kustanay and reconstructed their biographical data, and compiled a scientific reference apparatus for the work.

Key words: General Anders’s army, Great Patriotic War, Second World War, Kazakhstan, Poland, Ukraine.

Citation. Legkiy D.M., Logvinchuk A.A. “Authorized Staff of the Polish Army in Kustanay Region...”: To the History of the Formation of General Anders’ Army in Kazakhstan During the Second World War. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 4. Istoriya. Regionovedenie. Mezhdunarodnye otnosheniya* [Science Journal of Volgograd State University. History. Area Studies. International Relations], 2024, vol. 29, no. 3, pp. 138-152. (in Russian). DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2024.3.12>

**«УПОЛНОМОЧЕННЫХ ШТАБА ПОЛЬСКОЙ АРМИИ
В КУСТАНАЙСКУЮ ОБЛАСТЬ...»:
К ИСТОРИИ ФОРМИРОВАНИЯ АРМИИ ГЕНЕРАЛА АНДЕРСА
В КАЗАХСТАНЕ В ГОДЫ ВТОРОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ¹**

Дмитрий Максимович Легкий

Костанайский региональный университет им. А. Байтурсынова, г. Костанай, Республика Казахстан

Александр Александрович Логвинчук

Костанайский региональный университет им. А. Байтурсынова, г. Костанай, Республика Казахстан

Аннотация. Если история депортации польского населения на территорию Казахской ССР в конце 1940 г. – нач. 1941 г. является широко известным фактом, то история формирования польской армии генерала Владислава Андерса на региональном уровне остается малоизученным вопросом. Данное исследование позволит устранить указанный пробел на примере Кустанайской области Казахской ССР. В статье доказывается, что многие мужчины из депортированных польских граждан (в том числе бывших военнослужащих) были призваны зимой 1941–1942 гг. в армию генерала В. Андерса. Показана деятельность представительства «штаба Польской армии в СССР» на территории Казахской ССР. Работа подготовлена на основании рассекреченных материалов государственных архивов Казахстана и Украины. Материалы статьи раскрывают неизвестные страницы в истории формирования армии генерала В. Андерса в Казахстане и позволяют уточнить результаты советско-польского сотрудничества в годы Великой Отечественной войны. *Вклад авторов.* Д. Легкий изучил корпус рассекреченных документов в государственных архивах Казахстана и Украины, вел переписку с польскими гражданами, непосредственными свидетелями военной поры, показал изменения в советско-польских отношениях в начале Второй мировой войны и затем Великой Отечественной войны, показал противоречивость политики советских властей по отношению к представительству польской армии в СССР, оценил результат формирования польских воинских соединений на территории Кустанайской области Казахской ССР. А. Логвинчук проанализировал историографию вопроса, осветил ход мобилизации лиц польской национальности в ряды армии генерала Андерса, изучил личные дела представителей польской армии в городе Кустанае и реконструировал их биографические данные, составил научно-справочный аппарат работы.

Ключевые слова: армия генерала Андерса, Великая Отечественная война, Вторая мировая война, Казахстан, Польша, Украина.

Цитирование. Легкий Д. М., Логвинчук А. А. «Уполномоченных штаба польской армии в Кустанайскую область...»: к истории формирования армии генерала Андерса в Казахстане в годы Второй мировой войны // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 4, История. Регионоведение. Международные отношения. – 2024. – Т. 29, № 3. – С. 138–152. – DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2024.3.12>

Введение. После нападения фашистской Германии на СССР в Лондоне 30 июля 1941 г. был подписан договор эмигрантского правительства Польши с СССР «О создании польской армии на Востоке». Численность этой армии, формируемой из оказавшихся в 1939–1941 гг. в СССР солдат и офицеров Польши, было решено довести до 96 тыс. [9]. В начале Великой Отечественной войны в Кустанайской области Казахской ССР оказалось 8 570 польских граждан, депортированных в 1940 г. [8, с. 147], что впоследствии позволило

провести успешную мобилизацию в армию генерала Андерса.

Методы и материалы. Авторы вводят в научный оборот фонды специальных архивов правоохранительных органов, что дает возможность с учетом всех имеющихся фактов и документов осветить изучаемую проблему. В спецархиве Комитета национальной безопасности Республики Казахстан сохранились уникальные документы с архивными уголовными делами на арестованных в 1942 г. членов представительства польской армии в городе Кустанае [2–6]. Доку-

менты НКВД на руководителя польского представительства Мечислава Романски (Романьского) были выявлены в спецархиве Совета безопасности Украины [7], в результате чего выяснилось, что капитан польской армии М.Ф. Романский в современном Казахстане был реабилитирован, а в независимой Украине пришли к выводу, что он реабилитации не подлежит.

Следует выделить фундаментальные сборники документов «Из истории поляков в Казахстане (1936–1956 гг.)» [12] и «Польская делегатура в Казахстане: военная эпоха и дипломаты в документах 1941–1943 гг.» [15], где показан процесс преобразования представительства «штаба Польской армии в СССР» в Казахской ССР в «делегатуру Польпосольства». Воспоминания Анны Сobotы, одной из депортированных в Кустанайскую область, вошли в сборник воспоминаний «В степи далекой: Поляки в Казахстане» [10].

Благодаря усилиям посольства Республики Польша в Казахстане и польского Института солидарности и мужества им. Витольда Пилецкого были проведены в 2015–2022 гг. семь международных научных конференций и две документальные выставки в Казахстане и Польше: «Польские дипломаты в Казахстане. 1941–1943 годы» и «Армия Андерса – путь надежды» (где авторы статьи приняли участие в их подготовке). Неизвестные данные о формировании польской армии в Кустанайской области привела София Цисельская (Zofia Ciesielska), брат которой вступил в армию генерала В. Андерса [1].

Результатом научного проекта «Польские дипломатические представительства в Казах-

стане 1941–1943 гг.» стало проведение исследований на региональном уровне с изданием коллективных сборников и статей [8; 11; 14; 15]. Это подвигло авторов к углубленному изучению истории формирования армии генерала Андерса на территории Казахской ССР на примере Кустанайской области, что и стало целью данного научного исследования.

Анализ. В начале Великой Отечественной войны источники формирования польских воинских частей в Советском Союзе были разные: военнопленные, интернированные, депортированные и добровольцы, в подавляющем большинстве лица польской национальности. Примером служит судьба офицера запаса капитана Мечислава Романьски (Романского) и его сына Андрея, арестованных органами НКВД в 1940 г. на территории Западной Украины, а затем оказавшихся зимой 1941–1942 гг. в составе «представительства Штаба Польской армии» Кустанайской области Казахской ССР (рис. 1).

2 октября 1941 г. «Делегат Польского Посольства в Бузулуке И. Мешковский» и «Начштаба Польской Армии / Окулицкий² полковник ген. шт.» подписывают удостоверение (на русском и польском языках), что «вахмистр Эрнст Вильхельм, польский гражданин, является уполномоченным штаба Польской армии в СССР и Польского посольства в Москве для организации помощи польским гражданам в Кустанайской обл. Казахской ССР». При этом приводилось обращение к местным властям, что польские ведомства (военное и дипломатическое) «просят все органы гражданской и военной власти оказать всякое содействие и помощь вахмистру Эрнсту Виль-

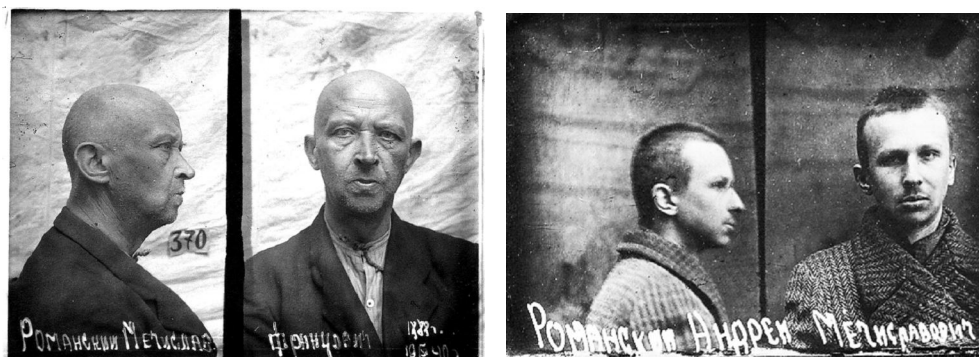


Рис. 1. Мечислав Романский, Андрей Романский. Фотографии НКВД 1940 г.

Fig. 1. Mieczyslaw Romansky, Andrey Romansky. Photos of the NKVD 1940

Примечание. Источник: [7].

хельм» [5] (рис. 2). Он стал первым военным и дипломатическим представителем эмигрантского правительства Польши в Кустанайской области и на территории Казахской ССР.

Местные власти в октябре 1941 г. выделили место для создания польского представительства в самом центре города («улица Ташкентская, дом № 73») [5]. Командование Польской армии в СССР 10 ноября 1941 г. удостоверяло (заверено 28 ноября 1941 г. «государственным нотариусом Айдосовой») [17, л. 21], что «капитан Романьский Мечислав Францевич назначен представителем командования Польской армии и за-

ведующим регистрационным пунктом в городе Кустанае». Прежний руководитель В. Эрнст становится его заместителем. Начальник штаба Польской армии Леопольд Окулицки обращается 10 ноября 1941 г. с просьбой о содействии капитану М. Ф. Романьскому [12, с. 125] (см. рис. 3).

«Уполномоченный Генштаба Красной Армии по польским формированиям в СССР, майор государственной безопасности» Г.С. Жуков подтверждает 12 ноября 1941 г. полномочия капитана М. Романьского в должности офицера «по учету военнообяз.» в выданном тому удостоверении [7] (см. рис. 4).



Рис. 2. Удостоверение вахмистра В. Эрнста. Бузулук. 2 октября 1941 г.

Fig. 2. Sergeant V. Ernst's certificate. Buzuluk. October 2, 1941

Примечание. Источник: [5].

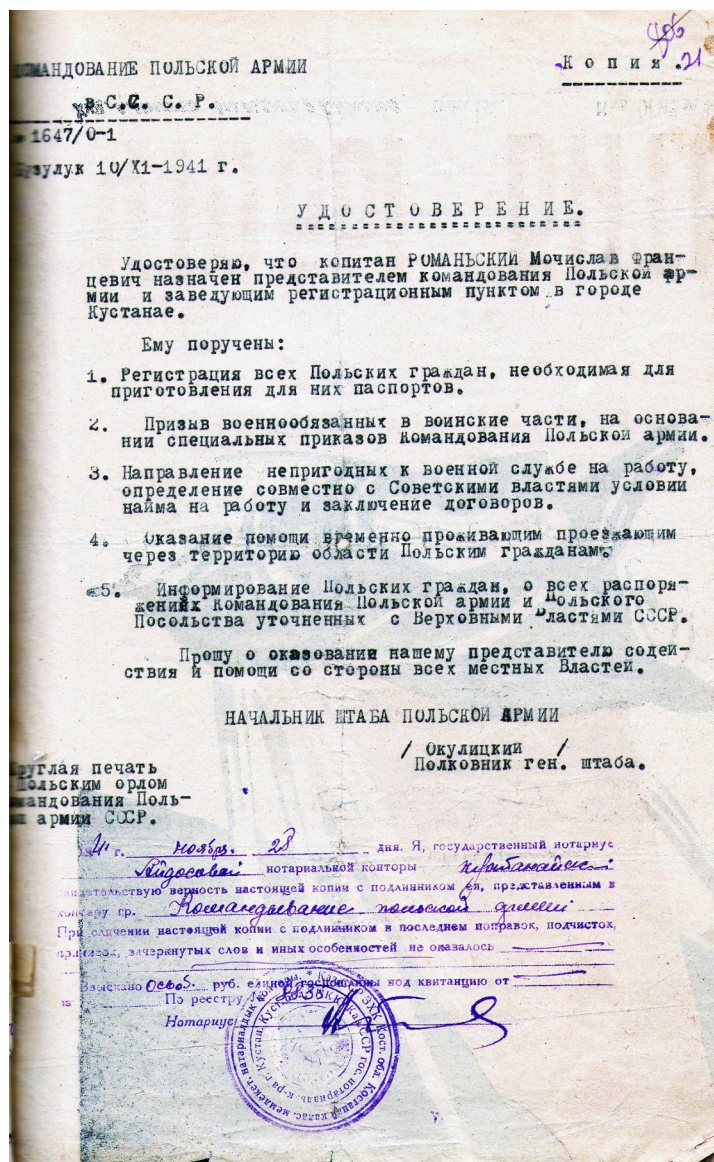


Рис. 3. Удостоверение капитана М.Ф. Романского. Город Бузулук. 10 ноября 1941 г.

Fig. 3. Certificate of Captain M.F. Romansky. City of Buzuluk. November 10, 1941

Примечание. Источник: [17, л. 21].



Рис. 4. Удостоверение офицера по учету военнообязанных Польской армии в СССР капитана М. Романски (Романского). 12 ноября 1941 г.

Fig. 4. Certificate of the officer for registering military personnel of the Polish Army in the USSR, Captain M. Romansky (Romansky). November 12, 1941

Примечание. Источник: [7].

Председатель Кустанайского облисполкома Д. Керимбаев 24 декабря 1941 г. отправил письмо о «призыве военнообязанных польских граждан в воинские части» представителем командования польской армии в Кустанае на имя Председателя Совета Народных Комиссаров Казахской ССР Н.Д. Ундасынова под рубрикой «Сов. Секретно», за № 582/с (подчеркивая, что был ответ «на № 1041 от 4. XII-1941 г.»). В письме приводятся сведения, что «на территории Кустанайской области в данное время проживает 5232 человека польских граждан». При этом в документе указываются полномочия пред-

ставителя командования польской армии: «а) в регистрации всех польских граждан; б) в призыве военнообязанных польских граждан в воинские части; г) в направлении на работу польских граждан; д) в оказании помощи польским гражданам» [13, с. 162].

Все распоряжения «Командования Польской армии в С.С.С.Р.» поступали в 1942 г. из города Бузулук Оренбургской области. Полномочия капитана М. Романьского как регистрационного офицера штаба Польской Армии лично подтверждает 17 января 1942 г. главнокомандующий Польской армии генерал-лейтенант В. Андерс (см. приложение; см. рис. 5) [7].

КОМАНДОВАНИЕ ПОЛЬСКОЙ АРМИИ
в С.С.С.Р.

№ 156/орг.

Бузулук, 17.1.42г.

УДОСТОВЕРЕНИЕ

Я, нижеподписавшийся, подтверждаю, что пред"ительского капитана...
...Мечислав Романский... есть действительный офицером
регистрационным Штаба Польской Армии, командированным на террито-
рию... Кустанайской области

Вышеуказанному офицеру поручено:

1. Провести осмотр и регистрацию всех военнообязанных мужчин польских граждан;
2. аккредитировать транспорты /эшелоны/ на лиц зачисляемых в военную службу и выдать таковых в районы организации Польской Армии;
3. провести учет семейств военнослужащих находящихся на данной территории.

Всем должностным лицам и представителям местной власти про-
шу оказать названному регистрационному офицеру Штаба Польской
Армии всякую помощь и содействие, а в особенности облегчить ему
проведение осмотра, а также организации транспортных эшелонов
и снабжения призванных польских граждан продовольствием на время
следования их в пути и месту назначения.



Рис. 5. Удостоверение капитана Мечислава Романьского, командированного главкомандующим Польской Армии генерал-лейтенантом Андерсом. 7 января 1942 г.

Fig. 5. Certificate of Captain Mieczyslaw Romansky, sent on an official journey by the Commander-in-Chief of the Polish Army, Lieutenant General Anders. January 7, 1942

Примечание. Источник: [7].

2 февраля 1942 г. в «Списке представителей польского командования, командировавшихся для участия в работе комиссий по призыву польских граждан», вновь значится «капитан Романовский (Романский) – Кустанайская область» [12, с. 125, 262]. Фактически основателем и руководителем представительства польского командования в Кустанайской области стал капитан польской армии М.Ф. Романский. Материалы уголовных дел свидетельствуют, что «в ноябре 1941 г., после освобождения в порядке амнистии из лагеря, он был назначен регистрационным офицером штаба польской армии», а затем, «в феврале 1942 г. утвержден представителем (делегатом) посольства Польской Республики» [2].

Из материалов «Протокола допроса обвиняемого Мечислава Романского. 23 VII 1942 – 3 IX 1942» следует: «Романский Мечислав Францишкович, 1888 г. рождения, уроженец города Львов (Польша), поляк, гражданин Польской Республики, по специальности – счетный работник, женат, капитан запаса польской армии. Жена – Янина, 1894 г.р., сын – Андрей, 1921 г.р.» [7]. В ходе допроса органами НКВД Мечислав Романский выделил свое участие в Первой мировой войне: «В период с 1917 г. по 1918 г. включительно, до момента распада Австро-Венгрии, я служил в австрийской армии в чине поручика». При этом он отметил, что «как ранее имевший офицерский чин поручика, был переаттестован в звание капитана польской армии в запасе» [7]. В 1940 г. М.Ф. Романский был арестован на территории Украинской ССР за попытку нелегального перехода границы и осужден к пяти годам заключения в исправительно-трудовом лагере [7].

Как представитель командования польской армии капитан Мечислав Романский регулярно и настойчиво отправлял многочисленные обращения к руководству как области, так и республики. Нередко он высказывал свое возмущение в адрес действий местных властей. «...Не могу не выразить своего глубочайшего изумления! – так без всяких дипломатических реверансов Романский 6 декабря 1941 г. обращался к областному исполнительному комитету Совета депутатов трудящихся. – А теперь, когда польский боец

будет плечом к плечу сражаться рядом с героическим бойцом Красной Армии, – именно теперь польграждане встречаются с отношением презрительным и недобрым, а польские женщины, чьи мужья, отцы и братья уже служат в польской армии, подвергаются оскорблениям и обрекаются на голод» [17, л. 52]. При этом он добавляет: «Прошу неотложно ответить на мое письмо, так как считаю необходимым Ваш ответ привести к сведению командования Польской армии и Польского посольства» [17, л. 53]. Сохранились многочисленные автографы с обозначением «п. п. Представитель командования польской армии – капитан Романский М.» [17, л. 14–53].

В качестве «заместителя делегата по хозяйственным вопросам» был Вильгельм (Вильгельм) Эрнст. 24 декабря 1941 г. и 23 января 1942 г. в документах значится его должность – «Представитель посольства и командования Польской Армии Эрнст» [17, л. 22]. Об этом свидетельствует соответствующая доверенность, заверенная нотариусом Кустанайской нотариальной конторы 7 января 1942 года (см. рис. 6).

Анкетные данные из архивного уголовного дела НКВД указывают на его жизненный путь: «Эрнст Вильгельм Марцелович, 1900 г. р., уроженец села Радловицы Санокского повета Львовского воеводства, поляк, гражданин Польской Республики, в 1930 г. окончил Высшую коммерческую школу в городе Львове, состоял на учете в штабе польской армии как вахмистр (старшина) кадровых частей» [5]. В.М. Эрнст так же, как и М.Ф. Романский, в июне в 1939 г. был «призван в польскую армию вахмистром при штабе бронетанкового батальона», а в начале Второй мировой войны «после разгрома польской армии, отказавшись от перехода через границу в Румынию, прибыл в сентябре 1939 г. в город Львов». В отличие от других поляков, он не был депортирован. До 22 июня 1941 г. «проживал в городе Дрогобыче, где работал плановиком (экономистом)», и затем, «с одним из эвакуационных эшелонов, следовавших на восток, прибыл в Узбекскую ССР». Наконец, «как представитель штаба польской армии и посольства, в октябре 1941 г. прибыл в город Кустанай» [5].

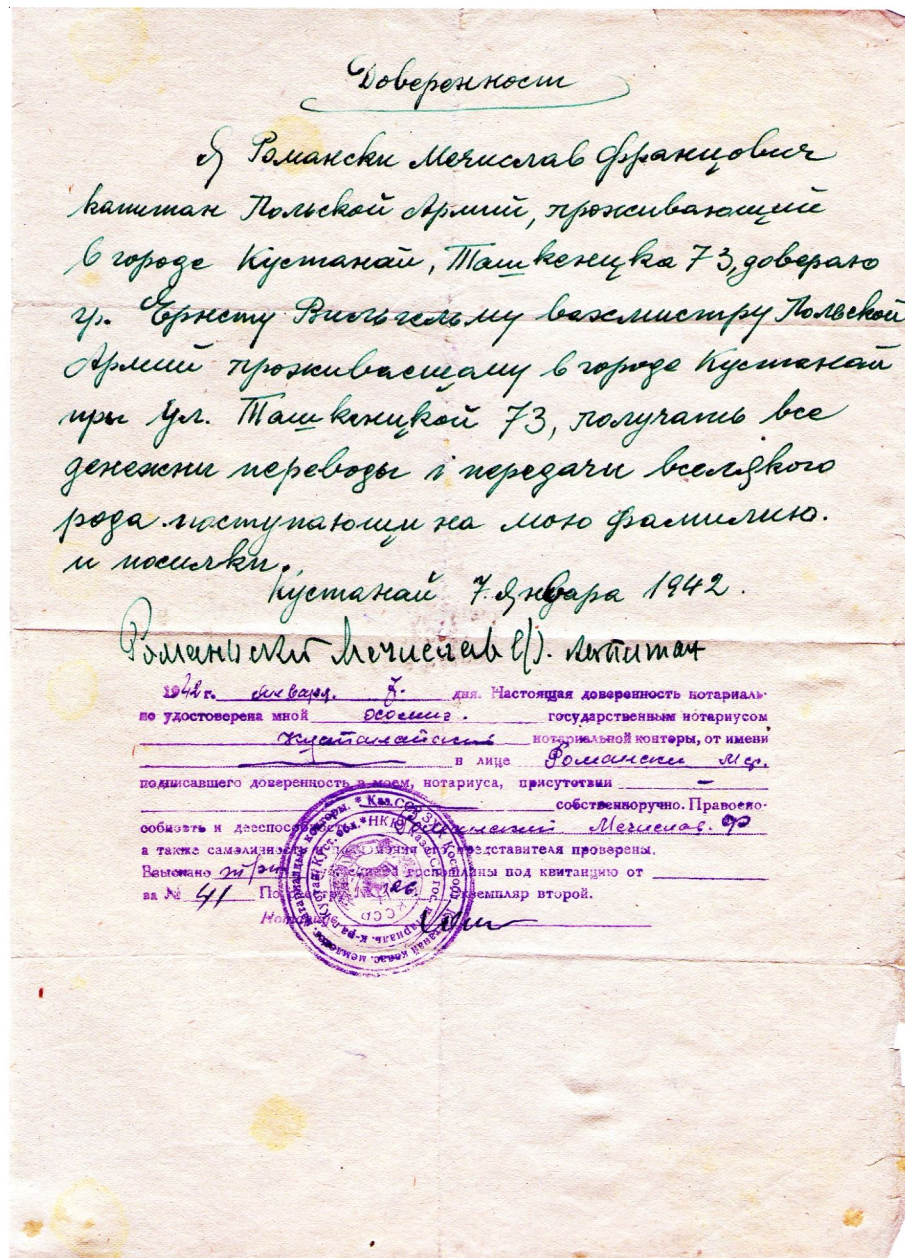


Рис. 6. Доверенность капитана М. Романски вахмистру В. Эрнсту. Кустанай. 7 января 1942 г.

Fig. 6. Power of attorney from Captain M. Romanski to Sergeant V. Ernst. Kustanay. January 7, 1942

Примечание. Источник: [2].

В архивных документах отразились настоячивые требования обеспечить возможность мобилизации лиц польской национальности в армию генерала Андерса. В. Эрнст 23 января 1942 г. посылает телеграмму о трудностях набора в армию генерала Андерса на имя председателя Кустанайского облисполкома Д. Керимбаева: «Призывникам и добровольцам польской армии колхозы и совхозы не предоставляют подвод для проезда в Кустанай или к станции» [17, л. 57]. 14 февраля 1942 г. на

адрес СНК Казахской ССР вновь отправляется телеграмма с дипломатическим давлением на местные и республиканские органы власти: «Мы не можем провести призывной работы в армию тчк Местные власти не предоставляют помещения тчк До сих пор не освобождены все польграждане из тюрьмы Кустанайской области тчк Подробное пересылаем специальным курьером нашему посланнику господину Коту³ для предложения наших нужд председателю Совнаркома Союза» [17, л. 40].

В архивах сохранился ряд писем и телеграмм на республиканском уровне, как, например: «СОВНАРКОМ КАЗАХСКОЙ ССР. Тов. Бабкину⁴. На телеграмму № 605 от 17.2-1942». В документе отмечалось, что «при этом направляется материал по расследованию претензий представителя командования польской армии», с добавлением – «ПРИЛОЖЕНИЕ: на 32-х листах». В феврале 1942 г. претензии «командования польской армии к исполкому Кустанайского облсовета депутатов трудящихся» рассматривались на республиканском уровне («на основании указания от 17.02-1942 г., № 605»). По этому поводу был составлен соответствующий «Акт» (с отметкой «СОВ. СЕКРЕТНО»). 24 февраля 1942 г. была создана комиссия «в составе зам. Наркома Земледелия Каз.ССР – т. Чукичева В. И., начальника Кустанайского облуправления НКВД – т. Забелева И. И., и зам. председателя исполкома Кустанайского облсовета – т. Михеевой А. Г.».

В результате было установлено, что «10-го февраля с. г. временно замещающий представителя командования польской армии гражданин Эрнст обратился по телефону к председателю исполкома облсовета Керимбаеву с некоторыми претензиями по поводу предоставления помещения представительству, снабжения электроэнергией». По объяснению

председателя Кустанайского горсовета И.П. Маякина, он «в этот день помещение предоставить не мог, так как оно было занято общежитием рабочих фабрики «Большевичка», тем не менее через неделю, «18-го февраля помещение было освобождено и полностью предоставлено в распоряжение представительства» [17, л. 49]. В результате этих разбирательств здание окончательно было закреплено за представительством командования польской армии.

В Кустанайской области призыв в армию генерала Андерса производился с санкции союзных, республиканских и местных органов власти в течение полугода, с ноября 1941 г. до апреля 1942 года. Вместе с тем в «Отчете об итогах призыва в польскую армию» от 7 апреля 1942 г. (за подписью «Военного комиссара КазССР Хенкина») сообщается о данных из 10 облвоенкоматов, но Кустанайская область в документе отсутствует. Всего было призвано с территории КазССР 8 569 польских военнослужащих, из них только 5 986 человек было «отправлено в польскую армию» [12, с. 262, 266]. Но мобилизация поляков в Кустанайской области все-таки состоялась. Об этом свидетельствуют два официальных письма от 17 и 26 мая 1942 г., когда «Представитель Польского Посольства Романьский Мечислав» обращался в Исполнительный комитет Кустанайского областного совета депутатов трудящихся.

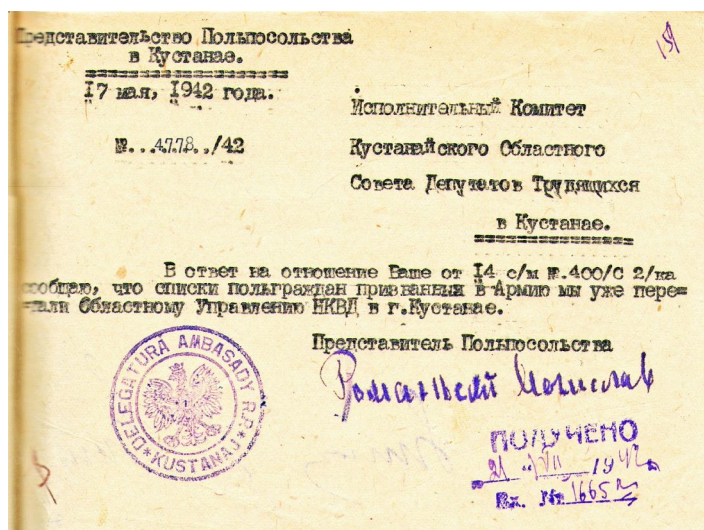


Рис. 7. Письмо М. Романьского в исполнительный комитет Кустанайского областного совета депутатов трудящихся. Кустанай. 17 мая 1942 г.

Fig. 7. Letter from M. Romansky to the executive committee of the Kustanai Regional Council of Workers' Deputies. Kustanay. May 17, 1942

Примечание. Источник: [17, л. 159].

В первом письме от 17 мая 1942 г. М. Романьский пишет: «В ответ на отношение Ваше от 14 с/м № 400/С2/ка сообщаю, что списки польграждан призванных в Армию мы уже передали Областному Управлению НКВД в г. Кустанае». Судя по канцелярскому штампу («Получено 21 /VII 1942. Вх./одящий/ № 1665»), письмо дошло до адресата только 2 июня 1942 г. [17, л. 159] (см. рис. 7). Об этом же 26 мая 1942 г. «Представитель Польпосольства Романьский Мечислав» сообщает в письме, что «списки добровольцев уехавших в Польшармию с 1-го января с/г составлялись нами, согласно нашим инструкциям». При этом он дополнительно уточняет, что «списки призванных в Польшармию в течение февраля и марта с/г были тоже составлены в трех экземплярах, из коих два вручены Областному Управлению НКВД, третий же отправлен в Штаб Польшармии вместе с транспортом призванных» [17, л. 163].

Zofia Ciesielska⁵ поведала о судьбе своего родного брата. «Мой брат Адам Фрыдлевич был призван в Армию ген. Андерса в феврале 1942 г. из Подхоза Боровской кумысолечебницы, где мы жили и работали, – вспоминала она в своем письме многие годы спустя. – Ребята-поляки призваны в армию 2 недели ожидали в Кустанае на поездку в армию в Кермине в Узбекистане. У меня есть письмо от него из Кустаная с адресом полевой почты. Адам тяжело заболел тифом, дизентерией, а в конце на сердце. Выбыл из СССР, умер в Тегеране в августе 1942 г. Мы узнали об этом в 1947 г., уже в Польше. Адам был 1923 г. рождения, ему было 19 лет» [1].

Районные власти постоянно предоставляли властям Кустанайской области списки «польских граждан мужского пола». Так, например, «Список поляков Пешковского района за 1942 г.» отражает фамилии 77 «польских граждан мужского пола». Отсутствие в списке женщин и детей становится ясным с наличием гра-

фы – «служба в польской армии, когда и кем служил». В списке нет графы «национальность», но в числе польских граждан были не только лица польской национальности, а также и евреи (как, к примеру, Рундер Аран Давидович), которых, в отличие от украинцев и белорусов, советские власти признавали польскими гражданами. В списке из 77 чел. (в возрасте от 17 до 45 лет) оказалось 16 бывших офицеров, сержантов и рядовых польской армии [15, с. 249–275].

В таблицах приводился раздел «служба в польской армии, когда и кем служил». Об этом свидетельствует «Список польских гр-н мужского пола в возрасте с 1891 по 1923 гг. проживающих на территории Назаровского с/совета» и «Список Калиновского с/с⁶ польских граждан мужского пола» [15, с. 249–275] (см. таблицу).

Указанный в списке Тадеуш Козел был членом польской делегатуры. В аппарате Кустанайского польского представительства на 2 марта 1942 г. работали 6 человек: Романьский Мечислав Францишкович – представитель, делегат посольства; Эрнст Вильгельм Марцелович – зам. представителя посольства; Дорош Ванда Антоновна – секретарь; Козел (Козиол) Тадей Филиппович – сотрудник, референт; Покладский Станислав Гипалитович – бухгалтер; Матвиновская Кристина Якубовна – сотрудник, посыльная. Через три месяца в списке за 10 июня 1942 г. к ним добавились имена еще трех сотрудников представительства польского посольства: Стасевич Болеславы Станиславовны (машинистка делегатуры), Лукашевич Янины Станиславовны (конторщица), Романски Андрея Мечиславовича (конторщик) [14, с. 19, 37]. Вот здесь выясняется, что в Кустанай прибыл 20-летний сын главы кустанайского представительства Мечислава Романьского, который ранее «проживал без семьи».

В документах НКВД на доверенное лицо польской делегатуры по Орджоникидзе-скому району Р.В. Каминского указано: «...Проживал

Список Калиновского с/с польских граждан мужского пола

Kalinowsky's list of Polish male citizens

Фамилия имя отчество	Год рожд.	Служба в польской армии, когда и кем служил	Место жительства в настоящее время
Гертовский Бронисл. Стан.	1909	в 1932 ПодОфицер	пос. Калиновка
Козел Тадеуш Филиппович	1912	не был в армии	пос. Калиновка
Завженковский Станислав Иван	1914	в 1932 ПодОфицер	пос. Калиновка

с женой по адресу: с. Денисовка Орджоникидзевского района Кустанайской области, оба его сыновья, Каминские Георгий и Тадеуш, с марта 1942 г. – военнослужащие польской армии...» [3]. В документах НКВД за 1942 г. также отмечаются и другие члены польской делегатуры: «При уполномоченных был создан штат – доверенный по городу и Кустанайскому району майор польской армии Жабненский и делопроизводители Дорош Ванда и Матвиевская (Матвиновская) Кристина» [5].

Секретарем представительства Польской армии в городе Кустанае с самого начала его основания, с 9 октября 1941 г., работала Дорош Ванда Антоновна. Вплоть до ареста 23 июля 1942 г. она (по данным НКВД) проводила следующую работу: «Составляла списки призываемых польских граждан в армию. Телеграммы и почту из штаба польской армии, не вскрывая, вручала капитану М.Ф. Романьскому, делегату польского посольства... регистрировала и отправляла исходящие документы делегатуры, направляемые в польское посольство и штаб польской армии» [4].

Обязательной была в то время процедура, когда Кустанайская делегатура «отчитывалась перед бюро опеки при штабе польской армии о выдаче пособий семьям военных и по оказанию помощи другим гражданам Польской Республики» [6]. По признанию Д. Ванды, частые замены делегатурой доверенных лиц в районах (в том числе в Пресногорьковском, Тарановском и Семиозерном) объяснялось тем, «что некоторые уехали в Польшу» [4].

В конечном итоге 25 апреля 1942 г. в Кустанай поступает срочное распоряжение (№ 435/4е с пометкой «СЕКРЕТНО») на имя председателя Кустанайского Облисполкома Д. Керимбаева. «Имеют место многочисленные случаи появления в различных пунктах “представительств польской армии”, польских “призывных комиссий” и т. д., не санкционированных нашими военными органами. – Такое грозное предписание делал заместитель народного комиссара иностранных дел А.Я. Вышинский. – Допускать деятельность таких военных представительств можно лишь по прямому указанию руководящих советских военных органов, без чего эти “представительства” должны считаться незаконными и немедленно ликвидироваться» [17, л. 136–138]. Адрес отправителя

также был весьма внушительный: «СССР. НАРОДНЫЙ КОМИССИАРИАТ ИНОСТРАННЫХ ДЕЛ. Отдел 4-й Европейский. МОСКВА, Кузнецкий мост, 5/21» [17, л. 139].

В конечном итоге участь польских представительств была предрешена. Заместитель председателя Кустанайского облисполкома А.Г. Михеева 4 июня 1942 г. посылает телеграмму в союзный орган («Народный Комиссариат Иностранных Дел СССР Отдел 4-й Европейский. МОСКВА, Кузнецкий мост, 5/21») следующего содержания: «Наркоминдел товарищу Вышинскому НР 25/420 по сообщению НКВД КазССР Романьский больше не считается представителем Польского посольства зпт как регистрационный офицер он должен выехать штаб польской армии станция Кауфманская Ташкентской железной дороги зпт на этом основании нами предложено Романьскому выехать из Кустаная» [17, л. 155].

23 июля 1942 г. начинаются аресты служащих польского представительства и доверенных лиц в Кустанайской области. На допросах М.Ф. Романьскому были предъявлены серьезные обвинения: «Исполняя указания штаба польской армии в СССР и польского посольства по ведению разведывательной работы... занимался сбором и передачей сведений об экономическом и политическом положении в Кустанайской области... систематически нарушал положение о круге его компетенций, вытекающих из польско-советского соглашения от 31.07.1941 г.» [7]. Офицерам польской армии приходилось брать на себя руководство и духовной сферой жизни своих соотечественников, когда «обязанности ксендза исполнял капитан польской армии Лушицкий Луцьян» [14, с. 29]. Анна Собога вспоминала о зимних месяцах 1941–1942 гг., что «в Кустанае св. Месса проводится каждый день, и приходят на нее все поляки». При этом она уточняла, что «священник приехал недавно, он был выпущен из заключения» [10, с. 138]. Подобная деятельность, конечно, не могла остаться вне поля зрения органов НКВД.

В итоге следствие, длившееся ровно три месяца (с 23 июля по 27 октября 1942 г.), завершилось чисто политическим решением [14, с. 29–31]. Никто не был передан «на рассмотрение военных трибуналов», но все арестованные, четверо руководителей польской делегатуры (Романьский Мечислав, Эрнст Вильгельм,

Покладский Станислав и Дорош Ванда), оказались в списке «78 человек арестованных сотрудников представительств и доверенных лиц польского посольства», которых решено было «по решению Особого совещания НКВД СССР выдворить за пределы СССР» [16, с. 121–127].

Результаты. Формирование польской армии генерала Андерса в Кустанайской области долгое время оставалось вне поля зрения исследователей. Освещение деятельности представительства «штаба Польской армии в СССР» на территории Казахской ССР в 1941–1942 гг. (на примере Кустанайской области) дало возможность раскрыть неизвестные страницы в истории формирования армии генерала В. Андерса в Казахстане. Вопреки данным опубликованных официальных документов («Отчет об итогах призыва в польскую армию» от 7 апреля 1942 г.) [12, с. 262, 266] достоверно установлен факт проведения массовой мобилизации польских граждан армии генерала Андерса на территории Кустанайской области. В ходе работы были введены в научный оборот рассекреченные документы государственных и партийных органов областного и республиканского уровней начала Великой Отечественной войны, посвященные деятельности представительства штаба Польской армии на территории Казахской ССР (в том числе в Кустанайской области). Эти материалы позволили выяснить, что большинство мужчин военно-призывного возраста из депортированных польских граждан (среди которых также были евреи, украинцы, белорусы) были призваны зимой 1941–1942 гг. в армию генерала В. Андерса. Вместе с тем на данный момент установить количество «призванных в Польшу» и обнаружить в архивах их списки не удалось.

Документально установлено, что руководителями представительства армии генерала Андерса в Кустанайской области были амнистированные и отпущенные на свободу осенью 1941 г. интернированные польские офицеры (в том числе ксендз), которые в начале Второй мировой войны размещались в лагерной системе ГУЛАГа. Подтверждается гипотеза авторов (на примере Адама Фрыдлевича, сына польского офицера Яна Фрыдлевича), что в числе призванных в армию генерала Андерса зимой 1941–1942 гг. оказались родственники польских граждан из «катынского списка» [15, с. 591–601].

В конечном итоге среди польской военной элиты произошел трагический раскол. Две трети офицеров и солдат (армия генерала Андерса) были отправлены воевать в составе англо-американских войск на Ближний Восток, затем в Италию, а каждый третий военнослужащий остался воевать против фашистской Германии в составе Красной Армии (дивизия имени Тадеуша Костюшки, корпус генерала Берлинга, Польская армия в СССР) и непосредственно мог принять участие в освобождении Польши и штурме Берлина в мае 1945 года.

Необходимо продолжить научные изыскания и установить действительную картину как трагических страниц в начале Второй мировой войны, связанных с депортацией польских граждан, так и позитивных событий в начале Великой Отечественной войны, когда на территории Казахской ССР стали формироваться воинские части армии генерала Владислава Андерса, а Польша и Советский Союз восстановили дипломатические отношения и стали союзниками в борьбе с фашистской угрозой.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Статья написана в рамках конкурсного проекта № AP23485433 Министерства науки и высшего образования Республики Казахстан «Деятельность польских делегатур в Казахстане: дипломатия и вопросы международных отношений в годы второй мировой войны».

The article was written within the framework of the competition project No. AP23485433 of the Ministry of Science and Higher Education of the Republic of Kazakhstan, “Activities of Polish Delegates in Kazakhstan: Diplomacy and Issues of International Relations During the Second World War.”

² Окулицки (Okulicki) Леопольд (1898–1946) – польский военный деятель, генерал бригады. В 1939 г. сотрудник Генштаба польской армии, участвовал в обороне Варшавы, в 1941 г. стал Генштаба польской армии в СССР, вместе с армией Андерса в 1942 г. покинул СССР.

³ Станислав Кот – посол Польской республики в СССР в 1941–1942 годах.

⁴ Бабкин Алексей Никитич – заместитель председателя СНК Казахской ССР, в 1941–1943 гг. нарком внутренних дел Казахской ССР.

⁵ Zofia Ciesielska (Софья Фрыдлевич), депортирована в 1940 г. в Кустанайскую область, реэвакуирована в Польшу в 1946 году.

⁶ с/с – сельский совет.

ПРИЛОЖЕНИЕ

Удостоверение капитана Мечислава Романьского, офицера регистрационного Штаба Польской Армии, командированного Главнокомандующим Польской Армии генерал-лейтенантом Андерсом. 7 января 1942.7 *Архивное уголовное дело № 67969 Мечислава Романьского. Отраслевой государственный архив Службы безопасности Украины.*

«УДОСТОВЕРЕНИЕ

Сим удостоверяется, что предъявитель сего *Капитан Романьский Мечислав* есть действительно офицером регистрационным Штаба Польской Армии, командированным на территорию *Кустанайской области...*

Вышеуказанному офицеру поручено:

1. Провести осмотр и регистрацию всех военнообязанных мужчин польских граждан;
2. Скомплектировать транспорты / эшелоны / на лиц заквалифицированных к военной службе и выслать таковых в районы организации Польской Армии;
3. Провести учет семейств военнслужащих находящихся на данной территории. Всех должностных лиц и представителей местной Власти прошу оказать названному регистрационному офицеру Штаба Польской Армии всякую помощь и содействие, а в особенности облегчить ему проведение осмотра, а также организации транспортных эшелонов и снабжения призванных польских граждан продовольствием на время следования их в пути к месту назначения.

ГЛАВНОКОМАНДУЮЩИЙ ПОЛЬСКОЙ АРМИИ

/АНДЕРС/ генерал лейтенант» [7].

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Ciesielska (Frydlewicz) Z. «Был призван в Армию ген. Андерса». Письмо Д. М. Легкому. 28 июня 2016 г.
2. Архивное наблюдательное дело № 03702 Мечислава Романьского // Специальный государственный архив Департамента Комитета национальной безопасности Республики Казахстан по Костанайской области (СГА ДКНБ РК КО).
3. Архивное уголовное дело № 02499 Ремигьюша Каминского // СГА ДКНБ РК КО.
4. Архивное уголовное дело № 03719 Дорош Ванды // СГА ДКНБ РК КО.
5. Архивное уголовное дело № 03767 Вильгельма Эрнста // СГА ДКНБ РК КО.
6. Архивное уголовное дело № 03770 Станислава Покладского // СГА ДКНБ РК КО.
7. Архивное уголовное дело № 67969 Мечислава Романьского // Отраслевой государственный архив Службы безопасности Украины.
8. Беркимбаева А. М., Легкий Д. М. Польские граждане на территории Казахской ССР в годы Второй мировой войны: от депортации до реэвакуации (на примере Кустанайской области) // Новая и новейшая история. 2020. № 6. С. 140–155. DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2022.1.9>
9. Бугай Н. Ф. «Справка Л. Берии на имя Сталина о бывших польских гражданах». URL: <https://docs.historyrussia.org/ru/indexes/values/1310940>
10. В степи далекой: Поляки в Казахстане / ред. М. Gawęcki i Ja. Jaskulski. Алматы; Poznan, 2006. 186 с.
11. Губайдуллина М. Ш., Исова Л. Т., Кульбаева А. Т. Польские делегатуры в Казахстане в годы Второй мировой войны: Алма-Ата и Семипалатинск // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 4, История. Регионоведение. Международные отношения. 2020. Т. 25, № 1. С. 84–96. DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2020.1.7>
12. Из истории поляков в Казахстане (1936–1956 гг.). Сборник документов / отв. ред. Л. Дегиталева. Алматы: Архив Президента Республики Казахстан, 2000. 342 с.
13. Костанайская область: страницы истории. 1936–2006. Сборник документов / под ред. С. А. Медведева. Костанай: Костанайполиграфия, 2006. 792 с.
14. Легкий Д. М. Деятельность делегатуры польского посольства в городе Кустанае Казахской ССР (1941–1943 гг.): восстановление исторической памяти // Польские дипломаты в Казахстане 1941–1943 годы. Астана: Посольство Польши в Астане, 2015. С. 19–37, 163–184.
15. Легкий Д., Хазбиевич С., Беркимбаева А. Польская делегатура в Казахстане: военная эпоха и дипломаты в документах 1941–1943 гг. (на примере

Кустанайской области Казахской ССР). Костанай: Костанай. печат. двор, 2019. 674 с.

16. Материалы «Особой папки» Политбюро ЦК РКП(б)-ВКП(б) по вопросу советско-польских отношений 1923–1944 гг. / под ред. И. Костюшко. М.: [б. и.], 1997. 144 с.

17. Переписка облисполкома с управлением НКВД и Народным комиссариатом иностранных дел по вопросам работы среди польских граждан, расселяемых на территории Костанайской области. 1941–1942 гг. // Государственный архив Костанайской области. Ф. 268. Оп. 11. Д. 27. 269 л.

REFERENCES

1. Ciesielska (Frydlewicz) Z. «Był przizvan v Armiyu gen. Andersa». Pismo D. M. Legkomu. 28 iyunya 2016 g. [“Was Drafted into General Anders’ Army.” Letter to D. M. Legkiy, June 28, 2016].
2. Arhivnoe nablyudatelnoe delo № 03702 Mечislava Romanskogo [Archival Surveillance File No. 03702 of Mieczysław Romanski]. *Specialnyj gosudarstvennyj arhiv Departamenta Komiteta nacionalnoj bezopasnosti Respubliki Kazahstan po Kostonajskoj oblasti* (hereinafter – SGA DKNB RK KO) [Special State Archive of the Department of the National Security Committee of the Republic of Kazakhstan for Kostanay Region].
3. Arhivnoe ugovnoe delo № 02499 Remigyusha Kaminskogo [Archival Criminal Case No. 02499 of Remigyusha Kaminsky]. *SGA DKNB RK KO* [Special State Archive of the Department of the National Security Committee of the Republic of Kazakhstan for Kostanay Region].
4. Arhivnoe ugovnoe delo № 03719 Dorosh Vandy [Archival Criminal Case No. 03719 of Dorosh Wanda]. *SGA DKNB RK KO* [Special State Archive of the Department of the National Security Committee of the Republic of Kazakhstan for Kostanay Region].
5. Arhivnoe ugovnoe delo № 03767 Vilgelma Ernsta [Archival Criminal Case No. 03767 of Wilhelm Ernst]. *SGA DKNB RK KO* [Special State Archive of the Department of the National Security Committee of the Republic of Kazakhstan for Kostanay Region].
6. Arhivnoe ugovnoe delo № 03770 Stanislava Poklaskogo [Archival Criminal Case No. 03770 of Stanislav Pokladsky]. *SGA DKNB RK KO* [Special State Archive of the Department of the National Security Committee of the Republic of Kazakhstan for Kostanay Region].
7. Arhivnoe ugovnoe delo № 67969 Mечislava Romanskogo [Archival Criminal Case No. 67969 of Mieczysław Romanski]. *Otraslevoj gosudarstvennyj arhiv Sluzhby bezopasnosti Ukrainy* [Branch State Archive of the Security Service of Ukraine].

8. Berkimbaeva A.M., Legkij D.M. Polskie grazhdane na territorii Kazahskoj SSR v gody Vtoroj mirovoj vojny: ot deportacii do reevakuacii (na primere Kustanajskoj oblasti) [Polish Citizens on the Territory of the Kazakh SSR During the Second World War: From Deportation to Re-Evacuation (On the Example of the Kustanai Region)]. *Novaya i novejšaya istoriya* [Modern and Contemporary History], 2020, no. 6, pp. 140–155. DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2022.1.9>

9. Bugaj N.F. «Spravka L. Berii na imya Stalina o byvshih polskich grazhdanah» [“Certificate from L. Beria Addressed to Stalin About Former Polish Citizens”]. URL: <https://docs.historyrussia.org/ru/indexes/values/1310940>

10. Gawecki M., Jaskulski J., eds. *Vstepi dalekoj: Polyaki v Kazahstane* [In the Distant Steppe: Poles in Kazakhstan]. Almaty, Poznan, 2006. 186 p.

11. Gubajdullina M.Sh., Isova L.T., Kulbaeva A.T. Polskie delegatury v Kazahstane v gody Vtoroj mirovoj vojny: Alma-Ata i Semipalatinsk [Polish Delegations in Kazakhstan During the Second World War: Alma-Ata and Semipalatinsk]. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 4. Istoriya. Regionovedenie. Mezhdunarodnye otnosheniya* [Science Journal of Volgograd State University. History. Area Studies. International Relations], 2020, vol. 25, no. 1, pp. 84–96. DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2020.1.7>

12. Degitaeva L., ed. *Iz istorii polyakov v Kazahstane (1936–1956 gg.)*. *Sbornik dokumentov* [From the History of the Poles in Kazakhstan (1936–1956). Collection of Documents]. Almaty, Arhiv Prezidenta Respubliki Kazahstan, 2000. 342 p.

13. Medvedev S.A., ed. *Kostanajskaya oblast: stranicy istorii. 1936–2006. Sbornik dokumentov* [Kostanay Region: Pages of History. 1936–2006.

Collection of Documents]. Kostanaj, Kostanajpoligrafiya Publ., 2006. 792 p.

14. Legkiy D.M. Deyatel'nost delegatury polskogo posolstva v gorode Kustanae Kazahskoj SSR (1941–1943 gg.): vosstanovlenie istoricheskoy pamyati [The Activities of the Delegation of the Polish Embassy in the City of Kustanai of the Kazakh SSR (1941–1943): The Restoration of Historical Memory]. *Polskie diplomaty v Kazahstane 1941–1943 gody* [Polish Diplomats in Kazakhstan in 1941–1943]. Astana, Posolstvo Polshi v Astane, 2015, pp. 19–37, 163–184.

15. Legkij D., Hazbievich S., Berkimbava A. *Pol'skaya delegatura v Kazahstane: voennaya epoha i diplomaty v dokumentah 1941–1943 gg. (na primere Kustanajskoj oblasti Kazahskoj SSR)* [Polish Delegation in Kazakhstan: War Era and Diplomats in Documents 1941–1943 (On the Example of the Kustanai Region of the Kazakh SSR)]. Kostanaj, Kostanaj. pechat. dvor, 2019. 674 p.

16. Kostyushko I., ed. *Materialy «Osoboj papki» Politbyuro TsK RKP(b)-VKP(b) po voprosu sovetsko-polskikh otnoshenij 1923–1944 gg.* [Materials of the “Special Folder” of the Politburo of the Central Committee of the RCP(b)-C.P.S.U.(b) on the Issue of Soviet-Polish Relations in 1923–1944]. Moscow, s.n., 1997. 144 p.

17. Perepiska oblistpolkoma s upravleniem NKVD i Narodnym komissariatom inostrannykh del po voprosam raboty sredi polskich grazhdan, rasselyaemykh na territorii Kostanajskoj oblasti. 1941–1942 gg. [Correspondence of the Regional Executive Committee with the Administration of the NKVD and the People's Commissariat for Foreign Affairs on Issues of Work Among Polish Citizens Settled in the Territory of the Kostanay Region. 1941–1942]. *Gosudarstvennyj arhiv Kostanajskoj oblasti* [State Archive of Kostanay Region], f. 268, inv. 11, d. 27. 269l.

Information About the Authors

Dmitriy M. Legkiy, Doctor of Sciences (History), Professor, A. Baitursynov Kostanay Regional University, Baitursynov St, 47, 110000 Kostanay, Republic of Kazakhstan, Legk_d@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-6959-0166>

Alexander A. Logvinchuk, Master (Humanities), A. Baitursynov Kostanay Regional University, Baitursynov St, 47, 110000 Kostanay, Republic of Kazakhstan, mr.logvinchuk@mail.ru, <https://orcid.org/0009-0008-9658-9214>

Информация об авторах

Дмитрий Максимович Легкий, доктор исторических наук, профессор, Костанайский региональный университет им. А. Байтурсынова, ул. Байтурсынова, 47, 110000, г. Костанай, Республика Казахстан, Legk_d@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-6959-0166>

Александр Александрович Логвинчук, магистр гуманитарных наук, Костанайский региональный университет им. А. Байтурсынова, ул. Байтурсынова, 47, 110000 г. Костанай, Республика Казахстан, mr.logvinchuk@mail.ru, <https://orcid.org/0009-0008-9658-9214>

DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2024.3.13>

UDC 633.11(574.2)(092)«1941/1945»

LBC 42.112(5Kaz)

Submitted: 30.10.2022

Accepted: 28.02.2023

**“...DURING THE WAR YEARS, HIS FAMOUS ‘AKMOLINKA 1’ FED HUNDREDS
OF THOUSANDS OF PEOPLE WITH BREAD”:
SCIENTIST FROM LENINGRAD IN NORTHERN KAZAKHSTAN**

Arailym S. Mussagaliyeva

Eurasian National University, Astana, Republic of Kazakhstan

Roza M. Mussabekova

Eurasian National University, Astana, Republic of Kazakhstan

Abstract. Introduction. Based on the new archival documents of the State Archives of Akmola region, the article examines the activities of the famous breeder and exiled scientist of the All-Union Institute of Plant Industry, Doctor of Sciences (Agriculture), Valentin Kuzmin, during the Great Patriotic War. Solving food problems in Northern Kazakhstan was very relevant, and it had been on the agenda for a long time. During the Great Patriotic War, this region remained deep in the rear. Breeder V. Kuzmin and other employees of the Shortandy Agricultural Experimental Station in wartime strove to speed up breeding and research work and create new, resistant varieties for the Kazakh steppe. During these years, V. Kuzmin provided the whole of Northern Kazakhstan with new varieties of agricultural crops, as well as other regions of the republic. At the station, soft and durum wheat varieties were bred, as well as varieties of potatoes, sunflowers, millet, poppy, lentils, chickpeas, and peas that were productive and resistant to growing in steppe areas. **Methods and materials.** Used documents of the State Archives of Akmola region, previously not introduced scientific turnover. In the course of the study, the principles of historicism, scientific objectivity, and consistency were used. **Analysis.** The article describes in detail a widely used new wheat variety, resistant to the steppe zone of Akmolinka 1, produced by V. Kuzmin. This variety was known throughout Kazakhstan; in the literal sense of the word, it saved the people from famine. People, in gratitude, still remember and talk about it. And also, an important role in the war years was played by several varieties of potatoes, which were useful in their qualities, and it was they who provided the population of Kazakhstan with the most important food product during the war. The work carried out by the scientist Kuzmin shows his greatest contribution to saving people from hunger during the harsh years of the war. **Results.** In the course of the study, on the basis of new statistical data, we were able to present the crops of the Akmola region and other regions of the republic with selections of varieties from the Shortandy agricultural experimental station. And also, a short excursion was conducted on the results of selection work in the post-war years. Particular attention is paid to the zoning of various crops and obtaining copyright certificates and other awards for breeding new varieties of grain and oilseeds by the breeder V. Kuzmin. **Authors' contribution.** A.S. Mussagaliyeva carried out the general management of the study, formulated the main results, and edited the final text; R.M. Mussabekova performed the interpretation of sources, a literature review, and wrote the text of the article.

Key words: Valentin Kuzmin, Shortandy Experimental Agricultural Station, selection, Great Patriotic War, Kazakhstan.

Citation. Mussagaliyeva A.S., Mussabekova R.M. “...During the War Years, His Famous ‘Akmolinka 1’ Fed Hundreds of Thousands of People With Bread”: Scientist from Leningrad in Northern Kazakhstan. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 4. Istoriya. Regionovedenie. Mezhdunarodnye otnosheniya* [Science Journal of Volgograd State University. History. Area Studies. International Relations], 2024, vol. 29, no. 3, pp. 153-165. (in Russian). DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2024.3.13>

«...В ГОДЫ ВОЙНЫ ЕГО ЗНАМЕНИТАЯ “АКМОЛИНКА 1” КОРМИЛА ХЛЕБОМ СОТНИ ТЫСЯЧ ЛЮДЕЙ»: УЧЕНЫЙ ИЗ ЛЕНИНГРАДА В СЕВЕРНОМ КАЗАХСТАНЕ

Арайлым Сабитовна Мусагалиева

Евразийский национальный университет им. Л.Н. Гумилева, г. Астана, Республика Казахстан

Роза Мадениетовна Мусабекова

Евразийский национальный университет им. Л.Н. Гумилева, г. Астана, Республика Казахстан

Аннотация. *Введение.* В статье на основе новых архивных документов Государственного архива Акмолинской области исследуется деятельность известного селекционера, ссыльного ученого Всесоюзного института растениеводства, доктора сельскохозяйственных наук Валентина Петровича Кузьмина во время Великой Отечественной войны. Решение продовольственных проблем в Северном Казахстане было очень актуальным и уже длительное время находилось на повестке дня. Данный регион в годы Великой Отечественной войны оставался в глубоком тылу. Селекционер В.П. Кузьмин и другие сотрудники Шортандинской сельскохозяйственной опытной станции в условиях военного времени стремились ускорить работу и обеспечить новыми сортами сельскохозяйственных культур Северный Казахстан, а также другие регионы республики и страны. На станции выводили мягкие и твердые сорта пшеницы, урожайные и устойчивые к произрастанию в степных районах сорта картофеля, подсолнечника, проса, мака, чечевицы, нута, гороха. *Методы и материалы.* Статья написана на основе документов Государственного архива Акмолинской области, ранее не введенных в научный оборот. В ходе исследований использованы принципы историзма, научной объективности, системности. *Анализ.* В статье подробно описывается широко используемый новый сорт пшеницы, устойчивый для степной зоны «Акмолинка 1», выведенный В.П. Кузьминым. Этот сорт становится известен всему Казахстану, он спас народ от голода в период войны. В спасении людей также немаловажную роль сыграло несколько сортов картофеля, выведенных В.П. Кузьминым, которые по своему составу оказались полезны и необходимы для обеспечения населения страны в качестве важнейшего продукта питания во время войны. Селекционные работы показывают, какой вклад он внес во спасение народа в период суровых военных лет. *Результаты.* В ходе исследований на основе новых статистических данных посевов Акмолинской области, затем других регионов республики, исследователи представили сорта селекций Шортандинской сельскохозяйственной опытной станции. Проведен краткий обзор результатов селекционных работ в послевоенные годы. Особое внимание уделено районированию разных культур и получению авторских свидетельств и других наград за выведение новых сортов зерновых и масличных культур селекционера В.П. Кузьмина. *Вклад авторов.* А.С. Мусагалиева осуществляла общее руководство исследованием, сбор и обработку материала, сформулировала основные результаты; Р.М. Мусабекова выполнила интерпретацию источников, обзор литературы, написание текста статьи.

Ключевые слова: Валентин Петрович Кузьмин, Шортандинская опытная сельскохозяйственная станция, селекция, Великая Отечественная война, Казахстан.

Цитирование. Мусагалиева А. С., Мусабекова Р. М. «...В годы войны его знаменитая “Акмолинка 1” кормила хлебом сотни тысяч людей»: ученый из Ленинграда в Северном Казахстане // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 4, История. Регионоведение. Международные отношения. – 2024. – Т. 29, № 3. – С. 153–165. – DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2024.3.13>

Введение. Решение продовольственных проблем во время Великой Отечественной войны было одной из главных задач для СССР. Житницы страны – Украинская ССР, Белорусская ССР, Юг России – уже в начале войны остались за линией фронта. Казах-

стан оказался в глубоком тылу, и руководство СССР отводило ему особую роль в обеспечении населения продовольствием. Безусловно, аграрная отрасль Казахской ССР была в зачаточном состоянии. Более или менее освоенной в сельскохозяйственном

отношении была территория Центрального и Северного Казахстана.

В годы Великой Отечественной войны большое значение имела работа сельскохозяйственных опытных станций. С середины 1930-х гг. на территории Казахстана основано 15 опытных станций. Шортандинская опытная станция функционировала с 1936 г., ведущим селекционером на ней работал Валентин Петрович Кузьмин. Этот ученый заложил теоретическую основу практической селекции для степных регионов СССР, разработал и внедрил первую в СССР единую методику оценки сортов и культур, сортоиспытания, изучив предшествующий мировой опыт [20].

Имя селекционера В.П. Кузьмина упоминается в информационных справочниках и энциклопедиях о селекционерах Советского Союза и Казахстана [11; 20]. Однако они содержат лишь краткие факты и отрывки из его биографии. Есть некоторые воспоминания учеников и соратников [10]. Его жизнь в Казахстане и непосредственная научная деятельность остаются вне поля зрения историков.

Цель исследования заключается в создании представления о том, каких успехов удалось достичь В.П. Кузьмину в селекции в период работы на Шортандинской опытной станции и какова роль его деятельности во время Великой Отечественной войны (1941–1945).

Методы и материалы. История селекционных станций Советского Союза в годы Великой Отечественной войны хорошо изучена в российской исторической науке [8; 9], но в казахстанской историографии данная тема не представлена. Исследования, проводимые в Казахстане, посвящены в основном работе эвакуированных научных учреждений или судьбам ученых во время войны [1; 5; 12]. При этом остается не изученной деятельность отдельных ученых и их вклад в науку, осуществляемый в крайне напряженных условиях Великой Отечественной войны, результатами своих трудов спасших от голода тысячи жителей огромной страны.

Источниковой базой исследования служат фонды Государственного архива Акмолинской области Казахстана, включающие документы Шортандинской сельскохозяйственной опытной станции: отчеты, приказы, протоколы заседания ученого совета станции

и т. д. Также привлекается периодическая печать.

В статье использованы общенаучные и исторические методы исследования. Работа опирается на принципы историзма, объективности и системности.

Анализ. Валентин Петрович Кузьмин родился в декабре 1893 г. в селе Антоновка Самарской губернии. Родители были крестьянами. В 1905 г. окончил земскую школу, в 1912 г. – Самарское коммерческое училище с золотой медалью и присвоением звания кандидата коммерческих наук. Учился в Екатеринбургском горном институте (1912–1914), Томском технологическом институте (1920–1921), Ленинградском сельскохозяйственном институте (1924–1926), но не закончил ни один из институтов из-за недостатка средств и семейных обстоятельств. Его жизненный путь был трудным. В 1914 г., в начале Первой мировой войны, В.П. Кузьмин был призван на военную службу. После ранений на фронте в 1918 г. вернулся домой. Зимой 1919 г. был мобилизован в качестве нестроевого офицера в инженерные войска армии Колчака, откуда в начале 1920 г. перешел в Красную армию. В 1920 г. работал в должности лаборанта на Тулунской селекционной станции Иркутской области. В 1921–1923 гг. В.П. Кузьмин вместе с В. Писаревым участвовал в экспедиции Института опытной агрономии по изучению и сбору материалов культурной флоры внешней Монголии. С 1923 по 1935 г. работал в Институте прикладной ботаники (Всесоюзный институт растениеводства) и на Детскосельской (Пушкинской) селекционной станции в городе Ленинграде. В 1930 г. ему было присвоено звание ученого специалиста. В 1935 г. прошел полный курс марксистско-ленинского университета в Ленинграде [2, л. 2]. Во всех энциклопедиях, биографических справочниках Всесоюзного института растениеводства (далее – ВИР) его называют учеником Н.И. Вавилова. Да, действительно, В. Кузьмина принимал на работу основатель и директор Всесоюзного института растениеводства Н.И. Вавилов, и он работал и участвовал во многих экспедициях под его руководством более десяти лет. Со временем он вошел в список самых известных селекционеров Советского Союза.

Сложным, драматичным сложился для Валентина Кузьмина 1936 год. 27 февраля 1936 г. во время «профилактической чистки» города по так называемому «Ленинградскому делу», Валентина Петровича, как бывшего офицера армии Колчака, выслали в Карлаг (Казахстан) сроком на три года [7, с. 1]. Он писал об этом в автобиографии: «Во время профилактической чистки города в 1936 г. был административно выслан из Ленинграда в Казахстан, как бывший офицер (по военной службе – поручик), на три года» [2, л. 3].

Казахи традиционно занимались скотоводством, были кочевниками. Оседание началось только в 1933 г. в связи с организацией колхозов, но по-прежнему, в хозяйстве преобладало животноводство. В основном, республика, тем более Северный Казахстан, была аридной зоной, сельское хозяйство развивалось очень медленно.

В 1934 г. в Северном Казахстане была создана Карагандинская областная селекционная станция, в 1936 г. она была реорганизована в Шортандинскую сельскохозяйственную опытную станцию в системе Карлага. Станция получила земельный участок площадью 661 га, расположенный в 80 км к северу от г. Акмолинска, было организовано три отдела: агротехники, селекции и плодоводства [21, л. 3]. В Северном Казахстане специалистов данного профиля не было и с первых дней открытия станции на должности заведующего отделом селекции там стал работать сосланный в Казахстан из Ленинграда Валентин Петрович Кузьмин. Условия работы описаны журналистом В. Пологиным: «На созданной в 1936 г. около разъезда Шортанды опытной станции он работал в землянке, жил в землянке, в которую, казалось, были собраны мокрицы и блохи со всей вселенной. Помощников не было. Денег не было. Инвентаря не было. Лабораторий не было. Машин сносных не было. Лошадей сносных не было, кроме Карюки и Сивки. Ему пришлось специально вывести сорт степной конопли, потому что даже веревки в достатке не было» [25, с. 98]. Такие условия работы не заставляли унывать В.П. Кузьмина. Он был единственным ученым на станции и начал заниматься выведением и улучшением сортов различных сельскохозяйственных культур.

В газетах также писали: «Какую силу воли надо было в себе воспитать и проявить, когда в пору культа личности судьба занесла его, уже сорокалетнего научного работника ВИРа, Всесоюзного института растениеводства, из Ленинграда в степь Северного Казахстана! Обычно здесь никто не выдерживал больше двух лет. А он выдержал с его отнюдь не богатырским здоровьем. Да и в Казахстане ему с самого начала было предложено всего три года и много раз представлялась возможность уехать туда, где полегче. Но он не захотел» [25, с. 98]. Для развития сельского хозяйства Северного Казахстана он был очень нужным и важным ученым, которому не было равных в республике.

После приезда на Шортандинскую сельскохозяйственную опытную станцию В.П. Кузьмин собрал большой местный материал, в следующем году всей предложенной им посевной культуре давалась предварительная оценка, в результате которой для дальнейшей работы было выделено около двух тысяч сортов семян [22, л. 16]. Отсюда, отобранные В. Кузьминым 250 гибридных сортов семян проходили предварительную оценку.

Следует отметить, что селекционер приехал в Северный Казахстан как подготовленный специалист. В 1930 г. Валентин Кузьмин в бюро географии Института растениеводства создал проект районирования сельскохозяйственных культур в границах лесной зоны и крайнего севера СССР. Этот проект был напечатан в сборнике «Растениеводство СССР». Одновременно с работой по изучению мирового коллекционного материала и селекционной работы, ученый провел организацию первых участков сортоиспытания в нечерноземной зоне РСФСР, разработал методику и на основе этих данных создал первый проект районирования сортов озимой пшеницы, озимой ржи, ячменя и овса [2, л. 3]. За работу с сельскохозяйственными культурами, их сортами был представлен ученым советом Всесоюзного Института растениеводства к ученой степени доктора сельскохозяйственных наук без защиты диссертации в 1935 г., но, в связи с высылкой из Ленинграда, получение ученой степени не было оформлено до конца [2, л. 2]. Ученую степень доктора наук без

защиты диссертации он получил лишь через 28 лет, в 1962 году.

По словам В.П. Кузьмина, селекционной работой станции были охвачены все основные полевые культуры зоны северных степей, за исключением кормовых [23, л. 28]. С 1936 г. в государственное и производственное сортоиспытание было передано несколько сортов яровой пшеницы [15, л. 17]: «Шортандинская Бп-39/1»; «Акмолинка 1». В 1939–1941 гг. отправили для конкурсного станционного испытания сорта «Акмолинка 2», «Акмолинка 3», «Акмолинка 4», «Акмолинка 5», «Акмолинка 6». С момента основания на станции работали 33 человека, из них 12 были научными работниками.

После того как на основании Постановления Совета Народных Комиссаров от 11 марта 1939 г. Шортандинскую сельскохозяйственную опытную станцию открепили от Карлага и подчинили Казахскому институту земледелия [24, л. 3], В.П. Кузьмин продолжил там работать.

Таким образом, до Великой Отечественной войны сельское хозяйство комплексно развивалось в Карлаге, во время войны маленькие опытные станции переключились на селекционную работу, чтобы найти более стойкие сорта для аридной зоны. Постепенно степная зона Северного Казахстана превратилась в один из основных очагов производства зерна твердой пшеницы лучших качеств, особенно во время освоения целинных и залежных земель. Однако урожаи твердой пшеницы здесь были очень неустойчивы и всегда резко уступали урожаям пшеницы мягкой.

Для станции 1941/42 посевной год выдался трудным. Советский Союз вступил в войну в состоянии дефицита продовольственного снабжения населения. Основной причиной кризиса стала оккупация значительной части сельскохозяйственных районов Советского Союза, на территории которых в 1940-е гг. под посевами зерновых и овощных культур было занято около 71 млн га земли [3, с. 3]. В связи с перебазированием производительных сил в Поволжье, на Урал, в Сибирь, в Казахстан и с увеличением населения городов и промышленных центров восточных районов уже в 1942 г. на государственном нормированном снабжении хлебом находились 61,7 млн чел., в 1945 г. —

80,6 млн человек. В сложившихся условиях были значительно расширены посевы зерновых и технических культур в Поволжье, на Южном Урале, в Сибири, Казахстане, Средней Азии и Закавказье [4, с. 31]. Таким образом, Казахстан должен был обеспечить себя сам, хотя сельское хозяйство только начало развиваться. На первое место вышли социально-значимые продукты для населения.

Во время войны Северный Казахстан стал выступать главной житницей огромной страны. В местной газете отмечалось: «Северный Казахстан можно превратить во вторую Украину» [14, с. 2]. Летом 1941 г. возникла угроза потери урожая из-за морозостойкости зерна ввиду прогноза наступления ранних осенних заморозков в восточных областях СССР. Однако специалисты Всесоюзной академии сельскохозяйственных наук им. В.И. Ленина (далее — ВАСХНИЛ) нашли выход. Во второй половине августа 1941 г. они проанализировали состояние посевов пшеницы в районах Сибири и Северного Казахстана, а также сопоставили данные разных лет о температуре, осадках, времени наступления первых осенних заморозков [17, с. 408]. Многие колхозы и совхозы Северного Казахстана подключились к этой работе. В первую очередь, для сурового климата нужны были морозостойкие и устойчивые против степной засухи сорта разных культур.

Для развития новых сортов сельскохозяйственных культур на первый план вышла Шортандинская сельскохозяйственная опытная станция, расположенная в самом центре Северного Казахстана, в Акмолинской области. Селекционная работа станции ускорилась и научная работа перестроилась на нужды военного времени. 1942 г. стал для многих сортов отправной точкой, так как надо было обеспечивать народ продовольствием.

В первую очередь сотрудники Шортандинской сельскохозяйственной опытной станции испытывали новые сорта пшеницы в Акмолинской, Кустанайской, Карагандинской областях для степи на южных черноземах и темнокаштановых почвах Казахстана [15, л. 17].

3 февраля 1942 г. Государственная комиссия по сортоиспытанию зерновых культур постановила включить его в сортоиспытание шортандинских сортов яровой пшеницы.

Основными требованиями, которые предъявлялись к сортам в обстановке крайне резких и неустойчивых климатических условий Казахстана, были высокая устойчивость против весенних морозов, высокая устойчивость против засухи, как в весенний, так и в последующий периоды, высокая отзывчивость на увлажнение, высокая устойчивость против сильных бурь [16, л. 354]. Через месяц научный совет Шортандинской опытной станции ходатайствовал перед Государственной комиссией о включении в сортоиспытание сорта «Акмолинка 1» как более перспективного из всех шортандинских сортов для степной зоны Казахской ССР.

Сорт пшеницы «Акмолинка 1» обнаружил исключительную устойчивость против весенних заморозков и засухи и способность активно расти как при низких температурах весны, так и при высоких – лета. Морфологически он выделялся особо мощно развитой корневой системой, большой кустистостью, замечательной выравненностью прочных стеблей и очень большой озерненностью прямостоячего колоса полужесткого типа. В станционном сортоиспытании при сопоставлении объема урожая по годам выяснилось, что в благоприятные годы данный сорт пшеницы составлял – 27–72 %, в неблагоприятные – 23–46 % [18, л. 14]. Полученный от колхозов, совхозов и сортоучастков материал характеризовал «Акмолинку 1» как сорт очень дружно созревающий, стойкий против полегания и осыпания и устойчивый против пыльной головки [19, л. 28]. Поданным, когда в весенний период не было осадков (в 1940 г.), «Акмолинка 1» резко выделялась на фоне желтеющих полей, своим зеленым видом, урожай был высокий.

С 1942 г. сорт «Акмолинка 1» находился уже в государственном сортоиспытании и в производственной оценке в 15 колхозах и совхозах, на площадях по 20–100 га в каждом [18, л. 16]. Как замечают в наши дни на сайте НИИ им. А. Бараева, «его знаменитая “Акмолинка 1” кормила в военные годы хлебом сотни тысяч людей» [20].

За 1943 г. сорт «Акмолинка 1» в сорimente Госсортосети занял первое место по урожайности. Превосходство его над другими сортами было представлено в среднем на 30–83 %. Таким образом, госсортоиспытание

в 1943 г. снова подтвердило исключительно высокую урожайность сорта «Акмолинка 1» [18, л. 20]. В итоге двухлетней проверки шортандинских сортов в Госсортосети сорт «Акмолинка 1» показал весьма большую перспективность, был устойчивым против засухи и холодов, отзывчивым к увлажнению, стойким против полегания, осыпания и достаточно устойчивым против болезней.

Абсолютная прибавка урожая от сорта «Акмолинка 1» в производственном испытании за 1944–1946 гг. определилась на площади 18 тыс. га в среднем от 2 до 6 ц на га, а относительная – 20–78 % [18, л. 15]. Таким образом, на большой территории степи, в бассейне рек Ишим и Тобол, за годы сортоиспытания, этот сорт почти всегда занимал первое место по урожайности и превзошел районированные сорта почти на 27–66 %, не встретив устойчивых конкурентов.

Выведение новых высокоурожайных и устойчивых сортов твердой пшеницы для степной зоны оставалось актуальным [16, л. 354]. Одним из таких сортов была «Акмолинка 5». Для твердой пшеницы преимущество по урожайности сорта «Акмолинка 5» подтверждено и результатами испытания этого сорта на государственных сортоучастках за 1942–1943 годы. В эти же годы выдающимися качествами зерна, мукомольными и хлебопекарными свойствами обладал сорт «Акмолинка 6». Его идеально выравненное, стекловидное, тупоконечное зерно дало очень высокий выход рассыпчатой муки и хлеба высокого качества.

Появление этих сортов пшеницы для общего потребления было наибольшим успехом для занимавшегося их выведением селекционера В.П. Кузьмина. Он отмечал: «Селекционер не должен болеть ни духом, ни телом. У нас существует такое понятие – групповой иммунитет. Сорт пшеницы с самой высокой продуктивностью и прекрасными качествами ничего не стоит, если он не устойчив против ржавчины, головки, если он беззащитен против вредных насекомых. Всесторонняя устойчивость также нужна селекционеру, как и его сортам» [25, с. 98]. Работой В.П. Кузьмина стали интересоваться ученые и сотрудники органов сельского хозяйства Казахской республики и СССР, сделав его имя известным

среди самых именитых селекционеров Советского Союза.

В.П. Кузьмин являлся ученым, в круг интересов которого входили не только сортоиспытания зерновых культур, но и многие направления работ по созданию новых и ценных сортов других полевых культур сельского хозяйства. О его многогранном, широком спектре научных взглядов не говорится, к сожалению, ни в одном из источников, которые касаются его деятельности.

Одной из важнейших культур в структуре питания населения СССР в то время являлся картофель. Он был прост в посадке и уходе, хорошо сочетался со многими другими продуктами: недаром его называли «второй хлеб». Кроме того, картофель давал с единицы площади урожай больший, чем почти все остальные сельскохозяйственные культуры [17, с. 413]. В военные годы картофель оставался главным продуктом питания для населения городов и рабочих поселков. Ее потребление увеличилось более чем в два раза [3, с. 6].

В Северном Казахстане в условиях военного времени одной из важнейших задач по данной культуре являлось получение раннего картофеля. На Шортандинской опытной станции под руководством В.П. Кузьмина были созданы несколько сортов картофеля. В 1942 г. началось исследование для уточнения ранней посадки картофеля в комплексе с яровизацией применительно к северным областям Казахстана [16, л. 349]. В результате шестилетней работы по селекции картофеля с 1938 по 1944 г. были достигнуты успехи: выведен ряд перспективных сортов, которые на большой территории Казахстана в ряде областей проявили превосходство над районированными сортами. В.П. Кузьмин отмечал: «Считаем целесообразным испытание этих сортов в степной зоне Зауралья и Западной Сибири. Посадочным материалом для этой цели мы можем обеспечить имеющиеся у нас запасы. Выделяясь высокой засухоустойчивостью, эти сорта занимали у нас первые места по урожайности и в годы обильно влажные. За годы оценки (1938–1941 гг.) они превосходили у нас урожайностью контрольные сорта на 20–50 %, превосходя их и по другим свойствам» [16, л. 349]. О картофеле написали в местной га-

зете: «Этот сорт назван нежно “Красавчик”. Его вывел старший научный сотрудник станции В.П. Кузьмин. Вес урожая с каждого куста “Красавчика” достигает пуда, а обычно 6–8 килограммов. Большое достоинство сорта еще в том, что он может расти на богаре, то-есть без полива, конечно при соблюдении определенных правил агротехники. Теперь “Красавчик” с успехом выращивается и на полях колхозов “Сталинская Конституция”, “Красная нива” и других» [14, с. 2]. Результат был отличным. В 30 колхозах Акмолинской и Кокчетавской областей, куда эти сорта передавались в больших количествах для сравнительной производственной оценки их урожайности, в среднем за три года она определялась как около 100 ц на га.

Следующим был подсолнечник. По словам В.П. Кузьмина, «север Казахстана может быть одной из лучших баз производства растительного белка в СССР» [18, л. 46]. В 1942 г. несколько шортандинских сортов подсолнечника были переданы на сортоучастки северо-восточных, восточных и северо-западных областей Казахстана. По данным Госсортосети сочетание большой скороспелости с высокой урожайностью и масличностью делает сорт «Шортандинский 41» наиболее перспективным сортом севера Казахстана.

Для Северного Казахстана не менее удачливыми оказались зерновые бобовые культуры. В это время испытали горох, чин, нут, чечевицу. В.П. Кузьмин отмечал: «Никакие другие зерновые культуры не приспособлены к местным природным условиям столь хорошо, и не дают здесь столь высоких и устойчивых урожаев, как бобовые. В переводе на урожай белка различие с хлебными злаками у них превышает 300 %. Север Казахстана может быть одной из лучших баз производства растительного белка в СССР» [18, л. 36]. Горох, чин, нут и чечевица оказались приспособленными к характеру климата степей Северного Казахстана, вели себя на редкость устойчиво и давали очень высокие урожаи.

5 января 1943 г. на расширенном заседании научного совета Шортандинской опытной станции был заслушан отчет отдела селекции за 1942 год. По итогам заседания постановили, что работа по селекции яровой пшеницы, озимой ржи, подсолнечника и картофеля в ме-

стных условиях Акмолинской области дали хорошие результаты. А также, наряду с конкурсным сортоиспытанием сортов яровой пшеницы «Акмолинка 1», озимой ржи Шортандинская, подсолнечника № 238, картофеля «Богарный» и «Красавчик», в целях скорейшей оценки этих сортов, предложили испытать их в колхозах и совхозах, просили Государственную сортосеть расширить географический ареал испытания сорта яровой пшеницы «Акмолинка 1» на степную зону западных областей КазССР и Поволжья [26, л. 48]. После этого, в 1943 г., шортандинские сорта картофеля в Акмолинской области занимали уже 630 га или 52 % всей площади сортовых посевов.

Это было событием крупного масштаба. На огромных площадях казахской степи высевались выведенные В.П. Кузьминым сорта картофеля. Прежде этот вид культуры в Казахстане как вид сельскохозяйственной продукции не был столь распространенным явлением, не высевался в таких больших объемах. Теперь, в условиях военного времени, нужно было кормить эвакуированных в тыл, ссыльных и депортированных в Казахстан народы. Потребности в сельскохозяйственной продукции возросли в республике многократно. Картофель воспринимался на востоке страны как продукт европейской культуры.

В 1943 г. Шортандинская опытная станция работала в усиленном режиме. Отдел селекции вел работу по яровой пшенице, подсолнечнику и озимой ржи. Было продолжено конкурсное испытание шортандинских сортов проса, зернобобовых, картофеля и озимой пшеницы. Сверх программы было проведено испытание шортандинских сортов льна и мака, сделан очередной массовый отбор по шортандинским популяциям гречихи, конопля и рыжика.

При этом работу по селекции всех культур вел все также один селекционер В.П. Кузьмин в условиях крайне скудного оснащения и при постоянном недостатке рабочей силы. О нем писали: «Через семь лет после начала селекционных работ в Шортандах В. Кузьмин начал ежегодно выдавать по одному, а то и больше новых сортов различных культур. Он вывел методом отбора и гибридизации новые сорта яровой мягкой и твер-

дой пшеницы, озимой пшеницы и ржи, проса, гречихи, ячменя» [26, л. 48]. Вся работа проводилась в полевых условиях и ограничивалась одной генерацией в год, так как защищенного грунта в распоряжении отдела селекции не имелось.

В 1943 г. главной задачей работы отдела селекции В.П. Кузьмин считал предварительное размножение семян перспективных сортов для передачи производству в случае введения их в число районированных. Это было осуществлено посевом 65 га яровой пшеницы сорта «Акмолинка 1», из них на опытной станции – 40 га, в совхозе им. КазЦИКа (Казахский Центральный Исполнительный Комитет) – 25 га. А также, 15 га подсолнечника и 20 га картофеля «Богарный» и «Красавчик» в Акмолинской области [23, л. 2]. По данным 1943 г., прибавка по яровой пшенице составила 93 %, по просу – 62 %, подсолнечнику – 75 %, картофелю – 67 %, озимой ржи – 83 %. А урожай лучшего сорта яровой пшеницы по сравнению со средней колхозной урожайностью составил 300 % [18, л. 4].

В 1943 г. в газете «Акмолинская правда» повествуется о состоянии станции: «Шортандинская сельскохозяйственная опытная станция существует 10 лет (существование станции немного преувеличено. – А. М., Р. М.). За это время сделано многое. Сейчас станция превратилась в своеобразный центр агротехнической учебы в районе. Здесь частые гости агрономы, председатели колхозов, колхозники-опытники. Влияние и авторитет станции с каждым годом ширятся. Особенно важно то, что коллектив научных работников поставив своей задачей преобразование сельского хозяйства этого сурового края, успешно добивается намеченной цели» [14, с. 2].

В 1943–1944 гг. общий объем работы опеределился посевом 20 культур, 2 072 сортов, 4 015 делянок на площади 77 га. В этом году перед отделом селекции ставили цель: форсирование оценки и выведения сортов как на опытной станции, так и на участках Госсортосети, в колхозах и совхозах. Одновременно со станционной работой велась оценка новых шортандинских сортов яровой пшеницы, подсолнечника, картофеля и других культур в производственных условиях 32 колхозов и других организаций, на 50 сортоучастках. Главной задачей

работы отдел селекции считал предварительное размножение семян, перспективных сортов для передачи производству в случае введения их в число районированных [23, л. 2]. Удалось вырастить на опытной станции 53 т элитных семян перспективных сортов яровой пшеницы, 2 т озимой ржи, 1,5 т гороха, 12 т картофеля, 1,5 т подсолнечника и др. [29, л. 53].

В 1944 г. опытная станция произвела 3 000 пудов элитных семян и 30 пудов суперэлиты. В колхозах и совхозах имелись в наличии около 30 000 пудов семян «Акмолинки 1» первой репродукции, полученных в процессе производственного испытания этого сорта [29, л. 76].

12 июля 1944 г. директор Казахского научно-исследовательского Института земледелия К. Бабаев особо подчеркнул хорошую организацию работы отдела селекции, руководителем которого был старший научный сотрудник В.П. Кузьмин, давший производству несколько перспективных сортов сельскохозяйственных культур [27, л. 1]. 4 декабря этого года на заседании ученого совета Шортандинской опытной станции обсуждали характеристики ряда новых сортов полевых культур, выведенных В.П. Кузьминым [28, л. 5].

После войны работа селекционеров военных лет продолжилась: шло районирование и распространение новых сортов сельскохозяйственных культур Шортандинской опытной станции. Пшеница «Акмолинка 1» с 1942 г. находилась в государственном сортоиспытании, в 1945 г. сорт был районирован. К этому моменту он уже занимал в колхозах около 6 000 га на семенных участках, а райсхозы зоны сорта были снабжены его элитными семенами [18, л. 17]. Испытание «Акмолинки 1» в производственной обстановке показало значительное ее превосходство по урожайности над другими сортами, высевавшимися в тех же условиях [18, л. 15]. Полученный от колхозов, совхозов и сортоучастков материал характеризовал «Акмолинку 1» как сорт очень дружно созревающий, стойкий против полегания и осыпания, устойчивый против пыльной головни.

Таким образом, в 1936–1945 гг. Шортандинская опытная станция вывела и передала в производственное и государственное сортоиспытание многие сорта сельскохозяйственных

культур [18, л. 57]. Станция стала известной и стремительно расширяла свою деятельность.

В 1952 г. за выведение новых сортов зерновых и масличных культур В.П. Кузьмину присвоено звание лауреата Сталинской премии. С конца 1940 по 1952 г. за достижения в области сельскохозяйственных наук он был награжден орденом Трудового Красного Знамени, семью различными медалями и двумя грамотами Верховного Совета Казахской ССР. 1 ноября 1957 г. В.П. Кузьмин был избран действительным членом Казахской академии сельскохозяйственных наук [2, л. 4]. 20 ноября 1962 г. вышел Указ Президиума Верховного Совета СССР «О присвоении действительному члену Академии наук Казахской ССР селекционеру Кузьмину В.П. звания Героя Социалистического Труда» «За заслуги в развитии советской селекции и создание ценных сортов сельскохозяйственных культур» [6].

В результате своей работы селекционер Валентин Петрович Кузьмин создал и внедрил в сельскохозяйственное производство на площади около 3 млн га ряд новых сортов сельскохозяйственных культур, из них 15 сортов яровой пшеницы, озимой ржи, гречихи, подсолнечника, рыжика, картофеля и люцерны районированы в Казахской ССР и РСФСР и еще 22 сорта являлись перспективными [2, л. 4].

Результаты. Валентин Петрович Кузьмин прибыл в Казахстан в далекие тридцатые годы. Прибыл не по своей доброй воле. Встретивший его холодный, пронизывающий суровыми ветрами Северный Казахстан, не сломил безудержный интерес ученого к научным исследованиям степного края, и в период Великой Отечественной войны результаты научных работ замечательного селекционера из Ленинграда имели особое значение. Он сумел изменить аграрную сферу Казахской республики, личными результатами труда улучшить здоровье народа, укрепить дух и повлиять на умонастроение людей тех лет. Военные годы, неустроенность быта, недоедание и огромная нехватка научно-технического оснащения не стали преградами в его стремлении создать так крайне необходимые народу сорта различных сельскохозяйственных культур, которые смогли бы противостоять казахстанскому резко-континентальному климату. Цель создавать устойчивые сорта

семян, растить урожаи, кормить народ, который в неимоверно тяжелых условиях тыла создавал для фронта оружие, и таким образом вносить свой вклад в победу над врагом, была достигнута. Скромность, огромный труд ученого и усердие его маленького коллектива привлекли наше внимание, и в благодарность, в память об этом замечательном ученом, совершавшем, по истине, трудовой подвиг длиною в десять с лишним лет, мы хотели написать статью, чтобы знали и помнили о людях тех не совсем простых и немилосердных лет.

Большая отдача казахской земли, ошеломляющие результаты научной деятельности сподвигли ученого-селекционера продолжить свои научные изыскания и после войны. Валентин Петрович проработал на опытной станции до 1956 года. В 1956 г. на базе Шортандинской опытной станции и четвертого отделения совхоза КазЦИК Акмолинской области был организован Научно-исследовательский институт зернового хозяйства [13, с. 35]. В.П. Кузьмин был единственным доктором наук и академиком в ВНИИ зернового хозяйства в те годы. Он, прожив в Казахстане более тридцати лет, нашел свой последний приют в Акмолинской области, умер 8 мая 1973 г. и похоронен на кладбище села Степное, Шортандинского района, Акмолинской области. В благодарность от жителей Казахстана, помня творческий подвиг ученого, в поселке Дамса (Шортандинский район) большая школа носит имя Валентина Петровича Кузьмина.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Абсеметов М. О. Деятельность эвакуированных ученых в Казахской ССР в 1941–1945 гг.: автореф. дис. ... д-ра ист. наук. Томск, 2017. 34 с.
2. Автобиография Кузьмина Валентина Петровича // Государственный архив Акмолинской области (ГААО). Ф. 51. Оп. 1. Д. 81. Л. 1–4.
3. Акименко Г. В. Продовольственное снабжение населения тыловых районов в годы Великой Отечественной войны // Электронный научный журнал «Дневник жизни». 2020. № 1. URL: <http://www.dnevniknauki.ru/images/publications/2020/1/history/Akimenko.pdf>
4. Архипов А. И., Казанников А. А. Государственное снабжение как фактор решения продовольственной проблемы в годы Великой Отечественной войны: уроки истории // Вестник Инсти-

тута экономики Российской академии наук. 2015. № 3. С. 27–41.

5. Бисенбаев А. К. Деятельность научных учреждений и высших учебных заведений Казахстана в годы Великой Отечественной войны: автореф. дис. ... канд. ист. наук. Алма-Ата, 1984. 23 с.
6. Ведомости Верховного Совета. 23 ноября. 1962 г. // ГААО. Ф. 51. Оп. 1. Д. 81. Л. 1–4.
7. Ганзиева Т. Целинный академик // Акмолинская правда. 2013. 6 дек. URL: <http://apgazeta.kz/2013/12/06/celinniy-akademik-valentin-kuzmin/>
8. Елина О. Ю. Селекция на фронте: судьба советских селекционных станций в годы Второй мировой войны // История социокультурных проблем науки и техники. Вып. 3. М.: Диполь-Т, 2004. С. 49–68.
9. Елина О. Ю. Советские селекционные станции в годы войны (1941–1945 гг.) // Институт истории естествознания и техники. Годичная научная конференция. М.: Ин-т истории естествознания и техники им. С.И. Вавилова, 2004. С. 190–194.
10. Жантайкеев Р. Патриарх казахстанской селекции // Казахстанская правда. 2022. 16 мая. С. 2.
11. Лоскутов И. Г. Кузьмин Валентин Петрович // Сратники Николая Ивановича Вавилова. СПб.: ВИР. 2017. 584 с.
12. Мармونتова Т. В. Научные связи Казахстана и России в 1926–1940 гг.: автореф. дис. ... канд. ист. наук. Омск, 2004. 23 с.
13. Мусагалиева А. С., Мусабекова Р. М. Деятельность ВНИИ зернового хозяйства в рамках борьбы с эрозиями почв в целинных районах Казахстана (1960–1970-е гг.) // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 4. История. Регионоведение. Международные отношения. 2020. Т. 25, № 3. С. 31–44. DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2020.3.3>
14. Карышев О. На Шортандинской опытной станции // Акмолинская правда. 1943. 10 окт. С. 2.
15. Карточки регистрации сорта, подлежащего включению в государственное сортоиспытание // ГААО. Ф. 1027. Оп. 1. Д. 12. С. 17–26.
16. Комиссия по сортоиспытанию овощных культур г. Омск // ГААО. Ф. 1027. Оп. 1. Д. 38. Л. 349–354.
17. Кононков П. Ф. Обеспечение продовольственной безопасности СССР во время Великой Отечественной войны // Национальная безопасность. 2013. № 3 (26). С. 408–417. DOI: 10.7256/2073-8560.2013.3.5276
18. Краткая сводка итогов работы отдела селекции за 1936–1948 гг. // ГААО. Ф. 1027. Оп. 1. Д. 5. Л. 1–58.
19. Краткая сводка работ станции по селекции, семеноводству, системы обработки почвы, травопольная система и другие за 1936–1951 г. // ГААО. Ф. 1027. Оп. 1. Д. 6. Л. 1–127.

20. Кузьмин Валентин Петрович. URL: https://baraev.kz/stranica_istori/846-kuzmin-valentin-petrovich.html

21. Отчет о полевых опытах отдела агротехники Карагандинской областной сельскохозяйственной опытной станции // ГААО. Ф. 1027. Оп. 1. Д. 4. Л. 2–21.

22. Отчет о работе отдела селекции Северо-Казахстанской областной сельскохозяйственной опытной станции за 1940 год // ГААО. Ф. 1027. Оп. 1. Д. 23. Л. 1–26.

23. Отчет о результатах работы отдела селекций Шортандинской сельскохозяйственной опытной станции за 1943 г. // ГААО. Ф. 1027. Оп. 1. Д. 40. Л. 2–50.

24. Отчет о работе отдела селекции Северо-Казахстанской областной сельскохозяйственной опытной станции за 1940 год // ГААО. Ф. 1027. Оп. 1. Д. 2. Л. 1–10.

25. Полюнин В. Зерно его жизни // Аграрный сектор. 2013. № 3. С. 98–103. URL: <https://issuu.com/86471/docs/3>

26. Протокол расширенного заседания Научного Совета Шортандинской сельскохозяйственной опытной станции от 5 января 1943 г. // ГААО. Ф. 1027. Оп. 1. Д. 13. Л. 48–49.

27. Приказ по Казахскому Институту Земледелия от 12 июля 1944 г. // ГААО. Ф. 1027. Оп. 1. Д. 49. Л. 1–2.

28. Протокол заседания Ученого совета Шортандинской сельскохозяйственной опытной станции от 4 декабря 1944 г. // ГААО. Ф. 1027. Оп. 1. Д. 13. Л. 4–5.

29. Результаты работ отдела селекции Шортандинской сельскохозяйственной опытной станции за 1944 г. // ГААО. Ф. 1027. Оп. 1. Д. 44. Л. 44–76.

REFERENCES

1. Absemetov M.O. *Deyatel'nost' evakuirovannykh uchenykh v Kazahskoy SSR v 1941–1945 gg.: avtoref. dis. ... d-ra ist. nauk* [Activities of Evacuated Scientists in the Kazakh SSR in 1941–1945. Dr. hist. sci. abs. diss.]. Tomsk, 2017. 34 p.

2. *Avtobiografiya Kuzmina Valentina Petrovicha* [Autobiography of Kuzmin Valentin Petrovich]. *Gosudarstvennyy arkhiv Akmolinskoy oblasti (GAAO)* [State Archive of Akmola Region], f. 51, inv. 1, d. 81, l. 1–4.

3. Akimenko G.V. *Prodovol'stvennoe snabzhenie naseleniya tylovykh rayonov v gody Velikoy Otechestvennoy vojny* [Food Supply for the Population of the Rear Areas During the Great Patriotic War]. *Elektronnyy nauchnyy zhurnal «Dnevnik zhizni»*, 2020, no. 1. pp. 1–26. URL: <http://www.dnevniknauki.ru/images/publications/2020/1/history/Akimenko.pdf>

4. Arhipov A.I., Kazannikov A.A. *Gosudarstvennoe snabzhenie kak faktor resheniya prodovol'stvennoy problemy v gody Velikoy Otechestvennoy vojny: uroki istorii* [State Supply as a Factor in Solving the Longitudinal Problem During the Great Patriotic War: The Lessons of History]. *Vestnik Instituta ekonomiki Rossijskoj akademii nauk*, 2015, no. 3, pp. 27–41.

5. Bisenbaev A.K. *Deyatel'nost' nauchnykh uchrezhdenij i vysshih uchebnykh zavedenij Kazakhstana v gody Velikoy Otechestvennoy vojny: avtoref. dis. ... kand. ist. nauk* [The Activities of Scientific Institutions and Higher Educational Institutions of Kazakhstan During the Great Patriotic War. Cand. hist. sci. abs. diss.]. Alma-Ata, 1984. 23 p.

6. *Vedomosti Verhovnogo Soveta*. 23 noyabrya. 1962 g. [Gazette of the Supreme Council. November 23. 1962]. *GAAO* [State Archive of Akmola Region], f. 51, inv. 1, d. 81, l. 1–4.

7. Ganzieva T. Tselinnyy akademik [Tselinny Academician]. *Akmolinskaya Pravda*, 2013, Dec. 6. URL: <http://apgazeta.kz/2013/12/06/celinnyj-akademik-valentin-kuzmin/>

8. Elina O.Yu. *Selekciya na fronte: sudba sovetskikh selekcionnykh stancij v gody Vtoroj mirovoj vojny* [Selection at the Front: The Fate of Soviet Breeding Stations During the Second World War]. *Istoriya sociokulturnykh problem nauki i tekhniki. Yyp. 3* [History of Sociocultural Problems of Science and Technology. Vol. 3]. Moscow, Dipol-T Publ., 2004, pp. 49–68.

9. Elina O.Yu. *Sovetskie selekcionnye stancii v gody vojny (1941–1945 gg.)* [Soviet Breeding Stations During the War Years (1941–1945)]. *Institut istorii estestvoznaniya i tekhniki. Godichnaya nauchnaya konferenciya* [Institute of History of Natural Science and Technology. Annual Scientific Conference]. Moscow, In-t istorii yestestvoznaniya i tekhniki im. S.I. Vavilova, 2004, pp. 190–194.

10. Zhantykeev R. *Patriarh kazahstanskoy selekcii* [Patriarch of Kazakhstan Selection]. *Kazahstanskaya Pravda*, 2022, May 16, p. 2.

11. Loskutov I.G. *Kuzmin Valentin Petrovich* [Kuzmin V. P.]. *Soratriki Nikolaya Ivanovicha Vavilova* [Associates of Nikolai Vavilov]. Saint Petersburg, VIR Publ., 2017. 584 p.

12. Marmontova T.V. *Nauchnye svyazi Kazakhstana i Rossii v 1926–1940 gg.: avtoref. dis. ... kand. ist. nauk* [Scientific Relations Between Kazakhstan and Russia in 1926–1940. Cand. hist. sci. abs. diss.]. Omsk, 2004. 23 p.

13. Mussagaliyeva A.S., Mussabekova R.M. *Deyatel'nost' VNII zernovogo khozyaystva v ramkakh borby s eroziyami pochv v tselinnykh rayonakh Kazakhstana (1960–1970-ye gg.)* [Activities of the All-Union Research Institute of Grain Farming in the Framework of Combating Soil Erosion in Virgin Regions]

of Kazakhstan (1960–1970)]. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 4. Istoriya. Regionovedenie. Mezhdunarodnye otnosheniya* [Science Journal of Volgograd State University. History. Area Studies. International Relations], 2020, vol. 25, no. 3, pp. 31–44. DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2020.3.3>

14. Karyshev O. Na Shortandinskoj opytnoj stancii [At the Shortand Experimental Station]. *Akmolinskaya Pravda*, 1943, Oct. 10, p. 2

15. Kartochki registracii sorta, podlezhashchego vklucheniyu v gosudarstvennoe sortoispytanie [Registration Cards for a Variety to Be Included in the State Variety Testing]. *GAAO* [State Archive of Akmola Region], f. 1027, inv. 1, d. 12, pp. 17–26.

16. Komissiya po sortoispytaniyu ovoshchnyh kultur g. Omsk [Commission for Variety Testing of Vegetable Crops. Omsk]. *GAAO* [State Archive of Akmola Region], f. 1027, inv. 1, d. 38, l. 349–354.

17. Kononkov P.F. Obespechenie prodovolstvennoj bezopasnosti SSSR vo vremya Velikoj Otechestvennoj vojny [Ensuring Food Security of the USSR During the Great Patriotic War]. *Nacionalnaya bezopasnost*, 2013, no. 3 (26), pp. 408–417. DOI: 10.7256/2073-8560.2013.3.5276

18. Kratkaya svodka itogov raboty otdela selekcii za 1936–1948 gg. [A Brief Summary of the Results of the Work of the Selection Department for 1936–1948]. *GAAO* [State Archive of Akmola Region], f. 1027, inv. 1, d. 5, l. 1–58.

19. Kratkaya svodka rabot stancii po selekcii, semenovodstvu, sistemy obrabotki pochvy, travopolnaya sistema i drugie za 1936–1951 g. [A Brief Summary of the Work of the Station on Breeding, Seed Production, Tillage Systems, Grass Field Systems and Others for 1936–1951]. *GAAO* [State Archive of Akmola Region], f. 1027, inv. 1, d. 6, l. 1–127.

20. Kuzmin Valentin Petrovich [Kuzmin V.P.]. https://baraev.kz/stranica_istori/846-kuzmin-valentin-petrovich.html

21. Otchet o polevyh opytah otdela agrotekhniki Karagandinskoj oblastnoj selskohozyajstvennoj opytnoj stancii [Report on Field Experiments of the Department of Agrotechnics of the Karaganda Regional Agricultural Experimental Station]. *GAAO* [State Archive of Akmola Region], f. 1027, inv. 1, d. 4, l. 2–21.

22. Otchet o rabote otdela selekcii Severo-Kazahstanskoj oblastnoj selskohozyajstvennoj opytnoj stancii za 1940 god [Report on the Work of the Selection Department of the North Kazakhstan Regional Agricultural Experimental Station for 1940]. *GAAO* [State Archive of Akmola Region], f. 1027, inv. 1, d. 23, l. 1–26.

23. Otchet o rezultatah raboty otdela selekcij Shortandinskoj selskohozyajstvennoj opytnoj stancii za 1943 g. [Report on the Results of the Work of the Selection Department of the Shortandinsky Agricultural Experimental Station for 1943]. *GAAO* [State Archive of Akmola Region], f. 1027, inv. 1, d. 40, l. 2–50.

24. Otchet o rabote otdela selekcii Severo-Kazahstanskoj oblastnoj selskohozyajstvennoj opytnoj stancii za 1940 god [Report on the Work of the Selection Department of the North Kazakhstan Regional Agricultural Experimental Station for 1940]. *GAAO* [State Archive of Akmola Region], f. 1027, inv. 1, d. 23, l. 1–10.

25. Polynin V. Zerno ego zhizni [The Grain of His Life]. *Agrarnyj sektor*, 2013, no. 3, p. 98–103. URL: <https://issuu.com/86471/docs/3>

26. Protokol rasshirennogo zasedaniya Nauchnogo Soveta Shortandinskoj selskohozyajstvennoj opytnoj stancii ot 5 yanvarya 1943 g. [Minutes of the Extended Meeting of the Scientific Council of the Shortandy Agricultural Experimental Station Dated January 5, 1943]. *GAAO* [State Archive of Akmola Region], f. 1027, inv. 1, d. 13, l. 48–49.

27. Prikaz po Kazahskomu Institutu Zemledeliya ot 12 iyulya 1944 g. [Order on the Kazakh Institute of Agricultural Dated July 12, 1944]. *GAAO* [State Archive of Akmola Region], f. 1027, inv. 1, d. 49, l. 1–2.

28. Protokol zasedaniya Uchenogo soveta Shortandinskoj selskohozyajstvennoj opytnoj stancii ot 4 dekabrya 1944 g. [Minutes of the Meeting of the Academic Council of the Shortandy Agricultural Experimental Station Dated December 4, 1944]. *GAAO* [State Archive of Akmola Region], f. 1027, inv. 1, d. 13, l. 4–5.

29. Rezultaty rabot otdela selekcii Shortandinskoj selskohozyajstvennoj opytnoj stancii za 1944 g. [The Results of the Work of the Selection Department of the Shortandy Agricultural Experimental Station for 1944]. *GAAO* [State Archive of Akmola Region], f. 1027, inv. 1, d. 44, l. 44–76.

Information About the Authors

Arailym S. Mussagaliyeva, Doctor of Sciences (History), Professor, Department of History of Kazakhstan, Eurasian National University, Satpaeva St, 2, 010000 Astana, Republic of Kazakhstan, arai0410@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-1812-7152>

Roza M. Mussabekova, PhD (Philology), Associate Professor, Department of Russian Philology, Eurasian National University, Satpaeva St, 2, 010000 Astana, Republic of Kazakhstan, roza709@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-1471-8657>

Информация об авторах

Арайлым Сабитовна Мусагалиева, доктор исторических наук, профессор кафедры истории Казахстана, Евразийский национальный университет им. Л.Н. Гумилева, ул. Сатпаева, 2, 010000 г. Астана, Республика Казахстан, arai0410@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-1812-7152>

Роза Мадениетовна Мусабекова, PhD (филология), доцент кафедры русской филологии, Евразийский национальный университет им. Л.Н. Гумилева, ул. Сатпаева, 2, 010000 г. Астана, Республика Казахстан, roza709@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-1471-8657>



DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2024.3.14>

UDC 94(5):341.321.4

LBC 63.3(5)63-68



Submitted: 14.09.2023

Accepted: 19.03.2024

VOICES FROM THE GROUND: KOREAN AND VIETNAMESE WOMEN IN WARTIME ¹

Luong Thi Hong

Vietnam Academy of Social Sciences, Hanoi, Vietnam

Abstract. *Introduction.* During the Cold War, Korea and Vietnam were considered “hot spots” of the confrontation between superpowers. Therefore, it is well known among academia that these clashes were fueled by military and political views. Moreover, the Korean and Vietnamese men’s military service for special operations is well known among academia, and the image of Korean and Vietnamese women appears indistinctly in historical sources. *Methods and materials.* While most histories of the Vietnam War and the Korean War have tended to describe Vietnamese and Korean women merely as tragic victims, prostitutes, or patriotic heroines, this article reveals far more complex and colourful accounts of why they joined the armed forces and what kinds of personal and emotional feelings they had during the wars. In the process of studying this issue, the author uses original historical records (writings, reports, correspondences, diaries, etc.) recorded by ordinary people who witnessed and experienced the Vietnam War and the Korean War. The author combines two main research methods of historical science (historical method and logical method) with other research methods (system, analysis, synthesis, comparison, etc.) to clarify the article’s contents. *Analysis and results.* This paper challenges the conventional understanding of the Cold War as a confrontation between the two superpowers. The article aims to decentralise perspectives on the Cold War by exploring the experiences and memories of ordinary people who witnessed and experienced various kinds of wars. The work revitalises the everyday lives of women in Korea and Vietnam – the potential flashpoints in the Cold War. Working for peace remained their primary motivation, but some women might believe that conducting female duties in wars was a way to get higher social status and equal gender. In doing so, the paper contributes to a reconsideration of the Cold War narratives through the experiences of many wartime participants.

Key words: Vietnam, Korea, Asia, women, Cold War, Korean War (1950–1953), Vietnam War (1954–1975).

Citation. Luong Thi Hong. Voices From the Ground: Korean and Vietnamese Women in Wartime. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 4. Istoriya. Regionovedenie. Mezhdunarodnye otnosheniya* [Science Journal of Volgograd State University. History. Area Studies. International Relations], 2024, vol. 29, no. 3, pp. 166-174. DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2024.3.14>

УДК 94(5):341.321.4

ББК 63.3(5)63-68

Дата поступления статьи: 14.09.2023

Дата принятия статьи: 19.03.2024

ГОЛОСА С ЗЕМЛИ: КОРЕЙЦЫ И ВЬЕТНАМСКИЕ ЖЕНЩИНЫ В ВОЕННОЕ ВРЕМЯ ¹

Луонг Тхи Хонг

Вьетнамская академия социальных наук, г. Ханой, Вьетнам

Аннотация. Во времена холодной войны Южная Корея и Вьетнам являлись горячими точками противостояния сверхдержав. Исследователи в основном изучают эти столкновения с военной и политической точек зрения. Кроме того, в академических кругах широко известно о корейских и вьетнамских мужчинах,

проходивших специальную военную службу. Образы корейских и вьетнамских женщин в исторических источниках встречаются редко. В большинстве историй о войнах во Вьетнаме и Корее вьетнамские и корейские женщины изображены просто как трагические жертвы, женщины легкого поведения или патриотические героини. Статья раскрывает гораздо более сложные истории о том, почему они пошли в вооруженные силы, об их частной жизни, личных эмоциях, которые они испытывали во время войны. Данная статья бросает вызов общепринятому пониманию холодной войны как противостояния двух сверхдержав из двух блоков. Целью статьи является децентрализация взглядов на холодную войну путем изучения опыта и воспоминаний простых людей, которые были свидетелями и пережили войны всех видов. Работа возрождает повседневную жизнь корейских и вьетнамских женщин из горячих точек времен холодной войны. Работа ради мира остается их основной мотивацией, но некоторые женщины могут полагать, что выполнение женских обязанностей во время войны – это способ получить более высокий социальный статус и достичь экономического равенства. Тем самым статья способствует переосмыслению нарративов холодной войны на основе опыта ее участников.

Ключевые слова: Вьетнам, Корея, Азия, женщины, холодная война, Корейская война (1950–1953), Вьетнамская война (1954–1975).

Цитирование. Луонг Тхи Хонг. Голоса с земли: корейцы и вьетнамские женщины в военное время // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 4, История. Регионоведение. Международные отношения. – 2024. – Т. 29, №3. – С. 166–174. – (На англ. яз.). – DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2024.3.14>

Introduction. The Second World War ended in 1945, leading to the establishment of a new world order in which the Cold War ² played a crucial role in foreign affairs. During the Cold War, besides the East-West confrontation, there was also the North-South conflict and the development of civil wars. In this context, both Korea and Vietnam ³ are Asian countries where the Cold War was indeed tragic and bloody, and both nations were situated at the core of the traumatic division of the twentieth century. The Korean peninsula was divided into two zones at the 38th parallel, and following that, the Korean War happened during 1950–1953. Meanwhile, French colonial rule conquered Vietnam until 1954, and then the Geneva Accords partitioned the country at the 17th parallel into two regions with a temporary military delimitation zone. The bloody Vietnam War ⁴ lasted for over twenty years and ended in 1975.

There has been a large proportion of the scholarly literature that has focused on the connection between Korea and Vietnam in terms of military, political, and economic views or on comparing the Korean War (1950–1953) and the Vietnam War (1954–1975). *Korea: The War Before Vietnam* by MacDonald (1986) was written and published a decade after the end of the war in Vietnam. In this book, the author explains the implications of the Korean War on American policy in Vietnam and East Asia [14]. Kaufman (1999) pointed out the role of the Korean conflict in greatly expanding

Americans' commitments worldwide and contributed to the U.S. decision to engage in direct military action in Vietnam fifteen years later [8]. Nojeim (2006) analyses Korean War policy to argue that the war had repercussions far beyond the Korean battlefield, and its ramifications were felt in Taiwan, Vietnam, Europe and U.S. defence expenditures as well [17]. From a geopolitical perspective, Linantud (2008) clarifies the failures and successes of nation-building in South Korea, South Vietnam, the Philippines, and Thailand between 1954 and 1991 [13]. The paper focused on economic aspects rather than the daily lives of ordinary people. Hosch (2010) helps the reader understand the causes, the unfolding of events, the chemistry of various key figures, and the aftermath of the Korean War and the Vietnam War [5]. Through a comparison of South Korea, Vietnam, China and Indonesia, Tuong Vu (2010) demonstrates that state formation politics rather than colonial legacies have had decisive and lasting impacts on the structures of emerging states [23]. By focusing mainly on the U.S. side in the Korean War and the Vietnam War, Gurtov (2010) argues that the war in Korea drew Asia into the orbit of vital US interests, and the Korean and Vietnam wars went beyond their strategic connection and had a profound impact on U.S. policy in Asia [4].

It is clear that most of these works, taking Vietnam and Korea as common objects of comparison, focus on analysing in more detail

the United States's policy towards Vietnam and/or Korea during the Cold War. The connections and parallels at the individual level between the two countries' trajectories during this time were somewhat forgotten. Moreover, much literature on the Korean War and Vietnam War has been devoted to the images of young male soldiers. Both the Korean War and the Vietnam War required the total mobilisation of all segments of society beyond young men in the armed forces. Besides men's military service, both Korean and Vietnamese women were recruited for service in all branches of the army and participated in a large variety of military service and support. While the Korean and Vietnamese men's military service for special operations is well known in academia, the image of Korean and Vietnamese women appears indistinctly in historical sources [9].

Drawing on personal memoirs and other resources such as books, journals, and monographs, this paper aims to decentralise perspectives on the Cold War through exploring the experiences and memories of ordinary people who witnessed and experienced various kinds of real and imagined wars. Through both a *connected perspective* and a *comparative lens*, the proposal examines Koreans and Vietnamese by scrutinising the experiences of women in Northeast Asia and Southeast Asia during the Cold War. The work revitalises the everyday lives of women in Korea and Vietnam – both potential flashpoints in the Cold War. It is of immense significance as the key to unearthing the trait of the war itself. It is more to be done, especially on the grounds that the war also had a bearing on a kind of civil war. The result of the project could paint a wide picture of the lives of ordinary people in Asia during the Cold War.

This approach might challenge the conventional understanding of the Cold War as a confrontation between the two superpowers. If the struggles of daily life marked the history of the 20th century, it is possible now to exploit such narratives to create a new Cold War history. In other words, it could reconceptualize the Cold War narrative and reconceive it as a story that moves beyond the concerns of political elites and state-to-state relations to one involving the everyday lives of people.

By exploring ordinary women's experiences, this paper not only argues that the young Korean and Vietnamese women were neither passive

nor victims of the war, but instead were active participants in the war as ways of achieving gender equality. The result of the proposal might be a great deal to show that the China-Soviet-U.S. rivalry, as well as the communism-capitalism confrontation, did not completely inform and shape the local concerns, local cultures, local family histories, and local gender interests of people in Korea and Vietnam. They had motivations other than communism and liberal capitalism when they acted in the way that they did. If we put people and everyday life at the centre of the narrative, that approach does relegate Cold War international politics to the ground and bring to the fore the larger concerns of the society being studied. In this regard, the article may contribute to a new perspective on the Cold War's impact by reimagining the conflict and understanding twentieth-century history through the lens of Asia.

A usual image of Korean and Vietnamese women at wartime. Both the Korean War and the Vietnam War were bloody hotspots of the Cold War in Asia. Therefore, it is not surprising that the most conventional narrative about Korean and Vietnamese women has often been described as that of tragic victims of the wars who suffered the consequences of these traumatic conflicts or patriotic heroines who struggled for their national unity.

During the Vietnam War, the young women who volunteered to serve in the regular army on the front lines had to face death and physical pain every day. Sometimes the boundary between death and life was exceedingly thin. In only one American raid, 60% of youth volunteers⁵ from 759 companies died or were injured [16, p. 247]. The living conditions of the young volunteer women along the Hồ Chí Minh Trail were extremely and excruciatingly difficult. They were struck down by fever, hunger, and death [3, p. 31]. The regular amount of rice supplied to each recruit was to receive twenty-one kilogrammes per month; however, because of the bombing and disruptions, the rations must dwindle to eighteen kilogrammes, then fifteen kilogrammes, twelve kilogrammes, and even only six kilogrammes per person per month [16, p. 121]. Even when the rice was out, they had to eat porridge and wild vegetables [24, p. 413]. In the moon season, it was raining all day, but the women only had two

sets of clothes to change into. In the evening, they burned the fire to dry clothes, and the next morning, they continually put them on. Medicine, salt, vegetables, food, and necessities were all lacking in seriousness, leading to the deaths of eleven members of the Cô Tô team [16, p. 165]. There was a unit that had to be stationed in the middle of an abundance of water, without a dry mound, and had to soak in the water all day, including the women in the period. The youth women's work necessarily took them to some of the most dangerous sites, and "whatever there was danger and death, there was volunteer youth" [7, p. 74]. One of the famous places in Vietnam associated with the sacrifices and losses of young women volunteers is "Trông Bồn," where both sides were bound by high mountains and hills, and there was only one single road in the middle to transport supplies to the southern battlefield. During Operation Rolling Thunder (1965–1968), the U.S. Air Force flung 19,000 explosive bombs of all types and fired thousands of rockets into Trông Bồn to cut this primary transportation route, which became the phantom of the traffic route with graphic nicknames: "the Bomb Bag" and "the Gate of Death". During the raids, more than one thousand civilians, young women, volunteers and soldiers were killed, and hundreds of villages and communes were wiped out [22]. On October 31, 1968, an American raid bombed the squad, and all thirteen female youth volunteers died; both of them were in their teens and early twenties.

Meanwhile, the Korean War may be one of the bloodiest wars in modern history. Although the conflict lasted only three years, it resulted in several million deaths and several times the number of wounded and maimed [2, p. 524]. Therefore, similar to Vietnamese women, Korean women appeared to have been victims of human tragedy during the bloody conflict and the consequences that they had to suffer during the entire Korean War period. On July 11, 1950, the U.S. Air Force bombed an Iri railway station and killed about 300 civilians, including women and children. Along with that, roughly 50 to 400 civilians were killed, and several times that number were severely wounded in Masan, Haman, Sachon, Pohang, Andong, Yechon, Gumi, Danyang, and other regions because of U.S. warplanes [2, p. 530]. In the southeast seaside city

of Pohang in August of 1950, U.S. naval artillery bombarded the calm villages and killed more than 400 civilians. American air forces and naval bombardments also destroyed some North Korean cities and villages. B.29 Superfortresses flung thousands of tonnes of high-explosive bombs into towns, resulting in thousands of civilian casualties. Even so, U.S. air and ground forces shot at women, children, and elderly people [26, pp. 3-4]. Several thousand civilians, including babies, women, and the elderly, were killed during the operations named "Keeping the Position by Cleansing the Fields" by South Korean forces [2, p. 532]. In every aspect of the war, the Korean War preceded the Indochina War in many tragic ways.

The real tragedy of the Korean War was not only the brutal, bloody conflict but also the practice of U.S. military prostitution and the use of Korean sex workers, who became America's "comfort women." Throughout the Korean and Vietnam wars, the so-called relaxation and recreation business had been systematised around the U.S. military camps. More than a million Korean women have sexually catered to U.S. soldiers [15, pp. 24-32]. Besides that, Korean women were also victims of wartime sexual violence. When the U.S. soldiers entered villages, it was usual that old men hid their daughters and daughters-in-law to avoid them being raped. Some young women tried to disguise themselves to look like old, ugly women. Many Korean women in the villages were often raped in front of their husbands and parents. This has not been a secret among those who experienced the Korean War, even though several women were raped before being shot [15, pp. 24-32]. Both Korean and Vietnamese women were really victims of war.

Yet, the full story of young women who served in the army in some of the most dangerous spots is largely untold, even in both Korea and Vietnam. These were the women whose lives were deeply hidden in the seemingly male domain of violence and death. But they also had dreams of love, beauty, and a happy family with their children. How did they feel when they saw that their faces had become pale, thin, and weak in mirrors? What would their feelings be when they were still in their twenties with sexual urges while most men, including their loved ones, went to war? What would be their feelings after the war when they came back to their hometowns and

when they found themselves getting older while their health got worse? These were women who had to choose non-traditional lives in their early twenties. These were women who went through lives that were completely different from the conventional sort of happy life, which could be characterised by sweet families with lovely children – lives they might have dreamed of if there had been no war. Then, why did they enter into such strenuous lives and recruit as members of the armed forces? What were their motivations for involving themselves in duties that are often for men?

Breaking traditional norms. Wars are dead and bloody, so why did Korean and Vietnamese women actively participate in the war, which would have been merely a duty for men? The traditional gender ideology constructed men as protectors and family providers, while women were producers of children and daily life. Accordingly, men were called on to perform mandatory military service and encouraged to become the primary labour force in the economy. During the wars, women fought to liberate themselves and get equal rights to men by joining these conflicts. They believed that women's participation in wars as soldiers was a golden opportunity for women to attain the qualification of honourable people [11, p. 96].

The Korean women became involved in the war by being mobilised as soldiers in the Volunteer Troops of Women, and they took on various duties. Until the end of August 1950, the Volunteer Troops of Korean Women were established on a large scale, not only as nurses but also as soldiers during the Korean War [11, p. 91]. The Korean women were recruited and used as members of a pacification squad, then they had to nurse wounded soldiers, and finally they had to serve as comfort women while others worked to fill the absence of men in the rear [12, p. 18]. Most of the Korean Women Volunteer Troops “worked at TI&E, art squads, and key administrative personnel to the rear,” and “some of them were deployed in fighting units but actually did not join in battle” [11, p. 94]. The major duties of the Korean Volunteer Troops of Women deployed at fighting units were such simple administrative affairs as the transmission of documents and the writing of letters, or attending the interrogation of captured female North Korean and Chinese soldiers. The Volunteer Troops of Women were

organised as regular army personnel at the beginning of the Korean War and worked in such particular arms and services as information and education, general administration, accounting, and communication. Not only the volunteer troops of women as regular soldiers, but also many women as irregulars, joined directly in the war [11, p. 96]. Women established their positions as citizens by becoming soldiers during the Korean War. As a result, after the end of the war, women's rights changed when the Republic of Korea experienced very rapid industrial growth and economic modernization [18, p. 1136].

In Vietnam, the youth volunteers played an important role in the battles. Vietnamese revolutionaries did more than use gender as a code through which to discuss the penetration of their society by the French. They appealed directly to women to participate in the struggle to liberate their country, promising them, in return, equal political, social, and economic rights and status under a new regime. These appeals attracted women who felt oppressed by the old regime. Vietnamese women seeking equality found revolutionaries to be the only group in their society willing to commit themselves to achieving it. It is not surprising that so many responded by joining the movement [21, p. 39]. During the French-American War (1945–1954), women used Confucian subservience⁶, gender-determined dress, and traditional roles to supply local soldiers, gather intelligence, and resist the French army [1, p. 7]. And then, through the Vietnam War (1954–1975), Vietnamese women who actively participated in battle were known as the “long-haired warriors.” They asserted that “when war comes, even women must fight,” which was a phrase they carried with them throughout the war [19, p. 167]. The long-haired warriors tackled responsibilities for camouflaging anti-aircraft guns and supplying clothing, food, and drink to the battlefield. They were also prepared to defend villagers from the U.S. army. In addition, many women were directly involved in the war through their participation in the Youth Volunteer Units. They worked as female doctors and nurses along the Hồ Chí Minh Trail in South Vietnam, which was constructed largely by Vietnamese women from the North. Those women embraced their roles and felt liberated from their domesticated lives. Whereas they were brought up to be submissive

and take care of the home, their participation in battle allowed them to express themselves in ways they had never experienced [6, p. 114]. By joining the war, Vietnamese women proved that they could expand on their role in society and redefine traditional roles that were deeply ingrained.

The struggle would also include the diverse voices and motivations of the women who chose to participate directly in the war. The women also recognised that the war was also a chance for them to have more women's rights and improve their status in society. They argued that the men were allowed to go to the army, but the women had no right to register. Now, young volunteer teams were recruited, and it was considered a once-in-a-lifetime opportunity. "They desired to show that they were worthy and able to do things like men" [16, p. 148]. It is clear that young women saw the war as a chance to improve their position in the family and society and implemented equal rights for men and women.

The fact that women joined in the wars as soldiers could be momentum to secure their positions as citizens, apart from the recognition that "women are beings protected by men" and that "the women's participation in the wars as soldiers was a golden opportunity for women to attain such qualification" [11, p. 96]. The military roles of women prompted them to embrace the ideal of serving their country and prove that they could perform themselves in a fierce and tireless manner by transforming into combative soldiers.

Making use of wars to promote social status. Involving the wars led to improved educational opportunities for many Korean and Vietnamese women. Accordingly, employment options have changed, and if women do not have the same job alternatives as men, they do have more workplace opportunities. The war requested the mass mobilisation of different social groups. During the wars, with the men going off to fight, the situation was different. In wartime, they were taking what had previously been considered "men's jobs." Many attained positions as doctors, lawyers, and college professors. The war gave women the opportunity to release all ties with society and family, but at the same time, it brought about things that teenage girls could not expect.

At the beginning of the Korean War, besides the Volunteer Troops of Women, the Army also

recruited women for administrative personnel. They worked as telephone operators, interpreters, typists, and clerks. When the conflict became more complex and males were mostly serving in the military, the demand for women's labour in factories and businesses soared. The number of women participating in "official and free business" suddenly jumped from 24,454 in 1949 to 182,048 in 1951 as a result of the recruitment of female labour in public fields [11, p. 104]. Korean women also made substantial progress in other sectors. Their participation in agriculture and fishing rose from 2,544,335 in 1949 to 4,967,733 in 1951 [11, p. 105]. Women worked more frequently in manufacturing and other fields of trade. The number of women labourers in the manufacturing sector climbed from 28,872 in 1949 to 84,892 in 1951, and in transportation, the number increased from 1,845 in 1949 to 30,490 in 1951. Particularly in the area of business, they noticeably increased from 81,204 in 1949 to 593,264 in 1951, an increase of around 7.3 times [11, p. 105]. There might be various reasons for Korean women to come out of their home boundaries and the main reason was to not only earn a livelihood for the family but also seek womanpower in a Confucian society.

In many cases, the large majority of the Vietnamese Women Youth Volunteer Forces were female volunteers between sixteen and twenty years old when they joined; some were even younger. Members had diverse backgrounds. Most were from agricultural communities, whether coming from farmers' families or former landlords' families. Also there were students from middle and vocational schools, children of cadres, women belonging to ethnic minorities, and youth from overseas Vietnamese families returning home, as well as Christians, nuns, and monks. Most came from poor families in rural areas of northern Vietnam. For instance, the youth volunteer force No. 51 of Hanoi Unit was established on February 12, 1967, and had over 400 members, of which 72 percent were female, over 80 percent were under twenty years old, and 78% came from rural or suburban regions [16, p. 131]. Another example is group No. 609 of the General Department of Railways Unit; this team consisted of 140 women and only three men, most of whom were farmers ageing from eighteen to twenty-two years old [10, p. 87].

These young women's motivations, regardless of class or ethnicity, seemed simple and clear, at least at a glance. Many women became involved in the war because of their desire to protect their families and communities. Besides these conventional narratives, there were more complex and diverse factors. For young women who belong to ethnic minorities, participation in the war also created a chance to get rid of the constraints of being backward and being forced to marry at an early age or marry the person with whom they did not fall in love. Nông Thị Mùn (Lào Cai), an 18-year-old illiterate youth bound by many backward practices, was determined to join the youth volunteers on May 19, 1966, belonging to the 991 company, the 99 Lao Cai team [16, p. 227]. Actually, similar dynamics can be found not just among ethnic minority women but among women in general. As in other societies during the Second World War, many Vietnamese women accidentally gained the chance to get more rights and opportunities and to improve their status in society. Thus, as in the case of ethnic minorities, for some women, joining volunteer forces was a chance to improve their position in their families, communities, and society.

There would be many young women who came from socially disrespectful backgrounds and devotedly registered to participate in the war to change society's view of who they were. In the past, young people who were children of landlord families, overseas Vietnamese, and religious communities did not have chances to be recruited into the army. When the war happened, they saw the opportunity to volunteer to contribute to their country, giving other people another view of themselves and gaining a higher position in society. Nguyễn Thị Liễu is an example. When she volunteered to join the volunteer force, she was turned down because she was the landlord's daughter. She insisted on devoting her life to the youth volunteers for serving soldiers, and only two months later, she was accepted because of her outstanding achievements [24, p. 336]. Another woman gave a similar reason for joining the war: Nguyễn Thị Nậy was the daughter of a soldier who had served in the French colonial army. Her childhood was bound by her father's records, and then she set the target of joining the military to erase her family's social component. She was recruited to Unit 76, belonging to Quảng

Binh youth volunteers, and then was awarded a certificate of merit for the third-class victory [16, p. 226].

In fact, quite a few women were able to find new lives after leaving their villages and joining the volunteer forces. For example, the Unit No. 551 volunteer force, which belonged to Hà Tĩnh Transport Company, was composed of 120 volunteers, with 82 women among them. When they joined, some were still illiterate and had to ask someone else to write their names on their applications. Yet, after joining the team, they were able to read and write and continue their education. In fact, after three terms of service, five members enrolled in universities, twelve went abroad for study, nine continued learning at secondary schools, and fifteen at elementary schools [16, p. 111]. According to Vietnamese statistics of the former Youth Volunteer Union, roughly a half of young volunteers in the period of 1965–1968 were illiterate, but just a few years later, the number of illiterate volunteers reduced to only two percent. By the same token, after completing their tasks, more than 11,000 members gained access to higher education; among those, 650 members studied overseas [25, p. 88]. Women also had the chance to perform more skilled and specialised work. They replaced men as physicians and public-health personnel, jobs that only a few women had held before the war. By 1969, women comprised 33 percent of skilled workers and scientific cadres. Altogether, women made up 60 to 80 percent of the working force in the North, labouring in the fields, factories, and offices. They also taught in universities and worked for the government [20, p. 117].

As such, it is reasonable to say that the war (and volunteer forces) created opportunities for young women to change their lives. If they stayed at home in their villages, it was hard for them to have access to higher education, and they were not able to transform their social positions from farmers to workers or intellectuals. The war liberated them from the bamboo gate of their village.

Conclusion. The topic of women and war is a tremendously complex and colourful one that depends on each nation and community. The war happened to create opportunities for a search for their positions in society beyond the household and beyond their traditional roles as mothers and

wives. All of these emotions, excitements, and fears offer a vivid picture of the fates of young Asian women during the cruel conflicts. In a conventional approach, Korean and Vietnamese women were often seen as “victims” or “heroines” of national liberation. However, by participating in the war, young women actively took these opportunities to find new social roles beyond traditional roles as mothers and wives, as well as new “selves” that could erase who they were. The work revitalises the everyday lives of women in Korea and Vietnam, both of which were potential flashpoints in the Cold War. It is of immense significance as the key to unearthing the traits of the war. There is more to be done, particularly because the wars also had a bearing on a kind of civil war. From these perspectives, the paper could draw a wide picture of the lives of ordinary people in Asia during the Cold War. It reveals accounts of why they joined the armed forces and what kinds of personal and emotional feelings they had during the wars. The paper devotes considerable space to Korean and Vietnamese women’s voices during the most turbulent period in Asian history. It also seeks to preserve the feelings and enthusiasm of a generation that has suffered through war. Naturally, wars at any time, in any territory or country, mean losses and sad stories. The conflicts in Vietnam and Korea are very different, but they have similar issues. In divided countries, ordinary citizens suffered losses and separation most of all. Please remember that in Korea nowadays, many relatives have no chance to visit each other before they die. Therefore, it is necessary to offer more valuable insights into the experiences of ordinary people during the Cold War and the division.

NOTES

¹ This research was supported by the 2022 Korean Studies Grant Program of the Academy of Korean Studies (AKS-2022-R-063).

² The Cold War was defined in terms of the structure of international relations as the rivalry between the United States-led Western liberal democratic bloc and the Soviet-led Eastern communist bloc, which shaped the basic structure of international relations.

³ During the period from 1954 to 1975, Vietnam was divided into two parts: The North was under the government of the Democratic Republic of Vietnam, supported by the Soviet Union. The South

was under the government of the Republic of Vietnam, backed by the United States. Similar to that, the Korean peninsula was divided into two zones at the 38th parallel and formed two states with opposed political, economic, and social systems: the Republic of Korea was backed by the United States, and the Democratic People’s Republic of Korea was backed by the Soviet Union. Historical experiences between the various regions of Vietnam as well as Korea let women from different parts of the country have diverse experiences during the war. The experiences of women from the northern and central regions differ from those in the south. Even in each region, women who supported the government had different experiences from those who discouraged it.

⁴ The period from 1954 to 1975 in Vietnamese history has been described in various terms by scholars. In Vietnam, the war has been called the “Anti-American Resistance War,” the “Second Indochina War,” the “Vietnamese Civil War,” and “the Vietnam War.” For this paper, I will simply use the term “Vietnam War.”

⁵ During the Vietnam War, with the massive engagement of U.S. troops and the escalation of the war in 1965, the Central Committee of the Vietnam Youth Union launched campaigns that encouraged its members to take part in the national struggle for unification. Under full-scale war, transportation of food, weapons, and ammunition became some of the most dangerous duties that needed a significant amount of manpower. Furthermore, due to intensive U.S. bombardment, many roads, ferries, and bridges were destroyed and, thus, needed to be repaired. As such, in May 1965, the Ninth Conference of the Central Committee Executive Committee decided to organise the teams of volunteer forces. Following this, on June 21, 1965, the Youth Volunteer Forces were officially established under a directive issued by the Prime Minister.

⁶ In Confucian patriarchy, women must obey unconditionally her father’s decisions when she was young, her husband’s decisions when she married, and her eldest son’s decisions when her husband died.

REFERENCES

1. Borton Lady. Behind the Scenes, in the Forefront: Vietnamese Women in War and Peace. *ASIANetwork Exchange*, 2018, vol. 25 (1), pp. 7-59.
2. Dong Choon Kim. Forgotten War, Forgotten Massacres – The Korean War (1950–1953) as Licensed Mass Killings. *Journal of Genocide Research*, 2004, vol. 6, pp. 523-544.
3. Guillemot F. Death and Suffering at First Hand: Youth Shock Bridges During the Vietnam War (1950–1975). *Journal of Vietnamese Studies*, 2009, vol. 4, no. 3, pp. 17-60.

4. Gurtov M. From Korea to Vietnam: The Origins and Mindset of Postwar U.S. Interventionism. *The Asia-Pacific Journal*, 2010, vol. 8, iss. 42, no. 1.
5. Hosch W.L. *The Korean War and the Vietnam War: People, Politics, and Power*. New York, Britannica Educational Publishing, 2010. 228 p.
6. Kali deVarennes. North Vietnamese Women in War: Redefining Victory and Gender Roles. *The Forum: Journal of History*, 2019, vol. 11, iss. 1, pp. 107-119.
7. Karen Gottschang Turner, Phan Thanh Hao. *Even Women Must Fight: Memories of War from North*. New York, John Wiley publisher, 1999, p.
8. Kaufman B.I. *The Korean Conflict*. London, Greenwood Press, 1999. 232 p.
9. Kim J., Jager S. *Woman, Student, and Boy Soldiers in the Korean War*. URL: <https://www.wilsoncenter.org/blog-post/woman-student-and-boy-soldiers-korean-war>
10. Lê Chân Phương. *Phong trào phụ nữ «ba đảm đang» trong cuộc kháng chiến chống Mỹ, cứu nước* [Three Responsibilities Movement During the Anti-American Resistance War for National Salvation]. Hanoi, Women's Publishing House. 2005. 271 p.
11. Lee Im Ha. The Korean War and the Role of Women. *The Review of Korean Studies*, 2006, vol. 9, no. 2, pp. 89-110.
12. Lee Wan Bom. New Directions in Korean War Studies: In Memory of Ordinary Life. *The Review of Korean Studies*, 2006, vol. 9, no. 2, pp. 5-32.
13. Linantud J.L. Pressure and Protection: Cold War Geopolitics and Nation-Building in South Korea, South Vietnam, Philippines, and Thailand. *Geopolitics*, 2008, vol. 13, pp. 635-656. DOI: 10.1080/14650040802275487
14. MacDonald C.A. *Korea: The War Before Vietnam*. London, Palgrave Macmillan Press, 1986. 330 p.
15. Moon K. *Sex Among Allies: Military Prostitution in U.S.-Korea Relations*. New York, Columbia University Press, 1997. 336 p.
16. Nguyễn Hồng Thanh. *Thanh niên xung phong – những trang oanh liệt* [The Glorious Time of Youth Volunteers]. Hanoi, Youth Publishing House, 1996.
17. Nojeim M.J. US Foreign Policy and the Korean War. *Asian Security*, 2006, no. 2, pp. 122-146. DOI: 10.1080/14799850600767218
18. Palley M.L. Women's Status in South Korea: Tradition and Change. *Asian Survey*, 1990, vol. 30, no. 12, pp. 1136-1153.
19. Taylor S.C. The Long-Haired Warriors. Anderson D.L., Ernst J., eds. *The War That Never Ends*. Lexington, The University Press of Kentucky. 2014, pp. 167-190.
20. Taylor S. *Vietnamese Women at War: Fighting for Ho Chi Minh and the Revolution*. S.I., University Press of Kansas, 1999. 170 p.
21. Tétreault M.A. Women and Revolution in Vietnam. Barry K., ed. *Vietnam's Women in Transition*. London, Macmillan Press LTD, 1996, pp. 38-57.
22. *The National Historical Relic Site Management Board of Truong Bon. Truong Bon – A Historical Relic Site*. URL: <http://truongbon.vn/?x=2074/gioi-thieu/truong-bon-dia-danh-huyen-thoi>
23. Tuong Vu. *Paths to Development in Asia: South Korea, Vietnam, China, and Indonesia*. New York, Cambridge University Pres. 2010. 294 p.
24. Văn Tùng. *Lịch sử Đoàn thanh niên Cộng sản Hồ Chí Minh và phong trào thanh niên Việt Nam (1925–1999)* [History of Ho Chi Minh Communist Youth Union and Vietnamese Youth Movement]. Hanoi, Youth Publishing House, 2000. 734 p.
25. Vietnamese Former Youth Volunteers' Association. *Tư tưởng Hồ Chí Minh về trường học lớn thanh niên xung phong* [Hồ Chí Minh's Thought on a Large School for Young Volunteers]. Hanoi, National Political Publishing House, 2017. 743 p.
26. Winnington A. *I Saw the Truth in Korea*. London, People's Press Printing Society, 1950. 15 p.

Information About the Author

Luong Thi Hong, PhD (History), Institute of History, Vietnam Academy of Social Sciences, Lieu Giai, 1, Ba Dinh, Hanoi, Vietnam, hongflower@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0001-8806-6191>

Информация об авторе

Луонг Тхи Хонг, PhD (История), Институт истории, Вьетнамская академия социальных наук, Лиу-Гияй, 1, Бадинь, г. Ханой, Вьетнам, hongflower@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0001-8806-6191>



DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2024.3.15>

UDC 327.5
LBC 66.4

Submitted: 01.09.2023
Accepted: 15.01.2024

THE TRANSFORMATION OF THE SYSTEM OF NATO's CONVENTIONAL FORCES GROUPINGS

Philipp O. Trunov

Institute of Scientific Information for Social Sciences of the Russian Academy of Sciences,
Moscow, Russian Federation

Abstract. *Introduction.* The deterrence by Western democracies of key opponents, first of all Russia, includes the rapid and scaled increase of NATO's power. The basis of the Alliance's potential consists of a modernized and strengthened system of military groupings. *Methods and materials.* In some scientific papers, there was a perception of NATO as more inertial than the EU. But the contemporary evolution of the Alliance is rather dynamic. The goal of the article is to explore the transformation of conventional NATO's groupings using the theory of armed forces building. The author explores the conceptual level of NATO's development, but key attention is paid to the practical one. *Analysis and results.* The elder system of NATO's military groupings during the former Cold War had as the key element the 1st strategic echelon of troops with its, in fact, unadvanced multilateralism of forces. Since the 2000s, a new system of military groupings has been established. It consists of the Forward Presence Force as the vanguards of the more powerful NATO Response Force (NRF), which was the 2nd strategic echelon of troops. The article explores qualitative and quantitative changes in the military groupings in 2014–2023 in the context of confrontation with the Russian Federation, and the creation of the New NATO Force Model on the basis of NRF (since 2022). The system of NATO's military groupings of the 21st century is organizationally an example of already advanced multilateralism. *Conclusion.* The evolution of NATO's groupings has confirmed the role of the Alliance as an actor in the development of confrontations. The new system of military groupings, developed in 2014–2023, should be more powerful than the one during the former Cold War. The author stresses the regularity of the modernization of the conventional groupings of NATO.

Key words: North Atlantic Alliance, confrontation, deterrence, USA, European member states, Forward Presence Force, NATO Response Force, New NATO Force Model.

Citation. Trunov Ph.O. The Transformation of the System of NATO's Conventional Forces Groupings. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 4. Istoriya. Regionovedenie. Mezhdunarodnye otnosheniya* [Science Journal of Volgograd State University. History. Area Studies. International Relations], 2024, vol. 29, no. 3, pp. 175–188. (in Russian). DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2024.3.15>

УДК 327.5
ББК 66.4

Дата поступления статьи: 01.09.2023
Дата принятия статьи: 15.01.2024

ТРАНСФОРМАЦИЯ СИСТЕМЫ ГРУППИРОВОК КОНВЕНЦИОНАЛЬНЫХ СИЛ НАТО

Филипп Олегович Трунов

Институт научной информации по общественным наукам РАН, г. Москва, Российская Федерация

Аннотация. *Введение.* Процесс выстраивания «западными демократиями» системы «сдерживания» оппонентов, особенно РФ, значимой частью имел ускоренное наделение НАТО большой дополнительной мощностью. Основу потенциала Альянса составляла модернизируемая качественно и наращиваемая система группировок. *Методы и материалы.* Для ряда исследований было характерно восприятие НАТО как более инерционной, чем ЕС, структуры. Но современные реалии показывают динамичность эволюции Альянса. Задача статьи – изучение эволюции конвенциональных (неядерных) группировок блока с опорой на теорию строительства вооруженных сил. Автор статьи обращается к концептуальному уровню, однако подчеркивает первоочередную важность изучения практического среза деятельности Альянса для решения задачи. *Анализ и результаты.* Раскрывается система группировок ОВС НАТО в предшествующую холодную войну: придание предельной мощи I эшелону войск, особенно на территории ФРГ, а также на деле непродвинутая многосторонность сил. С 2000-х гг. стала создаваться новая система из сил передового развертывания (I эшелон) как авангардов основного II эшелона – сил быстрого реагирования (СБР). Прослеживаются качественные и количественные изменения этих группировок в 2014–2023 гг. в условиях конфронтации с РФ, создание на основе СБР новой модели войск НАТО (с 2022 г.). Система группировок блока в XXI в. представляла пример уже продвинутой многосторонности в плане организации. *Заключение.* Развитие военного потенциала подтвердило «заточенность» НАТО как структуры под использование при выстраивании конфронтаций. В своей эволюции система группировок блока, активно создаваемая в 2014–2023 гг., должна превзойти по мощи таковую в предыдущую холодную войну. Подчеркивается планомерность модернизации группировок конвенциональных сил Альянса.

Ключевые слова: Североатлантический альянс, конфронтация, «сдерживание», США, европейские государства-члены, силы передового развертывания, силы быстрого реагирования, новая модель войск НАТО.

Цитирование. Трунов Ф. О. Трансформация системы группировок конвенциональных сил НАТО // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 4, История. Регионоведение. Международные отношения. – 2024. – Т. 29, № 3. – С. 175–188. – DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2024.3.15>

Введение. Из числа евроатлантических институтов НАТО остается крупнейшим носителем военной мощи «коллективного» Запада. Так, проект «европейской армии» (многосторонних военных сил в подчинении ЕС) продолжает реализовываться достаточно медленно [10; 11]. Напротив, очень быстро выполняются многочисленные решения по расширению географии развертывания и увеличению сил передового развертывания НАТО (*Forward Presence Force, FP*) [29], наращиванию сил быстрого реагирования (*NATO Response Force, NRF*) [28], их реорганизации с 2022–2023 гг. в намного более мощную новую модель войск НАТО (*New NATO Force Model, NTFM*) [14; 30; 33]. Все они представляют постоянные (постоянно действующие) группировки, которые составляют «ядро» объединенных вооруженных сил (ОВС) НАТО.

Методы и материалы. *Задача* статьи – исследование эволюции системы группировок конвенциональных (неядерных) сил в подчинении НАТО как организации. Логика работы потребовала обращения ко всему периоду существования Альянса. Однако наиболее пристальное внимание сосредоточено на периоде с середины 2010-х гг. – времени наиболее

масштабных изменений в развитии группировок блока. Автор отнюдь не умаляет политическую и военную значимость оружия массового уничтожения (ОМУ). Однако на практике существенная часть нагрузки продолжает лежать именно на конвенциональных (обычных; неядерных) силах: эта тенденция в полной мере относится и к Североатлантическому альянсу.

Современная траектория развития НАТО закономерно задается во многом с учетом опыта предыдущей холодной войны. Тогда само возникновение Альянса, совершенствование его возможностей происходило не просто под предлогом противодействия «советской угрозе», но педалирования восприятия *конвенциональной* мощи СССР, его государств-союзников по Организации Варшавского договора (ОВД) как количественно *намного большей*, чем имела у самих «западных демократий» в Европе [4; 9; 19]. В данном контексте разрабатывались и претворялись на практике масштабные меры, обозначаемые как *асимметричные* и *симметричные* ответы.

Наиболее значимая такая мера из первой группы – динамичное развитие США своего ядерного арсенала и средств его достав-

ки с размещением части этих вооружений в самой Европе. Соединенные Штаты создали и испытали атомное оружие до начала холодной войны, а в дальнейшем, особенно до осознания эффекта «ядерной зимы» (в 1970-е гг.), разрабатывали наступательные планы по его активному применению против СССР и его союзников, в том числе превентивно. По числу ядерных боеголовок, носителей ОМУ Соединенные Штаты вплоть до середины 1970-х гг. заметно превосходили Советский Союз [4, с. 442]. Данная более чем опасная для существования СССР разница заставляла его искать свои асимметричные ответы [4; 8]: в частности, пойти на скрытое размещение нескольких десятков своих ракет-носителей ЯО на территории Кубы в 1962 г. [1, с. 116–132]. На момент одноименного кризиса Советский Союз имел порядка 300 носителей ОМУ, Соединенные Штаты – 5 тысяч, то есть примерно в 17 раз больше (!) [8, с. 80]. Закономерно, что особенно чувствительной реакция СССР была в ответ на размещение или усиление ядерного потенциала США в неядерных странах-участницах НАТО в Европе.

Другая мера, которая рассматривалась как асимметричный ответ, – создание в государствах-членах НАТО в Европе глубоко законспирированной сети военизированных структур. Они должны были активизироваться в случае перерастания холодной войны в горячую, прежде всего продвижения войск СССР, его союзников по ОВД вглубь зоны ответственности Альянса. Задача данных структур – осуществление диверсионно-подрывной деятельности. Их прообразом рассматривалось движение Сопротивления гитлеровской оккупации [19, р. 12–35]. Данная сеть не может быть отнесена к конвенциональным многосторонним силам НАТО вследствие многих своих признаков. Это неофициальный (тайный) характер функционирования; повстанческий (по факту выстроенный спецслужбами) тип внутренней организации, а не традиционной для регулярных войск; а главное – тактики планируемого использования. По сути, рассматриваемые структуры имели радикальную направленность, во многих случаях террористическую. С учетом фактора поддержки и опеки со стороны властей, силовых ведомств на протяжении десятилетий у

этих структур повышалось осознание самоценности. Как результат, они все более начинали представлять внутреннюю угрозу безопасности для самих стран происхождения [19]. Иллюстрацией стало участие членов одной из таких структур в Турции в убийстве российского летчика со сбитого самолета Су-24 в ноябре 2015 года.

К числу *симметричных* мер Альянса в прошлую холодную войну относилось включение ФРГ в НАТО (1955 г.) в увязке с осуществлением ее ремилитаризации под контролем «западных держав». Создание мощного бундесвера (до 500 тысяч военнослужащих, не считая сил территориальной обороны) позволило заметно увеличить войсковое «наполнение» группировок Альянса в Центральной Европе. Как результат, ОВС НАТО и ОВД в регионе в 1970-е – 1980-е гг. фактически сравнялись по численности [4, с. 486, 490]. Другой шаг – совершенствование многосторонних систем управления, планирования, тактик применения войск в Альянсе с учетом опыта ОВД. Эти вопросы нашли детальное освещение в работе З. Лауча [9, с. 73–130].

Следует также обратить внимание на публикации, которые посвящены различным аспектам развития военной мощи Запада после окончания предшествующей холодной войны. Примечательны работы Д. Миллера и К. Грея о факторе военной силы. Первый автор осмысляет, насколько ее применение соответствует нормам демократии [25, р. 12–25]; второй эксперт указывает на резкое сокращение возможностей по ее использованию по окончании Второй мировой войны [20, р. 4–14]. Оба исследователя подробно останавливаются на феномене более низкого, чем у многих континентальных государств-членов Альянса, порога (условий для) ее применения у США [20, р. 32–45; 25, р. 27–46]. Притом в основном рассматриваются кейсы операций 1990-х – начала 2010-х гг., географически в большинстве проводимые вне зоны ответственности НАТО – прежде всего на Ближнем и Среднем Востоке. Соответственно, такие работы [27] уже вследствие времени публикации не учитывают в принципе или частично влияние фактора конфронтаций между «западными демократиями» и Россией, Китаем, а также Ираном. Еще одно «узкое место» дан-

ных публикаций – слабое освещение особенностей комплектования и развертывания многосторонних миссий НАТО: обычно внимание авторов обращено на стратегии и тактики использования ВС США или других конкретных государств блока.

Растущее внимание уделяется соотношению функционалов НАТО и ЕС в контексте развития военного потенциала последнего. Так, показательна работа Т. Койвулы – исследователя из Финляндии, на момент выхода книги (2016) условно нейтральной страны. Автор весьма оптимистично оценивал перспективы различных небоевых миссий под эгидой ЕС (прежде всего, по реформе сектора безопасности, поддержанию мира, борьбе с пиратством), не исключая полностью и силовых таких. Это вписывалось в эволюцию стратегической культуры объединения, постепенно переставшего быть продуцентом лишь «мягкой силы» [23]. Данная проблематика нашла заметное отражение и в работах отечественных исследователей, из которых следует прежде всего отметить А.С. Сидорова и В.Н. Чернегу. По состоянию на конец 2010-х гг. они дали подробную оценку военно-политических возможностей ЕС в отдалении от Евро-Атлантического сообщества – прежде всего, по борьбе с угрозами нестабильности [10–12]. Однако у развития потенциала ЕС существует ряд ограничителей, едва не ключевой из которых является резкое наращивание мощи группировок НАТО, что не позволяет «западным демократиям», как минимум, на среднесрочную перспективу параллельно выделить достаточные силы для реализации проекта «европейской армии». В целом в исследовательской среде Европейский союз воспринимался как актер, обладающий определенной стратегической новизной в сравнении с Североатлантическим альянсом; НАТО виделась как более инерционная в своем развитии.

Однако в современных условиях выстраивания «западными демократиями» систем «сдерживания» оппонентов Альянс демонстрировал способность к глубоким и притом весьма динамичным внутренним изменениям. Заметный рост исследований по развитию и деятельности Альянса в целом [3; 5; 6] сочетался с все еще достаточно ограниченным вниманием к эволюции группировок блока,

то есть ключевой части его военного инструментария.

Для понимания особенностей данного процесса значимо обращение к концептуальному срезу, который в случае НАТО является многоуровневым. Это, во-первых, основополагающие юридические акты, задающие общие рамочные условия для функционирования Альянса (прежде всего Вашингтонский договор 1949 г., Статут войск НАТО 1951 г.). Будучи разработано еще на стартовых этапах предшествующей конфронтации Запад – Восток, содержание данных документов не подвергалось какой-либо заметной корректировке, что подавалось как свидетельство долгосрочной неизменности общих ценностей и интересов «западных демократий». Во-вторых, это стратегические концепции, ставшие несекретными после окончания предшествующей холодной войны и принимаемые с интервалом в 8–12 лет (1991, 1999, 2010, 2022 гг.). Данный тип документов фиксировал наиболее масштабные изменения в приоритетах развития и функционирования НАТО. В-третьих, это развернутые официальные совместные заявления (коммюнике), принимаемые на саммитах Североатлантического альянса (кроме технических таковых). До конца 2010-х гг. они проводились обычно с интервалом в 2 года, затем став ежегодными. На ряде саммитов, особенно 2022 г. в Мадриде и 2023 г. в Вильнюсе, совместные заявления публиковались еще до последнего дня мероприятия [24; 33]. Это иллюстрировало не только и не столько тщательную предварительную проработку вопросов, но подчеркивало способность «западных демократий» достигать консенсуса по очень широкому спектру вопросов в условиях ужесточения конфронтаций. Многоуровневость концептуальных документов обеспечивает гибкость и оперативность в вопросе обновления доктринальных установок.

Показателен заметный рост внимания в них к эволюции группировок в подчинении Альянса: так, новая модель военных сил блока стала важнейшим приложением к стратегической концепции, принятой на Мадридском саммите 28–30 июня 2022 г. [24; 26; 30]. Комплекс положений по совершенствованию имевшихся, развертыванию новых группировок НАТО располагался в центральной части со-

вместных заявлений по итогам саммитов, начиная с мероприятия в Уэльсе (2014 г.) (см.: [24; 33]). Притом подчеркивалось, особенно в документах 2022–2023 гг., что концепция войсковых механизмов в подчинении НАТО находилась в процессе постоянного совершенствования и уточнения [28; 29].

На доктринальном уровне фиксируются промежуточные результаты наращивания военно-ресурсного потенциала НАТО. Полноценная динамика данного процесса может быть отслежена и понята лишь в случае обращения к практическому срезу. Огромный массив реализуемых здесь шагов требует методологических решений для своего упорядоченного расположения и исследования. В этой связи автор считает необходимым обратиться прежде всего к теории строительства вооруженных сил [7], применив ее не к национальным ВС, а к ОВС НАТО. Теория строительства вооруженных сил рассматривает их как живой, постоянно эволюционирующий механизм; облик его организационно-штатной структуры (ОШС), особенно ее современные изменения, позволяют четко представлять намерения актора, чья «военная машина» исследуется [7]. Для понимания типологизации, военной и политической значимости каждой из постоянных группировок важно обращать внимание не только на декларируемое предназначение, состав, географическое расположение, численность, но и состав комплектующих государств-членов, степень продвинутой организации многосторонних сил.

Анализ. В предшествующую холодную войну наиболее мощным являлся I стратегический эшелон ОВС НАТО. Геостратегически это объяснялось относительной близостью линии размежевания Запада и Востока к центрам ведущих европейских «либеральных демократий». Уже внутри передовой части зоны ответственности НАТО безусловный приоритет при размещении ОВС Альянса отдавался центру – территории Западной Германии, в намного меньшей степени южному (системообразующий элемент из числа государств-членов – Турция) и северному (ключевая роль у Норвегии) флангам.

Крупные контингенты «западных держав» (США, Великобритании, Франции), а также Бельгии, Нидерландов и Канады, дислоци-

рованные в западногерманских землях еще со времени окончания Второй мировой войны, были дополнены созданным после вступления ФРГ в НАТО (1955 г.) мощным бундесвером, что был полностью интегрирован в Альянс. По мере доведения бундесвера до согласованной с союзниками структуры и численности последняя в 1970–1980-е гг. оказалась примерно равна общим размерам союзнических контингентов: каждая из этих составляющих ОВС НАТО насчитывала порядка 0,5 млн военных, то есть суммарно 1,0 млн [18, S. 2]. На флангах Альянса его ОВС в доминирующей степени были представлены войсками национальных ВС соответствующих стран-участниц; на южном они дополнялись контингентами США, на северном – практически нет. Эти особенности предопределили учреждение именно на территории ФРГ сразу двух групп армий НАТО – северной (что отражало лимиты стратегического внимания Альянса по линии ОВС к Северной Европе) и центральной (СГА и ЦГА); на флангах передовой зоны ответственности таковые объединения отсутствовали. Для наиболее активно участвовавших в деятельности ОВС НАТО европейских континентальных государств-членов (Западной Германии, Нидерландов, Бельгии) организационно высшей войсковой единицей стал армейский корпус (АК), для США и Великобритании – полевая армия (ПА; соответственно американская 7-я ПА и британская Рейнская армия на территории ФРГ), включавших 1–2 АК. Сохранение армейских управлений де-факто выступало одной из «визитных карточек» принадлежности к кругу «западных держав» в реалиях биполярного миропорядка. Это было характерно и для Франции, де-юре не участвовавшей в комплектовании ОВС со второй половины 1960-х годов¹. Притом каждый АК по мощи вполне соответствовал полевой армии – подтверждением тому было сведение ОВС НАТО в Западной Германии в группы армий, а не корпусов. Основными «кирпичиками» ОШС ВС указанных государств были дивизия и бригада, составленная из отдельных батальонов, то есть в соответствии с англосаксонской традицией произошел отказ от полкового звена (исключение – Франция).

ОВС Альянса на территории ФРГ считались, в том числе каждая из групп армий,

многонациональными. Однако на деле каждый АК являлся составной частью лишь одних национальных ВС. В такой ситуации многосторонность на практике обеспечивалась «чересполосицей» расположения корпусов различных государств-членов [9]. Наиболее отчетливым это было в случае северной группы армий, которую образовывали по одному корпусу от Нидерландов, Западной Германии (1-й), Великобритании, Бельгии²; в центральной два АК США (5-й, 7-й) располагались в середине, а по флангам – два АК бундесвера (3-й и 2-й) [9, р. 260–263; 31, р. 14]. К каждому соединению прикреплялись миссии связи (до нескольких десятков человек) от соседних таковых, представляя собой один из типов «скреп», которые обеспечивали многосторонность. Другой их вид – в полной мере многонациональные общие штабы (прежде всего, на уровне групп армий, ОВС Альянса в Центральной Европе, НАТО в целом).

В отличие от I стратегического эшелона войск НАТО, который был очень мощным, II таковой был весьма слабым. Так, на западноевропейском направлении большинство первоочередных соединений и частей Великобритании, стран Бенилюкса или были дислоцированы в ФРГ, или подлежали оперативной переброске туда в случае кризиса. Франция с 1966 г. не участвовала в работе военных структур блока, а, следовательно, ее войска могли присоединиться к ОВС Альянса только по отдельному решению правительства. Притом к II эшелону относились контингенты США, размещенные в соответствующих странах-участницах НАТО (прежде всего, Великобритании в Западной Европе и Италии – в Южной Европе). III стратегический эшелон (общий резерв) был представлен соединениями ВС США, которые на постоянной основе дислоцировались в Соединенных Штатах и подлежали переброске в Европу в кризисной ситуации. Притом прежде всего речь шла о перемещении личного состава как такового, так как на местах в Европе (прежде всего, на территории ФРГ) располагались склады с военной техникой и вооружениями, предметами военного снабжения.

В целом США, подтверждая свое положение как ведущей державы НАТО, вносили вклад в функционирование всех стратегичес-

ких эшелонов войск Альянса, но основное внимание уделяли I (передовой) и III (стратегический резерв). Такая схема давала Белому дому возможность не только наращивать силы и тем оказываемое на оппонента давление, но и обеспечивала гибкость в плане использования войск. Последнее положение оказалось особенно востребованным в условиях Второй индокитайской войны 1964–1972 гг., когда США перебросили во Вьетнам большинство формирований армии, сосредоточенных в метрополии, и даже отдельные части из Западной Европы (см.: [32]). Притом Белый дом действовал в национальном статусе, не ставя в принципе вопрос об использовании НАТО. Этот кейс показал особую важность Азиатско-Тихоокеанского региона (АТР) для США даже в условиях фокусирования на ведении лишь одной конфронтации – с СССР и его союзниками по ОВД.

Свертывание холодной войны задало ряд новых рамочных условий для развития группировок ОВС НАТО:

– **перенаправление основного внимания НАТО с деятельности внутри (точнее, вдоль периметра) зоны ответственности на вовне** – прежде всего, на борьбу с угрозами нестабильности (особенно с международным терроризмом) в целом и урегулирование вооруженных конфликтов [27]. В военном отношении наиболее значимой мерой являлось развертывание крупных миссий с многочисленной наземной компонентой. Во второй половине 1990-х – начале 2000-х гг. они были учреждены на Балканах – в Боснии и Косово (после проведения в 1995 г. против Республики Сербской и в 1999 г. против Сербии боевых воздушных операций с задействованием ресурсов и механизма ОВС НАТО), Македонии; с начала 2000-х гг. – в Афганистане. Последнее направление на протяжении двух десятилетий (2002–2021 гг.) оставалось крупнейшим для использования потенциала НАТО, то есть прежде всего ее ОВС, в отдалении от зоны ответственности. Для обеспечения мер по миротворчеству и поддержанию мира, а также содействию обучению сил безопасности в стране происхождения конфликта, развертывались многонациональные группировки НАТО с разбивкой их по секторам ответственности (обычно по сторонам света,

возможностью выделения отдельного столичного) [31, р. 67, 73, 81]. В каждом из них одна из стран-участниц принимала на себя функции «рамочного государства», то есть играла направляющую роль в работе многонационального штаба и предоставляла наибольший по численности контингент в состав многосторонней группировки. Соответственно, она становилась таковой в полном смысле этого эпитета. В Боснии и Косово в каждом из секторов было изначально развернуто по 1–2 бригаде, притом уже в конце 1990-х гг. последовали заметные сокращения, а с 2000-х гг. основным «кирпичом» многонациональных группировок стали отдельные батальоны. В Афганистане на протяжении большей части функционирования миссии *ISAF* (под командованием НАТО с 2003 г.; отрезок до вывода основных сил – 2003–2012 гг.) шло постепенно наращивание сил каждого регионального командования до одной или нескольких бригад [22];

– **продолжительные (с 1990-х по середину 2010-х гг.) и масштабные сокращения всех основных параметров национальных ВС и тем ОВС НАТО**, – численности личного состава, единиц вооружений и военной техники, объемов запасов предметов военного снабжения. Так, на 1989 г. в ВС европейских стран-участниц НАТО насчитывалось 3 532 тысячи военнослужащих [17, р. 7–8], в 2014 г. – 1 825 тысяч солдат и офицеров (рассчитано по: [15, р. 12]), то есть более чем в 1,9 раза меньше. На данном временном отрезке (1989–2015 гг.) численность ВС США сократилась с 2 241 до 1 338 тысяч человек (почти в 1,7 раза), крупнейших ВС в зоне прежнего I стратегического эшелона: ФРГ – с 503 до 178 тысяч (в 2,8 раза), Турции – с 780 до 427 тысяч солдат и офицеров (в 1,8 раза) [15, р. 12; 17, р. 7–8]. Соответственно, в «военных машинах» государств-членов НАТО резко уменьшилось и число войсковых единиц: шел поэтапный процесс расформирования большинства управлений корпусов, существенной части (до половины и более в зависимости от конкретных ВС) дивизий. Заметно сократившиеся в числе бригады превратились в основной «кирпич» вооруженных сил. Все это вело к уменьшению численности ОВС НАТО, требуя глубокой модернизации ее ОШС;

– **поэтапное существенное (на многие сотни км) смещение границы зоны ответственности НАТО в Европе на восток** в результате расширения Альянса. Результатом вхождения в его состав массива государств Восточной Европы, стран Балтии (в 1999–2007 гг.) стало приближение блока вплотную к границам западной части постсоветского пространства. Это сочеталось с фактическим упразднением I стратегического эшелона ОВС в его прежней конфигурации. Данный процесс стартовал уже с начала 1990-х гг., набрав повышенную скорость и став подходить к завершению в середине 1990-х годов. Он был тесно связан с выводом группировки российских (советских) войск из новых земель ФРГ, то есть бывшей ГДР, что было осуществлено к осени 1994 г. и во многом рассматривалось государствами-членами НАТО как фактическое окончание военного измерения холодной войны. Сокращения бундесвера, частичный вывод союзнических контингентов (в случае Канады – полный) с территории ФРГ сочетались с поиском новых форм сохранения здесь многостороннего присутствия государств-членов НАТО. В 1993–1995 гг. было создано несколько двух- и трехсторонних корпусов (германо-американский, американо-германский, франко-германо-бельгийский, германо-нидерландский). Корпус получал примерно равный объем сил и средств (обычно по одной дивизии) от каждой страны-участницы [13, S. 33–39]. Большинство соединений и частей многосторонних корпусов продолжали оставаться односторонними; в двух корпусах с совместным участием ФРГ и США штабы также оставались односторонними: управление («большое») корпуса комплектовалось персоналом ведущей страны-участницы, с которой кооперировался дивизионный («малый») штаб другой. Тем самым на более низком организационно уровне (корпуса, а не группы армий) воспроизводилась схема построения многонациональных ОВС НАТО 1950–1980-х годов. Показательно, что оба корпуса с совместным участием США и ФРГ были расформированы уже к началу XXI века. Однако появились растущие по числу исключения из данного правила. Действительно, многосторонними стали франко-германская бригада, штаб франко-германо-бельгийского

(вскоре ставший Еврокорпусом) и особенно германо-нидерландского корпусов [13, S. 33–39]. С одной стороны, по линии войсковых единиц официальным Бонну / Берлину и Амстердаму потребовалось намного большее время для создания военных формирований совместного комплектования: их учреждение стартовало лишь с середины 2010-х гг. (в 2014, 2016 и 2023 гг. в состав каждой из трех действовавших дивизий бундсвера было включено по одной бригаде нидерландских войск [21]). С другой – опыт по созданию управления двустороннего корпуса с сохранением его подчиненности ОВС НАТО оказался весьма востребованным при создании многонациональных управлений: в частности, германо-польско-датского корпуса (1999 г.), в 2015 г. ставшего «ядром» для штаба корпуса «Северо-Восток» СПР.

В 1990-е – начале 2010-х гг. происходило уменьшение ОВС НАТО в целом и особенно постоянных группировок в их составе. Помимо сокращений национальных ВС это также объяснялось росшими объемами их использования под эгидой других (помимо Альянса) международных структур: национальной (что было особенно характерно для США, Великобритании, отчасти Франции), ООН, Европейского союза и даже Африканского союза (в данном случае наиболее иллюстративен кейс ФРГ). Соответствующие миссии во многом формировались из подразделений, которые выделялись соединениями и частями, что находились (точнее, числились) в составе ОВС НАТО. Такая практика, несколько позднее получив наименование единого подхода для использования войск (*single set of forces*), становилась все более распространенной по мере сокращения национальных «военных машин», особенно в случае «старых» (вступивших в НАТО до 1990 г.) государств-членов. Иными словами, возникал растущий разрыв между увеличением спектра задач и уменьшением числа войсковых единиц для их решения. Частью более общей тенденции стало сокращение военного присутствия США в Европе: с 315,2 тысяч военнослужащих в 1989 г. до 105,9 тысяч в 2002 г., 65,9 тысяч солдат и офицеров в 2010 г., оставаясь примерно на этом уровне до начала 2020-х гг. [32]. Военно-стратегическое внимание оказалось обращено при администра-

ции Дж. Буша-младшего на Ближний и Средний Восток, а при Б. Обаме стало перемещаться в АТР. В данной связи сокращавшаяся группировка в Европе использовалась как крупный оперативный резерв для действий на других направлениях, а базы США здесь (прежде всего, в ФРГ) использовались как хабы. В отношении самих себя Соединенные Штаты стремились резко уменьшать в абсолютном и особенно удельном отношении свой до этого большой вклад в функционирование блока, одновременно сохраняя направляющую роль в определении контуров развития Альянса, в том числе характера и состава его группировок. Одновременно Белый дом стимулировал европейские государства-члены к принятию большей практической нагрузки по «европеизации» НАТО, в том числе в плане комплектования его группировок в увязке с воссозданием их системы в обновленных формах.

Такой подход встречал в целом положительную реакцию европейских «западных демократий», в том числе «старых» стран-участниц НАТО, многие из которых (прежде всего, Германия) рассматривали увеличение своего удельного веса в функционировании блока и создание профильного потенциала ЕС двумя составляющими единого процесса. Так, это отчетливо проявилось в принятии формулы «Берлин +» (2002 г.), которая на длительную перспективу определила особенности сотрудничества двух ключевых евро-атлантических институтов в сфере безопасности и обороны, решений 2002–2003 гг. о создании сил быстрого реагирования НАТО, 2004 г. – первых элементов (военно-морских и воздушных) нового I стратегического эшелона НАТО в Восточной Европе (в последующем получившего название СПР) [28; 29].

Данные шаги привели к созданию системы постоянных группировок как вновь наращиваемого «ядра» ОВС НАТО, которые отличались от таковых времен предшествующей холодной войны не только в количественном, но, главное, *качественном* отношении.

Хронологически в каждом случае старт нового этапа в развитии группировок ОВС НАТО отделял от начала предыдущего отрезок в 7–10 лет. Фактическое упразднение прежнего I стратегического эшелона НАТО произошло в 1994–1995 гг., принятие решений

о создании СБР и первых элементов СПР – в 2003–2004 гг., комплекс мер по наращиванию *NRF* и развертыванию наземной составляющей *FP* – 2014–2016 гг., дальнейшее мощное усиление последней и создание огромной *NNFM* – в 2022–2023 годах. Это составляло около половины времени от одного поколения людей (20 лет): столько требовалось для осмысления целесообразности и подготовки на уровне Альянса стран-участниц шагов по созданию новых войсковых механизмов в составе ОВС НАТО.

Географически сетка группировок постепенно покрыла всю территорию зоны ответственности НАТО в Европе. *NRF*, представляя «ядро» основных сил ОВС Альянса, в основном располагались в глубине его зоны ответственности, то есть являли ключевой элемент войск II стратегического эшелона (сил в глубине зоны ответственности блока в Европе). *FP* развертывались в массиве восточноевропейских стран-участниц Альянса (сначала на морях, с 2016–2017 гг. в северной части Восточной Европы и в последующем, с 2022 г., уже на юге региона [29]). Наконец, *NNFM* стали увеличенным и качественно перестроенным вариантом *NRF* [28; 30], а за *FP* окончательно утвердилась роль усиленных авангардов [29].

Существовало два основных вида ротационного комплектования постоянных группировок. **Первый тип** – это временная передача от национальных ВС в состав группировок НАТО конкретного соединения целиком или большей его части. Примеры этого – функционирование «ядра» наземного формирования сил сверхповышенной боевой готовности (*Very High Readiness Joint Task Force, VJTF*) СБР: соответствующую роль брала на себя бригада наземных войск одной из крупнейших стран-участниц НАТО, кроме США (от Великобритании, Германии, Испании, Италии, Польши, Турции, Франции) [28]. Другой пример – это функционирование «тяжелой» (с 2017 г.; в Польше и странах Балтии) и «легкой» (с 2022 г., в Болгарии, Венгрии, Словакии, Румынии) бригад США в составе СПР: каждые 9 месяцев эту роль посменно принимали на себя одна из бронетанковых (бронекавалерийских) и пехотных, воздушно-десантных бригад ВС США соответственно [16].

Второй тип – это посменная (временная) передача в состав формирований НАТО личного состава, вооружений и военной техники от частей и соединений национальных ВС. Тем самым создавались войсковые единицы под командованием Альянса, притом упразднению³ не подвергалась ни одна из задействованных односторонних бригад и нижестоящих формирований. Их ослабление было временным и некритическим в каждом конкретном случае: обычно изымалось до 10 % (к середине 2020-х гг. – до 15–20 %) от состава на полгода. В результате при том же количестве войск возникали дополнительные войсковые единицы. По такому принципу комплектовались все наземные боевые группы СПР НАТО (то есть не включая бригады США), оперативные военно-морские группы и миссии по патрулированию воздушного пространства [29].

Логично, что первый тип комплектования означал сохранение «ядра» или всей войсковой единицы в подчинении НАТО односторонней, второй делал ее многосторонней, притом это была продвинутой многосторонностью и обычно с участием достаточно широкого состава (обычно 4–10) государств-членов.

Особенностями участия конкретных национальных ВС в функционировании создаваемой сети группировок НАТО являлось первоочередное, максимально широкое вовлечение в данный процесс «военных машин» «старых» европейских континентальных государств-членов блока. Так, они вносили преобладающий в удельном весе вклад в комплектование *NRF* (иногда до 80–90 %), многосторонних боевых групп *FP*, вновь создаваемой (с 2022 г.) *NNFM* [14]. Чем это было обусловлено? В отличие от предшествующей холодной войны, в современных реалиях «западные демократии» участвовали сразу в двух параллельно развивавшихся конфронтациях – с Россией и Китаем [26]. В такой ситуации возникло следующее разделение военно-стратегической ответственности между США и европейскими государствами-членами НАТО: Белый дом направлял основные усилия своих ВС, в том числе армии, на «сдерживание» КНР, а партнеры в Европе – на противодействие РФ. Показательно, что накануне и на

фоне начала вынужденной СВО России военное присутствие США в Европе выросло с 80 до 100 тысяч военнослужащих [16], что составляло лишь 7,5 % от общей численности ВС (рассчитано по: [15; 16]), а затем стало снижаться.

Восточноевропейские страны-участницы НАТО, особенно Польша, республики Балтии и Румыния, проявляли повышенную заинтересованность в размещении у себя контингентов под эгидой Альянса – СПР и временно (на время конкретных учений) отдельных компонент СБР. Однако сами эти игроки предпочитали использовать большинство формирований своих национальных ВС де-юре вне данных группировок, тем обеспечивая существенную гибкость. Притом на практике наблюдалось тесное сотрудничество этих двух категорий войск – прежде всего, между соединениями и частями государства-реципиента и размещенными вблизи них таковыми СПР НАТО (см.: [29]).

Организационно система постоянных группировок ОВС НАТО во втором полугодии 2023 г. находилась в состоянии ускоренного приближения к перспективному облику.

Силы передового развертывания имели в своем составе военно-морскую (по одной оперативной морской и контрминной группе в акваториях к югу и северу от Восточной Европы), военно-воздушную (миссии по пат-

рулированию воздушного пространства Балтии, Румынии и стран-участниц НАТО в Восточной Европе в целом) и наземную составляющие. Войсковым «кирпичом» последней с 2022 г. постепенно становится уже не батальонная тактическая группа, но бригада. Соответствующее увеличение уже стартовало в случае многосторонних боевых групп СПР в Литве и Польше [29], в последующем может затронуть все или почти все данные механизмы. Как следует из таблицы, преобладающую часть нагрузки (за исключением боевой группы в Польше) вносили европейские страны-участницы; параллельно в составе СПР функционировали две бригады США – «тяжелая» (в странах северной части Восточной Европы) и «средняя» (в южной таковой) с перспективой добавления еще одной «тяжелой». Многосторонние батальонные и бригадные группы постепенно переходят под управление многонациональных же штабов дивизий и корпуса «Северо-Восток» СПР; бригады США – вновь развернутого в регионе штаба их 5-го АК [16]. Уровень учрежденных штабов подтверждает тенденцию дальнейшего роста СПР Альянса; на июль 2023 г. их численность составляла уже порядка 30 тысяч военнослужащих [2].

Силы быстрого реагирования были увеличены до 40 тысяч (с прежних 13 тысяч) с созданием *VJTF* еще в 2014 г. [28]. В ходе

Структура наземной компоненты многосторонних формирований СПР НАТО (на июль 2023 г.)

The structure of the land component of multilateral units of NATO's Forward Presence Force (as of July 2023)

Государство-реципиент	Подчинение дивизии СПР	«Рамочное государство»	Остальные государства-комплектаторы
Эстония	«Север»	Великобритания	Дания, Исландия, Франция
Латвия	«Север»	Канада	Албания, Дания, Исландия, Испания, Италия, Польша, Северная Македония, Словакия, Словения, Черногория, Чехия
Литва	«Северо-Восток»	Германия	Бельгия, Люксембург, Нидерланды, Норвегия, США, Хорватия, Чехия
Польша	«Северо-Восток»	США	Великобритания, Румыния, Хорватия
Словакия	«Центр»	Чехия	Германия, Словения, США
Венгрия	«Центр»	Венгрия	Италия, США, Турция, Хорватия
Румыния	«Юго-Восток»	Франция	Бельгия, Люксембург, Нидерланды, Польша, Португалия, США
Болгария	«Юго-Восток»	Италия	Албания, Греция, Северная Македония, США, Турция, Черногория

Примечание. Составлено по: [29].

последующего 8-летнего цикла роль «рамочного государства» при комплектовании соединения сверхповышенной боевой готовности дважды принимала Германия (в 2015 и 2019 гг.), по одному разу – Испания (2016 г.), Великобритания (2017 г.), Италия (2018 г.), а также Польша (2020 г.), Франция (2021 г.), Турция (2022 г.) (см.: [28]).

На Мадридском саммите Альянса было принято решение о создании на основе СБР двух первых категорий *новой модели войск* НАТО: первой (100 тысяч военнослужащих) – со сроком приведения в состояние полной боевой готовности 10 дней, второй (200 тысяч солдат и офицеров) – до месяца [30]. Эти войска развертывались с использованием формирований национальных ВС, ранее задействованных в составе *VJTF* (для первой категории новой модели войск) и *NRF* в целом. При этом обе последних группировки де-факто продолжали функционировать: так, в рамках нового цикла роль «рамочного государства» для *VJTF* приняла Германия [28]. Кроме того, учреждалась и третья категория войск новой модели войск НАТО – численностью в 500 тысяч военнослужащих, сроком приведения в готовность до полугода [30]. Тем самым в подчинение Альянса передавались войсковые силы размером в 0,8 млн военных.

Результаты. Ход эволюции группировок конвенциональных сил НАТО подтвердил, что Альянс являлся прежде всего структурой, «заточенной» под использование в ходе выстраивания конфронтаций с оппонентами. Развитие рассмотренных механизмов проходило почти беспрерывно – уже с начала XXI в. стартовало создание новой их сети. Данный факт являлся косвенным подтверждением тщательно планируемой и заранее осуществляемой подготовки «западных демократий» к будущему, ставшему реальностью с 2014 г., «сдерживанию» РФ и в целом влиятельных игроков вне своего сообщества. Вновь создаваемые и наращиваемые группировки заметно отличались от предшественниц в качественном плане, особенно в деле имплементации принципа мультилатерализма в процессе строительства вооруженных сил: они являли пример войсковых механизмов продвинутой многосторонности. Соответствующий опыт был наработан при развертывании миссий

НАТО на Балканах и Афганистане, чей состав все время изменялся, и перенесен уже на постоянные группировки внутри зоны ответственности Альянса.

Если в предшествующую холодную войну наиболее мощными по составу являлись группировки I стратегического эшелона ОВС НАТО, то в реалиях современных конфронтаций – уже II такового. Данное положение позволяло отрабатывать удары из глубины, обеспечивая быстрое и резкое изменение соотношения сил на избранных направлениях. Политически это объяснялось резко возросшим в удельном отношении, ставшим уже определяющим, вкладом «старых» европейских государств-членов НАТО в комплектование всей системы ОВС Альянса. США стремились сохранить за собой общее стратегическое руководство, но в войсковом отношении вносили заметный вклад лишь в комплектование СПР, и в целом сосредоточились прежде всего на «сдерживании» КНР. Следует ожидать сохранение первоочередной направленности НАТО на противодействие России, однако вероятно определенная вовлеченность Альянса и в конфронтацию с Китаем.

В 2022–2023 гг. была четко сформулирована перспективная модель группировок ОВС НАТО. С учетом сокращения численности национальных ВС по сравнению с концом 1980-х гг., их достаточно медленным ростом [15, р. 12], это делало потенциал группировок Альянса количественно бульшим, чем он был в предшествующую холодную войну, притом несоизмеримо лучше организованным в плане обеспечения многосторонности и содержащим относительно ограниченный вклад США.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ В 1966 г. Пятая республика вышла из военных структур НАТО, вернувшись в 2009 году.

² Все даны в своем расположении с севера на юг.

³ В данном случае речь не идет о расформировании соединения или части, когда решение об этом принималось на национальном уровне (прежде всего, из-за продолжавшихся сокращений численности личного состава ВС конкретной страны-участницы НАТО).

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Аллисон Г., Зеликов Ф. Квинтэссенция решения. На примере Карибского кризиса. М.: URSS, 2011. 528 с.
2. В Национальном центре управления обороной состоялось заседание Коллегии Минобороны России. 09.08.2023. URL: https://function.mil.ru/news_page/country/more.htm?id=12475342@egNews#txt
3. Данилов Д. А. Глобальные горизонты атлантического Альянса: «вакцина» Байдена // Современная Европа. 2021. № 5. С. 19–31. DOI: 10.15211/soveurope520211931
4. Золотарев В. А., Путилин Б. Г., Серегин В. И., Серегин В. П. Организация Варшавского договора. 1955–1991. История. Стратегия. Политика. М.: Кучково поле, 2023. 576 с.
5. Иванов О. П. Трансформация НАТО: от потепления климата до замерзания в политике // Обозреватель. 2022. № 11–12. С. 5–16. DOI: 10.48137/2074-2975_2022_11-12_5
6. Истомин И. А. Управление обязательствами в асимметричных альянсах // Международные процессы. 2021. № 1. С. 26–55. DOI: 10.17994/IT.2021.19.1.64.1
7. История военной стратегии России / под ред. ген.-майора В. А. Золотарева. М.: Кучково поле, 2000. 592 с.
8. Корниенко Г. М. «Холодная война». Свидетельство ее участника. М.: Междунар. отношения, 1994. 288 с.
9. Лауч З. Основы оперативного мышления НАТО. М.: Аквариус, 2022. 265 с.
10. Манойло А. В. Современные подходы Европейского союза к созданию собственных вооруженных сил // Актуальные проблемы Европы. 2020. № 4. С. 75–94. DOI: 10.31249/ape/2020.04.04
11. Сидоров А. С. «Европейская оборона» через призму французских интересов и возможностей // Актуальные проблемы Европы. 2020. № 4. С. 137–169. DOI: 10.31249/ape/2020.04.07
12. Чернега В. Н. Подходы к созданию «европейской обороны» во Франции // Актуальные проблемы Европы. 2020. № 4. С. 114–136. DOI: 10.31249/ape/2020.04.06
13. Armee der Einheit 1990–2000. Bonn: Bundesministerium der Verteidigung, 2000. 48 S.
14. Biscop S. The New Force Model: NATO's European Army? // Egmont Policy Brief. 2022. № 285. September. 6 p.
15. Defence Expenditure of NATO Countries (2014–2023). 07.07.2023. Brussels, NATO, 2023. 16 p. URL: https://www.nato.int/cps/ru/natohq/news_216897.htm?selectedLocale=en
16. Fact Sheet – U.S. Defense Contributions to Europe. 29.06.2022. URL: <https://www.defense.gov/News/Releases/Release/Article/3078056/fact-sheet-us-defense-contributions-to-europe/>
17. Financial and Economic Data Relating to NATO Defence. Press Release M-DPC-2 (92)100. Brussels, NATO, 1992. 8 p. URL: https://www.nato.int/nato_static_fl2014/assets/pdf/pdf_1992_12/20100827_1992-100.pdf
18. Fleckenstein B. Fremde Truppen im Vereinigten Deutschland – Gegenwärtige Situation und künftige Aussichten // SOWI-Arbeitspapier. 1990. № 44. 12 S.
19. Ganser D. NATO's Secret Armies – Operation Gladio and Terrorism in Western Europe. London: Routledge, 2005. 336 p.
20. Gray C. S. Hard Power and Soft Power: The Utility of Military Force as an Instrument of Policy in the 21st Century. Carlisle: Strategic Studies Institute, 2011. 73 p.
21. Heer. 2023. URL: <https://www.bundeswehr.de/de/organisation/heer>
22. ISAF Mission in Afghanistan (2001–2014). 2022. URL: https://www.nato.int/cps/en/natolive/topics_69366.htm
23. Koivula T. The European Union and the Use of Military Force. London: Routledge, 2016. 158 p.
24. Madrid Summit Declaration. 29.06.2022. URL: https://www.nato.int/cps/en/natohq/official_texts_196951.htm
25. Miller D. Military Force (Dilemmas in Democracy). London: Cavendish Square, 2019. 80 p.
26. NATO 2022 Strategic Concept. Adopted by Heads of State and Government at the NATO Summit in Madrid 29 June 2022. Brussels, NATO HQ, 2022. 13 p.
27. NATO and European Security: Alliance Politics from the End of the Cold War to the Age of Terrorism / eds.: A. Moens, L. J. Cohen, A. G. Sens. London: Praeger, 2003. 216 p.
28. NATO Response Force. 2023. URL: https://www.nato.int/cps/en/natolive/topics_49755.htm
29. NATO's Military Presence in the East of the Alliance. 2023. URL: https://www.nato.int/cps/en/natohq/topics_136388.htm
30. New NATO Force Model. 08.07.2022. URL: https://www.nato.int/nato_static_fl2014/assets/pdf/2022/6/pdf/220629-infographic-new-nato-force-model.pdf
31. The Bundeswehr on Operations. Berlin: Federal Ministry of Defense, 2009. 120 p.
32. The US Military Presence in Europe has been Declining for 30 Years – the Current Crisis in Ukraine May Reverse that Trend. 25.01.2022. URL: <https://theconversation.com/the-us-military-presence-in-europe-has-been-declining-for-30-years-the-current-crisis-in-ukraine-may-reverse-that-trend-175595>
33. Vilnius Summit Communiqué. 11.07.2023. URL: https://www.nato.int/cps/en/natohq/official_texts_217320.htm?selectedLocale=en

REFERENCES

1. Allison G., Zelikov Ph. *Kvintjessencija reshenija. Na primere Karibskogo krizisa* [Essence of Decision. Explaining the Cuban Missile Crisis]. Moscow, URSS, 2011. 528 p.
2. *V Natsionalnom tsentre upravleniya oboronoj sostoyalos zasedanie Kollegii Minoborony Rossii* [A Meeting of the Collegium of the Ministry of Defense of Russia Was Held at the National Defense Control Center], Aug. 9, 2023. URL: https://function.mil.ru/news_page/country/more.htm?id=12475342@egNews#txt
3. Danilov D.A. Globalnye gorizonty atlanticheskogo Alyansa: «vaktšina» Baidena [Global Horizons of the Atlantic Alliance: The Biden “Vaccine”]. *Sovremennaya Evropa* [Contemporary Europe], 2021, no. 5, pp. 19-31. DOI: 10.15211/soveurope520211931
4. Zolotarev V.A., Putilin B.G., Seregin V.I., Seregin V.P. *Organizacija Varshavskogo dogovora. 1955–1991. Istorija. Strategija. Politika* [Organization of the Warsaw Pact. 1955–1991. Story. Strategy. Policy]. Moscow, Kuchkovo pole Publ., 2023. 576 p.
5. Ivanov O.P. Transformatsiya NATO: ot potepleniya klimata do zamerzaniya v politike [NATO Transformation: From Climate Warming to Freezing in Politic]. *Obozrevatel* [Observer], 2022, no. 11-12, pp. 5-16. DOI: 10.48137/2074-2975_2022_11-12_5
6. Istomin I.A. Upravlenie obyazatelstvami v asimmetrichnykh alyansakh [Management of Security Commitments in Asymmetric Alliances]. *Mezhdunarodnye protsessy* [International Trends], 2021, no. 1, pp. 26-55. DOI: 10.17994/IT.2021.19.1.64.1
7. Major General V.A. Zolotarev, ed. *Istoriya voennoi strategii Rossii* [The History of Military Strategy of Russia]. Moscow, Kuchkovo pole Publ., 2000. 592 p.
8. Kornienko G.M. «Holodnaja vojna». *Svidetelstvo ego uchastnika* [“Cold War”. Evidence of Memory of Its Participant]. Moscow, Mezhdunar. otnosheniya Publ., 1994. 288 p.
9. Lauch Z. *Osnovy operativnogo myshleniya NATO* [Fundamentals of NATO Operational Thinking]. Moscow, Akvarius Publ., 2022. 265 p.
10. Manoilo A.V. Sovremennye podkhody Evropeiskogo soyuza k sozdaniyu sobstvennykh vooruzhennykh sil [Modern Approaches of the European Union to Creating Own Armed Its Forces]. *Aktualnye problemy Evropy* [Current Problems of Europe], 2020, no. 4, pp. 75-94. DOI: 10.31249/ape/2020.04.04
11. Sidorov A.S. «Evropeiskaya oborona» cherez prizmu frantsuzskikh interesov i vozmozhnostei [European Defence Through the Prism of France’s Interests and Capabilities]. *Aktualnye problemy Evropy* [Current Problems of Europe], 2020, no. 4, pp. 137-169. DOI: 10.31249/ape/2020.04.07
12. Chernega V.N. Podhody k sozdaniyu «evropejskoj oborony» vo Francii [Various Approaches to Building of “European Defence” in France]. *Aktualnye problem Evropy* [Current Problems of Europe], 2020, no. 4, pp. 114-136. DOI: 10.31249/ape/2020.04.06
13. *Armee der Einheit 1990–2000*. Bonn, Bundesministerium der Verteidigung, 2000. 48 S.
14. Biscop S. The New Force Model: NATO’s European Army? *Egmont Policy Brief*, 2022, no. 285, September. 6 p.
15. *Defence Expenditure of NATO Countries (2014–2023)*. 07.07.2023. Brussels, NATO, 2023. 16 p. URL: https://www.nato.int/cps/ru/natohq/news_216897.htm?selectedLocale=en
16. *Fact Sheet – U.S. Defense Contributions to Europe*. 29.06.2022. URL: <https://www.defense.gov/News/Releases/Release/Article/3078056/fact-sheet-us-defense-contributions-to-europe/>
17. *Financial and Economic Data Relating to NATO Defence. Press Release M-DPC-2 (92)100*. Brussels, NATO, 1992. 8 p. URL: https://www.nato.int/nato_static_fl2014/assets/pdf/pdf_1992_12/20100827_1992-100.pdf
18. Fleckenstein B. Fremde Truppen im Vereinigten Deutschland – Gegenwärtige Situation und künftige Aussichten. *SOWI-Arbeitspapier*, 1990, no. 44. 12 S.
19. Ganser D. *NATO’s Secret Armies – Operation Gladio and Terrorism in Western Europe*. London, Routledge, 2005. 336 p.
20. Gray C.S. *Hard Power and Soft Power: The Utility of Military Force as an Instrument of Policy in the 21st Century*. Carlisle, Strategic Studies Institute, 2011. 73 p.
21. *Heer*. 2023. URL: <https://www.bundeswehr.de/de/organisation/heer>
22. *ISAF Mission in Afghanistan (2001–2014)*. 2022. URL: https://www.nato.int/cps/en/natolive/topics_69366.htm
23. Koivula T. *The European Union and the Use of Military Force*. London, Routledge, 2016. 158 p.
24. *Madrid Summit Declaration*. 29.06.2022. URL: https://www.nato.int/cps/en/natohq/official_texts_196951.htm
25. Miller D. *Military Force (Dilemmas in Democracy)*. London, Cavendish Square, 2019. 80 p.
26. *NATO 2022 Strategic Concept. Adopted by Heads of State and Government at the NATO Summit in Madrid 29 June 2022*. Brussels, NATO HQ, 2022. 13 p.
27. Moens A., Cohen L.J., Sens A.G., eds. *NATO and European Security: Alliance Politics from the End of the Cold War to the Age of Terrorism*. London, Praeger, 2003. 216 p.

28. *NATO Response Force*. 2023. URL: https://www.nato.int/cps/en/natolive/topics_49755.htm

29. *NATO's Military Presence in the East of the Alliance*, 2023. URL: https://www.nato.int/cps/en/natohq/topics_136388.htm

30. *New NATO Force Model*, 08.07.2022. URL: https://www.nato.int/nato_static_fl2014/assets/pdf/2022/6/pdf/220629-infographic-new-nato-force-model.pdf

31. *The Bundeswehr on Operations*. Berlin, Federal Ministry of Defense, 2009. 120 p.

32. *The US Military Presence in Europe Has Been Declining for 30 Years – The Current Crisis in Ukraine May Reverse That Trend*, 25.01.2022. URL: <https://theconversation.com/the-us-military-presence-in-europe-has-been-declining-for-30-years-the-current-crisis-in-ukraine-may-reverse-that-trend-175595>

33. *Vilnius Summit Communiqué*, 11.07.2023. URL: https://www.nato.int/cps/en/natohq/official_texts_217320.htm?selectedLocale=en

Information About the Author

Philipp O. Trunov, Candidate of Sciences (Politics), Leading Researcher, Department of Europe and America, Institute of Scientific Information for Social Sciences of the Russian Academy of Sciences, Prosp. Nakhimovskiy, 51/21, 117418 Moscow, Russian Federation, 1trunov@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-7092-4864>

Информация об авторе

Филипп Олегович Трунов, кандидат политических наук, ведущий научный сотрудник Отдела Европы и Америки, Институт научной информации по общественным наукам РАН, просп. Нахимовский, 51/21, 117418 г. Москва, Российская Федерация, 1trunov@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-7092-4864>

DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2024.3.16>UDC 32:35
LBC 66.2Submitted: 13.07.2023
Accepted: 23.10.2023

TRANSFORMATION OF THE ROLE OF PMSCs IN THE POST-INTERNATIONAL WORLD AND THEIR CLASSIFICATION

Reza Javadi

University of Tehran, Tehran, Iran

Mohammad-Reza Saeid-Abadi

University of Tehran, Tehran, Iran

Abstract. Introduction. The evolving landscape of international relations has witnessed a profound transformation in the concept of security. Traditionally, governments held an exclusive monopoly over the provision of security, relying on their military and defense forces to safeguard their interests and protect their citizens. However, the post-Cold War era has ushered in a paradigm shift, with non-state actors emerging as formidable challengers to this traditional monopoly. At the forefront of these non-governmental actors stand private military and security companies (PMSCs), organizations that offer a diverse array of military and security services to governments across the globe. **Methods and materials.** This comprehensive study explores the multifaceted world of PMSCs, categorizing them into three distinct types based on the nature of the services they provide: offensive, reactive, and defensive. Through an analytical-descriptive research approach and the innovative lens of post-international theory, this research delves deep into the role of PMSCs in an increasingly interconnected world. **Analysis.** The central question that underpins this study is the extent of PMSCs' influence in a post-international world and their responses to the evolving global military security environment. It scrutinizes whether governments continue to maintain an exclusive monopoly over security and military operations or if these responsibilities have been increasingly assumed by non-governmental actors like PMSCs. **Results.** The study comes to the conclusion that in the post-international world, governments are no longer the sole arbiters of security, and the role of non-state actors, particularly PMSCs, has grown substantially. Their extensive military and security services, often serving as alternatives to official national armies, have reduced the necessity for government forces in conflict-prone regions. This paradigm shift has effectively transformed security into a "tradable commodity," giving further initiative and importance to the PMSCs across the international arena. **Authors' contribution.** Reza Javadi has outlined the scope, idea, purpose, and objectives of the paper. He has also been engaged in the gathering, classification, and analysis of the documents that make up the main source base of the article. The second author, M. Saeid-Abadi, has helped find the library sources for the study, commented on the materials, and shared ideas about the beginning parts of the study.

Key words: security, post-internationalism, globalization, non-state actors, offensive PMSCs, defensive PMSCs, reactive PMSCs.

Citation. Javadi R., Saeid-Abadi M.-R. Transformation of the Role of PMSCs in the Post-International World and Their Classification. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 4. Istoriya. Regionovedenie. Mezhdunarodnye otnosheniya* [Science Journal of Volgograd State University. History. Area Studies. International Relations], 2024, vol. 29, no. 3, pp. 189-205. (in Russian). DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2024.3.16>

УДК 32:35
ББК 66.2Дата поступления статьи: 13.07.2023
Дата принятия статьи: 23.10.2023

ТРАНСФОРМАЦИЯ РОЛИ ЧВОК В ПОСТМЕЖДУНАРОДНОМ МИРЕ И ИХ КЛАССИФИКАЦИЯ

Реза Джавади

Тегеранский университет, г. Тегеран, Иран

Мохаммад-Реза Саид-Абади

Тегеранский университет, г. Тегеран, Иран

Аннотация. Современные теория и практика международных отношений претерпели глубокие изменения в концепции безопасности. В прошлом безопасность контролировалась исключительно правительствами, которые полагались на вооруженные силы для защиты своих интересов и гражданского населения. Однако эпоха после окончания холодной войны положила начало смене парадигмы, и негосударственные субъекты стали мощными конкурентами этой традиционной монополии. В авангарде этих неправительственных субъектов стоят частные военные и охранные компании, организации, которые предлагают широкий спектр военных и охранных услуг правительствам по всему миру. В этом исследовании рассматривается многогранный мир ЧВОК, осуществляется их типологизация. В зависимости от типа предоставляемых услуг ЧВОК можно разделить на три различные группы: наступательные, реактивные и оборонительные. Благодаря аналитико-описательному исследовательскому подходу и инновационному фокусу постмеждународной теории это исследование представляет роль ЧВОК во все более взаимосвязанном мире. Главный вопрос, лежащий в основе этого исследования, заключается в том, какое влияние ЧВОК имеют в постмеждународном мире и как они реагируют на развивающуюся глобальную среду военной безопасности. Тщательно изучается вопрос о том, сохраняют ли правительства исключительную монополию на операции по обеспечению безопасности и военные операции или же эти обязанности все чаще выполняют неправительственные субъекты, такие как ЧВОК. И наконец, в исследовании делается вывод о том, что в постмеждународном мире правительства более не являются единственными арбитрами безопасности, и роль негосударственных субъектов, в частности ЧВОК, существенно возросла. Их военные службы, возможности обеспечения безопасности зачастую служат альтернативой официальным национальным армиям, и это позволило уменьшить потребность в правительственных силах в конфликтных регионах. Этот сдвиг парадигмы превратил безопасность в «ходовой товар», придав ЧВОК дополнительную инициативу и значимость на международной арене. *Вклад авторов.* Реза Джавади определил объем, идею, цель и задачи статьи, а также занимался сбором, классификацией и анализом документов, составляющих основную источниковую базу статьи. М. Саид-Абади осуществил подбор источников для исследования, комментировал материалы, делясь идеями о начальных частях исследования.

Ключевые слова: безопасность, постинтернационализм, глобализация, негосударственные субъекты, наступательные ЧВОК, оборонительные ЧВОК, реактивные ЧВОК.

Цитирование. Джавади Р., Саид-Абади М.-Р. Трансформация роли ЧВОК в постмеждународном мире и их классификация // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 4, История. Регионоведение. Международные отношения. – 2024. – Т. 29, № 3. – С. 189–205. – DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2024.3.16>

Introduction. In recent decades, the international world has undergone significant transformations regarding the concept of “security” in the realm of international relations. Historically, the responsibility for ensuring security primarily rested with governments, relying on their military and defense forces. However, in the post-Cold War era, coupled with the emergence of non-state actors, the monopoly of using legitimate violence and force has gradually shifted away from governments. Concurrently, the proliferation of security and military services offered by the private sector has eroded the traditional role of governments in providing such essential services. Among the prominent non-governmental entities shaping the dynamics of military affairs are private military and security companies (PMSCs), which extend a range of services to governments

worldwide in exchange for financial resources. Particularly in the world’s conflict zones, with the existence of such forces, governments no longer show a desire to use their official forces.

Today, by taking the initiative, these private companies proactively assume roughly the lead role in manipulating power dynamics within their operational domains and subsequently influencing global power equations. Despite the exponential growth in the scope of their activities in recent years, it is noteworthy that many academic studies have either overlooked this field or provided only a superficial examination of the subject. Despite the exponential growth in the scope of activities by these companies in recent years, numerous academic studies have either overlooked this field or provided only a cursory examination. Within current discussions surrounding these companies,

there has been a conspicuous absence of in-depth exploration of their internal and functional distinctions, and none have applied the theoretical framework used in this research.

This article, therefore, aims to conduct a meticulous analysis of the nuanced differences among these private companies. The goal is to categorize them based on the services they offer to recruiting countries, the nature of their operations in the respective regions, and the level of force they employ in conflict zones. The distinct innovation in this article lies in its examination of these companies from the perspective of post-international theory. In this regard, relying on an analytical-descriptive research method and referring to a new theoretical framework in the field of non-state actors, this study aims to answer the key question: What are the roles of these private actors in a post-international world and how do they react to the military-security developments of the world? Furthermore, the article explores secondary questions, including whether governments continue to maintain a monopoly on establishing security and conducting military operations in alignment with their strategic interests or if this monopoly has been challenged by other non-governmental actors, such as private companies.

The hypothesis underpinning this study posits that the government's monopoly in this realm has been transcended, with non-governmental actors, such as private companies, offering various military-security services to governments to further their political, military, or strategic objectives. Consequently, they have exerted a significant influence on the international landscape, encompassing the political, economic, and military domains.

Interstate armed conflicts have undergone a transformation in recent times, giving rise to a new era characterized by "asymmetric," "low-intensity," and "hybrid" wars, which frequently involve the participation of PMSCs [24, p. 77]. Over time, they have become one of the main non-governmental players in their field and are constantly improving their services. These entities, as non-state actors, exhibit a unique blend of independence and interdependence with other state and non-state actors [23, p. 5].

To begin our exploration, it is imperative to establish a clear understanding of PMSCs.

Currently, two internationally recognized mechanisms govern the operations of private military and security companies: the Montreux Document, established in 2008, and the International Code of Conduct for Private Security Service Providers (ICoC), ratified in 2010. Synthesizing the essence of these documents, we define PMSCs as privately-owned entities that offer military and security services, either independently or on behalf of other entities, regardless of their self-designation. These services encompass a wide spectrum, notably including armed protection and safeguarding of individuals and assets such as convoys, structures, and various locations, as well as the maintenance and operation of weaponry systems [23, pp. 3-4]. Furthermore, PMSCs engage in activities such as prisoner detention and the training and advising of local forces and security personnel. Essentially, they encompass any undertaking that necessitates the use of weaponry in the execution of their duties [24, pp. 77-78].

In an era marked by the diminishing significance of national borders and the heightened prominence of globalization, non-governmental sectors have undergone a remarkable transformation. As a result, the task of ensuring security is gradually shifting away from the exclusive domain of state authorities [21, p. 122]. This shift is increasingly conspicuous, particularly in light of what Mary Kaldor has termed "new wars" – intricate and irregular forms of warfare predominantly observed in the Global South. Contrary to their seemingly localized nature, these new wars serve as compelling indicators of the globalization of contemporary organized violence, as elaborated upon in Kaldor's work [22, pp. 43-47].

When delving into the literature review on PMSCs, it becomes evident that various approaches are employed to define and differentiate PMSCs and their activities, garnering significant attention in contemporary discourse. The first and most prevalent approach within this body of literature centers around the examination of military corporations through the lens of security privatization or within the context of armed conflict. Works that align with this perspective present an array of motivations, spanning legal, political, and practical considerations. A secondary approach revolves

around the classification of contractors based on their deployment in conflict zones as opposed to those operating in non-conflict areas. While this differentiation holds significance within legal frameworks, it proves less effective as a comprehensive method for categorizing security firms. A third approach hinges on defining these entities by the specific tasks they undertake, occasionally coupled with a distinction between military and security functions. Undoubtedly, this approach offers valuable insights into the study of PMSCs. However, its inherent weakness lies in the ambiguity surrounding the identity of the stakeholders, which in turn overlooks crucial structural aspects of these firms.

There are numerous classifications of PMSCs, typically organized around the primary type of service they offer, such as security, consulting, logistics, and more. However, this typology tends to be rather arbitrary, as intense competition within the industry prompts companies to swiftly adapt and diversify their offerings, making it rare for them to solely or primarily provide a single category of military service [32, p. 54]. This paper approaches the study of these companies from a distinct perspective, highlighting their coercive dimension within the context of globalization. Renowned scholars like Held and McGraw argue that “violence and hubris fuel the process of globalization” as integral facets of this phenomenon. By underscoring the issue of organized violence, these two scholars assert that violence has resurfaced in the era of globalization and constitutes a significant component of this transformative epoch. In their article “Organized Violence in the Construction of Globalization,” Held and McGraw underscore that globalization represents a novel iteration of violence, marking its continuity in a fresh guise [22, p. 28].

One of the primary objectives of this study is to furnish a comprehensive classification system and a specific mechanism that facilitates a deeper comprehension of PMSCs as pivotal actors in the redistribution of power dynamics within global politics. At its core, this research aims to unravel how PMSCs effectively challenge the traditional monopoly on violence and militarism held by governments and cause the shifting of power equations in global politics.

To achieve this overarching goal, a holistic approach is imperative. This study embarks on

an exploration of the general context and conditions that govern PMSCs, laying the groundwork for their systematic classification. The proposed methodology employs a typological research approach designed to construct a classification framework that satisfies these demands. In this type of approach, in order to better understand the subject and find out the nature of the companies in question, a detailed classification is presented according to different variables. This taxonomy seeks to identify operational differences in PMSCs at a fundamental level to identify their potential to directly impact human rights, as well as the implications this may have for accountability and governance.

In order to investigate the accuracy of the proposed hypothesis of the study and to obtain a logical answer to the main question of the paper, the author will clarify the role of the PMSCs in post-international world affairs by providing a detailed classification of these companies under the framework of post-international theory.

Methods and materials. While the fundamental framework of global politics adheres to an anarchic system composed of independent nation-states, it is crucial to acknowledge that states do not stand as the sole actors on the world stage. Furthermore, state authority has significantly diminished across various tiers within the nation-state structure. In this evolving landscape, a multitude of diverse actors have risen to prominence in the international arena [21, p. 118]. These actors, unburdened by traditional notions of sovereignty, have forged their own distinct structures and legal frameworks. Individually or in concert, these non-state entities engage in a spectrum of activities, including competition, conflict, cooperation, and interaction with counterparts who remain tethered to the state-centric paradigm of global governance [31].

The theoretical framework of any research is a cornerstone, encompassing a set of propositions designed to elucidate or categorize the primary or dependent variables within the study. These propositions are meticulously interwoven and substantiated by the researcher. In the context of the present study, it draws its theoretical foundation from post-international theory, initially introduced by the esteemed international relations scholar James Rosenau and

subsequently refined by Yale Ferguson and Richard Mansbach. This theory delves into a historical epoch commencing after World War II and extending to the contemporary era. Post-internationalism theory was introduced to the realm of political science in the 1990s and continues to serve as an explanatory framework for current global policy trends [29, p. 25]. Rosenau's work highlights the emergence of a novel "post-international" paradigm, underscoring that today's global landscape transcends the realm of interstate relations. It acknowledges the significant role played by non-state actors, who wield substantial influence on international politics [30, p. 191].

Rosenau's analysis juxtaposes two world order paradigms: the realist approach and the post-internationalist approach, as detailed in Table. In the realist paradigm, leadership is predominantly state-centric, while the post-international polycentric world is guided by "innovative actors with extensive resources" [31, p. 41]. In the contemporary world, governments find themselves grappling with diminished control over the flow of capital, information, people, and goods, both within and beyond their borders.

Furthermore, the diminishing reliance on excessive military power by major world powers contributes to a more balanced distribution of power among an array of state and non-state actors.

During the Cold War era, while the primary arena of competition remained among the great powers, a profound shift occurred in international politics, transitioning from a state-centric focus to the increasing prominence of non-state actors. This transformation witnessed the rise of non-governmental activists, including international NGOs, women's organizations, professional associations, peace advocacy groups, ethnic factions, private security firms, terrorist organizations, and various other non-governmental entities. Some of these entities not only expanded their influence but also engaged in competition with governments. These actors, on the one hand, pursued objectives and interests that sometimes clashed with those of governments, thereby challenging the government's monopoly on security provision. On the other hand, they fostered networked relationships through the establishment of national, transnational, and multilateral cooperation agreements [25].

Structure and process in two worlds of world politics

	State-centric World	Multi-centric World
Number of essential actors	Fewer than 200	Hundreds of thousands
Prime dilemma of actors	Security	Autonomy
Principal goals of actors	Preservation of territorial integrity and physical security	Increase in world market shares and maintenance of integration of subsystems
Ultimate resort for realizing goals	Armed force	Withholding of cooperation or compliance
Normative priorities	Processes, especially those that preserve sovereignty and the rule of law	Outcomes, especially those that expand human rights, justice, and wealth
Modes of collaboration	Formal alliances whenever possible	Temporary coalitions
Scope of agenda	Limited	Unlimited
Rules governing inter-actions among actors	Diplomatic practices	Ad hoc, situational
Distribution of power among actors	Hierarchical by amount of power	Relative equality as far as initiating action is concerned
Interaction patterns among actors	Symmetrical	Asymmetrical
Locus of leadership	Great powers	Innovative actors with extensive resources
Institutionalization	Well established	Emergent
Susceptibility to change	Relatively low	Relatively high
Control over outcomes	Concentrated	Diffused
Bases of decisional structures	Formal authority, law	Various types of authority, effective leadership

Note. Source: [31, p. 58].

Consequently, the once unquestionable “absolute authority” and “legitimacy of power” vested in governments came under gradual scrutiny [31, p. 39].

To contextualize this evolution, it is imperative to trace the historical roots of hiring military forces and procuring other private military services on a commercial basis. While the practice of employing warriors and outsourcing security has a centuries-old history, the modern form of private military companies emerged in the aftermath of World War II [32, p. 53]. After World War II and during the Cold War, significant developments in military technology and shifts in warfare methods paved the way for the burgeoning private security industry and the rise of contemporary private military and security companies. On one hand, the great power rivalry of the Cold War era subsided, blurring the lines between national and international conflicts. On the other hand, technological advancements reduced the need for conventional national armies on battlefronts, emphasizing the necessity for specialized expertise [45, p. 4]. Furthermore, the conclusion of the Cold War era led many major powers to abstain from involvement in conflicts within the developing world, previously arenas of superpower competition [5, p. 6]. Additionally, the scaling back of military aid to sensitive regions globally, particularly in developing countries, left beneficiary governments feeling abandoned and vulnerable [11, pp. 9-11]. Consequently, they sought alternative means to secure their interests, often turning to private military security companies [5, p. 6]. Nevertheless, the true zenith of PMSCs’ influence came in a subsequent period – the late 20th century and early 21st century – marked by the United States and its allies launching protracted military campaigns in Iraq and Afghanistan [32, p. 53].

Malcolm Rifkind, the former Secretary of State for Foreign, Commonwealth, and Development Affairs of the UK and President of Armor Group, one of the largest private security-military companies in the United States, articulated in one of his speeches: “Our world is rife with danger and threats, and individuals spanning the spectrum from businessmen and diplomats to workers and ordinary citizens must feel secure. Armor Group has been a steadfast presence in volatile regions, providing this essential security,

as safeguarding lives and well-being is an imperative mission in the modern world” [7, p. 64]. The growing inclination of governments to engage the services of private military and intelligence firms in the 21st century, particularly the specific types of security companies utilized to advance governmental interests, will be explored in subsequent sections.

Typically, every research endeavor grapples with a central question or problem that the author seeks to address. To reach a resolution to the posed problem, it becomes imperative to employ an appropriate methodology and problem-solving tools that facilitate the collection of information or data to validate or invalidate the underlying hypothesis. In this study, the chosen research method is the analytical-descriptive approach, designed to investigate and interpret the relationships among variables across historical and contemporary contexts. To clarify, this method encompasses two interrelated components: the historical-descriptive and the historical-analytical. While the descriptive component provides an overview of company activities, the descriptive-analytical component conducts an in-depth analysis, delving into various facets of the subject matter. Consequently, within this research method, the pursuit is not centered on establishing a “cause and effect relationship” among phenomena but rather on arriving at a comprehensive response to the core research question through thorough analysis.

Throughout the application of this methodology, while keeping Harold Lasswell’s communication formula in mind, the author elucidates the dynamics between private companies and their clients, subsequently assessing the roles and impacts of these firms in the post-international world. Harold Lasswell’s communication model, dating back to 1948, extends beyond Aristotle’s triadic elements to incorporate “means” and “effect.” In simpler terms, this model can be summarized as follows: who says what to whom, in what channel, and with what effect? In the context of the present study, “military and security companies” and the “post-international world” represent the “who” and “whom” in this relationship, respectively. The focus shifts to discerning what roles these companies play and through what channels within a world that comprises numerous governmental

and non-governmental actors. In essence, this formula serves as the conduit for determining how a company's interactions with its clients impact the international arena. While this method has primarily been used to structure discussions pertaining to communication, the current research endeavors to investigate communication dynamics between various components. In the following section, we will embark on the main body of the study, presenting the findings and classifications of the companies under scrutiny.

Analysis: Classification of private military contractors. 1. Offensive contractors.

Within the spectrum of military and security companies, "offensive contractors" represent the most assertive category, often exhibiting aggressive tendencies in contrast to their counterparts. Rather than merely reacting to provocations, these firms proactively employ military force to achieve their objectives. In certain instances, they may even resort to the use of violence against local populations as a means to advance or solidify the interests of their employers. To ascertain whether a private enterprise qualifies as an offensive contractor, this study adopts an approach akin to that employed by the Red Cross when determining an individual's direct participation in hostilities. While the legal ramifications of violence typically pertain to cases occurring during military conflicts [22, p. 2], this article broadens its scope to encompass instances of violence employed in civilian operations [41, p. 458].

Drawing from available data related to direct participation in hostilities, individuals or groups who are not affiliated with a country's armed forces are considered to have directly engaged in conflicts if they meet a three-step criterion. First, their actions must have a detrimental impact on the capabilities of the opposing group or, alternatively, result in casualties, injuries, or damage to objects safeguarded against direct attack [15, p. 17]. Second, a "direct causal link between the act and the injury" must be established. Third, these actions should be intentionally designed to directly inflict the requisite harm while being "directly aimed at protecting the employer" [15, p. 17]. Applying these criteria to the classification process allows researchers to pinpoint contractors who employ violence as a means to further their employers' objectives.

Subsequently, this article delves into various subcategories within the realm of aggressive contractors, a discussion that will be expounded upon in the subsequent sections.

1.1. Mercenaries. In general, mercenary groups or individuals share certain common characteristics that separate them from other categories: they are used to provide services in military conflicts inside or outside the country; they are directly involved in wars; their purpose of participating in conflicts is only based on ideological or financial benefits; they are not the members of any of the warring groups; and also, in many cases, they have not been sent by the third country as a military force for an official mission [40, pp. 8-9]. The term "mercenary companies" within this classification refers to private entities characterized by their aggressive operational model, irrespective of other attributes. In this subcategory, these mercenaries can be employed by both private and public organizations. Nevertheless, two common criteria unite these so-called mercenary groups, warranting their placement into a singular category.

The first criterion is that local mercenaries do not serve local governments; rather, local governments use foreign companies to suppress internal opposition or carry out military and security affairs. For instance, the government of Bahrain enlisted foreign mercenaries from Jordan and Pakistan to suppress domestic dissent in 2011, instead of relying on local mercenaries, in order to mitigate potential sympathies with the local population [1, p. 25]. Moreover, there is no recorded instance of hired mercenaries rebelling against the state that employs them, and thus, they have not posed any threat to the foreign government's legitimacy. This group of companies fundamentally changes the state monopoly on violence and undermines the social contract by importing coercive violence, circumventing public accountability, and exerting dominance over the population.

The second criterion pertains to the use of violence against the local population, underscoring the violent nature of these groups and their alignment with oppressive regimes to further their objectives. In such cases, employers distance themselves from any responsibility for the violence committed by these mercenaries. Consequently, governments frequently achieve their objectives

through these mercenary companies, effectively “purchasing security” without assuming accountability for potential war crimes. Many experts view these companies as “hired weapons” that receive compensation and benefits from wealthy nations [5, p. 8]. These mercenaries are unequivocally not formal members of any country’s armed forces or any of the conflict parties and are solely driven by financial interests [26]. Although these groups primarily seek monetary gains and do not aim to shift power dynamics intentionally or unintentionally, their operations in sensitive regions can occasionally alter the balance of power, shifting leverage toward the employing government. Thus, these two defining characteristics – the contractors’ place of operation and the level of violence employed – are sufficient to establish the category of “mercenary PMSCs.” Consequently, in this typological study, the use of the term “mercenary” for foreign agents engaged in aggressive actions is practical, precise, and apt, given its alignment with common practice and reference to the international convention recognized by the United Nations.

1.2. The warlord militia. The second subcategory within this classification pertains to local PMSCs that exhibit an aggressive demeanor, but they distinguish themselves from other branches due to their inherent characteristics. Much like mercenaries, this category is defined independently of their employer’s nature – be it public or private – and their status as contractors. However, what sets them apart from mercenaries is their operation within their own country of origin, rendering them a domestic entity. Consequently, they occupy a distinct subcategory referred to as “warlord militias.”

In the realm of political science, “warlords” are defined as actors who employ coercive violence to assert a degree of authority. This authority is typically exercised in situations where traditional power structures, especially those within fragile states, have disintegrated [20, p. 30]. Furthermore, the term “militia” signifies a military force raised from the local population. Both of these definitions encapsulate the fundamental operational characteristics of PMSCs in this group, where aggression and localization are key traits.

This category of military and security companies bears a resemblance to Hannah

Arendt’s concept of a “terror regime.” The commonality lies in the substitution of “the gun barrel” for legitimate power to enforce “total obedience” [2, p. 98]. Any attempt to wield power through coercive violence poses an immediate threat to human rights [2, p. 97].

It is noteworthy that the presence of such PMSCs often signals the weakness or complete breakdown of governmental functions in the regions under their influence. Consequently, regardless of whether the employer is a recognized state or a private entity, they cannot assert legal authority over the local population. In such cases, it is the warlord militia that assumes the role of governance, seizing control and authority in areas where formal governments have faltered. Recent instances of warlord militias are exemplified by Sudan’s paramilitary forces, known as the Rapid Support Forces (RSF). These forces were initially aligned with the Government of Sudan but subsequently staged a revolt against it.

Initially, the RSF fought on behalf of the Sudanese government during the War in Darfur, and their involvement was marked by numerous atrocities against civilians. Human Rights Watch has classified their actions in Darfur as crimes against humanity. During the Sudanese political crisis of 2019, the military junta that assumed control of the country enlisted the RSF to brutally suppress pro-democracy demonstrators. More recently, on April 15, 2023, conflict erupted between the RSF and the Sudanese Armed Forces (SAF) due to a power struggle involving General Abdel Fattah al-Burhan, the army chief, and his former deputy, Mohamed Hamdan Dagalo (Hemetti), who leads the paramilitary force. There have been allegations of a potential connection between Hemetti and the Russian PMC Wagner Group. These developments illustrate the evolving dynamics of warlord militias, which can shift allegiances and play pivotal roles in complex political crises and conflicts.

2. Reactive military contractors. This second category in our classification encompasses PMSCs that engage in reactive violence, occupying a position between defensive and offensive PMSCs. Similar to defensive PMSCs, reactive violence only emerges in response to provocation from various variables and factors. It is noteworthy that the intensity of this violence

is directly correlated with the level of provocation. While a defensive organization is primarily tasked with protecting public property against outright violence, a reactive organization is also capable of responding to nonviolent provocations. The second distinguishing characteristic between these two types lies in the extent of violence employed following provocation. Consequently, even though both types of organizations are equipped with armed forces, if a company resorts to potentially lethal violence in situations beyond direct self-defense, it should be categorized as a reactive PMSC. In practical terms, this means that contractors who respond to nonviolent provocations with a disproportionate degree of force fall under the umbrella of reactive companies. An illustrative example of this category is the deployment of reactive (or reactionary) PMSCs to suppress nonviolent protests or strikes by labor forces. These contractors represent a distinct class of PMSCs defined by the level of violence they employ and their role in fulfilling traditional state functions, particularly those of a “military or quasi-military” nature. They often function as auxiliary military forces, providing services to bolster the police, guards, and security units of the state. Their legal status under national law varies depending on the recruiting state. Many states prohibit the use of foreign forces to suppress their own population. However, a hiring state, prioritizing its survival over quelling local uprisings, often disregards such prohibitions. Although their scope of operation may be limited, in repressive regimes, for instance, these companies play a critical role in sustaining the government, effectively suppressing dissent, and consolidating their influence in international politics.

2.1. Private Military Companies (PMCs).

Within our classification of reactive companies, the first group comprises entities that serve as supplements to national military services. These entities are commonly known as “private military contractors” on the international stage. They are hierarchically structured, possess legal personhood, and freely compete and trade in global markets. Unlike their predecessors, these entities are driven by financial incentives [19, p. 5]. While mercenary forces have a historical lineage, modern military security companies represent a more specialized, professional, and organized

phenomenon [5, p. 6]. Notably, these companies adhere more closely to legal principles compared to their more aggressive counterparts, thus disqualifying them from being classified as mercenaries. In essence, the evolution of moral standards, globalization, and international policies has led to the transformation of former mercenary forces into legal entities in most cases [5, p. 78]. Prominent examples of such Western companies include Blackwater and Aegis, both of which were contracted by coalition forces during the Iraq and Afghanistan wars [12].

2.1.1. Russian PMCs. Russian PMCs have garnered significant attention in recent years. For instance, during the Syrian War, the most notable PMCs employed by Russia included the Wagner Group and the Slavonic Corps. The Slavonic Corps was established in Hong Kong in 2013 by two former employees of the Moran Security Group, a conventional Russian PSC. The Moran Security Group had been contracted by the Syrian government to assist Syrian forces in combating ISIS. However, as the Moran Security Group proved inadequate for the task, the decision was made to establish a new entity, which became the Slavonic Corps.

The private military company Wagner Group emerged shortly after the dissolution of the Slavonic Corps. According to a report by the British news agency The Telegraph, Wagner Group was registered in Argentina and was believed to have a membership of around 1,000 mercenaries by December 2015. However, their numbers fluctuated, at times exceeding 2,000 members. According to interviews with three Wagner commanders, the group had around 2,000 forces in Syria as of 2018. Accounting for force rotations, the total number of Russian fighters engaged in Syria under Wagner ranged between 3,600 and 6,000 personnel.

Redut-Antiterror, also known as Redoubt or Centre R., controlled by the GRU (Russian military intelligence agency), is considered a potential successor to the Wagner Group [9]. It has been linked to the Russian military’s involvement in the conflict in Ukraine, particularly in Kharkiv Oblast. The Antiterror Orel Group, connected to Redut-Antiterror, has forged strong ties in Serbia and established itself as a node within a Balkans-based network of recruitment and training centers [28].

Other Russian PMCs have also operated on the ground. For instance, Anti-Terror Eagle was a prominent private military company in Russia that operated from 1998 to 2016. The organization, financed by Serhiy Isakov, a former co-owner of Vnukov Airlines, comprised reserve military personnel and veterans of the GRU, VYMPEL, and the Navy. Anti-Terror Eagle engaged in facility protection, military personnel training, and sapper work in locations such as Iraq, Nigeria, India, Sierra Leone, and Angola, with its peak activity during the Iraq war in 2014 when coalition authorities authorized the company to conduct security operations and employ weapons [44].

E.N.O.T. Corp., originally established by Igor Mangushev of the Russian nationalist movement Svetlaya Rus, has been involved in paramilitary operations in Tajikistan and Nagorno-Karabakh [13]. Recent reports suggest E.N.O.T. Corp. has been running military-style training camps for right-wing activists from foreign countries [33].

Ferax is another private military company in Russia that provides a comprehensive range of security and armed security services both within Russia and abroad. Its personnel reserve consists of reserve officers with combat experience in various global hotspots, including Iraq, Afghanistan, Sri Lanka, and Kurdistan. These Russian PMCs represent a complex and evolving landscape within the private military industry, with various entities fulfilling diverse roles and operating in a range of conflict zones.

2.1.2. Weaponry and Equipment. These private military and security companies (PMSCs) typically deploy a wide array of sophisticated and heavy military equipment, which sets them apart from mercenaries, who primarily rely on light weaponry. While some contractors affiliated with Western militaries primarily serve as unarmed support personnel, providing civilian services such as logistics, equipment maintenance, and consulting, others are heavily armed and specialize in delivering comprehensive security services ranging from safeguarding bases and lines of communication to deploying on the front lines alongside regular armies. The renowned authority in the field of PMSCs, Peter Warren Singer, delineates three distinct categories of private military companies (PMCs) [36]:

- Military Service Provider Companies: PMSCs that fulfill offensive warfighting roles and provide combat support;

- Military Consulting Companies: Private entities offering training, consulting, and defensive security services;

- Military Support Companies: PMSCs that generate substantial industry revenue by delivering an array of supplementary services, including logistics, intelligence gathering, and technical support.

2.1.3. Difference between 'PMSCs' and 'PMCs'. According to the International Committee of the Red Cross, the military and security services provided by PMSCs include “the provision of armed guards and the protection of persons and places, such as convoys, buildings, and other places; maintenance and operation of weapon systems; detention of a prisoner; and consulting or training local forces and security personnel” [16].

The two terms PMC and PMSC are often used interchangeably because they have very similar functions. However, one of the main differences between the two is that PMSCs may perform more intelligent operations because they have access to security information sources and classified information that PMCs are not able to access. Furthermore, the distinction between PMC and PSC is like the difference between a military contractor with a combat approach versus a security team that merely protects a fixed location such as a military base, embassy, or port. Therefore, the function of a private military company is much broader than that of a private security company. According to post-international theory, both of these companies and other types of them are among the non-state actors that exercise power in the multi-axial world and sometimes play a role.

2.1.4. Difference between 'Private Companies' and 'Mercenaries'. A historical examination reveals that PMSCs and mercenaries share common origins and exhibit numerous similarities. However, fundamental distinctions set them apart. To begin with, a PMSC is a legally recognized and registered private military and security entity that operates within the bounds of the law. Its employees are official staff members who, through employment contracts, receive salaries, pay applicable taxes, and enjoy the same

social benefits as regular office workers – something that is particularly prevalent in PMSCs where administrative roles are as numerous as operational personnel directly involved in field activities. Larger PMSCs maintain extensive global networks of offices and their stocks are traded on stock exchanges. Additionally, some entities that fall under the category of offensive corporate warriors can also be classified as PMSCs [32, pp. 54-55].

Moreover, information pertaining to PMSCs is readily accessible through official state registration authorities and legal entity registries. These companies operate in compliance with the legal frameworks of their home countries, host nations, client states, and international law, despite the ambiguity surrounding their status. Importantly, none of the diverse array of services offered by PMSCs, even those with offensive elements, are inherently illegal. No international legal document explicitly prohibits the existence or activities of PMSCs, although their operations are often shrouded in controversy and frequently draw criticism for alleged human rights violations [32, p. 55].

For a comprehensive comparison between PMSCs and traditional mercenaries, reference should be made to Article 47 of the First Additional Protocol of 1977 to the Geneva Conventions of 1949. Within this article, paragraph 2 outlines the definition of a mercenary as follows: “A mercenary is any person who: (a) is specially recruited locally or abroad in order to fight in an armed conflict; (b) actually takes a direct part in hostilities; (c) takes part in hostilities motivated primarily by a desire for personal gain, and who is in fact promised by or on behalf of a party to the conflict a material reward substantially in excess of that promised or paid to combatants of the same rank and function who are members of the armed forces of that party; (d) is neither a national of a Party to the conflict nor a permanent resident in territory controlled by a Party to the conflict; (e) is not a member of the armed forces of a Party to the conflict; and (f) not sent by a State which is not a Party to the conflict to carry out official duties as a member of its armed forces” [32, p. 55].

2.2. Private social militias. The second category within the classification of reactive PMSCs encompasses those PMSCs whose operations are reliant on local private contractors

and are contracted by local private employers. Two salient commonalities differentiate this category of contractors and establish it as a distinct segment within the overarching PMSC classification system.

Firstly, both the contractors and employers in this category are rooted within the local community. Unlike previous iterations of PMCs and PMSCs, community-based private militias maintain significantly closer ties with the communities in which they operate. In this context, both the contractor and the employer organizations are integral parts of the local community fabric. Consequently, the strong connections to the local community often serve as a deterrent for contractors to employ violence in the execution of their duties. Moreover, local employers, deeply embedded in the community, are less likely to encounter opposition from the community. This fusion of local contractors and employers implies that the use of violence pertains to more localized segments of society, where reactive violence becomes a necessity due to the prevailing levels of violence faced by these militias.

These types of militias are prevalent in numerous countries, with South America experiencing a significant surge in such enterprises over the past two decades. Notably, in countries like Brazil and Argentina, where local law enforcement agencies frequently struggle to provide adequate security for local businesses, social militias have become extensively active [27]. In instances where local police authorities falter in their duties, local government officials often turn to these groups to restore order within their communities. This tendency is particularly prominent in regions afflicted by the Boko Haram insurgency, where local councils prefer the services of local militias as security enforcers rather than relying solely on federal police and military units, which are occasionally known for their inability to withstand adversity [35].

The second distinctive feature of private social militias is that contractors must be privately employed, a requirement stipulated by the host government or the country in which these companies operate. Another noteworthy distinction from previously introduced companies is that these entities are obliged to adhere to the laws of the host country, with the host government

assuming direct responsibility for legislating and overseeing the accountability of these military companies.

3. Defensive Private Military and Security Companies. Defensive private military and security companies, commonly referred to as “defensive PMSCs,” constitute the majority within the PMSC industry. Their operations primarily involve limited violence, in line with significant advancements in security and private guard services. Violence is utilized solely in a defensive capacity, with their primary responsibility being the protection and, if necessary, the notification of public law enforcement agencies. According to the guidelines of the International Code of Conduct, “Employees must take all necessary measures to avoid violence” [14, p. 3]. Similarly, the Sarajevo Code of Conduct for Private Security Companies [34], a collaborative effort between the European Union and the United Nations Development Program, permits the use of force and firearms only as a last resort.

Both the United Nations Code of Conduct on the Use of Force by Law Enforcement Officials [38] and the United Nations Code of Conduct for Law Enforcement Officials [39] offer comprehensive guidelines for the judicious application of force and firearms. Article 3 of the UN Code of Conduct states that “authorities may use force only when necessary and to the extent necessary to fulfill their duties.” In addition, according to this code, violence or force may be used in cases such as “prevention of a crime, or to arrest” [39]. The basic principles of the United Nations are also based on the fact that personnel should “use non-violent means as much as possible before resorting to force and firearms.”

Both regulations also state that the use of firearms should be avoided, except when “the attacker shows armed resistance or endangers the lives of others” or in cases of “self-defense or defense of others against threats such as imminent death or serious injury” [39]. Accordingly, this approach to classifying defense PMSCs shows that although the use of force is not completely prohibited, it is only relatively used in the direct protection of their property and personal security. Therefore, it is expected that the use of physical force will be minimal as a deterrent. When violence becomes necessary, it is anticipated to be used with extreme restraint

and without causing harm, except in rare and exceptional circumstances. Within this framework, several groups of PMSCs, including most European security guards, clearly fall into the defensive category. Other companies, such as security officers in shopping malls, private residences, and banks, as well as cashiers, actually make up a large part of the private security sector. There are various subcategories for defense contractors, which we will cover in the following sections.

3.1. Privately Seconded Security Contractors. Within this classification, the initial group of contractors encompasses local public security forces engaged in contracts with or funded by private entities. While this arrangement is more prevalent in South and Central America, it is noteworthy that, unlike PSPs, such contractors are also increasingly prevalent in the Global North. Typically, these companies are enlisted by various organizations to bolster security and protection measures. In contrast to their counterparts, the contract durations of these entities are generally shorter, and their scope of services is more confined.

3.2. Outsource public security contractors. The second subset within the realm of defense companies comprises private contractors, whether domestic or foreign, enlisted by government authorities to execute public security services. This category is one of the fastest-growing segments within the PMSC spectrum. Governments and local authorities worldwide are increasingly turning to these contractors to bridge gaps in their security provisions. For instance, in previous years, the US Department of Homeland Security employed more than 20,000 private security guards to protect federal buildings across the US, but the use of private contractors to protect foreign embassies has now become a new trend and is considered universal. The outsourcing of public security to private corporations raises several significant questions regarding the fundamental functions of sovereign governments. Governments’ decisions to involve private entities in the exercise of legitimate coercive force have generated ambiguities regarding the government’s role in the 21st century security landscape. Consequently, the government-centric security paradigm has waned, with private corporations and organizations

assuming prominent roles. However, this shift also poses human rights concerns, as private companies often disavow responsibility for human rights abuses [8, pp. 25-44]. In particular, in some cases, entrusting public security to private entities by the government may lead to difficulties in holding the government accountable for any violations [8, p. 45].

It is worth mentioning that, regarding the supervisory body over the PMSCs, there seems to be no consensus among countries in general. Legislative norms on the regulation of PMSC activities vary from state to state. Even the normative regulations that were adopted in the US or UK do not guarantee compliance and human rights observance by PMSCs. In some states, such as Denmark, Hungary, and Slovakia, the bodies overseeing PMSCs are local police; in others, they are ministries of interior (such as Slovenia, Poland, and Italy). Meanwhile, in Luxembourg, the Ministry of Justice is acting as the supervisory body over the PMSCs.

3.3. Private security guards. The last group in this classification is private security guards. These are contractors owned by private companies, whether domestic or foreign, who are hired by private organizations to secure their operations, either in the community in which they are based or in a completely foreign community. Since these guards rely only on defensive violence, their type can be distinguished from companies that use reactive violence, as the location of the employer and contractor is not very important in this classification. In particular, the use of defensive violence alone does not pose a direct threat to the local population. Meanwhile, the challenge posed by these security guards is that the government (not the private sector) is responsible for protecting the local population, and in a local community, citizens rely on government officials (and not the private sector) to provide the necessary level of security they require [17, p. 17].

The role of PMSCs in the post-international world. In the evolving post-international world, security dynamics have undergone profound transformations, leading to a reevaluation of traditional national security priorities. Historically, military threats have consistently occupied a paramount position in national security strategies, given their potential

for widespread devastation through the application of violence [6, p. 141].

Throughout history, “organized violence” has stood as a dominant force shaping human societies and influencing the course of events. The establishment of internal stability and the expansion of foreign influence have often hinged on military endeavors and the orchestration of organized violence [4, p. 42]. As American sociologist Charles Tilley aptly emphasizes, ‘If war caused globalization, globalization has also caused war interchangeably.’ In other words, organized violence is one of the factors that create contemporary globalization, and globalization is part of the construction of contemporary methods of organized violence [43, p. 124].

In the modern era, alongside globalization’s advance and the emergence of new actors armed with mass destruction weapons and advanced technologies, governments face asymmetrical and disproportionate threats [10, p. 164]. The very nature of warfare has shifted to what is now termed “new wars,” which occur within the framework of the monopoly of organized violence, and thus the government’s monopoly on the legitimate use of force is eroded by the trans-nationalization of military forces and privatization [42, pp. 39-40]. In this context, military corporations have emerged as key players alongside governments, offering a wide array of military and intelligence services, including nuclear capabilities. Notably, in the course of the Iraq war, these contractors provided support operations for systems such as Air Force and Patriot technology and played a prominent role in the post-war reconstruction [3, p. 157].

One of the effects of military contractors on international security is that the outsourcing of military security services has actually resulted in the states’ increasing reliance on these types of services. And as long as the provider companies have a monopoly on the essential services, this dependence will surge. For instance, in Iraq, private contractors are responsible for the maintenance of 2-B bombers and Apache helicopters. In some cases, the monopoly may not be in the hands of a particular company, but it is often difficult to replace another company due to the high costs of transactions and contracts [18, p. 810]. The ongoing influence of these companies on the circulation of security around the world is inevitable, and therefore it can be said that since

the defense sector is highly dependent on private military-security companies, preventing the private military sector from entering the defense and security field is very difficult [37, p. 224].

Furthermore, the presence of military and security companies in sensitive and conflict-prone areas has led to a reduced need for government forces in these regions. The agility and rapid deployment capabilities of these private forces have convinced governments to outsource security, effectively transforming “security” into a tradable “commodity.” A private company receives financial resources in exchange for intelligence, military, or security services.

Beyond their economic and political influence, these companies exert considerable influence on security matters. Their extensive range of military services occasionally positions them as viable alternatives to official national armies. Many of these companies, by interfering in elections and internal conflicts, have, in some cases, reduced negative results and, in other cases, increased unrest. Apart from the tremendous economic and political impact of these organizations, the security ramifications of these entities are greater than other factors. Sometimes, due to the wide range of military services provided by these companies, they are considered a suitable alternative for the official army of a country. Therefore, the international world has witnessed the presence of these forces in the fields of war and conflict every day, and in this way, as the post-international theory states, these groups have caused the role and effectiveness of governments in the world to diminish and have established themselves as one of the main non-governmental actors in the world.

Results. The main purpose of this study has been to present a comprehensive classification of PMSCs to unravel their operational world and the shifting balance of power across the globe. In different parts of this study, by examining various types of private military firms, the activities and nature of PMSCs were discussed. In this regard, the unique nature of each company was measured in relation to the society or the situation in which it operated. This paper presents an innovative classification of PMSCs based on their approach (reactive, aggressive, or defensive) and believes that this classification system offers several distinct advantages over previous studies, grounding itself in empirical evidence rather than

relying solely on generalized discussions. By identifying the behavioral patterns of PMSCs, this approach enables a more nuanced evaluation of contractor performance. Moreover, by discerning the intricate relationships between contractors and employers, this taxonomy provides a theoretical framework to gauge the potential impacts of these agencies on global power politics.

Highlighting PMSCs’ capacity to reshape power dynamics within communities and challenge traditional mechanisms of public accountability, this study underscores their potential to achieve their employers’ benefits. From the point of view of Ferguson and Mansbach, who have expanded upon Rosenau’s post-internationalist theory, the political environment has always hosted various actors who have layering, overlap, interaction, or alliance with one another. Many types of actors, such as empires, regional actors, cities, kinship groups such as tribes or ethnic nations, corporations, and even families, have persisted over the centuries, while the sovereign state was the only central actor during the relatively brief Westphalian period. In recent centuries, especially during the last 100 years, many important actors have appeared in the international arena. Among them, private military and security companies occupy a prominent role, not only garnering government attention but also piquing the interest of researchers. The classification of private military industries helps researchers in the field properly distinguish between different groups of this industry.

Among the types of private contractors, proxy groups, and mercenaries presented earlier, this study centered its attention on PMSCs as the main category of groups in the private military industry. Although these companies may have different nationalities and headquarters in different countries, this study sought to examine companies that offered comprehensive military services to governments and wielded substantial influence in reshaping power dynamics. The changing concept of security over time and the existence of constant threats to governments have led them to use other tools, such as private military companies, apart from their official armies, to establish security. However, these companies do not have continuous and independent financial resources for survival, and in this sense, they are dependent on governments, but their level of influence in military and strategic affairs is on par with governments

and sometimes more than governments. If we assume that these companies are dependent on the government, they are in fact a tool to achieve the goals of the government and are not defined as independent, but if they have their own independent financial resources like the government, they can be considered independent.

After all, in line with the initial hypothesis of this article, the monopoly over security establishments and military operations has shifted away from governments. Particularly in conflict zones, a significant portion of these tasks have been outsourced to the discussed military companies. Consequently, the activities of these companies have reverberated across the post-international world. One notable consequence is the increasing dependence of governments on the outsourcing of military-security services, further strengthening the grip of PMSCs. Furthermore, the presence of military and security companies, especially in conflict-ridden regions, has diminished the necessity for the formal forces of states, granting these companies a leading role.

Beyond this, the discussed companies have been able to become an influential element in the international system with their influence in the political field, and sometimes by interfering in elections and internal conflicts, they have in some cases reduced negative results and in some other cases exacerbated unrest. In addition to their security and military ramifications, these companies have wielded considerable economic and political clout worldwide. Their influence on global security is bound to expand, given the heavy reliance of some governmental sectors on the private military sector. Consequently, preventing these firms from infiltrating the defense and security domain presents a formidable challenge.

REFERENCES

1. Al-Rawi A.K. Sectarianism and the Arab Spring: Framing the Popular Protests in Bahrain. *Global Media and Communication*, 2015, vol. 11, no. 1, pp. 25-42. DOI: <https://doi.org/10.1177/1742766515573550>
2. Arendt H. *On Violence*. Harvest Publications, 1970. 106 p.
3. Avant D. The Privatization of Security and Change in the Control of Force. *International Studies Perspectives Policy Forum*, 2004, no. 5 (2), pp. 153-157.
4. Axford B. *Theories of Globalization*. Wiley Publications, 2013. 240 p.
5. Beutel M.D. *Private Military Companies: Their Emergence, Importance, and A Call for Global Regulation*. M.A Thesis. Norwich, 2005. 150 p.
6. Buzan B. *People, States and Fear: An Agenda for International Security Studies in the Post-Cold War Era*. ECPR Press, 2007. 318 p.
7. Carmola K. *Private Security, Contractors and New War, Contemporary Security Studies*. New York, Routledge, 2010. 204 p.
8. Chesterman S., Fisher A. *Public Order: The Outsourcing of Public Security and Its Limits*. London, Oxford University Press, 2009. 262 p.
9. Chkhaidze N. *PMC Redut: The Wagner Group's Potential Replacement*. *Geopolitical Monitor*. 2023.
10. Cohen E.A., Tellis A.J., Bially J.L., Layne C. Measuring National Power in the Postindustrial Age. *Foreign Affairs (Council on Foreign Relations)*, 2001, vol. 80, no. 5. 212 p. DOI: 10.2307/20050283
11. Deschamps S. *Towards the use of the Private Military Companies in the United Nations Peacekeeping Operations*. Thesis. 2005. 94 p.
12. Elsea J.K., Schwartz M., Nakamura K.H. *Private Security Contractors in Iraq: Background, Legal Status, and Other Issues*. *CRC Report for Congress*. 2008. 60 p. DOI: [chrome-extension://efaidnbmnnnibpcajpcglclefindmkaj/https://sgp.fas.org/crs/natsec/RL32419.pdf](https://efaidnbmnnnibpcajpcglclefindmkaj/https://sgp.fas.org/crs/natsec/RL32419.pdf)
13. Goble P. Russian Nationalist Group, Acting as a Private Military Company, Worries Kremlin. *Eurasia Daily Monitor*, 2018, vol. 15, no. 164. URL: <https://jamestown.org/program/russian-nationalist-group-acting-as-a-private-military-company-worries-kremlin/>
14. ICoC. *The International Code of Conduct for Private Security Service Providers*. Swiss Federal Ministry of Foreign Affairs, 2010. 15 p. URL: <https://observatoire-securite-privee.org/en/document/408>
15. ICRC. *The Montreux Document: On Pertinent International Legal Obligations and Good Practices for States Related to Operations of Private Military and Security Companies During Armed Conflict*. International Committee for the Red Cross, 2009. 46 p. URL: <https://shop.icrc.org/download/ebook?sku=0996/002-ebook>
16. ICRC. *International Humanitarian Law and Private Military/Security Companies*. International Committee of the Red Cross, 2013. URL: <https://www.icrc.org/en/document/ihl-and-private-military-security-companies-faq>
17. Krahmann E. *Private Security Companies and the State Monopoly on Violence: A Case of Norm Change?* Frankfurt, Peace Research Institute Frankfurt (PRIF), 2009. 34 p. URL: https://www.hsfk.de/fileadmin/HSFK/hsfk_downloads/prif88_02.pdf

18. Leander A. The Power to Construct International Security: On the Significance of Private Military Companies. *Millennium-Journal of International Studies*, 2005, vol. 33, no. 3, pp. 803-825.
19. Mampey L., Mekdour M. *La guerre en Sous – Traitançe, l'urgence d'un Cadre Regulateur Pour les Sociétés Militaires et de Sécurité Privées. Rapport Du GRIP: Group de Recherche et D'Information sur la Paix et la sécurité*. Bruxelles, 2010. 32 p.
20. Marten K. *Warlords: Strong-arm Brokers in Weak States*. Cornell, Cornell University Press, 2015. 280 p.
21. McGrew A., Held D. *Globalization Theory: Approaches and Controversies*. Cambridge, UK, Polity, 2007. 288 p.
22. Melzer N. *Interpretive Guidance on the Notion of Direct Participation in Hostilities Under International Law*. International Committee of the Red Cross, 2009. 89 p. URL: <https://www.refworld.org/docid/4a670dec2.html>
23. Nebolsina M.A. *Addressing the Role of Private Military and Security Companies (PMSCs) Involved by the UN in Peacekeeping Operations*. SSRN, 2020, pp. 1-7. DOI: https://papers.ssrn.com/sol3/Delivery.cfm/SSRN_ID3510116_code3886723.pdf?abstractid=3510116&mirid=1&type=2
24. Nebolsina M.A. Private Military and Security Companies, A Theoretical Overview. *Russia in Global Affairs*, 2019, vol. 17, pp. 76-106. DOI: https://www.researchgate.net/publication/335586026_Private_Military_and_Security_Companies_A_theoretical_overview
25. Noormohammadi M. *The Expansion of Information and Communication Technologies and the Evolution of Security*. Tehran, Mizan Publication, 2011. 240 p.
26. OHCHR. *International Convention against the Recruitment, Use, Financing and Training of Mercenaries*. New York, United Nations, 1989.
27. Ribeiro P.J., Oliveira R. *The Impact of Militia Actions on Public Security Policies in Rio de Janeiro*. Amsterdam, Crime and Globalization, 2010. 36 p.
28. Rondeaux C. *Decoding the Wagner Group: Analyzing the Role of Private Military Security Contractors in Russian Proxy Warfare*. New America, Arizona, 2019. 86 p. URL: https://d1y8sb8igg2f8e.cloudfront.net/documents/Decoding_the_Wagner_Group.pdf
29. Rosenau J. *Turbulence in World Politics: A Theory of Change and Continuity*. New Jersey, Princeton University Press, 1990. 504 p.
30. RG. Lyons, & M. Mastanduno, *Beyond Westphalia? State Sovereignty and International Intervention*. Baltimore, The Johns Hopkins University Press, 1995. 360 p.
31. Rosenau J., Durfee M. *Thinking Theory Thoroughly, Coherent Approaches To an Incoherent World*. New York, Routledge, 2019. 288 p.
32. Saifullin E.K. Private Military and Security Companies and International Law. *Pathways to Peace and Security*, 2018, no. 2 (55), pp. 51-63. DOI: <https://doi.org/10.20542/2307-1494-2018-2-51-63>
33. Schroeder E., Wilde G., Sherman J., Herr T. Hackers, Hoodies, and Helmets: Technology and the Changing Face of Russian Private Military Contractors. *The Cyber Statecraft Initiative (Issue Brief)*, 2022. 10 p.
34. SEESAC. *The Sarajevo Code of Conduct for Private Security Companies*. South Eastern and Eastern Europe Clearinghouse for the Control of Small Arms and Light Weapons, 2006. 17 p. URL: <https://www.seesac.org/f/docs/Private-Security-Companies/The-Sarajevo-Code-of-Conduct-for-Private-Security-Companies-EN.pdf>
35. Shittu A.K. A Conceptual Examination of Militia Movements and Challenges to Socio-Economic Development in Nigeria. *IOSR Journal of Business and Management (IOSR-JBM)*, 2013, no. 14, pp. 29-37.
36. Singer P.W. *Corporate Warriors: The Rise of the Privatized Military Industry*. Cornell University Press, 2003. 360 p.
37. Tebib R. *Les sociétés militaires privées (SMP). Géostratégiques (Report)*, 2010. 228 p.
38. *Eighth United Nations Congress, Basic Principles of Use of Force and Firearms by Law Enforcement Officials*. Havana, United Nations Congress on Crime Prevention and Treatment of Offenders, 1990. 4 p. URL: <https://www.ohchr.org/sites/default/files/firearms.pdf>
39. *General Assembly Resolution, Code of Conduct for Law Enforcement Officials*. New York, United Nations, 1979. 4 p. URL: [ohchr.org/sites/default/files/codeofconduct.pdf](https://www.ohchr.org/sites/default/files/codeofconduct.pdf)
40. Vittori P.M. *Military Services Providers and the Threat to State Sovereignty (Thesis)*. San Antonio, University of Texas, 2007. 100 p.
41. Williamson J.A. Challenges of Twenty-First Century Conflicts: A Look at Direct Participation in Hostilities. *Duke Journal of Comparative & International Law*, 2010, no. 20, pp. 457-472. URL: <https://scholarship.law.duke.edu/djcil/vol20/iss3/7>
42. Wood J.A. *The Paradox of Power: Private Military Companies and the Decline of the State*. Proquest, Umi Dissertation Publishing, 2010. 82 p.
43. Yazdanfam M. Globalization, Security and Police. *Strategic Studies Quarterly*, 2009, vol. 12, no. 44, pp. 123-150.
44. ChVK (PMC), vk.com. 2020, February 8, Retrieved from VKontakte Social Network. URL: https://vk.com/wall-191790490_16
45. Zabcí F. Private Military Companies: Shadow Soldiers of Neo-Colonialism. *Capital & Class*, 2007, no. 31, pp. 1-10.

Information About the Authors

Reza Javadi, PhD in British Studies, Faculty of World Studies, University of Tehran, Kargar St, Tehran, Iran, reza.javadi@ut.ac.ir, rezajavadi993@yahoo.com, <https://orcid.org/0009-0005-6691-4790>

Mohammad-Reza Saeid-Abadi, Associate Professor, Department of British Studies, Faculty of World Studies, University of Tehran, Kargar St, Tehran, Iran, sabadi@ut.ac.ir, <https://orcid.org/0000-0002-3950-7939>

Информация об авторах

Реза Джавади, PhD в сфере британских исследований, факультет мировых исследований, Тегеранский университет, ул. Каргар, г. Тегеран, Иран, reza.javadi@ut.ac.ir, rezajavadi993@yahoo.com, <https://orcid.org/0009-0005-6691-4790>

Мохаммад-Реза Саид-Абади, доцент кафедры британских исследований, факультет мировых исследований, Тегеранский университет, ул. Каргар, г. Тегеран, Иран, sabadi@ut.ac.ir, <https://orcid.org/0000-0002-3950-7939>

DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2024.3.17>

UDC 94(470)«19/20»:355.4

LBC 63.3(2Рос)64-283.31

Submitted: 30.05.2023

Accepted: 14.02.2024

THE COSSACKS' INVOLVEMENT IN ARMED CONFLICTS IN THE 20th – EARLY 21st CENTURIES: TO THE QUESTION OF THE SPECIFICS OF THE COSSACKS AS A MODERN MILITARY FORCE

Olga V. Rvacheva

Volgograd Institute of Management, branch of the Russian Presidential Academy of National Economy
and Public Administration, Volgograd, Russian Federation

Abstract. *Introduction.* As a result of the renaissance process in Russia at the end of the 20th century, the Cossacks became active actors in political, social, and economic processes. Positioning themselves as warriors and defenders of the Fatherland, the Cossacks also joined the foreign policy processes taking place in the post-Soviet space and in Eastern Europe. The motives and formats of this participation are clarified in this article. *Methods and materials.* The historiography of the topic is small due to its poor knowledge. The historiography of the topic is small due to its poor knowledge. The main sources were the memoirs of participants and contemporaries of the events, materials from information and analytical websites, and Telegram channels of Cossack societies. *Analysis.* The participation of the Cossacks in several of the largest military-political conflicts of the post-Soviet space is considered: Transnistrian (1991–1992), Georgian-Abkhazian (1992), Georgian-South Ossetian (2008), events in Yugoslavia in the early 1990s, in Donbas and Crimea in 2014, as well as in special military operations. The motives of the Cossacks are revealed, and changes in the number and organization of their participation in these events are determined. *Results.* The voluntary nature of the Cossacks' participation in military and political conflicts has been determined. The main motive of the 1990s was to help the brothers (Cossacks, Slavs, and Orthodox Christians). In the 2000s and early 2020s, the main motive was to protect the country's security. During this period, the number of volunteer Cossacks increased significantly, and they became more organized and openly supported by the state.

Key words: armed conflicts, Cossacks, revival, volunteers, Cossack military formations, involvement motives.

Citation. Rvacheva O.V. The Cossacks' Involvement in Armed Conflicts in the 20th – Early 21st Centuries: To the Question of the Specifics of the Cossacks as a Modern Military Force. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 4. Istoriya. Regionovedenie. Mezhdunarodnye otnosheniya* [Science Journal of Volgograd State University. History. Area Studies. International Relations], 2024, vol. 29, no. 3, pp. 206-218. (in Russian). DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2024.3.17>

УДК 94(470)«19/20»:355.4

ББК 63.3(2Рос)64-283.31

Дата поступления статьи: 30.05.2023

Дата принятия статьи: 14.02.2024

УЧАСТИЕ КАЗАЧЕСТВА В ВООРУЖЕННЫХ КОНФЛИКТАХ В КОНЦЕ XX – НАЧАЛЕ XXI в.: К ВОПРОСУ О СПЕЦИФИКЕ КАЗАЧЕСТВА КАК СОВРЕМЕННОЙ ВОЕННОЙ СИЛЫ

Ольга Владимировна Рвачева

Волгоградский институт управления – филиал Российской академии народного хозяйства
и государственной службы при Президенте РФ, г. Волгоград, Российская Федерация

Аннотация. В результате возрожденческого процесса в России в конце XX в. казачество стало активным актором политических, социальных и экономических процессов. Позиционируя себя как воинов и защитников Отечества, казаки включились и во внешнеполитические процессы, происходившие на постсоветском пространстве и в Восточной Европе. Мотивы и форматы этого участия выясняются в данной статье.

Историография темы невелика в связи с ее слабой изученностью. В качестве основных источников выступили воспоминания участников и современников событий, материалы информационно-аналитических сайтов и телеграм-каналов казачьих обществ. В аналитическом разделе рассмотрено участие казачества в нескольких наиболее крупных военно-политических конфликтах на постсоветском пространстве и в Югославии, выявлены мотивы участников и определены изменения, которые происходили в формате участия казачества в военно-политических конфликтах в 1990-х – 2020-х годах.

Ключевые слова: вооруженные конфликты, казаки, возрождение, добровольцы, казачьи военные формирования, мотивы участия.

Цитирование. Рвачева О. В. Участие казачества в вооруженных конфликтах в конце XX – начале XXI в.: к вопросу о специфике казачества как современной военной силы // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 4, История. Регионоведение. Международные отношения. – 2024. – Т. 29, № 3. – С. 206–218. – DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2024.3.17>

Введение. В конце XX – начале XXI в. на постсоветском пространстве возникают военно-политические конфликты. Их участниками становятся не только те, кто проживает на территории конфликта, но и представители сопредельных стран. Их мотивы различны и во многом зависят от геополитического характера конфликта. Нередко в конфликтах принимают участие те, кого называют «солдаты удачи».

Российское казачество с начала его возрождения в конце XX в. неоднократно становилось участником ряда военно-политических конфликтов постсоветского пространства, а также югославского конфликта. Каковы были его мотивы? Являлись ли казаки серьезной военной силой в таких конфликтах? Насколько их участие отвечало геополитическим интересам Российского государства, и можно ли считать казачество той силой, которая продвигала этот интерес? Казачество с начала возрождения всегда позиционировало себя как воинов и защитников Отечества, это получало поддержку и со стороны государства. Однако до настоящего времени идея использования казачества как силы для отстаивания национальных интересов России сохраняет противоречивость.

В данной статье сделана попытка выявить основные мотивы и определить формы участия казачества в наиболее крупных военно-политических конфликтах конца XX – начала XXI века.

Методы и материалы. Изучение участия казачества в военно-политических конфликтах в конце XX – начале XXI в. имеет свои особенности. Во-первых, слабая представленность материалов в архивных фондах.

Во-вторых, небольшое количество материалов СМИ о внешнеполитических событиях 1990-х гг. с участием казачества. Так, газета «Казачий круг» (Волгоградская область) за 1992–1994 гг. содержит всего три публикации об участии казачества в грузино-абхазском и приднестровском военных конфликтах. Это связано с тем, что в 1990-х гг. казачьи общества практически не вели учета тех, кто выезжал в зоны конфликтов. Многие казаки действовали самостоятельно, а добровольческие отряды имели сборный характер.

События 2010-х и 2020-х гг. в медиапространстве представлены намного шире. Здесь следует учитывать особенность данных материалов как источников. Так, даже на сайте Всероссийского казачьего общества информация о численности казаков, участвующих в специальной военной операции (далее – СВО), не является точной, а получить данные из других официальных источников не представляется возможным. В телеграм-каналах казачьих обществ на этот счет также информация отрывочная.

В качестве источников исследования использовались опубликованные документы Союза казаков, информационно-аналитические материалы новостных интернет-ресурсов, а также материалы телеграм-каналов казачьих организаций российского казачества. Большой интерес представляют воспоминания (опубликованные и неопубликованные) казачьих лидеров и активистов, участников различных событий: атамана Кубанского казачьего войска В.П. Громова [12], члена Кубанского казачьего войска А.Г. Бурмагина [6], членов Войскового казачьего общества «Всевеликое войско Донское» (ВКО «ВВД»)

Ю.Н. Глазкова [17], А. Н. Марчукова [18]. Некоторые участники военных конфликтов оставили воспоминания и даже исследования, в которых также можно выявить информацию о казаках. Например, М.А. Поликарпов, российский историк и участник Боснийской войны, выпустил ряд книг о русских добровольцах в Югославии [32]. Также здесь следует назвать работы И.В. Гиркина, историка, военного, участника нескольких военных конфликтов, в том числе югославского, О.В. Валецкого, военного-сапера, воевавшего в Югославии [7; 11].

Среди исследований участия казачества на постсоветском пространстве следует выделить работы В.А. Якимова о роли казаков в общественно-политических процессах в постсоветских государствах [44], М.А. Махалкиной об участии кубанских казаков в военных конфликтах на постсоветском пространстве [27; 28], С.О. Долгих о специфике информации о казачестве в локальных конфликтах, содержащейся в воспоминаниях их участников [15]. Важную информацию об участии казачества в приднестровском конфликте содержат тезисы авторов сборника «Приднестровские чтения» — А.С. Боговида, В.А. Гурковского, И.М. Мельника и др. [3; 14; 29]. О казачестве в своей монографии по теме грузино-абхазского конфликта упоминает А. Авидзба [1].

Представленное исследование основано на принципах объективности, системности и историзма. В качестве основных методов исследования выступают историко-хронологический и историко-генетический.

Анализ. Военная служба и военные традиции для казачества в условиях возрождения в конце XX — начале XXI в. являлись важнейшей частью их социокультурной системы. Поскольку в истории казаки чаще всего выступали именно в качестве воинов, то это становилось основанием их участия в военно-политических конфликтах, которые возникали в конце XX в., как на постсоветском пространстве, так и в Восточной Европе.

Наиболее известные конфликты с участием казачества: военные конфликты в Союзной Республике Югославия (1990-е гг.), вооруженный конфликт в Приднестровье (1991–1992 гг.), грузино-абхазский вооруженный конфликт (1992 г.), грузино-югоосетинский вооруженный конфликт 2008 г. («пятидневная вой-

на»), Крымская весна 2014 г., вооруженный конфликт на юго-востоке Украины, в Донецкой и Луганской областях (2014 г.), специальная военная операция России на Украине (начата 24 февраля 2022 г.).

Встречающиеся в первой половине 1990-х гг. оценки участия казаков в военных конфликтах за пределами России нередко критичны. Так, известный ростовский историк А.И. Козлов, рассматривая увлечение военно-служилой составляющей участниками возрождения, отмечал, что они оказались «пленниками легенд о казаках только как о военной силе» [22, с. 6]. Все это в совокупности с авантюрным складом отдельных элементов привело к тому, что казаки «разбрелись по горячим точкам бывшего СССР и Югославии», а казачье движение снискало себе славу «ударной силы современного черносотенства» [22, с. 6].

В газетах начала 1990-х гг. встречались весьма резкие оценки участия казаков в военных конфликтах за рубежом. Их именовали наемниками, получающими деньги от других государств и занимающимися бесчинствами в Приднестровье [21, с. 6, 10]. В газете «Казачий круг», освещавшей возрожденческий процесс донских казаков, можно было встретить такую реакцию общественности: «Слушаю, читаю об участии донских казаков в приднестровских беспорядках и диву даюсь... Кто затмил разум нашим атаманам? Кто и с какой целью втянул в эту авантюру донцов?» [31, с. 2].

Анализ источников позволяет определить, что заставляло участников возрождения российского казачества ехать в горячие точки с разгоравшимся военным противостоянием и помогать в той или иной степени одной из сторон конфликта.

Приднестровский конфликт. В конце 1980-х гг. в Молдавской Республике этнические процессы приобрели политический конфликтный характер. В 1990 г. на Чрезвычайном съезде народных депутатов Приднестровья была провозглашена Приднестровская Молдавская ССР. Началось политическое противостояние с Молдавской ССР, которое после распада СССР перешло в острую фазу. В Приднестровской Молдавской Республике (ПМР) создавались территориально-спасательные отряды, а вслед за этим организова-

лось казачество, которое сразу стало позиционировать себя как вооруженную силу для защиты самопровозглашенной республики.

17 декабря 1991 г. в Приднестровье было объявлено о создании Черноморского казачьего войска. В качестве исторической основы для него выступало Войско верных казаков Черноморских, возникшее в XVIII в. в связи с распадом Запорожского войска. Данное войско в 1788 г. было переименовано в Черноморское казачье войско и впоследствии стало частью Кубанского казачьего войска. Такая историческая основа позволяла казакам современного Черноморского войска конструировать общее прошлое с возрожденным в конце XX в. Кубанским казачьим войском [3] и создавало основание для участия кубанского казачества в приднестровском конфликте на стороне ПМР и Черноморского казачества. Возникал исторический контекст поддержки братского казачьего войска.

В 1992 г. в связи с начавшимися боевыми действиями руководство ПМР разрешает черноморским казакам создавать военные формирования. Так, формируются казачьи взводы, полусотни и сотни. Со стороны российского казачества предпринимаются конкретные шаги по поддержке самопровозглашенного государства. В ноябре 1991 г. на II Большом круге Союза казаков было принято решение поддержать «стремление народа Приднестровья к самоопределению и желанию остаться в составе России» [2, с. 14]. В конце 1991 г. Союз казаков обратился к руководству СССР, Молдовы и России с осуждением агрессии в отношении Приднестровской Молдавской ССР и призвал прекратить политику насилия [44, с. 162]. В феврале 1992 г. в Москве собрался Малый Совет атаманов с участием казаков из ПМР, на котором среди других внешнеполитических вопросов обсуждались события в Приднестровье. Совет осудил румыно-молдавскую агрессию в Приднестровье [2, с. 16–17]. В августе 1992 г. уже на Большом Совете атаманов Союза казаков принято «Постановление с требованием к Правительству РФ принять неотложные меры по защите интересов казаков в Приднестровье, на Урале и Северном Кавказе» [2, с. 17].

Теснее, чем остальные казачьи сообщества, было связано с событиями в Приднест-

ровской Молдавской Республике кубанское казачество. Кубанцы участвовали в организации и работе I Большого круга Черноморского казачьего войска [12, с. 315]. В марте 1992 г. Большой Совет атаманов Кубани принял решение об оказании помощи казакам Черноморского войска [6, с. 204]. Атаман Кубанской казачьей Рады В.П. Громов 17 марта направил телеграммы президенту, правительству и в Верховный совет Российской Федерации с требованием защитить славянское население Приднестровья. А несколькими днями ранее первая сотня кубанских казаков-добровольцев во главе с походным атаманом выехала в Приднестровье и впоследствии приняла участие в боях. По информации одного из видных участников возрождения кубанского казачества А.Г. Бурмагина, в Приднестровье в боевых действиях приняло участие около 200 кубанских казаков-добровольцев [6, с. 204].

В военных действиях на стороне Приднестровской Молдавской Республики участвовали донские и терские казаки. Называют также казаков Ставропольского, Астраханского, Оренбургского и других исторических войск России [43, с. 141], а также казаков из Санкт-Петербургской казачьей организации «Невская станица» [44, с. 162]. В отношении общей численности казаков-добровольцев, принявших участие в конфликте на стороне ПМР, встречается цифра 1,5 тыс. человек [25]. В отличие от военных формирований Черноморского казачьего войска, являвшихся особым видом вооруженных сил ПМР, казачьи отряды из России в меньшей степени были вовлечены в вооруженное противостояние. Это были добровольческие отряды, имевшие «плавающую численность», «вахтовый» характер пребывания в зоне конфликта, выполнявшие преимущественно задачи прикрытия стратегически важных направлений [44, с. 168].

Мотивацией участия казаков из России в данных военно-политических событиях являлась помощь славянскому населению и поддержка казаков-черноморцев. В воспоминаниях участников и газетных материалах о приднестровском конфликте чаще всего отмечается готовность казаков немедленно прийти на помощь русскому населению Приднестровья [6, с. 204]. О том, что казаков в Приднестровье

позвал «извечный долг братства» и «общая русская беда», говорилось в материалах газеты «Казачий круг» за 1992 год [16, с. 2].

Более развернутую картину мотивов участия казаков в рассматриваемых событиях дал в своих мемуарах первый атаман Кубанского казачьего войска В.П. Громов. Он отмечал, что среди казаков с опытом военной службы были и те, кто в патриотическом порыве записался в отряд, хотя в армии не служил и впервые взял в руки оружие уже в Приднестровье» [12, с. 316]. Раскрывая определенный романтизм кубанских казаков, отправившихся в Приднестровье, он признается, что никто не думал тогда, что придется участвовать в реальных боях: «Мы надеялись, что все обойдется демонстрацией казачьей силы, пришедшей на помощь республике со всей России» [12, с. 318]. Гибель первых казаков потрясла кубанцев. Определяя мотивы их участия в приднестровских событиях, В.П. Громов отмечал: «Зачем вообще казаки с Кубани ринулись в Приднестровье? Каждый, кто хоть немного их знает, мог убедиться: во всех своих действиях они руководствуются не политической конъюнктурой, а пониманием куда более святым – таким, как славянское братство, казачья честь и долг» [12, с. 325].

Грузино-абхазский конфликт. В силу географического расположения теснее всего контактировали с русскоязычным населением Абхазии кубанские казаки. Представители Абхазии выступали на заседаниях совета атаманов Кубанской казачьей Рады, информировали о ситуации в республике. В июне 1992 г. Кубанская казачья Рада и Общество русской культуры «Славянский дом» в Абхазии подписали документ о взаимодействии в развитии казачьего движения в Абхазии и поддержке русской культуры [33]. К этому времени в Абхазии уже отмечался рост напряженности, а в августе начались военные столкновения между грузинскими войсками и абхазскими вооруженными формированиями. После начала конфликта атаман В.П. Громов направлял телеграммы о ситуации в Абхазии президенту России Б.Н. Ельцину и министру иностранных дел А.В. Козыреву.

Казаки юга России активно взаимодействовали с Конфедерацией горских народов Кавказа (КГНК) – общественно-политичес-

кой организацией, оказывавшей значительное влияние на развитие политической ситуации в северокавказском регионе в начале 1990-х годов. КГНК способствовала развитию добровольческого движения среди северокавказских народов в помощь Абхазии [1, с. 8–9]. Среди этих добровольцев были и казаки [1, с. 9]. Майкопский отдел Всекубанского казачьего войска участвовал в митингах в поддержку абхазского народа, инициированных влиятельной организацией «Адыге-Хасэ» [12, с. 502–503].

По мнению М.А. Махалкиной, на мотивацию кубанского казачества воздействовало также распространенное в тот период убеждение, что со временем Абхазия и Приднестровье могут войти в состав Российской Федерации на условиях широкой автономии [28].

Формы участия казачества в грузино-абхазском конфликте были различными. Это прежде всего добровольцы, принимавшие непосредственное участие в боевых действиях на стороне абхазов. Так, например, согласно информации кубанского казака Н. Пусько, командовавшего 1-й казачьей сотней в Абхазии, его казаки в числе первых вошли в Сухум в сентябре 1993 года [25]. Численность казаков, принявших участие в рассматриваемых событиях, различается в источниках. Есть упоминания о 1,5 тыс. казаков-добровольцев, о 3–5 тыс. казаков, которые участвовали в грузино-абхазской войне на стороне абхазов [13]. Также казаки отправляли гуманитарную помощь [28].

Участие казачества в событиях 1992 г. в Абхазии оказало важное влияние на его развитие в России и на постсоветском пространстве. В 1992 г. казаки в Абхазии создали сначала землячество, а затем инициировали вхождение в состав Кубанского казачьего войска на правах организационно-структурной единицы. Так возник Сухумский отдел, который в 2004 г. вошел в состав Кубанского казачьего войска [41].

В память о событиях в Приднестровье и Абхазии, об участии в них и гибели кубанских казаков на Кубани ежегодно в первую субботу апреля на Славянском кладбище у могил погибших в этих событиях кубанцев проводятся Приднестровско-Абхазские поминовения, которые включают панихиду по убиенным казакам, возложение венков и цветов [4].

Военный конфликт в Югославии в 1990-х годах. В данном конфликте российское казачество выступило на стороне сербов. В качестве одного из важнейших мотивов здесь можно назвать традиционные дружеские связи русского и сербского народов и защиту православия.

Казачков в Сербии рассматривали как составную часть Русского добровольческого движения. Первое их появление в Югославии отмечается зимой 1993 года. Численность первой группы в разных источниках колеблется от 30 до 50 человек [13; 32]. Впоследствии появилось еще несколько групп казаков. Отмечается неоднородность их состава. Группа могла быть лишь объединена названием «казаки», ее члены далеко не всегда были казаками по происхождению. Приезжали они из различных регионов России. Мотивы участников также могли разниться: одни ехали на защиту братского народа, других влекла романтика войны. Историк и участник военных событий в Югославии М.А. Поликарпов в своем анализе участия русских добровольцев в военном конфликте в данном регионе отмечал наличие у них моральных, идеологических и политических мотивов, а также влияние такого фактора, как жизненная неустроенность, неурядицы и проблемы разного рода [32]. Немало было тех, кто уже участвовал в вооруженных конфликтах в Абхазии и Приднестровье [20].

Казачьи отряды активно действовали в Вишеграде, и одна из улиц города даже носит название в честь казаков – улица Козачка [32].

Отметим, что в 1990-х гг. участие казаков-добровольцев в вооруженных конфликтах за пределами России слабо координировалось. Условным центром можно назвать Союз казаков, который имел высокий авторитет среди них, однако сама аморфность его структуры не позволяла Союзу выступать в качестве руководящей силы. Многие казачьи организации в начале 1990-х гг. только встраивались в социально-политическое и геополитическое пространство России, что также было важным фактором, сдерживавшим их участие в геополитических процессах.

В 2000-х гг. участие казаков в вооруженных конфликтах имело ряд качественных отличий от ситуаций 1990-х годов. Во-первых, к

этому моменту уже существовали реестровые казачьи общества, организационные и человеческие ресурсы которых были гораздо больше тех, что имели казачьи общества в 1990-х годах. Во-вторых, данные организации создавались с целью взятия казаками на себя обязательств государственной службы, в число которых входила и военная служба. Таким образом, военное направление деятельности казачества было гораздо более четко выражено и лучше организовано, даже были созданы казачьи военные части. Их наполнение казачьим контингентом было под вопросом, но потенциально такая возможность существовала. В-третьих, в отличие от стихийного добровольчества, подчас противоречившего официальной политике Российского государства, отряды казаков в 2000-х и особенно в 2010-х и 2020-х гг. формировались централизованно и действовали в русле российской внешней политики.

Грузино-югоосетинский конфликт. Казачество оказалось в числе активных участников данного конфликта в 2008 г., выступив на стороне Южной Осетии. Уже здесь проявилось изменившееся организационное пространство казачьего возрождения и место казаков в социальной структуре общества. К казакам напрямую обращались общественные и политические лидеры, как, например, Виктор Петрович Водолацкий – атаман Войскового казачьего общества «Всевоеликое войско Донское», Верховный атаман Союза казачьих войск России и зарубежья и депутат Государственной Думы Российской Федерации. После его призыва вступить в отдельный 429-й казачий полк для помощи Южной Осетии в вооруженном конфликте с Грузией записалось более 3,5 тыс. казаков [40]. Казачьи батальоны создавались при дивизии Министерства обороны РФ и при южноосетинском миротворческом батальоне. Казаки активно участвовали в боевых действиях, спасали мирных жителей, детей, вывозя их из зоны конфликта.

Военный конфликт на юго-востоке Украины в 2014 году. Участие казаков в событиях на юго-востоке Украины в 2014 г. помимо защиты славянского народа и безопасности российской границы определялось также идеей ирредентизма. Идея воссоздания

территории Области войска Донского и возвращения тех ее частей, которые в ходе территориально-административных реформ 1920–1921 гг. были переданы нескольким субъектам РСФСР, а также УССР, укрепились как элемент возрожденческого процесса. Здесь проявилось понимание исторической территории казаков в контексте политической институционализации [35, с. 136]. Высказывались идеи восстановления Донской республики, воссоздания территории Донской области [30].

В 1990-х гг. на Украине также возникали многочисленные казачьи организации. Среди них были и нацеленные на сближение с Россией. В 1996 г. возникли устойчивые объединения казаков, отделявших себя от националистически настроенных казачьих организаций. Среди таковых – Союз казаков Юго-Востока Украины и Союз казаков Украины «Войско Запорожское». В 2004 г. была создана еще одна организация «Верное казачество». Кроме этого, формируются казачьи организации на Донбассе, в регионе, именуемом Слобожанщиной, или Слободской Украиной, и в Крыму [38].

Данные казачьи организации проявили себя как сторонники восточнославянского сближения, защитники канонического православия, участвовали они и в политических акциях. Например, «Верное казачество» принимало участие в мероприятиях, направленных против расширения влияния НАТО на Украине, в Феодосии и Киеве, в акциях в поддержку продления пребывания Черноморского флота в Крыму и др. [42]. Таким образом, часть казачества на Украине оказалась по своим культурным и политическим устремлениям близка российскому казачеству и имела с ним общее историческое происхождение. В условиях нараставшего военно-политического конфликта в Донецкой и Луганской областях Украины в 2014 г. эта часть казачества выступила против националистических сил. По словам атамана «Верного казачества» Алексея Селиванова, многие представители данной организации перешли на сторону ополчения Донбасса и Крыма [42].

Участие российских казаков в вооруженном конфликте на Донбассе и в Крыму имело свои нюансы. Так, с начала военных действий на юго-востоке Украины участие российского казачества здесь имело исключительно

добровольческий формат и официально реестровые казачьи организации на Донбассе казаков не отправляли. При этом многие организации активно участвовали в сборе гуманитарной помощи для ДНР и ЛНР и отправке ее на территории данных республик.

Чаще всего в информационном пространстве о событиях 2014 г. на Донбассе встречается Международный союз общественных объединений «Все великое войско Донское» атамана Н.И. Козицына. Данная организация не относилась к реестровым и не рассматривалась как провластная. В ее рамках была сформирована Казачья национальная гвардия Все великого войска Донского. Ее численность доходила до 17 тыс. чел., среди вооружения называют артиллерию и бронетехнику [23]. Казаки под руководством Н.И. Козицына участвовали в установлении контроля над Северодонецком, Красным Лучом, Лисичанском и др. [5]. Сам Н.И. Козицын подчеркивал, что они осуществляли свои действия по просьбе братьев-казаков [19].

Среди других казачьих формирований называли: Терскую волчью сотню, Стахановскую казачью самооборону, казачий батальон «Ермак», группу быстрого реагирования «Бетмэн», отряд «Фотон», 2-й казачий батальон Кондратия Булавина, Первую казачью сотню им. Стаса Синельникова [23]. В основном все они были интегрированы в военные соединения ДНР и ЛНР.

Иная ситуация с участием российских казаков сложилась в Крыму. Здесь с начала событий февраля – марта 2014 г., закончившихся референдумом и вхождением Крыма в состав России, активно действовали казаки Кубанского казачьего войска и Все великого войска Донского – двух наиболее крупных реестровых организаций российского казачества.

Территориальная близость, родственные и дружеские связи обусловили тесное вовлечение кубанского казачества в события Крымской весны 2014 года. Отмечалось, что крымчане нередко напрямую просили о помощи или говорили, что надеются на помощь казаков Кубани [8]. Кубанские казаки до событий 2014 г. нередко выезжали на полуостров для защиты православного населения, подвергавшегося давлению. В Крыму была

создана посольская станица Таманского отдела Кубанского казачьего войска [10].

В феврале 2014 г. активизировались взаимоотношения казаков и пророссийских сил в Крыму, казачьи группы приезжают на полуостров и участвуют в различных мероприятиях Крымской весны. Хотя процесс получил поддержку со стороны руководства Кубанского войска, но официального характера это не имело, напротив, в СМИ подчеркивался добровольческий формат этого участия. Особенно активно действовали представители Таманского отдела Кубанского казачьего войска, которые вместе с бойцами «Беркута» осуществляли контроль Перекопа и Турецкого вала [24]. Казаки имели хорошую военную подготовку, среди них были люди с боевым опытом, приобретенным в Сирии. Представители Таманского отдела получали военную подготовку в созданной при отделе территориальной самообороне [10].

Вместе с крымчанами-ополченцами казаки круглосуточно досматривали поезда на железнодорожных вокзалах в Джанкое, Симферополе и Севастополе. Охраняли аэропорт, здания Совета министров и Верховного совета Республики Крым, телецентр, а затем – избирательные участки. Казаки стояли на блокпостах, охраняя административные границы Крыма.

Активное участие в событиях Крымской весны приняли и донские казаки ВКО «ВВД». По воспоминаниям походного атамана волгоградского отряда А.Н. Марчукова, это было добровольное желание помочь братьям-казакам в Крыму [18]. Начальник походного штаба волгоградского отряда Ю.Н. Глазков отмечал, что по прибытию в Севастополь волгоградские казаки вместе с ростовскими и калининградскими составили сводный отряд численностью примерно 100 человек [17]. Помимо мотива помощи братьям-казакам присутствовал также мотив христианского долга. Так с волгоградскими казаками беседовал перед поездкой духовный наставник отец Олег Кириченко: «Мы являемся оплотом веры, и вера должна быть у нас...» [18].

Казаки сводного отряда брали под охрану промышленные объекты, осуществляли дежурства на блок-постах, но в основном занимались охраной порядка во время проведе-

ния референдума. Для этой цели 60 человек отправились в Черноморский район.

За участие в обеспечении безопасности проведения референдума в Крыму 16 марта 2014 г. многие казаки Всевеликого войска Донского, Кубанского войска и Терского войска были награждены медалью Министерства обороны «За возвращение Крыма». Атаман Таманского отдела И.В. Безуглый был удостоен звания Герой Кубани [10].

Казачество в специальной военной операции. Первые сообщения об участии казаков в СВО прошли уже в апреле 2022 года. Пресс-служба Всероссийского казачьего общества в телеграм-канале «Российское казачество. Казаки России» сообщила, что в специальной военной операции принимают участие примерно 1 400 казаков. Атаман Всероссийского казачьего общества Н.А. Долуда в интервью Федеральному агентству новостей в июле 2022 г. называл цифру в 5 тысяч казаков, принимавших на тот момент участие в СВО [34]. После начала частичной мобилизации количество казаков в зоне СВО существенно выросло. Так, в материале «Казачья бригада особой важности» речь шла уже о 14 тыс. человек в сентябре 2022 года [26]. Количество казачьих отрядов в различных информационных ресурсах варьировалось от 10 до 15. Помимо казачьих военных отрядов казаки отправлялись служить и в другие военные части.

В настоящее время не представляется возможным выявить точное количество военных формирований с участием казаков. В открытых источниках наиболее часто фигурируют: 6-й казачий полк имени атамана Платова, отряды «Таврида», «Терек», «Ермак», «Тигр», несколько отрядов «Барс». Как одна из наиболее успешных отмечается казачья бригада «Дон», участвовавшая в боевых действиях в Харьковской и Херсонской областях, на Донбассе.

В настоящее время численность казаков, принимающих участие в специальной военной операции, определяется в открытых информационных ресурсах в 20 тыс. человек. Кроме этого, казачьи организации регулярно доставляют в зону СВО гуманитарную помощь военным формированиям. Так, например, в ленте телеграм-канала «Российское казачество.

Казаки России» от 6 марта 2023 г. сообщалось, что казаки Кубанского казачьего войска за неделю собрали 40 тонн гуманитарного груза [36]. В телеграм-канале «СКВРиЗ» («Союз казаков-воинов России и зарубежья») от 5 апреля 2022 г. отмечалось, что Терское казачье войско к 5 апрелю уже отправило в зону СВО 28 гуманитарных конвоев, более 1 770 тонн гуманитарного груза [37]. Информацию о гуманитарной помощи казачьих обществ всех регионов России бойцам СВО аккумулирует телеграм-канал «Всероссийское казачье общество» [9].

Таким образом, с начала СВО российское казачество активно проявило себя именно как вооруженная сила. Условия СВО сделали более понятными возможности участия казачества в обеспечении обороноспособности страны, отмеченного как одно из приоритетных направлений государственной политики Российской Федерации в отношении российского казачества в Стратегии государственной политики Российской Федерации в отношении российского казачества на 2021–2030 гг. [39].

Участие российского казачества в специальной военной операции на Украине имеет ряд принципиальных отличий от участия казаков в других вооруженных конфликтах. Оно хорошо организовано и поддерживается войсковыми атаманами. Весьма значительна численность казаков, принимающих участие в СВО. Есть солидное информационное сопровождение в медиапространстве. Казачьи общества широко оказывают гуманитарную помощь бойцам в зоне СВО. Основным мотивом является защита Отечества.

Результаты. На протяжении 1990-х – начала 2020-х гг. участие казачества в военно-политических конфликтах постсоветского пространства и в бывшей Югославии менялось. Общим для участия казачества во всех вооруженных конфликтах являлся его добровольческий характер. Однако если в 1990-х гг. это участие не было связано с официальной позицией или прямыми действиями российского политического руководства и казаки действовали на свой страх и риск, то с 2000-х гг. действия казачества находились в русле внешнеполитических устремлений Российского государства, что придавало им дополнительную легитимность.

В 1990-х гг. нередко мотивы участия казаков в военных действиях за пределами России имели романтический характер и основывались на исторической подоплеке защиты братских православных народов, как, например, в Приднестровье и Югославии, или защите народов, с которыми есть общность исторической судьбы, как в Абхазии. Слабая организованность казачьих обществ в начале 1990-х гг., ситуация «казачьей вольницы», наличие в казачьей среде людей случайных, нередко авантюрного склада, – все это накладывало отпечаток на характер участия казачества в указанных военно-политических событиях начала 1990-х годов.

Вместе с тем казачество в этот период так или иначе действовало в фарватере российской внешней политики, продвигая и обозначая российскую позицию там, где государство не могло или не считало возможным открыто определять свои геополитические приоритеты.

В первой четверти XXI в. ситуация изменилась. Участие казаков стало гораздо более организованным, что сказалось на росте численности участников боевых действий. Серьезно изменилось освещение участия казаков в российском медиапространстве. Не в последнюю очередь на это повлияли изменения характера организации казачьих обществ, их гораздо большее вовлечение в государственную политику, цели деятельности, развитие государственной службы казачества.

Определенную трансформацию претерпели и мотивы участников. Уже в событиях на юго-востоке Украины 2014 г., в Крыму в основе мотивации проявляется тема защиты национальной безопасности России. Отчетливо этот мотив проявился в специальной военной операции России на Украине.

Характер и форматы участия казачества в вооруженных конфликтах изменялись. Казачество преимущественно участвовало в боевых действиях. Однако во время проведения референдума в Крыму весной 2014 г. казаки также обеспечивали общественный порядок, несли охрану объектов. Казачество активно участвовало в сборе гуманитарной помощи для Приднестровья, ДНР и ЛНР. В настоящее время казачьи общества регулярно отправляют гуманитарную помощь в

зону боевых действий СВО. Формат участия казачества в рассматриваемых конфликтах всегда являлся прежде всего добровольным. Однако с 2008 г. казачество находится в русле внешнеполитической повестки Российской Федерации, это обуславливает гораздо большее внимание к действиям казаков со стороны государства, общественных и политических лидеров.

В настоящее время как для государства, так и для казачества сохраняется проблема использования военного потенциала казачьего общества на регулярной основе. Для казаков важным является формирование самостоятельных военных частей, для государства – создание эффективного мобилизационного ресурса из представителей казачьих организаций. Решение данной проблемы окажет влияние на дальнейшее развитие казачества.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Авидзба А. Проблемы военно-политической истории Отечественной войны в Абхазии (1992–1993 гг.). В 2 кн. Кн. 2. Сухум: [б. и.], 2013. 628 с.
2. Батырев В. Д., Изюмов А. И., Матвеев О. В. Союз казаков России: 1990–2000. М.: Русаки, 2000. 191 с.
3. Боговид А. С. Черноморское казачество в современной истории Приднестровья // Приднестровские исторические чтения. Вып. II: Черноморское казачество: история и современность. Тирасполь: [б. и.], 2006. С. 53–54.
4. Боль, которая не лечится временем. URL: <https://www.kuban.kp.ru/daily/26670/3692506/>
5. Бондаренко М. Донские казаки готовятся в поход // Независимая газета. 2017. 3 февр. URL: https://www.ng.ru/regions/2017-02-03/6_6920_kazaki.html
6. Бурмагин А. Г. От Кубанского казачьего клуба к Кубанской казачьей Раде. Краткая история начала возрождения кубанского казачества 1989–1992 гг. Краснодар: Пульс-Софт, 2009. 320 с.
7. Валецкий О. В. Волки белые. Сербский дневник русского добровольца. 1993–1999. М.: Грифон, 2006. 288 с.
8. Власенко А. «Ждали удара с любой стороны». Как кубанские казаки помогали Крымской весне // Аргументы и факты. 2019. 28 февр. URL: https://aif.ru/society/people/zhdali_udara_s_lyuboy_storony_kak_kubanskie_kazaki_pomogli_krymskoy-vesne
9. Всероссийское казачье общество. URL: <https://t.me/vskoru>
10. «Гибридные бойцы» Крымской весны // Военное обозрение. 2018. 2 марта. URL: <https://topwar.ru/137050-gibridnye-boytsy-krymskoy-vesny.html>
11. Гиркин И. В. Боснийский дневник // Спецназ России. 1999. № 4 (32). URL: http://lib.ru/MEMUARY/JUGOSLAVIA/rdo2_1993.txt
12. Громов В. П. Записки атамана. В 2 т. Т. 1. Краснодар: Платонов И., 2022. 560 с.
13. Гулевич В. Казаки в вооруженных конфликтах на постсоветском пространстве. URL: <https://www.fondsk.ru/news/2020/12/20/kazaki-v-vooruzhennyh-konfliktah-na-postsovetskom-prostranstve-52511.html>
14. Гурковский В. А. Становление казачества в Слободзее // Приднестровские исторические чтения. Вып. II: Черноморское казачество: история и современность. Тирасполь: [б. и.], 2006. С. 57–59.
15. Долгих С. О. Казачество в контексте истории локальных конфликтов конца XX века // Вестник Томского государственного университета. История. 2018. № 54. С. 33–37.
16. Дома ждут... // Казачий круг. 1992. № 8 (20).
17. Интервью с Ю.Н. Глазковым от 26.08.2023 // Личный архив автора.
18. Интервью с А.Н. Марчуковым от 25.08.2023 // Личный архив автора.
19. История казачьей национальной гвардии. URL: <http://казакнацгвард.рф/istoriya.html>
20. Казаки среди добровольцев на Балканах в конце XX века. URL: <https://srpska.ru/article.php?nid=1607>
21. Козлов А. И. Возрождение казачества: история и современность (эволюция, политика, теория). Ростов н/Д: Изд-во Рост. ун-та, 1995. 248 с.
22. Козлов А. И. О путях возрождения казачества // Проблемы возрождения казачества. В 2 ч. Ч. I. Ростов н/Д: Логос, 1996. С. 4–15.
23. Коновалов И. Казаки: формирования в войне на Донбассе. URL: https://zen.ru/a/Xu5J3_9vPwcZG2pU
24. Крымская весна кубанских казаков. URL: https://kazak-center.ru/publ/novosti_kazak_inform/rossijskoe_kazachestvo/krymskaja-vesna_kubanskikh_kazakov/168-1-0-2369
25. Кубанские казаки берут Сухуми // Новые известия. 2004. 11 февр. URL: <https://newizv.ru/news/2004-02-11/kubanskie-kazaki-berut-suhumi-9318>
26. Кутушев Д. Казачья бригада особой важности // Регионы России. 2023. 22 марта. URL: <https://www.gosrf.ru/kazachya-brigada-osoboj-vazhnosti/>
27. Махалкина М. А. Абхазия, Южная Осетия и Приднестровье во внешней политике России (1991–2008 гг.): дис. ... канд. ист. наук. Краснодар, 2015. 257 с.
28. Махалкина М. А. Участие кубанских казаков в региональных конфликтах на постсоветском пространстве (на примере войн в Приднестровье и Абхазии в 1990-е гг.) // Теория и практика общественного развития. 2013. №12. С. 80–81.

29. Мельник И. М. Архивные фонды Черноморского казачьего войска // Приднестровские исторические чтения. Вып. II: Черноморское казачество: история и современность. Тирасполь, 2006. С. 75–77.

30. Обращение IV Большого Круга общественной организации «Хоперский казачий округ». 21 сентября 1991 г. // Озеров А. А., Киблицкий А. Г. Союз казаков Области войска Донского. Войсковой атаман М.М. Шолохов. Исследования и документы. Ростов н/Д: Ростиздат, 2002. С. 389–390.

31. Письмо в редакцию // Казачий круг. 1992. № 8 (20).

32. Поликарпов М. А. Русские добровольцы в Югославии в 1992–1995 гг.: история и потери. URL: <https://iarex.ru/articles/88443.html>

33. Протокол о взаимодействии и развитии казачьего движения в Абхазии и поддержке русской культуры. 4 июня 1992 г. // Государственный архив Краснодарского края. Ф. 1843. Оп. 1. Д. 12. Л. 109.

34. Пять тысяч из двух миллионов: Николай Долуда рассказал об участии казаков в операции России на Украине. URL: https://riafan.ru/23523170-pyat_tisyach_iz_dvuh_millionov_nikolai_doluda_rasskazal_ob_uchastii_kazakov_v_operatsii_rossii_na_ukraine

35. Рвачева О. В. «Своя земля»: фактор территории в развитии донского казачества. Исторические, политические и социокультурные аспекты // Новое прошлое. 2020. № 4. С. 130–143.

36. Российское казачество. Казаки России. URL: https://t.me/kazaki_news

37. СКВРиЗ. Союз казаков-воинов России и зарубежья. URL: <https://t.me/skvrzchannel>

38. Соклаков А. Ю. Казачество на Украине. URL: <https://proza.ru/2020/03/22/1992>

39. Стратегия государственной политики Российской Федерации в отношении российского казачества на 2021–2030 гг. URL: <http://static.kremlin.ru/media/events/files/ru/8rK1Dz3Q6T4Yw0rXuMNwCd3YaQzZVLrr.pdf>

40. Судьба «Казачьего круга» в Южной Осетии. URL: <https://ugo-osetia.ru/obshhestvo/sudba-kazachego-kругa-v-yuzhnoy-osetii>

41. Сухумский особый казачий отдел. URL: <https://скмк.рф/2020/01/15/suhumskiy-osobyiy-kazachiy-otdel/>

42. Чаленко А. Верное казачество: десять лет борьбы за Русь и Православие. URL: <https://ukraina.ru/20180916/1021114158.html>

43. Щука Е. Историческая миссия казачества // Приднестровские исторические чтения. Вып. II: Черноморское казачество: история и современность. Тирасполь: [б. и.], 2006. С. 139–144.

44. Якимов В. А. Российское казачество в общественно-политических процессах на постсоветском пространстве: дис. ... канд. ист. наук. СПб., 2016. 250 с.

REFERENCES

1. Avidzba A. *Problemy voenno-politicheskoy istorii Otechestvennoj vojny v Abkhazii (1992–1993 gg.)*. V 2 kn. Kn. 2 [Problems of the Military-Political History of the Patriotic War in Abkhazia (1992–1993). In 2 Books. Book 2]. Sukhum, s.n., 2013. 628 p.

2. Batyrev V.D., Izjumov A.I., Matveev O.V. *Sojuz kazakov Rossii: 1990–2000* [The Union of Cossacks of Russia: 1990–2000]. Moscow, Rusaki Publ., 2000. 191 p.

3. Bogovid A.S. Chernomorskoe kazachestvo v sovremennoj istorii Pridnestrovja [Black Sea Cossacks in the Modern History of Transnistria]. *Pridnestrovskie istoricheskie chtenija. Vyp. II: Chernomorskoe kazachestvo: istorija i sovremennost* [Transnistrian Historical Readings. Iss. 2: Black Sea Cossacks: History and Modernity]. Tiraspol, s.n., 2006, pp. 53–54.

4. *Bol, kotoraja ne lechitsja vremenem* [Pain That Is Not Treated by Time]. URL <https://www.kuban.kp.ru/daily/26670/3692506/>

5. Bondarenko M. Donskie kazaki gotovjatsja v pohod [Don Cossacks Are Preparing for a Campaign]. *Nezavisimaja gazeta* [Independent Newspaper], 2017, Febr. 3. URL: https://www.ng.ru/regions/2017-02-03/6_6920_kazaki.html

6. Burmagin A.G. *Ot Kubanskogo kazachyego kluba k Kubanskoj kazachyey Rade. Kratkaja istorija nachala vozrozhdenija kubanskogo kazachestva 1989–1992 gg.* [From the Kuban Cossack Club to the Kuban Cossack Rada. A Brief History of the Beginning of the Revival of the Kuban Cossacks 1989–1992]. Krasnodar, Pulse-Soft Publ., 2009. 320 p.

7. Valeckij O.V. *Volki belye. Serbskij dnevnik russkogo dobrovolca. 1993–1999* [Wolves Are White. The Serbian Diary of a Russian Volunteer. 1993–1999]. Moscow, Grifon Publ., 2006. 288 p.

8. Vlasenko A. «Zhdali udara s ljuboj storony». Kak kubanskije kazaki pomogali Krymskoj vesne [“They Were Waiting for a Blow From Either Side.” How the Kuban Cossacks Helped the Crimean Spring]. *Argumenty i fakty* [Arguments and Facts], 2019, Febr. 28. URL: https://aif.ru/society/people/zhdali_udara_s_lyuboy_storony_kak_kubanskije_kazaki_pomogli_krymskoj-vesne

9. *Vserossijskoe kazachye obshhestvo* [All-Russian Cossack Society]. URL: <https://t.me/vskoru>

10. «Gibridnye bojcy» Krymskoj vesny [“Hybrid Fighters” of the Crimean Spring]. *Voennoe obozrenie* [Military Review], 2018, Mar. 2. URL <https://topwar.ru/137050-gibridnye-boycy-krymskoj-vesny.html>

11. Girkin I.V. *Bosnijskij dnevnik* [The Bosnian Diary]. *Spetsnaz Rossii* [Russian Special Forces], 1999, no. 4 (32). URL: http://lib.ru/MEMUARY/JUGOSLAVIA/rdo2_1993.txt

12. Gromov V.P. *Zapiski atamana. V 2 t. T. 1* [Notes of the Chieftain. In 2 Vols. Vol. 1]. Krasnodar, Platonov I., 2022. 560 p.
13. Gulevich V. *Kazaki v vooruzhennyh konfliktah na postsovetskom prostranstve* [Cossacks in Armed Conflicts in the Post-Soviet Space]. URL: <https://www.fondsk.ru/news/2020/12/20/kazaki-v-vooruzhennyh-konfliktah-na-postsovetskom-prostranstve-52511.html>
14. Gurkovskij V.A. Stanovlenie kazachestva v Slobodzee [The Formation of the Cossacks in Slobodzee]. *Pridnestrovskie istoricheskie chtenija. Vyp. II: Chernomorskoe kazachestvo: istorija i sovremennost* [Transnistrian Historical Readings. Iss. 2: Black Sea Cossacks: History and Modernity]. Tiraspol, s.n., 2006, pp. 57-59.
15. Dolgih S.O. Kazachestvo v kontekste istorii lokalnyh konfliktov konca XX veka [Cossacks in the Context of the History of Local Conflicts at the End of the 20th Century]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Istoriya* [Bulletin of Tomsk State University. History], 2018, no. 54, pp. 33-37.
16. Doma zhdut... [Waiting at Home...]. *Kazachiy krug* [Cossack Circle], 1992, no. 8 (20).
17. Intervju s Ju.N. Glazkovym ot 26.08.2023 [Interview with Yu.N. Glazkov Dated 08.26.2023]. *Lichnyj arhiv avtora* [Author's Personal Archive].
18. Intervju s A.N. Marchukovym ot 25.08. 2023 [Interview with A.N. Marchukov Dated 08.25.2023]. *Lichnyj arhiv avtora* [Author's Personal Archive].
19. *Istoriya kazachyej nacionalnoj gvardii* [History of the Cossack National Guard]. URL: <http://казакнацгвард.рф/istoriya.html>
20. *Kazaki sredi dobrovolcev na Balkanah v konce XX veka* [Cossacks Among Volunteers in the Balkans at the End of the 20th Century]. URL: <https://srpska.ru/article.php?nid=1607>
21. Kozlov A.I. *Vozrozhdenie kazachestva: istorija i sovremennost (evoljucija, politika, teorija)* [The Revival of the Cossacks: History and Modernity (Evolution, Politics, and Theory)]. Rostov-on-Don, Izd-vo Rost. un-ta, 1995. 248 p.
22. Kozlov A.I. O putjah vozrozhdenija kazachestva [On the Ways of the Cossacks' Revival]. *Problemy vozrozhdeniya kazachestva. V 2 ch. Ch. I* [Problems of the Revival of the Cossacks. Collection of Scientific Articles. In 2 Pts. Pt. 1]. Rostov-on-Don, Logos Publ., 1996, pp. 4-15.
23. Konovalov I. *Kazaki: formirovanija v vojne na Donbasse* [Cossacks: Formations in the War in Donbass]. URL https://dzen.ru/a/Xu5J3_9vPwcZG2pU
24. *Krymskaja vesna kubanskih kazakov* [Crimean Spring of the Kuban Cossacks]. URL: https://kazak-center.ru/publ/novosti_kazak_inform/rossijskoe_kazachestvo/krymskaja-vesna_kubanskikh_kazakov/168-1-0-2369
25. Kubanskije kazaki berut Suhumi [Kuban Cossacks Take Sukhumi]. *Novye izvestia*, 2004, Febr. 11. URL: <https://newizv.ru/news/2004-02-11/kubanskije-kazaki-berut-suhumi-9318>
26. Kugushev D. Kazachja brigada osoboj vazhnosti [Cossack Brigade of Special Importance]. *Regiony Rossii* [Regions of Russia], 2023, Mar. 22. URL: <https://www.gosrf.ru/kazachya-brigada-osoboj-vazhnosti/>
27. Mahalkina M.A. *Abhazija, Juzhnaja Osetija i Pridnestrovje vo vneshnej politike Rossii (1991–2008 gg.): dis. ... kand. ist. nauk* [Abkhazia, South Ossetia and Transnistria in Russian Foreign Policy (1991–2008). Cand. hist. sci. diss.]. Krasnodar, 2015. 257 p.
28. Mahalkina M.A. Uchastie kubanskih kazakov v regionalnyh konfliktah na postsovetskom prostranstve (na primere vojn v Pridnestrovje i Abhazii v 1990-e gg.) [The Participation of Kuban Cossacks in Regional Conflicts in the Post-Soviet Space (On the Example of the Wars in Transnistria and Abkhazia in the 1990s)]. *Teoriya i praktika obshchestvennogo razvitiya* [Theory and Practice of Social Development], 2013, no. 12, pp. 80-81.
29. Melnik I.M. Arhivnye fondy Chernomorskogo kazachyego vojska [Archival Funds of the Black Sea Cossack Army]. *Pridnestrovskie istoricheskie chtenija. Vyp. II: Chernomorskoe kazachestvo: istorija i sovremennost* [Transnistrian Historical Readings. Iss. 2: Black Sea Cossacks: History and Modernity]. Tiraspol, 2006, pp. 75-77.
30. Obrashhenie IV Bolshogo Kruga obshhestvennoj organizacii «Hoperskij kazachij okrug». 21 sentjabrja 1991 g. [Appeal of the 4th Great Circle of the Public Organization “Khopersky Cossack District.” September 21, 1991]. Ozerov A.A., Kiblickij A.G. *Sojuz kazakov Oblasti vojska Donskogo. Vojskovoje ataman M.M. Sholohov. Issledovanija i dokumenty* [Union of Cossacks of the Region Don Army. Military Ataman M.M. Sholokhov. Research and Documents]. Rostov-on-Don, Rostizdat Publ., 2002, pp. 389-390.
31. Pismo v redakciju [Letter to the Editor]. *Kazachiy krug* [Cossack Circle], 1992, no. 8 (20).
32. Polikarpov M.A. *Russkie dobrovolcy v Jugoslavii. 1992–1995 gg.: istorija i poteri* [Russian Volunteers in Yugoslavia. 1992–1995: History and Losses]. URL <https://iarex.ru/articles/88443.html>
33. Protokol o vzaimodejstvii i razvitii kazachyego dvizhenija v Abhazii i podderzhke russkoj kultury. 4 ijunja 1992 g. [Protocol on the Interaction and Development of the Cossack Movement in Abkhazia and the Support of Russian Culture. June 4, 1992]. *Gosudarstvennyy arkhiv Krasnodarskogo kraya* [State Archive of the Krasnodar Territory], f. 1843, inv. 1, d. 12, l. 109.

34. *Pjat tysjach iz dvuh millionov: Nikolaj Doluda rasskazal ob uchastii kazakov v operacii Rossii na Ukraine* [Five Thousand out of Two Million: Nikolai Doluda Spoke About the Participation of Cossacks in the Russian Operation in Ukraine]. URL: https://riafan.ru/23523170-pyat_tisyach_iz_dvuh_millionov_nikolai_doluda_rasskazal_ob_uchastii_kazakov_v_operatsii_rossii_na_ukraine

35. Rvacheva O.V. «Svoja zemlja»: faktor territorii v razvitii donsogo kazachestva. Istoricheskie, politicheskie i sociokul'turnye aspekty [“Own Land”: A Factor in the Development of the Don Cossacks. Historical, Political and Socio-Cultural Aspects]. *Novoe proshloe* [New Past], 2020, no. 4, pp. 130-143.

36. *Rossijskoe kazachestvo. Kazaki Rossii* [Russian Cossacks. Cossacks of Russia]. URL: https://t.me/kazaki_news

37. *SKVRiZ. Soyuz kazakov-voinov Rossii i zarubezhya* [Union of Cossack Warriors of Russia and Abroad]. URL: <https://t.me/skvrzchannel>

38. Soklakov A.Ju. *Kazachestvo na Ukraine* [Cossacks in Ukraine]. URL: <https://proza.ru/2020/03/22/1992>

39. *Strategii gosudarstvennoj politiki Rossijskoj Federacii v otnoshenii rossijskogo kazachestva na 2021–2030 gg.* [Strategies for the State Policy of the Russian

Federation in Relation to the Russian Cossacks for 2021–2030]. URL: <http://static.kremlin.ru/media/events/files/ru/8rKIDz3Q6T4Yw0rXuMNwCd3YaQzZVLrr.pdf>

40. *Sudba «Kazachyego kruga» v Juzhnoj Osetii* [The Fate of the “Cossack Circle” in South Ossetia]. URL: <https://ugo-osetia.ru/obshhestvo/sudba-kazachego-kruga-v-yuzhnoy-osetii>

41. *Suhumskij osobyj kazachij otdel* [Sukhumi Special Cossack Department]. URL: <https://ckmk.pf/2020/01/15/suhumskiy-osobyiy-kazachiy-otdel/>

42. Chalenko A. *Vernoje kazachestvo: desjat let borby za Rus i Pravoslavie* [Faithful Cossacks: Ten Years of Struggle for Russia and Orthodoxy]. URL: <https://ukraina.ru/20180916/1021114158.html>

43. Shhuka E. Istoricheskaja missija kazachestva [Historical Mission of the Cossacks]. *Pridnestrovskie istoricheskie chtenija. Vyp. II: Chernomorskoe kazachestvo: istorija i sovremennost* [Transnistrian Historical Readings. Iss. 2: Black Sea Cossacks: History and Modernity]. Tiraspol, s.n., 2006, pp. 139-144.

44. Jakimov V.A. *Rossijskoe kazachestvo v obshhestvenno-politicheskikh processah na postsovetskom prostranstve: dis. ... kand. ist. nauk* [Russian Cossacks in Socio-Political Processes in the Post-Soviet Space. Cand. hist. sci. diss.]. Saint Petersburg, 2016. 250 p.

Information About the Author

Olga V. Rvacheva, Doctor of Sciences (History), Associate Professor, Department of Public Administration and Management, Volgograd Institute of Management, branch of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Gagarina St, 8, 400066 Volgograd, Russian Federation, olgarvacheva@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-5039-4744>

Информация об авторе

Ольга Владимировна Рвачева, доктор исторических наук, доцент кафедры государственного управления и менеджмента, Волгоградский институт управления – филиал Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ, ул. Гагарина, 8, 400066 г. Волгоград, Российская Федерация, olgarvacheva@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-5039-4744>



ПРОБЛЕМЫ

МЕЖДУНАРОДНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ

DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2024.3.18>

UDC 93/94+172.4+355.01

LBC 63.3(2)6+66.77



Submitted: 02.11.2023

Accepted: 30.03.2024

PACIFISM IN SOVIET SOCIO-POLITICAL THOUGHT: FROM HOSTILITY AND NON-RECOGNITION TO ACCEPTANCE AND APPROVAL ¹

Nikolay Yu. Nikolaev

Volzhsky Politechnical Institute (branch) of Volgograd State Technical University, Volzhsky, Russian Federation

Abstract. *Introduction.* The article considers the evolution of the concept of “pacifism” in Soviet socio-political thought. The stages in the assessments of pacifism by the Soviet social scientists regarding the peculiarities of the historical development of our country are distinguished. *Methods and materials.* The historiography of the considered problem is rather limited, as a comprehensive study of assessments of pacifism (in the ideological and terminological dimensions) in Soviet socio-political thought has not been conducted. The source base of the study was, first, scientific works, reference encyclopedic editions, and journalistic materials. The following methods and techniques were used in the work: historical-comparative, semantic-cognitive, and historical-semantic. *Analysis.* According to the author, in the pre-revolutionary period, pacifism was considered a rather integral ideology that had a moderate character and was focused on liberal values. A great influence on the perception of pacifism by representatives of Soviet socio-political thought was provided by the ideological preferences of Bolshevik theorists and, above all, by Lenin’s works, which contained a serious criticism of pacifism as a doctrine alien and hostile to Marxism. *Results.* Throughout almost the entire Soviet period, one could observe in social and political thought a negative attitude towards pacifism, a careful and conscious non-use of it, as well as its replacement by ideologically more appropriate concepts (“struggle for peace”). A complete reevaluation and intellectual “rehabilitation” of pacifism took place at the turn of the 1980s and 1990s, when, with the ideological pressure coming to an end, the term “pacifism” entered firmly into public and political discourse, including the research discourse.

Key words: social and political thought, pacifism, peacemaking, struggle for peace, encyclopedia.

Citation. Nikolaev N. Yu. Pacifism in Soviet Socio-Political Thought: From Hostility and Non-Recognition to Acceptance and Approval. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 4. Istoriya. Regionovedenie. Mezhdunarodnye otnosheniya* [Science Journal of Volgograd State University. History. Area Studies. International Relations], 2024, vol. 29, no. 3, pp. 219-230. (in Russian). DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2024.3.18>

УДК 93/94+172.4+355.01

ББК 63.3(2)6+66.77

Дата поступления статьи: 02.11.2023

Дата принятия статьи: 30.03.2024

ПАЦИФИЗМ В СОВЕТСКОЙ ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКОЙ МЫСЛИ: ОТ ВРАЖДЕБНОСТИ И НЕПРИЗНАНИЯ К ПРИНЯТИЮ И ОДОБРЕНИЮ ¹

Николай Юрьевич Николаев

Волжский политехнический институт (филиал) Волгоградского государственного технического университета,
г. Волжский, Российская Федерация

Аннотация. В статье рассмотрена эволюция понятия «пацифизм» в советской общественно-политической мысли. Выделены этапы в оценках пацифизма советскими обществоведами с учетом особенностей исторического развития нашей страны. По мнению автора, в дореволюционный период пацифизм рассматривался как достаточно цельная идеология, которая имела умеренный характер и была ориентирована на либеральные ценности. Большое влияние на восприятие пацифизма представителями советской общественно-политической мысли оказали идейные предпочтения большевистских теоретиков и прежде всего работы В.И. Ленина, в которых содержалась серьезная критика пацифизма как чуждого и враждебного марксизму учения. На протяжении почти всего советского периода в общественно-политической мысли можно было наблюдать негативное отношение к пацифизму, старательное и сознательное его неиспользование, а также замена идеологически более соответствующими терминами (например, «борьба за мир»). Переоценка и интеллектуальная «реабилитация» пацифизма произошли на рубеже 1980-х – 1990-х гг., когда в условиях прекращения идеологического давления термин «пацифизм» прочно вошел в общественно-политический дискурс, в том числе и научно-исследовательский обиход. Историография рассмотренной проблемы достаточно ограничена, так как комплексного изучения оценок пацифизма (в идеологическом и терминологическом измерении) в советской общественно-политической мысли не проводилось. Источниковой базой исследования послужили прежде всего историографические источники: научные труды, справочно-энциклопедические издания и публицистические материалы. В работе были использованы следующие методы и приемы – историко-сравнительный, семантико-когнитивный и историко-семантический.

Ключевые слова: общественно-политическая мысль, пацифизм, миротворчество, борьба за мир, энциклопедия.

Цитирование. Николаев Н. Ю. Пацифизм в советской общественно-политической мысли: от враждебности и непризнания к принятию и одобрению // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 4, История. Регионоведение. Международные отношения. – 2024. – Т. 29, № 3. – С. 219–230. – DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2024.3.18>

Введение. Одной из самых серьезных проблем современной российской психологии / иррелогии является отсутствие разработанного и ясного корпуса тематических дефиниций. Несмотря на сравнительную немногочисленность антивоенных понятий, исследователь при их использовании сталкивается со множеством подходов и терминологических интерпретаций. Усложняют ситуацию и перипетии отечественного миротворчества в советский период, когда идеологические разногласия влияли не только на оценку практической деятельности некоммунистических антивоенных движений, но и их концептуальное осмысление. Одним из самых «проблемных» антивоенных терминов является «пацифизм», рассмотрение которого, на первый взгляд, не представляет серьезных исторических и семантических затруднений. Однако при более обстоятельном и глубоком изучении пацифизм оказывается обладателем сложной, противоречивой и событийно насыщенной «биографии». На протяжении XX столетия отношение к пацифизму в нашей стране претерпевало значительные, порой кардинальные изменения, что отразилось не только на его формулировках, но и характере социальной аппер-

цепции. Первоначальные интерес и внимание сменились неприятием и полузабвением, чтобы в конце концов уступить место идейной реабилитации, широкому распространению и полноценному использованию.

К сожалению, серьезного изучения оценок пацифизма (в идеологическом и терминологическом измерениях) в отечественной общественно-политической мысли, по сути, не проводилось. В достаточно обширной постсоветской историографии анализ собственно пацифизма «растворяется» в общей истории российского антивоенного движения. Отдельные аспекты отношения к пацифизму в предвоенный период были проанализированы советскими историками [13; 17]. Однако эти работы при известной фундированности отличал нескрываемый идеологический подход, заметно ограничивавший исследовательские возможности авторов. Проведенное исследование позволило не только раскрыть эволюцию оценок советскими обществоведами и политическими деятелями пацифизма, но и на данном примере выявить степень и характер влияния марксистско-ленинской идеологии на процесс формирования важных и общественно значимых понятий и социальных практик.

Кроме того, раскрытие «понятийной истории» пацифизма, по мнению автора, будет способствовать выработке наиболее полного и аподиктического его определения.

Методы. В рамках популярного в терминоведении семантико-когнитивного подхода, а также историко-семантического анализа и исторической компаративистики автор стремится выявить и обобщить существовавшие в советской общественно-политической мысли оценки пацифизма как понятия, а также более широкую его репрезентацию (как концепта и идеологемы). Источниковой базой исследования послужили прежде всего историографические источники: научные труды, справочно-энциклопедические издания и публицистические материалы. Хронологические рамки статьи ограничены советским периодом, так как всплеск исследовательского интереса к пацифизму, отчетливо заметный в последние три десятилетия, требует отдельного и самого тщательного изучения.

Анализ. В многочисленных работах, посвященных вопросам войны и мира, пацифизм традиционно оказывается наиболее популярным и исследовательски востребованным понятием. Этимология пацифизма восходит к латинскому слову «рах» – мир и «fасіо» – делаю, то есть буквально означая «мироделанье» [40, стб. 937]. Считается, что первым термин «пацифизм» в широкое употребление ввел французский писатель и юрист Эмиль Арно. В 1901 г. на десятом Всеобщем конгрессе мира в Глазго он предложил использовать это слово и его производные для обозначения движения за мир [12, с. 103–105].

Отечественная общественная-политическая мысль еще до революции 1917 г. не только активно использовала новое понятие, но и успела сформулировать собственное представление о его содержании. Так, на страницах первого российского периодического антивоенного издания «Вестник мира» пацифизм определялся как стремление добиться без войны общей солидарности цивилизованных стран, а также как механизм разрешения международных конфликтов мирными средствами [36, с. 3–4]. Ряд авторов этого периода предлагал развернутую видовую классификацию пацифизма [51, с. 39–40]. В отдельных работах, напротив, он рассматривался как

единое и достаточно цельное учение. К примеру, таковым предстал пацифизм в изложении П.Н. Милюкова – монолитный, лишенный утопизма и пустого морализаторства, стоявший на твердых институционных основаниях – широкой сети антивоенных организаций, межпарламентском союзе, международном третейском суде и миролюбивых государственных договоренностях [34, с. 86, 95]. Популярная в начале XX в. энциклопедия братьев Гранат давала пацифизму позитивно-нейтральное определение: «Пасифизм, или пацифизм, движение, пропагандирующее международный мир и ведущее идейную борьбу с милитаризмом» [54, стб. 317].

После Октябрьской революции взгляды на пацифизм радикальным образом изменились и появившиеся в официальном общественно-политическом дискурсе враждебность и неприятие к нему в той или иной мере сохранялись на протяжении почти всего советского периода [38, с. 4]. По отношению к советскому миротворчеству термин «пацифизм» не использовался и применялся лишь при описании некоммунистических антивоенных практик и концепций. Причиной подобного идейно-терминологического «остракизма» послужили прежде всего работы В.И. Ленина, в которых пацифизм оказался накрепко «привязан» к идеологически чуждым марксизму атрибутам – «буржуазный», «либеральный», «оппортунистический», «шовинистический» и пр. [26, с. 341]. На протяжении многих десятилетий историографическим «указателем» для советских авторов служили ленинские высказывания о пацифизме как учении бессодержательном, политически нелепом и лицемерном [28, с. 257].

«Ложному» пацифизму В.И. Ленин противопоставлял «истинный» пацифизм, который в узуальном значении был лингвистическим симулякром (то есть подменялся понятиями «пропаганда мира», «проповедь мира», «лозунг мира» и т. д.), а в семантическом отношении фактически являлся «анти-пацифизмом», не только допуская, но и ратуя за «прогрессивные» вооруженные конфликты – национально-освободительную борьбу и революционное насилие [26, с. 165–166, 311].

Справедливости ради укажем, что после 1920 г., в условиях отказа от идеи «превра-

щения войны правительства в войну гражданскую» и осознания необходимости преодоления Советской Россией международной изоляции, отношение В.И. Ленина к пацифизму несколько смягчилось, стало более терпимым и прагматичным (хотя кардинального изменения позиции, конечно, не произошло). В конце жизни он не только демонстрировал готовность к сотрудничеству с буржуазными и демократическими пацифистами, но и рекомендовал советским представителям на Генуэзской конференции выступить с «широкой пацифистской программой» [29, с. 406–408; 30, с. 34–40, 63–64, 69–70].

Анализ трудов ряда известных большевиков 1920-х – начала 1930-х гг. (Г.Е. Зиновьев, Л.Д. Троцкий и др.) также позволяет выявить их отрицательное, а порой и резко-негативное отношение к пацифизму [14, с. 436; 53, с. 366]. И хотя многие марксисты-теоретики уже в конце 1920-х гг. подверглись репрессиям, а в 1930-е гг. в большинстве своем были физически уничтожены, заявленный ими общественно-политический рефрен – «пацифизм враждебен марксизму во всех своих проявлениях» – был подхвачен и догматизирован именно в сталинскую эпоху [19, с. 25–26].

Действительно, высказывания И.В. Сталина о пацифизме, при том, что они сравнительно немногочисленны, отличались беспопытностью и ригоризмом, превращая понятие «пацифизм» в откровенно пейоративную коннотацию [46, с. 200]. В сталинских работах середины 1920-х гг. можно встретить высказывания о том, что политическая практика пацифизма (через деятельность социал-демократических партий) способствовала утверждению фашизма [45, с. 283]. После подобной идеологической «отмашки» тезис о «фашиствующем пацифизме» в 1930-е гг. был поддержан и развит советскими обществоведами. «Еще в начале относительной капиталистической стабилизации, – писал известный советский правовед и дипломат П.Е. Вышинский, – в период расцвета пацифизма, за ширмой которого собирал свои кадры фашизм, т. Сталин разоблачил попытки противопоставления пацифизма фашизму» [9, с. 64].

Немалую роль в очернении пацифизма (и как учения, и как понятия) играли многочисленные историко-документальные сборни-

ки / хрестоматии, состоявшие из текстов международных соглашений, статей советских руководителей по международной тематике, активно издававшиеся в 1920-е – 1950-е гг. [24, с. 41, 62, 144–145, 159]. Отметим и сомнительный вклад советских писателей, карикатурно изображавших пацифистов скрытыми милитаристами, резонерами и оппортунистами [16, с. 533–534; 33, с. 255]². Наконец, деструктивный и антикоммунистический характер пацифизма был окончательно зафиксирован в учебно-образовательной, просветительской и дидактической литературе – от «Краткого курса истории ВКП(б)» и наставлений советским агитаторам до вузовских учебников [20, с. 366; 44, с. 160].

В то же время политическая доктрина сталинского периода не рассматривала пацифизм как идейно-монологичное учение / движение. В рамках двух больших направлений – буржуазно-либерального и мелкобуржуазного выделялось несколько течений [43, с. 18–19, 22, 36–37, 43–44, 55–59]. Основные виды пацифизма были определены на VI Конгрессе Коминтерна (1928 г.). «Официальный» его вариант артикулировался на дипломатическом и государственном уровне буржуазными правительствами и признавался как один из самых враждебных коммунистической идее и Советскому Союзу. «Пацифизм II Интернационала» отличался от «официального» лишь использованием элементов социалистической и марксистской фразеологии. Считалось, что «радикальный» или «революционный» пацифизм преувеличивал разрушительную силу оружия и недооценивал прогрессивный потенциал превращения империалистической войны в гражданскую. Базой и источником «полурелигиозного» пацифизма назывались церковные круги. Идеи «кооперативного» пацифизма выдвигались отдельными леволиберальными организациями и движениями (кооперативным, женским и пр.) [22, с. 799–800]. Отдельно советская политэкономика 1930-х гг. рассматривала экономический пацифизм, в основе которого лежала «идея рационализации международного обмена на началах пресловутой “свободной торговли”» [35, с. 65]. Кроме того, при описании пацифизма использовались и другие обозначения – «реальный» / «реалистический», «клерикальный», «демокра-

тический», «империалистический», «левый», «пацифизм Лиги Наций», «социал-пацифизм», «пацифизм амстердамцев» (Амстердамского интернационала профсоюзов) и пр. [48, с. 27–30, 51–53, 85–86, 97; 49, с. 63–64, 68, 83, 87–89, 97–98, 114]. Разумеется, все эти разновидности пацифизма признавались чуждыми и враждебными (хотя и в разной степени) советскому государству и коммунистической идеологии.

Вместе с тем допускалось существование «добросовестных» пацифистов, далеких от «политических иллюзий» и воодушевленных «подлинной волей к миру». В условиях увеличения международной напряженности и нарастания угрозы новой мировой войны в СССР признавалась возможность (и даже необходимость) сотрудничества с теми пацифистами, кто был искренне готов «бороться с военной опасностью» [23, с. 59]. В подобном допущении сложно не увидеть ленинские реминисценции о возможном сотрудничестве с буржуазными и демократическими пацифистами для решения тактических международных задач. Однако при этом жестко постулировались идейная инаковость и политическая враждебность пацифизма, который рассматривался как «идеология и орудие борьбы мирового империализма против идущей вперед мировой революции и ее оплота – Союза Советских Социалистических Республик» [22, с. 823]. Следовательно, сотрудничество коммунистов даже с «добросовестными» пацифистами могло осуществляться лишь при соблюдении двух важных условий: «во-первых, *организация пацифистских масс не может и не должна быть коммунистической организацией* (курсив наш. – Н. Н.), а во-вторых, коммунисты, работая в этой организации, вместе с тем никогда не должны уклоняться от самого терпеливого и упорного разъяснения своих взглядов на все проблемы антивоенной борьбы» [1, с. 277].

По мнению автора, научная и публицистическая литература 1920-х – 1950-х гг. отличалась категоричным, в чем-то даже агрессивным неприятием пацифизма. Преимущественно это были исторические и политологические работы, посвященные вопросам внутренней и внешней политики. Однако негативные оценки пацифизма распространялись не только на проблемы истории и/или международного положения, но и затрагивали дру-

гие гуманитарные сферы – литературоведение, философию, право и пр. Именно в этот период были заложены те ценностные принципы и исследовательские установки, которые без существенных изменений просуществовали почти до конца 1980-х годов.

1920-е – 1950-е гг. – период массового и настойчивого внедрения в широкий общественно-политический дискурс лексемы «борьба за мир», которая рассматривалась как идейно-терминологическая альтернатива пацифизму⁴. В ленинской интерпретации «борьба за мир» есть «борьба за социализм», то есть истинное стремление к миру должно было обязательно сопровождаться «революционной классовой борьбой пролетариата». Лишь в этом случае оно очищалось от пацифистской составляющей – сентиментальной, ложной и буржуазной [27, с. 32–33, 41]. В работах И.В. Сталина, по крайней мере в послевоенный период, борьба за мир уже не преследовала своей целью свержение капитализма и установление социализма, а ограничивалась демократическими задачами по поддержанию и сохранению международного мира [47, с. 36]. Уже в 1920-е – 1930-е гг. понятие «борьба за мир» постепенно, но верно входило в лексикон представителей партийно-государственной элиты и академической науки [31; 41]. Однако как развитая внешнеполитическая доктрина «борьба за мир» стала реализовываться на рубеже 1940-х – 1950-х гг. [15, с. 52–53]. В результате чуждое и даже враждебное понятие «пацифизм» было заменено на более удачный с точки зрения идеологической пригодности эвфемизм⁵. Эта лексема куда больше соответствовала большевистским / коммунистическим представлениям о войне, как возможном допущении, а в ряде случаев и вынужденной необходимости [7, с. 11]. Ее содержательная дихотомия проявлялась в скрытой воинственности и готовности к насилию («борьба»), которые уравнивались желанием тишины и покоя, избеганием вооруженных конфликтов и войн («мир»).

Оценки пацифизма в исследовательской и публицистической литературе конца 1950-х – начала 1980-х гг. по сравнению с предшествующим периодом, на первый взгляд, выглядели методологически и семантически инерционными, во многом унаследовавшими прежние

уничижительные характеристики. В действительности отношение к пацифизму усложнилось (речь шла прежде всего о научных подходах), отчасти деидеологизировалось, постепенно трансформируясь в умеренно-отрицательную или даже нейтральную оценку. Появившиеся отличия были вызваны как масштабными общественно-политическими изменениями в стране (в том числе во внешней политике), так и пересмотром научных подходов в изучении конкретных явлений и процессов.

Именно в таком нейтральном и/или умеренно-критическом звучании пацифизм присутствовал в исследованиях по международному праву (главным образом гуманитарному) уже с конца 1950-х годов. Здесь отметим прежде всего труды В.Э. Грабаря и отдельные переводные работы зарубежных авторов [11, с. 430–432]. Пацифистские взгляды дореволюционных правоведов (например, Л.А. Камаровского) только констатировались, без обязательного для 1920-х – 1930-х гг. длинного «шлейфа» обвинений и нападок [25, с. 223–224]. Даже привычные рассуждения о «лицемерии и неискренности многих поборников пацифизма» (в трудах О.В. Богданова, Д.Б. Левина и пр.) выглядели скорее ритуальным сопровождением достаточно объективных исследований по истории антивоенных идей [2, с. 177–178].

Содержательную эволюцию пацифизма можно наблюдать также в тематических статьях советских энциклопедий – уникальном идеологическом феномене и важнейшем источнике научно-популярного знания. Так, составители первого выпуска БСЭ (1926–1947 гг.) критиковали пацифизм прежде всего за неспособность различать войны справедливые, то есть оборонительные, национально-освободительные и революционные, от войн несправедливых, развязанных для захвата и порабощения других стран и народов. В непонимании того, что при капитализме войны неизбежны упрекались и «добросовестные» пацифисты [3, с. 385–386].

Во втором энциклопедическом издании (1949–1958 гг.) о пацифизме было написано академичнее, короче и с куда меньшим количеством ленинских цитат (соотношение одна к четырем). Из определения исчезло положение о неизбежности вооруженных столкновений при капитализме, а также деление войн

на справедливые и несправедливые. Прежний развернутый тезис о «добросердечных» пацифистах был сокращен до одного предложения о «бескорыстных и добросовестных» представителях пацифизма, которые сотрудничают со «сторонниками мира» (читай истинными миротворцами) [4, с. 251].

Статья о пацифизме в третьем издании БСЭ (1969–1978 гг.) видится автору квинтэссенцией позднесоветского отношения к данному понятию. Умеренно-отрицательное отношение к пацифизму проявлялось прежде всего в негативных атрибутах – «недостаточность и ограниченность». В то же время подчеркивалось желание многих пацифистов и некоторых пацифистских организаций, «искренне стремящихся предотвратить войну», включиться в Движение сторонников мира [6, с. 291]. Именно статья «Движение сторонников мира» (оно появилось только в третьем издании) в полной мере отражала советское понимание эффективного международного миротворчества – интернационального, деятельного и как минимум лояльного к коммунистической идеологии, то есть не имевшего идейно-организационных недостатков пацифизма [5, с. 581–582]. В отличие от пассивной тактики пацифистов движение сторонников мира рассматривалось как активная, наступательная деятельность, готовая к самым радикальным акциям, вплоть до «боевых демонстраций и стачек в защиту мира» [39, стб. 1064].

В последних ежегодных выпусках БСЭ (конец 1980-х гг.) понятие «пацифизм» избавилось от отрицательно-оценочных характеристик и трактовалось идеологически нейтрально. Пацифизм определялся прежде всего как радикальное антивоенное движение, отрицавшее всякие войны в том числе справедливые и освободительные [42, с. 978]. По мнению автора, схожее толкование пацифизма было присуще российским обществоведам до середины 1990-х гг., пока массив новых тематических исследований не повлиял на содержание антивоенных терминов [19, с. 3–4].

В 1980-е гг. началась постепенная, но неизбежная идейно-понятийная реабилитация пацифизма, затронувшая на первых порах различные общественные структуры, а затем и политические круги. «Возвращение» пацифизма в повседневный дискурс первоначально

происходило на уровне партикулярного обсуждения и прежде всего в рамках диссидентского, неформального и андеграундного движений [10]. Умеренно-положительное отношение к пацифизму можно наблюдать уже в научных работах середины 1980-х гг., в которых наряду с устоявшимися идеологическими представлениями ощущалось стремление преодолеть прежние догматизм и доктринерство. Советские исследователи этого периода (О.Н. Меликян, Я.Г. Темкин и др.) признавали не только важность изучения пацифизма, но и необходимость отказа от устаревших его характеристик [8, с. 90–116]. В идеологии марксизма и пацифизма старались найти содержательные взаимосвязи, подчеркнуть стремление В.И. Ленина к сотрудничеству с пацифистами с целью установления всеобщего мира [52]. В статье, посвященной истории пацифизма в 1917–1939 гг., Р.М. Илюхина признавала, что современный пацифизм, пусть и сохранил буржуазную природу, но качественно изменился по сравнению с довоенным периодом, «активно и решительно» участвуя в антивоенных протестах. В то же время она упрекала западную пропаганду в искажении марксистских установок в отношении пацифизма, ленинских подходов к нему и даже самой истории пацифистского движения [17, с. 55–56]. В пацифизме 1920-х – 1930-х гг. автор выделяла два основных течения (буржуазное и мелкобуржуазное) и несколько направлений, отталкиваясь от традиционных источников – работ В.И. Ленина и документов по истории рабочего движения [17, с. 60–65].

Очевидно, что, несмотря на отдельные критические высказывания и отрицательные характеристики, в советской литературе середины 1980-х гг. почти не встречались откровенно дерогативные оценки пацифизма, присущие авторам сталинского времени. Пацифизм по-прежнему признавался чуждым коммунистической идеологии движением, но степень враждебности к нему существенно снизилась, а многие его представители рассматривались как полезные и эффективные союзники в процессе разоружения и общего умиротворения [21, с. 56–60]. Следует понимать, что процесс деидеологизации пацифизма и возвращения его в общественный дискурс происходил одновременно со смягчением по-

литической риторики и напрямую зависел от характера и содержания международной обстановки. Кардинальная трансформация страны во второй половине 1980-х гг. не могла не затронуть используемую общественно-политическую терминологию, одобряя устами интеллектуальной элиты прежде запретные или полужапретные понятия и концепты [37, с. 229]. Научные исследования пацифизма этого времени ссылались на новые мировоззренческие установки и санкционировавшие их властные решения, что придавало лингвокогнитивной реверсии характер санкционированной государством политики [17, с. 55; 50, с. 6, 43–44].

Накануне распада СССР комплиментарная точка зрения на пацифизм и его многочисленные течения среди советских обществоведов уже преобладала. Известный политолог и социолог А.С. Капто в 1990 г. констатировал, что при всей противоречивости пацифизма его положительная роль в антивоенном движении очевидна и постоянно возрастает [21, с. 47]. В 1991 г. Р.М. Илюхина упрекала уже советских ученых в несправедливом отношении к пацифизму, а общий уровень отечественной паксологии определяла как существенно уступавший аналогичным западным исследованиям. Автор полностью отказалась от прежних, в том числе и собственных характеристик пацифизма как буржуазного движения. В новом деидеологизированном звучании пацифизм обозначался ею как «идейное или идейно-политическое течение в истории, в основе которого лежит отказ от насилия вообще и войн в частности» [18, с. 163–169]. Столь же разительные перемены претерпела и классификация пацифизма, в котором Р.М. Илюхина, как и прежде, видела два направления, но уже никак не связанных с классовой природой, – радикальное, отвергавшее всякие войны, а также любое насилие и умеренное, выступавшее против агрессивных, захватнических войн («интернационализм», «пацифицизм», «либеральный пацифизм») [18, с. 169–170].

По мнению Р.М. Илюхиной, окончательное идейное размежевание пацифистов и марксистов произошло в «сталинский насильственный и репрессивный период». В поздних работах В.И. Ленина (1921–1922 гг.) она видела нереализованную возможность сотрудничества молодого советского государства с

пацифизмом (и как идеологией, и как политической практикой) [18, с. 193–196]. Если с первым утверждением, на наш взгляд, можно согласиться, то стремление увидеть в ленинских рекомендациях советским представителям на Генуэзской конференции нечто большее, чем тактическое и кратковременное сближение с либеральным пацифистским лагерем выглядит заведомой ошибкой. В конечном счете именно из обширного комплекса работ В.И. Ленина, четко и последовательно разделявшего марксизм и пацифизм, идейно «питалась» вся последующая советская (включая и И.В. Сталина) общественная и политическая оценка пацифизма.

Результаты. Подводя итоги, укажем на сложную и извилистую «биографию» пацифизма в нашей стране. Краткий, но насыщенный дореволюционный период был временем активного применения понятия «пацифизм» в общественно-политической мысли. Однако время идейно-терминологических поисков и экспериментов быстро закончилось после прихода к власти большевиков. Труды В.И. Ленина и его соратников, рассматривавших пацифизм как явление чужеродное и во многом враждебное марксизму, стали идеологическим ориентиром для нескольких поколений советских обществоведов. В то же время отношение к пацифизму в советский период было неоднородным и делилось на несколько этапов. 1920-е – 1950-е гг. – время жесткой, пейоративной критики пацифизма, который рассматривался как движение, глубоко враждебное коммунистической идеологии и Советскому Союзу. На рубеже 1940-х – 1950-х гг. в «судьбе» пацифизма произошло несколько важных событий – в общественно-политический дискурс активно вводилось понятие «борьба за мир»; осуждение пацифизма смягчилось, а в отдельных его последователях советская общественность все чаще была готова видеть союзниками в международном движении за мир. В полной мере эти тенденции реализовались в последующее тридцатилетие, но уже с начала 1980-х гг. на волне масштабных внутри- и внешнеполитических изменений начался процесс постепенной деидеологизации пацифизма, который к началу 1990-х гг. закончился его полной идейно-понятийной «реабилитацией».

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 23-28-01272, <https://rscf.ru/project/23-28-01272/>

The research was carried out at the expense of the grant of the Russian Science Foundation, № 23-28-01272, <https://rscf.ru/project/23-28-01272/>

² Можно отметить также резкие и даже оскорбительные выпады В.В. Маяковского против идей Л.Н. Толстого о непротивлении и отказе от военной службы [32, с. 192–195; 33, с. 308–309].

³ В советском общественно-политическом дискурсе, преимущественно послевоенном, достаточно широко использовалось понятие «движение за мир / движение сторонников мира». Однако по частоте и широте использования оно уступало «борьбе за мир».

⁴ За более чем семидесятилетний советский период были изданы, без преувеличения, тысячи работ основной проблематикой которых являлась «борьба за мир» (что нередко фиксировалось в названии). В содержательном отношении подобная литература была крайне разнообразна – учебно-методическая, дидактическая, художественная, публицистическая, научно-популярная и научно-исследовательская. Столь же отличным был и формат изданий – от кратких, реферативных текстов до монументальных коллективных трудов.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. VII Конгресс коммунистического интернационала и борьба против фашизма и войны: сб. док. М.: Политиздат, 1975. 527 с.
2. Богданов О. В. Идеи разоружения в истории международных отношений и права // Советский ежегодник международного права. М.: Изд-во АН СССР. 1962. С. 166–188.
3. Большая советская энциклопедия. Т. 44. М.: Сов. энцикл., 1939. 416 с.
4. Большая советская энциклопедия. Т. 32. М.: Сов. энцикл., 1955. 646 с.
5. Большая советская энциклопедия. Т. 7. М.: Сов. энцикл., 1972. 608 с.
6. Большая советская энциклопедия. Т. 19. М.: Сов. энцикл., 1975. 648 с.
7. Буковский В. К. Пацифисты против мира = Les pacifistes contre la paix. Paris: La Presse libre, Cop. 1982. 102 с.
8. Вопрос всех вопросов: (Борьба за мир и исторические судьбы человечества). М.: Политиздат, 1985. 272 с.
9. Вышинский П. Е. Подготовка новой войны за ширмой социал-фашистского пацифизма // Под знаменем марксизма. 1933. № 5. С. 40–65.

10. Гордеева И. А. Возникновение независимого мирного движения в СССР в 1980-е годы // Вестник РГГУ. Серия: Политология. История. Международные отношения. 2013. № 1 (102). С. 214–224.
11. Грабарь В. Э. Материалы к истории литературы международного права в России (1647–1917). М.: Изд-во АН СССР, 1958. 491 с.
12. Гросси В. Пацифизм: Долгий путь к созданию доктрины // Пацифизм в истории. Идеи и движения мира. М.: ИВИ РАН, 1998. С. 94–113.
13. Есин Д. И. Борьба В.И. Ленина против пацифизма, за превращение войны империалистической в войну гражданскую: автореф. дис. ... канд. ист. наук. Л., 1951. 29 с.
14. Зиновьев Г. Е. Сочинения. Т. 5. М.; Петроград: Гос. изд-во, 1924. 542 с.
15. Златопольский Д. Л. Борьба за мир в европейских странах народной демократии // Советское государство и право. 1952. № 6. С. 52–57.
16. Ильф И., Петров Е. Собрание сочинений. Т. 5. М.: Гос. изд-во худож. лит., 1961. 740 с.
17. Илюхина Р. М. Идеино-политическая эволюция пацифизма в 1917–1939 гг. // Вопросы истории. 1986. № 12. С. 55–73.
18. Илюхина Р. М. Пацифизм и ненасильственная альтернатива в истории // Принципы ненасилия: классическое наследие. М.: Прогресс, 1991. С. 163–200.
19. Илюхина Р. М. Российский пацифизм вчера и сегодня. М.: ИВИ РАН, 1992. 100 с.
20. Империализм и всеобщий кризис капитализма: рабочая книга для вузов и комвузов. М.; Л.: Гос. соц.-экон. изд-во, 1931. 653 с.
21. Капто А. С. Философия мира: истоки, тенденции, перспективы. М.: Политиздат, 1990. 431 с.
22. Коммунистический Интернационал в документах: решения, тезисы и воззвания конгрессов Коминтерна и пленумов ИККИ, 1919–1932. М.: Парт. изд-во, 1933. 1007 с.
23. Коммунистический Интернационал перед VII всемирным конгрессом (материалы). М.: Парт. изд-во, 1935. 606 с.
24. Кризис капитализма, угроза новых войн и интервенции: Статьи. Материалы. [М.]: Партиздат, 1932. 167 с.
25. Левин Д. Б. Русские юристы-международники о сущности международного права // Советский ежегодник международного права, 1975. М.: Наука, 1977. С. 217–225.
26. Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 26. М.: Изд-во полит. лит., 1969. 590 с.
27. Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 27. М.: Изд-во полит. лит., 1969. 643 с.
28. Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 30. М.: Изд-во полит. лит., 1969. 561 с.
29. Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 44. М.: Изд-во полит. лит., 1970. 725 с.
30. Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 45. М.: Изд-во полит. лит., 1970. 729 с.
31. Литвинов М. М. В борьбе за мир: [Речи]. М.: Партиздат, 1938. 195 с.
32. Маяковский В. В. Полное собрание сочинений. Т. 7. М.: Худож. лит. 1958. 536 с.
33. Маяковский В. В. Полное собрание сочинений. Т. 9. М.: Худож. лит., 1958. 611 с.
34. Миллюков П. Н. Вооруженный мир и ограничение вооружений. СПб.: Тип. Б.М. Вольфа, 1911. 178 с.
35. Михайлович И. В. Пан-Европа // Международная жизнь. 1930. № 4. С. 64–74.
36. От редакции // Вестник мира. Орган международного права и культуры. 1912. Дек. С. 1–4.
37. Прорыв: Становление нового мышления. Советские и западные ученые призывают к миру без войн. М.: Прогресс, 1988. 368 с.
38. Рудницкая Е. Л., Лисовой Н. Н. Миротворческая парадигма русской мысли // Миротворчество в России: Церковь, политики, мыслители. От раннего средневековья до рубежа XIX–XX столетий. М.: Наука, 2003. С. 4–27.
39. Советская историческая энциклопедия. Т. 4. М.: Сов. энцикл., 1963. 1072 стб.
40. Советская историческая энциклопедия. Т. 10. М.: Сов. энцикл., 1967. 1040 стб.
41. Советский союз в борьбе за мир. М.; Л.: Гос. изд-во, 1929. 343 с.
42. Советский энциклопедический словарь. М.: Сов. энцикл., 1988. 1600 с.
43. Справочник партийного работника. Вып. 7. Ч. 1. М.; Л.: Гос. изд-во, 1930. 599 с.
44. Сталин И. В. История всесоюзной коммунистической партии (большевиков). Краткий курс. [М.]: Изд-во ЦК ВКП(б) Правда, 1938. 352 с.
45. Сталин И. В. Сочинения. Т. 6. М.: ОГИЗ. Госполитиздат, 1947. 430 с.
46. Сталин И. В. Сочинения. Т. 11. М.: ОГИЗ. Госполитиздат, 1949. 382 с.
47. Сталин И. В. Экономические проблемы социализма в СССР. М.: Госполитиздат, 1952. 96 с.
48. Стенографический отчет VI конгресс[a] Коминтерна. Вып. 2. М.; Л.: Гос. изд-во, 1929. 203 с.
49. Стенографический отчет VI конгресс[a] Коминтерна. Вып. 6. М.; Л.: Гос. изд-во, 1929. 199 с.
50. Тарле Г. А. Роль советской общественности в борьбе за мир, 1945–1985 гг.: автореф. дис. ... д-ра ист. наук. М., 1989. 48 с.
51. Таубе М. А. Граф Л. А. Камаровский (некролог) // Журнал Министерства народного просвещения. 1913. № 3. С. 37–47.
52. Темкин Я. Г. Марксисты и пацифисты (из опыта взаимоотношений) // Вопросы истории КПСС. 1987. № 8. С. 56–68.

53. Троцкий Л. Д. Пять лет Коминтерна. М.: Гос. изд-во, 1924. 612 с.

54. Энциклопедический словарь т-ва «Бр. А. и И. Гранат и К°». Т. 31. М.: Т-во «Бр. А. и И. Гранат и К°», 1915. 640 стб.

REFERENCES

1. VII Kongress kommunisticheskogo internacionala i borba protiv fashizma i vojny: sb. dok. [The 7th Congress of the Communist International and the Struggle Against Fascism and War: Collection of Documents]. Moscow, Politizdat, 1975. 527 p.
2. Bogdanov O.V. Idei razoruzheniya v istorii mezhdunarodnyh otnoshenij i prava [Ideas of Disarmament in the History of International Relations and Law]. *Sovetskij ezhegodnik mezhdunarodnogo prava* [Soviet Yearbook of International Law], Moscow, Izd-vo AN SSSR, 1962, pp. 166-188.
3. *Bolshaya sovetskaya enciklopediya*. T. 44 [The Great Soviet Encyclopedia. Vol. 44]. Moscow, Sov. encikl. Publ., 1939. 416 p.
4. *Bolshaya sovetskaya enciklopediya*. T. 32 [The Great Soviet Encyclopedia. Vol. 32]. Moscow, Sov. encikl. Publ., 1955. 646 p.
5. *Bolshaya sovetskaya enciklopediya*. T. 7 [The Great Soviet Encyclopedia. Vol. 7]. Moscow, Sov. encikl. Publ., 1972. 608 p.
6. *Bol'shaya sovetskaya enciklopediya*. T. 19 [The Great Soviet Encyclopedia. Vol. 19]. Moscow, Sov. encikl. Publ., 1975. 648 p.
7. Bukovskij V.K. *Pacifisty protiv mira = Les pacifistes contre la paix* [Pacifists Against Peace]. Paris, La Presse libre, Cop. 1982. 102 p.
8. *Vopros vsekh voprosov: (Borba za mir i istoricheskie sudby chelovechestva)* [The Question of All Questions: (The Struggle for Peace and the Historical Fate of Mankind)]. Moscow, Politizdat, 1985. 272 p.
9. Vyshinskij P.E. Podgotovka novej vojny za shirmoj social-fashistskogo pacifizma [Preparation of a New War Behind the Screen of Social-Fascist Pacifism]. *Pod znamenem marksizma* [Under the Banner of Marxism], 1933, no. 5, pp. 40-65.
10. Gordeeva I.A. Vozniknovenie nezavisimogo mirnogo dvizheniya v SSSR v 1980-e gody [The Emergence of an Independent Peaceful Movement in the USSR in the 1980s]. *Vestnik RGGU. Seriya: Politologiya. Istoriya. Mezhdunarodnye otnosheniya* [Bulletin of the RSUH. Series: Political Science. History. International Relations], 2013, no. 1 (102), pp. 214-224.
11. Grabar V.E. *Materialy k istorii literatury mezhdunarodnogo prava v Rossii (1647–1917)* [Materials for the History of the Literature of International Law in Russia (1647–1917)]. Moscow, Izd-vo AN SSSR, 1958. 491 p.
12. Grossi V. Pacifizm: Dolgij put k sozdaniyu doktriny [Pacifism: A LONG Way to Creating a Doctrine]. *Pacifizm v istorii. Idei i dvizheniya mira* [Pacifism in History. Ideas and Movements of the World]. Moscow, IVI RAN, 1998, pp. 94-113.
13. Esin D.I. *Borba V.I. Lenina protiv pacifizma, za prevrashchenie vojny imperialisticheskoy v vojnu grazhdanskuyu: avtoref. dis. ... kand. ist. nauk* [V.I. Lenin's Struggle Against Pacifism, for the Transformation of the Imperialist war into a Civil War. Cand. hist. sci. abs. diss.]. Leningrad, 1951. 29 p.
14. Zinovyev G.E. *Sochineniya*. T. 5 [Works. Vol. 5]. Moscow, Petrograd, Gos. izd-vo, 1924. 542 p.
15. Zlatopolskij D.L. Borba za mir v evropejskikh stranah narodnoj demokratii [The Struggle for Peace in the European Countries of People's Democracy]. *Sovetskoe gosudarstvo i pravo* [The Soviet State and Law], 1952, no. 6, pp. 52-57.
16. Ilf I., Petrov E. *Sobranie sochinenij*. T. 5 [Collected Works. Vol. 5]. Moscow, Gos. izd-vo hudozh. lit., 1961. 740 p.
17. Ilyuhina R.M. Idejno-politicheskaya evolyuciya pacifizma v 1917–1939 gg. [The Ideological and Political Evolution of Pacifism in 1917–1939]. *Voprosy istorii* [Questions of History], 1989, no. 12, pp. 55-73.
18. Ilyuhina R.M. Pacifizm i nenasilstvennaya alternativa v istorii [Pacifism and the Nonviolent Alternative in History]. *Principy nenasiliya: klassicheskoe nasledie* [Principles of Nonviolence: Classical Heritage]. Moscow, Progress Publ., 1991, pp. 163-200.
19. Ilyuhina R.M. *Rossijskij pacifizm vchera i segodnya* [Russian Pacifism Yesterday and Today]. Moscow, IVI RAN, 1992. 100 p.
20. *Imperializm i vseobshchij krizis kapitalizma: rabochaya kniga dlya vuzov i komvuzov* [Imperialism and the General Crisis of Capitalism: A Workbook for Universities and Communist Universities]. Moscow, Leningrad, Gos. soc.-ekon. izd-vo, 1931. 653 p.
21. Kapto A.S. *Filosofiya mira: istoki, tendencii, perspektivy* [Philosophy of the Peace: Origins, Trends, Prospects]. Moscow, Politizdat, 1990. 431 p.
22. *Kommunisticheskij Internacional v dokumentah: resheniya, tezisy i vozzvaniya kongressov Kominterna i plenumov IKKI, 1919–1932* [The Communist International in Documents: Decisions, Theses and Appeals of the Congresses of the Comintern and the Plenums of the Executive Committee of the Communist International (ECCI), 1919–1932]. Moscow, Part. izd-vo, 1933. 1007 p.
23. *Kommunisticheskij Internacional pered VII vsemirnym kongressom (materialy)* [The Communist International Before the 7th World Congress (Proceedings)]. Moscow, Part. izd-vo, 1935. 606 p.

24. *Krizis kapitalizma, ugroza novyh vojn i intervencii: Statyi. Materialy* [The Crisis of Capitalism, the Threat of New Wars and Intervention: Articles. Materials]. Moscow, Partizdat, 1932. 167 p.
25. Levin D.B. Russkie yuristy-mezhdunarodniki o sushchnosti mezhdunarodnogo prava [Russian International Lawyers on the Essence of International Law]. *Sovetskij ezhegodnik mezhdunarodnogo prava, 1975* [The Soviet Yearbook of International Law, 1975]. Moscow, Nauka Publ., 1977, pp. 217-225.
26. Lenin V.I. *Poln. sobr. soch. T. 26* [The Complete Collection of Works. Vol. 26]. Moscow, Izd-vo polit. lit., 1969. 590 p.
27. Lenin V.I. *Poln. sobr. soch. T. 27* [The Complete Collection of Works. Vol. 27]. Moscow, Izd-vo polit. lit., 1969. 643 p.
28. Lenin V.I. *Poln. sobr. soch. T. 30* [The Complete Collection of Works. Vol. 30]. Moscow, Izd-vo polit. lit., 1969. 561 p.
29. Lenin V.I. *Poln. sobr. soch. T. 44* [The Complete Collection of Works. Vol. 44]. Moscow, Izd-vo polit. lit., 1970. 725 p.
30. Lenin V.I. *Poln. sobr. soch. T. 45* [The Complete Collection of Works. Vol. 45]. Moscow, Izd-vo polit. lit., 1970. 729 p.
31. Litvinov M.M. V borbe za mir: Rech'i [In the Struggle for Peace: Speeches]. Moscow, Partizdat, 1938. 195 p.
32. Mayakovskij V.V. *Polnoe sobranie sochineniy. T. 7* [The Complete Collection of Works. Vol. 7]. Moscow, Hudozh. lit. Publ., 1958. 536 p.
33. Mayakovskij V.V. *Polnoe sobranie sochineniy. T. 9* [The Complete Collection of Works. Vol. 9]. Moscow, Hudozh. lit. Publ., 1958. 611 p.
34. Milyukov P.N. *Vooruzhennyj mir i ogranichenie vooruzhenij* [The Armed Peace and the Limitation of Armaments]. Saint Petersburg, Tip. B.M. Volfa, 1911. 178 p.
35. Mihajlovich I.V. Pan-Evropa [Pan-Europe]. *Mezhdunarodnaya zhizn* [International Life], 1930, no. 4, pp. 64-74.
36. Ot redakcii [From the Editorial Office]. *Vestnik mira. Organ mezhdunarodnogo prava i kultury* [Bulletin of the World. The Body of International Law and Culture], 1912, Dec., pp. 1-4.
37. Proryv: Stanovlenie novogo myshleniya. Sovetskie i zapadnye uchenye prizyvayut k miru bez vojn [Breakthrough: The Formation of New Thinking. Soviet and Western Scientists Are Calling for a World Without Wars]. Moscow, Progress Publ., 1988. 368 p.
38. Rudnickaya E.L., Lisovoj N.N. Mirotvorcheskaya paradigma russkoj mysli [The Peacemaking Paradigm of Russian Thought]. *Mirotvorchestvo v Rossii: Cerkov, politiki, mysliteli. Ot rannego srednevekovya do rubezha XIX–XX stoletij* [Peacemaking in Russia: The Church, Politicians, and Thinkers. From the Early Middle Ages to the Turn of the 19th – 20th Centuries]. Moscow, Nauka Publ., 2003. pp. 4-27.
39. *Sovetskaya istoricheskaya enciklopediya. T. 4* [The Soviet Historical Encyclopedia. Vol. 4]. Moscow, Sov. encikl. Publ., 1963. 1072 col.
40. *Sovetskaya istoricheskaya enciklopediya. T. 10* [The Soviet Historical Encyclopedia. Vol. 10]. Moscow, Sov. encikl. Publ., 1967. 1040 col.
41. *Sovetskij soyuz v borbe za mir* [The Soviet Union in the Struggle for Peace]. Moscow, Leningrad, Gos. izd-vo, 1929. 343 p.
42. *Sovetskij enciklopedicheskiy slovar* [The Soviet Encyclopedic Dictionary]. Moscow, Sov. encikl. Publ., 1988. 1600 p.
43. *Spravochnik partijnogo rabotnika. Vyp. 7. Ch. 1* [Handbook of a Party Worker. Iss. 7. Pt. 1]. Moscow, Leningrad, Gos. izd-vo, 1930. 599 p.
44. Stalin I.V. *Istoriya vsesoyuznoj kommunisticheskoy partii (bolshevikov). Kratkij kurs* [History of the All-Union Communist Party (Bolsheviks). A Short Course]. Moscow, Izd-vo TsK VKP(b) Pravda, 1938. 352 p.
45. Stalin I.V. *Sochineniya. T. 6* [Works. Vol. 6]. Moscow, OGIZ, Gospolitizdat, 1947. 430 p.
46. Stalin I.V. *Sochineniya. T. 11* [Works. Vol. 11]. Moscow, OGIZ, Gospolitizdat, 1949. 382 p.
47. Stalin I.V. *Ekonomicheskie problemy socializma v SSSR* [Economic Problems of Socialism in the USSR]. Moscow, Gospolitizdat, 1952. 96 p.
48. *Stenograficheskij otchet VI kongressa Komintern. Vyp. 2* [Verbatim Report of the 6th Congress of the Comintern. Iss. 2]. Moscow, Leningrad, Gos. izd-vo, 1929. 203 p.
49. *Stenograficheskij otchet VI kongressa Komintern. Vyp. 6* [Verbatim Report of the 6th Congress of the Comintern. Iss. 6]. Moscow, Leningrad, Gos. izd-vo, 1929. 199 p.
50. Tarle G.A. *Rol sovetskoy obshchestvennosti v borbe za mir, 1945–1985 gg.: avtoref. dis. ... d-ra ist. nauk* [The Role of the Soviet Public in the Struggle for Peace, 1945–1985. Dr. hist. sci. abs. diss.]. Moscow, 1989. 48 p.
51. Taube M.A. Graf L. A. Kamarovskij (nekrolog) [Graf L.A. Kamarovsky (Obituary)]. *Zhurnal Ministerstva narodnogo prosveshcheniya* [Journal of the Ministry of National Education], 1913, no. 3, pp. 37-47.
52. Temkin Ya.G. Marksisty i pacifisty (iz opyta vzaimootnoshenij) [Marxists and Pacifists (From the Experience of Relationships)]. *Voprosy istorii KPSS* [Questions of the History of the CPSU], 1987, no. 8, pp. 56-68.
53. Trockij L.D. *Pyat let Komintern* [Five Years of the Comintern]. Moscow, Gos. izd-vo, 1924. 612 p.
54. *Enciklopedicheskiy slovar t-va «Br. A. i I. Granat i K°»*. T. 31 [Granat Encyclopedic Dictionary. Vol. 31]. Moscow, T-vo «Br. A. i I. Granat i K°», 1915. 640 col.

Information About the Author

Nikolay Yu. Nikolaev, Candidate of Sciences (History), Associate Professor, Department of Social and Humanitarian Disciplines, Volzhsky Politechnical Institute (branch) of Volgograd State Technical University, Engelsa St, 42a, 404121 Volzhsky, Russian Federation, nikcam@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-9878-4397>

Информация об авторе

Николай Юрьевич Николаев, кандидат исторических наук, доцент кафедры социально-гуманитарных дисциплин, Волжский политехнический институт (филиал) Волгоградского государственного технического университета, ул. Энгельса, 42а, 404121 г. Волжский, Российская Федерация, nikcam@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-9878-4397>



DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2024.3.19>

UDC 327.7/327.82(470+571)

LBC 66.4(2Рос),30

Submitted: 02.04.2024

Accepted: 21.05.2024

PROVIDING THE SECURITY OF RUSSIA AS A STATE-CIVILIZATION: COHERENCE OF WAR AND PEACE IN THE 21st CENTURY¹

Sergey A. Pankratov

Volgograd State University, Volgograd, Russian Federation

Sergey I. Morozov

Volgograd State University, Volgograd, Russian Federation

Liliia S. Pankratova

Sociological Institute, Federal Center of Theoretical and Applied Sociology, Russian Academy of Sciences,
Saint Petersburg, Russian Federation;

Saint Petersburg State University, Saint Petersburg, Russian Federation

Abstract. *Introduction.* The article reveals the vectors of rethinking the strategy and mechanisms for ensuring the security of modern Russia as a state-civilization in the conditions of turbulence in the existing system of international relations in the 21st century. Attention is focused on the transformation in the understanding of the basic characteristics of the state and the maintenance of war and peace in the context of the increasing conflict potential of countries of Western and non-Western civilizations. The relevance of the study is determined by the theoretical and practical demand for identifying the dominant factors contributing to or minimizing the parameters of inter-civilizational confrontation (including the armed one). *Methods and materials.* The authors use various versions of the civilizational approach, which allow them to interpret the functional specifics of Russia as a state-civilization, including when analyzing real and potential risks and threats. In characterizing the current system of international relations, ideas expressed in the works of domestic and foreign scientists, including U. Beck, H. Kissinger, S. Huntington, M.M. Lebedeva, and others, are used. Conceptual approaches to understanding war and peace (C. Clausewitz, K. Lorenz, V.K. Belozarov, and A.I. Podberezkin) form the basis of the authors' interpretation of the reasons, nature, and goals of military confrontation in the current century, the value perception of the world, and the prevention of armed conflicts. *Analysis and results.* The study interpreted the dominant conditions and factors that determine the strategy and methods of providing the security of Russian society and the state in the context of the aggravation of inter-civilizational confrontation in the 21st century. The main directions of transformation in understanding are identified and analyzed: the interrelation of war and peace; the goals, nature, types, etc. of armed and unarmed inter-civilizational confrontation; the values of the state of peace and security; and resources for their maintenance and reproduction. The relationship between the nature of modern armed conflicts and the priorities of ensuring the security of Russia as a state-civilization is traced. *Authors' contribution.* S.A. Pankratov developed the theoretical and methodological basis of the study. S.I. Morozov analyzed the dominant trends in providing the security of Russia, interpreted data related to the transformation in the scientific discourse and public consciousness of the population of the country, and set goals for understanding war and peace. L.S. Pankratova identified the basic characteristics of Russia as a state-civilization and interpreted the dominant threats and risks in the conditions of modern inter-civilizational confrontation.

Key words: Russia, state-civilization, military conflicts, security, risks, threats.

Citation. Pankratov S.A., Morozov S.I., Pankratova L.S. Providing the Security of Russia as a State-Civilization: Coherence of War and Peace in the 21st Century. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 4. Istoriya. Regionovedenie. Mezhdunarodnye otnosheniya* [Science Journal of Volgograd State University. History. Area Studies. International Relations], 2024, vol. 29, no. 3, pp. 231-244. (in Russian). DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2024.3.19>

**ОБЕСПЕЧЕНИЕ БЕЗОПАСНОСТИ РОССИИ
КАК ГОСУДАРСТВА-ЦИВИЛИЗАЦИИ:
ДИАЛЕКТИКА ВОЙНЫ И МИРА В XXI ВЕКЕ ¹**

Сергей Анатольевич Панкратов

Волгоградский государственный университет, г. Волгоград, Российская Федерация

Сергей Иванович Морозов

Волгоградский государственный университет, г. Волгоград, Российская Федерация

Лилия Сергеевна Панкратова

Социологический институт РАН Федерального научно-исследовательского социологического центра РАН,
г. Санкт-Петербург, Российская Федерация;

Санкт-Петербургский государственный университет, г. Санкт-Петербург, Российская Федерация

Аннотация. *Введение.* В статье раскрываются векторы переосмысления стратегии и механизмов обеспечения безопасности современной России как государства-цивилизации в условиях турбулентности сложившейся системы международных отношений XXI века. Акцентируется внимание на трансформации в понимании базовых характеристик состояния / поддержания войны и мира в контексте усиления конфликтности стран западной и незападной цивилизаций. Актуальность исследования определяется теоретической и практической востребованностью выделения доминирующих факторов, которые способствуют / минимизируют параметры межцивилизационного противостояния (в том числе вооруженного). *Методы и материалы.* Авторы используют различные версии цивилизационного подхода, позволяющие интерпретировать функциональную специфику России как государства-цивилизации, в том числе при анализе реальных и потенциальных рисков и угроз. При характеристике нынешней системы международных отношений используются идеи, высказанные в трудах отечественных и зарубежных ученых, в частности У. Беком, Г. Киссинджером, С. Хантингтоном, М.М. Лебедевой и др. Концептуальные подходы к пониманию войны и мира (К. Клаузевиц, К. Лоренц, В.К. Белозеров, А.И. Подберезкин) положены в основу авторской интерпретации причин, характера, целей военного противостояния в нынешнем веке, ценностного восприятия мира и предотвращения вооруженных конфликтов. *Анализ и результаты.* В ходе исследования интерпретированы доминирующие условия и факторы, определяющие стратегию и методы обеспечения безопасности российского общества и государства в контексте обострения межцивилизационного противоборства в XXI веке. Выделены и проанализированы основные направления трансформации в понимании: взаимосвязи войны и мира; целей, характера, видов и т. д. вооруженного / невооруженного межцивилизационного противостояния; ценности состояния мира и безопасности, ресурсов для их поддержания и воспроизводства. Прослежена взаимосвязь между характером протекания современных вооруженных конфликтов и приоритетами обеспечения безопасности России как государства-цивилизации. *Вклад авторов.* С.А. Панкратов разработал теоретико-методологическую базу исследования. С.И. Морозов проанализировал доминирующие тенденции в обеспечении безопасности России, интерпретировал данные, связанные с трансформацией в научном дискурсе и общественном сознании населения характера, целей в понимании войны и мира. Л.С. Панкратова выделила базовые характеристики России как государства-цивилизации, интерпретировала доминирующие угрозы и риски в условиях современного межцивилизационного противостояния.

Ключевые слова: Россия, государство-цивилизация, военные конфликты, безопасность, риски, угрозы.

Цитирование. Панкратов С. А., Морозов С. И., Панкратова Л. С. Обеспечение безопасности России как государства-цивилизации: диалектика войны и мира в XXI веке // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 4, История. Регионоведение. Международные отношения. – 2024. – Т. 29, № 3. – С. 231–244. – DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2024.3.19>

Введение. В настоящее время особенно остро перед научным сообществом возникает необходимость переосмысления таких феноменов, как война и мир, во многом определяющих протекание процессов внутренней и внешней политики государств, имеющих неодинаковый экономический, военно-стратегический и т. д. статус в сложившейся системе международных отношений. При этом на формы и технологии обеспечения различных уровней безопасности (глобальный, региональный, национальный) оказывает влияние усложнение и конфликтогенность взаимодействия стран, что не в последнюю очередь связано с участвовавшими практиками активизации внешнего вмешательства одних субъектов в «привычно суверенную» сферу других. Следует признать, что серия «цветных революций» в различных регионах мира [9; 28] обострила восприятие практик иностранного вмешательства как угрозу национальному суверенитету и в крупных державах, и в странах, лишь закрепляющих свою обретенную государственность. Государства, позиционировавшие себя до настоящего времени как субъект вмешательства, осознали опасности превращения в объект воздействия.

К факторам, способствующим усилению отмеченной тенденции количественного роста и диверсификации форм внешнего влияния, относятся «технологические изменения и сопутствующее им умножение политических эффектов экстерриториальности... Политические процессы охватили цифровое пространство. Возможность онлайн-коммуникации и цифровизация привели к размыванию традиционных границ политических действий» [47, с. 86]. При этом, с одной стороны, ряд технологий и эффектов коммуникационного влияния оказались вне сферы государственного контроля, с другой стороны, возникшие в связи с этим формы внутри- и внешнеполитической активности (имеющие часто только виртуальный опыт) оказывают неоднозначное влияние на формирование идентичности (гражданской, социокультурной и т. д.), что в свою очередь порождает феномен «многоликой лояльности», не всегда совпадающих интересов и ценностей.

Именно в логике войны (противоборства) носителей (субъектов) несовпадающих (про-

тивоположных) ценностных систем, как никогда ранее, обострились вызовы, связанные с целенаправленной политикой «миграции ценностей», которые к тому же способны выступать основанием транзита инородных интересов. Вектор осознания государствами, элитными группами проблем «инновационного вмешательства» (насилия) трансформировался в практики выработки технологий обеспечения безопасности, поиска эффективных форм и способов противодействия этому процессу на системном уровне. Как подчеркнул в своем Послании Федеральному собранию Президент России В.В. Путин, «мы все, граждане России, будем вместе защищать нашу свободу, право на мирную и достойную жизнь, сами и только сами определять свой путь, беречь связь поколений, а значит, непрерывность исторического развития, решать те задачи, которые стоят перед страной, исходя из нашего мировоззрения, наших традиций, верований, которые мы передадим своим детям» [36].

Следует признать, что в результате распада СССР в конце XX в. Россия оказалась в относительно схожей ситуации 30-х – 40-х гг. того же века – в «недружественном окружении». Понять динамику развития РФ в нынешнем веке можно лишь через сочетание «проблем идентичности, динамики международной системы, стремления России стать частью текущих тенденций современности и в то же время настаивать на собственном культурном опыте и опыте развития» [38, с. 49]. С точки зрения авторов настоящей статьи, первую треть XXI в. следует охарактеризовать как процесс противостояния России коллективному Западу, в основе которого лежат не идеологические постулаты между капитализмом и коммунизмом (как это было в период холодной войны прошлого века), а существенные различия в подходах к концептуальному видению и практике формирования справедливого миропорядка. Разница глубинных ценностных и базисных геополитических элементов, постулируемых конфликтующими сторонами, позволяет сделать вывод о проявлении цивилизационного столкновения, где доминирующими «разделительными точками» выступают противоположно несовместимые модели (однополярность / многополярность) международной системы.

Сложилась ситуация, когда, с одной стороны, США и другие государства, входящие в блок НАТО (коллективного Запада), готовы всеми возможными способами и средствами препятствовать трансформации однополярного мира к многополярному; с другой стороны, Россия, Китай со странами БРИКС и «глобального неевропейского большинства» способны противостоять продолжению реализации политики, основанной на неоколониальных принципах. В этой связи возникает у отдельных групп правящих прозападных элит соблазн радикального выхода из сложившегося «тупика» – изменения сил в современной системе международных отношений, воспроизводства цивилизационного доминирования через войну. Таким образом, актуальность темы и проблемного поля данного исследования определяется теоретической и практической востребованностью анализа доминирующих факторов обострения / минимизации межцивилизационного противостояния, интерпретации процессов / состояний войны и мира, условий и технологий обеспечения безопасности России как государства-цивилизации в XXI веке.

Методы и материалы. При подготовке статьи авторы опирались на принципы и методы исследования, выработанные в рамках политической науки, современного исторического, философского и социологического знания. Одной из исходных методологических посылок выступало понимание того, что в основе функционирования любого социального организма (институционального / неинституционального), в том числе государства, лежит необходимость минимизации дезорганизующего влияния со стороны внутренней и внешней среды. В этом контексте безопасность целесообразно определить как состояние организма, во-первых сохраняющего свою целостность, во-вторых способного к саморазвитию, несмотря на воздействия внешних и внутренних вызовов и угроз. При этом важнейшей характерной чертой безопасного состояния выступает относительная статичность, не являющаяся сдерживающим фактором развития (изменения) [1; 39].

Одним из элементов системы дезорганизующих факторов является война. Сущностная природа войны в рамках данной статьи

рассматривается в нескольких ракурсах: как средство достижения цели представителями правящей элиты; как процесс взаимодействия (в том числе вооруженного) между несколькими соперничающими субъектами; как состояние общества с доминированием вооруженного насилия для решения определенного круга задач [7]. При этом авторы, не углубляясь в детали продолжающегося научного спора о том, что сохраняет ли война как общественный феномен свой политический характер или доминирующими в настоящее время выступают сущностные признаки войны, исходят из признания войны как политического инструмента разрешения конфликта и отставивания политических интересов противоборствующими субъектами (по Клаузевицу).

Методологически социально-политический анализ понимания войны и мира в целом отличается от «военного» специализированного подхода к объяснению данных явлений. Особенность используемого в работе политического ракурса исследования заключается в выявлении и обосновании тенденций трансформации современного миропорядка и характера военно-политической обстановки; эволюции интересов правящих элит в первую очередь сильнейших стран в экономическом и, как следствие, военно-техническом плане; интерпретации векторов регионализации мира по характеру и направленности соотношения сил ведущих политических субъектов [3; 4; 8; 23]. При этом история войн требует, скорее всего, принять тезис И. Канта, утверждавшего, что «состояние мира между людьми, живущими по соседству, не есть естественное состояние (*status naturalis*); последнее, наоборот, есть состояние войны, то есть если и не непрерывные враждебные действия, то постоянная их угроза. Следовательно, состояние мира должно быть установлено» [19, с. 266].

Характеристика проявления направлений и противоречий трансформации нынешней системы международных отношений, интерпретация специфики геополитического противостояния между РФ и недружественными странами опирается на теоретические конструкции авторитетных отечественных и зарубежных исследователей, акцентирующих внимание на структуре и перспективах современного мироустройства (Г. Киссинджер, М.М. Ле-

бедева) [20; 24], источниках и видах рисков и угроз (У. Бек, О.В. Гаман-Голутвина) [2], генезисе конфликтности между Россией и так называемыми передовыми, цивилизованными государствами Европы и США (З. Бжезинский, С. Хантингтон и др.) [6].

При раскрытии динамических характеристик факторов, способствующих эффективному обеспечению безопасности РФ, авторы опираются на всесторонне раскрытую М.М. Лебедевой структуру организации современного мира, образованную «тремя основными уровнями: 1) Вестфальская политическая система; 2) система международных (межгосударственных) отношений, включающая в себя конфигурацию ведущих государств мира, а также иные структуры, образованные государствами (международные организации, интеграционные объединения, клубные форматы взаимодействия и т. п.); 3) совокупность политических систем различных государств мира. При этом все три уровня испытывают взаимные влияния друг друга, что в современных условиях при их одновременной трансформации образует эффект “идеального шторма”» [25, с. 12].

Интерпретация России как государства-цивилизации в методологическом плане натолкнулась на ряд концептуальных проблем. До сих пор в научном дискурсе существуют различные подходы к определению «цивилизация», структурных и содержательных элементов мировой и локальных цивилизаций [21; 29; 30; 33]. Очень точно в этом плане подметил М. Лернер, что цивилизация гораздо большее, чем сумма составляющих ее частей. Как утверждает исследователь, «можно подробно описать население, армию, технику, экономику, политику, искусства, можно описать города и веси, классы и сословия, нравы и мораль, и все равно останется нечто неуловимое, то, что лучше всего было бы назвать духом нации» [26, с. 11].

В качестве рабочего авторами было принято предложенное и обоснованное Ю.В. Яковцом определение локальной цивилизации (к которой, безусловно, относится Россия) как части «мирового цивилизационного пространства, включающей группу народов (этносов, государств), которые отличаются общностью духовных (культурных, этических, религиозных)

ценностей, исторических судеб, экономических и геополитических интересов» [48, с. 17]. Данный методологический выбор, с нашей точки зрения, может считаться корректным, так как в значительной степени позволяет решить основные исследовательские задачи: с одной стороны, выделить духовные, экономические и другие составляющие России как цивилизационного образования; с другой стороны, через диалектическое единство войны и мира выявить геополитические основания противостояния России как государства-цивилизации с иными, «недружественными» локальными цивилизациями и предложить основные направления в обеспечении безопасности.

Анализ. Исследование различных аспектов обеспечения безопасности (национально-государственной, научно-технологической, социальной, конституционной и т. д.) российского общества и государства постоянно находится во внимании представителей отечественного научного сообщества. Вместе с тем обеспечение безопасности России как государства-цивилизации в аналитических рамках научного социально-политического дискурса как непосредственный предмет исследования представлен ограниченно, несмотря на то что имеет глубокие исторические корни. Это связано с целым рядом объективных и субъективных причин, в том числе недавним доминированием классового и стадийного методологических концептов; нахождением лишь на начальной стадии процесса преодоления «западноцентричного» взгляда на судьбу и перспективы развития локальных цивилизаций в эпоху глобализации; недооценкой эвристического потенциала собственно цивилизационного подхода, связанного с неоднозначностью / противоречивостью трактовок в понимании цивилизации, ее сущностных и структурных компонентов [12; 32; 42; 45; 46].

В настоящее время цивилизационный подход в отечественной политологии широко используется при анализе: этапов и тенденций развития российской цивилизации; идентификационных стратегий и индикаторов, объективируемых в характере российской политической культуры; геополитических приоритетов и обеспечения безопасности в контексте взаимодействия России как государства-цивилизации с иными локальными цивилизация-

ми; причин и условий возникновения, разрешения различных противоречий, приводящих к противостоянию / согласованию интересов и т. д. [14, с. 11].

При этом авторы исходят из того, что: в научном сообществе продолжается дискуссия о базовых характеристиках российской / русской / славянской / евразийской цивилизации в сравнении с иными цивилизационными образованиями [35; 36]; в постсоветский период возникли различные версии (возможные, в том числе пессимистические, сценарии) перспектив развития российской цивилизации (от прекращения самостоятельного существования «со своей социокультурной матрицей» и превращения в составной элемент западноевропейской цивилизации до перемещения на периферию в качестве зависимой институции, обслуживающей интересы Запада); признание тысячелетнего опыта существования самостоятельной российской государственности определяет «особое положение России как самобытного государства-цивилизации, обширной евразийской и евро-тихоокеанской державы, сплотившей русский народ и другие народы, составляющие культурно-цивилизационную общность Русского мира» [22].

Цивилизационные моменты российской государственности нашли свое интеллектуальное выражение в так называемой русской идеи [5; 17; 40], которая, по замечанию М.В. Ильина, «как относительно отстраненный аспект более широкого самоощущения своего исторического предназначения столь же стара, как и наша цивилизация. Она проявляется в самых разнообразных попытках выразить и зафиксировать самосознание цивилизации, основу целедостижения открытой политической системы, создававшей Русь – Московию – Россию – СССР – РФ» [18, с. 367].

В этом контексте важно подчеркнуть, что Россия и западноевропейские страны, имея общие генетические и исторические корни, являют собой параллельно развивающиеся цивилизации. Однако, по мнению Л.Н. Гумилева, «российский суперэтнос возник на 500 лет позже. И мы, и западноевропейцы всегда это различие ощущали и за “своих” друг друга не считали... Наш возраст, уровень пассионарности предполагает совсем иные императивы поведения» [11, с. 256]. Изучив опыт

«Христианского мира», Л.Н. Гумилев заключил, что возникающее у некоторых желание «“войти в круг цивилизованных народов”, то есть чужой суперэтнос» обязательно должно соизмеряться с тем, «что ценой присоединения в любом случае будет полный отказ от отечественных традиций и последующая ассимиляция» [11, с. 256].

Научные прогнозы противостояния локальных цивилизаций достаточно широко представлены в литературе. Концепция столкновения цивилизаций С. Хантингтона обосновывает прогностический сценарий беспощадной борьбы цивилизаций за обладание объективно ограниченными ресурсами жизнедеятельности социума. Доминирующей опасностью «глобальной межцивилизационной войны», с точки зрения С. Хантингтона, может выступить «изменение расстановки сил между цивилизациями и их стержневыми странами» [44].

Свое понимание и видение противоборства цивилизаций предложил Э. Тоффлер, выделяющий три волны цивилизационного существования. «В разделенном на три сектора Первой волны представляет сельскохозяйственные и минеральные ресурсы, сектор Второй волны дает дешевый труд и массовое производство, а быстро расширяющийся сектор Третьей волны восходит к доминированию, основанному на новых способах, которыми создается и используется знание. Страны Третьей волны продают всему миру информацию и новшества, менеджмент, культуру, передовые технологии, программное обеспечение, образование, профессиональное обучение, здравоохранение, финансирование и другие услуги. Одной из этих услуг может оказаться военная защита, основанная на владении превосходящими вооруженными силами Третьей волны» [43, с. 51–52].

Реалии века прошедшего и века нынешнего демонстрируют практики цивилизационного противостояния. Как справедливо отмечают эксперты Изборского клуба, реализация США проекта по реформатированию Большого Ближнего Востока спровоцировала очередной виток столкновения Запада с миром ислама. Практикой создания еще одного очага межцивилизационной напряженности следует охарактеризовать стремление США и его европейских союзников создать Украину

как анти-Россию, тем самым спровоцировав еще одну войну цивилизаций [15, с. 13].

Президент России В.В. Путин неоднократно в своих выступлениях обращал внимание на попытки Запада после распада СССР «добить Россию как самую большую сохранившуюся часть нашего исторического государственного пространства» [35]. При этом ярость, озлобленность вызывает политика РФ, основанная на отстаивании собственных национально-государственных интересов, обеспечении безопасности и отказе от «бесценных благ», создаваемых и транслируемых единственной в мире сверхдержавой – США [13, с. 7]. «Самое сложное для США – принять реальность наличия независимых центров в Китае, России, Индии, Бразилии, Иране, Африканском союзе и в других местах» [10]. Именно противодействие со стороны США становлению и укреплению многополярности делает нынешний мир более опасным, инициируя цивилизационное противоборство, в том числе в форме вооруженных конфликтов и использования новых видов войны.

Целевые установки вооруженных конфликтов в XX в. (уничтожение армии, оккупация территории и т. д.) дополняются, а в отдельных случаях существенно трансформируются в нынешнем столетии (победа одной локальной цивилизации над другой, проявляющаяся в замене ценностной, управленческой системы, поведенческих практик и др.). Современная война включает в себя структурное и содержательное многообразие вооруженных и невооруженных силовых средств воздействия. При этом тенденции развития современных межгосударственных отношений указывают скорее на реализацию негативных сценариев цивилизационного противоборства, проявляющихся: в обеспечении информационного превосходства над оппонентом (противником); одновременном проведении операций в различных пространствах (на суше, в космическом, морском, информационном и др.); достижении целей в первую очередь через использование высокоточных средств вооружения; мобилизации военно-политических союзов и коалиционных группировок.

Один из гипотетических вариантов включения России в вооруженное столкновение в XXI в. представлен в работе С.Б. Переслегина.

Его футурологическая концепция трех войн базируется на необходимости стратегического планирования по готовности РФ к последовательному / одновременному участию в вооруженном конфликте: внутри страны (по примеру событий в Чеченской Республике); локального характера (предположительно, на Дальнем Востоке); в «большой войне» со странами НАТО / США. Приводя аргументы в обосновании потенциальных и реальных рисков и угроз, автор концепции акцентирует внимание на том, что «борьба глобальных проектов будет сопровождаться такой необычной, ранее встречающейся как редкое исключение формой войны, как уничтожение господствующей онтологии противника, самой основы его государственной, этнической, конфессиональной и личной идентификации. Сегодня мы не можем представить, к каким последствиям приведет такая война, но, во всяком случае, война онтологий будет гораздо более жесткой, нежели война идеологий» [34].

Границы применения силы определяются в том числе стремлением принудить противника к предлагаемым условиям без существенных материальных и людских потерь. Наибольший эффект военного принуждения достигается опосредованно, через финансово-экономическое давление, международные (экономические, гуманитарные и другие санкции), а также через запугивание путем возможного применения военной агрессии. Как одна из самых совершенных и эффективных в XXI в. зарекомендовала себя практика ослабления государства-цивилизации через стимулирование оппозиции деструктивной направленности.

Авторы в целом разделяют позицию ряда представителей экспертного сообщества (в частности, Ф. Лукьянова), указывающих на историко-политическую обоснованность реализации целей специальной военной операции (СВО), проводимой Россией, в контексте попытки разрешения сложившейся единой системы противоречий в отношениях РФ с НАТО во главе с США и взаимодействия России и Украины. Суть противоречий заключается в том, что параллельно объективному процессу институализации отдельной украинской идентичности (после распада СССР) западными странами был запущен проект ослаб-

ления российской государственности путем инкорпорирования враждебных ей сил на территорию Украины [27, с. 15]. Как указывал в своей статье «Об историческом единстве русских и украинцев» В.В. Путин, «шаг за шагом Украину втягивали в опасную геополитическую игру, цель которой – превратить Украину в барьер между Европой и Россией, в плацдарм против России. Неизбежно пришло время, когда концепция “Украина – не Россия” уже не устраивала. Потребовалась “анти-Россия”, с чем мы никогда не смиримся» [37].

Европейскими элитами в мировом сообществе под лозунгом «Путин не остановится на Украине» фактически запущена кампания по подготовке к войне с Россией. Мотивационным основанием такой политики выступает тезис, транслируемый глобалистскими элитами в общественное сознание сограждан, что победа РФ на Украине поставит под удар главные институциональные достижения – Евросоюз и НАТО. При этом, делая ставку на затяжную войну, европейские лидеры, воюя «руками украинцев», убеждают себя и мир, «что Москва не применит в украинском конфликте ядерное оружие» [10].

Накал межцивилизационного противостояния проявляется и в том, что попытки объяснить действующей политической элите на Западе, что их русофобская политика разрушительна и приведет к тяжелым последствиям, в том числе для их стран, апеллирование к истории и урокам мировых войн не срабатывает. В этих условиях Россия вынуждена реализовывать комплекс подходов к разработке и развертыванию условно-стратегических вооружений, направленных на поддержание «стратегической стабильности с помощью угрозы гарантированного применения ядерного оружия в любых условиях (с учетом развития в том числе прорывных технологий) и тем самым обеспечения ядерного сдерживания» [41, с. 41].

Суть русофобского отношения Запада к России точно выразил И.А. Ильин «Европейцам “нужна” дурная Россия: варварская, чтобы “цивилизовать” ее по-своему; угрожающая своими размерами, чтобы ее можно было расчленить; завоевательная, чтобы организовать коалицию против нее; реакционная, чтобы оправдать в ней революцию и требовать для нее

республики; религиозно-разлагающаяся, чтобы вломиться в нее с пропагандой реформации или католицизма; хозяйственно-несостоятельная, чтобы претендовать на ее “неиспользованные” пространства, на ее сырье или, по крайней мере, на выгодные торговые договоры и концессии. Но если эту “гнилую” Россию можно стратегически использовать, тогда европейцы готовы заключить с ней союзы и требовать от нее военных усилий “до последней капли ее крови”» [16, с. 95].

С точки зрения известного американского экономиста, профессора Колумбийского университета, специального советника трех генеральных секретарей ООН Дж. Сакса, «войны, которые вела Америка во Вьетнаме, Афганистане, Ираке, а теперь и Украине, тянутся годами и десятилетиями. Война – это бизнес» и перечисленные войны «обогатили американский военно-промышленный комплекс» [10].

При анализе ресурсной базы обеспечения эффективной безопасности России необходимо учитывать тенденцию превращения областей жизнедеятельности, не связанных напрямую с вооруженным противоборством, в фактор, определяющий уровень защищенности. Приоритетное значение в создании современной системы безопасности приобретают «невоенные» сферы, такие как информационные, инфраструктурные, социально-экономические, реализующие свой «оборонный» потенциал через экономические санкции, психологическую и информационную войну, идеологические диверсии, кибератаки и т. д.

В процессе обеспечения безопасности России необходимо учитывать риски и угрозы, потенциально способные перерасти в вооруженные конфликты. К таковым, с нашей точки зрения, могут быть отнесены: несовпадение границ этноконфессионального компактного проживания отдельных групп населения с административными границами как внутри федеративного устройства России, так и за ее пределами, на пограничных территориях, особенно в странах СНГ; состояние неравномерности распределения ресурсов, уровня и качества жизни в регионах РФ, что может потенциально спровоцировать сепаратистские тенденции и активизацию популистских оппо-

зиционных сил, использующих манипулятивные технологии для инспирирования спекулятивных ожиданий сограждан.

Таким образом, на рубеже XX и XXI вв. в условиях кризиса реализации американской (либеральной) модели глобализации, усиления тенденций к формированию и институционализации многополярного миропорядка актуализировалась проблема необходимости самозащиты локальных цивилизаций, ядром которых выступают государства, от ослабления и исчезновения [14, с. 15]. Россия напрямую вовлечена в этот процесс, фактически возглавив движение «глобального неевропейского большинства» по отстаиванию права на сохранение цивилизационной идентичности и самоценность любых цивилизационных образований. При этом «США продолжают считать универсально востребованными свои ценности, которые следует заложить в основу мирового порядка, и оставляют за собой право на их поддержку в глобальном масштабе» [20, с. 16].

А.С. Панарин отмечает: «...история мировых цивилизаций свидетельствует, что цивилизация способна претерпеть любой материальный урон и воссоздать себя, если уцелело ее ценностное ядро... Это в высшей степени актуально для современных обществ, и в особенности для России, ценностное ядро которой пытаются разрушить внутренние и внешние вестернизаторы, раздраженные сопротивляемостью российского “менталитета”» [31, с. 17].

Следовательно, необходимо подчеркнуть, что существенным аспектом обеспечения безопасности России в цивилизационном измерении неизбежно осуществляется с учетом характера деятельности ныне существующих цивилизаций, позиционирующих себя как дружественные, враждебные, нейтральные. При этом безопасность России как государства-цивилизации (цивилизационная безопасность) выступает самостоятельным видом, несводимым к национальной или государственной безопасности. Фактически цивилизационная безопасность России как лидера (ядра) локальной цивилизации представляет собой конституционно закрепленные законодательные и практические меры (способы) обеспечения интересов личности, институтов общества и государства от негативного, в том

числе военного, воздействия внешних и внутренних вызовов и угроз.

Результаты. Социально-политический анализ способов обеспечения безопасности на различных уровнях (международном, региональном, национально-государственном) за последние несколько десятилетий позволяет выделить две доминирующие модели: выработка и соблюдение международно-правовых принципов в рамках договоров и соглашений; опора на военное превосходство и силу. В конце прошлого – начале текущего века произошла стремительная девальвация международно-правовой модели обеспечения безопасности. Как указывают эксперты, начало этого процесса «можно отнести к интервенции НАТО в Югославию и попытке создать “однополюсный мир”». Военный конфликт на Украине показывает, что де-факто эта модель превратилась в правовой инструмент политики США и их союзников» [13, с. 41].

Современная конфликтность в значительной степени и определяется стремлением США сохранить институциональную конфигурацию однополярного мира. При этом с большой долей вероятности можно утверждать, что в настоящее время реализуются элементы политического сценария по искусственной (сознательно спровоцированной) эскалации военного противоборства между западной и иными (исламской, китайской, православной и др.) локальными цивилизациями. Маниакальное стремление Украины вступить в НАТО или принять ее в блок является лишь одним из последовательных этапов в стратегическом плане достижения поражения / уничтожения России как государства-цивилизации.

С нашей точки зрения, в этом контексте государства, идентифицирующие себя с ядром европейской цивилизации, не выступают в среднесрочной перспективе как политический, экономический, культурный партнер России. В этом случае любую форму военного противостояния России с недружественными странами коллективного Запада, приоритеты обеспечения безопасности общества и государства необходимо рассматривать в контексте противоречий мирового политического процесса, определяемого в том числе системой постоянных и переменных факторов: идеологических, военно-технических, социально-экономических,

природных и др. Вместе с тем опыт холодной войны указывает на то, что достижение компромисса между государствами, олицетворяющими ядра локальных цивилизаций в условиях непримиримого конфликта, может основываться только на чувстве страха и осознания реальной угрозы возмездия в случае провокационных практик использования насилия.

В то же время можем констатировать наличие некой дилеммы безопасности – каждое действие РФ по укреплению своей безопасности воспринимается США и иными странами НАТО как угроза их безопасности. Одним из выходов в данной ситуации выступает восстановление разрушенной по инициативе Запада всеобъемлющей системы контроля над вооружениями. Однако очевидно, что данный подход не сочетается с целью большинства стран ЕС и США нанести стратегическое поражение России.

Россия, как и ранее СССР, неоднократно выходила с инициативами о создании системы международной и европейской безопасности на принципах равноправия и справедливости. Вместе с тем большинство из данных инициатив игнорировались или «забалтывались» странами так называемого цивилизованного Запада, так как это требовало признания цивилизационного и политического равенства и значимости российской цивилизации, что совершенно не вписывается в идеологию неолиберального доминирования европейских ценностных стандартов в структуре однополярного мироустройства.

Следовательно, мировое сообщество находится в начале формирования новой парадигмы вооруженной борьбы на основе массового использования кибероружия, ударных беспилотных летательных аппаратов, частных армий и т. д.; национальные ценности, образование, культура становятся главнейшей целью силовой борьбы; в связи с этим существенно затрудняется (становится практически невозможным) четкое определение временных границ между состоянием войны и мира.

С точки зрения авторов, вероятность реализации апокалиптического сценария в противостоянии (включая вооруженное) локальных цивилизаций, в том числе европейской и православной (ядром которой выступает рос-

сийское государство), в условиях турбулентности современного миропорядка может снизить лишь: отказ от политики и практик формирования, воспроизводства и транслирования «образа врага» институтами государства и гражданского общества; переформатирование на уровне правящих элит культуры военно-стратегического мышления, включая инкорпорирование элементов переоценки восприятия войны и мира; преодоление иллюзорности военного реванша через «сокрушимость» противника (оппонента) посредством «первого удара», не предполагающего адекватного ответа; поступательное движение к наращиванию потенциала взаимного доверия через поиск пересечения / совпадения интересов.

ПРИМЕЧАНИЕ

¹ Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 23-18-01067, <https://rscf.ru/project/23-18-01067/>. «Образы, концепты, проекты и модели цивилизационного развития российского общества».

The research was carried out at the expense of a grant from the Russian Science Foundation № 23-18-01067, <https://rscf.ru/project/23-18-01067/>. «Images, concepts, projects and models of civilizational development of Russian society».

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Арбатов А. Безопасность: российский выбор. М.: ЭПИ-центр, 1999. 524 с.
2. Бек У. Общество риска. На пути к другому модерну. М.: Прогресс-традиция, 2000. 381 с.
3. Белозеров В. К. Военная картина мира как детерминант обеспечения национальной безопасности России // Новые вызовы и угрозы безопасности РФ в условиях глобальных и локальных трансформаций / под общ. ред. С. В. Устинкина, А. В. Никитина. М.: РУСАЙНС, 2023. С. 18–35.
4. Белозеров В. К. Генезис исследования войны как политического феномена в дореволюционной России // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 4, История. Регионоведение. Международные отношения. 2021. Т. 26, № 1. С. 190–200. DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2021.1.17>
5. Бердяев Н. А. Русская идея. Основные проблемы русской мысли XIX века и начала XX века // О России и русской философской культуре. Фи-

лософы русского послеоктябрьского зарубежья. М.: Наука. 1990. С. 43–271.

6. Бжезинский З. Великая шахматная доска : (Господство Америки и его геостратегические императивы). М.: Междунар. отношения, 1998. 254 с.

7. Бочарников И. В., Лемешев С. В., Люткене Г. В. Современные концепции войн и практика военного строительства. М.: Экон-информ, 2013. 144 с.

8. Военные науки versus наука о войне в Австрии и в России / под общ. ред. В. К. Белозерова, А. Дубови. М.: МГЛУ, 2021. 186, 192 с.

9. Гапич А. Э., Лушников Д. А. Технологии цветных революций. М.: РИОР: ИНФРА, 2014. 126 с.

10. Гасюк А. Прошла эпоха гегемонов // Российская газета. 2024. 19 февр.

11. Гумилев Л. Н. От Руси до России : Очерки этнической истории. СПб.: Юна, 1992. 272 с.

12. Данилевский Н. Я. Россия и Европа. М.: Книга, 1991. 573 с.

13. Долгосрочные сценарии развития стратегической обстановки, войн и военных конфликтов в XXI веке: аналит. докл. / авт. коллектив: А. И. Подберезкин (рук.) [и др.]. М.: МГИМО-Университет, 2014. 175 с.

14. Завьялов В. Т. Особенности политических процессов в современной России: цивилизационный контекст. М.: Полит. энцикл., 2014. 166 с.

15. Иванов В., Малинецкий Г. Наука и войны будущего: доклад Изборскому клубу // Изборский клуб: русские стратегии. 2015. № 5 (29). С. 6–37.

16. Ильин И. А. Мировая политика русских государей // Профессор И.А. Ильин. Наши задачи. Статьи 1948–1954 гг. В 2 т. Т. 1. Париж: Изд. Рус. Обще-Воинского Союза, 1956. С. 94–96.

17. Ильин И. А. О русской идее // О грядущей России : Избранные статьи / под ред. Н. П. Полторацкого. М.: Воениздат. 1993. С. 318–327.

18. Ильин М. В. Слова и смыслы. Опыт описания ключевых политических понятий. М.: РОССПЭН, 1997. 432 с.

19. Кант И. К вечному миру // Собрание сочинений. В 6 т. Т. 6. М.: Мысль, 1966. С. 257–309.

20. Киссинджер Г. Мировой порядок. М.: АСТ, 2019. 544 с.

21. Козловский В. В. Модели цивилизационного развития современных обществ: самоопределение и взаимодействие // Журнал социологии и социальной антропологии. 2023. № 26 (4). С. 41–62.

22. Концепция внешней политики Российской Федерации: утв. Указом Президента Российской Федерации от 31.03.2023 № 229. URL: <http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001202303310007>

23. Конышев В. В. Изучая природу войны: взгляд из России и Европы // Политические исследования. 2022. № 6. С. 182–188.

24. Лебедева М. М. Новый мировой порядок: параметры и возможные контуры // Политические исследования. 2020. № 4. С. 24–35.

25. Лебедева М. М. Политическая организация мира в условиях современных мегатрендов: сценарии развития // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 4, История. Регионоведение. Международные отношения. 2021. Т. 26, № 3. С. 10–21. DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2021.3.2>

26. Лернер М. Развитие цивилизации в Америке. Образ жизни и мысли в Соединенных Штатах сегодня. В 2 т. Т. 1. М.: Радуга, 1992. 671 с.

27. Лукьянов Ф. Кризис третьего года. Обострение украинского конфликта выглядит сейчас более вероятным, чем разрядка // Профиль. 2024. № 7/8. С. 15–18.

28. Манойло А. В. Цветные революции и технологии демонтажа политических режимов // Международные отношения. 2015. № 1. С. 1–19.

29. Наумкин В. В. Модель не-Запада: существует ли государство-цивилизация? // Политические исследования. 2020. № 4. С. 78–93.

30. Неклесса А. И. Цивилизация как процесс: мультиплицированные субъекты постмодерна // Политические исследования. 2021. № 5. С. 39–55.

31. Панарин А. С. Искушение глобализмом. М.: Эксмо-Пресс, 2002. 415 с.

32. Панарин А. С. Россия в цивилизационном процессе : (Между атлантизмом и евразийством). М.: ИФ РАН, 1995. 261 с.

33. Пантин В. И. Цивилизации в современной политике: субъектность, внутренние размежевания, динамика // Политические исследования. 2023. № 2. С. 180–191.

34. Переслегин С. Б. Оборона страны как пакет технологий. URL: <http://prognoz.eurasian-defence.ru/sites/default/files/source/pereselegin.pdf>

35. Послание Президента Федеральному Собранию. 21 февраля 2023 г. URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/transcripts/statements/70565>

36. Послание Президента Федеральному Собранию. 29 февраля 2024 г. URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/transcripts/messages/73585>

37. Путин В. В. Об историческом единстве русских и украинцев. URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/transcripts/copy/66181>

38. Саква Р. Судьбы России. М.: Изд-во Моск. ун-та, 2019. 253 с.

39. Серебрянников В., Хлопьев А. Социальная безопасность России. М.: Ин-т соц.-полит. исслед., 1996. 352 с.

40. Соловьев В. С. Русская идея // Россия глазами русского: Чаадаев, Леонтьев, Соловьев. СПб.: Наука, 1991. С. 311–339.

41. Стефанович Д. Весенние ракеты. Гиперзвуковые глайдеры, противоспутниковый лазер и

другие передовые вооружения // Профиль. 2024. № 11/12. С. 41–43.

42. Тойнби А. Дж. Постигание истории. М.: Прогресс, 1991. 736 с.

43. Тоффлер Э., Тоффлер Х. Война и антивоенная. Что такое война и как с ней бороться. Как выжить на рассвете XXI века. М.: АСТ: Транзиткнига, 2003. 482 с.

44. Хантингтон С. Столкновение цивилизаций? // Политические исследования. 1994. № 1. С. 33–48.

45. Хорос В. Г. Цивилизации в современном мире. Кн. 1. Индийская, Африканская, Исламская и Китайская цивилизации. Латиноамериканская цивилизационная общность. М.: ЛЕНАНД, 2022. 304 с.

46. Хорос В. Г. Цивилизации в современном мире. Кн. 2. Европейская цивилизация. Российская цивилизация. М.: ЛЕНАНД, 2022. 240 с.

47. Чеснаков А. А., Пареньков Д. А. Ощетинившиеся акторы // Россия в глобальной политике. 2024. Т. 22, № 3. С. 82–102.

48. Яковец Ю. В. Взаимодействие цивилизаций Востока и Запада: основная проблема XXI века. М.: МФК, 2001. 68 с.

REFERENCES

1. Arbatov A. *Bezopasnost: rossiiskii vybor* [Security: Russian Choice]. Moscow, EPI-tsentr Publ., 1999. 524 p.

2. Beck U. *Obshchestvo riska. Na puti k drugomu modernu* [Risk Society. On the Way to Another Modern]. Moscow, Progress-traditsiia Publ., 2000. 381 p.

3. Belozеров V.K. Voennaia kartina mira kak determinant obespecheniia natsionalnoi bezopasnosti Rossii [The Military Picture of the World as a Determinant of Ensuring the National Security of Russia]. *Novye vyzovy i угрозы bezopasnosti RF v usloviakh globalnykh i lokalnykh transformatsii. Monografiia* [New Challenges and Threats to the Security of the Russian Federation in the Context of Global and Local Transformations]. Moscow, RUSAINS Publ., 2023, pp. 18–35.

4. Belozеров V.K. Genesis issledovaniia voyny kak politicheskogo fenomena v dorevoliutsionnoi Rossii [Genesis of the Study of War as a Political Phenomenon in Pre-Revolutionary Russia]. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 4. Istorii. Regionovedenie. Mezhdunarodnye otnosheniia* [Science Journal of Volgograd State University. History. Area Studies. International Relations], 2021, vol. 26, no. 1, pp. 190–200. DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2021.1.17>

5. Berdiaev N.A. Russkaia ideia. Osnovnye problemy russkoi mysli XIX veka i nachala XX veka

[The Main Problems of Russian Thought of the 19th Century and the Beginning of the 20th Century]. *O Rossii i russkoi filosofskoi kulture. Filosofii russkogo posleoktiabrskogo zarubezhiia* [About Russia and Russian Philosophical Culture. Russian Post-October Philosophers Abroad]. Moscow, Nauka Publ., 1990, pp. 43–271.

6. Bzhezinskii Z. *Velikaia shakhmatnaia doska: (Gospodstvo Ameriki i ego geostrategicheskie imperativy)* [The Great Chessboard: (America's Dominance and Its Geostrategic Imperatives)]. Moscow, Mezhdunar. otnosheniia Publ., 1998. 254 p.

7. Bocharnikov I.V., Lemeshev S.V., Liutkene G.V. *Sovremennye kontseptsii voyn i praktika voennogo stroitelstva* [Modern Concepts of Wars and the Practice of Military Construction]. Moscow, Ekoninform Publ., 2013. 144 p.

8. Belozеров V.K., Dubovi A., eds. *Voennye nauki versus nauka o voine v Avstrii i v Rossii* [Military Sciences Versus the Science of War in Austria and Russia]. Moscow, MGLU, 2021. 186, 192 p.

9. Gapich A.E., Lushnikov D.A. *Tekhnologii tsvetnykh revoliutsii* [Technologies of Color Revolutions]. Moscow, RIOR Publ., INFRA Publ., 2014. 126 p.

10. Gasiuk A. Proshla epokha gegemonov [The Era of Hegemons Has Passed]. *Rossiiskaia Gazeta* [Russian Newspaper], 2024, Febr. 19.

11. Gumilev L.N. *Ot Rusi do Rossii: Ocherki etnicheskoi istorii* [From Rus' to Russia: Essays on Ethnic History]. Saint Petersburg, Iuna Publ., 1992. 272 p.

12. Danilevskii N.Ia. *Rossia i Evropa* [Russia and Europe]. Moscow, Kniga Publ., 1991. 573 p.

13. Podberezkin A.I. et. al. *Dolgosrochnye stsennarii razvitiia strategicheskoi obstanovki, voyn i voennykh konfliktov v XXI veke: analit. dokl.* [Long-Term Scenarios for the Development of the Strategic Situation, Wars and Military Conflicts in the 21st Century: Analytical Report]. Moscow, MGIMO-Universitet, 2014. 175 p.

14. Zavialov V.T. *Osobennosti politicheskikh protsessov v sovremennoi Rossii: tsivilizatsionnyi kontekst* [Features of Political Processes in Modern Russia: Civilizational Context]. Moscow, Polit. entsikl. Publ., 2014. 166 p.

15. Ivanov V., Malinetskii G. Nauka i voyny budushchego: доклад Izborskому klubu [Science and Wars of the Future: Report to the Izborsk Club]. *Izborskii klub: russkie strategii* [Izborsk Club: Russian Strategies], 2015, no. 5 (29), pp. 6–37.

16. Ilin I.A. Mirovaia politika russkikh gosudarei [World Politics of Russian Sovereigns]. *Professor I.A. Ilin. Nashi zadachi. Statyi 1948–1954 gg. V 2 t. T. 1* [Professor I.A. Ilyin. Our Tasks. Articles 1948–1954. In 2 Vols. Vol. 1]. Paris, Izd. Rus. Obshche-Voinskogo Soiuza, 1956. pp. 94–96.

17. Ilyin I.A. O russkoi idee [About the Russian Idea]. Poltoratskiy N.P., ed. *O griadushchei Rossii: Izbrannye stati* [About the Coming Russia. Selected Articles]. Moscow, Voenizdat, 1993, pp. 318-327.
18. Ilyin M.V. *Slova i smysly. Opyt opisaniia kliuchevykh politicheskikh poniatii* [Words and Meanings. Experience in Describing Key Political Concepts]. Moscow, ROSSPEN Publ., 1997. 432 p.
19. Kant I. K vechnomu miru [Towards Eternal Peace]. *Sobraniye sochineniy. V 6 t. T. 6* [Collection of Essays. In 6 Vols. Vol. 6]. Moscow, Mysl Publ., 1966, pp. 257-309.
20. Kissindzher G. *Mirovoi poriadok* [World Order]. Moscow, AST Publ., 2019. 544 p.
21. Kozlovskii V.V. Modeli tsivilizatsionnogo razvitiia sovremennykh obshchestv: samoopredelenie i vzaimodeistvie [Models of Civilizational Development of Modern Societies: Self-Determination and Interaction]. *Zhurnal sotsiologii i sotsialnoi antropologii* [Journal of Sociology and Social Anthropology], 2023, no. 26 (4), pp. 41-62.
22. *Kontseptsiiia vneshnei politiki Rossiiskoi Federatsii: utv. Ukazom Prezidenta Rossiiskoi Federatsii ot 31.03.2023 № 229* [Concept of Foreign Policy of the Russian Federation: Approved by the Decree of the President of the Russian Federation of March 31, 2023 No. 229]. URL: <http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001202303310007>
23. Konyshchev V.V. Izuchaia prirodu voyny: vzgliad iz Rossii i Evropy [Studying the Nature of War: A View from Russia and Europe]. *Politicheskie issledovaniia* [Political Studies], 2022, no. 6, pp. 182-188.
24. Lebedeva M.M. Novyi mirovoi poriadok: parametry i vozmozhnye kontury [New World Order: Parameters and Possible Contours]. *Politicheskie issledovaniia* [Political Studies], 2020, no. 4, pp. 24-35.
25. Lebedeva M.M. Politicheskaiia organizatsiia mira v usloviakh sovremennykh megatrendov: stsennarii razvitiia [Political Organization of the World in the Context of Contemporary Megatrends: Scenarios of Development]. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 4. Istorika. Regionovedenie. Mezhdunarodnye otnosheniia* [Science Journal of Volgograd State University. History. Area Studies. International Relations], 2021, vol. 26, no. 3, pp. 10-21. DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2021.3.2>
26. Lerner M. *Razvitie tsivilizatsii v Amerike. Obraz zhizni i myslei v Soedinennykh Shtatakh segodnia V 2 t. T. 1* [Development of Civilization in America. Ways of Life and Thought in the United States Today. In 2 Vols. Vol. 1]. Moscow, Raduga Publ., 1992. 671 p.
27. Lukianov F. Krizis tretyego goda. Obostrenie ukrainskogo konflikta vygliadit seichas bolee veroiatnym, chem razriadka [Crisis of the Third Year. An Exacerbation of the Ukrainian Conflict Now Looks More Likely Than Detente]. *Profil* [Profile], 2024, no. 7/8, pp. 15-18.
28. Manoilo A.V. Tsvetnye revoliutsii i tekhnologii demontazha politicheskikh rezhimov [Color Revolutions and Technologies for Dismantling Political Regimes]. *Mezhdunarodnye otnosheniia* [International Relations], 2015, no. 1, pp. 1-19.
29. Naumkin V.V. Model ne-Zapada: sushchestvuet li gosudarstvo-tsivilizatsiia? [Model of the Non-West: Does a State-Civilization Exist?]. *Politicheskie issledovaniia* [Political Studies], 2020, no. 4, pp. 78-93.
30. Neklessa A.I. Tsivilizatsiia kak protsess: multiplitsirovannye subieekty postmoderna [Civilization as a Process: Multiplicated Subjects of Postmodernity]. *Politicheskie issledovaniia* [Political Studies], 2021, no. 5, pp. 39-55.
31. Panarin A.S. *Iskushenie globalizmom* [The Temptation of Globalism]. Moscow, Eksmo-Press, 2002. 415 p.
32. Panarin A.S. *Rossiiia v tsivilizatsionnom protsesse: (Mezhu atlantizmom i evraziistvom)* [Russia in the Civilizational Process. (Between Atlanticism and Eurasianism)]. Moscow, IF RAN, 1995. 261 p.
33. Pantin V.I. Tsivilizatsii v sovremennoi politike: subieektnost, vnutrennie razmezhevaniia, dinamika [Civilizations in Modern Politics: Subjectivity, Internal Divisions, Dynamics]. *Politicheskie issledovaniia* [Political Studies], 2023, no. 2, pp. 180-191.
34. Pereslegin S.B. *Oborona strany kak paket tekhnologii* [National Defense as a Technology Package]. URL: <http://prognoz.eurasian-defence.ru/sites/default/files/source/pereslegin.pdf>
35. *Poslanie Prezidenta Federalnomu Sobraniuu. 21 fevralya 2023 g.* [The President's Message to the Federal Assembly. February 21, 2023]. URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/transcripts/statements/70565>
36. *Poslanie Prezidenta Federalnomu Sobraniuu. 29 fevralya 2024 g.* [The President's Message to the Federal Assembly. February 29, 2024]. URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/transcripts/messages/73585>
37. Putin V.V. *Ob istoricheskom edinstve russkikh i ukrainsev* [On the Historical Unity of Russians and Ukrainians]. URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/transcripts/copy/66181>
38. Sakva R. *Sudby Rossii* [The Destiny of Russia]. Moscow, Izd-vo Mosk. un-ta, 2019. 253 p.
39. Serebriannikov V., Khlopyev A. *Sotsialnaia bezopasnost Rossii* [Social Security of Russia]. Moscow, In-t sots.-polit. issled., 1996. 352 p.
40. Solovyev V.S. *Russkaia ideia* [Russian Idea]. *Rossiiia glazami russkogo: Chaadaev, Leontyev, Solov'ev* [Russia Through the Eyes of a Russian:

Chaadaev, Leontyev, Solovyev]. Saint Petersburg, Nauka Publ., 1991, pp. 311-339.

41. Stefanovich D. Vesennie rakety. Giperzvukovye glaidery, protivospurnikovyi lazer i drugie peredovye vooruzheniia [Spring Rockets. Hypersonic Gliders, Anti-Satellite Laser and Other Advanced Weapons]. *Profil* [Profile], 2024, no. 11/12, pp. 41-43.

42. Toynbee A.J. *Postizhenie istorii* [Comprehension of History]. Moscow, Progress, 1991. 736 p.

43. Toffler E., Toffler Kh. *Voina i antivoina. Chto takoe voina i kak s nei borotsia. Kak vyzhit na rassvete XXI veka* [War and Anti-War. What Is War and How to Fight It. How to Survive the Dawn of the 21st Century]. Moscow, AST Publ., Tranzitkniga Publ., 2003. 482 p.

44. Huntington S. Stolknovenie tsivilizatsii? [Clash of Civilizations?]. *Politicheskie issledovaniia* [Political Studies], 1994, no. 1, pp. 33-48.

45. Khoros V.G. *Tsivilizatsii v sovremennom mire. Kn. 1. Indiiskaia, Afrikanskaia, Islamskaia i*

Kitaiskaia tsivilizatsii. Latinoamerikanskaia tsivilizatsionnaia obshchnost [Civilizations in the Modern World. Book 1. Indian, African, Islamic and Chinese Civilizations. Latin American Civilizational Community]. Moscow, LENAND Publ., 2022. 304 p.

46. Khoros V.G. *Tsivilizatsii v sovremennom mire. Kn. 2. Evropeiskaia tsivilizatsiia. Rossiiskaia tsivilizatsiia* [Civilizations in the Modern World. Book 2. European Civilization. Russian Civilization]. Moscow, LENAND Publ., 2022. 240 p.

47. Chesnakov A.A., Parenkov D.A. Oshchetivshiesia aktory [Bristling Actors]. *Rossiiia v globalnoi politike* [Russia in Global Politics], 2024, vol. 22, no. 3, pp. 82-102.

48. Iakovets Iu.V. *Vzaimodeistvie tsivilizatsii Vostoka i Zapada: osnovnaia problema XXI veka* [Interaction Between the Civilizations of East and West: The Main Problem of the 21st Century]. Moscow, MFK, 2001. 68 p.

Information About the Authors

Sergey A. Pankratov, Doctor of Sciences (Politics), Professor, Department of Sociology and Political Science, Volgograd State University, Prosp. Universitetsky, 100, 400062 Volgograd, Russian Federation, pankratov@volsu.ru, <https://orcid.org/0000-0002-1733-730X>

Sergey I. Morozov, Candidate of Sciences (Politics), Associate Professor, Department of Sociology and Political Science, Volgograd State University, Prosp. Universitetsky, 100, 400062 Volgograd, Russian Federation, morozovsi@volsu.ru, <https://orcid.org/0000-0002-4802-9203>

Lillia S. Pankratova, Candidate of Sciences (Sociology), Senior Researcher, Sociological Institute, Federal Center of Theoretical and Applied Sociology, Russian Academy of Sciences, 7-ya Krasnoarmeyskaya St, 25/14, 190005 Saint Petersburg, Russian Federation; Associate Professor, Department of Sociology of Culture and Communication, Saint Petersburg State University, Universitetskaya Emb., 7/9, 199034 Saint Petersburg, Russian Federation, l.s.pankratova@spbu.ru, <https://orcid.org/0000-0002-7658-1409>

Информация об авторах

Сергей Анатольевич Панкратов, доктор политических наук, профессор кафедры социологии и политологии, Волгоградский государственный университет, просп. Университетский, 100, 400062 г. Волгоград, Российская Федерация, pankratov@volsu.ru, <https://orcid.org/0000-0002-1733-730X>

Сергей Иванович Морозов, кандидат политических наук, доцент кафедры социологии и политологии, Волгоградский государственный университет, просп. Университетский, 100, 400062 г. Волгоград, Российская Федерация, morozovsi@volsu.ru, <https://orcid.org/0000-0002-4802-9203>

Лилия Сергеевна Панкратова, кандидат социологических наук, старший научный сотрудник, Социологический институт РАН Федерального научно-исследовательского социологического центра РАН, ул. 7-я Красноармейская, 25/14, 190005 г. Санкт-Петербург, Российская Федерация; доцент кафедры социологии культуры и коммуникации, Санкт-Петербургский государственный университет, Университетская наб., 7/9, 199034 г. Санкт-Петербург, Российская Федерация, l.s.pankratova@spbu.ru, <https://orcid.org/0000-0002-7658-1409>

DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2024.3.20>

UDC 327.8

LBC 66.4(4)/66.4(8)

Submitted: 31.03.2024

Accepted: 21.05.2024

BIDEN'S U.S. FOREIGN POLICY IN CENTRAL ASIA: MILITARY-POLITICAL ASPECT

Liudmila M. Reshetnikova

Volgograd State University, Volgograd, Russian Federation

Abstract. Introduction. This article examines the military-political aspect of the U.S. foreign policy of the Biden administration in the Central Asian region. Despite the withdrawal of American troops from Afghanistan in 2021, the role and international significance of Central Asia, as an area of competing interests of great powers, continue to be relevant for the United States. The strategic importance of Central Asia is determined by its natural resources and significant position in the structure of regional security in Eurasia. *Methods and materials.* The theory of regional complexes by B. Buzan and O. Waever is the conceptual basis of the article, in which threats of a geostrategic, military-political, and regional-economic nature determine the contours of modern security in Central Asia. Discourse analysis and quantitative data from international political indices made it possible to understand the priorities of U.S. foreign policy in the 2020s. *Analysis.* After the events of September 11, 2001, the United States attached optimal importance to the Central Asian region, whose states provided assistance to international forces and contributed to the anti-terrorist operation in Afghanistan. In the 2010s, the organization of the C5+1 format marked a new stage in U.S. policy towards Central Asia. The military-political aspect of bilateral contacts in the 2020s was outlined in the "US Strategy for Central Asia 2019–2025: Strengthening Sovereignty and Economic Prosperity." Within the framework of this document, foreign policy approaches to cooperation to ensure regional security in Central Asia were determined. *Results.* Based on the analysis of quantitative data, it can be argued that the principles of cooperation between the United States and the states of Central Asia are preserved. Military-political cooperation is focused on reducing terrorist threats in Central Asia and is implemented through mechanisms for strengthening security services to protect national borders, as well as foreign military sales, military financing, and education programs. The foreign policy strategy of the Biden administration is built on the priorities of implementing economic cooperation programs as opposed to the military-political aspect of bilateral relations.

Key words: U.S. foreign policy, Central Asia, U.S. foreign assistance, military cooperation, President Joseph Biden.

Citation. Reshetnikova L.M. Biden's U.S. Foreign Policy in Central Asia: Military-Political Aspect. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 4. Istoriya. Regionovedenie. Mezhdunarodnye otnosheniya* [Science Journal of Volgograd State University. History. Area Studies. International Relations], 2024, vol. 29, no. 3, pp. 245–255. (in Russian). DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2024.3.20>

УДК 327.8

ББК 66.4(4)/66.4(8)

Дата поступления статьи: 31.03.2024

Дата принятия статьи: 21.05.2024

ВОЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ АСПЕКТ ВНЕШНЕПОЛИТИЧЕСКОЙ СТРАТЕГИИ США АДМИНИСТРАЦИИ ДЖ. БАЙДЕНА В ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ

Людмила Михайловна Решетникова

Волгоградский государственный университет, г. Волгоград, Российская Федерация

Аннотация. Введение. В данной статье рассмотрен военно-политический аспект внешней политики США администрации Джозефа Байдена в Центрально-Азиатском регионе. Несмотря на вывод американских

войск из Афганистана в 2021 г., роль и международное значение Центральной Азии (ЦА) как пространства конкуренции интересов великих держав продолжает оставаться актуальным для Соединенных Штатов. Стратегическая важность ЦА определяется природными ресурсами и значимым положением в структуре обеспечения региональной безопасности в Евразии. *Методы и материалы.* Теория региональных комплексов Б. Бузана и О. Уэвера является концептуальной основой статьи, в контексте которой угрозы геостратегического, военно-политического, регионально-экономического характера определяют контуры современной безопасности ЦА. Дискурс-анализ и количественные данные международно-политических индексов позволили понять приоритеты внешней политики США в 2020-е годы. *Анализ.* После событий 11 сентября 2001 г. США придали оптимальное значение Центрально-Азиатскому региону, государства которого оказывали помощь международным силам и содействовали проведению антитеррористической операции в Афганистане. В 2010-е гг. организация формата «C5+1» ознаменовала новый этап в политике США в отношении Центральной Азии. Военно-политический аспект двусторонних контактов в 2020-е гг. был обозначен в «Стратегии США для Центральной Азии на 2019–2025 гг.: укрепление суверенитета и экономического процветания». В рамках этого документа определялись внешнеполитические подходы к сотрудничеству по обеспечению региональной безопасности в ЦА. *Результаты.* На основе анализа количественных данных можно утверждать о сохранении принципов кооперации США с государствами Центральной Азии. Военно-политическое сотрудничество сосредоточено на снижении террористических угроз в ЦА и реализуется посредством механизмов укрепления службы безопасности по защите национальных границ, а также программ иностранных военных продаж, военного финансирования и образования. Внешнеполитическая стратегия администрации Джо Байдена выстроена на приоритетах реализации программ экономического взаимодействия в противовес военно-политическому аспекту двусторонних отношений.

Ключевые слова: внешняя политика США, Центральная Азия, иностранная помощь, военное сотрудничество, президент Джозеф Байден.

Цитирование. Решетникова Л. М. Военно-политический аспект внешнеполитической стратегии США администрации Дж. Байдена в Центральной Азии // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 4, История. Регионоведение. Международные отношения. – 2024. – Т. 29, № 3. – С. 245–255. – DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2024.3.20>

Введение. Географическое положение Центральной Азии и наличие на ее территории энергетических ресурсов определили значимость этого региона для внешнеполитических интересов США. Хотя центральноазиатские государства географически находятся в отдалении от американской территории, им удалось оказать влияние на глобальную политику и привлечь внимание Вашингтона благодаря сочетанию внешнеполитических целей и умелой дипломатии лидеров Центральной Азии.

Стратегическое расположение Центрально-Азиатского региона (ЦАР) ставит его в центр соперничества великих держав. Географическая близость к основным игрокам глобальной политики делает регион важным для Соединенных Штатов, поскольку они стремятся сохранить собственное влияние и устойчивость баланса сил ведущих акторов международных отношений. Международно-политическое значение ЦАР обусловлено транзитным потенциалом региона, в котором развитие логистических связей и модернизация транспортной инфраструктуры способствуют

увеличению торговли, международного транзита и инвестиций.

После событий 11 сентября 2001 г. США определили немаловажную роль Центрально-Азиатскому региону, государства которого довольно активно оказывали помощь международным силам и содействовали проведению антитеррористической операции «Несокрушимая свобода» в Афганистане. Казахстан, Узбекистан предоставили свою территорию для транзита грузов, Кыргызстан – аэропорт для базирования авиации коалиции. Центральноазиатские республики стали важными партнерами США в борьбе с транснациональными угрозами: терроризмом, незаконным оборотом наркотиков и организованной преступностью. Сотрудничество США по данным направлениям, несмотря на завершение операций «Несокрушимая свобода», «Страж свободы», «Решительная поддержка» в Афганистане, на современном этапе отношений с этими государствами продолжается и способствует поддержанию безопасности на региональном и международном уровне и реализации соответствующих программ.

Методы и материалы. В данной статье географические рамки региона Центральной Азии охватывают Афганистан, Казахстан, Кыргызстан, Таджикистан, Туркменистан, Узбекистан. Предметом исследования в статье выступают пять постсоветских республик, сформировавших систему взаимосвязанных международных отношений, направленных на обеспечение многосторонней безопасности. Теория региональных комплексов безопасности (РКБ) Б. Бузана и О. Уэвера является концептуальной основой статьи. В контексте этой теории сформировалось понимание, что региональный баланс сил, как и безопасность каждого государства из центральноазиатской пятерки, находится в тесной взаимосвязи с Афганистаном наряду с тем потенциалом, который могут предложить Центрально-Азиатскому региону ведущие акторы современной мирополитической системы. В рамках Центральной Азии сложились определенные меры доверия и межгосударственного сотрудничества для минимизации конфликтов и создания зоны стабильности в рамках РКБ. Ряд исследователей отмечает, что комплексность региональной безопасности Центральной Азии основана на спектре угроз геостратегического, военно-политического, регионально-экономического характера [2, с. 189–191].

Методологической основой статьи стал дискурс-анализ, позволивший интерпретировать высказывания и тексты официальных документов с целью понимания контекста и приоритетов внешней политики США в 2020-е годы. Фактологический материал опирается на сравнительный анализ количественной информации базы данных об объеме помощи США, выделяемой центральноазиатским партнерам в период с 2001 по 2024 г., и на данные параметров международно-политических индикаторов и индексов, таких как Global Terrorism Index, Fragile State Index за 2023 год.

Анализ. Формат диалога «C5+1», запущенный администрацией Б. Обамы в ноябре 2015 г., ознаменовал новый этап в политике США в отношении Центральной Азии. С закрытием «Северной распределительной сети» по транспортировке военных грузов, базы «Манас» в Кыргызстане и постепенным выводом американских войск из Афганистана, в рамках внешнеполитического дискурса Цен-

тральная Азия больше не воспринималась как регион, обладающий решающим значением для американской безопасности. Экономическое сотрудничество теперь стало основным направлением деятельности США.

Тем не менее это не отменяло реализацию контактов в военно-политической области. Во внешней политике администрации Б. Обамы и Д. Трампа военно-политическое сотрудничество занимало значимое место в отношениях США и государств Центральной Азии. Так, в 2018 г. глава Центрального командования США совершил несколько визитов, в рамках взаимодействия Соединенных Штатов и Узбекистана был подписан пятилетний военный план. Эти меры позволили усилить операции по борьбе с терроризмом и наркотрафиком, повысить режим безопасности на границе. При этом Казахстан оставался наиболее значительным центральноазиатским партнером для США по укреплению стабильности в Афганистане. В целом за период 2015–2020 гг. центральноазиатские государства активизировали сотрудничество по военной линии не только с США, но и с Россией, Китаем, Турцией [17, р. 218–231].

Знаковыми для определения подхода к Центрально-Азиатскому региону республиканской администрации Д. Трампа стали встречи в формате «C5+1», визиты госсекретаря М. Помпео в Казахстан, Узбекистан в 2020 г. и объявление новой «Стратегии США для Центральной Азии на 2019–2025 гг.: укрепление суверенитета и экономического процветания» (United States Strategy for Central Asia 2019–2025: Advancing Sovereignty and Economic Prosperity). Согласно данному документу предполагается последовательное и комплексное участие США в экономической, энергетической сферах, вопросах безопасности, развитие демократических принципов и ценностей, образования и культуры, что позволит сохранить суверенитет центральноазиатских государств, их экономическую самостоятельность и снизить террористическую угрозу. В целях укрепления региональной безопасности следовало реализовать совместные военные инициативы, как, например, «Степной орел» и Программу партнерства государств. Минимизация террористических угроз в Центральной Азии реализуется посредством

механизма укрепления служб безопасности по защите национальных границ. Как подчеркивалось, к 2020 г. Соединенные Штаты инвестировали более 90 млн долл. (здесь и далее доллары США) в пограничную безопасность в Центральной Азии, проведя более 200 мероприятий по подготовке кадров и обучив более 2 600 пограничников [16].

Отдельными исследователями отмечалось, что движущей силой новой Стратегии было не изменение американских приоритетов в Центрально-Азиатском регионе, а появление новых возможностей, ставших причиной изменений внутри ЦАР и усилением экономического влияния Китая [11, р. 133–140]. Помимо узкоспециализированной стратегии в отношении Центральной Азии, в более масштабной «Стратегии национальной безопасности США» 2022 г. подчеркивалось, что «Центральная Азия – геостратегический регион, важный для национальной безопасности Соединенных Штатов, независимо от их уровня активности в Афганистане» [13].

Подходы к безопасности в Центральной Азии в 2021 г. администрации Джо Байдена определялись программами сотрудничества США в данной области, были направлены традиционно на противодействие транснациональным угрозам, таким как терроризм и незаконный оборот наркотиков, обеспечение безопасности границ, содействие профессионализации сил безопасности и продвижение уважения к верховенству закона и правам человека. Соединенными Штатами в рамках системы иностранных военных продаж (Foreign military sales – FMS) и программы иностранного военного финансирования (Foreign military financing – FMF) были предприняты меры по наращиванию потенциала пограничной безопасности и борьбы с терроризмом партнерских сил безопасности в Центральной Азии, в том числе путем предоставления транспортных средств, оборудования связи, обучения и материального обеспечения. Продолжилось финансирование международной программы военного образования и подготовки (International military education and training – IMET) [15].

С выводом американских войск из Кабула в августе 2021 г. главные цели Соединенных Штатов в регионе остаются неизменными, хотя Афганистану теперь уделяется

меньше внимания. Внешнеполитический дискурс представителей администрации Байдена строится вокруг понимания того, что США продолжают поддерживать усилия государств Центральной Азии по обеспечению их независимости, суверенитета и территориальной целостности. Ограниченные прямые экономические интересы США или вызовы безопасности в Центральной Азии в постафганской реальности требуют от Вашингтона сдержанности, умеренного ожидания результатов и отказа от высоких обещаний прошлого [12].

При администрации Джо Байдена, в связи с выводом американских войск из Афганистана, распространением общемирового влияния Китая, США сохранили интерес к стабилизации и возможной интенсификации двусторонних связей с Центральной Азией, тем не менее крупных инвестиций и их увеличения со стороны США не следует ожидать. Количественные данные Государственного департамента США и Агентства по международному развитию о суммарных объемах американской помощи центральноазиатским государствам подтверждают данную тенденцию и свидетельствуют о снижении финансирования региональных военно-технических и военно-образовательных программ в Центральной Азии.

Так, в 2023 г. (красная точка на графиках ниже) США предоставили Казахстану по программам военно-технического и социально-экономического сотрудничества почти втрое меньшую сумму (20 млн долл.) по сравнению с 2020 г. (64 млн долл.). В структуре выделенных средств доминирует финансирование экономических и социальных программ и инициатив. Аналогичной выглядит ситуация с распределением американской помощи по программам Государственного департамента, отраслевых министерств, Агентства по международному развитию США Узбекистану, Таджикистану, Кыргызстану и Туркменистану. При администрации президента Байдена происходит постепенное сокращение расходов США на международные программы для Центральной Азии, в структуре которых превалирует экономическая направленность. За 2023 г. согласно количественным данным главными бенефициарами американской помощи в целом стали Таджикистан и Кыргызстан. При этом по линии фи-

нансирования военной поддержки наибольший объем денежных средств был направлен Казахстану и Узбекистану в размере примерно 1 млн 600 тыс. – 2 млн долл. [14].

Следует отметить, что предоставление американской помощи проходило по направлениям Международной программы военного образования (IMET) в целях подготовки личного состава вооруженных сил центральноазиатских государств. За 2023 г. Казахстан и Узбекистан получили 1 млн 330 тыс. – 1 млн 600 тыс. долларов. Кыргызстану, Таджикистану, Туркменистану было предоставлено от 690 до 250 тыс. долл. [14].

Совместные учения военных центральноазиатских стран и США как элементы образовательных программ подготовки (IMET) проводились в 2021 г., когда элитные войска Национальной гвардии Узбекистана принимали участие в маневрах на территории США «Южный удар-2021» с целью обмена опытом

проведения антитеррористических операций [3]. В 2022 г. на территории Таджикистана проходили учения «Региональное сотрудничество-22» Центрального командования США совместно с военнослужащими Казахстана, Кыргызстана, Таджикистана, Узбекистана, Монголии и Пакистана, участники которого должны были отработать методы пресечения оружия массового поражения, наркотических веществ и террористических элементов [10]. В 2023 г. подобные маневры были организованы на территории США с тем же составом и включением наблюдателей со стороны уже и заинтересованного в военных контактах Туркменистана [4]. Программы иностранного военного финансирования (FMF) касались предоставления транспортных средств, оборудования связи, иного материального обеспечения национальным гвардиям государств Центральной Азии на уровне расходов в 200 тыс. долл. [14] (см. рис. 1–6).

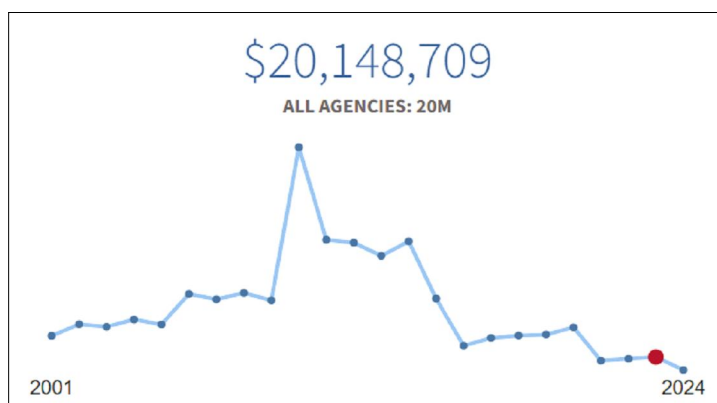


Рис. 1. Помощь США Республике Казахстан, 2001–2024 гг. [14]

Fig. 1. U.S. foreign assistance to Kazakhstan, 2001–2024 [14]

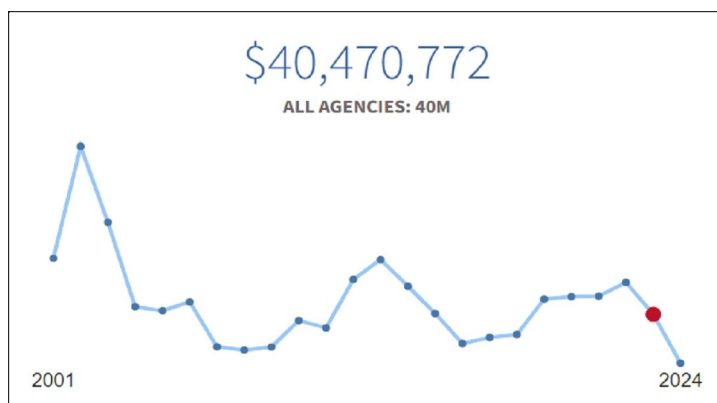


Рис. 2. Помощь США Республике Узбекистан, 2001–2024 гг. [14]

Fig. 2. U.S. foreign assistance to Uzbekistan, 2001–2024 [14]

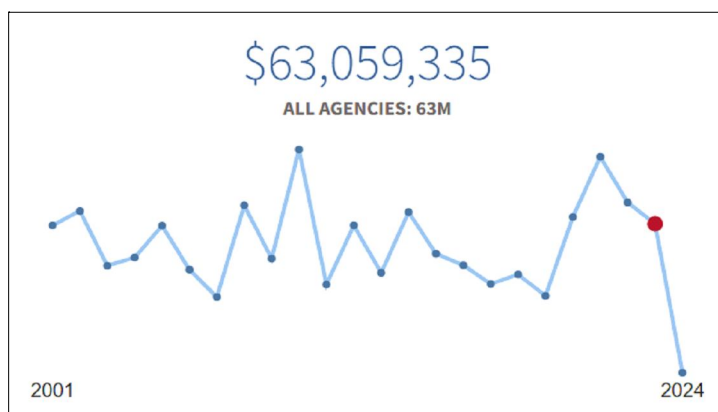


Рис. 3. Помощь США Республике Таджикистан, 2001–2024 гг. [14]

Fig. 3. U.S. foreign assistance to Tajikistan, 2001–2024 [14]

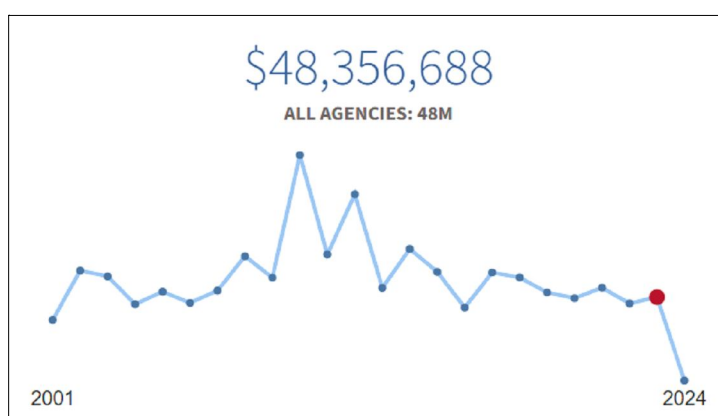


Рис. 4. Помощь США Кыргызской Республике, 2001–2024 гг. [14]

Fig. 4. U.S. foreign assistance to Kyrgyzstan, 2001–2024 [14]

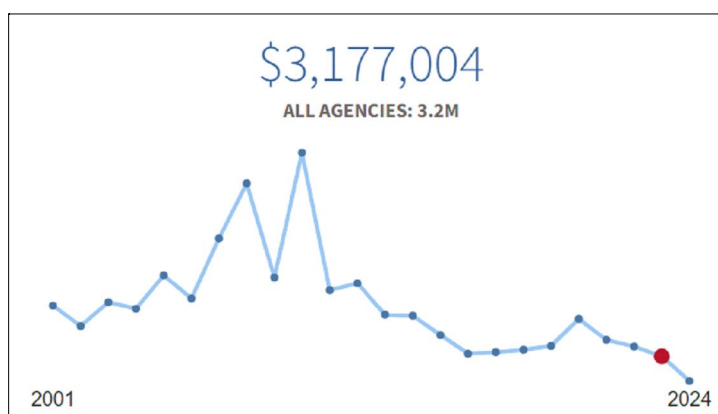


Рис. 5. Помощь США Туркменистану, 2001–2024 гг. [14]

Fig. 5. U.S. foreign assistance to Turkmenistan, 2001–2024 [14]

В рамках поддержки программы Управления ООН по наркотикам и преступности в 2023 г. США профинансировали меры по антитеррористической деятельности и незаконному обороту наркотиков в Казахстане, Уз-

бекистане, Таджикистане и Туркменистане. Для укрепления пограничных войск и поддержки режима безопасности границы Таджикистана с соседними территориями было предоставлено около 1 млн долл. [14].

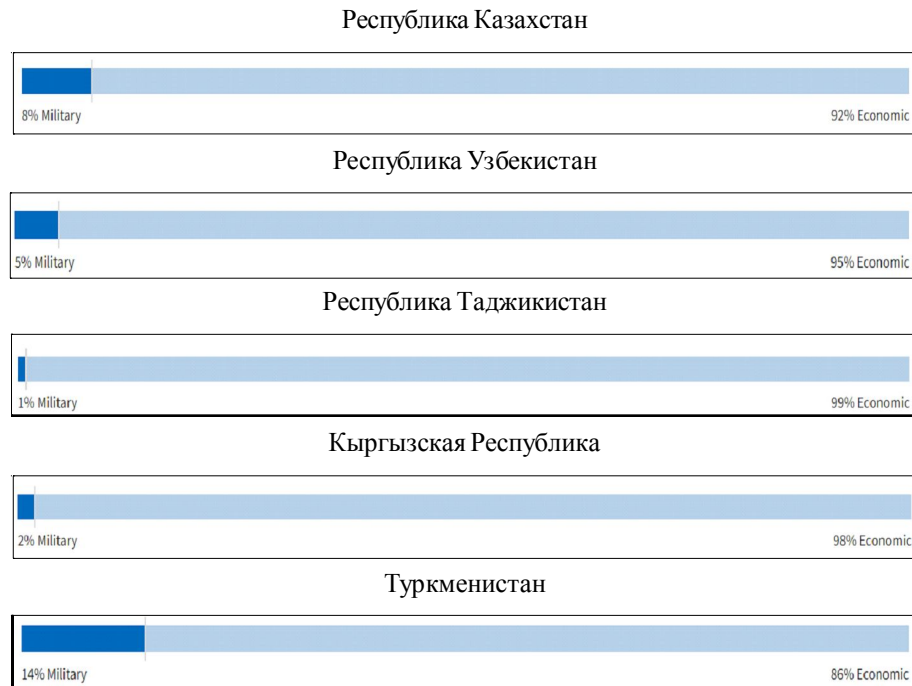


Рис. 6. Соотношение финансирования военной и экономической помощи США центральноазиатским государствам, 2023 г. [14]

Fig. 6. The ratio of U.S. foreign military and economic assistance to the Central Asian states, 2023 [14]

Значительная диспропорция в структуре расходов программ иностранной помощи США в ЦА, где предпочтение отдается экономическим аспектам, отчасти объяснима стабилизацией внешне- и внутривосточной безопасности в регионе в 2023 году. Хотя в 2022 г. масштабные внутренние протесты произошли в трех из пяти стран региона – Казахстане, Таджикистане и Узбекистане – а конфликт на границе между Кыргызстаном и Таджикистаном стал крупнейшей трансграничной эскалацией за всю историю региона. События протестной активности в центральноазиатских странах развивались по схеме, когда растущая напряженность и недовольство среди граждан стали причиной беспорядков, которые сопровождалась жесткой и непропорциональной контрреакцией, что усиливает недоверие между властями и населением [8]. Тем не менее центральноазиатские государства остаются устойчивыми государственными образованиями с относительно стабильными институтами по обеспечению национальной безопасности, о чем свидетельствует Индекс слабости государства (Fragile State Index), основанный на отдельных индикаторах,

учитывающих внутривосточные и внешние факторы функционирования системы государственных институтов (см. рис. 7).

Казахстан из всех центральноазиатских стран обладает наиболее устойчивыми политическими, экономическими, социальными институтами. В то время как Кыргызстан и Таджикистан представлены как наиболее уязвимые к воздействию внешних и внутренних субъектов и угроз, влияющих на функционирование политической системы, государственных структур, развитие экономики и обеспечение национальной безопасности [5].

Влияние угрозы терроризма и трансграничного наркобизнеса ослабляет систему региональной безопасности в Центральной Азии. Так, за период 2020–2022 гг. согласно базе данных по мониторингу наркобизнеса Управления ООН по наркотикам и преступности наибольшее количество конфискованного опиума и героина в ЦАР приходится на Узбекистан из пяти постсоветских государств [7]. Воздействие терроризма на Центрально-Азиатский регион также сохраняется, о чем свидетельствуют данные Индекса глобального терроризма (Global Terrorism Index) за 2023 год.

Согласно данному индексу, в 2023 г. в Таджикистане (занявшем 69 место из 163 стран, что стало худшей позицией в рейтинге Индекса глобального терроризма среди пяти центральноазиатских государств), как и в Афганистане – основном источнике террористической угрозы в ЦА, отмечено улучшение ситуации, снижение уровня терроризма, оказывающего влияние на региональную систему международных отношений. В 2023 г. в Афганистане было зарегистрировано 119 смертей от терроризма, что на 81 % меньше, чем в 2022 году [6, р. 39]. В Казахстане, Кыргызстане и Туркменистане террористические

акты не зафиксированы и индекс имеет нулевое значение в отличие от Узбекистана и Таджикистана (см. рис. 8). Несмотря на временное снижение трансграничные вызовы и угрозы в современной Центральной Азии сохраняются, что не позволяет США проигнорировать меры, направленные на их минимизацию, и таким образом поддерживать основу для косвенного военно-политического присутствия США в регионе.

С одной стороны, США действительно выступают с позиции заинтересованности в укреплении системы региональной безопасности, так как стабильный внутривнутриполитический

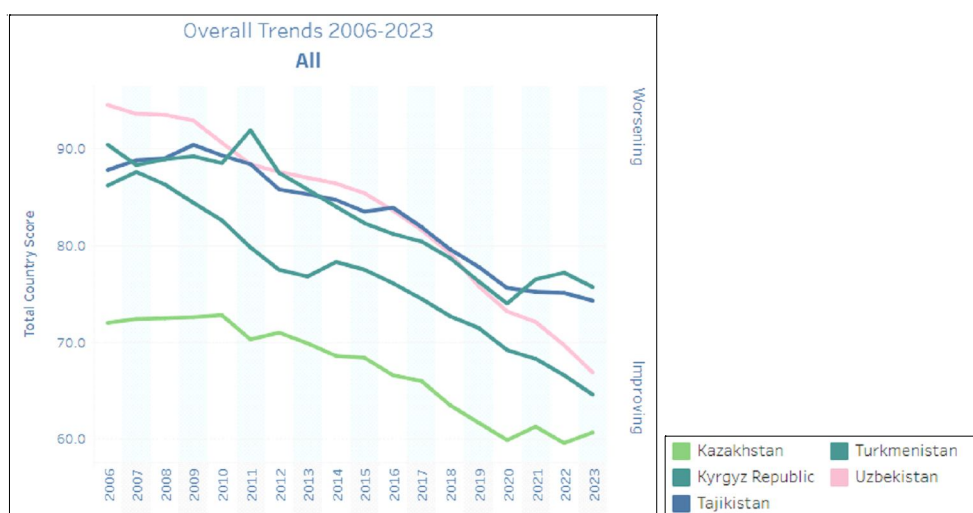


Рис. 7. Индекс слабости центральноазиатских государств, 2006–2023 гг. [5]

Fig. 7. The fragile state index for Central Asia, 2006–2023 [5]

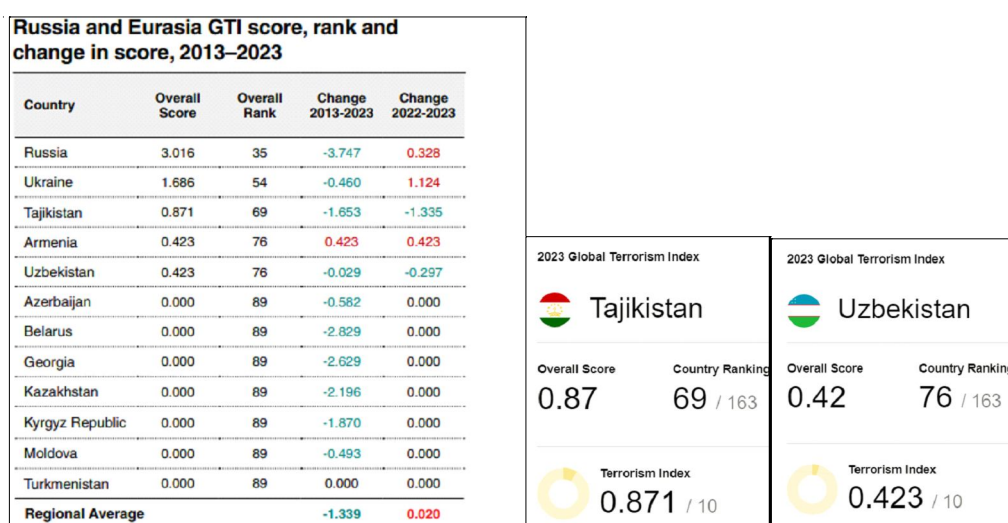


Рис. 8. Индекс терроризма в центральноазиатских государствах, 2023 г. [6, р. 38–39]

Fig. 8. The global terrorism index for Central Asia, 2023 [6, р. 38-39]

режим является благоприятствующим фактором для ведения экономической деятельности американских транснациональных корпораций в регионе. С другой стороны, внешнеполитическая стратегия сосредоточена на сохранении военного присутствия США, создавая конкуренцию влиянию России и Китая, последнего в большей степени. В США есть понимание того, что бывшие советские республики Центральной Азии в военно-политическом направлении связаны с Россией через их участие в ОДКБ и ШОС. Наряду с этим со стороны Китая есть предложения помощи в укреплении обороноспособности государств ЦАР и региональной безопасности через сотрудничество напрямую с КНР [9].

Результаты. На завершающем этапе президентского срока администрации Джо Байдена можно сделать вывод о том, что США сохранили приоритеты военного и экономического присутствия в Центральной Азии, несмотря на эвакуацию американских войск из Афганистана в 2021 году. Стабильной рассматривается приверженность укреплению партнерских отношений с центральноазиатскими государствами и попытка актуализации новых форматов сотрудничества посредством вовлечения стран региона в политический диалог. Продвижение прав человека и демократических институтов стало важной частью внешней политики администрации Байдена к Центральной Азии, хотя этот подход отличается от внешнеполитической линии Д. Трампа, которая не привела к серьезным политическим изменениям. Внешнеполитический дискурс представителей администрации Байдена строится вокруг понимания того, что США продолжают поддерживать усилия государств Центральной Азии по обеспечению их независимости, суверенитета и территориальной целостности, не ставя под сомнение легитимность постсоветских государств.

Военно-политические аспекты взаимодействия администрации Джо Байдена с государствами Центрально-Азиатского региона строятся на концептуальном и институциональном механизмах, заложенных предшественниками: международном формате «С5+1» и «Стратегии США для Центральной Азии на 2019–2025 гг.». Можно утверждать о сохранении преемственности формата «С5+1», реали-

зуемого в течение разноплановых по своему содержанию администраций трех американских президентов. Военно-политический аспект отношений США и государств Центрально-Азиатского региона перестал быть строго определяющим и постепенно сместился в сторону программ экономического развития и инвестиций. Как отмечает сотрудник Института США и Канады РАН Н.А. Гегелашвили, в каждой стране США рассматривают ситуацию на местах, стремясь найти самые «узкие места», а затем, выявив их, пытаются решать имеющиеся проблемы – сначала на уровне двухсторонних контактов, затем – на региональном уровне, что в значительной степени сказывается на успешной реализации политики Вашингтона в регионе [1, с. 119].

Перед администрацией Байдена не стоит задача полностью выйти на прежние военно-политические позиции в регионе, имевшиеся до вывода войск из Афганистана в 2021 году. Текущая цель направлена на сохранение, поддержание американского военно-политического присутствия в регионе, не наращивание его, учитывая сокращающиеся объемы субсидирования военных мер в ЦА, основой которых остаются программы обучения и подготовки (ИМЕТ) и иностранного военного финансирования (FMF). Учитывая, что трансграничные вызовы и угрозы региональной безопасности сохраняют свою актуальность для Центральной Азии, внешнеполитическая стратегия администрации Джо Байдена ориентирована в сторону экономики «мягкой» силы, а не «жесткой» военной.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Гегелашвили Н. Роль США и ЕС в Центральной Азии в новых геополитических реалиях // Россия и новые государства Евразии. 2023. № 2. С. 112–126. DOI: <https://doi.org/10.20542/2073-4786-2023-2-112-126>
2. Джоробекова А. Э., Троицкий Е. Ф., Юн С. М., Тимошенко А. Г. Региональная безопасность в Центральной Азии в условиях возвращения Талибов к власти: вызовы и угрозы, сценарии развития // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 4, История. Регионоведение. Международные отношения. 2023. Т. 28, № 3. С. 187–196. DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2023.3.17>

3. Узбекистан стремится к сотрудничеству в военной области. 22.12.2021. URL: <https://unipath-magazine.com/ru/узбекистан-стремится-к-сотрудничеству/>

4. Улитин И. Сотрудничество Казахстана и НАТО: от библиотек до совместных учений. 25.10.2023. URL: <https://orda.kz/sotrudnichestvo-kazahstana-i-nato-ot-bibliotek-do-sovmestnyh-uchenij-378177/>

5. Fragile State Index 2023. URL: <https://fragilestatesindex.org/comparative-analysis/>

6. Global Terrorism Index 2024: Measuring the Impact of Terrorism. Institute for Economics & Peace. February 2024. URL: <https://www.economicsandpeace.org/wp-content/uploads/2024/02/GTI-2024-web-290224.pdf>

7. Individual Drug Seizure Data (IDS) Dataset. URL: <https://dmp.unodc.org/downloadIDS>

8. Jones I., Rakhimshoeva Sh. Central Asia Needs a New Approach to Security. 09.03.2023. URL: <https://www.usip.org/publications/2023/03/central-asia-needs-new-approach-security>

9. Palmer J. Is China Replacing Russia in Central Asia? 23.05.2023. URL: <https://foreignpolicy.com/2023/05/23/china-central-asia-xi-xian-summit-russia-ukraine/>

10. Regional Cooperation 2022 Military Exercise Begins in Dushanbe. 10.08.2022. URL: <https://tj.usembassy.gov/regional-cooperation-22/>

11. Roy M. S. The US Strategy for Central Asia 2019-2025: Advancing a New Phase of Engagement // *Transitions in Post-Soviet Eurasia: Identity, Polity and Strategic Choices* / ed. by A. Upadhyay. Oxon: Routledge, 2022. 335 p. DOI: <https://doi.org/10.4324/9781003193418>

12. Stronski P. U.S. Foreign Policy Making in Central Asia. October 2023. URL: <https://crossroads-ca.org/wp-content/uploads/Stronski-eng.pdf>

13. The 2022 National Security Strategy. The White House. 12.10.2022. URL: <https://www.whitehouse.gov/wp-content/uploads/2022/10/Biden-Harris-Administrations-National-Security-Strategy-102022.pdf>

14. U.S. Foreign Assistance Data Set. 25.04.2024. URL: <https://www.foreignassistance.gov/>

15. U.S. Security Cooperation with Central Asia. U.S. Department of State. Bureau of Political-Military Affairs. 19.05.2021. URL: <https://www.state.gov/u-s-security-cooperation-with-central-asia/>

16. U.S. Strategy for Central Asia 2019–2025: Advancing Sovereignty and Economic Prosperity. 05.02.2020. URL: <https://tj.usembassy.gov/c51-programming/>

17. Ziegler Ch. E. U.S. Policy and Central Asia // *Routledge Handbook of Contemporary Central Asia* / eds. R. Isaacs, E. Marat. Oxon: Routledge, 2022. 478 p. DOI: <https://doi.org/10.4324/9780429057977-15>

REFERENCES

1. Gegelashvili N. Rol SShA i ES v Centralnoj Azii v novyh geopoliticheskikh realiyah [The Role of the USA and the EU in Central Asia in the New Geopolitical Realities]. *Rossiya i novye gosudarstva Evrazii*, 2023, no. 2, pp. 112-126. DOI: <https://doi.org/10.20542/2073-4786-2023-2-112-126>

2. Dzhorobekova A.E., Troitskiy E.F., Yun S.M., Timoshenko A.G. Regionalnaya bezopasnost v Tsentralnoy Azii v usloviyakh vozvrashcheniya Talibov k vlasti: vyzovy i ugrozy, stsennarij razvitiya [Regional Security in Central Asia After the Return of the Taliban to Power: Challenges and Threats, Scenarios]. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 4. Istoriya. Regionovedenie. Mezhdunarodnye otnosheniya* [Science Journal of Volgograd State University. History. Area Studies. International Relations], 2023, vol. 28, no. 3, pp. 187-196. DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2023.3.17>

3. *Uzbekistan stremitsja k sotrudnichestvu v voennoj oblasti* [Uzbekistan Seeks Cooperation in the Military Field], Dec. 22, 2021. URL: <https://unipath-magazine.com/ru/узбекистан-стремится-к-сотрудничеству/>

4. Ulitin I. *Sotrudnichestvo Kazahstana i NATO: ot bibliotek do sovmestnyh uchenij* [Cooperation Between Kazakhstan and NATO: From Libraries to Joint Exercises], Oct. 25, 2023. URL: <https://orda.kz/sotrudnichestvo-kazahstana-i-nato-ot-bibliotek-do-sovmestnyh-uchenij-378177/>

5. *Fragile State Index 2023*. URL: <https://fragilestatesindex.org/comparative-analysis/>

6. *Global Terrorism Index 2024: Measuring the Impact of Terrorism*. Institute for Economics & Peace, February 2024. URL: <https://www.economicsandpeace.org/wp-content/uploads/2024/02/GTI-2024-web-290224.pdf>

7. *Individual Drug Seizure Data (IDS) Dataset*. URL: <https://dmp.unodc.org/downloadIDS>

8. Jones I., Rakhimshoeva Sh. *Central Asia Needs a New Approach to Security*, 09.03.2023. URL: <https://www.usip.org/publications/2023/03/central-asia-needs-new-approach-security>

9. Palmer J. *Is China Replacing Russia in Central Asia?* 23.05.2023. URL: <https://foreignpolicy.com/2023/05/23/china-central-asia-xi-xian-summit-russia-ukraine/>

10. *Regional Cooperation 2022 Military Exercise Begins in Dushanbe*, 10.08.2022. URL: <https://tj.usembassy.gov/regional-cooperation-22/>

11. Roy M.S. The US Strategy for Central Asia 2019–2025: Advancing a New Phase of Engagement. Upadhyay A., ed. *Transitions in Post-Soviet Eurasia: Identity, Polity and Strategic Choices*. Oxon,

Routledge, 2022. 335 p. DOI: <https://doi.org/10.4324/9781003193418>

12. Stronski P. *U.S. Foreign Policy Making in Central Asia*, October 2023. URL: <https://crossroads-ca.org/wp-content/uploads/Stronski-eng.pdf>

13. *The 2022 National Security Strategy*. The White House, 12.10.2022. URL: <https://www.whitehouse.gov/wp-content/uploads/2022/10/Biden-Harris-Administrations-National-Security-Strategy-10.2022.pdf>

14. *U.S. Foreign Assistance Data Set*, 25.04.2024. URL: <https://www.foreignassistance.gov/>

15. *U.S. Security Cooperation with Central Asia*. U.S. Department of State. Bureau of Political-Military Affairs, 19.05.2021. URL: <https://www.state.gov/u-s-security-cooperation-with-central-asia/>

16. *U.S. Strategy for Central Asia 2019–2025: Advancing Sovereignty and Economic Prosperity*, 05.02.2020. URL: <https://tj.usembassy.gov/c51-programming/>

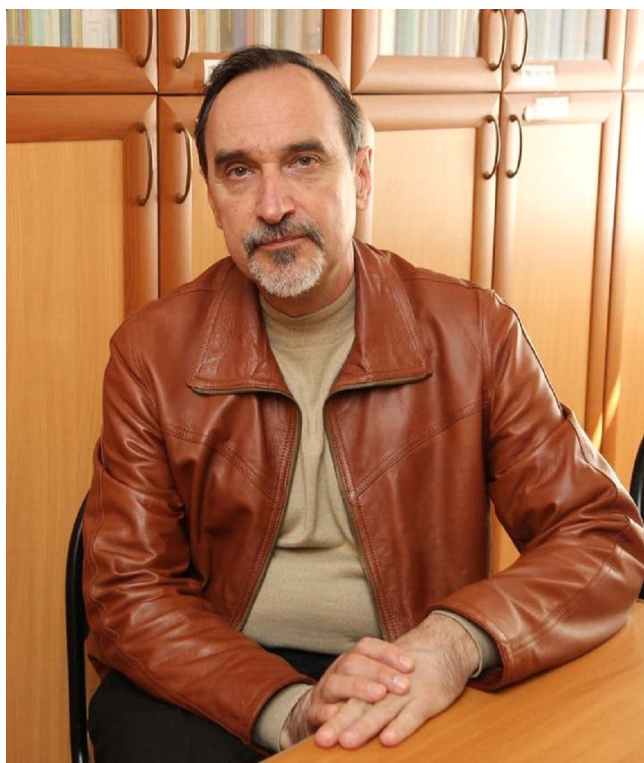
17. Ziegler Ch.E. U.S. Policy and Central Asia. Isaacs R., Marat E., eds. *Routledge Handbook of Contemporary Central Asia*. Oxon, Routledge, 2022. 478 p. DOI: <https://doi.org/10.4324/9780429057977-15>

Information About the Author

Liudmila M. Reshetnikova, Candidate of Sciences (History), Associate Professor, Department of History and International Relations, Volgograd State University, Prosp. Universitetsky, 100, 400062 Volgograd, Russian Federation, reshetnikova_lm@volsu.ru, <https://orcid.org/0009-0003-9509-3974>

Информация об авторе

Людмила Михайловна Решетникова, кандидат исторических наук, доцент кафедры истории и международных отношений, Волгоградский государственный университет, просп. Университетский, 100, 400062 г. Волгоград, Российская Федерация, reshetnikova_lm@volsu.ru, <https://orcid.org/0009-0003-9509-3974>



IN MEMORY OF NIKOLAY D. BARABANOV

ПАМЯТИ НИКОЛАЯ ДМИТРИЕВИЧА БАРАБАНОВА

Николай Дмитриевич Барабанов являлся выдающимся российским ученым-византинистом, специалистом по истории православной церкви и народной религиозности в средневековой Западной Европе, Византии и Руси. Вклад Николая Дмитриевича в развитие народного и духовного образования в Волгограде велик и высоко оценен Русской православной церковью, наградившей его орденом Святителя Макария, митрополита Московского (III степени).

Николай Дмитриевич родился 2 марта 1956 г. в городе Свердловске (ныне – Екатеринбург) в семье военного. В 1978 г. с отличием окончил Уральский государственный университет им. А.М. Горького (ныне – Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б.Н. Ельцина) по специальности «История». В этом же году поступил в аспирантуру к основателю Уральской школы византиноведения, выдающемуся советскому ученому М.Я. Сюзюмову. Он получил прекрасную профессиональную подготовку, овладел латинским, древнегреческим и 6 европейскими языками. 4 июня 1982 г. Н.Д. Барабанов с блеском защитил кандидатскую диссертацию по теме «Идейно-политическая борьба в Византии на рубеже XIII–XIV вв. (по данным писем патриарха Афанасия I)».

После окончания аспирантуры Николай Дмитриевич выбрал местом работы Волгоград, где всего год назад открылся новый в СССР классический университет. 1 декабря 1981 г. он поступил на должность ассистента формирующейся кафедры истории Волгоградского государственного университета, в 1982 г. он прошел избрание по конкурсу на должность старшего преподавателя, а спустя два года (1984 г.) – доцента кафедры всеобщей истории. В 1988 г. Н.Д. Барабанову было присвоено ученое звание доцента. Прошел научную стажировку в Кёльнском университете в семинаре профессора Петера Шрайнера.

В 90-х гг. XX в., будучи православным человеком, Николай Дмитриевич принял самое активное участие в создании Царицынского Православного университета и Царицынского Духов-

ного училища (ныне – Центр подготовки церковных специалистов Волгоградской епархии РПЦ), став одним из его преподавателей и проректором по учебной работе. Он трудился на этом поприще около 25 лет, совмещая с работой в ВолГУ.

Н.Д. Барабанов – автор 115 научных и научно-методических работ, его труды публиковались в крупнейших зарубежных и российских изданиях и высоко оценены коллегами. Он руководил исполнением одним из первых в России грантов «Средневековое Православие от прихода до патриархата» (1995–1997), являлся главным редактором ряда серийных изданий и сборников научных статей, посвященных истории Византии в целом и истории церкви в частности: «Средневековое Православие от прихода до патриархата» (2 выпуска, 1997–1998), «Мир Православия» (10 выпусков, 1997–2019), «Византия: общество и церковь» (2005), «Власть, общество и церковь в Византии» (2007), «Στρατηγός: сб. ст. в честь Владимира Васильевича Кучмы» (2008), «Πολεμολόγος: сб. ст. памяти профессора В.В. Кучмы» (2012). Выступал с научными докладами на профильных зарубежных, международных, российских и региональных научных конференциях.

В мае 2015 г. Н.Д. Барабановым была организована первая международная конференция по византистике в Волгограде под названием «Мир Православия. Византийская цивилизация и ее наследие», которая собрала в стенах ВолГУ и Царицынского православного университета большое количество специалистов из России и Европы по истории Византии и Византийской церкви. Проведение столь масштабного события в Волгограде привело сначала к публикации материалов конференции в рамках тематического номера «Вестника Волгоградского государственного университета. Серия 4, История. Регионоведение. Международные отношения», а затем и к рождению идеи ежегодно посвящать вопросам византиноведения один из тематических номеров этого журнала, бессменным выпускающим редактором которого являлся Н.Д. Барабанов. С 2015 г. по настоящее время византийский тематический номер «Вестника» издается под общей темой «Византийское общество: история, право, культура». Ничего этого не было бы без таланта, усердия и безмерного энтузиазма Н.Д. Барабанова. В этом году 10-й, юбилейный «Византийский Вестник» в последний раз выйдет под его редакцией.

Во второй половине 90-х гг. прошлого века Николай Дмитриевич увлекся работой по теме «Народная религиозность в Византии», по которой планировал написать научную монографию и защитить докторскую диссертацию. Работа потребовала много времени и сил, так как по различным вопросам и аспектам темы постоянно выходили публикации источников и литературы, которые он тщательно изучал. Полученные результаты историк постоянно апробировал в научных статьях и на международных и всероссийских конференциях. К сожалению, монография осталась незаконченной. Семья, коллеги, ученики планируют издать творческое наследие Николая Дмитриевича.

Много внимания Н.Д. Барабанов уделял учебно-методической работе. Особенно требователен он был к ученикам. Такие его качества, как строгость и требовательность, обеспечили высокий уровень защищаемых работ. Лишь немногие ученики Н.Д. Барабанова смогли пройти его школу и связать свою жизнь с наукой и преподаванием. Под его руководством защищены 3 диссертации на соискание ученой степени кандидата исторических наук.

В черные 2019–2021 гг. пандемия выкосила многих преподавателей, стоявших у истоков ВолГУ. Не прошла она мимо Николая Дмитриевича. У него обнаружилась смертельная болезнь. Он сражался с ней до конца. Подал документы для прохождения конкурса на должность доцента кафедры истории и международных отношений на следующие 5 лет. Несмотря на невыносимые боли, тяжелых болеутоляющих не принимал и стойчески, как искренне верующий человек, упорно трудился по принципу: «Вера и труд – все перетрут»! Накануне своего ухода он удаленно прочел лекцию для студентов-историков, а за три часа до смерти – проконсультировал двух дипломниц.

Ушел из жизни в расцвете сил прекрасный человек, надежный товарищ, высокий профессионал. Сложно смириться с этой утратой, но жизнь продолжается. Теперь сыновья и ученики Николая Дмитриевича «уходят в бой»! А его мы будем помнить!

Друзья, ученики и коллеги Н.Д. Барабанова

Миссия журнала «Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 4. История. Регионоведение. Международные отношения» – содействие коллаборации российского и международного профессионального сообщества в целях интернационализации исторической и политической наук.

Редакционная политика журнала направлена на публикацию статей, посвященных общим и частным проблемам истории Европы, Америки и России и вопросам политического развития современного мира. Редакция принимает к опубликованию рукописи, подготовленные в русле классических традиций и современных направлений исторической науки. Публикуемые статьи позволяют читателю увидеть тесную связь между историей и современным состоянием общества, показать различные взгляды профессионального сообщества на мировую и российскую историю. В журнале приветствуются междисциплинарные исследования и научные дискуссии по актуальным проблемам исторических и политических наук.

Цели журнала:

- публикация оригинальных исторических и политологических исследований, основанных на тщательном анализе источников и использовании классических или новых методологических подходов;
- ознакомление широкого круга исследователей с современными тенденциями и достижениями исторических и политических наук;
- содействие интеграции российской исторической науки в международное научное пространство;
- бережное отношение и критическое использование трудов и знаний, полученных историками прошлых лет, как российскими, так и зарубежными.



The mission of *Science Journal of Volgograd State University. History. Area Studies. International Relations* is to promote the collaboration of the Russian and international professional community with the aim to internationalize historical scholarship and political science.

Following the Editorial policy, the journal covers articles on general and specific problems of the history of Europe, America and Russia and on political development of the modern world. The Editors publish articles prepared in accordance with both classical traditions and modern trends in historical scholarship. The published articles let readers reveal the close connection between history and modern society, show different views of professional community on world and Russian history. The journal also seeks to transcend traditional disciplinary boundaries and foster academic discussions on a wide range of topical issues of historical scholarship and political science.

Purposes of the journal:

- to publish original historical and political research based on thorough source studies, traditional and new methodological approaches;
- to promote modern trends and advances in history and political science to a wide range of scholars;
- to foster the integration of Russian historical scholarship into the international academia;
- to respect and critically apply knowledge obtained by Russian and foreign historians of the past.

УСЛОВИЯ И ПРАВИЛА ОПУБЛИКОВАНИЯ СТАТЕЙ В ЖУРНАЛЕ

1. Редакционная коллегия журнала принимает к печати оригинальные авторские статьи.

2. Подача, рецензирование, редактирование и публикация статей в журнале являются бесплатными.

3. Авторство должно ограничиваться теми, кто внес значительный вклад в концепцию, дизайн, исполнение или интерпретацию исследования. Все они должны быть указаны в качестве соавторов.

4. Статья должна быть актуальной, обладать новизной, содержать постановку задач (проблем), описание основных результатов исследования, полученных автором, выводы. Представляемая для публикации статья не должна быть ранее опубликована в других изданиях.

5. Автор несет полную ответственность за подбор и достоверность приведенных фактов, цитат, статистических и социологических данных, имен собственных, географических названий и прочих сведений, за точность библиографической информации, содержащейся в статье.

6. В случае обнаружения ошибок или неточностей в своей опубликованной работе автор обязан незамедлительно уведомить об этом редактора журнала (или издателя) и сотрудничать с ним, чтобы отменить статью или внести в нее исправления.

7. Автор обязан указать все источники финансирования исследования.

8. Представленная статья должна соответствовать **принятым журналом правилам оформления**.

9. Текст статьи представляется по электронной почте на адрес редколлегии журнала (vestnik4@volsu.ru). **Обязательно** наличие сопроводительных документов.

10. Полнотекстовые версии статей, аннотации, ключевые слова, информация об авторах на русском и английском языках размещаются в **открытом доступе (Open Access)** в Интернете.

Отправка автором рукописи статьи и сопроводительных документов на e-mail редакции vestnik4@volsu.ru является формой **акцепта оферты** на принятие договора (публичной оферты) предоставления права использования произведения в периодическом печатном издании «Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 4. История. Регионоведение. Международные отношения».

Редколлегия приступает к работе со статьей после получения всех сопроводительных документов по электронной почте. Решение о публикации статей принимается после рецензирования. Редакция оставляет за собой право отклонить или отправить представленные статьи на доработку. Переработанные варианты статей рассматриваются заново. Среднее количество времени между подачей и принятием статьи составляет восемь недель.

Подробнее о процессе подачи, направления, рецензирования и опубликования научных статей см.: <https://hfrir.jvolsu.com> (раздел «Для авторов»).

CONDITIONS AND RULES OF PUBLICATION IN THE JOURNAL

1. The Editorial Staff of the Journal publishes only original articles.

2. The submission, reviewing, editing and publication of articles in the journal are free of charge. No author fees are involved.

3. Authorship should be limited to those who have made a significant contribution to the conception, design, execution, or interpretation of the reported study. All those who have made significant contributions should be listed as co-authors.

4. An article must be relevant and must include a task (issue) statement, the description of main research results and conclusions. The submitted article must not be previously published in other journals.

5. The author bears full responsibility for the selection and accuracy of facts, citations, statistical and sociological data, proper names, geographical names, bibliographic information and other data contained in the article.

6. If the author discovers a significant error or inaccuracy in his/her own published work, it is the author's obligation to promptly notify the journal editor or publisher and cooperate with the editor or publisher to retract or correct the article.

7. The author must disclose all sources of the financial support for the article.

8. The submitted article must comply with the **journal's format requirements**.

9. Articles should be submitted in electronic format only via e-mail vestnik4@volsu.ru. The author **must** submit the article accompanied by cover documents.

10. Full-text versions of published articles and their metadata (abstracts, key words, information about the author(s) in Russian and English) are available in the **Open Access** on the Internet.

Submitting an article and cover documents via the indicated e-mail vestnik4@volsu.ru the author **accepts the offer** of granting rights (public offer) to use the article in *Science Journal of Volgograd State University. History. Area Studies. International Relations* printed periodical.

The Editorial Staff starts the reviewing process after receiving all cover documents by e-mail.

The decision to publish articles is made after reviewing. The Editors reserve the right to reject or send submitted articles for revision. Revised versions of articles are reviewed repeatedly.

The review usually takes 8 weeks.

For more detailed information regarding the submission, reviewing, and publication of academic articles, please refer to the journal's website <https://hfrir.jvolsu.com/index.php/en/> (section "For Author").

Science Journal of Volgograd State University. History. Area Studies. International Relations
is indexed by:



ISSN 1998-9938. Вестн. Волгогр. гос. ун-та. Сер. 4, Истори. Регионовед. Междунар. отнош. 2024. Том 29. № 3. 1–259.